

63.3(44p)/52

568

5 68

3-ФР

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Луи Бланъ

ИСТОРИЯ
ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1789 года

ТОМЪ IV

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1908

СКОЙ

И

57241н.

63.3(47р)52

редкие

9(М)3-Фр

783245

Б 68

Блан Луи

История Французской
революции 1789 года. Т.

4.

1908

783245

м/ф

р.ф.

63.3/440/52 2(10)3
68



ОГЛАВЛЕНІЕ

ГЛАВА I.

Видъ Европы.

СТРАН.

572914

Французская революція въ ея отношеніяхъ съ Европой.—Воцареніе Фридриха-Вильгельма II. — Герцбергъ въ Пруссіи. — Портретъ Питта.—Голландскіе патриоты и штатгальтеръ.—Гаррисъ въ Гаагѣ; его интриги; ихъ успѣхъ; штатгальтеръ, поддерживаемый Англіей, остается побѣдителемъ, — Голландія потеряна для патриотовъ и для Франціи. — Англо-прусская лига. — Екатерина II и Потемкинъ.—Романическое путешествіе императрицы въ Херсонъ.—Герцбергъ мутитъ всю Европу.—Турки вступаютъ въ войну противъ соединенныхъ Россіи и Австріи; чередованіе военныхъ неудачъ; вооруженная авантюра Густава III; взятіе Очакова: владѣнія Іосифа II подверглись опустошенію.—Вторженіе повсюду новаго духа.—Волненія въ Польшѣ. — Рекламации Венгрии.—Возстаніе въ Брабантѣ.—Эти complicации позволяютъ французской революціи расти, но вскорѣ послѣдняя становится единственнымъ предметомъ озабоченности королей.—Протестъ нѣмецкихъ князей, имѣющихъ владѣнія въ Эльзасѣ, противъ декретовъ 4 августа; *conclusum*.—Іосифъ II; его смерть.—Происхожденіе коалиціи.—Леопольдъ, преемникъ Іосифа, возбуждаетъ Пруссію противъ революціи.—Фридрихъ-Вильгельмъ II дѣлается игрушкой въ рукахъ *роллистскихъ иллюминатовъ*. — Кредитъ Герцберга поколебленъ.—Впечатлѣніе, произведенное революціей на англичанъ.—Бёркъ; Фоксъ; Шериданъ.—Важныя дебаты въ палатѣ общинъ о французской революціи.—Резюме

1

ГЛАВА II.

Замки горятъ.

Замки до революціи.—Ненависть деревни къ помѣщику и къ сборщику податей.—Мандренъ; что дѣлало его возможнымъ.—Крестьяне.—Нація.—Война замкамъ.—Война податнымъ конторамъ.—Контрабандисты, покровительствуемые населеніемъ.—Потворство муниципалитетовъ.—Что писали, передъ воротами замковъ, на висѣ-

лицахъ. — Пожары. — Воинственная графиня де-Монморанси. — Разбойники на жалованьи у контръ-революціи. — Убійство мэра въ Труа; кто были убійцы. — Возставшіе орлеанскіе виноградары. — Марсельскій прево Бурнисакъ. — Отголосокъ этихъ смуть въ Парижѣ. — Балы, кольтнопреклоненный передъ Людовикомъ XVI. — Предложенный королю новогодній національный подарокъ. — Благородная скромность Людовика XVI

30

ГЛАВА III.

Марать, бравирующей судилище Шатлэ.

Шатлэ. — Важность этого судилища; его злоупотребленія. — Политическій духъ Шатлэ. — Молодые чиновники въ портретахъ, нарисованныхъ барономъ Безанвалемъ. — Безанваль подъ надзоромъ Бурдона. — Враги революціи, судящіе враговъ революціи. — Поведеніе подсудимаго Безанваля. — Пристрастіе суда Шатлэ. — Таинственная записка Дюмурье къ Везанвалю. — Озлобленіе народа противъ Шатлэ. — Памфлетная война. — Шатлэ преслѣдуетъ Марата. — союзъ Шатлэ и парижской коммуны противъ Марата. — Дантонъ и клубъ Кордельеровъ принимаютъ сторону Марата. — Аббатъ Сійесъ и его законопроектъ противъ прессы. — Пикантные комментаріи Камилла Демулена. — Захватъ округа Кордельеровъ коммуной. — Толпа передъ домомъ Марата. — Страстное сочувствіе къ нему народа; грозное слово Дантона. — Марать спасенъ. — Глубина его роли

44

ГЛАВА IV.

Гражданская присяга.

Национальное Собраніе въ манежѣ Тюльерійскаго дворца. — Обидныя клички. — Настроенія *правыхъ* членовъ Собранія. — Уныніе королевы. — Чувства Людовика XVI въ эту эпоху. — Его письмо къ гротмейстеру Мальтійскаго ордена. — Совѣты Неккера. — Королевское засѣданіе 4 февраля; рѣчь короля; неописуемый энтузіазмъ; гражданская присяга, принесенная Собраніемъ и трибунами; членъ члена отказываются; виконтъ Мирабо домаетъ свою шпагу. — Балы на крыльцѣ ратуши. — Весь Парижъ приноситъ гражданскую присягу; провинція слѣдуетъ его примѣру. — Необыкновенное ликованіе. — Принесеніе присяги герцогомъ Шартрскимъ; герцогъ Орлеанскій присылаетъ свой присяжный листъ изъ Лондона. — Суровая рѣчь Лустало. — Казалось тщетно предлагать дать Людовику XVI диктатуру на три мѣсяца. — Зловѣщія предостереженія

55

ГЛАВА V.

Красная книга.

Народъ при старомъ режимѣ; его бѣдственное положеніе. — Существованіе *Красной книги*, открытое Камюсомъ. — Бодуенъ предлагаетъ

монахиями, религиозныя братства, десятины.—Король клерикаль-ныхъ легионовъ.—Исторія предложенія одного монаха республиканца.—Ночное собраніе епископовъ и дворянъ въ церкви Капудиновъ.—Бурное засѣданіе 13 апрѣля.—Виконтъ де-Мирабо и Кавалесъ, оскорбленные народомъ.—Аббатъ Мори, преслѣдуемый толпой до Анненской улицы, откуда онъ скрывается, переодѣтый солдатомъ.—Декретъ объ управленіи имѣніями духовенства.—Взглядъ на тогдашнюю полемику.—Памфлеты: «Завѣщаніе аббата Мори».—Засѣданіе 19 апрѣля.—Великолѣпная присяга.—Неудавшееся тайное собраніе.—*Умирающіе аристократы*.—Протестъ 297-ми.—Лютеранинъ Ротзамгаузенъ.—Отвѣтъ Талейрана отѣнскому капитулу.—*Архіерейскіе посохи*.—Сатирическая эрудиція Камилла Демулена.—Фанатизмъ въ провинціи.—*Картина, изображающая Гомею*, въ Аррасѣ.—Процессіи покаянниковъ въ Лангедоуѣ.—Часовня Роквильской Божіей Матери.—Посвященіе Франціи Пресвятой Дѣвѣ.—Акты сопротивленія.—Нимскіе лигеры: Фроманъ, Фолаше, Декомбе.—Заговоры въ церкви покаянниковъ.—*Декларация нимскихъ католиковъ*.—Прелюдіи гражданской войны въ Нимѣ.—Въ Монтобанѣ патеры и женщины; Бордо идетъ на Монтобанъ.—Сцены рѣзни, подготовленныя въ Нимѣ

116

ГЛАВА VIII.

Заговоры.

Военное соперничество въ Лиллѣ; начало гражданской войны.—Маркизъ де-Ливаро.—Взятіе фортовъ въ Марсели.—Убіенство кавалера де-Боссе.—Отголоски марсельской авантюры въ Монпелье, въ Сентъ-Эспри.—Смерть г. де-Буавенъ, въ Валансѣ.—Исторія заговора Мильбуа.—Боннъ Саварденъ; его арестъ; его допросъ.—Сомнамбулизмъ г-жи Леклеръ де Томассенъ.—Мистическій заговоръ.—Письмо Пресвятой Дѣвы къ Людовику XVI.—Характеръ этихъ интригъ и этихъ безразсудствъ; безсильные маневры контръ-революціи

142

ГЛАВА IX.

Организація судебной части.

Объ исторіи мысли.—Бергасъ, противникъ Бомарше.—Прекрасная рѣчь Бергаса объ организаціи судебной части.—Главный прокуроръ Дюдонъ; дѣло бордоскаго парламента.—Великія задачи, подлежащія разрѣшенію.—Докладъ Туре о судоустройствѣ.—Будетъ ли введенъ институтъ присяжныхъ засѣдателей? Рѣчь Дюпора; судъ присяжныхъ вотированъ по уголовнымъ дѣламъ.—Мнѣнія Дюпора, Барнава, Сьейса, Робеспьера, относительно института суда присяжныхъ въ гражданскомъ судопроизводствѣ.—Легисты въ Учредительномъ Собраніи.—Дебаты по вопросу о томъ, быть ли судамъ осѣдыми или разъѣзжающими; шутки К. Демулена; вопросъ рѣшенъ въ пользу постоянного пребыванія судовъ.—

Для чего нужны апелляціонные суды? — Несмѣняемость судей отвергнута.—Собраніе единогласно рѣшаетъ, что судьи должны быть избираемы народомъ.—Горичая борьба по поводу вопроса объ инвеститурѣ.—Казадесъ; его портретъ; его краснорѣчивыя декламаціи; рѣшеніе вопроса объ инвеститурѣ.—Институтъ прокурорскаго надзора.—Кассационный трибуналъ. — Коммерческіе суды.—Учрежденіе мировыхъ судей.—Послѣдовательные декреты объ организаціи различныхъ отраслей юстиціи.—Общій взглядъ на систему судоустройства.—Декретъ объ учрежденіи суда присяжныхъ.—Вѣрныя замѣчанія Лустало о необходимости единогласія, въ случаѣ осужденія.—Великое дѣло реорганизаціи судебной части совершено.

157

ГЛАВА X.

Страница изъ жизни Мирабо.

Роскошь, внезапно выказанная графомъ Мирабо.—Тайственное свиданіе въ отелѣ Шаро.—Нерасположеніе королевы къ Мирабо.—Секретное письмо Людовика XVI къ де Бомону.—Отвращеніе Невкера ко всякимъ попыткамъ подкупа.—Договоръ между Мирабо и дворомъ, заключенный при посредствѣ графа Ламарка; странныя и постыдныя условія; архіепископу тулузскому поручено заплатить долги Мирабо; обѣщаніе милліона этому послѣднему, если онъ будетъ хорошо служить королю; куда ему назначено 6000 ливровъ въ мѣсяцъ.—Дебаты о правѣ объявлять войну и заключать миръ.—Благородныя слова священника Жалле, Петиона.—Ропотъ въ Собраніи по поводу оскорбленія чувства челоувѣческой солидарности.—Мирабо высказывается за королевскую прерогативу.—Портретъ Барнава.—Политическая дуэль между Барнавомъ и Мирабо.—Барнава носятъ съ триумфомъ.—Народъ намѣчаетъ дерево, на которомъ будетъ повѣшенъ Мирабо.—Весь Парижъ раздражается угрозами и проклятіями вокругъ Собранія.—На улицахъ кричатъ *великая измѣна графа Мирабо!* Крайнія усидія краснорѣчія.—Вотумъ Собранія.—Маневры Мирабо.—Каждая партія приписываетъ побѣду себѣ.—Оцѣнка депутатомъ Лустало рѣшенія о правѣ войны и мира.—Общее броженіе; газеты, сжигаемыя среди улицы; охота на воровъ.—Озлобленіе общественнаго мнѣнія противъ Мирабо; К. Демуденъ осмѣиваетъ его, Флеронъ грозитъ ему повѣшеніемъ на фонарѣ.—Прекрасное предложеніе Мирабо по поводу смерти Франклина.—Непостижимая смѣсь низости и величія

181

ГЛАВА XI.

Кальвинисты въ Нимѣ.

Драгуны-волонтеры, красныя помпоны, лукотды.—Соперничество избирательнаго собранія и муниципалитета въ Нимѣ; клубъ *Друзей конституціи*.—День 13 іюня 1790 г. въ Нимѣ; гражданская

ства.—Необыкновенные результаты этого декрета.—Герцогъ Шартрскій (будущій король Луи-Филиппъ) охотно подчиняется этому постановленію; отчаяніе дворянъ.—Матье до Монморанси и Ривароль.—Ярость Мирабо.—Страшные комментаріи Камплла Демулена; Капетъ, сынъ нотаріуса.—Замѣчанія Неккера.—Возможенъ ли король безъ дворянства?

231

ГЛАВА XIV.

Мирабо передъ королевой.

Мирабо—совѣтникъ двора.—Его безсиліе въ этой роли.—Онъ публично выступаетъ защитникомъ своего брата.—Усиленіе недовѣрія въ публикѣ.—Нападки «*Orateur du peuple*»; *старшинство преступленій*.—Мирабо въ оцѣнкѣ Фрерона.—Мирабо старается привлечь къ себѣ Лафайета, и тайнѣ дискредитируетъ его; онъ рекомендуетъ двору маркиза де Булье.—Окончательный разрывъ между Мирабо и Лафайетомъ.—Письмо герцога Орлеанскаго къ Людовику XVI, въ которомъ онъ извѣщаетъ короля о своемъ возвращеніи изъ Лондона.—Сенсація, произведенная въ публикѣ.—Испугъ двора.—Дворъ спрашиваетъ совѣта у Мирабо; послѣдній совѣтуетъ допустить возвращеніе герцога; почему?—Буанвиль, посланный Лафайетомъ къ герцогу Орлеанскому.—Необычайное удостоеніе, требуемое отъ Ла Луверна, французскаго посла въ Лондонѣ.—Мирабо внезапно проникается удивленіемъ къ королевѣ.—Неожиданное сообщеніе, сдѣланное «*Orateur du peuple*» *Алетофиломъ*.—Мирабо и дю Сальянъ на дорогѣ въ Сень-Клу.—Первый вспоминаетъ о герцогѣ Гизѣ.—Мирабо въ Сень-Клу

243

ГЛАВА XV.

Въ предвидѣніи великаго будущаго.

Всеобщее стремленіе къ единству отечества и царству братства.—Федерация на равнинѣ Этуаль, въ Монтелимарѣ, въ Валансѣ.—Присяга бретонцевъ.—Трогательное страсбургское празднество.—Лионцы вокругъ *храма Согласія*; г-жа Роланъ.—Корсиканцы и гренобльцы. Тожество чувствъ въ разнообразіи эмблемъ.—Участіе женщинъ въ федерационномъ движеніи; естественное королевское достоинство старика повсюду признается; примиреніе враждующихъ культотъ у колыбели дѣтей.—Рамой для этой великолѣпной картины служила природа; союзный договоръ шотландскихъ пресвитеріанъ, подписанный въ тавернѣ: насколько геній Франціи отличенъ отъ генія Англии.—Парижъ, увлеченный въ вихрь федераций.—Письмо Манюеля.—Лафайетъ, Сійесъ, Талейранъ, Мирабо, Паоли, правдующіе въ Пале-Роялѣ годовщину 17 іюня; Балли, увѣнчанный дамами рынка въ клубѣ 89 года.—Существенно космополитическій геній Франціи.—Портретъ Анахарсиса Клоотца.—Его письмо къ Вѣрку.—Клоотцъ предъ Национальнымъ Собраніемъ.—Тревоги.—Прибытіе герцога Орлеанскаго

изъ Лондона; его визитъ королю; пріемъ, оказанный ему при дворѣ.—Среди общаго увлеченія мрачное настроеніе Марата.—Весь Парижъ на Марсовомъ полѣ; новая теорія *привлекательнаго труда*, реализованная въ обширномъ масштабѣ.—Конфедераты въ Парижѣ.—Конфедераты во дворцѣ.—День 14 іюля 1790 года; его историческое значеніе

256

КНИГА ПЯТАЯ.

ГЛАВА I.

Неутомимая контръ-революція.

Почему революція, вначалѣ снисходительная, стала неутомимой.—Побѣгъ Воннъ-Савардена.—Контръ-революція на границахъ.—Секретные переговоры Леопольда съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ.—Состояніе Брабанта.—Тревожные крики Фрерона.—Ловкій манифестъ Леопольда.—Партія *фонкистовъ*.—Генераль Вандермершъ, покинутый своими солдатами.—Тревога якобинцевъ въ Парижѣ.—Пресса, угрожаемая преслѣдованіемъ; заключеніе Фрерона въ тюрьму; К. Демуленъ вынужденъ отказаться отъ своихъ словъ.—Памфлетъ: *Мы пропали!*—Странная полемика между Камилломъ и Маратомъ.—Малуэ доноситъ на того и на другого.—Безплодная война суда Шатле противъ герцога Орлеанскаго и Мирабо.—Герцогъ Орлеанскій въ подозрѣніи у Марата.—Дуэль Барнава и Казалеса; принципъ поединка осужденъ революціонной печатью; строгое сужденіе Лустало.—Аббатъ Бармонъ предъ судомъ Національнаго Собранія.—Странныя сцены насилія.—Герцогъ Орлеанскій и Фрондвиль.—Заключеніе

289

Историческіе документы

315

Луи Бланъ.—Исторія французской революціи.

ГЛАВА I.

Видъ Европы.

Французская революція въ ся отношеніяхъ съ Европой.—Воцареніе Фридриха-Вильгельма II.—Герцбергъ въ Пруссіи.—Портретъ Питта.—Голландскіе патріоты и штатгальтеръ.—Гаррисъ въ Гаагѣ; его интриги; ихъ успѣхъ; штатгальтеръ, поддерживаемый Англіей, остается побѣдителемъ.—Голландія потеряна для патріотовъ и для Франціи.—Англо-прусская лига.—Екатерина II и Потемкинъ.—Романическое путешествіе императрицы въ Херсонъ.—Герцбергъ мутитъ всю Европу.—Турки вступаютъ въ войну противъ соединенныхъ Россіи и Австріи; чередованіе военныхъ неудачъ; всоруженная авантюра Густава III; взятіе Очакова: владѣнія Іосифа II подверглись опустошенію.—Вторженіе повсюду новаго духа.—Волненія въ Польшѣ.—Рекламаціи Венгріи.—Возстаніе въ Брабантѣ.—Эти complicаціи позволяютъ французской революціи расти, но скорѣ послѣдняя становится единственнымъ предметомъ озабоченности королей.—Протестъ нѣмецкихъ князей, имѣющихъ владѣнія въ Эльзасѣ, противъ декретовъ 4 августа; *conclusum*.—Іосифъ II; его смерть.—Происхожденіе коалиціи.—Леопольдъ, преемникъ Іосифа, возбуждаетъ Пруссію противъ революціи.—Фридрихъ-Вильгельмъ II дѣлается игрушкой въ рукахъ *роялистскихъ иллюминатовъ*.—Кредитъ Герцберга поколебленъ.—Впечатлѣніе, произведенное революціей на англичанъ.—Бёркъ; Фоксъ; Шериданъ.—Важные дебаты въ палатѣ общинъ о французской революціи.—Резюме.

Во всѣхъ исторіяхъ французской революціи существуетъ странный пробѣлъ. Кажется, что, ослѣпленные и какъ бы очарованные зрѣлищемъ преобразующейся Франціи, историки не видѣли ничего, не знали ничего о томъ, что происходило вокругъ нея, какъ въ ту эпоху, когда революція еще только приближалась, такъ и позднѣе, когда, полная силы, величественная и грозная, она разразилась чудесами.

Такъ, положеніе различныхъ европейскихъ державъ въ 1789 г., внѣшнія событія, съ которыми была связана это безсмертное событіе, усилія голландскихъ патріотовъ, возстаніе въ Брабантѣ, колебанія политики, внезапное сближеніе самыхъ непріязненныхъ другъ къ другу властителей, испугъ государей-философовъ на краю пропасти, которую открывала философія, появленіе коалиціи, наконецъ и прологъ, гдѣ появились великія

фигуры Иосифа II, Екатерины II, Питта, Герцберга,— все это, какъ бы съ общаго согласія, было отодвинуто въ тѣнь. А между тѣмъ французская революція не родилась непримѣтной и одинокой; она не росла среди всеобщаго молчанія, въ пустомъ пространствѣ исторіи. Напротивъ, именно потому, что она произошла изъ необычайнаго стеченія обстоятельствъ, произведенныхъ всѣми вѣками и всѣми народами, дѣйствіе ея и было такъ могущественно на судьбы земного шара. Въ этомъ и состоялъ ея доминирующій характеръ: не примѣтитъ этого характера значило не понять революціи.

Поэтому надо сказать, возвращаясь за нѣсколько лѣтъ назадъ, среди какихъ событій произошло это безпримѣрное событіе и каковы были, къ этому торжественный часъ исторіи, первыя содроганія Европы.

Когда во Франціи открылись генеральные штаты, прошло уже почти три года съ кончины Фридриха II, который оставилъ своему преемнику прославленную имъ и тяжелую корону. Преемникомъ этимъ былъ Фридрихъ-Вильгельмъ II, тотъ самый, который, какъ Агамемнонъ современныхъ королей, долженъ былъ первый вступить въ гомерическую войну государей противъ революціи и открыть дорогу во Францію ихъ арміямъ.

При извѣстіи о смерти Фридриха, онъ поѣхалъ въ Потсдамъ, велѣлъ свести себя къ останкамъ великаго челоуѣка и долго созерцалъ ихъ съ задумчивымъ видомъ... Въ первое время новый король показалъ себя справедливымъ. Онъ уплатилъ должные еврею Ефраиму двѣсти тысячъ талеровъ; даровалъ свободу хлѣбный торговлѣ; заботился о несчастныхъ; украшалъ себя девизомъ своего ордена (Чернаго Орла) *sum cuique*,—девизомъ, къ которому поляки по законной мести прибавили, послѣ раздѣла, слово *rapuit*¹⁾. Но вскорѣ появились два указа, возвѣстившіе новому духу присутствіе врага. Одинъ изъ этихъ указовъ подчинялъ мысль духовной цензурѣ; другой осуждалъ на молчаніе тѣхъ деистовъ, тѣхъ натуралистовъ, тѣхъ философовъ, которымъ такъ иокровительствовалъ покойный монархъ. Пруссія тогда начала тревожиться: стало ясно, что Фридрихъ II умеръ!

Былъ 1786 годъ, и Европа въ ту эпоху казалась спокойной. Однако, паденіе въ Голландіи штатгальтерства, преслѣ-

¹⁾ L. P. Ségur, *Tableau historique et politique de l'Europe*, t. I, p. 60, 3 édit; Paris, 1786.

двумя патриотами, озлобленіе турокъ противъ русскихъ и сопротивление бельгийцевъ преждевременнымъ реформамъ Іосифа II, уже волновали поверхность политическаго моря.

Къ тому же были въ то время два человѣка, способныхъ поджечь мѣръ: это былъ Герцбергъ въ Пруссіи и Вильямъ Питтъ въ Англіи.

Дѣло, которое Фридрихъ II совершилъ своимъ мечомъ, Герцбергъ освятилъ своимъ перомъ. Высокомѣрный, непреклонный и тщеславный, обладавшій недюжиннымъ умомъ, онъ стремился всякими путями, свѣтлыми или темными, къ осуществленію своихъ смѣлыхъ замысловъ, и сердце его было способно къ сильнѣйшей ненависти. Желаніе ослабить Австрію воспламеняло его кровь. Не видя, не желая никого въ Германіи, кромѣ Пруссіи, онъ сначала пытался лишить вѣнскаго кабинета поддержки версальскаго двора. Зная, что Людовикъ XVI не любитъ Іосифа II и что Верженнъ, тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ, принадлежитъ по традиціямъ къ анти-австрійской политикѣ, политикѣ Генриха IV, Ришлье, Мазарини, Людовика XIV, Герцбергъ склонилъ Фридриха-Вильгельма II написать французскому королю, и въ то же время барону Гольцу, прусскому посланнику въ Парижѣ, было поручено воздѣйствовать на Верженна ¹⁾. Но французскій дипломатъ имѣлъ душу, которую поочередно наполняли и понижали заботы вульгарнаго честолюбія. «Я далъ обѣтъ умереть министромъ» ²⁾, часто говорилъ онъ; эта мысль дѣлала его неспособнымъ бравировать австрійскія симпатіи Маріи-Антуанеты. Такъ какъ Верженнъ отвѣтилъ съ рассчитанной осторожностью на авансы Пруссіи, то отвѣтъ этотъ вызвалъ у Герцберга раздраженіе, смѣшанное съ презрѣніемъ. Онъ распространялъ вокругъ себя испытанное имъ чувство досады и злобы и старался поддерживать и развивать его; онъ держалъ принца Генриха, дядю прусскаго короля, вдали отъ дѣлъ за то, что тотъ любилъ Францію; такъ же поступалъ онъ и въ отношеніи герцога Брауншвейгскаго, знаменитаго воина, который изъ военнаго честолюбія командовалъ прусскою арміею противъ французовъ, но симпатіи котораго были на сторонѣ Франціи. Послѣдствія были весьма важны,

¹⁾ *Mémoires tirés des papiers d'un homme d'Etat*, t. I, p. 58, Paris, 1831.

²⁾ Soulavie, *Mémoires historiques et politiques du règne de Louis XVI*, t. V, p. 4, 1801.

ибо, по свидѣтельству одного историка-дипломата: «не подлежит сомнѣнію, что если бы Фридрихъ - Вильгельмъ II слѣдовалъ совѣтамъ герцога Брауншвейгскаго, то Пруссія не предприняла бы противъ французской революціи войны, которую она вела безъ успѣха и окончила безъ славы»¹⁾).

Сдѣлавшись такимъ образомъ нашимъ врагомъ, Герцбергъ круто повернулся въ сторону Англій, гдѣ тогда во главѣ правительства стоялъ Вильямъ Питтъ.

Сынъ Чагата и наслѣдникъ его славы, наставляемый почти съ дѣтства въ наукѣ государствовѣдѣнія однимъ изъ учителей этой горькой науки, членъ палаты общинъ въ двадцать одинъ годъ, канцлеръ казначейства въ министерствѣ Шельборна въ двадцать три года²⁾, первый лордъ казначейства въ двадцать четыре года³⁾, Питтъ дѣйствительно былъ, какъ о немъ говорилъ лордъ Нортъ: *молодой человекъ, рожденный министромъ*⁴⁾. Жизнь его, не имѣвшая весны и которой не суждено было имѣть осени, рано узнала муки страсти, единственной у него, сильной, пожирающей, неумолимой: властолюбія. Она обнаруживалась, эта страсть, которую ничто не могло укротить, въ его суровой фізіономіи, въ обычномъ искаженіи его лица, въ его жестѣ, полномъ мрачнаго достоинства, въ своего рода машинальной озабоченности, поглощавшей его до такой степени, что онъ часто ходилъ съ разинутымъ ртомъ⁴⁾, въ его глубокомъ голосѣ, наконецъ и въ его краснорѣчій, замѣчательномъ логикой, авторитетностью, гордой ироніей, но дѣланномъ, монотонномъ, холодномъ въ сущности, какъ заученная роль, исходившемъ изъ головы, а не изъ сердца. Стиль его Уиндгамъ называлъ канцелярскимъ (a state paperstyle), и даже писатели, наиболѣе хвалившіе его ораторское искусство, сознаются, что это былъ талантъ замѣчательнаго актера, но все-таки актера⁵⁾. Неумолимая тиранія господствующаго порока! Хорошія качества, ко-

¹⁾ L. P. Ségur, *Tableau historique et politique de l'Europe*, t. I, p. 68.

²⁾ *British history chronologically arranged*, p. 668, 5 édit., London, MDCCCLVII.

³⁾ Питтъ вступилъ въ министерство Шельборна въ іюль 1782 г. и замѣнилъ, какъ *премьеръ*, коалиціонное министерство Фокса и Норта въ декабрѣ 1783 г. См. *British chronology*, p. 522, 527.

⁴⁾ *British chronology*, p. 670.

⁵⁾ *Historical sketches of statesmen*, by lord Brougham, vol. II, p. 17. London, 1845.

торами Питтъ обладалъ—и у него были такія,—онъ приберегалъ на черный день. Онъ былъ простъ въ обращеніи, добродушенъ, даже веселаго нрава... украдкой. Но, какъ общественный дѣятель, онъ устроилъ себѣ искусственное, существованіе, ледяное, суровое, исполненное грызущими желаніями. Его добродѣтели были испорчены его властолюбіемъ: оно измѣнило его смѣлость въ непредусмотрительность, его настойчивость въ упрямство, его сдержанность въ скрытность, въ притворство. Оно довело его до противодѣйствія принципамъ вигской революціи 1688 г., которые онъ самъ исповѣдывалъ. Оно побудило его идти къ премьерству по тѣламъ своихъ благороднѣйшихъ друзей, попираемыхъ ногами. Оно заставило его опуститься до позора терпѣть, въ теченіе восемнадцати лѣтъ его жизни, торгъ африканскими невольниками, разбой, внушавшій ему ужасъ ¹⁾. Чтобы потрясти парламентъ, чтобы возбуждать по своему желанію общественное мнѣніе, чтобы держать своихъ соперниковъ раздавленными подъ собой, ему нуженъ былъ рычагъ. Какой же рычагъ былъ выбранъ его честолюбіемъ? Война, война безпощадная, война всеобщая, война съ единственной цѣлью: уничтоженія французской революціи. Этимъ онъ подвергалъ свое отечество опасности истощенія, обремененія, даже въ случаѣ успѣха, громаднымъ долгомъ; но этимъ онъ прибрѣталъ вѣрное средство ослаблять своихъ соперниковъ, Фоксовъ, Шеридановъ, сторонниками иностранныхъ государствъ ²⁾; онъ обращалъ въ свою пользу все, что сердце Англіи могло содержать враждебнаго къ намъ. Это, слѣдовательно, просто по холодному расчету честолюбца Питтъ готовъ былъ зажечь всемірной пожаръ.

Первые удары были нанесены французской революціи Питтомъ и Герцбергомъ на сѣверѣ, въ семи Соединенныхъ провинціяхъ.

Послѣ двухъ упраздненій штатгальтерства, изъ которыхъ первое обезсмертило Яна де Витта, званіе это было тамъ, около половины XVIII в., опять восстановлено въ лицѣ Вильгельма IV. Но эта высокая должность, объявленная тогда наслѣдственной и бывшая въ сущности лишь замаскированной королевской властью, не могла долго нравиться республиканскимъ душамъ: горячая ненависть вспыхнула вокругъ Оранскаго дома, и образовалась партія патріотовъ.

¹⁾ *Historical sketches of statesmen*, by lord Brougham, vol. II, p. 14.

²⁾ *Ibid.* p. 10.

Чтобы охарактеризовать возникшую борьбу, достаточно нѣсколькихъ словъ. Голландіи, какъ морской державѣ, нуженъ былъ флотъ, а не сухопутное войско. Принцу Оранскому, наоборотъ, нужна была сухопутная армія, а не морская сила. Этотъ антагонизмъ интересовъ сдѣлалъ между штатгальтеромъ и патриотами всякое соглашеніе невозможнымъ, и объясняетъ также, почему Англія такъ энергично выступила на защиту дѣла штатгальтера ¹⁾. Безспорное владычество на моряхъ было цѣной, за которую англичане продали свой союзъ правителю, который, съ своей стороны, принесъ величіе своей страны въ жертву желанію угнетать ее. Естественно, что, угрожаемые столь грознымъ иностраннымъ вмѣшательствомъ, патриоты, въ свою очередь, искали могущественной поддержки: они обратились къ Франціи, которая, въ видахъ чисто дипломатическихъ, поспѣшила отвѣтить на ихъ призывъ. Такимъ образомъ, французское правительство, бывшее тогда еще деспотическимъ, оказалось поддерживающимъ въ Гаагѣ республиканскую партію ²⁾, тогда какъ конституціонная Англія поддерживала тамъ деспотизмъ!

Впрочемъ, цѣль патриотовъ была не ниспровергнуть непосредственно институтъ штатгальтерства, но только заставить принца Оранскаго отказаться отъ управленія государствомъ и удалиться въ свои нѣмецкія владѣнія. Дѣти его были бы посланы во Францію, чтобы получить тамъ воспитаніе подъ руководствомъ рейнграфа Зальма ³⁾, а тѣмъ временемъ, по задуманному плану, вожди патриотической партіи, ставъ господами положенія, поставили бы государство на истинно республиканскія основы.

Борьба была еще глухая и скрытая, хотя и глубокая, когда представителемъ Англіи въ Гаагѣ явился сэръ Джемсъ Гаррисъ, впоследствии графъ Мальмсбюри (Malmesbury). Предоставимъ ему самому нарисовать свой портретъ, опредѣлить свою миссію и раскрыть, какъ онъ понималъ ее:

«Остается разсмотрѣть, не возвысится ли наконецъ народъ

¹⁾ L. P. Ségur, *Tableau historique et politique de l'Europe*, t. I, p. 106, 107.

²⁾ См. что говоритъ Сулави о толчкѣ, данномъ республиканской оппозиціи Лавогіономъ во время его посольства въ Гаагѣ, съ 1776 по 1783 г. *Mémoires historiques et politiques du règne de Louis XVI*, t. V p. 26.

³⁾ *Diaries and correspondence of J. Harris, edited by his grandson*, vol. II, p. 167. London, 1844.

этой страны до признанія своего положенія и не произведетъ ли онъ, посредствомъ *возстанія, того, что можетъ быть произведено только путемъ возстанія*. Если этого не случится, мы должны будемъ постараться низвести эту страну въ состоянiе *совершенною ничтожества*, что было бы всего выгоднѣе для Англiи, такъ какъ, очевидно, лучше уничтожить эту республику, чѣмъ оставить ее въ нынѣшнемъ ея видѣ»¹⁾.

Вотъ что Гаррисъ, по прибытіи своемъ въ Гаагу, писалъ маркизу Кармартенъ, министру иностранныхъ дѣлъ въ министерствѣ Питта. Возволновать Голландiю, чтобы сдѣлать ее англійской или уничтожить ее—таково было первое и послѣднее слово его мисси.

Только, находя, что голландскій народъ питаетъ очень враждебныя чувства къ Англiи, онъ присовокупилъ въ другой депешѣ:

«Намъ нужно казаться совершенно спокойными, и наши операціи здѣсь должны быть производимы втихомолку, съ величайшими предосторожностями».

Гаррисъ блистательно исполнилъ этотъ планъ, гдѣ потребовалось столько коварства и ловкости, чтобы прикрыть замыслы о насильственномъ переворотѣ. Очень интересенъ его собственный разсказъ, содержащійся въ его дипломатической корреспонденціи, объ его обществѣ съ актуаріусомъ Фегелемъ, объ его интригахъ въ отношеніи патріотовъ, объ его подпольныхъ стараніяхъ посѣять тревогу или раздоръ и приготовить мятежь, о всѣхъ его проискахъ и козняхъ. «Я замѣтилъ, писалъ онъ, мальчика-факельщика, который усердно свѣтилъ мнѣ каждый разъ, когда я вечеромъ выходилъ изъ дому,—хотя у меня были свои два факела,—и это совершенно безкорыстно, такъ какъ онъ никогда не спрашивалъ платы или какого-нибудь вознагражденія. Но такъ какъ здѣсь не могутъ себѣ представить, чтобы дворянинъ вставалъ ранѣе *восьми часовъ* и отправлялся гулять подъ дождемъ, въ коричневомъ сюртукѣ и круглой шляпѣ, то я устроился такъ, что исполняю всѣ мои таинственные дѣла прежде, чѣмъ они откроютъ глаза»²⁾.

Три энергичныхъ человѣка, тѣсно соединенные между собой

¹⁾ *Diaries and correspondence of J. Harris, ited by his grandson, vol. II, p. 79. Extract of a despatch from sir James Harris to the marquis of Carmarthen.*

²⁾ *Ibid., p. 86. Letter to the marquis of Carmarthen.*

единствомъ цѣли и наслѣдники политики Барневельдта, столь успѣшно продолженной Яномъ де Виттомъ, управляли движеніемъ партіи патріотовъ. Это были: Беркель, пенсіонеръ Амстердама, Зеebergенъ, пенсіонеръ Гарлема, и Гейслаеръ, пенсіонеръ Дор-трехта. Гаррисъ пустилъ въ ходъ все свое искусство, чтобы побороть ихъ законное преобладающее вліяніе: онъ успѣлъ привлечь на сторону Англіи ванъ-деръ-Спигеля, пенсіонера провинціи Зеландіи, и черезъ него возстановилъ эту провинцію ¹⁾ противъ провинціи Голландіи, гдѣ господствовало вліяніе патріотическаго тріумвирата. Онъ помѣшалъ, обойдя принцессу Оранскую, успѣху стараній французскаго посла Мальбуа убѣдить ее не компрометировать дѣла ея дѣтей, которое патріоты отличали отъ дѣла принца ²⁾. Онъ побуждалъ штатгальтера, высокоомѣрие котораго казалось ему не достаточно дѣятельнымъ и нерѣшительность котораго раздражала его ³⁾, ничего не уступать изъ своихъ прерогативъ, отклонять всякую попытку примиренія ⁴⁾. Это значило подвергать принца, противъ котораго существовали жалобы, основательность которыхъ не отрицалъ и самъ Гаррисъ ⁵⁾, опасности испытать трагическую участь Карла I; это значило подвергать страну опасности страшныхъ потрясеній... И англійскій дипломатъ хорошо зналъ это, такъ какъ онъ писалъ: «Я убѣжденъ, что власть не можетъ быть вырвана изъ рукъ Беркеля, Зеebergена и Гейслаера иначе, какъ посредствомъ конвульсіи, которая потрясетъ государство до самаго основанія ⁶⁾».

Онъ предвидѣлъ, слѣдовательно, катастрофу, и столь ужасную, что прибавилъ: «Одному Богу извѣстно, въ какомъ положеніи она оставитъ республику!» ⁷⁾ И тѣмъ не менѣе онъ работалъ надъ этимъ. Отсюда обостреніе отношеній, приготовленія къ нападенію или оборонѣ, смуты, раздувшія долго тлѣвшую подъ пепломъ искру гражданской войны. Наступленіе этой войны было возвѣщено отмѣной исключительной привилегіи, которую присвоилъ себѣ штатгальтеръ, проходить или проѣзжать черезъ сѣверныя ворота дворца, чтобы отправиться въ залу штатовъ.

¹⁾ *Diaries and correspondence of Harris etc., Extract of a despatch*, p. 162

²⁾ *Ibid.* vol. II, p. 149.

³⁾ *Ibid.*, p. 99.

⁴⁾ *Ibid.*, p. 150.

⁵⁾ *Ibid.*, p. 182.

⁶⁾ *Ibid.*, p. 85.

⁷⁾ L. P. Ségur, *Tableau historique et politique de l'Europe*, p. 110.

Когда депутатъ Гейслаеръ дерзнулъ первый направить своего коня этой дорогой, онъ едва не заплатилъ за это жизнью среди вспыхнувшего мятежа, въ возбъжденіи котораго серьезные историки формально обвиняютъ принца Оранскаго ¹⁾). Тогда штаты Голландіи были безвозвратно потеряны для патриотовъ и для Франціи; при помощи золота и интригъ было вызвано возмущеніе среди подонковъ населенія; города Гаттемъ и Эльбургъ были заняты войсками; жители ихъ разбѣжались, оставивъ побѣдителю лишь угрюмую пустыню ²⁾).

Таково было положеніе Соединенныхъ провинцій, когда Герцбергъ рѣшилъ подавить тамъ, въ согласіи съ Англіей, французское вліяніе. Тщетно Эстерно, французскій министръ въ Берлинѣ, пытался подѣйствовать на прусскаго короля и склонить его къ умѣренности; тщетно Рейневаль, посланникъ въ Гаагѣ, добился согласія штатовъ на уступки, которыя могли бы прекратить распрю,—англійское правительство косо смотрѣло на мѣсто, занимаемое, нравственно, въ Голландіи Франціей, уже пользовавшейся столь распространеннымъ вліяніемъ, Франціей, побѣдоносной въ Америкѣ, находившейся въ дружбѣ съ Испаніей, въ союзѣ съ Австріей и не имѣвшей соперниковъ въ Константинополѣ. Благодаря Джемсу Гаррису, примирительныя попытки французской дипломатіи не имѣли успѣха; предложенія патриотовъ были высокомерно отвергнуты, и война вспыхнула. Негодующіе голландскіе республиканцы повсюду формируютъ вольныя дружины, штаты объявляютъ союзъ расторгнутымъ, почва колеблется, Голландія становится полемъ битвы.

Оставалось только воспользоваться этимъ охватившимъ страну безпорядкомъ, чтобы сразить республиканцевъ: Гаррисъ, поддерживаемый Герцбергомъ, котораго вдохновлялъ въ Берлинѣ искусный англійскій дипломатъ Эвартъ ⁴⁾), задумалъ употребить въ дѣло мечъ Пруссіи. Принцесса Оранская была сестра Фидриха-Вильгельма II, которой ниталь къ ней нѣжную привязанность, о чемъ было извѣстно Гаррису: въ эту сторону послѣдній и направилъ свои козни. Въ самый разгаръ смуты вдругъ узнаютъ, что принцесса Оранская поѣхала изъ Лoo въ Гаагу. Гаррисъ, присовѣтовавшій ей этотъ смѣлый шагъ, пред-

¹⁾ L. P. Ségur, *Tableau historique et politique d'Europe*, p. 113.

²⁾ *Ibid.* p. 117.

⁴⁾ «A minister of very extraordinary abilities». *Annual Register*, vol. XXXIII, p. 12.

видѣлъ и надѣялся, что побѣдка ея не совершится безпрепятственно, что принцесса будетъ задержана въ пути и разгнѣванный прусскій король не преминетъ отмстить за оскорбленіе, нанесенное его сестрѣ¹⁾. Успѣхъ увѣнчалъ эту хитро задуманную комбинацію. Принцесса Оранская дѣйствительно была задержана въ Вель-Слейсѣ военнымъ постомъ, и такъ какъ почтительное вниманіе, съ которымъ обходились съ ней, не смягчило гнѣвъ ея брата, разжигаемый Герцбергомъ, то двадцать тысячъ пруссаковъ двинулись на Голландію.

Повелъ ихъ герцогъ Брауншвейгскій, хотя и неохотно: онъ признавался впоследствии, что остановился бы въ своемъ походѣ, если бы увидалъ въ Живе нѣсколько французскихъ палатокъ. Къ несчастію, фатальный духъ нерѣшительности тяготѣлъ надъ политикой французскаго правительства, впрочемъ, парализованнаго въ ту эпоху, надо правду сказать, тысячью внутреннихъ затрудненій. Нерѣшительнаго Верженна, который всегда боялся, по его собственному выраженію, «впутать короля въ тяжбу», смѣнилъ тогда Монморэнъ, челоуѣкъ болѣе рѣшительный; но прогивовѣсомъ ему былъ Бриеннъ, сжимавшій Францію какъ въ тискахъ, мѣшавшій всякому набору войскъ, ставившій препятствія всему, что сколько-нибудь походило на энергичное дѣйствіе, не хотѣвшій ни за что на свѣтѣ прибавлять новыя къ существующимъ финансовымъ затрудненіямъ, за улаженіе которыхъ онъ такъ хвастливо взялся, несмотря на полную свою неспособность. Вотъ почему французское правительство, которое долгу чести обязывалъ спасти партію голландскихъ патріотовъ, и которое могло ее спасти, постыдно покинуло ее, или, вѣрнѣе сказать, показывало видъ, будто хочетъ помочь имъ, какъ только позволятъ обстоятельства. Но когда оно, наконецъ, отдало приказъ собирать армію, было уже поздно: герцогъ Брауншвейгскій занималъ уже Гаагу, и Гаррисъ могъ писать маркизу Кармартену, въ сентябрѣ 1787 г.: «Надѣюсь, милордъ, вы будете довольны моимъ поведеніемъ теперь. Я самъ удивленъ тѣмъ, что здѣсь происходитъ; когда подумаешь, что недѣлю тому назадъ мнѣ грозила опасность быть высланнымъ изъ Гааги, а теперь мнѣ стоитъ только кивнуть—и всѣ патріоты будутъ прогнаны... признаюсь, мнѣ это кажется настоящимъ волшебствомъ»²⁾.

¹⁾ *Annual register*, vol. XXXIII, p. 123.

²⁾ *Diaries and correspondence of J. Harrietc.*, t. II, p. 377.

Итакъ, восторжествовавшее штатгальтерство, Англія, ставшая владычицей людей, Пруссія, пріобрѣвшая уваженіе, Франція, задѣтая въ своей чести, и французская революція, лишенная, въ самомъ началѣ, поддержки, которую оказали бы ей голландскіе республиканцы,—вотъ что было дѣломъ интриги, подготовившей смѣлый и быстрый ударъ.

Эти результаты были дипломатически санкціонированы трактатомъ о тройственномъ союзѣ, заключеннымъ 13-го іюня 1788 г. штатгальтеромъ, Великобританіей и Пруссіей, трактатомъ фатальнымъ, который, создавая снова вліяніе Англии на континентѣ¹⁾, создалъ ей лишній поводъ бороться съ французской революціей.

Правда, въ это самое время, къ счастью для нея, Востокъ и Западъ увидѣли, что на ихъ границахъ вспыхнулъ обширный пожаръ, который, казалось, долженъ былъ отвлечь вниманіе королей отъ всякихъ волненій, происходящихъ или могущихъ произойти въ Парижѣ.

Послѣ кончины Петра III, престолъ царей заняла супруга его, Екатерина II, или, какъ ее называлъ принцъ де Линь, *Catherine le Grand*²⁾. Она имѣла голову гениальнаго мужчины, а сердце женщины, впавшей въ рабство наслажденія и жажды любви. Фаворитъ Потемкинъ хорошо понялъ секретъ этой двойственной натуры, и, пользуясь имъ, пріобрѣлъ власть надъ императрицей. Къ привязанности, наполовину романической, наполовину чувственной, которую ему оказывала Екатерина II, онъ сумѣлъ искусно присоединить обширные планы. При женщинѣ, которая не пугалась роли продолжательницы Петра Великаго, которая переписывалась съ Вольтеромъ, покровительствовала Дидро и желала славы быть философомъ, Потемкинъ не считалъ свою фортуна прочной, если не поручитъ какой-нибудь сильной страсти бодрствовать надъ прочностью ихъ любовной связи, и онъ прибѣгъ къ честолюбію. Онъ приучилъ царицу цѣнить въ немъ орудіе завоеваній Россійской имперіи. Онъ показывалъ ей заманчивую надпись: *здесь дорога въ Византію*³⁾. Онъ исполнялъ важную повинность при своей государынѣ, доставляя ей удовольствія, полныя высокихъ мыслей, и доводя

¹⁾ *Mémoires tirés des papiers d'un homme d'Etat*, t. I, p. 63.

²⁾ *Biographie universelle*.

³⁾ Villemain, *Cours de littérature française*, 16 leçon.

ее до того, что она соединяла заботы чисто мужской политики съ романомъ своихъ слабостей. Горячо восхваляя виды Петра Великаго на Турцію, Потемкинъ, сдѣлавшись первымъ министромъ, послалъ русскую армію завоевать Крымъ, и съ той поры не переставалъ держать взоръ Екатерины обращеннымъ къ Константинополю.

Вскорѣ проектъ изгнанія турокъ изъ Европы сдѣлался явнымъ, и многія обстоятельства указывали на его существованіе: интриги Россіи въ Египтѣ, ея вторженія въ Пелопонезъ, языкъ ея консуловъ въ Архипелагѣ, ея усилія побудить грековъ къ возстанію, имя Константинъ, данное одному изъ внуковъ императрицы, созданіе значительнаго флота въ Херсонѣ и Севастополѣ, наконецъ, путешествіе, то феерическое путешествіе, которое Екатерина II, по внушенію Потемкина, предприняла чрезъ свои обширныя владѣнія¹⁾.

Цѣль Потемкина, внушая эту мысль, была скрыть отъ императрицы печальныя реальности: истощеніе казны, напримѣръ, и бѣдствіе народа, среди котораго свирѣпствовалъ голодъ. Поэтому онъ старался опьянить Екатерину чувствомъ ея могущества. Вдоль всего пути, благодаря приказаннымъ приготовленіямъ, красовались обманчивыя картины поддѣльнаго благоденствія, все имѣло праздничный видъ; деревни выросли словно волшебствомъ на проѣздѣ императрицы, и на пространствѣ двухъ тысячъ верстъ, среди суроваго времени года, безчисленные костры разгоняли темноту дней²⁾. Это въ Херсонѣ лежалъ путь Екатерины, что придавало ея вояжу видъ триумфальнаго шествія, предназначеннаго къ прославленію, передъ глазами турокъ, прошлыхъ завоеваній, которыя предвѣщали новыя завоеванія. Возбужденіе было огромное въ Константинополѣ; и когда узнали, что императоръ австрійскій Іосифъ II пріѣхалъ въ Екатеринославъ на встрѣчу Екатеринѣ II и сопровождаетъ ее въ Крымъ, Европа не сомнѣвалась болѣе, что разгромъ Оттоманской имперіи былъ условленъ между дворами петербургскимъ и вѣнскимъ. Однако, ни тогъ, ни другой изъ этихъ дворовъ не былъ готовъ къ войнѣ, ибо у Россіи не было денегъ, а Австріи приходилось имѣть на рукахъ возставшій Брабантъ. И вотъ англо-прусская лига спустила съ цѣпи бурю, подстрекая ту-

¹⁾ *Annual register*, vol. XXX, p. 4—5.

²⁾ L. P. de Ségur, *Tableau historique et politique de l'Europe*, p. 87.

рокъ. Герцбергъ надѣялся чрезъ это создать Австріи смертельныя затрудненія, а Питтъ хотѣлъ поставить Францію въ альтернативу: либо утратить свое вліяніе въ Константинополь, если она покинетъ турокъ, либо лишиться выгоды своего торговаго трактата съ Россіей, если она будетъ ихъ поддерживать¹⁾.

Споръ, существовавшій тогда между Петербургомъ и Константинополемъ, заключался въ слѣдующемъ: Россія требовала, чтобы былъ допущенъ русскій консулъ въ портовомъ городѣ Варнѣ; чтобы султанъ отказался отъ всякихъ суверенныхъ правъ на Грузію; чтобы правители Молдавіи и Валахіи, которыхъ въ Европѣ называли князьями, были облечены наслѣдственной властью, т. е. почти независимой отъ Порты, и чтобы Бессарабія была присоединена къ Россійской имперіи. Съ своей стороны, Порты, хотя еще не высказалась открыто въ этомъ отношеніи, желала ни болѣе, ни менѣе, какъ возвращенія Крыма.

Абсолютная невозможность согласовать эти противоположныя претензіи, хорошо извѣстная политика Потемкина, честолюбіе Екатерины, національная ненависть турокъ къ русскимъ, — ненависть, къ которой магометанская религія примѣшивала свой фанатизмъ, все содѣйствовало обезпеченію успѣха коварному подстрекательству Пруссіи, дѣйствовавшей въ союзѣ съ Англіей. Одинъ инцидентъ ускорилъ вспышку ссоры. Подозрѣваемый въ измѣнѣ и угрожаемый опасностью потерять голову, Маврокордато, молдавскій господарь, бѣжалъ изъ Яссы и искалъ убѣжища на русской территоріи. Порты потребовала выдачи бѣглеца; Россія формально отказалась выдать его²⁾. Это былъ послѣдній уколъ, вызвавшій вспышку долго сдерживаемаго гнѣва: Турція открыла борьбу съ рѣшительностью и смѣлостью, удивившими всю Европу. Отъ Булгакова, російскаго посла въ Константинополь, потребовали, чтобы онъ подписалъ въ ту же минуту на представленной ему бумагѣ актъ о возвращеніи Крыма; онъ не могъ и не хотѣлъ согласиться на это требованіе, и, согласно обычаю, столь же несправедливому, какъ и противному правиламъ международнаго права, былъ, по приказанію падишаха, заключенъ въ Семибашенный замокъ, — мѣра насильственная, за которой тотчасъ же послѣдовало объявленіе войны Россіи³⁾. Уже

¹⁾ L. P. Ségur, *Tableau historique et politique de l'Europe*, p. 94—95.

²⁾ *Annual register*, vol. XXX, p. 7.

³⁾ L. P. Ségur, *Tableau historique et politique de l'Europe*, p. 95.

была собрана армія въ сосѣдствѣ Очакова, и циркулярное посланіе, обращенное къ семи классамъ милиціи, призывало всѣхъ турокъ становиться подъ священное знамя пророка, обѣщая тѣмъ, кого пощадить смерть, вѣнецъ героевъ, а тѣмъ, кого она пощадитъ, ореолъ святыхъ. Подъ вліяніемъ мрачнаго энтузіазма, повсюду солдаты словно выросли изъ земли. Мечети оглашались молитвой воина. Нѣкоторыя сцены неописуемаго эффекта увеличивали возбужденіе, охватившее Царьградъ. Буря принесла ему, какъ счастливое предзнаменованіе, русскій корабль, заблудившійся на Черномъ морѣ¹⁾. Отозванный изъ Египта, гдѣ онъ доканчивалъ укрощеніе мамелюковъ и откуда онъ привезъ сокровища, капуданъ-паша, старикъ великой души, вызвалъ своимъ присутствіемъ всеобщую радость. Представъ предъ своимъ повелителемъ, онъ сказалъ ему, что пришелъ предложить правому дѣлу силу, которую ему оставили долгіе годы, посвященные отечеству, и падишахъ, тронутый до слезъ, прижалъ къ своей груди²⁾ солдата, убѣленного среди опасностей. Итакъ жребій былъ брошенъ: на рубежѣ двухъ міровъ завязалась борьба, борьба на жизнь и смерть.

Когда въ Петербургѣ узнали о дерзости враговъ, на которыхъ дотолѣ привыкли смотрѣть съ презрѣніемъ, былъ моментъ остолебѣнія. Какъ разъ въ это время шла рѣчь о проектѣ союза между Франціей, Россіей и Австріей. Проектъ этотъ, еще окруженный тайной, имѣлъ цѣлью утишить страсти, которыя англо-прусская лига старалась разжигать, и если бы онъ былъ осуществленъ, быть можетъ, была бы сохранена жизнь миллиону людей, которые погибли въ этой страшной войнѣ турокъ съ русскими. Екатерина II все-таки соглашалась на предложенный планъ; но когда одинъ изъ служащихъ при графѣ Остерманѣ разоблачилъ секретъ, Фразеръ, англійскій повѣренный въ дѣлахъ въ Петербургѣ, тотчасъ же извѣстилъ объ этомъ депешей, отправленной съ чрезвычайнымъ курьеромъ³⁾. Гердбергъ, знавшій о внутреннихъ затрудненіяхъ французскаго правительства, рѣшился тогда напугать ее вооруженіями Пруссіи и успѣлъ въ этомъ. Франція вошла въ соглашеніе съ Англіей о взаимномъ отреченіи отъ своихъ претензій и ограничила свое уча-

¹⁾ *Annual register*, vol. XXX, p. 14—15.

²⁾ *Ibidem*.

³⁾ L. P. Ségur, *Tableau historique et politique de l'Europe*, p. 139.

стіе къ туркамъ предложеніями посредничества, робость которыхъ показала Дивану подозрительной и которая, будучи далеко ниже того, чего ожидали отъ дружественной націи, потерпѣли неудачу ¹⁾.

Первыя усилія турокъ были началомъ ряда бѣдствій. Неустрашимая дружина, предводительствуемая энтузіастомъ, по имени Шейхъ-Мансуръ, достигла только того, что обогрела своей кровью новыя границы російской имперіи. Гассанъ-Бей, впрочемъ, опытный морякъ, сдѣлалъ бесполезную прогулку вдоль Чернаго моря, за которую, по возвращеніи въ Стамбуль, заплатилъ своей головой, въ то время какъ турецкій гарнизонъ Очакова былъ изрубленъ русскимъ гарнизономъ Кинбурна. Къ довершенію всѣхъ бѣдъ, Юсіфъ II, въ своемъ болѣзненномъ нетерпѣніи быть провозглашеннымъ великимъ человекомъ, хотѣлъ вознаградить себя въ качествѣ полководца за свои неудачи въ качествѣ законодателя, и безъ всякаго предлога, присоединивъ свои знамена къ знаменамъ Россіи, двинулъ свои арміи на Востокъ. Такимъ образомъ, предоставленные собственнымъ силамъ, покинутые Европой, покинутые Франціей, несчастные турки должны были вести борьбу противъ двухъ самыхъ могущественныхъ націй міра.

Другіе расскажутъ, или рассказали ²⁾, какъ Молдавія была завоевана Румянцевымъ и Кобургомъ; какъ Юсіфъ II, сражаясь лично, взялъ штурмомъ городъ Шабацъ; какъ русская эскадра была разбита на Балтійскомъ морѣ; какъ въ концѣ 1788 г., послѣ десяти-мѣсячной осады, Потемкинъ овладѣлъ Очаковымъ. Страшная трагедія! Болѣзни унесли въ могилу двѣ трети осаждавшей арміи. Ожесточенные солдаты взбунтовались, требуя, чтобы предпринять былъ штурмъ и чтобы онъ былъ страшный и былъ послѣдній. Городъ былъ взятъ въ этомъ порывѣ ярости; его подвергли разграбленію и залили потоками крови. Даже дѣти, убѣжище которыхъ открывали, были безжалостно убиваемы. Три дня послѣ побѣды русскіе еще продолжали избиеніе. Въ мою задачу не входитъ рассказывать объ этой войнѣ, гдѣ дисциплина такъ жестоко доказала свое превосходство надъ храбростью и гдѣ оттоманы чудесами героизма могли только

¹⁾ *Annual register*, vol. XXX, p. 23—24.

²⁾ Интересныя подробности объ этой войнѣ, но представленныя съ явнымъ пристрастіемъ, находимъ въ XXX томѣ *Annual register*, гл. I, II и III.

обезсмертитъ свое безсиліе. Достаточно будетъ напомнить здѣсь, что прежде, чѣмъ начался этотъ злополучный рядъ кагастрофъ, которыми была отмѣчена кампанія 1789 г., турки заставили Австрію дорого заплатить за ея несправедливое нападеніе. Юсифъ II увидѣлъ свою собственную страну опустошенной, своихъ подданныхъ убитыми или обращенными въ рабство, ихъ очаги разрушенными. И съ той поры въ его сердце закралась меланхолія, отъ которой только смерть должна была излечить его¹⁾.

Тѣмъ временемъ Герцбергъ повсюду сѣялъ раздоръ; Густавъ III, король шведскій, затѣялъ войну съ Россіей, смѣлымъ нападеніемъ угрожалъ Петербургу, затѣмъ, угрожаемый, въ свою очередь, опасностью, укрылся за посредничество англо-прусской лиги; Венгрія волновалась изъ-за своихъ старинныхъ привилегій и въ тайнѣ, подстрекаемая прусскимъ посланникомъ Лукезини, поддерживаемымъ англичаниномъ Гельсомъ, готовилась свергнуть иго Австріи; мужчины тамъ стали одѣваться въ старинный національный костюмъ, а дамы обрѣзали себѣ волосы и вышивали поясы для воиновъ²⁾. Это еще не все: въ австрійскихъ Нидерландахъ вспыхнуло возстаніе. Юсифъ II, котораго коснулась зараза философіи, не жаловалъ патеровъ, особенно не любилъ ихъ господства. Съ высоты своего императорскаго трона онъ дерзнулъ объявить войну суетвѣрію, всемогущему въ Брабантѣ; но такъ какъ онъ неосторожно задѣлъ религіозные предразсудки, и такъ какъ стремительность его реформъ вынудила его дѣйствовать деспотически, чтобы ускорить ходъ прогресса, то духовенство Нидерландовъ легко могло соединить дѣло своего угрожаемаго вліянія съ дѣломъ публичныхъ свободъ и національной независимости. Патеры побуждали къ сопротивленію, ханжи Лувена заволновались, патриоты Брюсселя схватились за оружіе, и, по странной ироніи судьбы, Юсифъ II имѣлъ противъ себя, въ качествѣ короля, тотъ самый новый духъ, которому онъ думалъ служить противъ патеровъ.

Такъ, подъ разными видами и всякими путями распростра- нялся по Европѣ этотъ новый духъ, который, выйдя изъ Фран-

¹⁾ *Joseph II peint par lui-même*, съ историч. очеркомъ жизни этого государя, составленнымъ Puy, Брюссель, 2 изд. 1823 г.

²⁾ См. подробности въ *Tableau de l'Europe*, par L. R. Ségur, p. 160 и сл.

ці, далъ Іспаніі Кампоанеса и Аранду, Португаліі Помбала, Англіі Фокса, и представителемъ котораго даже подъ сводами Ватикана была блуждающая тѣнь отравленнаго Ганганелли. И это въ то самое время, когда, пораженные слѣпотой, кабинеты преслѣдовали свою систему взаимныхъ захватовъ, себядлюбиваго соперничества, интригъ, раздоровъ, вооруженной борьбы. Припомнимъ состояніе Европы въ 1789 году: Екатерина II и Іосифъ II вели истребительную войну противъ турокъ; англо-прусская лига сѣяла смуту въ дипломатическомъ мірѣ; Швеція была приведена въ движеніе честолюбіемъ Густава III; Венгрія спрашивала у австрійцевъ отчетъ о своихъ привилегіяхъ; Польша требовала обратно свою независимость; Брабантъ былъ охваченъ возстаніемъ; Герцбергъ и Питтъ все перевернули вверхъ дномъ... Сколько осложненій!

5724111
Но наступилъ моментъ, когда для королевъ и ихъ министровъ стала одна забота, одна мысль, одна злоба, одна боязнь. Во всей Европѣ какъ бы зажглась внезапная грозная иллюминація, когда узнали о паденіи Бастиліи, бѣгствѣ графа д'Артуа, измѣнѣ или безсиліи солдатъ, объ октябрскихъ дняхъ и наконецъ о памятныхъ трудахъ Учредительнаго Собранія. Кабинеты начали тогда понимать опасность своихъ раздоровъ и стали сближаться. Съ своей стороны, аристократическіе интересы, которымъ угрожали новыя идеи, забили тревогу, особенно въ Германіи, на которую французская революція оказало свое первое матеріальное дѣйствіе.

Одинъ изъ знаменитыхъ декретовъ 4 августа 1789 г. задѣлвалъ многихъ духовныхъ и свѣтскихъ князей этой имперіи, имѣвшихъ владѣнія въ Эльзасѣ, Франшъ-Конте и Лотарингіи. Депутаты Верхне-Рейнскаго округа, собравшіеся во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, приняли въ январѣ 1790 г. резолюцію (conclusum), приглашавшую императора и германскій союзъ оказать государствамъ, дворянству и духовенству имперіи защиту противъ произвольныхъ актовъ Національнаго Собранія¹⁾. Іосифъ II принялъ это ходатайство, и, въ свою очередь, король прусскій, какъ имперскій государь, послалъ своему министру въ Регенсбургѣ рескриптъ, повелѣвающій защищать нарушенные интересы нѣмецкихъ владѣтелей²⁾. Послѣднимъ было предложено приличное

1) *Mémoires tirés des papiers d'un homme d'Etat.*

2) *Ibidem.*



вознагражденіе, но высококомѣрно отвергнуто ими: нѣмецкіе князья требовали восстановленія ихъ владѣльческихъ правъ¹⁾. Тутъ былъ первый зародышъ разрыва между германскими государями и французской революціей.

Разрывъ этотъ сдѣлало неизбѣжнымъ и ускорило его одно событіе, которое, впрочемъ, всѣ предвидѣли съ нѣкотораго времени.

15 декабря 1789 г. на улицахъ Парижа раздался крикъ: «Побѣда! побѣда!» Разнесся слухъ, что опустошенный, обгаренный кровью, подвергнутый опустошенію солдатами австрійскаго генерала Альтона, Брабантъ, въ послѣднемъ отчаянномъ усиліи, низвергъ императорское господство. Альтонъ бѣжалъ, преслѣдуемый съ одной стороны герцогомъ Арембергомъ, съ другой—генераломъ ванъ-деръ-Мершемъ; Брюссель былъ во власти патриотовъ²⁾.

При извѣстии о потерѣ Бельгій, Іосифъ II носилъ уже смерть въ себѣ: этотъ ударъ отдался въ глубинѣ его души, какъ окончательный приговоръ судьбы. Уже нѣсколько мѣсяцевъ у него замѣчался крайній упадокъ духа. Во время своего послѣдняго пребыванія въ Люксембургѣ, онъ однажды вечеромъ, послѣ очень серьезнаго разговора, сказалъ: «Если захотятъ украсить мою могилу эпитафіей, то она должна быть такая: «Здѣсь лежитъ Іосифъ II, который былъ несчастливъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ»³⁾.

Чувствуя, что жизнь уходитъ, и, выслушавъ докладъ о томъ, что приказано служить молебны объ его выздоровленіи, онъ воскликнулъ: «Знаю это, но знаю также, что часть моихъ подданныхъ не любитъ меня»⁴⁾. Подъ гнетомъ этой горькой мысли онъ поспѣшилъ, пока еще было время, дать венгерцамъ то, чего они домогались, именно: восстановленіе ихъ старинныхъ привилегій; возвращеніе въ Пресбургъ венгерской королевской короны, которая была перевезена въ Вѣну послѣ смерти Маріи-Терезіи; право ношенія національнаго костюма и составленія либо на венгерскомъ, либо на латинскомъ языкѣ всякаго рода публич-

¹⁾ *Histoire parlementaire de la Révolution française*, par Buchez et Roux, t. IV, p. 51.

²⁾ *Annales patriotiques*.

³⁾ *Joseph II peint par lui-même*, p. 16.

⁴⁾ *Ibid.*, p. 17.

ныхъ актовъ¹⁾. Онъ хотѣлъ знать, сколько часовъ ему осталось жить, и когда лейбъ-медикъ Кваринъ объявилъ, что не только конецъ его близокъ, но что онъ будетъ внезапный, Иосифъ великодушно наградилъ его подаркомъ въ десять тысячъ флориновъ за этотъ мужественный отвѣтъ. Съ этого торжественнаго момента онъ явилъ ясность духа героя. Умъ его, какъ свѣтильникъ, горящій на порогѣ вѣчности, не переставалъ бодрствовать и работать. Съ изумительной энергіей онъ уладилъ тысячу сложныхъ работъ. Занятый мыслью о дорогихъ ему людяхъ, онъ пожелалъ видѣть передъ смертью эрцгерцогиню Елизавету, тогда беременную, и, опасаясь, чтобы смертельная блѣдность его лица не произвела слишкомъ тягостнаго впечатлѣнія на молодую принцессу, онъ распорядился, чтобы освѣщеніе во время этого визита состояло изъ одной свѣчи-ночника, помѣщенной въ самомъ дальнемъ углу кровати. Но когда Елизавета вошла въ траурную комнату, когда она услышала дрожащій голосъ своего дяди, она упала безъ чувствъ и ее пришлось унести. Нѣсколько дней спустя, Иосифъ II, самъ собиравшійся умирать, узналъ, что его любимая племянница скончалась. При этомъ извѣстїи онъ не проронилъ ни слова и спряталъ лицо, чтобы скрыть послѣднія слезы, которыя ему пришлось пролить. Онъ оживился, чтобы подумать о будущности своихъ друзей и своихъ слугъ, чтобы уплатить свои долги признательности, чтобы проститься со всѣми. Своей дрожащей рукой онъ дотронулся до руки храбраго генерала Лаудона. Фельд-маршалу Ласси онъ написалъ: «Вспоминайте обо мнѣ!» 20 февраля 1790 г., который былъ послѣднимъ днемъ для него, онъ усиливался подписать восемьдесятъ бумагъ; на четырнадцатой перо выпало у него изъ руки... Призванный духовникъ принялся читать молитвы. Умирающій императоръ усердно слушалъ ихъ; вдругъ онъ сказалъ: «Довольно: эта книга не пригодится мнѣ больше». Дѣйствительно, она не пригодилась ему больше²⁾.

Иосифъ II былъ рожденъ съ душой болѣе высокою, чѣмъ его геній. Велико было его могущество, но оно всегда оказывалось слишкомъ малымъ для его желанія. Слава, миражъ, обманывающій столько горделивыхъ натуръ, постоянно привлекала

¹⁾ *Annual register*, vol. XXXIII, p. 5.

²⁾ Болѣе полныя подробности можно найти въ книгѣ Puy: *Joseph II peint par lui-même*.

и обманывала его. Такова была судьба этого достойнаго сожалѣнія героя, что, въ своемъ рвеніи основать свободу, онъ превратился въ тирана и что, будучи по натурѣ справедливымъ, совершалъ иногда вопіющія несправедливости, какова, напри- мѣръ, война противъ турокъ. Слишкомъ быстро пустившись по трудному пути реформъ, онъ такъ усердно насилывалъ будущее, что настоящее ускользало отъ него. Все, что онъ предпринималъ для блага своихъ подданныхъ, эти подданные, охваченные страхомъ, возвращали ему въ формѣ возмущеній. Такъ что онъ угасъ, полный разочарованій въ своихъ благихъ стремленіяхъ, безутѣшный въ своей исчезнувшей мечтѣ, подавленный, разби- тый. Истинно великаго въ немъ было только желаніе.

Какое положеніе занялъ бы этотъ необыкновенный человекъ въ отношеніи французской революціи? Несомнѣнно только то, что кончина его, такъ сказать, открыла эру коалицій. Леопольдъ, братъ и преемникъ Іосифа II, какъ только увидѣлъ себя главой австрійскаго дома, тотчасъ же сосредоточилъ все свое вниманіе на Парижѣ. Революція въ то время являлась тамъ въ своемъ импонирующемъ видѣ. Новый императоръ былъ испуганъ ея успѣхами и думалъ только о томъ, чтобы заставить и другіе дворы Европы раздѣлять его испугъ.

Онъ, впрочемъ, находилъ въ этомъ большія выгоды для себя. Положеніе дѣлъ, оставленное ему въ наслѣдство Іосифомъ II, было очень трудное: ему нужно было вернуть подъ свою власть Нидерланды, успокоить Венгрію, заключить съ Портой миръ, котораго требовало истощеніе его имперіи. Самымъ вѣрнымъ средствомъ для него преодолѣть столько complicацій было сбли- зиться съ Пруссіей, указавъ ей какъ на общаго врага, противъ котораго необходимо бороться, на французскую революцію¹⁾. Нужно было только узнать, расположенъ ли король прусскій къ примиренію для подобной цѣли, и Леопольдъ вскорѣ получилъ на этотъ счетъ удовлетворительныя извѣстія²⁾. Онъ узналъ, черезъ своихъ агентовъ, что положеніе Герцберга, бывшаго до- толѣ душой прусской политики, начало колебаться подъ уда- рами фаворитовъ короля и его любовницъ. Ибо, не довольствуясь тѣмъ, что далъ господствовать самымъ низкимъ куртизанкамъ надъ испорченностью своего сердца, Фридрихъ-Вильгельмъ II

¹⁾ *Mémoires tirés des papiers d'un homme d'Etat*, t. I, p. 82.

²⁾ *Ibidem*.

дошелъ до того, что сдѣлался игрушкой въ рукахъ нѣсколькихъ безсовѣстныхъ духовидцевъ. Въ противоположность сектѣ иллюминатовъ-революціонеровъ¹⁾, Германія произвела секту иллюминатовъ-роялистовъ, во главѣ которой состоялъ Бишофсвердеръ. Эти мистики овладѣли умомъ короля прусскаго посредствомъ странныхъ сценъ, то вызывая передъ нимъ Иисуса Христа и Моисея, то, посреди ужина, показывая ему обрисовавшуюся на стѣнѣ тѣнь Юлія Цезаря²⁾. Съ однимъ изъ авторовъ этихъ печальныхъ комедій, явнымъ соперникомъ Герцберга, Леопольдъ и вошелъ въ соглашеніе. Баронъ фонъ-Штильманъ, конфиденціальный посредникъ князя Кауница, былъ посланъ къ Бишофсвердеру, и все было приготовлено, чтобы измѣнить направленіе прусской политики, низвергнуть Герцберга и забвеніемъ раздоровъ, существовавшихъ между королями, соединиться въ лигѣ противъ французской революціи³⁾.

Что происходило въ Англіи въ это время? Взоромъ, пристально устремленнымъ на Францію, она съ глубокимъ волненіемъ слѣдила за уносившимъ насъ движеніемъ. Не будучи еще въ состояніи хорошо измѣрить силу этихъ могучихъ ударовъ, она смутно чувствовала, что они потрясутъ міръ и сильно отзовутся въ ней самой. Между тѣми, кого всеобщая свобода считала своими поклонниками, былъ неописуемый восторгъ. 5 ноября 1789 г. митингъ, происходившій подъ предѣлательствомъ Стэнгопа, вотировалъ адресъ Національному Собранію Франціи, чтобы привѣтствовать возрожденіе этой страны; въ диссидентской капеллѣ *Old Jewry* д-ръ Прайсъ произнесъ краснорѣчивую рѣчь о событіяхъ, которыя мысль его связывала съ будущимъ счастьемъ человеческого рода⁴⁾. Но то, что у однихъ порождало надежду, приводило другихъ въ содроганіе. Многіе передъ столь неожиданнымъ зрѣлищемъ останавливались неподвижные, безмолвные, какъ бы колеблющіеся между удивленіемъ и страхомъ. Часъ ненависти, этотъ часъ, ожидаемый Питтомъ, еще не насталь.

Всѣ эти различныя страсти, которыя въ глубинахъ англійскаго общества возбуждала французская революція, скоро были дебатами парламента выдвинуты на поверхность.

¹⁾ См. во II т. этого сочиненія главу *Революціонеры мистики*.

²⁾ L. P. Ségur, *Tableau historique et politique de l'Europe*, p. 72—73.

³⁾ *Mémoires tirés des papiers d'un homme d'Etat*, t. I, p. 82—83.

⁴⁾ *British chronology*, p. 550.

Здѣсь будутъ фигурировать три человѣка, съ которыми надо познакомиться.

Изъ всѣхъ прославившихся клеветниковъ французской революціи первымъ былъ Эдмундъ Бёркъ. Вотъ какими чертами изображаетъ его одинъ современный писатель:

«Ораторъ, котораго я всего болѣе желалъ послушать, былъ знаменитый Бёркъ, авторъ трактата «О возвышенномъ» (*Philosophical inquiry into the origin of our ideas of sublime and beautiful*). Онъ всталъ, наконецъ; но, разсматривая его наружность, я не могъ придти въ себя отъ удивленія. Мнѣ такъ часто случилось слышать, какъ сравнивали его краснорѣчіе съ краснорѣчіемъ Демосѣена и Цицерона, что мое воображеніе, приобщая его къ этимъ великимъ людямъ, рисовало мнѣ его, какъ и ихъ, подъ чертами благородными и импонирующими. Я не ожидалъ, конечно, увидѣть его въ англійскомъ парламентѣ облаченнымъ въ античную тогу, но совсѣмъ не былъ подготовленъ къ этому коричневому фракку, до того узкому, что онъ, казалось, стѣснялъ всѣ его движенія, и особенно къ этому маленькому круглому парикку, который, несмотря на всѣ мои усилія подыскать болѣе возвышенный предметъ для сравненія, придавалъ ему видъ деревенскаго дьячка»¹⁾.

Таковъ портретъ физическаго человѣка. Хотите ли знать, до какой грубости языка способенъ доходить духовный человѣкъ въ своемъ злопамятствѣ? Говоря гдѣ-то о Дундасѣ, онъ разражается слѣдующей тирадой:

«Съ шестеркой большихъ незаконнорожденныхъ дѣтей (*доклады секретнаго комитета*), здоровенныхъ, какъ юный Геркулесъ, это деликатное созданіе краснѣетъ при видѣ своего новаго супруга, аффлектируетъ дѣвическую стыдливость; или, чтобы употребить болѣе вѣрное и вмѣстѣ съ тѣмъ поэтическое сравненіе, эта особа, столь нѣжная, столь робкая, такъ боящаяся рѣзкаго дуновенія вѣтра, выставляется на показъ на яркомъ солнцѣ, валяясь, какъ свинья, въ грязи и имѣя вокругъ себя, въ доказательство своего цѣломудрія, поразительные результаты своей плодovitости»²⁾.

Судить о Бёркѣ только по этимъ признакамъ было бы такъ же несправедливо, какъ онъ самъ былъ несправедливъ въ отноше-

¹⁾ См. Villemain, *Cours de littérature*, 16 лекціи.

²⁾ Brougham, *Historical sketches of statesmen*, t. I, p. 182.

ни Франціи. Онъ безспорно имѣлъ многія выдающіяся качества, но ни одного изъ тѣхъ, которыя могли бы придавать вѣсь его обвиненіямъ противъ французской революціи. Откройте его сочиненія, прочитайте его рѣчи! Наука тамъ выставляется подъ самыми разнообразными видами, стиль велерѣчивый и богатый, метафоры изобилуютъ, сарказмы блещутъ, привязанные къ пышнымъ фразамъ, словно кинжалы съ серебряной рукояткой; но подъ этимъ многословіемъ какая сухость! какъ жалка логика, прикрытая этими украшеніями! и эта прикрашенная иронія скоро обращается противъ палача, заинтересовавъ сначала его жертвы! Сила Бёрка часто есть не что иное, какъ грубость; его пылъ и блескъ нѣсколько похожи на фейерверкъ и нисколько не напоминаютъ тучи искръ, вылетающихъ съ наковальни подъ быстрыми ударами молота. Бёркъ былъ ирландецъ. Молодымъ онъ отправился искать счастья въ Лондонъ, гдѣ сначала зарабатывалъ перомъ средства къ жизни. Основанный по его мысли журналъ *Annual Register* приносилъ ему, въ видѣ гонорара за сотрудничество, не болѣе ста фунтовъ стерлинговъ¹⁾. Но вскорѣ замѣченный Жерардомъ Гамильтономъ, затѣмъ маркизомъ Рокингамъ, онъ получилъ отъ этого послѣдняго въ подарокъ десять тысячъ фунтовъ, на которые купилъ виллу Биконсфильдъ. Такимъ образомъ передъ нимъ открылась политическая арена, и онъ тамъ замѣтно выдвинулся, особенно въ дебатахъ, вызванныхъ американской войной, а также въ дебатахъ, происходившихъ по поводу билля о реформѣ королевскаго дома. Но самъ *Annual Register* констатируетъ, что послѣ водворенія министерства Питта, въ 1783 г., палата общинъ на разглагольствованія Бёрка стала смотрѣть, какъ на помѣху въ обсужденіи общественныхъ дѣлъ: во время его рѣчи кашляли, стучали ногами, свистали²⁾. Вспыльчивый по натурѣ, онъ раздражался гнѣвными выходками, очень неблагоприятными у степенной націи. Въ эпоху, въ которую привела насъ эта исторія, онъ достигъ шестого десятка. Упадокъ его вліянія удручалъ его. По странному извращенію законовъ природы у большинства людей, преклонный возрастъ въ одно и то же время экзальтировалъ его воображеніе и ослабилъ его разсудокъ³⁾. Въ какомъ-то фантастиче-

¹⁾ Prior's *Life of Burke*, p. 61.

²⁾ *Annual register*, vol. XL, p. 336.

³⁾ Lord Brougham. *Hist. sketches*, t. I, p. 198.

скомъ видѣніи Марія-Антуанета явилась ему въ сіяніи красоты и граціи; значить, достоинъ проклятія народъ, отказавшійся пасть предъ ней на колѣни. Версальскій замокъ подвергся нападению 6 октября; значить, французская революція это — грабежъ, убійство, безумное преступленіе.

По счастью, онъ самъ себя приготовилъ въ человѣкъ, который всегда признавалъ себя его ученикомъ въ политикѣ, противника рѣдкаго вида. Когда, едва вступивъ въ юношескій возрастъ, Фоксъ, сынъ лорда Голланда, взяточника, предавался раннимъ удовольствіямъ; когда, рано развращенный своимъ отцомъ, гнусно поощрявшимъ его ко всякаго рода себялюбивымъ страстямъ, Фоксъ сталъ игрокомъ съ четырнадцати лѣтъ и проигрывалъ, на водахъ въ Спа, кучи худо прибрѣтенныхъ гиней¹⁾,—кто могъ бы подумать, что этотъ юноша сдѣлается благороднѣйшимъ государственнымъ мужемъ Англіи? Но есть натуры неразрушимаго величія. Какъ Юлій Цезарь, Фоксъ прошелъ черезъ порокъ, не оставивъ тамъ своей души. Если онъ сохранилъ до конца тѣ страсти, которыя были въ ранней молодости зажжены въ его крови, то по крайней мѣрѣ онъ никогда не заглушали въ немъ благородныхъ стремленій. Изъ игорныхъ домовъ, гдѣ его коллегамъ и подчиненнымъ слишкомъ часто приходилось искать его, онъ отправлялся къ своему посту, чтобы возвысить голосъ въ пользу несчастныхъ католиковъ Ирландіи, чтобы заклеить позорную войну противъ американскихъ колоній, чтобы отмстить за оклеветанную французскую революцію. Послѣдняя будетъ его вѣчной славой за то, что онъ такъ глубоко ее любилъ послѣ того, какъ такъ быстро ее понял! И какого болѣе энергичнаго защитника могла она найти въ Англіи? Образованіе Фокса, правда, было очень ограниченное: оно сводилось къ знакомству съ исторіей, съ классическими книгами и съ положеніемъ различныхъ странъ; естественныя науки, философія, метафизика,—все это было ему чуждо, а его невѣжество въ политической экономіи было замѣчательно даже въ то время, когда законы образованія богатствъ еще не привлекали вниманія главъ государства и когда сочиненія Адама Смита были такъ же мало извѣстны, какъ и появившіяся нѣсколько лѣтъ спустя сочиненія Бентама²⁾. Но, вза-

¹⁾ Villemain, *Cours de littérature*, 16 лезція.

²⁾ *British chronology*, p. 674.

мѣнь того, какая живость концепціи! Какая способность предугадыванія, лучше сказать! Правда также, что ему недоставало вѣдшихъ качествъ оратора: наружность его была непредставительна; голосъ его, очень посредственной силы, переходилъ въ патетическихъ мѣстахъ въ рѣзкій крикъ. Но какъ онъ умѣлъ возбуждать, волновать, увлекать свою аудиторію, слушавшую его съ напряженнымъ вниманіемъ! Какъ непреодолимо было его пылкое и естественное краснорѣчіе между высокопарностью Бёрка и заученными эффе́ктами Питта! Какимъ потокомъ, спускавшимся съ высшихъ источниковъ вдохновенія, лилась его рѣчь, и какъ явно движеніе его мощныхъ губъ обнаруживало біеніе его сердца! Онъ не былъ безупреченъ, безъ сомнѣнія. Къ заблужденіямъ его частной жизни, не вполне прикрытымъ множествомъ привлекательныхъ качествъ, его публичная жизнь прибавила еще ошибки. Такъ, съ удивленіемъ и прискорбіемъ увидѣли его соединившимся противъ Шельборна, поддерживаемаго Питтомъ, съ тѣмъ самымъ лордомъ Нортонъ, котораго онъ ранѣе обвинялъ въ государственной измѣнѣ, которому онъ вмѣнялъ въ преступленіе утрату и продажу Америки; съ тѣмъ лордомъ Нортонъ, котораго онъ однажды въ палатѣ общинъ довелъ до слезъ. Его соперничество въ отношеніи сына Чатама не могло имѣть болѣе печальнаго эпизода. Это, впрочемъ, аристократія вскормила его, аристократія виговъ, и въ сущности этотъ народный трибунъ всегда былъ большимъ бариномъ, дружившимъ съ свободой. Отчего же, однако, при воспоминаніи о его ошибкахъ и заблужденіяхъ, мы склонны къ снисходительности, смѣшанной съ умиленіемъ? И отчего демократія все-таки считаетъ его своимъ? Это потому, что онъ имѣлъ двѣ великія любви: англичанинъ, онъ любилъ человѣчество, онъ любилъ Францію!

Фоксу нуженъ былъ замѣститель, онъ нашелъ его въ Шериданѣ, молодость котораго была еще болѣе безпутная, чѣмъ его собственная. Обольстительный, но необузданный ловелась, начавшій жизнь дуэлью, похитившій чужую жену, изобразившій въ комедіяхъ свои собственныя похождения, сдѣлавшійся директоромъ театра, прославившійся своей страстью къ игрѣ и къ вину, такой человѣкъ, казалось бы, могъ быть принятъ Фоксомъ въ качествѣ собутыльника. Тѣмъ болѣе, что Шериданъ въ самой аристократической странѣ земного шара былъ сынъ коме-

¹⁾ Lord Brougham, *Historical sketches*. vol. I, p. 230.

діанга. Но Фоксъ угадалъ его; онъ разглядѣлъ благородную сторону этой натуры, павшей только на-половину. Полюбивъ Шеридана, онъ хотѣлъ сдѣлать его достойнымъ своей дружбы. Отъ интимности ихъ удовольствій онъ поднялъ его до интимности своихъ мыслей. Изъ-за кулисъ Дрюриленскаго театра онъ извлекъ его на сцену парламента, гдѣ, послѣ двухъ лѣтъ наблюдательнаго молчанія, Шериданъ развернулъ сокровища краснорѣчія, мало самороднаго, но агрессивнаго, ѣдкаго, пересыпаннаго удачными остротами, блестящаго, какъ самый взоръ оратора, о которомъ говорили, что онъ имѣлъ особенность ни разу не моргнуть во все продолженіе рѣчи¹⁾.

Въ засѣданіи палаты общинъ 9 февраля 1790 г.²⁾, во время разсмотрѣнія бюджета военнаго министерства, Фоксъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы высказаться торжественно въ пользу французской революціи. Онъ поздравлялъ себя, какъ англичанинъ, съ сосѣдствомъ народа, котораго, наконецъ, постигла свобода. Онъ утверждалъ, что свободная Франція будетъ менѣе расположена къ войнѣ и ненависти, чѣмъ могла бы быть расположена управляемая интригами и происками честолюбивыхъ и себялюбивыхъ государственныхъ мужей³⁾. Спрашивали—не слѣдуетъ ли извлечь выгоду изъ внутреннихъ затрудненій Франціи? Да, отвѣчалъ великодушный Фоксъ; но выгода, которую намъ обѣщаетъ положеніе Франціи, будетъ состоять въ томъ, что мы будемъ имѣть возможность сократить наши военныя силы, а не нападать на нашихъ сосѣдей⁴⁾.

Дружба, серьезная со стороны Бёрка, почтительная со стороны Фокса, съ давняго времени соединяла этихъ двухъ людей. Это къ первому второй, менѣе образованный и болѣе молодой, относилъ съ трогательной скромностью успѣхи своего политическаго воспитанія. Но было сказано, что французская революція разсоритъ ихъ навсегда. Насколько Фоксъ превозносилъ ее, настолько Бёркъ старался умалить, даже запятнать ее. Онъ объявилъ, что въ его глазахъ Франція политически не существуетъ болѣе; что французы показали себя способнѣйшими зод-

¹⁾ «It had the singularity of never winking». Lord Brougham, *Historical sketches*, vol. II, p. 31.

²⁾ А не 1791 г., какъ говоритъ Вильменъ въ своемъ *Cours de littérature*.

³⁾ *Parliamentary debates*, vol. XXVIII, p. 332.

⁴⁾ *Ibidem*, p. 346.

чими развалинъ¹⁾. Въ порывѣ безумнаго неистовства, онъ прибавилъ: «Если бы мы, англичане, были побѣдителями, господами Франціи, если бы мы держали ее распростертой у нашихъ ногъ, мы постыдились бы предписать ей законы, столь же суровые, какъ тѣ, которые она только что наложила сама на себя»²⁾. И, объявивъ ее такимъ образомъ сумасшедшей, умершей, онъ, по странному противорѣчію, опасался заразительности примѣра, даннаго ею другимъ странамъ. Титуль «граждане», принятый солдатами, особенно пугалъ его!..³⁾.

Фоксъ былъ глубоко взволнованъ: онъ терялъ друга. Но истина одержала верхъ въ его сердцѣ, и онъ поднялся, чтобы отвѣтить. Стараясь ослабить ударъ, который нужно было нанести, онъ началъ съ восхваленія Бёрка, обширности его познаній, мудрости его бесѣдъ, изъ которыхъ онъ, Фоксъ, извлекъ столько пользы. Затѣмъ онъ повторилъ, что сталъ смотрѣть на постоянныя арміи съ меньшимъ безпокойствомъ съ тѣхъ поръ, какъ французская армія доказала, что можно, не переставая быть гражданиномъ, сдѣлаться солдатомъ. Слѣдуетъ ли изъ этого, что его должно причислить къ демократамъ? Нѣтъ, онъ врагъ всякихъ абсолютныхъ формъ правленія: абсолютной монархіи, абсолютной аристократіи, абсолютной демократіи. Идеаль его— это государственное устройство его отечества, основанное на равновѣсіи властей и доступное прогрессивнымъ улучшеніямъ. Что касается кровавыхъ сценъ, поразившихъ ужасомъ Францію, то онъ далекъ отъ того, чтобы рукоплескать имъ, но думаетъ, что должно говорить скорѣе съ сожалѣніемъ⁴⁾ объ эксцессахъ, совершенныхъ для того, чтобы освободиться.

«Если бы мнѣ отняли какой-либо членъ моего тѣла, возразилъ Бёркъ, то это едва ли бы причинило мнѣ больше боли, чѣмъ необходимость, съ которой я вижу себя, внезапно и публично, разойтись во взглядахъ съ моимъ почтеннѣйшимъ другомъ»⁵⁾.

И затѣмъ онъ снова принялся поносить революцію.

Тогда негодующій Шериданъ, давъ волю своему языку, началъ свою рѣчь замѣчаніемъ, что изъ всѣхъ словъ, произнесенныхъ его почтеннымъ другомъ, нѣтъ ни одного, которое не

1) «Ablest architects of ruin». *Parliamentary debates*, p. 333.

2) *Ibidem*, p. 354.

3) *Ibidem*, p. 355, 356.

4) «With some of compassion». *Ibidem*, p. 364.

5) *Ibidem*, p. 367.

было бы противно его, Шеридона, убѣжденіямъ. Ибо, наконецъ, продолжалъ онъ, развѣ французская революція менѣе справедлива, нежели была революція англійская? Развѣ первая не была вызвана еще большей провокаціей, чѣмъ вторая? Національное собраніе обвиняютъ въ томъ, что оно будто бы ниспровергло законы, упразднило правосудіе, уничтожило государственное богатство!—Какіе законы? *Lettres de cachet* (секретные приказы объ арестованіи)?—Какое правосудіе? Рѣшенія продажной магистратуры?—Какое государственное богатство?—Банкротство? Открывшись, что увидало Національное Собрание? Разоренныхъ фабрикантовъ, рабочихъ безъ работы, народъ безъ хлѣба, безпорядокъ во всѣхъ улицахъ, отчаяніе во всѣхъ сердцахъ. Зло, за которое Бёркъ возлагаетъ на него отвѣтственность, оно, напротивъ, нашло это зло уже существующимъ, и какъ можетъ англичанинъ удивляться, что нація, удрученная столькими горестями, стала искать ихъ источника? Чего же хотѣло Собрание такого, чего не хотѣла бы вмѣстѣ съ нимъ Франція, вся Франція, соединенная какъ одинъ человѣкъ въ преслѣдованіи единственной цѣли? Нужно, конечно, относиться съ ужасомъ и отвращеніемъ къ эксцессамъ; но насколько гнуснѣе деспотизмъ, который породилъ ихъ постояннымъ развращеніемъ человѣческой природы! Если дѣйствительно были во Франціи люди, изъ честолюбія совершившіе преступленія, то да будетъ имъ анаема; но сначала нужно удостовѣриться въ истинности фактовъ: проклятіе не должно исходить изъ слуховъ. Что касается его, оратора, то онъ далеко отгоняетъ отъ себя жестокую надежду увидѣть деспотизмъ снова воспрянувшимъ, и это даже съ англійской точки зрѣнія, потому что если Франція довершитъ свое дѣло, она сдѣлается, правда, болѣе сильной, но также болѣе справедливой, болѣе честной, болѣе миролюбивой. Французы—храбрая и благородная нація. У нихъ былъ только одинъ порокъ, это ихъ правительство¹⁾.

Питтъ выказалъ большую осторожность во время этого спора. Онъ потребовалъ слова не столько для того, чтобы вмѣшаться въ пренія, сколько для того, чтобы заключить ихъ, не преминувъ указать нѣсколькими, полными такта, комплиментами, что онъ присоединяется къ мнѣнію, высказанному Бёркомъ. Его чувства въ отношеніи французской революціи не были сомнительны, даже

¹⁾ *Parliamentary debates*, p. 369.

въ эту эпоху. Но ему нужно было подготовиться къ борьбѣ, и благоразуміе заставило его отложить проявленіе своей ненависти до другого времени.

Таково было, въ началѣ 1790 года, состояніе Европы. Новый духъ все охватилъ, возбуждая либо надежду, либо страхъ. Благодаря пораженію партіи патриотовъ въ Голландіи, Англія утвердилась на континентѣ, неподалеку отъ великаго очага, пылавшаго въ Парижѣ. Демократія и духовенство оспаривали другъ у друга возставшій Брабантъ. Кончина Иосифа II оставила Австрійскую имперію въ наслѣдіе принцу, честолюбіе котораго поставило себя цѣлью возстановить миръ между правительствами, для того чтобы превратить его въ обширную войну противъ французскаго народа. Въ Пруссіи Фридрихъ-Вильгельмъ II думалъ только о томъ, какъ бы избавиться отъ генія Герцберга и безпрепятственно отдаться во власть иллюминатовъ-роялистовъ. Хотя слишкомъ удаленная отъ французской революціи, чтобы имѣть возможность добраться до нея, хотя отвлекаемая поляками и турками, — Екатерина II начинала раскаиваться въ томъ, что была царицей-философомъ: она испугалась. Король шведскій Густавъ III далеко не обладалъ могуществомъ, соразмѣрнымъ дѣятельности его души, но приписываемая ему жажда битвъ и его рыцарской характеръ заранѣе отводили ему мѣсто въ коалиціи королей, если таковая образуется. Испанія волновалась подъ властью короля безъ воли, какъ и безъ силы. То же самое было и въ Италіи, подъ управленіемъ ея государей, еще неподвижныхъ. Что касается Англіи, то мы сейчасъ видѣли, что французская революція, едва вышедшая изъ колыбели, уже производила тамъ глубокое впечатлѣніе, возбуждая энтузіазмъ, или гнѣвъ, опрокидывая старыя партіи, разлучая навсегда знаменитыхъ друзей и наполняя сердца государственныхъ мужей невѣдомымъ смущеніемъ.

ГЛАВА II.

Замки горятъ.

Замки до революціи.—Ненависть деревни къ помѣщику и къ сборщику податей.—Мандренъ; что дѣлало его возможнымъ.—Крестьяне.—Нація.—Война замкамъ.—Война податнымъ конторамъ.—Контрабандисты, покровительствуемые населеніемъ.—Потворство муниципалитетовъ.—Что писали, передъ воротами замковъ, на висѣлицахъ.—Пожары.—Воинственная графиня де-Монморанси.—Разбойники на жалованьи у контръ-революціи.—Убіство мэра въ Труа; кто были убійцы.—Возставшіе орлеанскіе виноградари.—Марсельскій прево Бурнисакъ.—Отголосокъ этихъ смуть въ Парижѣ.—Балы, колѣнопреклоненный передъ Людовикомъ XVI.—Предложенный королю новогодній національный подарокъ.—Благородная скромность Людовика XVI.

Годъ 1790 открывается неожиданнымъ зрѣлищемъ: Балы на колѣняхъ передъ Людовикомъ XVI. Съ смиреннымъ видомъ, покорнымъ голосомъ, какъ просящій невольникъ, онъ преподноситъ королю изъявленіе вѣрноподданническихъ чувствъ революціоннаго Парижа!

Съ своей стороны, президентъ Національнаго Собранія... Но прежде чѣмъ говорить объ этихъ знакахъ почтенія, которые суровый фатумъ такъ скоро перемѣнилъ на гнѣвъ, слѣдуетъ припомнить, въ какомъ состояніи находилась тогда, во Франціи, провинція.

«На границахъ областей Маринъ и Берри, въ мѣстности Вареннъ, представляющей обширную ланду, перерѣзанную дубовыми и каштановыми лѣсами, стоитъ, среди густой чащи и въ самомъ пустынномъ мѣстѣ края, небольшой замокъ въ развалинахъ, притаившійся въ оврагѣ и зазубренныя башенки котораго возвышаются шагахъ въ ста отъ главной рѣшетчатой ограды. Окруженный вѣковыми деревьями и доминируемый разбросанными тамъ и сямъ дикими скалами, онъ погруженъ въ вѣчный мракъ, и развѣ только въ полуденный часъ можно обратиться къ нему по запущенной тропѣ, не натыкаясь на узловатые стволы и груды мусора, которые заграждаютъ ее на каждомъ шагу... Когда дровосѣки и угольщики, обитающіе въ окрестныхъ лачугахъ, приходятъ днемъ по высокому краю оврага Рошъ-Монра, они спокойно посвистываютъ или посылаютъ какое-нибудь энергичное проклятiе этимъ руинамъ; но когда день клонится къ закату и когда козодой начинаетъ тявкать съ высоты бойницы, тѣ же дровосѣки и угольщики проходятъ въ молчаніи, ускоряя шагъ и осѣняя себя время отъ времени крест-

нымъ знаменіемъ, чтобы заклинать злыхъ духовъ, царящихъ надъ этими развалинами»¹⁾).

Какъ дѣлаетъ понятной войну противъ замковъ эта живая картина, подсказанная генію романиста наслѣдственными воспоминаніями крестьянина: наивная исторія, быть можетъ, болѣе всѣхъ другихъ проливающая свѣтъ, которая изъ вѣка въ вѣкъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію, сохраняется подъ кровомъ хижинъ!

«Старикъ Мопра былъ коварный и хищный звѣрь, нѣчто среднее между волкомъ и лисицей... Онъ умѣлъ прикидываться очень любезнымъ и не лишень былъ способности притворно выказывать обходительность съ объектами своего мщенія. Онъ умѣлъ заманивать ихъ къ себѣ, гдѣ и подвергалъ ихъ ужаснымъ оскорбленіямъ, которыя, по отсутствію свидѣтелей, имъ невозможно было доказать на судѣ... Никогда не удавалось захватить его виѣ его логовища, хотя онъ часто выходилъ оттуда и безъ видимыхъ особенныхъ предосторожностей. Это былъ человѣкъ, одаренный геніемъ зла, и сыновья его, за неимѣніемъ привязанности, къ которой они были неспособны, подчинялись его гнусному превосходству и повиновались ему съ дисциплиной и пунктуальностью, почти фанатическими. Онъ былъ ихъ спасителемъ почти во всѣхъ отчаянныхъ случаяхъ, и когда скука затворничества начинала витать подъ ледяными сводами замка, его жестоко шутливый умъ прогонялъ ее устройствомъ зрѣлищъ, достойныхъ притона разбойниковъ. То это были бѣдные монахи, собиратели подаянія, которыхъ, ради забавы, пугали или мучили: имъ поджигали бороду, спускали въ колодцы и держали висящими между жизнью и смертью до тѣхъ поръ, пока они не пропоютъ какой-нибудь непристойной пѣсенки или не произнесутъ какого-нибудь богохульства. Весь край знаетъ о приключеніи съ актуаріемъ, который, съ четырьмя судебными служителями, пріѣхалъ въ замокъ, былъ принятъ очень любезно...» и котораго угостили обѣдомъ послѣ того, какъ его почти задавили, притиснувъ между дверьми, такъ что онъ по возвращеніи, сойдя съ коня, упалъ мертвый на порогѣ своего дома²⁾).

Правда, не всѣ господа походили на этихъ желѣзныхъ людей, и не всѣ замки были мрачными логовищами. Въ эпоху революціи было много господскихъ усадебъ въ родѣ тѣхъ, гдѣ весело

¹⁾ George Sand, *Mauprat*, t. I. p. 1.

²⁾ *Ibidem*, t. I, p. 2, 3.

жилъ Вольтеръ, гдѣ Гельвецій и Гольбахъ оказывали гостепріимство остроумцамъ, гдѣ Жанъ-Жака Руссо принимали съ благоговѣніемъ, гдѣ Дидро справлялъ свадьбу своей дочери. Тамъ не было уже ни толстыхъ стѣнъ, ни мрачныхъ башенъ, ни бойницъ, и вмѣсто хозяина, одѣтаго въ сталь, былъ хозяинъ въ изящномъ атласномъ платьѣ²⁾. Но и тамъ прикрашенное угнеженіе было не менѣе сурово и, говоря даже объ этихъ прелестныхъ замкахъ и объ этихъ элегантныхъ сеньорахъ, одинъ писатель, отличавшійся глубокой наивностью, сказалъ: «Это для досуговъ замка деревня работала въ потѣ лица на поляхъ, на лугахъ, въ виноградникахъ; это для того, чтобы замокъ могъ спать до полудня, деревня поднималась до разсвѣта; это для того, чтобы замокъ имѣлъ за столомъ *hors-d'oeuvre's*, жаркое, сласти, деревня питалась чернымъ хлѣбомъ, голодала»¹⁾.

И потомъ, невозможно было избѣгнуть такъ называемой тогда *grange d'imeresse* (десятинный амбаръ), куда бѣдный селянинъ долженъ былъ нести ягнятъ, телятъ, куръ, индюшекъ, виноградъ, десятину гороха и десятый снопъ, десятину проса и гречи, десятину зеленую и десятину бѣлую³⁾.

Было бы удивительно, если бы ненависть къ замку не таилась всегда въ сердцѣ крестьянина, когда все способствовало ея поддержанію, и колыбельная пѣсня, которою убаюкивали его въ дѣтствѣ, и вечерніе рассказы, и мстительныя поговорки, которыми охотно обогащалась его память, и легенда, которою забавлялась его старость! «Одинъ дворянинъ появлялся каждый день, въ сумерки, на днѣ долины Гали, близъ Версаля, держа въ рукѣ трость съ золотымъ набалдашникомъ и прося всякаго прохожаго возвратитъ ему пятьсотъ ударовъ, которые онъ далъ невпопадъ поселянамъ, охотившимся на его земляхъ»⁴⁾.

И не говорили ли, въ видѣ пословицы, между деревенскимъ людомъ:

Dissolution des Castellane,
Malice des Barras,
Tricherie des Dubreuil,
Déloyauté des Beaufort,
Vanterie des Boniface? ⁵⁾

¹⁾ Monteil, *Histoire des Français des divers Etats*, t. III. *Le Noble*.

²⁾ *Ibidem*.

³⁾ *Ibidem*.

⁴⁾ *Ibidem*, t. VIII. *Du conteur de village*.

⁵⁾ «Распутство Кастеляновъ, злость Баррасовъ, плутовство Дюбрейлевъ, безчестность Бофоровъ, самохвальство Бонифасовъ». Monteil, t. III, *Le Noble*

И могъ ли крестьянинъ не заливаться слезами, когда видѣлъ свои носѣвы, передъ самой жатвой, потравленными скотиной, которую онъ не смѣлъ убивать изъ боязни тюрьмы¹⁾.

Горе замку, когда деревня почувствуетъ себя господиномъ!

Другой смертельный врагъ крестьянина, это—налогъ, налогъ въ образѣ сборщиковъ податей, агентовъ откупа, таможенниковъ. Припомнимъ здѣсь, что для откупщиковъ казенныхъ доходовъ Франція была завоеванной страной; что они высасывали все соки изъ народа, что они располагали, противъ нищеты, вынужденной прибѣгать къ контрабандѣ, всякаго рода страшнымъ оружіемъ: тюрьмами, каторгами, висѣлицами и свирѣпыми судами; что ихъ алчность останавливалась только тамъ, гдѣ ужъ больше рѣшительно нечего было взять, и что въ одномъ отчетѣ совѣта говорилось: «Въ Бургундіи есть много жителей, вовсе не потребляющихъ соли.... Бѣдность ихъ такъ велика, что имъ не на что купить не то что пшеницы или ячменя, но даже овса для собственного прокормленія и они вынуждены питаться травой²⁾».

Сказанное нами выше³⁾ о бѣдственномъ положеніи, до котораго были доведены несчастные поселяне тираніей податей, слѣдуетъ ясно представлять себѣ въ этотъ моментъ, такъ какъ,—увы!—часть возмездія насталь.

Кто не слыхалъ разсказовъ о Мандренѣ, «генераль-полковникѣ солянныхъ корчемниковъ и контрабандистовъ Франціи»? Подобно тому, какъ нѣкогда Дюгескленъ взялъ на себя командованіе сбродомъ неустрашимыхъ разбойниковъ, которые тогда, подъ именемъ «grandes compagnies», опустошали Францію, такъ точно, въ половинѣ XVIII столѣтія, Мандренъ сталъ во главѣ арміи свирѣпыхъ людей или раздраженныхъ жертвъ, не затѣмъ, чтобы идти, какъ это сдѣлалъ Дюгескленъ, свергнуть съ престола короля кастильскаго въ пользу его брата, но чтобы освободить народъ отъ страшной тираніи генеральныхъ откупщиковъ. Когда вспыхнула революція, не прошло еще и сорока лѣтъ со времени смерти Мандрена, и его имя, все еще повторяемое съ нѣкоторой таинственностью между суевѣрнымъ сельскимъ людомъ, вызывало у нихъ не столько чувство ужаса, сколько чувство удивленія или сожалѣнія. Припоминали, какъ по звуку его

1) Истор. портретъ кардинала Мори, въ *Bibliothèque historique de la Révolution*, 778—779. Британск. музей.

2) *Chartrier des États de Bourgogne*.

3) См. въ I томѣ этого сочиненія гл. III книги III.

охотничьяго рога, раздававшемуся съ высокихъ горъ Дофинэ, сбѣгались и строились вокругъ него грозныя дружины и какъ онъ велъ правильную войну противъ податей, на манеръ великихъ полководцевъ, давая сраженія, обращая въ бѣгство регулярныя войска, принуждая города къ капитуляціи, наконецъ, держа въ своей власти всю страну, отъ Франшь-Контэ до Оверни; такъ что полтораста тысячъ войска недостаточно было, чтобы одолѣть его, и пришлось прибѣгнуть противъ него къ измѣнѣ. Затѣмъ, когда, преданный любимой женщиной, онъ повлеченъ былъ на казнь, какимъ гордымъ, краснорѣчивымъ, безстрашнымъ онъ явилъ себя! Какъ мужественно онъ встрѣтилъ смерть!¹⁾

Въ одной брошюрѣ финансоваго характера, изданной въ 1789 г. подъ заглавіемъ «Analyse du testament politique de Mandrin» (разборъ политическаго завѣщанія Мандрена) и посвященной собранію генеральныхъ штатовъ, находимъ нѣсколько писемъ, очень любопытныхъ и правдоподобныхъ, которыя, по увѣренію автора, были писаны Мандрену при его жизни и которыя всѣ свидѣтельствуютъ о живомъ интересѣ, какой возбуждали его предпріятія. То это были предложенія помощи, то анонимныя поощренія, то секретныя предупрежденія въ такомъ родѣ:

«Господинъ генераль,

«Если вы нуждаетесь въ боевыхъ припасахъ, то мы охотно доставимъ вамъ таковыя. Можете разсчитывать отъ нашей общины на 400 ливровъ, 2 боченка пороха, 3 квинтала пуль, 600 раціоновъ хлѣба, 50 мѣшковъ муки, 100 мѣшковъ овса. Примите и пр.».

«Милостивый государь,

«Подлѣ небольшой долины М..... тянется лѣсъ, въ два лье длиной и одно лье шириной. Это мѣсто могло бы тѣмъ лучше служить вамъ убѣжищемъ отъ регулярнаго войска, что ни одинъ командиръ не знаетъ ни входа, ни выхода туда, и никто изъ мѣстныхъ жителей не согласится служить имъ проводникомъ. А въ случаѣ измѣны, тамъ имѣется естественный ретраншементъ среди лѣса, гдѣ вы будете въ болѣе безопасности, чѣмъ въ самой сильной крѣпости. Всѣ полки Франціи погибли бы тамъ одинъ за другимъ. Въ правильномъ дѣлѣ вы сыграли бы тамъ

¹⁾ См. *Biographie universelle*.

ту же роль, какую король сардинскій сыгралъ въ ущельи Асьети¹⁾. Примите и пр.....».

Несомнѣнно то, что Мандренъ никогда не могъ бы противостоять всѣмъ силамъ королевства, еслибы не находилъ поддержки и помощи въ глубокой ненависти, которую внушалъ деревнѣ грабительскій деспотизмъ агентовъ откупа. И какое страшное изобличеніе злоупотребленій стараго режима—это могущество атамана разбойниковъ, эта его популярность!..

Въ самомъ дѣлѣ, Франція, въ рукахъ генеральныхъ откупщиковъ, была страной, преданной на разграбленіе. Контрольная пошлина, на примѣръ, простиралась до одной двѣнадцатой доли суммъ, означенныхъ въ актахъ; за гербовую бумагу нужно было платить восемьсотъ, тысячу и до тысячи двухсотъ процентовъ выше ея цѣнности, а за соль — отъ пятисотъ до тысячи двухсотъ процентовъ, смотря по тому, гдѣ происходила покупка — въ районѣ дѣйствія большой или малой соляной пошлины (*gabelle*); вино, сидръ, водка, при перевозкѣ изъ одного города въ другой, подвергались тридцати различнымъ сборамъ; за крахмалъ должны были платить, въ видѣ пошлины, треть его стоимости; за кожи, дубленныя и сыромятныя, — одну пятую; за писчую бумагу — одну четверть. Что еще сказать? Безъ преувеличенія, можно считать въ одну пятую общей суммы налоговъ то, что откупщики взимали обманно, либо прибавкой земли и воды къ табаку, либо произвольными сборами, обмѣриваніемъ въ соляныхъ амбарахъ, обвѣшиваніемъ въ таможняхъ²⁾. Какое значеніе могла имѣть для откупщика цѣна аренднаго договора, когда ее уплачивалъ народъ? И какъ обуздать жадность и плутовство сборщиковъ податей? Какому контролю подчинить финансовыхъ агентовъ, ремесло которыхъ сдѣлалось семейнымъ искусствомъ? Развѣ всѣ эти пѣвки не были заинтересованы въ томъ, чтобы правительство оставалось въ невѣдѣніи какъ объ истинной цифрѣ доходовъ, такъ и о лучшемъ способѣ ихъ взиманія³⁾.

Число приказчиковъ, надзирателей, служащихъ, конторщиковъ, занятыхъ въ королевскихъ откупахъ, исчисляется въ три-

¹⁾ *Bibliothèque historique de la Révolution. — Finances, t. CLXXXI—CLXXXII. British Museum.*

²⁾ *Le Requiem des fermiers généraux, p. 9, 10, въ Bibliothèque historique de la Révolution. — Finances, CLXXXI—CLXXXII. British Museum.*

³⁾ *Analyse du testament politique de Mandrin, p. 26, въ Bibliothèque historique de la Révolution.*

ста тысячъ въ «Разборѣ политическаго завѣщанія Мандрена», только въ двѣсти пятьдесятъ тысячъ въ сочиненіи Неккера «Объ управленіи финансами». Даже, принимая эту послѣднюю цифру, невозможно представить себѣ что-либо болѣе пожирающее. Въ самомъ дѣлѣ, изъ этихъ двухсотъ пятидесяти тысячъ человѣкъ двѣсти тысячъ занимались сборомъ податей, не получая отъ откупщиковъ никакого вознагражденія. Но значить ли это, что сборъ производился безвозмездно? Нѣтъ, сборщики получали комиссіонный процентъ, и если во многихъ приходахъ сумма выручаемой комиссіи не превышала двухсотъ ливровъ, то въ хорошихъ деревняхъ она достигала пятисотъ, шестисотъ, даже тысячи ливровъ¹⁾. Что касается остальныхъ пятидесяти тысячъ служащихъ по откупамъ, то они не только получали опредѣленное жалованье, но образовали регулярную армію, раздѣленную на полки и батальоны и имѣвшую, подобно королевской арміи, свою іерархію степеней и чиновъ. Не правда ли, странное зрѣлище представляли эти пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, по большей части висѣльниковъ, работавшихъ перомъ или мечомъ для обирания народа въ пользу откупщиковъ, то есть въ пользу модныхъ куртизанокъ и оперныхъ дѣвицъ! Армія! да, это вполне подходящее здѣсь слово, ибо солдаты финансоваго вѣдомства были вооружены съ головы до ногъ и очень охотно пользовались своимъ оружіемъ²⁾.

О притѣсненіяхъ всякаго рода, которыми сопровождался сборъ налоговъ, о вторженіяхъ въ жилища, о конфискаціяхъ, о немолимыхъ экзекуціяхъ мы уже имѣли случай дать подробности, къ которымъ и отсылаемъ читателя.

Да, когда крестьянинъ не платилъ въ срокъ... это было все равно, какъ если бы ему пришла смерть. Ибо тотчасъ начиналось принудительное взысканіе; являлся сборщикъ податей, угрожающій и неотступный; онъ снималъ съ кустовъ развѣшенное для просушки бѣлье; когда бѣлья было недостаточно, врывался въ убогую лачугу плательщика и забиралъ все—его кровать, хромую мебель, дорогую ему колыбель его дѣтей, вилоть до кровли избы. «Случалось видѣть, пишетъ маршалъ Вобанъ, какъ разрушали дома, чтобы взять бревна, балки, доски³⁾».

¹⁾ *Requiem des fermiers généraux*, p. 22.

²⁾ *Ibidem*, p. 24.

³⁾ *Dîme royale*, 1707, p. 51 изданія Дѳра.

Одинъ путешественникъ, англичанинъ, рассказываетъ, что, взбираясь однажды, верхомъ на конѣ, на высокій холмъ, онъ встрѣтилъ несчастную женщину, олицетвореніе нищеты. На видъ ей можно было дать лѣтъ шестьдесятъ, а на самомъ дѣлѣ ей не было и тридцати восьми. Она имѣла хуторъ, корову и даже лошадь, но была обременена многочисленной семьей — семь чловѣкъ дѣтей. Рассказавъ иностранцу, что ей приходилось платить повинности помѣщику, подати для короля, подати для церкви, подати за каждое дыханіе жизни, все подати да подати, она прибавила голосомъ, который былъ несомнѣнно голосомъ Франціи бѣдняковъ: «Я слышала, будто *что-то* хотятъ *что-то* сдѣлать для бѣднаго: дай-то Богъ, чтобы это случилось поскорѣе, а то подати убиваютъ насъ»¹⁾.

Такимъ образомъ мщеніе имѣло свою армію, готовую выступить въ походъ; но безпорядокъ также имѣлъ свою армію, и не менѣе хорошо подготовленную. Первую образовали крестьяне, вторую — нищіе.

До нашествія экономистовъ, одно только чловѣколюбіе имѣло миссію отвращать опасности бродяжничества. Тому, у кого не было крова, гумно гостепріимно открывало свои двери; проходжій нищій могъ отогрѣть свое окоченѣвшее отъ холода тѣло у очага добраго чловѣка, сынокъ котораго, нося въ рученкѣ мелкую монету, предназначенную для мылостыни, пріучался быть добрымъ, сострадательнымъ, любить ближняго, примѣшивать улыбку къ слезамъ. Указывали, въ то время, много добрыхъ поселянъ, которые, относительно, болѣе щедрые, чѣмъ принцы, принимали ежедневно за своимъ столомъ до двадцати пяти проходжихъ, искавшихъ пропитанія²⁾. Важное злоупотребленіе, скажутъ. Совершенно вѣрно, тѣмъ болѣе, что рядомъ съ «стариками, истинно старыми», и съ калѣками, дѣйствительно лишившимися употребленія рукъ или ногъ, было много нищихъ-обманщиковъ, притворявшихся слѣпыми, хромыми, убогими. Пришла филантропія экономистовъ. Она мудро рассудила, что нищенство есть бичъ, и въ ожиданіи, пока что либо придумаютъ, рѣшила какъ самое радикальное средство леченія, произвести исчисленіе нищеты, иммобилизовать, муниципализировать ее, устроивъ въ пользу

¹⁾ Артуръ Юнгъ, цитир. Карлейлемъ въ его сочиненіи *The French revolution*,—vol. I, book XI, chapt. III.

²⁾ Monteil, *Histoire des Français des divers états*, t. IX. *Decade de Verdille*.

ея, по всей Франці смирительные дома. Но, хотя и нищіе, ихъ узники не были еще настолько умершими, чтобы ихъ можно было такимъ образомъ уложить въ могилу безъ того, чтобы они не попытались приподнять наваленный на нее камень. Изъ смирительныхъ домовъ Орлеана, Турнёва, Санитаса многіе бѣжали со знаками плетей на спинѣ, съ пятнами крови на рубищѣ, съ яростью въ сердцѣ. Организованная для безпорядка и, даже подъ командой вождей, необузданная, эта толпа бѣглыхъ, благодаря прекращенію работъ и неурожаю, скоро удвоилась, утроилась, учетверилась присоединеніемъ къ ней безработныхъ, дезертировъ, паразитовъ, до того, что вскорѣ послѣ 14 іюля она держала въ распоряженіи царившаго тогда хаоса два милліона разинутыхъ ртовъ и четыре милліона поднятыхъ рукъ.

Въ агитаторахъ, въ подстрекателяхъ недостатка не было, и въ числѣ ихъ были особенные, ибо не подлежитъ сомнѣнію, что враги революціи были изъ первыхъ, внушившихъ ей мысли о террорѣ: они рассчитывали убить ее, если имъ удастся довести ее до изступленія.

Вотъ какой совокупностью причинъ, частью естественныхъ, частью сверхъ-человѣческихъ и относящихся къ дѣйствию вѣчной правды, объясняются насилія, совершенныя въ концѣ 1789 г. и въ теченіе января 1790 г. Разъ зажженный на пути вѣтра, пожаръ находилъ слишкомъ много горючаго матеріала для своего распространенія; даже въ тѣхъ пунктахъ, куда онъ не могъ достигнуть, зловѣщее зарево возвѣщало о немъ, и мы не проявимъ пристрастія, если не пройдемъ молчаніемъ бѣдствія, которыя были искуплены столькими благодѣянiями впоследствии.

Мы скажемъ, что, напримѣръ, Ліонская область, Эльзасъ и Франшъ-Конте были опустошены наводившими ужасъ разбойниками, которые, выйдя изъ Маконэ, шли, держа въ одной рукѣ, въ видѣ факела, горящую еловую палку, а въ другой—подложный королевскій указъ, разрѣшавшій грабежъ¹⁾.

Въ Лиможѣ мятежный крикъ былъ: *Сегодня хлѣбъ, завтра деньги, послѣзавтра огонь*²⁾.

Въ Бривѣ, передъ замкомъ Лиссакъ, поставили висѣлицу, на которой была слѣдующая надпись: *Здѣсь будетъ повѣшенъ*

¹⁾ Prudhomme, *Histoire générale et impartiale des erreurs, des fautes et des crimes commis pendant la Révolution française*, t. III, p. 153. Paris, 1797.

²⁾ *Relation d'une partie des troubles de la France pendant les années 1789 et 1790*, p. 105. Paris, 1790.

первый житель, который принесет аренду владѣльцу. Здѣсь будетъ повѣшенъ самъ владѣлецъ, который ее приметъ¹⁾.

Въ Руэргѣ, замки Этанъ, Рокъ-Монтанэ, Вержетъ подверглись нападенію; пришлось отказаться отъ владѣльческихъ правъ и возвратить полученную аренду²⁾.

Замокъ Латуръ, принадлежавшій Казалесу, былъ разграбленъ и сожженъ³⁾.

Иногда владѣльцы защищались, выдерживали осаду. Такъ, указываютъ на графиню Монморанси, которая, видя свой замокъ Кло угрожаемымъ, схватила пистолеты и, показывая ихъ нападавшимъ, вскричала: *Вотъ перо, которымъ я подпишу отказъ отъ моихъ правъ!* 30 января 1790 г., атакованная, она сдѣлала вылазку во главѣ своихъ людей, и на слѣдующій день, въ воскресенье, когда замокъ долженъ былъ подвергнуться осадѣ послѣ обѣдни, она отправилась, вооруженная саблей, въ церковь, гдѣ ея воинственный видъ произвелъ импонирующее впечатлѣніе⁴⁾.

Къ концу января 1790 г. приходъ Кабанъ и окрестные приходы были уже въ полномъ возстаніи. Въ приходскихъ церквахъ, по окончаніи обѣдни, объявили, что впредь воспрещается платить аренду господамъ. Скамьи въ церквахъ были сожжены⁵⁾.

Во многихъ мѣстахъ муниципалитетъ не только не противился народнымъ бунтамъ, но даже потворствовалъ имъ. Такъ, напримѣръ, когда въ окрестностяхъ Ренна двѣсти вооруженныхъ крестьянъ набросились на замки Ланганъ-де-Сентре и Ла Вольте, реннскій муниципалитетъ оставался глухимъ къ призывамъ помощи до тѣхъ поръ, пока владѣльцы этихъ замковъ не явились въ его присутствіе дать присягу, декретированную Национальнымъ Собраніемъ. Городское управленіе Кемперле также отказалось принять строгія мѣры противъ разбойничьихъ шаекъ, бродившихъ въ его округѣ. Генганскій муниципалитетъ пошелъ еще дальше: въ то время, когда опустошали замки Буапре и Гранвиль, когда предавали пламени фамильные архивы гг. де Рье и де Геръ, когда сжигали дѣла нотаріусовъ Нозе, Гемене, Пейриакъ, онъ овладѣлъ боевыми припасами регулярнаго войска, стоявшаго гарнизономъ въ городѣ⁶⁾.

¹⁾ *Relation d'une partie des troubles etc.*, p. 106.

²⁾ *Ibidem.*, p. 112.

³⁾ *Ibidem.*

⁴⁾ *Ibidem.*, p. 90.

⁵⁾ *Ibidem.*

⁶⁾ *Ibidem.*, p. 40.

Мы сказали, что взиматель налога былъ не менѣе ненавистенъ крестьянину, чѣмъ владѣтель помѣстья. Оттого исторія этихъ смуть постоянно показываетъ, на ряду съ нападеніями на замки, факты насилія надъ служащими по откупамъ или въ таможенныхъ. Въ Марейлѣ, въ Пероннѣ, въ Сентъ-Кентенѣ, въ Амьенѣ, во всей Пикардіи, въ Алансонѣ, податныя конторы подвергаются разгрому, описи ихъ предаются пламени. Если есть арестанты, ихъ освобождаютъ; если контрабанда нуждалась въ защитѣ, населеніе брало на себя эту заботу. Какъ тяжела теперь служба судебныхъ приставовъ, вдали отъ большихъ центровъ, и даже когда, для исполненія приговора объ арестѣ, они являются въ сопровожденіи конныхъ стражниковъ. Въ городѣ Бенсжакѣ, въ провинціи Беарнъ, когда пріѣхалъ судебный приставъ мѣстнаго парламента, мэръ, вооружившись ружьемъ, выступилъ, во главѣ толпы жителей, противъ отряда стражниковъ, конвоировавшаго исполнителя парламентскихъ постановленій. Стражники были яростно атакованы, арестованные освобождены. Чтò касается бѣднаго пристава, сначала запертаго въ карцеръ, то его потомъ водили вокругъ города, съ цѣпью на шеѣ, вмѣстѣ съ его тѣлохранителями, ранеными и безоружными, послѣ чего соблаговолили, большинствомъ голосовъ, пощадить ему жизнь¹⁾.

Что какіе-то неизвѣстные, которые не были ни рабочими, ни поселянами, ни нищими, принимали дѣятельное участіе въ этихъ безпорядкахъ и что они возбуждали къ эксцессамъ, нанимали убійцъ, воспаляли разбойничество пьянствомъ,—этому можно повѣрить, такъ какъ въ этомъ сознаются контръ-революціонные писатели²⁾. Въ Руэргѣ, въ окрестностяхъ Вильфранша, кто были эти таинственные незнакомцы, развѣзжавшіе по деревнямъ? Личности хорошо одѣтые и на хорошихъ коняхъ³⁾. «Говорили, что вражескія руки сыпали золотомъ, щедро раздавали его нашимъ крамольникамъ»⁴⁾. Вотъ замѣчательное признаніе въ устахъ роялиста.

Въ Труа, Гюэ, мэръ города объявляетъ хорошей муку, которая была признана химиками недоброкачественной. Сильный

¹⁾ *Relation d'une partie des troubles de la France pendant les années 1789 et 1790*, p. 44. Paris, 1790.

²⁾ См. стр. 119 и 120 *Relation etc.* откуда мы заимствовали сейчасъ приведенные факты. Авторъ—роялистъ.

³⁾ *Ibidem.*, p. 135.

⁴⁾ *Ibidem.*

ропотъ по этому поводу. На площади ипподрома одна придильщица наноситъ оскорбленіе неосторожному мѣру, и въ тотъ моментъ, когда онъ спускался по главному крыльцу, напротивъ боковой двери церкви Св. Стефана, какой-то неизвѣстный бросился на него, повалилъ его на землю. Поднятый нѣсколькими гражданами и отведенный шаговъ на двадцать оттуда, онъ былъ снова окруженъ и убитъ на мѣстѣ. О ужасъ! одна женщина, замѣтивъ, что онъ еще шевелится, выкалываетъ ему глаза ножами... Спѣшимъ сказать, что тамъ были наемные злодѣи, что нашли карманы убійцъ туго набитыми золотомъ, и у одного изъ нихъ оказалось сто сорокъ луидоровъ¹⁾.

Въ Орлеанѣ на проходившій обозъ съ пшеницей напали чело­вѣкъ шестьсотъ виноградарей и наполовину разграбили его. Воспользовавшись этимъ безпорядкомъ, двѣ тысячи бандитовъ, вооруженныхъ ружьями и топорами, ворвались въ городъ, подъ предводительствомъ Жана Дебефа, солдата изъ Турени, чело­вѣка необычайной отваги и силы. Завязалась жестокая борьба между ними и волонтерами Рояль-Контуа. Въ первой стычкѣ Дебефъ былъ раненъ пулей въ ротъ и упалъ мертвый. Нападавшіе разсѣялись, оставивъ много своихъ на мѣстѣ сраженія.

Произвели розыски въ Портеро, куда, какъ полагали, спрятались разбойники, и что же нашли тамъ? Какого-то молодца, который, забаррикадировавшись въ своемъ домѣ, безпрестанно стрѣлялъ изъ ружья. Онъ назвалъ себя Ремберомъ и сознался, что получилъ деньги за то, чтобы взбунтовать предмѣстья и привести въ движеніе виноградарей городского округа! Съ наступленіемъ ночи его повѣсили²⁾.

Эти удары, хотя раздавшіеся далеко, не могли не быть услышаны въ Парижѣ, гдѣ всѣ глаза сморгѣли такъ зорко, всѣ уши были такъ настрожены: пресса продолжила отголоски описанныхъ выше событій; трибуна откликнулась на нихъ: аббатъ Грегуаръ нарисовалъ поразительную картину пожаровъ, которыми были охвачены Перигоръ, нижній Лимузенъ, Руэрътъ, часть нижней Бретани; другой членъ Національнаго Собранія говорилъ о разбойникахъ, останавливавшихъ на дорогахъ спокойно проходившихъ крестьянъ, чтобы принудить ихъ присоединиться

¹⁾ *Histoire générale et impartiale des erreurs, des fautes et des crimes, commis pendant la Révolution française*, t. III, p. 156.

²⁾ *Ibidem.*, 159.

къ ихъ шайкѣ; Казалось, съ наружнымъ спокойствіемъ, которое было не что иное, какъ иронія озлобленія, рассказалъ про разрушеніе его замка; наконецъ, въ рѣзкой статьѣ, виконтъ де-Мирабо увѣрялъ, что во главѣ разбойниковъ «видѣли людей, лицо которыхъ не носило на себѣ слѣдовъ изнурительной работы, у которыхъ былъ при себѣ планъ мѣстности, которые говорили полатыни»¹⁾).

Въ то же время приходили изъ Марсели вѣсти, способныя увеличить общественное возбужденіе. Этотъ городъ, наполненный иностранцами, матросами всѣхъ націй, переполненный сбродомъ людей безъ имени, какими обыкновенно бываютъ наводнены всѣ большіе торговые порты, уже нѣсколько мѣсяцевъ находился въ состояніи кипѣнія. Между тамошними жителями и эскимъ парламентомъ шла борьба, горячая, какъ марсельское солнце. Это былъ прекрасный день для античнаго и впечатлительнаго города фокяенъ, когда народъ ходилъ въ Э освободить и привелъ оттуда съ триумфомъ шестьдесятъ трехъ арестантовъ, добычу, которую не хотѣла отдать жадная до преслѣдованія, упрямая, мстительная магистратура. Народная армія посадила своихъ сіяющихъ радостью протезе на фуры, украшенныя гирляндами; освободители носили на концѣ своихъ ружей куски разбитыхъ цѣпей²⁾). Процессія дефилировала передъ портретомъ короля, поставленнымъ подъ балдахиномъ въ залѣ совѣта; воспѣвали побѣду; давали деньги бѣднымъ; всѣ были счастливы. Но скоро настали часы траура. Попытка замѣнить истинной національной гвардіей войско янычаръ, наполовину состоявшее изъ дворянъ и крупныхъ купцовъ, вызвала на площади Туреть столкнове- ніе, единственную жертву котораго возили потомъ на траурныхъ дрогахъ по улицамъ города³⁾): трупъ, служившій знаменемъ. Послѣдовали смуты, и репрессія была беспощадна: въ лицѣ прево Бурнисака Марсель имѣла своего Лобарденона. Наконецъ, обличенный въ Національномъ Собраніи и виконтомъ Мирабо, который заклеимилъ этого кровожаднаго человѣка словомъ, болѣе жгучимъ, чѣмъ раскаленное желѣзо, недостойный прево, тѣмъ не менѣе, избѣгъ общественнаго мщенія⁴⁾), и передача дѣла

¹⁾ Buchez et Roux, *Histoire parlementaire*, t. IV, p. 317.

²⁾ *Histoire de la Révolution, par deux amis de la liberté*, t. IV. chap. III.

³⁾ *Ibidem*.

⁴⁾ *Ibidem*.

марсельскому сенешальскому суду оставила въ этомъ городѣ зародыши опаснаго броженія.

Такимъ образомъ, изучаемъ ли мы движенія революціи въ большихъ городахъ, или, идя слѣдомъ за новымъ духомъ, объѣзжаемъ деревни, повсюду тогдашняя Франція является охваченной опьяненіемъ, въ родѣ того въ какое впадаютъ больные, когда ихъ вдругъ выносятъ на свѣжій воздухъ. Однако, въ самый разгаръ этой горячки новаго порядка вещей, Балли, во главѣ депутаціи отъ Національнаго Собранія, представляется Людовику XVI и, по какому-то старинному обычаю, колѣнопреклоненно проситъ, умоляетъ короля принять отъ націи новогодніе подарки:

«Всемиловѣйшій государь, Собраніе послало насъ къ вашему величеству просить, чтобы вы сами назначили ту часть государственныхъ доходовъ, которую нація желаетъ посвятить на содержаніе высочайшаго двора, на содержаніе двора вашего августѣйшаго семейства и на ваши личные расходы. Но, ходатайствуя предъ вашимъ величествомъ объ этомъ знакѣ благоволенія, Національное Собраніе не могло не испытывать чувства безпокойства, порождаемаго вашими добродѣтелями. Мы знаемъ, государь, эту строгую экономію, которая беретъ свое начало въ любви къ народу и въ боязни увеличить его нужды; но какъ сильно огорчило бы вашихъ подданныхъ чувство, которое поѣшало бы вамъ принять свидѣтельство ихъ любви!»¹⁾

Эта рѣчь, въ формѣ напыщеннаго низкопоклонства, воздавала Людовику XVI, его любви къ экономіи, его простотѣ нравовъ, должное, которому подобало бы быть болѣе благороднымъ и болѣе достойнымъ. Онъ отвѣтилъ:

«Чувствительно тронуть рѣшеніемъ Національнаго Собранія... Я не злоупотреблю его довѣріемъ и подожду, чтобы высказаться, того момента, когда результатомъ его трудовъ будутъ обеспечены фонды для уплаты процентовъ, слѣдуемыхъ кредиторамъ государства, и для покрытія расходовъ, необходимыхъ для поддержанія общественнаго порядка, для обороны королевства. Что касается меня лично, то объ этомъ, въ настоящемъ случаѣ, всего меньше стоитъ заботиться»²⁾.

Бѣдный король! Онъ говорилъ правду въ эту минуту, и

¹⁾ Buechez et Roux, *Histoire parlementaire*, t. IV, p. 221.

²⁾ *Ibidem*, p. 221—222.

скоро мы увидимъ его протягивающимъ руку революціи, въ надеждѣ на возможное примиреніе... Но нѣтъ: онъ имѣлъ за собой несокрушимую логику королевской власти... и тѣхъ, чьи замки горѣли!

ГЛАВА III.

Марать, бравирующий судилище Шатлэ.

Шатлэ.—Важность этого судилища; его злоупотребленія.—Политическій духъ Шатлэ.—Молодые чиновники въ портретахъ, нарисованныхъ барономъ Безавалемъ.—Безаваль подъ надзоромъ Бурдона.—Враги революціи, судящіе враговъ революціи.—Поведеніе подсудимаго Безавалья.—Пристрастіе суда Шатлэ.—Таинственная записка Дюмурье къ Безавалю.—Озлобленіе народа противъ Шатлэ.—Памфлетная война.—Шатлэ преслѣдуетъ Марата.—Союзъ Шатлэ и парижской коммуны противъ Марата.—Дантонъ и клубъ Кордельеровъ принимаютъ сторону Марата.—Аббатъ Сійесъ и его законопроектъ противъ прессы.—Пикантные комментаріи Камилла Демулена.—Захватъ округа Кордельеровъ коммуной.—Толпа передъ домомъ Марата.—Страстное сочувствіе къ нему народа; грозное слово Дантона.—Марать спасенъ.—Глубина его роли.

Около этого времени возгорается необыкновенная и неожиданная борьба, свидѣтельствующая о быстрыхъ успѣхахъ революціи: борьба простого журналиста противъ одной изъ тогдашнихъ властей, передъ которыми всѣ трепетали.

Агонія парламентовъ была уже описана: приходилъ конецъ тому, что еще недавно было... правосудіемъ! Но такъ какъ революція не имѣла возможности создать въ одинъ день достаточное число нужныхъ ей орудій, то нѣкоторыя изъ орудій прошлаго продолжали еще функционировать, какъ, на примѣръ, судилище, извѣстное подъ именемъ Шатлэ.

Между судебными учрежденіями второго порядка Шатлэ былъ самымъ важнымъ. Тамъ обсуждалось и рѣшалось много различныхъ и важныхъ вопросовъ, и его юрисдикція, казалось, служила образцомъ для всѣхъ другихъ, такъ что писатели обыкновенно говорили: *такъ судить Шатлэ, такова его практика*¹⁾. Но непопулярность этого трибунала была такъ же велика, какъ и его важность, и эта непопулярность оправдывалась его огромными злоупотребленіями. Въ каждомъ засѣданіи гражданскаго отдѣленія изъ двухсотъ готовыхъ къ разбору дѣлъ выклика-

¹⁾ *Du Châtelet de Paris* въ *Bibliothèque historique de la Révolution*, 538—539. British Museum.

лось сорокъ или пятьдесятъ, а разрушалось только четыре или пять ¹⁾. Такъ что иногда судившимся приходилось ждать по два года, пока очередь дойдетъ до разбора ихъ дѣлъ. Судопроизводство было до того медленное, до того затрудняемое, что парламентскіе адвокаты, причисленные къ Шатлэ, нечувствительно пришли къ принятію очень страннаго обычая: они организовали комиссіи, гдѣ разбирали и рѣшали между собой довѣренныя имъ дѣла. Были предлагаемы реформы; заходила рѣчь объ увеличеніи числа засѣданій, и тѣмъ, кто спрашивалъ, какъ могли бы справляться адвокаты, отвѣчали: «Не отбивайте охоту у стряпчихъ, особенно не назначайте имъ за каждое дѣло смѣхотворное вознагражденіе въ двѣнадцать съ половиной су, и они будутъ охотно вести дѣла» ²⁾. Но лѣность шатлэскихъ судей была большимъ препятствіемъ, которое не могъ преодолѣть даже примѣръ дѣятельности, проявляемой высшими чинами магистратуры, которые имѣли засѣданія въ семь, даже въ десять часовъ пополудни, а съ четырехъ или пяти часовъ утра слушали доклады ³⁾.

Что касается политическаго духа Шатлэ, то онъ былъ таковъ, какого можно было ожидать отъ судей, все существованіе которыхъ было тѣсно связано съ прошлымъ, и которымъ революція угрожала.

Мы видѣли, какую роль, въ памятный день 12 іюля 1789 г., игралъ баронъ Безанваль. Арестованный, недѣли двѣ спустя, во время его бѣгства, на пути въ Швейцарію, онъ былъ заключенъ въ Бри-Контъ-Робертъ, въ тюрьму, помѣщавшуюся въ старинномъ, полуразрушенномъ замкѣ. Говоря объ этой эпохѣ своей жизни, онъ пишетъ: «Большинство этихъ молодыхъ людей Шатлэ были народъ веселый, простодушный, шаловливый, остроумный. Безкорыстные служители революціоннаго движенія, они не принимали въ немъ никакого идейнаго участія, и напыщенный фанатизмъ Бурдона казался имъ такимъ же смѣшнымъ, какъ и мнѣ» ⁴⁾. Этотъ Бурдонъ былъ впоследствии слишкомъ извѣстный термидористъ Бурдонъ. Безанваль, отданный подъ его присмотръ, находилъ особенное удовольствіе издѣваться

¹⁾ *Du Châtelet de Paris*, въ *Bibliothèque historique de la Révolution*, 538—539. British Musium.

²⁾ *Ibidem*.

³⁾ Томъ II, гл. XIV этого сочиненія.

⁴⁾ *Mémoires du baron de Besenval*, въ *Bibliothèque des Mémoires*, t. IV, p. 371. Британскій музей.

надъ комендантомъ законникомъ, *стряпчимъ въ воинскихъ дѣлахъ*, какъ онъ его называлъ, насмѣхаться и надъ его эполе-тамн, и надъ его шутовскимъ, по выраженію барона, героизмомъ. Но для насмѣшекъ, направленныхъ противъ того, кто въ этотъ моментъ и въ этомъ крѣпкомъ замкѣ былъ представителемъ революціи, нужна была снисходительная аудиторія, нужны были сообщники: кто же были эти смѣшливые сообщники Безанваля? Это были, по его собственнымъ словамъ, молодые люди Шатлэ, веселые и шуточные, безкорыстные слуги революціоннаго движенія, въ которомъ они не принимали никакого идейнаго участія.

Собраніе декретировало, что право преслѣдованія за государственныя преступленія должно принадлежать только представителямъ націи. А между тѣмъ, изъ желанія ли не осложнять слишкомъ свою задачу, или изъ боязни слишкомъ тяжелой отвѣтственности, оно вторымъ декретомъ, въ нарушение перваго, предало барона Безанваля и принца Ламбеска суду Шатлэ. Такимъ образомъ магистратамъ Шатлэ предоставили судить то преступленіе, которое они сами носили въ своемъ сердцѣ. При томъ еще они были призваны руководиться не формами и правилами стараго режима, но тѣми, которыя были великодушно приняты новымъ духомъ. Ибо замѣчательно, что это были враги революціи, которые первые воспользовались благотѣльными реформами, введенными революціей въ уголовномъ судопроизводствѣ, каковы: гласность, сообщеніе относящихся къ дѣлу документовъ, свобода сношенія обвиняемаго со своими защитниками, очная ставка свидѣтелей, обязательность законныхъ доказательствъ¹⁾.

Правосудіе, разсматриваемое въ самомъ общемъ его примѣненіи и съ самой возвышенной точки зрѣнія, выигрывало въ этомъ то, что преслѣдованіе преступленія во имя интересовъ общества могло тутъ потерять. Поэтому нѣтъ причины сожалѣть о томъ, что эти драгоцѣнныя нововведенія принесли пользу барону Безанвалю. Что касается князя Ламбеска, то ему удалось скрыться, и онъ не подвергался никакой опасности, кромѣ того только, что могъ быть осужденъ заочно; но что возбу-

¹⁾ Эти предварительныя реформы были, по предложенію Лафайета, исходатайствованы городомъ Парижемъ и получены, въ сентябрѣ 1789 г., отъ Національнаго Собранія, засѣдавшаго тогда еще въ Версали. *Mémoires de Lafayette*, t. IV, § 11.

дило негодование народа противъ трибунала Шатлэ, такъ это беззащитность, съ которой судьи выказывали свою симпатію къ подсудимому. Было замѣчено, что они старались поставить свидѣтелей въ затруднительное положеніе лукавыми вопросами или запугать ихъ ироническими замѣчаніями¹⁾. И манера обвиняемаго держать себя на судѣ была не такова, чтобы могла смягчить народное чувство, возставшее противъ него. Какъ Сулла, Безанваль хвасталъ, что онъ родился счастливецемъ²⁾, и это убѣжденіе, способное внушить великимъ людямъ отвагу на великія дѣла, не произвело на царедворца-насмѣшника и чловѣка ограниченнаго ума иного дѣйствія, кромѣ того, что сдѣлало его до крайности надменнымъ. Всѣми этими причинами объясняется буйство, которое проявилъ народъ, требуя его осужденія. Въ началѣ ноября 1789 г. Безанваль былъ переведенъ изъ тюрьмы Бри-Конть-Роберъ въ крѣпость Шатлэ, гдѣ ему была отведена комната священника³⁾. Печаль подняла шумъ по поводу этого снисхожденія, народный гнѣвъ усилился, и арестантъ слышалъ, съ утра до вечера, крики, что онъ достоинъ смерти, крики, долетавшіе до его уха, но не доходившіе до его сердца. Несмотря на все это, Безанваль чувствовалъ себя огражденнымъ отъ мщенія, которое онъ бравировалъ. Однажды онъ получилъ въ своей тюрьмѣ таинственную записку, содержащую только слѣдующія слова: *они придутъ, но я буду тамъ*. Авторомъ этой записки, какъ потомъ узнали, былъ Дюмурье⁴⁾.

Впрочемъ, Безанваль былъ не единственной причиной народнаго гнѣва, грохотавшаго вокругъ Шатлэ. Д'Отишанъ, де-Брольи, де Пюжегюръ были послѣдовательно проводимы предъ это слишкомъ лицепріятное судилище; его же вѣдѣнію подлежали дѣла объ октябрьскихъ событіяхъ; ему же пришлось рѣшать, не были ли возмутительныя пастырскія посланія епископа трегьерскаго призывомъ къ гражданской войнѣ, не составлялъ ли задуманный Ожаромъ, секретаремъ королевы, планъ увести короля въ Мецъ настоящаго государственнаго преступленія; и таково было, въ отношеніи всѣхъ знатныхъ подсудимыхъ, его

¹⁾ *Histoire de la Révolution, par deux amis de la liberté*, t. IV, chap. III

²⁾ *Notice sur la vie du baron de Besenval*, въ *Bibliothèque des Mémoires*, t. IV, p. 12. British Museum.

³⁾ *Ibidem*, p. 15.

⁴⁾ *Ibidem*.

всегдашнее поведеніе, что каждый могъ предвидѣть и предсказать съ увѣренностью скандалъ общей безнаказанности.

Началась памфлетная война противъ суда Шатлэ. Въ одномъ изъ этихъ писаній, вышедшемъ изъ *типографіи одного друга народа*, читаемъ:

«Вотъ уже прошло больше полгода, и уголовное дѣло о Ламбескѣ остается пріостановленнымъ, а Ламбескъ живетъ себѣ спокойно, разъѣзжаетъ отъ двора ко двору замышлять заговоры, поощрять козни противъ отечества, и получаетъ аккуратно свои огромныя пенсіи, и дворъ монарха, о, народъ! тотъ дворъ, который клялся всегда быть и дѣйствовать въ единеніи съ тобой, осмѣливается посылать Ламбеску новыя добавочныя суммы для выдачи жалованья твоимъ врагамъ!»¹⁾

Въ другихъ брошюрахъ, не менѣе рѣзкихъ и содержащихъ болѣе точныя обличенія, обвиняли судъ Шатлэ, столь милостивый къ знатнымъ преступникамъ, въ томъ, что онъ приговорилъ одного несчастнаго, по имени Делькро, къ изгнанію, на основаніи свидѣтельства проституттокъ; въ томъ, что онъ присудилъ къ каторжной работѣ, съ наложеніемъ клеймъ на обоихъ плечахъ, нѣкоего Кюре, все преступленіе котораго состояло въ рѣчи, которую онъ держалъ въ Пале-Роялѣ противъ королевы; въ томъ, что онъ, шатлэскій судъ, держалъ предварительно и въ противность новымъ установленіямъ, въ своихъ смрадныхъ тюрьмахъ по цѣлымъ мѣсяцамъ гражданъ, которые должны были быть судимы безотлагательно; въ томъ, что приговорилъ къ повѣшенію въ двадцать четыре часа, безъ соблюденія процессуальныхъ формъ, за разность по предмѣстью Сентъ-Антуанъ возмутительныхъ карточекъ, *содержанія которыхъ онъ не зналъ по неграмотности*, бѣднаго поденщика Адриэна, и это въ нарушеніе статьи уже опубликованнаго закона о чрезвычайныхъ военныхъ судахъ, гласившей: *одни только зачинщики и подстрекатели мятежа будутъ преслѣдуемы*²⁾. А Рутледжъ, смѣлый обличитель парижскаго интенданта Ленуара и шайки безчестныхъ барышниковъ, тотъ Рутледжъ, которому Неккеръ запретилъ публиковать что-либо о продовольственномъ дѣлѣ и который за это объявилъ самого Неккера подозритель-

¹⁾ *Détail circonstancié des complots journaliers du Châtelet*, въ *Bibliothèque de la Révolution*, 538—539.

²⁾ *Les crimes du Châtelet dénoncés à la nation. Ibidem.*

нымъ,—почему этотъ Рутледжъ былъ арестованъ, хотя противъ него не было никакихъ другихъ обвиненій, и почему его процессъ вели съ такой ядовитой горячностью? Затѣмъ слѣдовали нападки на патлэскихъ представителей магистратуры, въ отдѣльности, напримѣръ, на Фландра-де-Бренвиль, котораго обвиняли въ томъ, что онъ приписалъ своему отцу мнимое сумасшествіе, съ цѣлью присвоить себѣ его имущество, и добился заключенія его въ Шарантонъ¹⁾.

Что во всѣхъ этихъ обвиненіяхъ не было ничего преувеличеннаго—нельзя ручаться; несомнѣнно только то, что раздраженіе противъ Шатлэ было такъ велико, что изъ шестидесяти округовъ сорокъ одинъ просили Національное Собраніе объ отрѣшеніи судей²⁾.

Тутъ появляется Маратъ. Никто не открывалъ огня болѣе мѣтко, чѣмъ онъ: Шатлэ долженъ былъ наконецъ обезпokoиться, и былъ отданъ приказъ арестовать дерзкаго журналиста. Но чтобы добраться до Марата, надо было пройти черезъ округъ Кордельеровъ, пройти черезъ Дантона: Шатлэ почувствовалъ надобность призвать на помощь коммуны.

15 января 1790 г., Буше д'Аржи, одинъ изъ совѣтниковъ, побѣждалъ въ ратушу жаловаться на оклеветаніе его Маратомъ: онъ требовалъ суда за поношеніе его честнаго имени.

Тамъ находились Балли, Вермейль, Моро, Гильо-де-Бланшвиль, Селье, аббатъ Бертолио, каноникъ Сенъ-Викторъ и др.³⁾—все личности довольно темныя, за исключеніемъ Балли, но которыя тѣмъ не менѣе держали въ рукахъ, именемъ буржуазіи, неограниченную власть, ту власть, которую Лустало сравнивалъ съ властью Совѣта Десяти въ Венеціи. Извѣтъ Буше д'Аржи былъ выслушанъ съ полнымъ вниманіемъ, и послѣдовала резолюція поручить прокурору-синдику коммуны подать въ компетентный судъ жалобу, съ приложеніемъ листовъ изданія, озаглавленнаго *Другъ Народа*, именно его номеръ XXVII. вмѣстѣ съ тѣмъ резолюція эта поставила Буше д'Аржи, осыпавъ его похвалами, подъ особое покровительство коммуны; она возвѣщала также скорое опубликованіе *Обращенія къ Народу*, чтобы рекомендовать ему уваженіе къ судамъ; и, увѣренные, что лучшее

¹⁾ *Les crimes du Châtelet dénoncés à la nation, въ Bibliothèque de la Révolution.*

²⁾ *Ibidem.*

³⁾ Протоколы коммуны, въ *Bibliothèque historique de la Révolution*, 609—610.

средство помучить озлобленную душу Марата, это почтить его враговъ, думскіе властители въ то же время рѣшили послать торжественно депутацію къ Неккеру, тогда больному, освѣдомиться о его здоровьи, къ Неккеру, этому, по ихъ мнѣнію, истинному другу народа: *друзю города Парижа* ¹⁾.

Этотъ номеръ XXVII, противъ котораго городская ратуша находила столь необходимымъ возбудить судебное преслѣдованіе, заключалъ въ себѣ слѣдующій пассажъ, единственный, которымъ можно объяснить такой сильный гнѣвъ:

«Господинъ Фландръ де Брэнвиль — королевскій прокуроръ въ Шатлэ,—какъ могли вы вообразить, вы, который долженъ бы быть человѣкомъ разсудительнымъ, что Другъ Народа призналъ вашъ трибуналъ, онъ, который далъ обѣтъ сокрушить тиранію? Пока мои честные сограждане будутъ проникнуты тѣмъ же чувствомъ, ему, Другу Народа, не страшны никакія выходки со стороны враговъ общественнаго блага... Онъ принялъ требуемая благоразуміемъ предосторожности, чтобы долъше быть полезнымъ отечеству. Впрочемъ, онъ уже выкопалъ себѣ могилу, и безтрепетно сойдетъ въ нее» ²⁾.

При извѣстїи о рѣшенїи, принятомъ совѣтомъ *Трехсотъ*, Маратъ пришелъ въ бѣшенство. Онъ удивлялся иронически, что муниципалы выступили мстителами за Буше д'Аржи, вмѣсто того, чтобы сознаться въ собственномъ чувствѣ злобы, такъ какъ вѣдь онъ, Маратъ не забывалъ и ихъ въ своихъ обличенїяхъ! А что касается ихъ намѣренїа дать добрую репутацію своему протезе, то онъ не вѣритъ въ осуществимость этого желанїа, потому что никто не можетъ дать то, чего самъ не имѣетъ ³⁾. Переходя отъ брани къ возвышеннымъ соображенїямъ, онъ разбиваетъ, не безъ краснорѣчїа, доводы думскаго постановленїа о необходимости репрессій противъ заблужденїи печати. Онъ ссылается на примѣръ Англїи, гдѣ пресса благотельна именно благодаря свободѣ слова. Онъ утверждаетъ что будучи грознымъ для общественныхъ дѣятелей, онъ, Маратъ, никогда не профанировалъ того святилища, гдѣ заключена жизнь частнаго человѣка. И въ какой странѣ, достойной свободы, когда либо находили дурнымъ, что публичный дѣятель

¹⁾ См. въ *Procès-verbaux de la Commune*, протоколъ засѣданїа 15 янв. 1790 года.

²⁾ *L'Ami du Peuple*, № XXVII.

³⁾ *Ibid.*, № CI.

отдаетъ отчетъ общественному мнѣнію? Этому не бывало, по крайней мѣрѣ, въ Англіи. Загляните въ письма Юніуса, вы тамъ увидите автора безъ устали преслѣдующимъ перваго министра, разоблачающимъ его проекты, критикующимъ его управленіе, ежедневно выставляющимъ его на позорище, не давая ему отдыха, заставляя его утишать свою ярость опіумомъ»¹⁾).

Но въ то самое время, когда Маратъ такъ горячо защищалъ свободу мысли, Національное Собраніе, встревоженное размноженіемъ пасквилей, думало о томъ, какъ бы наложить узду на право писать. Въ засѣданіи 20 января, среди дебатовъ по вопросу объ организаціи департаментскаго управленія, Съейсъ вдругъ выступилъ, отъ имени конституціоннаго комитета, съ законопроектомъ *относительно проступковъ, могущихъ быть совершенными путемъ печати и посредствомъ опубликованія сочиненій, гравюръ и т. п....*

Такъ какъ этотъ проектъ не былъ тогда ни принятъ, ни даже обсуждаемъ, то мы вернемся къ нему въ свое время. Онъ былъ проникнутъ недоувѣріемъ и искусно, слишкомъ искусно организовалъ репрессию. Зачѣмъ только авторъ началъ высокопарными фразами, что печать измѣнила судьбы Европы; что она измѣнитъ лицо міра; что она была новой способностью, прибавившейся къ благороднѣйшимъ способностямъ человѣка; что она стала, для всего свѣта, тѣмъ, чѣмъ нѣкогда былъ голосъ оратора на площади Рима или Авинь; что чрезъ нее мысль гениальнаго человѣка, быстро разносящаяся по всему свѣту, поражаетъ ухо человѣческаго рода? Не будемъ сокращать, говорилъ Съейсъ, средствъ сообщенія между людьми; будемъ благопріятствовать возможно широкому обращенію мысли; будемъ остерегаться, чтобы неумѣстнымъ стѣсненіемъ свободы прессы не убить въ зародышѣ плодъ генія.. Великолѣбныя предпосылки! И чтобы придти... къ какому заключенію! Непослѣдовательный поклонникъ свободной мысли, Съейсъ требовалъ, чтобы ей обрѣзали крылья, послѣ того, какъ обѣщалъ ей полету безпредѣльность пространства.

Маратъ, слывшій главою черной теоріи подозрѣнія, которая впоследствии должна была сдѣлаться школой, довольствовался слѣдующей угрозой: «Чтеніе проекта вызвало ожи-

¹⁾ *L'Ami du Peuple*, № СII.

вленные рукоплесканія въ собраніи: лишняя причина не терять изъ виду аббата Съейса» ¹⁾...

Камилль Демуленъ взялъ тонъ, менѣе зловѣщій. Рѣдко глубокій, но всегда остроумный, онъ писалъ: «Есть одно прекрасное слово Октавія. Нѣкій аббатъ Съейсъ того времени однажды пришелъ, на утреннемъ выходѣ Цезаря, сказать ему, что свобода прессы выродилась въ своеволие; что тѣ, кто говоритъ объ императорѣ съ неуваженіемъ, должны быть подвергаемы наказанію. Августъ былъ тиранъ, и тиранъ перваго сорта; но на этотъ разъ—оттого ли, что обильный завтракъ, съ возліяніемъ фалернскаго, расположилъ его къ правдивости, или оттого, что онъ только что вышелъ изъ объятій Ливіи, отнятой имъ у ея мужа, или изъ объятій своей дочери Юліи,—онъ, подумавъ, отвѣтилъ: «Правду сказать, любезнѣйшій аббатъ Съейсъ, когда я подумаю, что моя особа священна и неприкосновенна и что я воленъ все дѣлать, мнѣ кажется, что я могу предоставить г. Марату и г. Прюдому свободу все говорить» ²⁾).

Однако, 22 января, по приказанію Балли ³⁾, Лафайетъ распорядился занять и оцѣпить войскомъ округъ Кордельеровъ. Не довольствуясь уже ранѣ принятымъ постановленіемъ объ обязательности формальной скрѣпы пятью комиссарами всякаго декрета, посягающаго на свободу гражданъ, проживающихъ на его территоріи, округъ Кордельеровъ гордо взялъ Марата подъ свою охрану и поставилъ двухъ часовыхъ у его двери. Вскорѣ улица Старой Комедіи, гдѣ помѣщались печатные станки Марата, наводнилась войскомъ. Появляются два судебныхъ пристава, показывая приказъ объ арестѣ, и эскортируемые отрядомъ пѣхоты. Имъ преграждаютъ проходъ. Толпа прибываетъ со всѣхъ сторонъ, скучивается. Одна женщина изъ народа поднимаетъ въ воздухъ пистолетъ который былъ у нея спрятанъ подъ платьемъ, и голосомъ, вибрація котораго соответствовала энергичности ея жеста, восклицаетъ: «Мой мужъ гренадеръ; если онъ арестуетъ Марата, я пошлю ему пулю въ лобъ!» ⁴⁾. Судебные пристава совѣщаются между собой, смущенные, испуганные; толпа вокругъ стоящихъ неподвижно солдатъ волнуется, шумитъ. Дантонъ прибѣгаетъ и кричитъ: «Если бы всѣ думали,

¹⁾ *L'Ami du Peuple*, № CV.

²⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 11.

³⁾ *Procès-verbaux de la Commune*, засѣд. 22 янв. 1790 г.

⁴⁾ *Chronique de Paris*, № 24.

какъ я, то ударили бы въ набатъ, и въ мигъ мы имѣли бы двадцать тысячъ человѣкъ, которые живо прогнали бы ихъ»¹⁾. Не смѣя пробиться черезъ толпу силой, пристава вернулись доложить суду Шатлэ о встрѣченномъ сопротивленіи. Формальный приказъ привести декретъ въ исполненіе. Но тѣмъ временемъ округъ послалъ въ Національное Собраніе депутацію, въ составѣ Паре, его президента, Дантона и Тестюла²⁾. Собраніе, объявивъ, что рвеніе округа, патріотизмъ котораго оно, впрочемъ, похвалило, зашло слишкомъ далеко, велѣло ему дать арестовать Марата, или даже предать его въ руки правосудія. Тогда сопротивленіе прекратилось; но это было пораженіе въ побѣдѣ; домъ, открытый наконецъ, оказался пустымъ: Маратъ былъ въ безопасности³⁾.

Чтобы понять возбужденіе, которое производили между народомъ преслѣдованія, направленные противъ этого страннаго человѣка, нужно припомнить, какую роль онъ взялъ на себя и съ какимъ искусствомъ, смѣшаннымъ съ дикимъ убѣжденіемъ, онъ игралъ эту роль. Уже въ 1789 г., почти въ началѣ его карьеры, онъ жалуется съ тайной снисходительностью и притворной горечью на тягость, которою его обременяетъ народное довѣріе. Этотъ бѣдный *Другъ народа!* всѣ осаждаютъ его; у него отнимаютъ время, у него отнимаютъ покой его ночей. Если тяжущемуся измѣнилъ его адвокатъ; если гражданинъ спорить съ администраціей; если какой либо грубый мужъ дурно обращается съ своей женой, если какой либо несчастливецъ ищетъ человѣческое существо, способное къ жалости... скорѣй къ *Другу народа!* *всегда къ Другу народа!* Нужно видѣть, какъ Маратъ самъ рассказываетъ, въ статьѣ подъ заглавіемъ «Необыкновенное приключеніе», исторію одной молоденькой и хорошенькой бѣглянки-монахини, пришедшей къ нему просить убѣжища! Это другая *инокиня Дидро* называлась Анной Барбье. Ей удалось убѣжать изъ монастыря, гдѣ ее тиранили; и къ кому же прибѣгнуть, какъ не къ *Другу народа?* И вотъ она передъ Маратомъ. Тотъ принимаетъ ее, крестить ее въ патріотки, шутиво излагаетъ ея приключеніе въ своемъ журналѣ и, принявъ вдругъ свой обычный свирѣпый видъ, говоритъ повелительнымъ

¹⁾ *Procès-verbal des huissiers Damiens et Ozanne.*

²⁾ *Chronique de Paris*, № 24.

³⁾ См. «*Сборникъ протоколовъ коммунъ*», 22 января, и *Chronique de Paris*, № 24.

тономъ: «Окружной комитетъ, полицейскій судъ должны оказать защиту этой несчастной... Если Анна Барбье не добьется праваго суда, она можетъ снова обратиться къ *Другу народа*, защитнику угнетенныхъ»... А что касается преслѣдовательницъ прелестнаго ребенка, то онъ, Марать, предупреждаетъ, что, въ случаѣ надобности, притянетъ ихъ къ суду дамъ рынка! ¹⁾

Такимъ образомъ, держа перо, вмѣсто меча, Марать, казалось, какъ преемникъ самыхъ угрюмыхъ средневѣковыхъ странствующихъ рыцарей, взялъ на себя миссію «поддерживать доброе право слабыхъ, какъ вдовъ, сиротъ и дѣвицъ въ добромъ спорѣ». Предмѣстья вѣрили этому и потому любили его.

Было естественно также, что народъ, подвергаясь столькимъ разнаго рода угнетеніямъ, былъ признателенъ ему за ту безпощадную войну, которую онъ велъ противъ всѣхъ, кто не принадлежалъ къ народу. Однажды, когда, при свиданіи съ Маратомъ, Камилль откровенно упрекалъ его въ слишкомъ большой поспѣшности сужденій, въ еще болѣеи стремительности обвиненій, не скрывъ отъ него, что нѣкоторые смотрятъ на него, какъ на зачинщика смуты, состоящаго на жалованьи у аристократіи, Марать отвѣтилъ слѣдующими заключительными словами своихъ нападокъ на Неккера:

«Враги народа, которые и мои враги, рассказываютъ, что мое перо продажное. Кому же это, скажите на милость, я продался? Не Національному ли Собранію, которое я такъ часто призывалъ къ исполненію его долга? Не коронѣ ли, на узурпаціи и прерогативы которой я всегда нападалъ? Не министерству ли, членовъ котораго я обличалъ, какъ измѣнниковъ отечества? Не принцамъ ли, обузданія скандальной роскоши которыхъ я требовалъ? Не духовенству ли, распущенность котораго я не переставалъ обличать и имущества котораго я предлагалъ возвратитъ бѣднымъ? Не дворянству ли, несправедливыя притязанія котораго я осуждалъ, на привилегіи котораго я нападалъ, коварные замыслы котораго я разоблачалъ? Не парламентамъ ли, упраздненія которыхъ я требовалъ? Не финансистамъ ли, грабителямъ, лихоимцамъ, пивкамъ государства, относительно которыхъ я требовалъ, чтобы нація заставила ихъ отдать неправо нажитое? Не капиталистамъ ли, банкирамъ, спекулянтамъ, которыхъ я преслѣдовалъ, какъ общественную

¹⁾ *L'Ami du Peuple*, № LXXXVIII.

язву? Не муниципалитету ли, который велѣлъ меня арестовать? Не округамъ ли, которые я предлагалъ реформировать? Не національной ли милиции, глупые поступки которой и ея глупое довѣріе къ подозрительнымъ вождямъ я выяснилъ. Остается, значитъ, народъ, права котораго я постоянно защищалъ и въ отношеніи котораго мое рвеніе было безгранично? Но народъ никого не подкупаетъ. И потомъ зачѣмъ ему подкупать меня? Я и безъ того весь къ его услугамъ. Вмѣнять ли въ преступленіе то, что я отдался народу?»¹⁾

— Съ конца января Маратъ исчезаетъ со сцены... Но ненадолго; вскорѣ мы увидимъ его вновь выступающимъ на ней и болѣе грознымъ, чѣмъ когда-либо.

ГЛАВА IV.

Гражданская присяга.

Національное Собраніе въ манежѣ Тюльерійскаго дворца.—Обидныя влички.—Настроеніе *правыхъ* членовъ собранія.—Уныніе королевы.—Чувства Людовика XVI въ эту эпоху.—Его письмо къ гротмейстеру Мальтійскаго ордена.—Совѣты Неккера.—Королевское засѣданіе 4 февраля; рѣчь короля; неописуемый энтузіазмъ; гражданская присяга, принесенная собраніемъ и трибунами; четыре члена отказываются; виконтъ Мирабо ломаетъ свою шпагу.—Балли на крыльцѣ ратуши.—Весь Парижъ приноситъ гражданскую присягу; провинція слѣдуетъ его примѣру.—Необыкновенное ликованіе.—Принесеніе присяги герцогомъ Шартрскимъ; герцогъ Орлеанскій присылаетъ свой присяжный листъ изъ Лондона.—Суровая рѣчь Лустало.—Казалось тщетно предлагать дать Людовику XVI диктатуру на три мѣсяца.—Зловѣщія предостереженія.

Національное Собраніе засѣдало въ архіепископскомъ дворцѣ всего только двадцать дней²⁾, и въ началѣ 1790 года оно уже около двухъ мѣсяцевъ находилось въ новомъ помѣщеніи—въ манежѣ Тюльерійскаго дворца, на перекресткѣ улицъ Риволи и Кастильоне: новая лабораторія, новое поле битвы, гдѣ должны были обнаружиться тѣ же трудности и столкнуться тѣ же проявленія гнѣва.

Работа, которую предстояло исполнить, была громадна и чрезвычайно трудна. Нужно было привести къ концу огромную операцію преобразования провинцій въ департаменты; нужно было избѣгнуть банкротства посредствомъ какой-нибудь геніальной финан-

¹⁾ Цитировано Камиллемъ Демуленомъ въ *Révolutions de France et de Brabant*, № 9.

²⁾ *Mémoires de Weber*, t. II, chap. IV.

совой мѣры; нужно было по вопросамъ объ управленіи имуществами духовенства, объ ихъ употребленіи, о замѣнѣ десятины жалованьемъ, объ установленіи въ будущемъ отношеній между церковью и государствомъ принять то или другое рѣшеніе, откуда могъ вспыхнуть пожаръ; нужно было организовать юстицію, нужно было дополнить конституцію. И цѣной какой борьбы революція давала до конца эти труды! Ибо въ Тюльери, какъ и въ архіепископскомъ дворцѣ, какъ и въ Версали, была правая сторона и лѣвая сторона, то есть противъ арміи будущаго стояла, мѣряя ее глазами и угрожая ей жестомъ, буйная армія прошлаго.

Зала, куда переселилось изъ архіепископскаго дворца національное представительство, была прежде манежемъ: это обстоятельство доставило различнымъ партіямъ, образовавшимся въ Собраніи, обидныя клички, придуманныя взаимной ненавистью. Большое число священниковъ, епископовъ и другихъ лицъ, одѣтыхъ въ черное, которые наполняли правую сторону залы, дало поводъ называть *воронами* завсегдатаевъ этой стороны. Они быстро отразили оскорбленіе, прозвавъ своихъ противниковъ *индюками*; но такъ какъ это прозвище не вошло въ фаворъ, то они замѣнили его кличкой *бѣшеные*, какъ называли въ Парижѣ наемныхъ лошадей, которыми обыкновенно пользовались для поѣздокъ въ Версаль, по причинѣ дороговизны королевской почты ¹⁾). Контрреволюціонеры были называемы также *зеленой партіей*, и безъ сомнѣнія, по намеку на ливрею графа д'Артуа, или же на одушевлявшую ихъ надежду, что имъ удастся современемъ все перевернуть вверхъ дномъ ²⁾).

Эти прозвища, которыя, впрочемъ, полезно знать для пониманія тогдашнихъ произведеній печати, не имѣли бы другой исторической важности, если бы они не служили къ характеристикѣ вражды, существовавшей между двумя лагерями, вражды глубокой, при которой достаточно было малѣйшаго инцидента, чтобы вызвать взрывъ. Столько разъ, въ самомъ дѣлѣ, споръ доходилъ чуть не до кулачнаго боя! Однажды, когда лѣвая сторона была очень оживлена, а правая очень спокойна, аббатъ Монтескюз, занимавшій тогда предсѣдательское кресло, замѣтилъ, что собраніе походитъ на тѣ несчастные народы Индостана, ко-

¹⁾ *Histoire de la Révolution, par deux amis de la liberté*, t. III, chap. XIII.

²⁾ *Règne de Louis XVI*, t. VI, chap. XXIII.

торые видятъ по правую руку солнце, а по лѣвую бурю¹⁾; но сколько разъ и *вороны*, въ свою очередь, навлекали на себя обвиненія этого рода!

Бывали, однако, моменты, когда новый духъ увлекалъ души въ высшія области, подъ которыми скучиваются облака, и собраніе являлось единоклѣпнымъ и истинно великимъ.

Таково было засѣданіе 23 октября 1789²⁾, когда былъ введенъ, въ среду представителей французскаго народа одинъ бѣдный крестьянинъ, который былъ крѣпостнымъ около полстолѣтія при Людовикѣ XIV, который послѣ того еще провелъ много лѣтъ въ крѣпостномъ состояніи и который теперь, въ возрастѣ ста двадцати одного года, захотѣлъ, передъ смертью, возблагодарить за отвоеванную свободу Бога и Францію. Этотъ старѣйшій представитель человѣческаго рода приходилъ въ Парижъ изъ глубины Юры, когда ему было восемнадцать лѣтъ отъ роду. Какую перемену онъ увидѣлъ во второе свое путешествие, столѣтіе спустя! Маленькій постоянный дворъ, въ которомъ онъ тогда останавливался, превратился въ великолѣпный отель, и тогдашняя темная улица стала однимъ изъ красивѣйшихъ кварталовъ...: незначительныя метаморфозы, въ сравненіи съ тѣми, которыя невѣдомая сила произвела въ умахъ и сердцахъ людей! Житель Юры былъ крѣпостнымъ въ то время, крѣпостнымъ одного священника; теперь онъ свободный человѣкъ! Когда онъ вошелъ въ залу, гдѣ засѣдали тѣ, которыхъ называли отцами отечества, Національное Собраніе, охваченное чувствомъ того священнаго удивленія, которое лакедемоняне оказывали старости, встало все какъ одинъ человѣкъ. Столѣтній старецъ шелъ нетвердыми шагами, но поддерживаемый своими двоюродными внуками и молодой дѣвушкой, своей Антигоной. Его усадили въ кресло противъ президентскаго бюро и просили накрыться. Онъ не говорилъ; только крупныя слезы катились по его увядшимъ щекамъ. «Будьте счастливы, сказалъ ему президентъ, зрѣлищемъ отечества, ставшаго свободнымъ!» Въ этотъ день была только одна мысль въ Національномъ Собраніи, мысль умиленія, великодушія, надежды. Но, увы! съ слѣдующаго же дня дворяне опять взылись за эфесъ своей шпаги для возстановленія своихъ при-

1) *Règne de Louis XVI*, t. VI, chap. XXIII.

2) См., независимо отъ *Moniteur*, также *Règne de Louis XVI*, t. VI ch. XXIII.

вилегій, а духовныя особы, потерявшія своихъ крѣпостныхъ, снова начали стонать!

И при дворѣ тоже стонали. Однажды, когда кто-то, въ присутвіи дофина, произнесъ слова: *Счастлива, какъ королева, молодой принцъ съ живостью воскликнулъ: Мама не можетъ быть счастливой, она всегда плачетъ*¹⁾. Въ сущности, изъ всѣхъ представителей прошлаго только одинъ былъ бы способенъ, еслибы онъ оставался господиномъ своихъ поступковъ, къ разумной и искренней уступчивости: это былъ Людовикъ XVI. 18 ноября 1789 г., въ посланіи, которое не предназначалось къ оглашенію, онъ писалъ гротмейстеру Мальтійскаго ордена:

«Милый кузень!

Въ благочестивые вѣка великодушная Франція осыпала благодареніями орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго. Христіанскій міръ призналъ ихъ полезность; ему угодно было еще даровать вашимъ рыцарямъ всѣ тѣ привилегіи, которыя они сохранили до сего дня. Короли, мои предки, санкціонировали волю основателей и право правителей. Настоятельныя обстоятельства привели къ перемѣнѣ въ политическомъ порядкѣ Франціи. Рыцари французскаго языка безъ сомнѣнія, послѣдуютъ данному мною примѣру. Когда всѣ сословія государства приносятъ жертвы, они, конечно, не останутся позади. Предоставляю вашей мудрости, мой кузень, принять мѣры, которыя бы совпадали съ трудами Національнаго Собранія. Засимъ молю Бога, мой кузень, да хранить Онъ васъ.

Людовикъ»²⁾.

Это письмо, какъ видимъ, не согласуется съ тѣмъ, которое Людовикъ XVI, послѣ изданія августовскихъ декретовъ, писалъ арльскому архіепископу и въ которомъ онъ возвѣщалъ свою твердую рѣшимость не допустить посягательства на привилегіи первенствующихъ сословій. Но эти противорѣчія, въ такой короткій промежутокъ времени, нисколько не удивительны со стороны государя, который, то поработенный королевой, то подпадавшій подъ вліяніе Неккера, болѣе соотвѣт-

¹⁾ *Mémoires de Weber*, t. II, chap. IV, p. 8. Collection Barville et Barrière.

²⁾ *Political and confidential correspondence of Lewis the Sixteenth, with observations on each letter*, by Helen Maria Williams, vol. I, p. 260, London, 1801.

ствовавшее его личнымъ расположеніямъ, никогда не былъ двудушнымъ а противорѣчилъ себѣ единственно по безхарактерности. Въ началѣ же 1790 г. человѣкъ, совѣты котораго всего легче находили дорогу къ его сердцу, былъ Неккеръ.

Среди общаго потрясенія этотъ послѣдній смотрѣлъ на привязанность націи къ особѣ короля, какъ на связующее звено, какъ на средство охранить монархію; объ этомъ онъ самъ писалъ гдѣ-то: «Какой предметъ для размышленія государей! Какое поощреніе для нихъ къ добродѣтели! Буря усиливается, воды поднимаются, и ихъ характеръ, подобный радугѣ, напоминаетъ о надеждѣ!»¹⁾ Онъ старался поэтому убѣдить Людовика XVI, въ чемъ и успѣлъ безъ труда, что онъ, король, одинъ только можетъ, посредствомъ громкой манифестаціи своихъ политическихъ чувствъ, разрушить недовѣріе, которое замедляетъ труды Національнаго Собранія, поддерживаетъ въ Парижѣ опаснѣйшей раздраженіе и проявляется грабежами въ провинціи. Не увѣряютъ ли всѣ въ одинъ голосъ, что «спокойствіе возстановится, если король объяснится, если онъ позволитъ читать въ глубинѣ его сердца, если онъ соединитъ мнѣнія, если онъ увлечетъ къ довѣрію авторитетомъ своего примѣра?»²⁾ Такъ говоритъ министръ. Король подписался подъ всѣмъ, и Неккеръ сочинилъ для него рѣчь, гдѣ онъ выражалъ, въ формѣ, способной смягчить сердца, самыя популярныя чувства.

Чтобы лучше сберечь ожидаемый эффектъ, условились хранить молчаніе о проектированномъ шагѣ: 4 февраля, при открытіи засѣданія, президентъ Національнаго Собранія получилъ, когда этого всего менѣе ожидали, записку отъ короля: «Предупреждаю г. президента Національнаго Собранія, что рассчитываю прибыть туда около полудня; желаю быть принятымъ безъ церемоніи»³⁾.

Раздались аплодисменты со всѣхъ сторонъ, и тотчасъ же была послана депутація на встрѣчу королю.

Чахоль изъ фіолетоваго бархата, усѣянный золотыми лиліями преобразилъ въ родъ трона кресло президента, которому поставленъ былъ простой стулъ и который, въ ожиданіи короля, предсѣдательствовала стоя. Вскорѣ, предшествуемый нѣсколь-

1) *Sur l'administratioin de M. Necker*, par lui-même, p. 209—210.

2) *Ibidem*, p. 210.

3) *Moniteur*, séance du 4 fevrier 1790.

кими пажами и сопровождаемый министрами, приѣзжаетъ Людовикъ XVI, одѣтый въ простой черный фракъ. При видѣ его зала огласилась радостными кликами, послѣ чего всѣ продолжали стоять въ почтительной позѣ. Король, какъ бы не желая остаться въ долгу по части вѣжливости, намѣренно не сѣлъ, и, держа шляпу въ рукѣ¹⁾, произнесъ рѣчь, сочиненную ему Неккеромъ.

Въ этой рѣчи, послѣ нѣсколькихъ скорбныхъ намековъ на происходящія въ странѣ раздоры, порожденные столькими нововведеніями, воздавалась хвала великимъ трудамъ, исполненнымъ уже Собраніемъ, и особенно трудамъ по организаціи департаментскаго управленія. Отнынѣ всякія попытки поколебать конституцію были бы разсматриваемы, какъ направленные одновременно противъ народа и противъ короля. Рѣчь взывала, съ нѣкоторой робкой важностью, къ тому «духу свавѣдливости, который служитъ охраной собственности», и къ чувству, которое «напоминаетъ націи о древности и непрерывности заслугъ почтенныхъ родовъ»; но король не колеблясь санкціонируетъ то, что было завоевано на невѣжествѣ и ошибкахъ прошлаго; и на другіе захваты, лишь бы только они не имѣли ничего насильственнаго и опрометчиваго. Онъ на все взираетъ безъ боязни. «Безъ сомнѣнія, говорилъ далѣе Людовикъ XVI, тѣ, кто отказался отъ большихъ денежныхъ привилегій, тѣ, кто не будетъ болѣе, какъ прежде, составлять политическаго сословія въ государствѣ, подверглись жертвамъ, важность которыхъ мнѣ хорошо извѣстна; но я увѣренъ, что они будутъ достаточно великодушны, чтобы искать вознагражденія во всѣхъ общественныхъ благодѣяніяхъ, выгоду которыхъ представляетъ учрежденіе Национальныхъ Собраній. Я тоже могъ бы считать понесенныя мною потери, еслибы, среди величайшихъ интересовъ государства, остановился на личныхъ расчетахъ, но я нахожу достаточное, полное вознагражденіе въ увеличеніи счастья націи, и выражаю здѣсь это чувство изъ глубины сердца. По этому я буду защищать, буду поддерживать и сохранять конституціонную свободу, принципы которой освящены общимъ желаніемъ, согласнымъ и съ моимъ желаніемъ. Я сдѣлаю больше, и, въ согласіи съ королевой, которая раздѣляетъ всѣ мои чувства, я буду съ дѣтства готовить умъ и сердце моего сына къ

¹⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 12.

новому порядку вещей, къ которому привели обстоятельства. Я буду приучать его, съ первыхъ годовъ, быть счастливымъ счастиемъ французовъ.....»¹⁾).

Великъ былъ энтузіазмъ этого быстро воспламеняющагося французскаго народа, и прежде всего Національнаго Собранія. Бареръ, обливаясь слезами, восклицалъ: *Ахъ, какой добрый король! да, ему слѣдуетъ воздвигнуть золотой, усыпанный алмазами тронъ!*²⁾. Одни только фанатики на правой сторонѣ казались опечаленными, «что устраняетъ всякое сомнѣніе», писалъ Камюсъ³⁾).

Едва Людовикъ XVI вышелъ изъ залы засѣданій, какъ старшій Гупиль де Префельнъ предложилъ Собранію связать себя, въ отношеніи поддержанія конституціи, торжественной присягой. Предложеніе это въ мигъ принимается среди живѣйшихъ восторговъ. «Кто откажется, вскричалъ Камюсъ, тотъ не можетъ оставаться членомъ Собранія»⁴⁾. Президентъ Бюро де Пюзи первый всходитъ на трибуну и клянется *быть вѣрнымъ націи, королю, закону и поддерживать всеми силами конституцію, декретированную Собраніемъ и принятую королемъ*. Каждый спѣшитъ послѣдовать его примѣру. Съ высоты трибунъ для публики, глубоко взволнованныхъ, падаетъ бумага, на которой начертана формула присяги; взоры Собранія устремляются въ эту сторону, и вотъ зрители, въ общемъ порывѣ, всѣ поднимаются и, въ свою очередь, восклицаютъ: «Клянусь!»

Только нѣсколько депутатовъ отказались присягать: Бергасъ, де Шалуїе, де Бельбефъ и пылкій виконтъ де Мирабо. Этотъ послѣдній даже, выходя изъ залы засѣданій, вытащилъ свою шпагу, переломилъ ее о колено и сказалъ: «Когда король ломаетъ свой скипетръ, его слуги должны переломить свою шпагу»⁵⁾. Мори присягнулъ, и на упреки виконта отвѣтилъ стихомъ:

Le parjure est vertu quand le serment fut crime⁶⁾.

¹⁾ *Moniteur*, séance du 4 fevrier 1790.

²⁾ *Mémoires de Weber*, t. II, chap. IV.—Авторъ говоритъ, что онъ былъ очевидцемъ описываемаго имъ.

³⁾ *Révolutions de France et de Brabant*.

⁴⁾ *Mémoires de Ferrières*, t. I, liv. V.

⁵⁾ *Mémoires de Weber*, t. II, chap. IV.

⁶⁾ «Клятвопреступленіе есть добродѣтель, когда клятва была преступленіемъ». *Ibidem*.

«Отвѣтъ этотъ, произвелъ свое дѣйствіе, прибавляетъ Веберъ, разсказывающій объ этихъ обстоятельствахъ и присутствовавшій при описанной сценѣ; ибо члены, которыхъ я назвалъ, вскорѣ вернулись въ лоно Собранія, за исключеніемъ Бергаса»¹⁾).

Протестъ этого послѣдняго былъ выраженъ слѣдующими словами: «Я повинуюсь закону, когда онъ разуменъ, какъ повинуюсь моему разсудку. Я подчиняюсь закону, когда онъ неразуменъ, какъ подчиняюсь необходимости; но я даю клятву поддерживать только то, что справедливо, и если, случайно, казавшееся мнѣ сегодня справедливымъ завтра окажется несправедливымъ, я отвергну его такъ же, какъ прежде поддерживалъ»²⁾).

Была избрана депутація для поднесенія королю благодарственнаго адреса, и по возвращеніи изъ дворца она отдала, въ томъ же засѣданіи, отчетъ объ исполненіи даннаго ей порученія. «Мы встрѣтили, сказалъ Тарже, королевское семейство, которое шло на встрѣчу его величеству. Королева обратилась къ намъ съ слѣдующими милостивыми словами: «Я раздѣляю всѣ чувства короля и присоединяюсь сердцемъ и умомъ къ шагу, который только что продиктовала ему его любовь къ своему народу. Вотъ мой сынъ; я буду постоянно говорить ему о добродѣтеляхъ лучшаго изъ отцовъ, и съ ранняго возраста научу его уважать общественную свободу, которой, надѣюсь, онъ будетъ самой твердой опорой»³⁾).

Въ тотъ же вечеръ коммуна послѣдовала примѣру Національнаго Собранія. По предложенію Дантона⁴⁾, Балли вышелъ на главное крыльцо ратуши, чтобы прочесть оттуда толпѣ, покрывавшей Гревскую площадь, формулу присяги. Тогда, при боѣ барабановъ, при блескѣ факеловъ, вдругъ залившихъ площадь свѣтомъ, тысячи рукъ поднялись и раздался тысячеголосный крикъ: *клянусь!* такой энергичный, такой могучій, что, перекатываясь многократнымъ отголоскомъ, онъ донесся до самыхъ дальнихъ окраинъ Парижа, пришедшихъ въ неописуемую радость. Огонь охватилъ всѣ души; всѣ округи, одинъ за другимъ, повторили гражданскую присягу; учащіеся сдѣлали то же. Это на площадяхъ, при радостныхъ кликахъ гражданъ, наполнявшихъ окна, исполнялся въ формѣ, достойной республикъ древняго

¹⁾ *Mémoires de Weber*, t. II, ch. IV.

²⁾ *Histoire de la Révolution, par deux amis de la liberté*, t. IV, chap. VIII.

³⁾ Засѣданіе 4 февраля 1790 г.

⁴⁾ Buchez et Roux, *Histoire parlementaire* t. IV, p. 445.

міра, этотъ актъ вѣры и преданности идеѣ, новой идеѣ. Парижъ нарядился въ праздничное платье; ратуша иллюминировалась, и рѣчь, въ которой Людовикъ XVI, казалось, окончательно отдался революціи, была выгравирована золотыми буквами на бронзовой доскѣ¹⁾.

Принцъ Конти, сначала эмигрировавшій, теперь вернулся на родину: онъ принесъ гражданскую присягу въ своемъ округѣ, въ округѣ Якобинцевъ. Съ своей стороны, молодой герцогъ Шартрскій, которому суждено было впоследствии быть королемъ подъ именемъ Луи-Филиппа, поспѣшилъ совершить актъ гражданина. Когда президентъ округа, къ которому принадлежалъ Пале-Рояль, представилъ ему для подписи присяжный листъ, онъ зачеркнулъ свои титулы, вписанные впереди противъ его имени, замѣнилъ ихъ словомъ «гражданинъ» и росписался. Отецъ его находился въ то время въ Англіи и прислалъ оттуда свое заявленіе о произнесеніи присяги²⁾.

Письмо герцога Орлеанскаго содержало одинъ пассажъ, заслуживающій быть приведеннымъ:

«Я слѣдилъ за трудами Национальнаго Собранія съ тѣмъ большимъ интересомъ, что имѣлъ счастье всегда находить мое личное желаніе согласнымъ съ общимъ желаніемъ, выраженнымъ его декретами. Раздѣляю также чувства любви и уваженія, которыя внушилъ Собранію истинно королевскій и отеческій шагъ его величества, когда безъ иной свиты, кромѣ своихъ добродѣтелей, безъ иного побужденія, кромѣ своей любви къ своему народу, государь пришелъ присоединиться къ представителямъ націи, чтобы утвердить и ускорить, если возможно, счастливое возрожденіе, обезпечивающее навсегда славу и счастье Франціи».

Контръ-революціонеры казались опечаленными, и это обстоятельство придавало еще больше живости восторгамъ общественнаго мнѣнія. По вотированіи благодарственнаго молебна, законодательный корпусъ, совѣтъ трехсотъ, съ Балли во главѣ, Лафайетъ и шестьдесятъ батальоновъ отправились торжественной процессіей въ соборъ Богоматери. Кавалерія открывала шествіе между шпалерами пѣхотныхъ войскъ. Какъ только представители націи вошли въ храмъ, воинственный гимнъ огласилъ его вну-

¹⁾ *Sur l'administration de Necker, par lui-même*, p. 216.

²⁾ *Buche et Boux, Histoire parlementaire*, t. V, p. 360.

тренность и пушечная пальба потрясла его своды. Поставленъ былъ алтарь античной формы для совершенія обряда. Монахъ Сень-Викторъ, тогдашній президентъ коммуны, подошелъ къ алтарю, и едва произнесъ онъ священныя слова, какъ поднялись тысячи рукъ. Знамена развѣвались, гренадеры махали саблями. Вдругъ, какъ это имѣло мѣсто въ другомъ случаѣ, солнце, скрывавшееся до этого момента, прорѣзало облако, и лучи его ярко освѣтили церковь. Не было ли это явленіемъ самого Бога? И легковѣрный народъ отвѣтилъ на это предзнаменованіе восторженными криками¹⁾.

О, неумолимый геній разрушенія! О, фатальность! Еще три года, всего только три года, и Людовикъ XVI перестанетъ жить... Да что три года! не слышатся ли и теперь уже отдаленные раскаты грома! Какъ онъ леденитъ сердце, среди радостныхъ пѣснопѣвній и полныхъ надежды кликовъ, этотъ суровый голосъ Лусталò, сказавшаго: «Зачѣмъ это празднество? Вѣдь король только исполнилъ свой долгъ. Не было лестнымъ для него благодарить Небо за то, что онъ сдѣлалъ доброе дѣло, ни утѣшительнымъ для народа придавать такую важность исполненію долга. Если бы воспѣвали гимнъ Юпитеру за каждое доброе дѣло Тита, который считалъ потеряннымъ день, въ который не сдѣлалъ ни одного добраго дѣла, то префектъ Рима скоро исчерпалъ бы общественную казну²⁾».

А Камилль Демулень—что сказалъ онъ въ то время, когда по поводу убійства нѣсколькихъ комми въ Безьерѣ и смуты въ провинціи, Казалесъ тщетно требовалъ для короля диктатуры на три мѣсяца? Онъ изложилъ республиканское profession de foi въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Можно ли находить дурнымъ, что я изъ тѣхъ римлянъ, которые стонали, когда Антоній, на праздникъ луперкалій, возложилъ діадему на голову Цезаря? О королевской власти я того же мнѣнія, какъ д-ръ Ричардъ Прайсъ, и мы подаемъ другъ другу руку черезъ раздѣляющія насъ моря³⁾». Затѣмъ, дойдя до отрицанія за королемъ права назначать даже низшихъ чиновниковъ, онъ прибавилъ: «Я знаю только Адама, изъ ребра котораго былъ созданъ другой квази-Адамъ. Да и то это не онъ самъ вынулъ изъ себя

¹⁾ *Histoire de la Révolution, par deux amis de la liberté*, t. IV, chap. VIII.

²⁾ *Révolution de Paris*, № 32.

³⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 11.

ребро, онъ спалъ, когда совершилось это чудо... Народъ—это горшечникъ, король—это лишь первый сосудъ: можетъ ли сосудъ сдѣлать другой сосудъ?! Зажигаемъ факель другому; но если огонь сообщается самъ собой, онъ можетъ все охватить пламенемъ пожара»¹⁾).

Какъ легко было вамъ, бурныя дуновенія, загасить иллюминаціи ратуши и смести благодарственные молебны.

ГЛАВА V.

Красная книга.

Народъ при старомъ режимѣ; его бѣдственное положеніе.—Существованіе *Красной книги*, открытое Камюсомъ.—Водуенъ предлагаетъ свои услуги къ напечатанію ея безвозмездно.—Скандальный характеръ пенсій и пособій.—Пенсія луны.—Пенсія, платимыя покойникамъ.—Камюсъ настоятельно требуетъ выдачи *Красной книги*; сопротивленіе Неккера; выдача, потребованная декретомъ.—Опубликованіе *Красной книги*, ея описаніе и содержаніе.—Комментаріи къ ней Камилла Демулена.—Протестъ маршала Сегюра; подавляющій отвѣтъ комитета.—Нападки Лусталё и Камилла.—Имя Ламетовъ скомпрометировано.—Ассигновки.—*Книга рѣшеній*; Національное Собраніе не имѣетъ смѣлости огласить ее; пререканіе между Камюсомъ и Неккеромъ.—Объясненія Неккера относительно *Красной книги*; жестокія насмѣшки К. Демулена.—Эффектъ, произведенный на общественное мнѣніе.—Списокъ пенсій и пособій, напечатанный красными буквами.—Слово Лусталё.

«Въ послѣдніе годы царствованія Людовика XV и со вступленія на престолъ Людовика XVI общественная нужда все болѣе и болѣе возрастала. Въ городахъ безумная роскошь, развратившая всѣ слои населенія до послѣднихъ классовъ, скрывала ужасную бѣдность. Роскошь покупалось цѣной питанія... Въ деревняхъ—сердце сжимается при этомъ воспоминаніи—вблизи городовъ, крестьянинъ имѣлъ всѣ производимые ими пороки и вдобавокъ жадность, несомвѣстимую съ трудолюбіемъ. Черный хлѣбъ, корни, вода, грубая одежда, иногда просто шкуры животныхъ, полуразвалившіяся лачуги—такова была, въ большей части Франціи, участь нашихъ несчастныхъ братьевъ... Послѣ участи крестьянина участь солдата была самая ужасная. Достаточно было увидѣть *солдатскій хлѣбъ*, чтобы убѣдиться въ этомъ. Утромъ—немного горячей воды, налитой на горсть овощей; вечеромъ—маленькій кусочекъ сквернѣйшаго мяса, составляли всѣ харчи трехсотъ тысячъ французовъ. Причина всѣхъ

¹⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 11.

этихъ бѣдъ была одна: расточительность безпутнаго двора, гдѣ Мессалины и Юліи оспаривали у Клавдіевъ и Нероновъ премію безчестія, гдѣ каждая забава стоила отдыха милліона людей, гдѣ золото было производимо преступленіемъ и преступленіе воспроизводимо золотомъ, гдѣ французская нація цѣнилась дешевле, чѣмъ скаковая лошадь, чѣмъ куртизанка... Прочтите *Красную книгу* ¹⁾.

Какія же тайны заключала въ себѣ эта *Красная книга*, по поводу которой, въ апрѣлѣ 1790 г., съ честнаго пера Лустало упали, словно пламенные стрѣлы, только что цитированныя строки.

Въ концѣ ноября 1789 г., Камюсъ заявилъ Національному Собранію о существованіи нѣкоей *Красной книги*, позорнаго каталога хищеній, преобразованныхъ въ щедроты, и до него одинъ членъ, имя котораго осталось неизвѣстнымъ, предложилъ принять мѣры къ напечатанію списка пенсій и пособій... «Съ именами, прибавилъ д'Эпремениль, съ цифрой выданныхъ суммъ, съ датой, съ мотивами». Страшное предложеніе, которое было принято съ *восторгомъ*, говоритъ *Moniteur* ²⁾. Но вотировавшіе не знали, къ чему обязывалъ этотъ вотумъ! Финансовый комитетъ, хранитель постыдныхъ секретовъ, страшно боялся ихъ разглашенія; общественному любопытству онъ противопоставилъ тысячу препятствій. Въ одинъ прекрасный день онъ объявилъ Собранію, что напечатаніе дѣло почти невозможное, потому что издержки составятъ не менѣе 280,000 ливровъ ³⁾. Отвѣтили предложеніемъ Бодуэна, который брался напечатать даромъ ⁴⁾ этотъ сборникъ скандаловъ. Предложеніе было принято; разъ возбужденное по этому пункту, общественное мнѣніе не засыпало болѣе, и образованный при Собраніи комитетъ пенсій, душой котораго былъ янсенистъ Камюсъ, сталъ съ неутомимой энергіей добиваться выдачи *Красной книги*.

Тѣмъ временемъ списокъ пенсій печатался, и публика узнавала:

что принцы и принцессы крови, впрочемъ, сами по себѣ очень богатые, получали всѣ вмѣстѣ, въ видѣ пенсій или пособій 2.550,000 ливровъ;

¹⁾ *Révolutions de Paris*, 2 année, № 39.

²⁾ Засѣданіе 21 сент. 1789 г.

³⁾ *Moniteur*, засѣд. 28 сент. 1789 г.

⁴⁾ *Ibidem*.

что пенсія графа де Люзасъ доходила до 150,000 ливровъ;
 что годовые доходы, жалуемые королемъ дому Ноайль, про-
 стигались почти до двухъ милліоновъ;

что герцогъ Полиньякъ получалъ на свою долю 80,000 лив-
 ровъ, не считая того, что выдавалось каждому члену его семей-
 ства, которое, благодаря щедрой дружбѣ королевы, такъ ска-
 зать, запускала руки по самый локоть въ казенный сундукъ
 и т. д.

А что сказать о мотивахъ большей части этихъ пенсій, по-
 собій и наградъ? Между этими мотивами были непристойные,
 были и смѣхотворные: будемъ говорить только объ этихъ по-
 слѣднихъ.

Одинъ нѣмецкій князь получалъ четыре пенсіи: первую—
за его службу, какъ полковника; вторую—*за его службу, какъ*
полковника; третью—*за его службу, какъ полковника*; четвертую—
*за его службу, какъ не полковника*¹⁾.

Дегалуа де ла Туръ получалъ 22,720 ливровъ въ трехъ пен-
 сіяхъ: одну—*какъ первый президентъ и интендантъ*; другую—
какъ интендантъ и первый президентъ; третью—*по тѣмъ же со-
 ображеніямъ, какъ указано выше*²⁾.

Одинъ писатель, собравшій съ кропотливой точностью³⁾
 все, что касается царствованія Людовика XVI, составилъ очень
 поучительный перечень фактовъ *мотивированнаго* мотовства при
 старомъ режимѣ.

Четыре пенсіи были пожалованы маркизу д'Отишанъ: пер-
 вая—*за службу его покойнаго отца*; вторая—*за то же*; третья—
по той же причинѣ; четвертая—*по тому же поводу*.

Генеральному адвокату Жоли де Флери пожалована рента въ
 17,000 ливровъ *за отказъ отъ должности въ пользу своего сына*.—
 Справедливость требуетъ прибавить, что Жоли де Флери-сыну
 не была назначена рента на такую же сумму за то, что онъ
 соизволилъ принять должность своего отца!

Придворныя женщины получали пенсіи въ видѣ приданого.
 Много было примѣровъ, что царедворецъ, если у него отбирали
 имѣніе за долги, былъ вознаграждаемъ изъ средствъ призна-
 тельнаго государства. Одинъ куафѣръ получилъ при отставкѣ

¹⁾ Извлеченіе изъ *Observateur*.

²⁾ Текстуально. *Ibid.*

³⁾ *Anecdotes du règne de Louis XVI*, t. V, § XVII.

пенсію въ 1,700 ливровъ за уборку головы дочери графа д'Артуа, принцессы, которая умерла прежде, чѣмъ у нея выросли волосы; и, впоследствии, Маратъ имѣлъ право сказать: «Тогда какъ бравый солдатъ, покрытый ранами, получаетъ всего только три луидора въ годъ, куафѣрка кладетъ себѣ въ карманъ ежегодно двѣ тысячи ливровъ за то, что причесывала дофина»¹⁾.

Въ каждомъ контрактѣ по арендѣ откуповъ помѣщалась особая сумма въ 1.300,000 ливровъ, предназначенная на награды, которыя министръ финансовъ раздавалъ по своему усмотрѣнію. И вотъ нѣкій г. де Колонія фигурировалъ въ этомъ штатѣ многократно, подъ своимъ собственнымъ именемъ, подъ именемъ своей жены, подъ именемъ своей дочери, подъ именемъ своихъ бюрс. Когда, въ Собраніи, прочли эту необычайную номенклатуру, крестьянинъ Жераръ вскричалъ: «У насъ въ деревняхъ не раздавали такихъ наградъ. Нѣтъ, чортъ возьми! все это было не для нашихъ доходовъ!»²⁾

Алчность высшихъ чиновниковъ умѣла поочередно подниматься очень высоко и спускаться очень низко. Создавъ себѣ, по примѣру своего предшественника Сартина, доходы отъ деревяннаго масла, отъ сала, отъ грязи, бывший начальникъ полиціи Ленуаръ придумалъ взимать въ свою пользу налогъ... на луну, т. е. извлекать выгоду изъ тѣхъ ночей, когда, показываясь на горизонтѣ Парижа, луна избавляла полицію отъ обязанности зажигать фонари. Этотъ доходъ, предоставленный имъ въ пользованіе одной изъ его пріятельницъ, получилъ громкую извѣстность подъ именемъ *пенсії луны*³⁾.

Въ настоящее время трудно представить себѣ, до чего доходили передъ революціей злоупотребленія, связанныя съ пенсіями, выдаваемыми изъ королевской казны. Обнаружилось, между прочимъ, что бывали случаи, когда умершіе, давно похороненные, продолжали регулярно получать свою пенсію, какъ, на примѣръ, маркиза де ла Форсъ. «У меня имѣется, сказалъ однажды маркизъ де Фуко въ Национальномъ Собраніи, записка, доказывающая, что есть благодѣтели, получающіе деньги покойниковъ»⁴⁾.

¹⁾ *L'Ami du peuple*, № CLIV.

²⁾ *Anecdotes du règne Louis XVI*, t. V, § XVII.

³⁾ К. Демупель упоминаетъ объ этомъ въ *Révolutions de France et de Brabant*.

⁴⁾ *Moniteur*, séance du 22 sept. 1789.

Нельзя сказать, однако, чтобы все, рѣшительно все давалось только благодаря фавору или интригѣ: въ числѣ пенсій имѣлись и такія, которыя были пожалованы въ награду за дѣйствительныя заслуги и достоинства. Этого рода пенсіи были уважены; такъ, напримѣръ, Національное Собраніе съ удовольствіемъ подтвердило пенсію, которой пользовалось семейство прославившагося геройскимъ подвигомъ кавалера д'Асса: долги, которые во вниманіе къ патриотизму или мужеству монархія сдѣлала именемъ Франціи, революція считала себя обязанной уплачивать и исполнила эту обязанность.

Но она считала также своимъ долгомъ не щадить безсовѣстнаго расхищенія казны, составлявшаго безславіе великихъ міра сего и отчаяніе народа. Оттого, какъ только разнеслась вѣсть о существованіи *Красной книги*, каждое утро раздавался публичный крикъ: *Красную книгу! Красную книгу!*

Тогда началось со стороны Неккера сопротивление—ребяческое, оскорбительное, безразсудное. Чѣмъ настойчивѣе требовалъ комитетъ пенсій, тѣмъ болѣе упрямылся Неккеръ. То, будто бы, книга была у короля; то министръ, якобы по болѣзни, не могъ принимать; то онъ-де цѣлые дни былъ занятъ дѣлами, и вечера его не принадлежали ему. Тщетныя отговорки, приводившія въ недогованіе настойчиваго Камюса! Въ засѣданіи 5-го марта онъ такъ убѣдительно обвинялъ Неккера, что торжественнымъ и на этотъ разъ окончательнымъ декретомъ было приказано выдать фатальную книгу.

Душевное безпокойство Неккера достигло крайней степени. Не то, чтобы онъ былъ лично заинтересованъ въ отказѣ; но эта монархія, сохраненія которой онъ такъ желалъ, что станется съ ней, когда всякая завѣса будетъ приподнята? Нужно было, однако, покориться необходимости. И вотъ 15-го марта, послѣ полудня, у Неккера и въ присутствіи Монморэна, дано было членамъ комитета пенсій первое сообщеніе о *Красной книгѣ*. Людовикъ XVI настаивалъ на томъ, чтобы секретные расходы его дѣда не получили огласки: финансовый комитетъ уважилъ это сыновнее чувство, и было условлено, что часть книги, относящаяся къ царствованію Людовика XV, останется заклеенной полосой бумаги.

Эта пресловутая книга представляла собой реестръ, состоявшій изъ 122 листовъ, въ красномъ сафьянномъ переплетѣ. Первые десять листовъ содержали расходы, относившіеся къ

царствованію Людовика XV; слѣдующіе 32 листа относились къ царствованію Людовика XVI; остальные были чистые. Каждая статья расходовъ была вписана рукой государственнаго контролера, и обыкновенно помѣчена рукой короля, съ его подписью. Итогъ означенныхъ въ этомъ расходномъ реестрѣ суммъ, составлявшій за время съ 19 мая 1774 г. по 15 августа 1789 г., 227.985,517 ливровъ, былъ раздѣленъ комитетомъ на слѣдующіе девять главъ или отдѣловъ: *Братьямъ короля.—Подарки и награды.—Пенсіи и оклады жалованья.—Милостыни, возмщеніе убытковъ, авансы и ссуды.—Пріобрѣтенія и обмѣны.—Финансовыя дѣла.—Иностранныя дѣла и почты.—Разные расходы.—Личныя расходы короля и королевы*¹⁾.

Апрѣль мѣсяць открылся опубликованіемъ *Красной книги*. Великое волненіе и великій гнѣвъ! За время одного только министерства Калонна графъ д'Артуа получилъ четырнадцать съ половиною милліоновъ ливровъ, *въ видѣ экстраординарныхъ пособій*; и тринадцать милліоновъ восемьсотъ двадцать четыре тысячи ливровъ составляли, за тотъ же промежутокъ времени, скромный удѣлъ этого любознательнаго принца, этого «друга мудрости!» Слѣдовала, въ защиту графа д'Артуа, курьезная докладная записка, въ которой Калоннъ силился доказать, что король не могъ не платить долговъ графа д'Артуа, — деньгами націи, разумѣется, — долговъ, простиравшихся въ сложности до четырнадцати милліоновъ шестисотъ тысячъ ливровъ, не считая 74,640 ливровъ установленныхъ рентъ и 900,700 пожизненныхъ рентъ! Добросовѣстный Калоннъ выставялъ, какъ главный мотивъ, *важность обезпечить спокойствіе принца*, который, впрочемъ, соизволилъ, на этомъ условіи, согласиться не попадать впредь въ подобное финансовое затрудненіе... Подъ этимъ докладомъ король собственноручно написалъ: «Утверждаю настоящія предложенія».

Отдѣлъ подарковъ и наградъ свидѣтельствовалъ о поразительномъ мотовствѣ²⁾:

Пятьдесятъ тысячъ ливровъ г-ну Круамару, какъ пособие *по покупкѣ имъ земли Вуазенъ*.

Пятьдесятъ тысячъ ливровъ г-ну де Верженнѣ, *какъ подъемныя на обратный путь изъ Швеціи*;

¹⁾ См. въ *Moniteur* въ отъ 8 апр. 1790 г. описаніе *Красной книги*.

²⁾ См. *Livre rouge*, которая была напечатана отдѣльнымъ сборникомъ, а также помѣчена отрывками въ *№№* отъ 78 до 117 *Moniteur* за 1790 г.

Пятнадцать тысячъ ливровъ г-ну Гурденъ, *какъ пособіе на покупку имъ должности у г-на Гаффъ*.— Удивительно, почему не было пожаловано пятнадцати тысячъ г-ну Гаффъ за то, что онъ далъ купить у него должность?

Шестьдесятъ тысячъ ливровъ г-ну Гонне, *чтобы дать ему возможность уплатить свои долги*;

Двадцать четыре тысячи семдесятъ четыре ливра графинѣ д'Артуа, въ 1775 г., *какъ подарокъ*;

Далѣе, двадцать четыре тысячи семьдесятъ четыре ливра графинѣ д'Артуа, въ 1778 г., *по случаю рожденія герцога Беррійскаго*;

Далѣе, двадцать четыре тысячи ливровъ графинѣ д'Артуа, въ 1783 г., *по случаю ея разрѣшенія отъ бремени*.

Отдѣлъ пенсій, сравниваемый съ отдѣломъ милостыни, представлялъ печальныя сближенія:

Народу, при вѣздѣ короля въ Парижъ, пятнадцать тысячъ ливровъ милостыни.

Графинѣ д'Оссунъ, камерфрау королевы, *столовыхъ* двадцать тысячъ ливровъ.

Въ *Красной книгѣ* семейство Полиньяковъ фигурировало какъ получающее свыше семисотъ тысячъ ливровъ пенсій, по большей части могущихъ быть передаваемыми отъ одного члена къ другому. Кромѣ ассигновки на предъявителя въ миллионъ двѣсти тысячъ ливровъ, сумма, въ которую король опредѣлилъ цѣну залога имѣнія Фенетранжъ, пожалованнаго герцогу Полиньякъ, ему назначили пожизненную пенсію въ сто двадцать тысячъ ливровъ, то есть, какъ замѣтилъ одинъ ролялистскій писатель¹⁾, что, санкціонируя неслыханной щедростью кражу богатаго государственнаго имѣнія, присвоили еще фафориту пожизненную пенсію, представлявшую годовой процентъ суммы, которую фаворитъ почитался платящимъ за пользованіе этимъ имѣніемъ. Лусталò въ негодованіи воскликнулъ: «Какъ могъ король честный человѣкъ, подписывать подложныя ассигновки?»²⁾

Это былъ тотъ самый герцогъ Полиньякъ, которому, какъ мы видѣли, еще ранѣе дана была концессія на право взиманія пошлины со всей потребляемой въ Бордо рыбы, и на другое, еще болѣе странное, право, въ силу котораго державный вла-

¹⁾ Mongaillard, *Histoire de France*, t. II, p. 416.

²⁾ *Révolutions de Paris*, 2 année, № 40.

дѣтель прилива и отлива Гаронны и Жиронды, присвоилъ себѣ разливы и спады этихъ двухъ рѣкъ¹⁾.

Какой счастливый случай для Камилла! Онъ схватилъ свое язвительное перо и съ жестокой шутливостью написалъ:

«Наконецъ *Красная книга* у насъ въ рукахъ! Комитетъ пенсій сломалъ семь печатей, которыми она была заперта. И вотъ исполнилась ужасная угроза пророка! Она исполнилась до страшнаго суда: *Revelabo pudenda tua*—разоблачу срамоту твою; ты не найдешь даже фиговаго листа, чтобы прикрыть свою наготу предъ лицомъ всего свѣта; увидятъ всѣ твои язвы, и на плечахъ твоихъ клеймо Gal... (каторжникъ), которое ты вполне заслужилъ»²⁾.

Комитетъ пенсій предпослалъ изданію *Красной книги* заявленіе о томъ что имѣются и другія разоблаченія: К. Демуленъ отозвался на это предсказаніе слѣдующими словами:

«Нашъ дорогой комитетъ пенсій предваряетъ насъ, въ предисловіи, что это не единственный реестръ, содержащій доказательства преступной угодливости, употребимъ настоящее слово—плутовства министровъ финансовъ. *Труды его открываютъ каждый день, начиная съ 1774 года, много друиыхъ фактовъ расхищеній казны, которые онъ будетъ послѣдовательно оглашать...* Bravo! тысячу разъ bravo! великодушные республиканцы, наши дорогіе и славные защитники! Слѣдуйте далѣе вашей дорогой въ этихъ подземельяхъ, продолжайте освѣщать царящій тамъ мракъ. Камюсъ держитъ грозный свѣтильникъ; онъ заставляетъ Неккера быть его проводникомъ. Лицемерный женевецъ все время старается сбить васъ съ истиннаго пути: то онъ оборачивается, чтобы задуть свѣтъ, то онъ порывается убѣжать; но Камюсъ крѣпко держитъ его за фалды, и фонарь, который онъ несетъ, напоминаетъ министру идеи, которыя должны бы были заставить его идти прямо»³⁾.

Предувѣдомленіе, подписанное всѣми членами комитета пенсій, т. е. Камюсомъ, Гупиль де Префельномъ, Гольтье де Біозатомъ, аббатомъ Экспильи, маркизомъ де Монткальмъ Гозонъ, барономъ Вимпфенъ, Фрето, Трельяромъ, Мену, Шампо-Шаланомъ, Лено, Коттеномъ, содержало много угрожающихъ намековъ, между прочимъ слѣдующій:

¹⁾ Mongaillard, *Histoire de France*, t. II, p. 216—217.

²⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 21.

³⁾ *Ibidem*.

«Нужно раскрыть предъ націей дерзость министровъ, изъ которыхъ одинъ, осыпанный милостями короля и уже пользующійся 98.622 ливрами содержанія и пенсій, послѣ того, какъ исходатайствовалъ, 17 марта 1785 г., пенсіи для десяти членовъ своего семейства, послѣ того, какъ прибавилъ, собственной властью, 23 апрѣля, одиннадцатую пенсію въ пользу одного своего родственника, о которомъ онъ сначала забылъ, заявилъ еще, 4 сентября 1787 г., слѣдующія просьбы пожаловать ему: наследственное герцогство, шестьдесятъ тысячъ ливровъ себѣ пенсіи, по пятнадцати тысячъ ливровъ передаваемыхъ для каждаго изъ двухъ его сыновей; пособіе для приведенія въ порядокъ его дѣлъ»¹⁾...

Маршалъ Сегюръ узналъ себя въ обвиняемомъ министрѣ и протестовалъ, утверждая, что десять родственниковъ, которыхъ онъ будто бы обогатилъ пенсіями, были бѣдные дворяне, вѣрные слуги короля, не имѣвшіе достаточныхъ средствъ къ жизни. Всякій другой министръ несомнѣнно пришелъ бы имъ на помощь, и потому только, что они были его родственники, долженъ ли онъ былъ забыть объ нихъ? За всеѣмъ тѣмъ, какая же сумма была раздѣлена между этими офицерами? Шесть тысячъ ливровъ. Въ заключеніе маршалъ ссылался на свой преклонный возрастъ, на свой рангъ, на свои заслуги, на свои раны.

Отвѣтъ комитета былъ подавляющій: онъ опубликовалъ официальные документы, не прибавивъ ни одного слова. Пресса взяла на себя трудъ дать комментаріи:

«Его преклонный возрастъ? Преклонный возрастъ министра мѣшаетъ ли ему быть грабителемъ? — Его раны? Онъ лишился руки, какъ сотня инвалидовъ, живущихъ въ Hôtel des Invalides. Одинъ шутникъ сказалъ, что эта потерянная въ сраженіи рука доказывала развѣ только то, что маршалъ не бралъ двумя руками изъ королевской казны. Дурная шутка, отличный доводъ.

«Объясненіе маршала Сегюра: Родственники, въ обогащеніи которыхъ меня обвиняютъ,—это десять бѣдныхъ дворянъ... эти офицеры раздѣлили между собой шесть тысячъ ливровъ пенсіи—
Отвѣтъ комитета: Мы видимъ, во-первыхъ, въ числѣ этихъ офицеровъ четырехъ дѣвицъ де Сегюръ-Монтазо, получающихъ каждая пятьсотъ ливровъ пенсіи. Хороши офицеры!»²⁾ Но эти

¹⁾ *Moniteur*, 7 апр. 1790 г.

²⁾ *Révolutions de Paris*, 2 année, № 40.

нападки Лустало были ничто рядомъ съ искрометными и циническими ругательствами Камилла:

«Маршалъ де Сегюръ, этотъ эксъ-министръ, объявившій людей третьяго сословія, т. е. почти всѣхъ французовъ, недостойными носить эполеты; этотъ маршалъ, вполне заслужившій bâton (игра словъ: bâton значитъ палка и жезлъ), извѣщаетъ публику чрезъ посредство *Journal de Paris*, что онъ крайне удивленъ, услыхавъ, что опубликована *Красная книга*, и узнавъ, что тамъ на него указано людьми, которые должны бы были оказывать ему уваженіе. Я не хочу сердиться на этого человѣка, который имѣетъ только одну руку: партія была бы не равная. Но посмотрите, что заставляетъ его вопіять о *клеветѣ*, о *непристойности*, о *насквиль*, о *памфлетѣ*! То, что комитетъ кричалъ о немъ: *караулъ! грабятъ!* то, что онъ, комитетъ упомянулъ, что нѣкій эксъ-министръ, получая 98,622 ливра пенсіи и выхлопавъ пенсіи десятку своихъ родственниковъ, не постыдился просить еще, 4 сентября, о пожалованіи ему *наслѣдственнаго герцогства* (О, мы дадимъ тебѣ наслѣдственныя герцогства, негодяй.) Онъ не думалъ, чтобы захотѣли вмѣнять ему въ преступленіе благодѣянія короля? Эти благодѣянія короля напоминаютъ изображенную въ книгѣ «Характеровъ» Теофраста черту того скупца, который, паѣвшій до отвалу за обѣдомъ, на который никто его не звалъ, отрѣзалъ, на глазахъ у всѣхъ, большой кусокъ мяса и, подавая его своему слугѣ, сказалъ: «*возьми, мой другъ, угощайся!*»¹⁾).

Къ сожалѣнію, имя Ламетовъ, этихъ трибуновъ знатнаго рода, было нѣсколько скромпрометировано въ этомъ дѣлѣ добычи. Въ *Красной книгѣ* была показана сумма въ сорокъ тысячъ ливровъ, выданная графинѣ Ламетъ на воспитаніе ея дѣтей. Но патриоты твердили, по слѣдамъ Камилла, что графиня была несомнѣнно *матерью Гракховъ*, и Лустало гордо писалъ: «Имя Ламетъ не очиститъ Красную книгу и Красная книга не запятнаетъ имени Ламетъ»²⁾. Впрочемъ, братья Ламетъ, какъ только прочли списокъ, надѣлавшій столько шуму, тотчасъ же возвратили казнѣ деньги, выданныя на ихъ воспитаніе.

Другая мина скандаловъ! Члены комитета пенсіей указали, какъ на одинъ изъ результатовъ своихъ изысканій, что въ

¹⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 21.

²⁾ *Révolutions de Paris*, 2 année, № 40.

продолженіе восьми лѣтъ было выдано до восьмисотъ шестидесяти милліоновъ по ассигновкамъ или ордерамъ. Эти ассигновки были просто средствомъ выкачивать деньги изъ казны невидимо для нескромныхъ глазъ. Въ ассигновкѣ означалась только сумма, подлежащая къ выдачѣ, объ имени же получателя и о назначеніи производимаго расхода—ни слова. Мотивы записывались въ особомъ реестрѣ, въ такъ называемой *Книгѣ рѣшениій*, которую держали въ большомъ секретѣ. Добыть эту книгу было бы весьма важно, и Камюсъ потребовалъ ея. Можно представить себѣ страхи Неккера! Неумолимому янсенисту было предложено обратиться къ Дюфрентъ де Сенъ-Леону, служащему государственнаго казначейства. Камюсъ бѣжитъ туда и не находитъ указаннаго чиновника дома. Тогда онъ отправляется къ Неккеру, и между ними завязывается курьезный діалогъ: «Г-на де Сенъ-Леонъ нѣтъ дома».—«Это я разрѣшилъ ему не быть дома».—«А!»—Вынапечатали *Красную книгу* безъ разрѣшенія.—«Да».—Безъ разрѣшенія Національнаго Собранія,—это ему одному мы должны отдавать отчетъ...—«И безъ разрѣшенія короля».—Мы не являемся его представителями». Съ обѣихъ сторонъ крайняя рѣзкость тона. Въ результатѣ былъ новый визитъ къ названному чиновнику, у котораго, наконецъ, удалось вырвать сообщеніе таинственнаго реестра, но подъ условіемъ не снимать съ него копій и не дѣлать изъ него выписокъ, о чемъ Камюсъ и рассказалъ съ большой горечью въ Собраніи 10-го апрѣля. Но послѣднее, вѣроятно, боялось знать слишкомъ много. Ибо Пизонъ де Галану, требовавшему постановленія о выдачѣ «Книги рѣшеній», было отвѣчено простымъ переходомъ къ очереднымъ дѣламъ¹⁾.

Неккеръ пытался вернуть на истинный путь общественное мнѣніе, заблуждавшееся, какъ онъ увѣрялъ. 27-го апрѣля 1790 г. появилась по поводу *Красной книги* его меморія, въ которой онъ пустилъ въ ходъ весь свой талантъ, но которая окончательно погубила его. Въ самомъ дѣлѣ эта защитительная рѣчь была не лучше защищаемаго дѣла! Говоря о суммахъ, которыхъ стоили націи *личные и чрезвычайные расходы* короля и королевы, Неккеръ удивлялся, что за шестнадцать лѣтъ они составили всего только 11.423,750 ливровъ. «Не знаю, прибавилъ онъ, представляли ли бы финансовыя отчеты какого-либо государя Европы подобный результатъ». Безразсудства братьевъ короля

¹⁾ *Moniteur*, séance du 10 avril 1790.

Неккеръ объяснялъ молодостью и неопытностью *принцевъ, поставленныхъ съ шестнадцатилѣтняго возраста во главѣ очень обширной администраціи*, какъ будто извиненіе, въ этомъ случаѣ, не было столь же обвиняющимъ, какъ и ошибка! Что касается *безымянныхъ ассигновокъ*, то вся защита министра сводилась къ тому, что, принятыя первоначально для скрытія нѣкоторыхъ расходовъ, онѣ въ концѣ концовъ стали примѣняться и къ другимъ расходамъ, оглашеніе которыхъ не представляло никакого неудобства и относительно которыхъ даже указывался мотивъ ¹⁾.

Это была очень неловкая апологія казнокрадства въ устахъ неподкупнаго государственнаго дѣятеля. Неккеръ вступилъ въ грязь. Его враги воспользовались этимъ противъ него, подстрекаемые негодующими криками К. Демулена, громившаго министра, въ этомъ случаѣ, съ удвоеннымъ умомъ и грубостью, преувеличеніемъ и жаромъ.

«Господинъ Неккеръ, писалъ онъ, не побоялся объявить комитету пенсій, что король не одобряетъ того, что Національное Собраніе велѣло напечатать *Красную книгу*. Не одобряетъ!... Мы гораздо больше не одобряемъ того, что ты и тебѣ подобные растратили, въ царствованіе Людовика Экономнаго, въ видѣ тайныхъ расходовъ, сто тридцать пять милліоновъ! И это въ такое короткое время! Ты, значить, не знаешь, что мы имѣли во Франціи двѣнадцать генеральныхъ контролеровъ финансовъ, которые были повѣшены въ Монфоконъ?... И что меня всего болѣе приводитъ въ негодованіе, это то, что вмѣсто того, чтобы умереть со стыда, лицомъ къ кичится, имѣетъ дерзость давать *veniat* (позывъ къ суду) одному, пенсіи другому, въ противность декретамъ. Пять тысячъ ливровъ нѣкому Вовилье, котораго мы еще недавно видѣли ходившимъ въ продранныхъ башмакахъ, и который, съ тѣхъ поръ, какъ его назначили управляющимъ провіантской частью, показывается не иначе, какъ въ каретѣ!» ²⁾.

Свершилось: благодаря только оглашенію ряда цифръ, соотвѣтствующихъ ряду собственныхъ именъ, всѣ нечистыя дѣла стараго режима выстроились одно за другимъ на пути общественнаго мнѣнія, нетерпѣливо дѣлавшаго имъ смотрѣ. Неуклонные взоры прорѣзали мракъ канцелярій; мотивы, которые дворъ старался держать въ секретѣ, были обнаружены, по край-

¹⁾ *Observation de Necker sur le Livre rouge.*

²⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 21.

ней мѣрѣ отчасти; читали черезъ полосы бумаги, закрывавшіе тѣ статьи расходовъ въ *Красной книгѣ*, которыя относились къ царствованію Людовика XV, къ тому царствованію, фазы котораго великій Фридрихъ отличалъ именами Котильонъ I, Котильонъ II, Котильонъ III, и въ которомъ однимъ изъ любимыхъ занятій принца Конде было доставать изъ-подъ кровати туфли графини Дюбарри и надѣвать ихъ на ноги фаворитки. Мы имѣемъ передъ глазами одну книгу, изданную въ 1790 г. и напечатанную красными буквами¹⁾. Это пасквиль, полный непристойной брани, въ которомъ каждая изъ статей, заимствованныхъ изъ списка пенсій, сопровождается замѣчаніями, воспроизводить которыя было бы неприлично для исторіи. Но какія воспоминанія будить одинъ только перечень именъ! Тамъ фигурируютъ между счастливицами, которыхъ создавала царившая при монархіи порча нравовъ: Екатерина де Беарнъ, та, которая служила крестной матерью г-жѣ Дюбарри при представленіи ея ко двору; Бертэнъ, умѣвшій такъ искусно ссорить или мирить Людовика XV съ его метрессами и который былъ главнымъ управляющимъ Оленьяго парка; *графъ Жанъ*, рекомендованный двору за введеніе въ королевскую спальню, чрезъ посредство услужливаго Лебеля, хорошенькой Ланжъ, своей любовницы; мадамъ Ленорманъ, одинъ изъ тѣхъ капризовъ, которые графиня Дюбарри прощала Людовику XV; мадмуазель Селенъ, которая, любимая на минуту тѣмъ же Людовикомъ XV, согласилась не выходить замужъ, жертва, купленная цѣной двухсотъ тысячъ ливровъ..... и т. д., и т. д....

Еще если бы дѣло шло только о предыдущемъ царствованіи! Но, какъ вѣрно замѣтилъ одинъ историкъ, котораго нельзя заподозрить въ демократическомъ преувеличеніи²⁾, мадмуазель Арну сказала одно слово, болѣе остроумное, чѣмъ справедливое, когда по поводу смерти Людовика XV и отставки графини Дюбарри, она воскликнула: «Теперь мы стали круглыми сиротами, безъ отца и матери». Ибо, при Людовикѣ XVI, хотя онъ подавалъ примѣръ большой чистоты нравовъ, дебошъ продолжалъ дѣлать изъ дворца свое избранное мѣстопребываніе. И вотъ опубликованіе списка пенсій и возстановило это въ памяти всѣхъ. Даже тѣ обвиненія, которыя многіе охотно сочли бы за клевету,

¹⁾ Эта книга—большая рѣдкость: ея нѣтъ даже въ Британскомъ музеѣ. Мы обязаны знакомствомъ съ ней мистеру Гукгаму, одному изъ первыхъ книгопродавцевъ Лондона.

²⁾ Mongaillard, *Histoire de France*, t. II, p. 217.

какое правдоподобіе приобрѣтали они вслѣдствіе констатированія милостей въ формѣ денежныхъ подарковъ, расточаемыхъ герцогу де Куаньи, полковнику Артуру Диллону, графу Ферзену!

Кончимъ. Лустало былъ правъ, когда писалъ: «Мы считаемъ контръ-революцію невозможной послѣ опубликованія *Красной книги*: слѣдовало бы напечатать эту книгу въ двадцати-четырехъ милліонахъ экземпляровъ!¹⁾»

ГЛАВА VI.

Картина финансовъ. — Ассигнаціи.

Состояніе финансовъ въ началѣ 1790 года. — Пренія злоупотребленія; ихъ послѣдствія. — Финансовое положеніе въ цифрахъ. — Громадныя препятствія, которыя предстояло преодолѣть. — Исторія учетной кассы; ея происхожденіе, развитіе, важное значеніе; ея услуги, ея ошибки. — Злоупотребленіе постановленіями о приостановкѣ платежей. — Какое употребленіе сдѣлалъ Неккеръ изъ учетной кассы. — Проектъ преобразованія этой кассы въ національный банкъ. — Что имѣлъ смѣшного этотъ планъ въ концепціи Неккера. — Борьба по этому поводу между Дюпонъ де Немуромъ и Мирабо. — Планъ Неккера отвергнуть. — Проектъ, представленный Делабордъ де Меревилемъ. — Докладъ Лекульте де Кантеле, отъ имени комитета финансовъ. — Предложенныя обширныя финансовыя мѣры. — Декретирована продажа государственныхъ имуществъ на четыреста милліоновъ ливровъ. — Всѣ умы бросились на поиски какого-нибудь героическаго средства. — Территориальный банкъ Ферьера. — Впечатленіе, произведенное мыслью Ферьера. — Всѣ округа приглашены округомъ Генриха IV присоединиться къ этому плану; Петіонъ принимаетъ его. — Созданіе городскихъ облигацій, предложенное парижской коммуной; для какой цѣли. — Ассигнаціи. — Огромное значеніе ихъ установленія. — Что обѣщало примѣненіе этого средства и въ чемъ заключалась его опасность. — Дебаты по вопросу объ ассигнаціяхъ; онѣ декретированы. — Истинная теорія бумажноденежнаго обращенія.

«Мы спимъ у подошвы Везувія», сказалъ однажды Мирабо, и слова эти были какъ нельзя болѣе вѣрны.

Увлеченное, въ послѣдніе мѣсяцы 1789 года, движеніемъ улицы и потокомъ столькихъ новыхъ идей, Національное Собраніе могло удѣлять растущимъ нуждамъ государственной казны лишь мимолетное вниманіе, но въ 1790 году положеніе дѣлъ представлялись уже въ такомъ видѣ, что откладывать далѣе разрѣшеніе стало абсолютно невозможно. Тутъ открылась пропасть, страшная пропасть, нужно было найти средство засыпать ее, или исчезнуть поглащеннымъ ею. Она была заполнена! За-

¹⁾ *Révolution de Paris*, 2 année, № 40.

полнена рядомъ усилій, картина которыхъ, если бы она была начертана мастерской рукой, составила бы, можетъ быть, самую удивительную, самую драматическую часть исторіи, столь богатой, однако, драмами и чудесами. Да будетъ намъ позволено вернуться нѣсколько вспять, чтобы обнять и представить эту картину въ ея цѣломъ.

При вступленіи своемъ въ министерство, Неккеръ, опустивъ руку въ публичныя кассы, былъ пораженъ ужасомъ: онъ встрѣтилъ тамъ только пустое пространство. Бриеннъ все взялъ, все вычерпалъ, все, включительно до фондовъ, предназначенныхъ на содержаніе бѣдныхъ больныхъ, до фондовъ, которые должны были быть употреблены на вспомошествованіе пострадавшимъ отъ градобитія. На покрытіе колоссальныхъ текущихъ потребностей едва-едва набралось въ наличности четыреста тысячъ ливровъ, т. е. сумма, соотвѣтствующая *расходу государства въ теченіе четверти дня!*¹⁾.

Какими способами второстепеннаго искусства, какими хитроумными приѣмами, заимствованными у рутины, Неккеру удалось бороться нѣкоторое время съ трудностями финансоваго положенія,—это мы сейчасъ скажемъ. Но прежде всего замѣтимъ, что громадность зла требовала какого-нибудь героическаго средства, какого-нибудь необычайно смѣлаго плана леченія. Ибѣ, во время открытія генеральныхъ штатовъ, не только казна была пуста, но и средства пополненія ея, казалось, были уничтожены безвозвратно. Старый режимъ пожиралъ не только настоящее, но и будущее, на многіе годы впередъ. Все, что могло давать какое-нибудь право, осуществляемое надъ народомъ, составляло предметъ торга. Судьи, начальники войска, финансовые агенты, администраторы, придворные, прислуга принцевъ,—всѣ должны были способствовать своимъ кошелькомъ сегодняшнему расхищенію казны, и такимъ образомъ всѣ становились ея завтрашними кредиторами. Сколько должностей дѣлались наслѣдственными цѣной этихъ убійственныхъ авансовъ! И потомъ изъ всѣхъ тѣхъ, которые платили, вѣдали, писали, считали, занимались какимъ-либо искусствомъ или ремесломъ, не было ни одного, который бы не получилъ права вернуть то, что ему

¹⁾ Рѣчь, произнесенная Дюпономъ, депутатомъ отъ округа Немуръ; въ *Bibliothèque historique de la Révolution*, р. 30.—Финансы, т. 191, 192 и 193. Британскій музей.

стоило его званіе... съ кого?—съ народа, угнетая его. Продать кліентовъ, людей—чего проще? Вѣдь не запрещено же продавать свои земли. Такъ и дѣлали, и злоупотребленіе, въ силу своей давности, стало до того обычнымъ, что его даже и не замѣчали. Насталъ, наконецъ, моментъ, когда не было больше должностей къ созданію, слѣдовательно, не было больше должностей, посредствомъ продажи которыхъ можно бы было ковать деньги. Что дѣлать? Прибѣгнуть къ налогу? Но напрасно громоздили подать на подать: такъ какъ огромная часть собираемыхъ налоговъ оставалась въ карманѣ откупщиковъ, то отягощеніе народа податями никогда не было достаточнымъ ресурсомъ. Занять? Увы! этому мѣшала система *антиципаций*, состоявшая въ слѣдующемъ. Такъ какъ вошло въ обычай потреблять каждый годъ *впередъ* доходы слѣдующаго года, то нужно было, разумѣется, чтобы эти доходы поступили авансомъ, въ замѣнъ чего плательщикамъ выдавались бы квитанціи въ полученіи будущихъ взносовъ. Но когда наступалъ годъ, приходъ котораго былъ преждевременно истраченъ, какъ поступить? Все было бы потеряно, если бы держатели квитанцій не согласились возобновить ихъ, такъ что государство жило въ постоянномъ безпокойствѣ между необходимостью этого согласія, всегда сомнительнаго, и опасностью банкротства, всегда грозящаго: бездна съ одной стороны, бездна—съ другой. Какой же правильный заемъ былъ бы возможенъ въ подобныхъ условіяхъ?

Предоставимъ теперь слово цифрамъ.

Роспись обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ перваго ноября 1789 г. представлялась въ слѣдующемъ видѣ:

1. *Расходы національные*, къ которымъ принадлежали установленныя ренты, вѣчныя и пожизненныя, содержаніе судебнымъ чинамъ, сумма, назначенная на содержаніе королевскаго двора (*liste civile*), расходы, касающіеся провинцій, каковы преміи и поощренія торговлѣ и мануфактурамъ, издержки уголовного судопроизводства, издержки взиманія или жалованье пріемщикамъ податей, благотворительныя заведенія и призрѣніе нищихъ, постройка и содержаніе публичныхъ зданій, пути сообщенія и т. д....

2. *Расходы на администрацію*, относящіеся къ различнымъ министерствамъ, къ содержанію двора принцевъ, къ жалованью членамъ совѣта, къ пенсіямъ, къ королевскому саду, къ университетамъ и академіямъ, и пр....

Итогъ національныхъ расходовъ	
составлялъ	253.193,492 ливровъ
Итогъ расходовъ на администрацію	
равнялся	159.140,000 »
<hr/>	
Слѣдовательно, требовалось по-	
крыть сумму	412.333,492 ливра

Возможно ли это было? Да. Изъ ученаго доклада, представленнаго въ ноябрѣ мѣсяцѣ маркизомъ Монтескю, ¹⁾ явствовало, что общій приходъ областей, имѣвшихъ провинціальныя собранія (штаты), «абонементъ» (коллективный взносъ налоговъ) приморской Фландріи, налоги, относившіеся къ укрѣпленію городовъ, новый сборъ съ привилегированныхъ сословій, субсидія предназначенная для замѣны соляной пошлины и нѣкоторыхъ другихъ налоговъ (*aides*), случайные доходы, лотереи, наконецъ, были бы достаточны для покрытія *національныхъ расходовъ*, и что *расходы на администрацію* также могли бы быть покрываемы сборами, производимыми посредствомъ генеральнаго откупа, послѣ отмѣны соляной пошлины, посредствомъ почтоваго откупа, посредствомъ другихъ сборовъ, изъятыхъ изъ генеральнаго откупа и подчиненныхъ особымъ управленіямъ (*régies*), какъ, наприм., акцизныхъ сборовъ, сборовъ по управленію государственныхъ имуществъ, посредствомъ казенныхъ монополій, каковы монетная, пороховая, и т. д.

Сравненіе прихода съ расходомъ представляло даже избытокъ перваго въ тридцать три тысячи ливровъ ²⁾. Слѣдовательно, тутъ не было затрудненія.

Кромѣ долговъ конституированныхъ, были другіе, къ которымъ маркизь де Монтескю примѣнялъ вульгарное, но выразительное названіе *кричащихъ долговъ* и которые простирались почти до девятисотъ милліоновъ, распадаясь на слѣдующія рубрики:

¹⁾ *Rapport du marquis de Montesquiou*, представленный Собранію 18 ноября 1789 г.

²⁾ *Ibidem*.

Антиципаціи	225.300,000	ливр.
Неуплаченныя ренты за полу- годіе	81.000,000	»
Залоги главныхъ податныхъ откупщиковъ и управляю- щихъ акцизными и т. п. сборами (régisseurs)	201.799,000	»
Приемщики налоговъ, казначеи и контролеры ренты и проч.	119.178,853	»
Авансы кассы Пуасы	902,673	»
Долгъ по управленію провинцій	80.000,000	»
Чрезвычайный бюджетъ 1789 и 1790 годовъ	170.000,000	»

Итого 878.180,526 ливровъ

Время ужасающее, своей тяжестью, во-первыхъ и еще больше свойствомъ элементовъ, изъ которыхъ оно состояло. Ибо, если не удастся избавиться отъ него, то нѣтъ никакой надежды избѣгнуть вопіющихъ злоупотребленій, надъ которыми революція пришла произнести непреодолимый приговоръ, развѣ только посредствомъ банкротства.

Какъ, въ самомъ дѣлѣ, положить конецъ гибельной привычкѣ закладывать для безумствъ настоящаго ресурсы будущаго, если не устранить, погашая эти взятые впередъ двѣсти двадцать пять милліоновъ, неизбѣжную необходимость возобновленія антиципацій?

Какъ покончить съ тиранническимъ режимомъ генеральныхъ откупщиковъ, если не начать съ уплаты должныхъ имъ двухсотъ милліоновъ?

Какъ улучшить систему режима, если оставаться связаннымъ съ кредиторами долгомъ почти въ сто двадцать милліоновъ?

И если, наконецъ, казна тщетно взывала о помощи, въ размѣрѣ ста семидесяти милліоновъ, потребныхъ на покрытіе чрезвычайныхъ расходовъ по бюджетамъ 1789 и 1790 годовъ, то... какъ жить?

Такова была проблема. И если революція оказалась бы безсильной разрѣшить ее, горе ей! горе Франціи!

О милый и безконечно смѣлый шотландецъ, пропедшій такой гордой поступью черезъ эпоху регентства! О могучій умъ, су-

мѣвпій такъ хорошо сдѣлать изъ тяжеловѣснаго пера счетовода палочку волшебника, гдѣ ты? Блѣдный Неккеръ заключилъ въ свои книги всю, какая у него могла быть, смѣлость. Одна мысль о согласованіи своихъ понятій съ требованіями обстоятельствъ приводитъ его въ трепеть. Когда онъ приходилъ въ Національное Собраніе бесѣдовать о безденежьи казны, онъ говорилъ тономъ профессора, поучающаго своихъ учениковъ, и часто оскорблялъ собраніе докторальнымъ высокомѣріемъ своей рѣчи; однако, въ глубинѣ души онъ сгоралъ желаніемъ взвалить на него заботу изобрѣсти какое-нибудь средство спасенія. Онъ самъ писалъ впоследствии: «Моя обязанность по должности была поддерживать финансы до того момента, когда Національное Собраніе возьметъ ихъ подъ свое попеченіе. Я долженъ былъ быть вѣрнымъ пастухомъ, въ ожиданіи прихода хозяина»¹⁾. Онъ несомнѣнно былъ таковымъ, но не болѣе, и вся его наука, все его искусство свелось къ тому, что онъ пустилъ учетную кассу на помощь государству, въ родѣ того, какъ пускаютъ шлюпку на море, чтобы спасти экипажъ гибнущаго судна.

Учетная касса, сказала я. Вотъ ея исторія, безъ которой исторія финансовъ революціи была бы не полна и даже не понятна.

Всѣ знаютъ, въ чемъ состоитъ механизмъ циркуляціонныхъ банковъ. Банки эти, въ дѣйствительности, только производятъ обмѣнъ одной бумаги на другую. Имъ приносятъ торговые векселя, снабженные солидными подписями и очень краткосрочные, написанные, на примѣръ, на трехмѣсячный срокъ, а они, банки, взаменъ того выдаютъ билеты на предъявителя, гдѣ вычтенъ напередъ процентъ денегъ за эти три мѣсяца, билеты, по которымъ банкъ обязуется означенную на нихъ сумму уплатить звонкой монетой по первому требованію.

Разъ это условіе исполнено, банковая бумага обращается, какъ деньги, съ такой же легкостью; ибо, очевидно, имѣть билеты, которые можно по желанію во всякое время обратить въ деньги, все равно, что имѣть звонкую монету, и первое даже удобнѣе, потому что билеты занимаютъ меньше мѣста и не требуютъ издержекъ перевозки.

Если, слѣдовательно, банкъ, выпустившій эти билеты, внушаетъ довѣріе, то онъ будетъ оказывать дѣйствительную услугу

¹⁾ *Sur l'administration de M. Necker, par lui-même*, p. 182, 1791.

имѣющимъ надобность въ дисконтированіи находящихся у нихъ векселей, и не замедлитъ обогатиться. Въ самомъ дѣлѣ, зная, что его бумага можетъ быть сегодня обмѣнена на звонкую монету, держатели билетовъ не будутъ торопиться съ обмѣномъ, придутъ обмѣнивать, быть можетъ, черезъ мѣсяць, черезъ два, и банкъ, пользуясь этимъ замедленіемъ, прибавитъ, въ суммѣ своихъ прибылей, къ учетному проценту проценты по билетамъ за все то время, пока они не выйдутъ изъ обращенія.

Но для того чтобы билеты были дѣйствительно размѣнными, что нужно? Нужно, чтобы они были представлены, въ сундукахъ банка, количествомъ денегъ, могущимъ служить имъ обезпеченіемъ. Собственно говоря, нѣтъ необходимости, чтобы это количество денегъ было равноцѣнно суммѣ выпущенныхъ билетовъ, что лишило бы банкира, вслѣдствіе прогула денегъ, прибыли, происходящей изъ обращенія бумаги;—ибо это только въ случаѣ кризиса и подъ вліяніемъ паники держатели билетовъ бросаются всѣ разомъ къ кассѣ, чтобы имѣть въ звонкой монетѣ цѣнности этихъ билетовъ. Въ обыкновенное же время запасъ деньгами можетъ составлять лишь треть или четверть выпущеннаго количества билетовъ, смотря по степени довѣрія, которымъ пользуется банкъ; этого достаточно, но все же нужно, чтобы этотъ запасъ существовалъ, такъ какъ оплата билетовъ *по предъявленіи* составляетъ необходимое условіе, дающее вѣсь денегъ предмету, который, безъ этого, скоро стали бы считать ничего не стоящимъ клочкомъ бумаги.

Итакъ, всякій циркуляціонный банкъ долженъ имѣть: 1) въ своемъ портфельѣ эквивалентъ своихъ билетовъ въ хорошихъ векселяхъ; 2) въ своихъ сундукахъ запасъ деньгами, достаточный для того, чтобы тотчасъ же отвѣчать вѣроятной суммѣ требованій денегъ, которыя могутъ предъявить держатели билетовъ.

На этихъ-то началахъ—слишкомъ скоро нарушенныхъ—и была, въ 1776 г., незадолго до паденія Тюрго, и по простому постановленію совѣта министровъ, основана учетная касса. Ей было разрѣшено не только дисконтировать векселя и другія коммерческія бумаги, но также торговать золотыми и серебряными вещами и принимать вклады. Первоначальный капиталъ былъ опредѣленъ въ двѣнадцать милліоновъ, раздѣленныхъ на четыре тысячи акцій по три тысячи лавровъ каждая. Условія были слѣдующія:

Чтобы касса никогда не поднимала учетный процентъ выше 4⁰/₀.

Чтобы она не дѣлала никакихъ займовъ, приносящихъ проценты.

Чтобы она не заключала никакого обязательства, которое не было бы уплачиваемымъ *à vue* предъявителю.

Чтобы она считалась личной и домашней кассой каждаго частнаго лица, которое будетъ держать въ ней свои деньги ¹⁾.

Это были, конечно, благоразумныя предосторожности, и очень ясно сформулированныя. Однако, публика смотрѣла на эту затѣю подозрительно. Припоминали, съ безпокойствомъ, Ло, его обольстительныя обѣщанія, его чудеса и послѣдовавшій затѣмъ крахъ. Было бы слишкомъ рискованно вѣрить свое состояніе мнимому кассиру, который по первому требованію министра финансовъ отдастъ ему ключи отъ кассы ²⁾. Замѣтили также, не безъ недоувѣрчивости, что большинство лицъ, призванныхъ къ управленію новымъ банкомъ, иностранцы, что дало поводъ одному писателю сказать: «Не худо было бы чтобы эти господа были чѣмъ-нибудь привязаны къ Франціи, чтобы они имѣли здѣсь значительныя недвижимости. Кто намъ поручится, что по извлеченіи у насъ изъ обращенія суммы золота и серебра, соотвѣтствующей ихъ желаніямъ, они не уйдутъ пользоваться своимъ реальнымъ богатствомъ въ другомъ отечествѣ, оставивъ намъ лишь свою шелковую бумагу, чтобы утирать наши слезы?» ³⁾

Первые два года существованія были очень тяжелые для новаго банка: акціи его не разбирались, но въ концѣ 1778 г., когда многія первоклассныя банкирскія дѣла Парижа сгруппировались вокругъ учетной кассы, она быстро достигла цвѣтущаго состоянія, которое прекратилось только въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1783 года. Пренебреженіе привело къ ошибкамъ. Касса имѣла неосторожность ссудить правительству шесть милліоновъ, которыхъ оно не могло отдать въ срокъ, и этотъ непредвидѣнный дефицитъ, въ соединеніи съ несоразмѣрно большимъ выпускомъ билетовъ, поставилъ банкъ внѣ прямого пути. Вскорѣ

¹⁾ *Rapport sur la caisse d'escompte, imprimé par ordre de l'Assemblée nationale*, p. 1, 2, въ *Bibliothèque historique de la Révolution.—Finances*, t. 191, 192, 193. British museum.

²⁾ *Règne de Louis XVI*, t. V, p. 254, Paris, 1791.

³⁾ *Ibidem*, p. 255.

тысячи ливровъ каждая; и когда ея капиталъ возросъ такимъ образомъ до ста милліоновъ, она сохранила у себя тридцать милліонковъ, и внесла въ казну, какъ вынужденную ссуду, семьдесятъ милліоновъ, въ которыхъ нуждался Калоннъ¹⁾.

Девятнадцатое августа 1788 года было днемъ печально-памятнымъ въ исторіи учетной кассы. Въ этотъ день ея администраторы были очень удивлены—такъ по крайней мѣрѣ они говорили²⁾,—прочитавъ вывѣшенное на дверяхъ ихъ заведенія постановленіе совѣта министровъ, которое освобождало кассу отъ обязанности платить по своимъ билетамъ *à vis* звонкой монетой, разрѣшало ей сольдировать ихъ хорошими векселями, приказывало принимать ихъ во всѣхъ платежахъ, во всѣхъ кассахъ, публичныхъ и частныхъ, словомъ, устанавливало *принудительный курсъ* для обращенія бумаги, которая до того времени получала свое движеніе отъ свободной воли и довѣрія держателей. Бріеннъ, тогдашній министръ финансовъ, собирался уходить, и, какъ бы не желая покинуть министерство прежде, чѣмъ не наполнить до краевъ мѣру своихъ безразсудствъ, онъ изъ всѣхъ силъ билъ въ набатъ банкротства. И по какому поводу? Состояніе учетной кассы требовало ли, въ этотъ моментъ, второго правительственнаго постановленія о пріостановкѣ платежей? Нѣтъ, такъ какъ она не просила объ этомъ; нѣтъ, такъ какъ въ предыщемъ мѣсяцѣ, маѣ, она имѣла, какъ залогъ для 120 милліоновъ выпущенныхъ билетовъ, около 50 милліоновъ деньгами, т. е. запасъ звонкой монеты, составлявшій пять двѣнадцатыхъ выпуска. Правда, что съ того времени, несмотря на принятую ею мѣру предосторожности, въ видѣ ограниченія своей учетной операціи и уменьшенія такимъ образомъ массы находящихся въ обращеніи ея билетовъ, сокращеніе ея фонда обезпеченія шло довольно быстро, такъ смутно было положеніе дѣлъ, такъ густо небо было покрыто тучами, такъ близко подходила революція! Но, тѣмъ не менѣе, нѣтъ сомнѣнія, что до изданія постановленія 18 августа 1788 г. о пріостановленіи платежей никто не думалъ конвертировать свои билеты въ звонкую монету, и что по опубликованіи этого постановленія каждый, за исключеніемъ дѣльцовъ³⁾, сталъ сокрушаться, что имѣеть въ рукахъ только бумагу.

¹⁾ См. во II томѣ этого сочиненія главу: *Появленіе дефицита*.

²⁾ *Rapport sur la caisse d'escompte etc.*, p. 13.

³⁾ Clavière, *Opinion d'un créancier de l'Etat*, p. 67, Londres, 1789.

Учетная касса, конечно, должна бы была формально отвергнуть постановление, которое, если обезпечивало ей въ настоящемъ выгоду имѣть возможность распоряжаться своимъ запасомъ и помѣщать его на проценты, то только подкапывая ея кредитъ въ самомъ основаніи и подвергая опасности всю ея будущность: она не имѣла этого благоразумія и мужества. Раздѣляемая между внушеніями узкаго эгоизма и боязнью причинить слишкомъ большое неудовольствіе своимъ кредиторамъ, она объявила, что не ходатайствовала о сказанномъ постановленіи, воспользовалась имъ лишь отчасти, и продолжала производить уплату по своимъ билетамъ *à vue*, въ общемъ тысячъ на триста ливровъ въ день¹⁾, платя лишь извѣстныя доли предъявляемыхъ къ обмѣну суммъ и выдавая каждому предъявителю не болѣе тысячи ливровъ²⁾.

Вотъ въ какомъ положеніи находилась учетная касса, которая скоро должна была сдѣлаться предметомъ столькихъ похвалъ и столь рѣзкихъ нападокъ, когда Неккеръ принялъ въ свои руки бразды правленія.

Однимъ изъ первыхъ его дѣйствій было просить секретно администраторовъ кассы авансировать ему, подъ рескрипціи на соотвѣтствующую сумму, пятнадцать милліоновъ, въ три пріема: шесть милліоновъ на сентябрь мѣсяць, шесть милліоновъ на октябрь и три милліона на ноябрь³⁾.

Они не могли согласиться на эту просьбу, не нарушая устава, не отодвигая срока, когда могли бы уплатить по первой явкѣ всякому держателю билетовъ, не распоряжаясь залогомъ своихъ кредиторовъ. *Ссудить* правительству деньги, *должныя* публикѣ, не значило ли это попирать ногами основныя правила кредита, играть святостью обѣщаній, злоупотреблять довѣріемъ всѣхъ, распоряжаться чужой собственностью?

Учетная касса навлекла на себя эти упреки, и когда они раздались вокругъ нея, она отвѣтила: что, если бы правительство обанкротилось, участь держателей билетовъ была бы не лучше; что если бы поставщики государства прекратили поставки, банкирскіе дома рушились бы одинъ за другимъ; что торговля пришла бы въ упадокъ; что промышленность погибла бы;

¹⁾ Discours de Dupont, p. 9. *Ubi supra*.

²⁾ Rapport sur la caisse d'escompte etc., p. 13.

³⁾ *Ibidem*, p. 16.

что учетная касса пала бы, въ свою очередь, и что крахъ ея, подобно камню, брошенному на середину бассейна, распространился бы послѣдовательно, черезъ рядъ разореній, до самыхъ окраинъ королевства ¹⁾).

Разсужденіе было бы великолѣпно, если бы для того, чтобы помѣшать правительству идти къ банкротству, торговлѣ придти въ застой, промышленности погибнуть, королевству придти въ замѣшательство, существовало одно только средство, именно кредитное установленіе, постепенно нарушающее всѣ законы кредита и проявляющее рѣдкое великодушіе давать въ ссуду то, что ему не принадлежит! Но было довольно естественнымъ, что этотъ родъ великодушія былъ не по вкусу тѣмъ, кому онъ грозилъ разореніемъ, и когда касса приглашала публику нести къ ней деньги съ полнымъ довѣріемъ, она не сказала, что распорядится ими для того, чтобы вывести министра финансовъ изъ затруднительнаго положенія.

Впрочемъ, на чужой счетъ учетная касса проявляла этотъ патріотизмъ, которымъ она такъ хвасталась. Ибо даже когда, благодаря постановленіямъ объ отстрочкѣ платежей, касса уплачивала деньгами только часть предъявляемыхъ къ обмѣну билетовъ, въ это самое время она помѣщала на проценты остальную свою наличность, продолжала свою учетную операцію, обогащалась и раздѣляла дивиденды между своими акціонерами ²⁾), какъ будто позволительно было извлекать выгоды изъ предпріятія прежде, чѣмъ были заплачены его долги!

Прибавимъ, что Неккеръ злоупотреблялъ пружиной, которую имѣлъ подъ рукой. Такъ какъ финансы были истинной бочкой Данаидъ, и первая помощь вызвала вторую, вторая третью и такъ далѣе, то оказалось, что въ декабрѣ 1789 года учетной кассой было уже ссужено правительству до 90 милліоновъ, не считая 70 милліоновъ, данныхъ казнѣ въ 1785 г. ³⁾).

Если бы подобный ресурсъ былъ неисчерпаемымъ, то онъ, конечно, долженъ былъ казаться самымъ подходящимъ Неккеру, котораго онъ избавлялъ отъ всякаго усилія по части нововведеній. Оттого такая сильная и дѣятельная привязанность ми-

¹⁾ См. въ *Bibliothèque historique de la Révolution.—Finances*, t. 163, 164, 191, 192, 193, *discours de Pitra sur la caisse d'escompte; Rapport sur la caisse, d'escompte, et Reponses à quelques objections relatives à la caisse d'escompte.*

²⁾ *Rapport sur la caisse d'escompte etc.*, p. 28.

³⁾ *Ibidem.*

нистра къ учетной кассѣ. То онъ писалъ финансовымъ компаниямъ, чтобы побудить ихъ привлекать къ себѣ бумагу кассы, эти, какъ ихъ называли, *черные билеты*; то онъ доказывалъ придворнымъ игрокамъ, какъ удобно имъ было бы облегчить свои карманы¹⁾, обмѣнивъ въ кассѣ свои тяжеловѣсные свертки лудоровъ на эти легкія бумажки, въ которыя Калонну случилось завертывать фисташки, посылаемыя дамамъ²⁾.

Съ своей стороны, банкиры, дѣльцы всячески поддерживали бумагу, обращеніе которой было имъ выгодно. У одного банкира спросили, какъ бы онъ поступилъ, если бы кто-либо, не имѣя возможности реализовать черные билеты въ кассѣ, предложилъ ихъ ему по цѣнѣ ниже номинальной? Онъ отвѣтилъ: «Я взялъ бы ихъ аль-пари»³⁾...

Все это могло быть лишь временнымъ; невозможно было, чтобы этотъ искусственный кредитъ сохранился до конца, и чтобы рано или поздно *черные билеты* не были изъяты изъ обращенія. Во многихъ случаяхъ обмѣна настоятельно требовали уплаты деньгами; скототорговцы, снабжавшіе рынки Со и Пуасси, грозили прекратить снабженіе этихъ рынковъ, если имъ будутъ предлагать въ уплату за поставки одни только *черные билеты*; торговцы мукой объявили пекарямъ, что желаютъ уплаты деньгами за свой товаръ⁴⁾. Но деньги становились все болѣе и болѣе рѣдкими. Не только ихъ прятали, что, впрочемъ, было естественно въ то бурное время, но ихъ еще вывозили за границу. Почему? Вотъ отвѣтъ, данный на этотъ вопросъ однимъ изъ самыхъ неутомимыхъ противниковъ учетной кассы, виконтомъ Мирабо:

«Человѣкъ безпокойный или недовольный нашимъ политическимъ положеніемъ не подумалъ бы, однако, посылать свои деньги за предѣлы королевства, если бы билеты учетной кассы оплачивались по предъявленію; ибо, имѣя возможность сосредоточить большія суммы въ незамѣтно маломъ объемѣ, увѣренный въ возможности реализовать ихъ во всякое время, въ каждый часъ, въ каждую минуту, когда пожелаетъ, онъ не сталъ бы

¹⁾ *Règne de Louis XVI*, t. V, p. 256.

²⁾ См. во 2-мъ томѣ этого сочиненія главу: *Появленіе дефицита*.

³⁾ *Opinion d'un créancier de l'État*, p. 32.

⁴⁾ *Lettre de Boileux de Beaulieu à M. le président du comité des recherches, à l'Assemblée nationale*, p. 11, dans la *Bibliothèque historique de la Révolution; Finances*, t. 185, 186. British museum.

подвергать себя значительнымъ убыткамъ, которые неизбежно понесетъ, посылая свои капиталы за границу. Но, совсѣмъ на-противъ, первые шаги, которые онъ дѣлаетъ къ ихъ реализаціи, доставляютъ ему лишь билеты кассы, и, побуждаемый своими опасеніями, онъ можетъ быстро конвертировать эти билеты только въ векселя на за границу. Но Парижъ не принимаетъ такихъ векселей. Не посылаютъ продавать векселя туда, гдѣ ихъ оплачиваютъ билетами, которые не могутъ быть реализованы по желанію. Нужно, значитъ, чтобы кто-нибудь въ Парижѣ доставлялъ ихъ. Но кто осмѣлится доставлять ихъ, если онъ не сохранитъ въ цѣнѣ иромѣна ресурсъ послать въ Лондонъ или въ Амстердамъ лудоры или экю, для ихъ оплаты? Оттого наша звонкая монета стала въ этихъ главныхъ торговыхъ центрахъ болѣе обильной, нежели деньги всѣхъ другихъ націй. Надо положить конецъ этому злу. Если оно продолжится, намъ придется испытать тѣ же бѣдствія, которыми была ознаменована дѣятельность Ло. Тщетно будемъ мы переплавлять серебряную посуду въ экю: это всегда будутъ лишь капли воды, еще болѣе возбуждающія жажду, вмѣсто того, чтобы утолить ее¹⁾.

Мы рассказали въ другомъ мѣстѣ, какъ, послѣ двухъ послѣдовательныхъ попытокъ заключить заемъ, Неккеръ предложилъ установить *патріотическій сборъ съ размѣръ четверти дохода*. Такъ какъ обѣ попытки заключенія займа не удались, а патріотическій сборъ приносилъ слишкомъ мало, то Неккеръ придумалъ, какъ средство для поправленія финансовъ, преобразовать любезную ему учетную кассу въ *національный банкъ*.

Планъ его состоялъ въ слѣдующемъ:

Учетная касса, преобразованная въ національный банкъ, получила бы привилегію на десять, двадцать или тридцать лѣтъ.

Публичные комиссары наблюдали бы за ея управленіемъ, и ея уставъ, пересмотрѣнный, былъ бы облеченъ законной санкціей.

Былъ бы опредѣленъ предѣлъ для выпуска билетовъ, обра-

¹⁾ Рѣчь, приготовленная Мирабо для трибуны и приведенная въ VII т. *Мемуаровъ*, стр. 23.

²⁾ См. во II-мъ томѣ этого сочиненія главу: *Управленіе Неккера*.

ченіе которыхъ никогда не должно бы было превышать 240 милліоновъ.

Нація приняла бы на себя поручительство за эти билеты, снабженные штемпелемъ, съ гербомъ Франціи и съ надписью: *національная гарантія*.

Они были бы принимаемы, какъ деньги, во всѣхъ кассахъ королевскихъ и частныхъ.

Для увеличенія капитала кассы, который въ то время равнялся ста милліонамъ, были бы созданы двѣнадцать съ половиной тысячъ новыхъ акцій, оплачиваемыхъ деньгами и составлявшихъ, по четыре тысячи франковъ каждая, сумму въ пятьдесятъ милліоновъ.

Капиталь кассы такимъ образомъ увеличился бы до 150 милліоновъ, что, прибавляя сюда 240 милліоновъ въ видѣ разрѣшенныхъ къ выпуску билегаовъ, дало бы сумму 390 милліоновъ, которая раздѣлялась бы такъ:

70 милл. внесенныхъ въ казну въ 1787 г.	70 милліон.
90 милліон., ссуженныхъ правительству въ теченіе 1789 г.	90 »
80 милл., предназначенныхъ для учета векселей	80 »
70 милл., предназначенныхъ въ фонды кассъ въ звонкой монетѣ	70 »
80 милл., имѣющихъ быть данными еще въ ссуду правительству	80 »
<hr/>	
Итого	390 милл.

Такимъ образомъ, назвать учетную кассу красивымъ именемъ, распространить на все королевство ея операціи, до того времени ограниченныя однимъ Парижемъ; облегчить эти операціи, прикрывая ихъ національной гарантіей и, какъ практической результатъ перемѣны именъ, не приводившей даже къ перемѣнѣ злоупотребленій, извлечь изъ учетной кассы новое пособие въ 80 милліоновъ, которое, вмѣстѣ съ вкладомъ 1787 г. и ссудами, данными въ теченіе 1789 г., сдѣлало бы кассу кредиторамаъ государства на сумму 240 милліоновъ¹⁾: вотъ въ чемъ

¹⁾ *Moniteur*, засѣданіе 14 ноября 1789 г.

состояла вся экономія проекта Неккера. Выходило, что, гарантируя 240 милліоновъ въ билетахъ, уже выпущенныхъ или имѣющихъ быть выпущенными учетной кассой, государство только поручалось бы за свой собственный долгъ.

Найти средство увеличить задолженность государства, когда нужно было освободить его отъ долговъ! Можно судить, было ли удовлетворено общественное мнѣніе. Какъ! Учетная касса, переставшая платить по первой явкѣ, потеряла довѣріе, допустила запятнать себя четырьмя постановленіями объ отсрочкѣ платежей, и изъ нея - то хотятъ сдѣлать финансовый пилль, вокругъ котораго должны вертѣться судьбы революціи! Ее, эту кассу, высокопарно вызывали сообщить государству кредитъ, который она потеряла! Странный національный банкъ, продолжавшій принадлежать ассоціаціи частныхъ лицъ, которыя получали бы всѣ барыши, тогда какъ государство приняло бы на себя, въ отношеніи ихъ кредиторовъ, отвѣтственность за всѣ убытки! Планъ министра полагалъ ли конецъ скандалу постановленій объ отсрочкѣ платежей? Ничуть не бывало; напротивъ, онъ, казалось, освящалъ ихъ, онъ возводилъ ихъ на степень національнаго скандала. И потомъ, зачѣмъ эта исключительная привилегія, которая помѣшала бы, въ провинціяхъ, учрежденію частныхъ банковъ, для удобства ихъ жителей? Какъ! еще привилегіи! Если бы хотѣли, создать истинно *національный банкъ*, банкъ, который не былъ бы ни обманомъ, ни шарлатанствомъ, ничего нѣтъ проще: должны бы были основать его на фонды государства, въ пользу государства, и сказать учетной кассѣ: вы имѣете активъ, превышающій вашъ пассивъ; вы имѣете здѣсь дебиторовъ, тамъ кредиторовъ: велите однимъ уплатить вамъ, уплатите другимъ, и ликвидируйтесь!»

Эти жалобы имѣли, въ Мирабо, органъ, обратившій ихъ въ раскаты грома. Одинъ депутатъ, впрочемъ, довольно темный, де-Лавеннъ, сказалъ: «То, что г. Неккеръ написалъ своей рукой, онъ стеръ бы своими слезами, если бы могъ предвидѣть послѣдствія своего плана»¹⁾. Слово это повторилось публичкой.

Учетная касса имѣла много противниковъ, и очень опасныхъ: самымъ остроумнымъ ея защитникомъ былъ Дюпонъ де Немуръ, одинъ изъ свѣточей школы экономистовъ, вѣрный ученикъ д-ра Кенэ, сотрудникъ аббата Бодо, эксъ-губернеръ князя

¹⁾ *Règne de Louis XVI*, t. V, p. 269.

Адама Чарторижскаго, протеже шведскаго короля Густава III, тотъ, о комъ Тюрго, его вліятельный другъ, говаривалъ: *онъ всегда будетъ молодымъ чловкомъ, подающимъ блестящія надежды*¹⁾, и который дѣйствительно умеръ въ очень преклонномъ возрастѣ, никогда не бывъ старымъ. Съ дѣйствительнымъ знаніемъ онъ соединялъ живость ума, довольно пикантную, чтобы казаться иногда юношеской: она не покинула его и въ данномъ случаѣ. Онъ съ большимъ жаромъ и авторитетомъ отражалъ нападки Мирабо, подсказываемые Клаверомъ. Отвѣчая тѣмъ, кто ставилъ въ вину учетной кассѣ то, что она не исполнила своихъ обязательствъ, переставъ оплачивать свои билеты *à vue*, онъ говорилъ: «Развѣ какой-либо банкъ обязывается платить такимъ образомъ? Да, при одномъ, хорошо всѣмъ извѣстномъ, условіи, именно, чтобы держатели билетовъ не являлись всѣ разомъ, и чтобы предъявляемые къ оплатѣ билеты не превышали, въ сложности, запаснаго фонда, т. е. трети, четверти суммы, представляемой выпущенными билетами... Банкъ, который, даже въ предвидѣніи самыхъ страшныхъ кризисовъ, сказалъ бы: *приходите къ моей кассѣ, и, чтобы ни случилось, вамъ всегда будетъ уплочено звонкой монетой*, такой банкъ походилъ бы на уличнаго дантиста, обѣщающаго *вырвать зубы съ корнемъ безъ малѣйшей боли*. Дюпонъ де Немуръ сильно напиралъ на то, что учетная касса лишь отчасти воспользовалась постановленіями объ отстрочкѣ платежей, на то, что она всегда, даже при дѣйствіи этихъ постановленій, уплачивала по предъявляемымъ билетамъ до трехсотъ тысячъ лавровъ въ день. Онъ отрицалъ, чтобы англійскій банкъ, въ критическіе моменты, велъ себя такъ же корректно, банкъ, на который однако постоянно указываютъ, какъ на образцовый. Онъ напомнилъ, что въ 1697 г. этотъ банкъ пріостановилъ свои платежи, подъ предлогомъ переплавки монеты, тогда какъ долженъ бы былъ уплачивать старой монетой до того дня, когда производство монетнаго двора позволило бы начать уплату деньгами новаго чекана. Онъ напомнилъ еще, что въ 1745 г. тотъ же банкъ производилъ платежи шиллингами и полушиллингами, считая ихъ одинъ по одному, что не позволяло ему уплачивать болѣе двухъ тысячъ фунтовъ стерл. въ день. И почему этотъ непоколебимый банкъ былъ до такой степени потрясенъ? Потому, что

¹⁾ *Biographie universelle*, въ словѣ *Dupont*.

въ разстояніи около сорока пяти льё отъ Лондона стоялъ безнадежный претендентъ, во главѣ полутора тысячъ шотландскихъ горцевъ! Соединеніе кредита государства съ кредитомъ кассы ораторъ сравнивалъ съ союзомъ двухъ деревьевъ, изъ которыхъ каждое въ отдѣльности было бы слишкомъ слабо противъ вѣтра, но которыя выдерживаютъ его напоръ, переплетаясь своими вѣтвями и корнями. Онъ прибавилъ: «если банкротство было избѣгнуто; если честность короля и честность министра были поддержаны; если представители народа были собраны, если, разъ соединенные, они почувствовали, чѣмъ они должны быть; если духовенство болѣе не корпорація; если дворянство болѣе не сословіе; если провинціи съ областными штатами болѣе не республики; если парламенты у вашихъ ногъ,—то всѣмъ этимъ вы обязаны учетной кассѣ», и онъ заключилъ свою рѣчь принятіемъ плана Неккера, слегка измѣненнаго¹⁾.

Но Неккеръ потерялъ всякій престижъ. Національное Собраніе, которому наскучило слушать докторальныя нотации министра, было, наконецъ, поражено его неспособностью; оно отклонило проектъ преобразованія учетной кассы въ національный банкъ и серьезно подумывало о томъ, чтобы взять въ свои руки, чрезъ посредство своихъ комитетовъ, управленіе финансами. Делабордъ де Меревиль внесъ предложеніе объ учрежденіи частнаго банка на болѣе широкихъ основаніяхъ, нежели учетная касса, банка, долженствовавшаго замѣнить эту послѣднюю, поглотивъ ее, и который получилъ бы назначеніе—сохраняя свой характеръ частнаго кредитнаго установленія, служить генеральнымъ кассиромъ государства. Національное Собраніе назначило, для разсмотрѣнія этого проекта совмѣстно съ министромъ финансовъ, комиссію изъ десяти членовъ, и по ея докладу²⁾, представленному 17 декабря 1789 г. депутатомъ Лекульте де Кантеле, приняло слѣдующія важныя мѣры.

Такъ какъ упразднить немедленно учетную кассу, отъ которой можно было ожидать еще такъ много помощи государству и частнымъ лицамъ, было неблагоприятно, то было рѣшено, чтобы она продолжала покуда свои операціи, но что она должна

¹⁾ Эта рѣчь, сокращенно переданная *Монитеромъ*, приведена *in extenso* въ *Bibliothèque historique de la Révolution. Finances*, t. 191, 192, 193. British museum.

²⁾ Напечатанъ цѣликомъ въ *Bibliothèque de la Révolution. Finances*, t. 183, 184.

какъ можно скорѣе вернуться къ условіямъ своего основного обязательства, именно къ оплатѣ своихъ билетовъ по первому требованію. Она уже ссудила правительству 70 милліоновъ въ 1787 г., 90 милліоновъ въ 1789 г.: ей было предложено доставить казнѣ, въ шестимѣсячный срокъ, еще 80 милліоновъ, такъ что къ 1 іюля 1790 г. долгъ ея на государство простирается бы до 240 милліоновъ.

Само собой разумѣется, тотчасъ же являлся вопросъ: изъ какихъ источниковъ государство возьметъ средства на погашеніе такого долга, прибавленнаго ко всѣмъ другимъ долгамъ? Денегъ въ казнѣ не было, кредита тоже, невозможно было предполагать и государственными доходами, напередъ заложенными. Что дѣлать? То, что дѣлаетъ въ подобномъ случаѣ всякій честный человѣкъ, имѣющій собственность: продать, и вырученными отъ продажи деньгами расплатиться съ долгами. Было два вида національной собственности, которые можно было обратить въ деньги: это, во-первыхъ, *коронныя имѣнія*, а затѣмъ *церковныя имѣнія*. Первые могли считаться, и дѣйствительно считались, неотчуждаемыми, пока они должны были служить средствомъ для содержанія королей и ихъ фамиліи; но они естественно снова становились свободными съ тѣхъ поръ, какъ установленіемъ опредѣленнаго *liste civile* нація взяла на себя заботу доставлять средства на удовлетвореніе потребностей своего перваго сановника. Что касается вторыхъ, то они торжественнымъ декретомъ были поставлены подъ начало государства, которое вольно было сдѣлать изъ нихъ употребленіе, какое найдетъ наиболѣе подходящимъ, съ единственнымъ условіемъ давать средства на покрытіе расходовъ по отправленію культа, содержанію служителей алтаря и вспоможенію бѣднымъ. Рѣшившись употребить эти два вида собственности на дѣло освобожденія государства отъ бремени долговъ, Собраніе декретировало, чтобы, за исключеніемъ лѣсовъ и королевскихъ домовъ, пользованіе которыми Людовику XVI желательно было оставить за собой, коронныя имѣнія были пущены въ продажу, равно какъ часть церковныхъ имуществъ, всего на сумму четырехсотъ милліоновъ ливровъ.

Но продажа могла затянуться, а долги, требовавшіе погашенія, не терпѣли. Надо было, значитъ, придумать средство пользоваться цѣной этой продажи прежде даже, чѣмъ она будетъ реализована. Съ этой цѣлью было постановлено произвести на

сумму четырехсотъ милліоновъ выпускъ ассигнацій, т. е. купныхъ билетовъ на предназначенныя къ продажѣ недвижимыя имущества. Такимъ образомъ четыреста милліоновъ въ земляхъ, для которыхъ государство должно было найти покупателей, являлись представленными четырьмястами милліоновъ въ бумагахъ, часть которой была передана учетной кассѣ, въ видѣ обезпеченія уплаты по ея ссудамъ. Спѣшимъ оговориться, что эти ассигнаціи, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, не имѣли вначалѣ того трагическаго характера, который скоро потомъ должны были получить; имъ не былъ приданъ принудительный курсъ, ихъ не создали какъ бумажныя деньги, въ абсолютномъ смыслѣ слова. Это были не болѣе, какъ поручительство или антиципаціи за продажу имѣній, которую надѣялись реализовать.

Такимъ образомъ конецъ 1789 года былъ ознаменованъ принятіемъ четырехъ крупныхъ финансовыхъ мѣръ:

1) засмъ въ 80 милліоновъ у учетной кассы; 2) постановленіе объ отчужденіи части національныхъ имѣній; 3) созданіе, подъ именемъ *ассигнацій*, на ту же сумму мандатовъ, соответствующихъ ожидаемой продажѣ имѣній, и предназначенныхъ частью на уплату долга учетной кассѣ; 4) учрежденіе *кассы чрезвычайныхъ расходовъ*, специально назначенной для погашенія государственнаго долга¹⁾.

Для преодоленія трудностей положенія достаточно ли было этихъ мѣръ?

Много ли помогъ бы этотъ новый заемъ въ восемьдесятъ милліоновъ, если, какъ это легко было предвидѣть, равновѣсіе между доходами и расходами не возстановится; если соляная пошлина по прежнему не будетъ уплачиваема и не будетъ вовремя замѣнена какимъ-либо другимъ источникомъ дохода; если сборъ обыкновенныхъ налоговъ замедлится, вслѣдствіе смуты въ провинціяхъ; если, за недостаткомъ довѣрія въ будущее, антиципаціи не возобновятся?

Рѣшили продать часть національныхъ имуществъ на четыреста милліоновъ; но отъ рѣшенія до его исполненія было еще очень далеко! Какого сильнаго сопротивленія надо было ожидать со стороны духовенства, когда отъ экспроприаціи на бумагахъ перешли бы къ экспроприаціи на дѣлѣ! При томъ ничего не было точно опредѣлено ни на счетъ того, какъ приступить къ

¹⁾ Декреты 19 дек. 1789 г.

этой продажѣ, ни о томъ, какую приманку противопоставить, въ умѣ покупателей, власти религіозныхъ сомнѣній, ни относительно временнаго управленія предназначенными къ продажѣ имуществами, ни относительно дотации духовенства.

Что касается выпуска ассигнацій на четыреста миллионѣвъ, то еще неизвѣстно, удастся ли сбыть ихъ? Если не удастся, то выходило бы, что построили только карточный домикъ.

Вопросы жизни или смерти! И горячность, съ которой общественное мнѣніе принялось обсуждать ихъ, вполнѣ доказывала это. Ибо въ то время, какъ жены и дочери знаменитѣйшихъ художниковъ Парижа—въ этомъ спискѣ блистали имена Фрагонара, Верне, Давида—спѣшили принести въ даръ Национальному Собранію свои драгоценности; въ то время, какъ чины магистратуры предлагали въ пользу находящагося въ бѣдственномъ положеніи отечества свои оклады, красавицы—свои браслеты, бѣдные солдаты—три тысячи ливровъ изъ суммъ, отпускаемыхъ на ихъ содержаніе, за одинъ мѣсяцъ¹⁾, сколько умовъ, пустившихся на поиски средствъ помочь бѣдѣ! Подъ перомъ Корнмановъ, Бриссо, Брюле, Бейерле, сколько цифръ, группированныхъ въ освободительные столбцы! У cadaго была своя золотая мечта, каждое утро выступали новые спасители отечества. Для нѣкоторыхъ этотъ родъ исканій имѣлъ прелесть авантюры. Фавра не принялся ли за вычисленія, прежде чѣмъ сдѣлаться заговорщикомъ? Не написалъ ли онъ гордо на первой страницѣ своей книги: *побѣжденный дефицитъ Франціи*? Высказывались самыя странныя идеи, предлагались самыя хитроумныя комбинаціи, и изъ французскаго ума, возбужденнаго и волнующагося, сыпались искры, смѣшанныя, какъ всегда, съ клубами дыма¹⁾. Безчисленны были брошюры, которыми кризисъ финансовъ наводнилъ рынокъ²⁾. Одинъ предлагалъ выпускъ бумаги, которую, посредствомъ спеціального заведенія, застрахо-

¹⁾ *Des libéralités des particuliers envers la patrie et de l'organisation d'une caisse patriotique, par Bouche, député de la sénéchaussée d'Aix, въ Bibliothèque historique de la Révolution.—Finances, t. 194, 195. British museum.*

²⁾ Въ коллекціи Британскаго музея: *Finances de la Révolution française*, эти брошюры составляютъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими докладами и рѣчами, рядъ огромныхъ томовъ, которые мы считали долгомъ прочесть, чтобы хорошо ознакомиться съ движеніемъ умовъ, и которые простираются отъ № 181 до № 234!..

вывали бы отъ недовѣрія публики, подобно тому, какъ страхуютъ дома отъ огня и корабли отъ крушенія¹⁾; другой требовалъ возвышенія цѣнности монетъ, исходя изъ тѣхъ данныхъ, что государственнй долгъ составлялъ три милліарда, и что въ королевствѣ оставалось золотомъ и серебромъ одинъ милліардъ семнадцать милліоновъ²⁾; третій хотѣлъ конверсіи всѣхъ долговъ государства въ одинъ всеобщій, раздѣленный на шестнадцать классовъ, изъ которыхъ первый обнималъ бы дѣтей до пятилѣтняго возраста, а послѣдній—стариковъ, перевалившихъ за семьдесятъ пять лѣтъ³⁾. Авторъ этого послѣдняго плана назывался Моренвиль, а книга его была озаглавлена: «Союзъ трехъ сословій, или курица въ горшкѣ». По мнѣнію нѣкоего кавалера S. M. съ тремя звѣздочками, нѣтъ никакой надежды, если управленіе финансами не будетъ ввѣрено *совету нации*, составленному изъ депутатовъ назначенныхъ *ad hoc* каждой провинціей, и если не успѣшатъ основать *національный банкъ*, образованный изъ всѣхъ доходовъ государства, взимаемыхъ по прежнему въ металлическихъ деньгахъ, и который былъ бы обязанъ размѣнивать на звонкую монету выпускаемую имъ бумагу *національнаго обращенія*⁴⁾. Эти идеи учрежденія національнаго банка и выпуска бумажныхъ денегъ подъ той или другой гарантіей бродили, впрочемъ, во всѣхъ головахъ; онѣ встрѣчаются, хотя нѣсколько различно комбинируемыя, во множествѣ писаній того времени: эту мѣру предлагали, между прочимъ, Ребуль Сеннебье, знаменитый Ленге, бывший мировой консулъ въ Марокко, по имени д'Одиберъ де Кайль, который взялъ за эпитафью слова: *Будьте согласны, и мы будемъ счастливы*⁵⁾.—совѣтъ, увы! который легче дать, чѣмъ исполнить. Чтобы популяризировать между женщинами мысль созданія денежнаго знака, соперника металлу, выставляли въ модныхъ магазинахъ на продажу брошюры съ заманчивыми

¹⁾ *Caisse d'assurance*, въ *Bibliothèque historique de la Révolution.—Finances*, t. 206, 207. British museum.

²⁾ *Moyen de rétablir promptement les finances. Ibidem*, t. 211, 212.

³⁾ *L'union des trois ordres, ou la poule au pot. Ibidem*, t. 202, 203.

⁴⁾ *Essai sur le rétablissement des finances du royaume*, par. M. le chevalier de S*** M***. *Ibidem*, t. 183, 184.

⁵⁾ *Moyen sûr et facile pour libérer l'État*, par M. d'Audibert de Caille, ancien consul de paix près l'empereur de Maroc. *Ibidem*, t. 199, 200. Брошюра Сеннебье и Ленге, цитированныхъ въ *Histoire parlementaire de Buchez et Roux*, нѣтъ въ коллекціи, впрочемъ, столь богатой, Британскаго музея.

заглавіями, въ родѣ слѣдующаго: «*Францъ-пикардійка, или го-
лось и-жи *** въ пользу введенія бумажныхъ денегъ*¹⁾».

Таково было движеніе умовъ, когда одинъ ліонскій не-
ціантъ, по имени Ферьеръ, предложилъ свою систему, которая
сильно заинтересовала общественное мнѣніе, взволновала міръ
капиталистовъ, и стоитъ того, чтобы на ней остановиться.

Практика *вирементовъ*²⁾ хорошо извѣстна. *A* долженъ *C* 20.000
лировъ, а ему самому долженъ *B* 21.000 ливр. Съ другой
стороны, *C* также долженъ *B* 20.000 ливр. При такихъ об-
стоятельствахъ, *A*, встрѣтясь съ *C* въ мѣняльной лавкѣ, гово-
ритъ ему: «я долженъ вамъ 20.000, и *B* долженъ мнѣ столько
же: хотите, я расплачусь съ вами, передавъ вамъ мой долгъ
на *B*. Предложеніе принято. Слѣдовательно, если *B* передастъ *C*
рописку на двадцать тысячъ ливровъ, въ каковой суммѣ этотъ
послѣдній состоитъ его должникомъ, то тѣмъ самымъ онъ, *B*,
окажется расплатившимся относительно *A* до суммы 20.000 ливр.,
и останется должнымъ ему только тысячу ливровъ. Предполо-
жимъ, что онъ уплачиваетъ ее деньгами: этой небольшой до-
бавки въ звонкой монетѣ достаточно будетъ, чтобы сальдиро-
вать между *A*, *B* и *C* счета на значительныя суммы. Легко
понять, насколько операція этого рода, распространенная на
массу кредиторовъ и дебитаровъ даннаго мѣста, уменьшаетъ
необходимость обращенія звонкой монеты, которое тогда тре-
буется только для добавочныхъ суммъ. Такъ что, благодаря
вирементамъ, кредитъ можетъ держаться въ торговлѣ, незави-
симо отъ стѣсненія въ металлическихъ деньгахъ, на основѣ
первоначальныхъ цѣнностей въ товарахъ.

Въ изученіи этой практики, составляющей счастливое пре-
пятствіе тираніи празднаго капиталиста, Ферьеръ и взялъ свою
исходную точку. Принимая во вниманіе, что жители страны всѣ
являются, хотя въ различныхъ степеняхъ и подъ различными
условіями, кредиторами и дебиторами другъ друга, онъ приду-
малъ примѣнить къ общему обращенію принципъ ліонскихъ ви-
рементовъ.

Но въ данномъ торговомъ городѣ всѣ вступающіе между со-
бой въ договорныя отношенія имѣютъ насчетъ взаимной
кредитоспособности и состоятельности почти точныя свѣдѣнія,
которые исчезаютъ, какъ только отступить отъ стѣнъ этого

¹⁾ *Bibliothèque de la Révolution—Finances*, t. 194, 195, British museum.

²⁾ Переводъ долга.

чивать звонкой монетой, по первому требованію, представляемые имъ къ обмѣну *территоріальные знаки*.

Знаки эти состояли бы въ билетахъ, выищенныхъ подъ гарантіей націи, могущихъ быть передаваемыми изъ рукъ въ руки выражающихъ ипотечный залогъ такой-то доли земельной собственности, такого-то недвижимаго имущества.

Всякій земельный собственникъ, имѣющій надобность или желаніе занять, могъ бы отправиться въ территоріальную кассу своего департамента, которая и ссудила бы ему, въ территоріальныхъ знакахъ, желаемую сумму по четыре съ половиной процента годовыхъ, подъ залогъ до двухъ третей стоимости его имѣнія, и послѣ тщательной провѣрки его самоличности и правъ собственности и удостовѣрившись, что закладываемое имущество свободно отъ долговъ.

По истеченіи года, если бы оказалось, что собственникъ выбросилъ свои закладные листы въ обращеніе, онъ обязанъ бы былъ уплатить кассѣ означенную на нихъ сумму. Если же оказалось бы, что онъ оставилъ ихъ у себя, онъ долженъ бы былъ или возобновить ихъ, или возвратитъ ихъ въ кассу.—Изъ четырехъ съ половиной процентовъ интереса, полтора процента пошли бы на покрытіе издержекъ управленія кассы, а два съ половиной поступили бы въ пользу государства, на предметъ окончательнаго освобожденія его отъ задолженности.

Эта комбинація связывала кредитъ съ землей; она имѣла въ виду установить ихъ взаимное плодотворное воздѣйствіе; она обѣщала быстро вести къ погашенію государственнаго долга, примѣняя къ этой задачѣ выгоды обширной банковской операціи; она не могла, въ случаѣ успѣха, не способствовать пониженію процента денегъ; она должна была наполнить, правда, бумагой, но бумагой, имѣющей самое солидное изъ всѣхъ обезпеченій, каналы, которые оставило опорожненными, въ денежномъ обращеніи, бѣгство звонкой монеты и его тревожныя послѣдствія. Все это казалось въ высшей степени соблазнительнымъ. Феррьеръ совѣтовался о своемъ планѣ съ извѣстными финансистами и дѣловыми людьми, съ Ленорманомъ, Майю де Лабалю, Го жаромъ, Помарелемъ, съ начальникомъ и нѣкоторыми чиновниками государственнаго казначейства, съ директорами учетной кассы, и всѣ признали себя, если не убѣжденными, то по крайней мѣрѣ ослѣпленными¹⁾; Пеліонъ не довольствовался принятіемъ этихъ

¹⁾ *Précis et succinct aperçu d'un nouveau plan de finances.*

видовъ, онъ объявилъ, что понесетъ ихъ на національную трибуну¹⁾; въ свою очередь, городская ратуша живо заинтересовалась этимъ дѣломъ; наконецъ, авторъ предлагаемаго плана былъ приглашенъ сдѣлать подробное изложеніе его передъ комиссарами округа Генриха IV.

Отчетъ о заданныхъ ему вопросахъ и его объясненіяхъ у насъ передъ глазами; приводимъ его, съ нѣкоторыми измѣненіями, которыя намъ пришлось сдѣлать относительно формы, по причинѣ недостаточной его правильности и ясности.

Вопросъ. Какое средство будутъ имѣть территоріальныя кассы, чтобы удостовѣриться, что закладываемыя имѣнія уже свободны отъ всякихъ долговъ?

Отвѣтъ. Въ случаѣ, если бы Національное Собраніе приняло мою систему, оно должно бы было декретировать, что всякій, кто имѣетъ закладныя на недвижимыя имущества, обязанъ заявлять о томъ администраціи, подъ опасеніемъ опредѣленнаго въ законѣ наказанія.

В. Собственникъ-заемщикъ можетъ ли распоряжаться имуществомъ, подъ которое получилъ ссуду изъ территоріальной кассы?

О. Онъ можетъ распоряжаться только той частью имущества, на которую не распространяется его долговое обязательство.

В. Какъ будетъ поступлено въ случаѣ, если, въ концѣ года, заемщикъ, пустившій въ оборотъ выданные ему территоріальныя листы, не уплотнитъ кассѣ сумму ссуды?

О. Касса вступить во владѣніе имѣніемъ, назначить туда управляющаго, будетъ взимать доходы, на которые оно наложитъ секвестръ, и изъ которыхъ будетъ удерживать четыре процента до тѣхъ поръ, пока изъ вырученной отъ продажи имущества суммы не будетъ уплоченъ долгъ кассѣ.

В. Территоріальные знаки будутъ ли пользоваться достаточнымъ довѣріемъ?

О. Конечно. Самый акцентабельный вексель привлекаетъ къ себѣ довѣріе, равнозначашее кредиту звонкой монеты, только благодаря мнѣнію, которое имѣютъ о солидарности *трассентовъ*, *акцептантовъ* и *индоссентовъ*. Если случайно ошибешься, то все кончено; ибо какъ преслѣдовать имущество должника въ дру-

¹⁾ *Rapport des commissaires du district de Henri IV*, вѣ. *Bibliothèque historique de la Révolution.—Finances*, t. 211, 212. British museum.

гихъ рукахъ, куда онъ могъ передать его? Напротивъ, то, что территоріальный знакъ вручаетъ вамъ, это не результатъ мнѣнія, иногда вѣрнаго, иногда ошибочнаго, это, въ формѣ клочка бумаги, ферма, поле или домъ. Мѣриломъ же всякаго кредита служитъ цѣнность, присущая той вещи, которая составляетъ его залогъ?

В. Территоріальные знаки будутъ ли такъ же легко обращаться, какъ золото и серебро?

О. Безъ сомнѣнія. Руда, извлеченная изъ нѣдръ земли, стоитъ ли больше, чѣмъ самая земля, изъ которой она добыта?

В. Эти знаки могутъ теряться?

О. Менѣе легко, чѣмъ деньги, если будутъ употреблять слѣдующее очень простое средство: собственникъ *A* представляетъ въ марсельскую территоріальную кассу свое земельное имущество, свободное отъ долговъ и оцѣниваемое въ 12,000 ливровъ. Ему выдаютъ закладной листъ на просимую имъ сумму ссуды въ четыре тысячи ливровъ,—листъ, обмѣниваемый на звонкую монету, по предъявленіи, во всѣхъ территоріальныхъ кассахъ королевства. Но въ реестрѣ, по просьбѣ *A*, вписано какое-либо слово или число, извѣстное только ему одному и управленію кассы, напримѣръ, слово *alla*, или число *CXO*. Всякій держатель закладного листа, выданнаго собственнику *A*, желая реализовать въ деньги этотъ листъ, получить частичный или полный обмѣнъ только при условіи знанія имъ слова *alla* или нумера *CXO*, не написанныхъ на листѣ.

В. Кажется, вашъ проектъ былъ бы выгоденъ только владельцамъ недвижимыхъ имуществъ?

О. Не-собственникамъ онъ тоже принесъ бы пользу посредствомъ обмѣна ихъ товаровъ съ собственниками, которые, занимая въ кассѣ подъ четыре процента, охотно будутъ ссужать по пяти или шести процентовъ, тогда какъ теперь нужно платить капиталисту-заимодавцу десять, одиннадцать и даже двѣнадцать процетновъ.

В. Пониженіе цѣны денегъ будетъ однимъ изъ результатовъ вашей системы?

О. Да, въ этой системѣ дѣйствительно деньги теряютъ свою полезность, какъ единственный представитель цѣнностей; онѣ сохраняютъ ее только какъ средство *баланса* и *доплаты*.

В. Изъ какихъ фондовъ территоріальныя кассы возьмутъ средства для производства платежей *à vue*?

О. Изъ валовыхъ доходовъ государства, которые должны быть вносимы въ эти кассы и къ которымъ можно прибавить одинъ милліардъ, добровольно обмѣненный на закладные листы различными частными лицами.

В. Подъ какой процентъ государство, въ этомъ предположеніи, могло бы доставать деньги, при использованіи коронныхъ и церковныхъ имѣній?

О. Подъ полтора процента. Ибо такъ какъ нація беретъ знаки, относящіяся къ этого рода имѣніямъ, по 4⁰/о, то деньги, которыя она будетъ доставать съ помощью этихъ знаковъ, обойдутся ей въ дѣйствительности по полтора процента, потому что изъ 4⁰/о два съ половиной поступятъ въ казну¹⁾...

Таковы были объясненія Ферьера. Его не спросили о самой серьезной изъ трудностей, которыя приходится разрѣшить при учрежденіи всякаго поземельнаго банка. Для того, чтобы бумага, какаѣ бы то ни было, дѣйствительно вошла въ обращеніе, первое условіе, это—чтобы она тамъ и оставалась. Но такъ какъ собственнику приходится выдавать работникамъ заработанную плату, часто не превышающую франка въ день, а работниковъ, въ свою очередь, вынужденъ размѣнивать этотъ франкъ на сантимы, то изъ этого слѣдуетъ, что, по самому свойству вещей, билеты, выпускаемые поземельныхъ банкомъ, стремятся быстро вернуться въ его кассу. Это былъ самый существенный пунктъ, требовавшій разъясненія.

Какъ бы то ни было, одобреніе видовъ Ферьера округомъ Генриха IV было полное и очень дѣятельное. Онъ принялъ резолюцію, которую поспѣшно разослалъ въ остальные 59 округовъ и въ которой настоятельно приглашалъ ихъ собраться, сговориться, поддержать передъ національнымъ собраніемъ автора плана и его органа, Ферьера и Петіона.

Могло ли Собраніе остаться непоколебимымъ, когда со всѣхъ сторонъ вокругъ него поднимались волны общественнаго мнѣнія? Мало того—на него оказывала давленіе сила, еще болѣе непреодолимая: жить, надо было жить! Можно представить себѣ, какое чувство изумленія и ужаса овладѣло собраніемъ, когда, въ засѣданіи 6 марта 1790 г., Неккеръ печальнымъ тономъ воз-

¹⁾ *Rapport fait 22 janvier 1790, par les commissaires nommés pour l'examen du plan de banque territoriale de M. Ferrières, au comité général du district de Henri IV.*

вѣстить, что замѣна уменьшенія дохода отъ соляной пошлины не осуществлена; что въ поступленіи налоговъ происходитъ замедленіе, страшное въ данномъ случаѣ; что антиципации на на 1790 годъ, хотя безконечно сокращенныя, не могли быть вполне возобновлены; и что въ результатѣ всего этого оказывается, несмотря на 39 милліоновъ, полученныхъ отъ учетной кассы, и только за два первые мѣсяца года, пробѣлъ въ 58 милліоновъ! ¹⁾ И какое же крайнее средство помочь этой великой бѣдѣ предлагалъ Неккеръ? Образование *казначейскаго бюро*, призваннаго точно опредѣлить всѣ ежедневные расходы и всѣ способы платежа и состоящаго изъ комиссаровъ, назначенныхъ изъ среды Національнаго Собранія ²⁾. Это значило оставить рану открытой, вваливая на другого заботу перевязать ее. Министръ, казалось, говорилъ: «Я истощилъ всѣ средства: смотрите сами». Простое отреченіе было бы лучше. Притомъ же ранѣе было декретировано, что никакой представитель не можетъ, во время сессіи, принять мѣсто въ исполнительной власти. Собраніе, чрезъ посредство маркиза Монтескю, высказало свое мнѣніе о предложеніи Неккера, и отклонило его ³⁾.

Этого было слишкомъ мало: заснуть въ этомъ случаѣ значило бы погибнуть. Правда, имѣлся ресурсъ въ коронныхъ доменахъ и церковныхъ имѣніяхъ, но трудно было воспользоваться имъ. Покупатели не являлись; четыреста милліоновъ ассигнацій, созданныхъ въ декабрѣ 1789 г., не раскупались, хотя, для приманки, имъ былъ присвоенъ интересъ въ 5% ⁴⁾. Держатели ихъ имѣли въ рукахъ клочки бумаги, соотвѣтствующіе весьма реальной цѣнности, но которая казалась мертвой. Откуда же придетъ первый сигналъ освобожденія? Сигналъ этотъ дала парижская коммуна.

Вожаки городской ратуши, въ которыхъ чудесно олицетворился практической здравый смыслъ буржуазіи, справедливо думали, что если ассигнаціи или покупные билеты на національныя имущества не приобрѣли расположенія публики, то это потому, что реализація декретированной продажи этихъ имуществъ представлялась еще многимъ умамъ весьма сомнительной. Между тѣмъ было очень простое средство разсѣять эти сомнѣнія: это —

¹⁾ *Moniteur*, séance du 6 mars 1790.

²⁾ *Ibidem*.

³⁾ *Ibid.*, séance du 12 mars 1790.

⁴⁾ Декретъ отъ 19 декабря 1789 г.

немедленно пустить въ продажу имѣнія, о которыхъ идетъ рѣчь, и дѣйствительно продать ихъ... Но кому продать? муниципалитетамъ, которые, купивъ ихъ оптомъ у государства, перепродавали бы ихъ въ розницу частнымъ лицамъ. Разъ имущества духовенства вышли бы изъ его рукъ, вопросъ былъ бы рѣшенъ для самыхъ недовѣрчивыхъ, и негоціація бумаги, для которой эти имущества служили бы залогомъ, сдѣлалась бы легкой. Другая выгода: если бы государство попыталось отдѣлаться разомъ, безъ посредниковъ, отъ этихъ имуществъ, которымъ суетвѣріе такъ долго приписывало священный характеръ, то можно было опасаться, что или вовсе не будетъ покупателей, или что жадные пріобрѣтатели воспользуются затруднительнымъ положеніемъ націи, чтобы предписать ей тягостныя условія. Не продать, или продать невыгодно—такова была альтернатива, которую можно было предвидѣть, если между государствомъ и отдѣльными частными лицами не будетъ посредничать какое-либо большое общество или корпорація. А какое же посредничество было бы болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ посредничество муниципалитетовъ? Правда, нельзя было сказать съ увѣренностью, что всѣ муниципалитеты королевства согласятся вступить на этотъ путь; но парижская коммуна надѣялась, что когда она рѣшительно сдѣлаетъ первый шагъ, другія коммуны послѣдуютъ ея примѣру, особенно если, для поощренія, имъ будетъ оставлена, въ видѣ вознагражденія за ихъ хлопоты, шестнадцатая доля выручаемыхъ отъ продажи суммъ. Что касается ея самой, то изъ 400 милліоновъ, суммы, на которую предположено продать подлежащихъ отчужденію имуществъ, она готова купить такихъ на двѣсти милліоновъ, съ тѣмъ, чтобы позволено было уплату произвести облигаціями, погашаемыми въ теченіе 15 лѣтъ, изъ года въ годъ, облигаціями, которыми государство, въ свою очередь, могло бы пользоваться для удовлетворенія своихъ кредиторовъ и которыя, подъ именемъ *муниципальныхъ бумагъ*, по всей вѣроятности, обращались бы какъ звонкая монета, такъ какъ опирались бы на территоріальный залогъ.

Вотъ проектъ, который Балли представилъ Національному Собранію въ засѣданіи 10 марта; оспариваемый Дюпоромъ, но поддержанный Туре, онъ былъ принятъ въ засѣданіи 17 числа того же мѣсяца ¹⁾).

¹⁾ *Moniteur*, séance du 17 mars 1790.

Это было много, но не было достаточно. Покупка церковных имѣній муниципалитетами дѣлала неотмѣнимой одну изъ самыхъ смѣлыхъ мѣръ, принятыхъ революціей, и въ этомъ отношеніи предложеніе, внесенное отъ имени парижской коммуны, имѣло огромное значеніе; но этимъ разрѣшена была только часть проблемы.

Платить кредиторамъ государства *муниципальными бумагами*, посредствомъ которыхъ они могли бы пріобрѣтать пропорціональную цѣнность продаваемыхъ имуществъ, это было бы великолѣпно въ томъ случаѣ, когда кредиторы ничего болѣе не желали бы, какъ обратить свои деньги въ земли. Но легко было предвидѣть, что многіе между ними захотятъ дать своимъ деньгамъ иное употребленіе и не станутъ пріобрѣтать муниципальныя бумаги, обращеніе которыхъ, какъ монеты, притомъ не было гарантировано, и которыя могли бы быть въ ихъ рукахъ мертвымъ капиталомъ, когда имъ понадобится бы купить какой-нибудь товаръ или уплатить долгъ.

Чтобы замѣнить исчезнувшія изъ обращенія деньги, Ферьеръ предлагалъ *территоріальныя знаки*, обезпеченные всѣмъ недвижимымъ достояніемъ королевства; теперь Балли, отъ имени городской ратуши, предлагаетъ *муниципальныя облигаціи*, обезпеченныя имѣніями короны и духовенства. Въ томъ и другомъ планѣ предлагаемая къ выпуску бумага, безъ сомнѣнія, имѣла бы подъ собой солидный залогъ, но это всетаки была бы бумага, основанная на довѣрїи. И какое же назначеніе давали ей? Назначеніе замѣнить собой звонкую монету, которую именно *недостатокъ довѣрїя* изгонялъ или побуждалъ скрыться изъ обращенія! Очевидно, въ этомъ было нѣкоторое противорѣчіе.

Такимъ образомъ, съ одной стороны, было въ высшей степени несправедливо заставлять кредиторовъ государства принимать въ уплату бумагу, которую ихъ собственные кредиторы не обязаны были бы принимать, въ свою очередь: это было бы банкротство, съ лицемѣріемъ вдобавокъ.

А съ другой стороны, необходимо было ввести бумажныя деньги, основанныя не на довѣрїи, а съ *легальнымъ курсомъ*, съ *принудительнымъ курсомъ*, такъ какъ довѣрїе исчезло, такъ какъ металлическія деньги дезертировали, такъ какъ билеты учетной кассы потеряли всякій кредитъ, такъ какъ движеніе торговаго обмѣна остановилось, такъ какъ главная пружина соціальной машины не существовала болѣе.

И не думайте, что въ этой картинѣ есть что-либо преувеличенное. Назначенная общимъ собраніемъ представителей парижской коммунъ комиссія для выясненія состоянія денежнаго обращенія констатировала, что съ января мѣсяца 1790 года обнаружился ужасающій недостатокъ въ звонкой монетѣ; что учетная касса едва имѣла только такое количество металла, какое было безусловно необходимо для ея операцій; что касса въ Пуасси, крайне нуждавшаяся въ деньгахъ, должна была затратить огромную сумму, чтобы привлечь ихъ извнѣ; что плательщики арендъ вынуждены были доставать деньги всякими путями; что, наконецъ, на монетномъ дворѣ изъ десяти или одиннадцати милліоновъ, вычеканенныхъ изъ посуды, оставалось всего только 30,000 ливровъ ¹⁾.

Это было, слѣдовательно, подъ давленіемъ неотвратимой необходимости, что революція рѣшилась попытать счастья въ ассигнаціяхъ.

Пренія по этому важному предмету открылись, въ засѣданіи 9 апрѣля 1790 г., докладомъ Ансона, говорившаго отъ имени финансоваго комитета. Обсужденіе было болѣе оживленное, чѣмъ научное, болѣе страстное, чѣмъ глубокое. Духовенство ясно видѣло въ ассигнаціяхъ орудіе его экспроприаціи, и вотъ что, болѣе чѣмъ экономическая сторона вопроса, интересовало и волновало его.

Аббатъ Мори, съ худо скрываемой запальчивостью, началъ свою рѣчь словами: «Кто будетъ говорить вамъ о вашей силѣ, чтобы заставить васъ забыть о справедливости, тотъ будетъ врагомъ вашей славы». Затѣмъ, притворяясь, будто вѣрить, что не будутъ приняты въ расчетъ права тѣхъ изъ кредиторовъ духовенства, которые уже имѣютъ закладную на его имущества, онъ разсыпался объ ихъ участи въ искусственныхъ lamentаціяхъ. Онъ цитировалъ, присоединяясь къ нему, опредѣленіе, данное обсуждаемой операціи однимъ ораторомъ, котораго онъ не назвалъ: *это грабежь съ саблей въ рукѣ*. Онъ произнесъ имя грозной знаменитости, имя Ло, и вызвалъ тѣни всѣхъ несчастныхъ, которые погибли подъ развалинами его системы. Предлагають, въ видѣ приманки, присвоить интересъ въ четыре съ половиной

¹⁾ *Rapport de Farcot à l'assemblée générale des représentants de la Commune, вь Bibliothèque historique de la Révolution. — Finances, t. 194, 195, British museum.*

процента ассигнаціямъ, для того, что побудить деньги выйти изъ сундуковъ, куда онѣ скрылись, и обмѣняться на прибыльную бумагу: Мори находилъ эту идею самой противорѣчивой, какая когда-либо приходила на умъ прожектеру; ибо, говорилъ онъ, если ассигнаціи приносятъ процентъ, то ихъ будетъ выгодно хранить у себя, онѣ не будутъ циркулировать, а для чего же вы и создаете ихъ, какъ не для того, чтобы онѣ циркулировали? Предполагая затѣмъ то, что составляло вопросъ, онъ начерталъ ходъ ассигнацій чрезъ общество, онъ видѣлъ ихъ сопровождаемыми безчисленнымъ рядомъ частныхъ банкротствъ, изъ которыхъ составилось бы общее банкротство, и въ заключеніе воскликнулъ: «Всякій человѣкъ во Франціи, который не долженъ ничего и которому должны другіе, будетъ разоренъ введеніемъ бумажныхъ денегъ!»¹⁾

Дюпонъ де Немуръ, который, въ качествѣ экономиста, хотѣлъ больше всего торжества принципа *laisser-faire* и отвергалъ деньги съ принудительнымъ курсомъ, уже ранѣе сказалъ въ шуточной формѣ: «Ассигнаціонный фондъ подверженъ случайнымъ опасностямъ; такимъ образомъ ассигнаціи даютъ поводъ къ небольшому добровольному банкротству»²⁾.

Казалось только повторилъ аргументы аббата Мори, но съ примѣсью оскорбительныхъ отступленій, яростныхъ нападокъ.

Онъ напередъ указывалъ тѣхъ «низкихъ людей, которые пошли бы подбирать въ грязи дискредитированную бумагу». Онъ называлъ предлагаемый законъ «позорнымъ», и въ заключеніе сказалъ: «Если, допуская невозможное, собраніе приметъ проектъ комитета..., то предъ лицомъ публики, которая меня слышитъ, отъ себя лично, отъ имени моихъ довѣрителей, во имя чести и справедливости, я протестую противъ декрета, который повлечетъ за собой разореніе королевства и безчестіе французскаго имени»³⁾.

Проектъ, такъ яростно атакованный Казалёсомъ, былъ поддержанъ спокойно, но энергично Мартино, Приеръ д'Эгильономъ, Ларошфуко, Редереромъ, аббатомъ Гуттъ. Въ ясной и твердой рѣчи, которую стоитъ привести здѣсь, Петіонъ такъ резюмировалъ и заключилъ пренія:

¹⁾ *Moniteur*, séance du 15 avril 1790.

²⁾ *Ibidem*.

³⁾ *Ibidem*.

«Бумажныя деньги, сказалъ онъ, всегда были лишь представителемъ общей собственности и никогда не представляли собой опредѣленную собственность, безъ положительнаго залога безъ предусмотрѣннаго срока платежа. Въ Испаніи, въ Венеціи, долгій опытъ доказываетъ основательность нашей теоріи. Надо согласиться, что билеты Ло спасли бы государство, если бы выпускъ ихъ не былъ чрезмѣренъ. Однако, билеты Ло были совсѣмъ не то, что наши ассигнаціи. Золото имѣетъ ли цѣнность болѣе реальную, чѣмъ имущества, назначенныя въ продажу, и ассигнаціи на эти имущества? Если ассигнаціи останутся свободными, то алчность грозитъ имъ значительнымъ обезцѣненіемъ; если же курсъ ихъ будетъ принудительнымъ, онѣ распредѣлятся между множествомъ рукъ, онѣ найдутъ массу защитниковъ. Благодѣтельнымъ послѣдствіемъ введенія ассигнацій будетъ то, что онѣ обезпечатъ революцію; поднимутъ цѣну продажъ, увеличивъ число пріобрѣтателей; оживятъ торговлю и промышленность; оживятъ денежное обращеніе, ослабѣвшее по причинѣ отсутствія его дѣятелей... Законъ принудитъ принимать цѣнность за то, чего она дѣйствительно стоитъ: что дурного въ томъ, чтобы раздѣлить между кредиторами луга, земли, виноградники? Что худого заключаетъ въ себѣ слигокъ золота, раздѣленный на монеты? или вексель, срокъ платежа по которому предоставленъ на волю его держателя? Что касается интереса, присвоиваемаго бумажнымъ деньгамъ, то было бы большою ошибкой сдѣлать ихъ безпроцентными. Лучшая бумага, ничего не приносящая, предпочтительнѣе деньгамъ только по причинѣ ея удобства. Бумага, приносящая процентъ, привлекаетъ деньги, вмѣсто того, чтобы отталкивать ихъ. Если бы съ ассигнаціями не было соединено никакой выгоды, деньги продолжали бы скрываться въ сундукахъ; если назначить слишкомъ большой процентъ, тогда попрячутся ассигнаціи. Надо опредѣлить размѣръ процента, одинаково удаленный отъ обѣихъ крайностей; поэтому предлагаю: 1) выпускъ ассигнацій на сумму 400 милліоновъ; 2) принудительный курсъ ассигнацій; 3) интересъ въ три процента; 4) выпускъ долженъ быть произведенъ въ скоромъ времени; 5) на ассигнаціяхъ должно быть означено: «платежъ по приказу»¹⁾).

Собраніе тотчасъ же приступило къ голосованію; и вотиро-

1) *Moniteur*, séance du 16 avril 1790.

ванный цѣбликомъ въ два засѣданія 16 и 17 апрѣля, проектъ финансоваго комитета былъ обращенъ королевской санкціей, состоявшейся 22 числа того же мѣсяца, въ законъ, который занимаетъ видное мѣсто въ лѣтописяхъ революціи, и главныя постановленія котораго считаемъ не лишнимъ привести здѣсь:

«Людовикъ, Божіей милостію и конституціоннымъ закономъ государства король французовъ, всеѣмъ, кто увидитъ сію грамоту, привѣтъ. Національное Собраніе декретировало въ дни 16 и 17 апрѣля, и мы признали за благо и повелѣваемъ слѣдующее:

«I. Съ текущаго года долги духовенства будутъ считаться національными: на государственное казначейство возлагается уплата по нимъ капитала и процентовъ. Нація объявляетъ, что она признаетъ кредиторами государства всеѣхъ тѣхъ, кто докажетъ, что имъ заключено законнымъ образомъ условіе съ духовенствомъ, и кто предъявитъ заключенные съ нимъ арендные контракты. Она обезпечиваетъ ихъ всеѣмъ своимъ достояніемъ, всеѣми доходами, какими можетъ располагать, подобно тому, какъ это дѣлаетъ относительно всеѣхъ другихъ своихъ долговъ...

«III. Ассигнаціи, созданныя декретами 19 и 21 декабря 1789 г., нами санкціонированными, будутъ имѣть хожденіе наравнѣ съ монетою между всеѣми лицами, на всемъ пространствѣ королевства, и будутъ принимаемы, какъ звонкая монета, во всеѣхъ кассахъ государственныхъ и частныхъ.

«IV. вмѣсто присвоенныхъ имъ нынѣ пяти процентовъ годовыхъ, впредь на нихъ будетъ начисляемо лишь три процента...

«V. Ассигнаціи будутъ выпускаемы разнаго достоинства, отъ тысячи до двухсотъ ливровъ. Ассигнація въ тысячу ливровъ будетъ имѣть цѣнность одного су съ восьмью денье въ день; ассигнація въ триста ливровъ будетъ равноцѣнна шести денье въ день, двухсотенная ассигнація—четыремъ денье.

«VI. Ассигнація каждый день будетъ имѣть цѣнность, равную ея капиталу, вмѣстѣ съ наросшими по этотъ день процентами, въ каковой суммѣ и будетъ принимаема. Послѣдній держатель получить въ концѣ года сумму интереса, уплачиваемую въ опредѣленный день кассой чрезвычайныхъ расходовъ какъ въ Парижѣ, такъ и въ главныхъ городахъ государства.

VII. Во избѣжаніе всякихъ споровъ при платежахъ, дебиторъ обязанъ всегда производить доплату и, слѣдовательно, доставать деньги, необходимыя для точнаго сальдированія должной имъ суммы.

VIII. Ассигнаціи будутъ запомерованы; на нихъ на полѣ будетъ означенъ ежедневный процентъ...

X. Ассигнаціи будутъ заключать въ себѣ ипотеку, привилегию и специальный переходъ, какъ на доходъ, такъ и на цѣну сказанныхъ имѣній, такъ что пріобрѣтатель, купившій отъ муниципалитетовъ, будетъ имѣть право требовать, чтобы ему было законнымъ образомъ доказано, что платежъ его служитъ къ уменьшенію количества муниципальных облигацій и къ погашенію равной суммы ассигнацій. Въ виду того, платежи должны быть вносимы въ кассу чрезвычайныхъ расходовъ, которая будетъ выдавать въ полученіи платежа росписку, въ зачетъ за облигацію такого-то муниципалитета.

XI. Четыреста милліоновъ ассигнаціями будутъ употреблены, во-первыхъ, на обмѣнъ билетовъ учетной кассы, до суммъ, должныхъ ей націей за билеты, переданные ею государственной казнѣ, въ силу декретовъ Национальнаго Собранія. Остальное количество ассигнацій будетъ послѣдовательно вносимо въ казну на предметъ погашенія антиципацій и сближенія къ одному году неуплоченныхъ въ срокъ процентовъ по государственному долгу».

Далѣе слѣдуютъ разныя постановленія, относящіяся къ учетной кассѣ.

Такъ были созданы бумажныя деньги; такъ вступили на путь, идущій по краю пропасти!

«Потребность общества и торговли въ деньгахъ», справедливо сказалъ въ Собраніи Дюпомъ де Немуръ, «подобна губкѣ, которая поглощаетъ извѣстное количество воды, но которая не можетъ содержать ни одной капли больше того, сколько нужно для полного ея насыщенія: вода, которую вы нальете на нее сверхъ того, мгновенно стечетъ. Такъ точно распространите въ публикѣ больше денегъ, чѣмъ сколько требуется для торговаго обмѣна, излишекъ покинетъ страну; употребленные на чеканку ихъ металлы будутъ передѣланы въ серебряную посуду или уйдутъ за границу»¹⁾. Что произошло бы, если бы легкость фабрикаціи ассигнацій побуждала государство къ преувеличеннымъ выпускамъ, и бумажныя деньги, введенныя въ обращеніе, въ концѣ концовъ захватили бы его все цѣликомъ? Что случи-

¹⁾ Рѣчь Дюпонъ де Немура о проектѣ преобразованія учетной кассы въ національнѣй банкъ. *Ubi supra.*

лось бы, если бы, поддавшись обманчивому искушенію, революція бросила бы на рынокъ преизбыточную массу этой бумаги, которая не могла бы войти туда безъ того, чтобы не вытѣснить болѣе или менѣе значительнаго количества звонкой монеты? Побѣда этого рода можетъ дорого стоить націи, которая рукоплещетъ этой мѣрѣ! Ибо между металломъ и бумагой, разсматриваемыми тотъ и другая либо какъ опредѣленное мѣрило цѣнностей, либо какъ орудіе обмѣна, разница огромная!

Бумага непрочна, можетъ сгорѣть, подвержена измѣненію цвѣта, легко поддѣлывается, начкается, рвется, теряется. Металлъ, напротивъ, золото или серебро, способенъ дѣлиться и слагаться, безъ измѣненія его цѣнности; выставьте его на воздухъ, закопайте въ землю, погрузите въ воду, подвергните его дѣйствию огня, онъ снова появится всегда тѣмъ же самымъ, всегда обладающимъ привилегіей обезпечивать своему держателю то же господство надъ всякой вещью.

Бумага создается дешево, такъ что размноженіе ея за желаемые предѣлы и обезцѣненіе, происходящее вслѣдствіе чрезмѣрнаго размноженія, обезцѣненіе, столь способное внести разстройство въ торговые и всякія денежные сдѣлки, суть опасности, присущія ея природѣ. Количество металла, напротивъ, ограничено производительностью рудниковъ и трудностью ихъ разработки.

Бумага не имѣетъ внутренней цѣнности; она не можетъ пріобрѣсти значеніе иначе, какъ въ силу общаго соглашенія; она не болѣе, какъ *знакъ*. Металлъ, напротивъ, который можетъ быть обращенъ въ слитки и доставить искусству и промышленности ихъ самый дорогой матеріалъ, металлъ соединяетъ со своей условной цѣнностью внутреннюю, ему присущую цѣнность; онъ не только *представляетъ* обмѣниваемые одинъ на другой предметы, онъ имъ *равноцѣненъ*; онъ не только ихъ *знакъ*, онъ ихъ *залогъ*.

Эти соображенія кажутся рѣшительными съ перваго взгляда; почему же они слабо дѣйствовали на тѣхъ, кого воодушевлялъ духъ революціи? Почему почти всѣ тогдашнія сочиненія по финансовымъ вопросамъ появились на наклонной плоскости, ведущей къ бумажнымъ деньгамъ? Ахъ! Это потому, что, какъ мы сказали, была необходимость, настоятельная, неумолимая.

И потомъ, хорошо чувствовали, въ сущности, что выгоды, свойственныя металлу, дѣлаютъ его предпочтительнымъ бумагѣ

только при несовершенномъ социальномъ строѣ, только при режимѣ, который, освящая раздѣленіе интересовъ, поддерживая ихъ антагонизмъ, дѣлаетъ изъ недовѣрія неизбѣжный противовѣсъ обмана, и ставитъ, рядомъ съ желаніемъ выиграть, страхъ проиграть; да, это именно потому, что металлическія деньги имѣютъ реальную цѣнность, потому, что онѣ представляютъ въ одно и то же время товаръ и знакъ, потому, что способность расширять ихъ не уравнивается способностью сжимать ихъ, именно по причинѣ всего этого достаточно скупить ихъ, чтобы быть господиномъ движенія обмѣна, т. е. жизни, души, дыханія промышленности.

Общество, гдѣ отношенія между людьми были бы урегулированы съ точностью и гармоніей; гдѣ всѣ содѣйствовали бы, каждый по мѣрѣ силъ, осуществленію общаго благополучія; гдѣ тождество отношеній и согласіе интересовъ дѣлали бы возможнымъ *личный* кредитъ, основанный на достоинствѣ *человѣка*, и бесполезнымъ кредитъ *материальный*, нуждающійся въ обезпеченіи *вещью*... такое общество не имѣло бы надобности въ деньгахъ, отмѣченныхъ отпечаткомъ недовѣрія; его вполне удовлетворяли бы деньги, основанныя на *объщаніяхъ*, которыя исполняются и которыми *впрямь*, это были бы деньги ассоціаціи, деньги демократическія по преимуществу—бумага.

Къ сожалѣнію, у тогдашнихъ революціонеровъ это чувство было еще только инстинктомъ, очень смутнымъ, очень сбивчивымъ, который легко могъ повести на ложный путь, если бы, какъ это сдѣлалъ Ло, вздумали начать съ конца; если бы примѣнили къ обществу, волнуемому страшной борьбой, пружину, употребленіе которой относится къ предполагаемому обществу, умиротворенному и разумно организованному; если бы, словомъ, приняли слишкомъ абсолютно, какъ *монету революціи*, то, что можетъ быть только *монетой братства*.

Вотъ гдѣ была, скрытая вначалѣ, опасность въ созданіи ассигнацій, и нельзя сказать, чтобы этого не предчувствовали. Надѣялись, однако, избѣгнуть этой опасности, сдѣлавъ ассигнаціи представителемъ части почвы и сообщивъ имъ, по возможности, характеръ металлическихъ денегъ, которыя служатъ въ одно и то же время *знакомъ* и *залогомъ*. Мало было вѣроятія, чтобы даже въ этихъ условіяхъ можно было успѣть до конца; но, благодаря этому смѣшенію смѣлости и благоразумія, все-

таки обогнули мысь во время бури; и если революція не была спасена отъ страшныхъ потрясеній, то по крайней мѣрѣ она была спасена хоть этой цѣной!

ГЛАВА VII.

Негодование священниковъ.

Докладъ Шассе объ управленіи имѣніями духовенства.—Картина клерикальныхъ сопротивленій; отказъ въ исповѣди, насиліе надъ монахинями, религиозныя братства, десетинны.—Король клерикальныхъ легионовъ.—Исторія предложенія одного монаха республиканца.—Ночное собраніе епископовъ и дворянъ въ церкви Капуциновъ.—Бурное засѣданіе 13 апрѣля.—Виконтъ де-Мирабо и Казалесь, оскорбленные народомъ.—Аббатъ Мори, преслѣдуемый толпой до Анненской улицы, откуда онъ скрывается, переодѣтый солдатомъ.—Декретъ объ управленіи имѣніями духовенства.—Взглядъ на тогдашнюю политику.—Памфлеты: «Завѣщаніе аббата Мори».—Засѣданіе 19 апрѣля.—Великолѣпная присяга.—Неудавшееся тайное собраніе.—*Умирающіе аристократы*.—Протестъ 297-ми.—Лютеранинъ Ротзамгаузенъ.—Отвѣтъ Талейрана отѣнскому капитулу.—*Архіерейскіе посохи*.—Сатирическая эрудиція Камилла Демулена.—Фанатизмъ въ провинціи.—*Картина, изображающая Голову*, въ Аррасѣ.—Процессія покаянниковъ въ Лангедокъ.—Часовня Роквильской Божіей Матери.—Посвященіе Франціи Пресвятой Дѣвѣ.—Акты сопротивленія.—Нимскіе лигеры: Фроманъ, Фолаше, Декомбъ.—Заговоры въ церкви покаянниковъ.—*Декларация нимскихъ католиковъ*.—Прелюдіи гражданской войны въ Нимѣ.—Въ Монтобафѣ патеры и женщины; Бордо идетъ на Монтобафъ.—Сцены рѣзни, подготовленныя въ Нимѣ.

Чтобы не смѣшивать различныхъ сюжетовъ и не нарушать послѣдовательности въ изложеніи дебатовъ объ ассигнаціяхъ, нужно было выдѣлить изъ этихъ дебатовъ пренія, вставленныя въ ихъ рамку страстями минуты, и которыя тоже заслуживали особаго мѣста, такъ сильно они волновали Парижъ!

Въ тотъ же день, когда д'Ансонъ представилъ свой докладъ объ ассигнаціяхъ, Шассе, докладчикъ комитета о десятинахъ, внесъ предложеніе декретировать, чтобы управленіе имѣніями духовенства, переданными 2 ноября 1789 г. въ распоряженіе націи, перешло въ руки департаментской и окружной администраціи. Такъ какъ расходы по отправленію культа будутъ впредь покрываемы изъ средствъ казны, то отнынѣ, освобожденные отъ всякой повинности, церковныя имѣнія могли быть употребляемы на удовлетвореніе наиболѣе настоятельныхъ нуждъ государства¹⁾.

Итакъ, нѣтъ больше надежды! Продажа церковныхъ имѣній на 400 милліоновъ, уже порученная муниципалитетамъ, была

¹⁾ Засѣданіе 9 апрѣля.

лишь первымъ шагомъ... Революція протянула руку на всю совокупность недвижимыхъ имуществъ церкви! И какіе шансы для патеровъ отвоевать когда-либо земли, которыя, превращенныя, раздѣленныя, раздробленныя въ ассигнаціи, должны будутъ мобилизоваться, распространиться въ обращеніи и сдѣлаться собственностью безконечнаго множества мелкихъ пріобрѣтателей! Постигнутое этимъ роковымъ ударомъ и вдругъ поставленное въ необходимость сказать, подобно траппистамъ: *братъ, надо умереть*, духовенство пришло въ неописуемую ярость.

Мрачна, ужасна картина этой борьбы. Еще два мѣсяца, и благодаря столькимъ пастырямъ душъ, слишкомъ искуснымъ въ смѣшиваніи интересовъ неба съ интересами земли, фанатизмъ поразитъ весь югъ своимъ пламеннымъ дыханіемъ; пока же вотъ что провозвѣщается. Въ Эльзасѣ католики приводятъ протестантовъ въ отчаяніе, а евреи трепещутъ¹⁾. Куда идутъ и чего хотятъ эти зловѣщія процессіи кающихся всякаго цвѣта, бороздяція Лангедокъ²⁾.

Газеты той эпохи полны скандаловъ! Здѣсь, — официальные утѣшители послѣдняго часа, которые, бывъ позваны къ изголовью какого-либо кончающагося члена Національнаго Собранія, оставляютъ его умирать безъ исповѣди и еще хвастаются этимъ³⁾; тамъ — епископъ ипрскій, выпускающій во французской части своей епархіи пастырское посланіе, въ которомъ революціонеры осуждаются на вѣчную муку, какъ вѣроотступники⁴⁾. Многія молодыя дѣвушки, заживо похороненныя въ монастырѣ, вzywали тогда къ освободительному закону и старались вырваться изъ могилы: чтобы удержать ихъ тамъ, сколько пытокъ избобрѣталось! То ихъ объявляли сумасшедшими, то пытались задушить у нихъ сердце подъ тяжестью отцовской власти, сообщницы тираніи ханжей. Ходатайству муниципалитетовъ, которыхъ склонили вмѣшаться въ это дѣло, противопоставили благочестивыя вопли, благословенныя слезы. *Заставьте ихъ вступить въ брачный чертогъ*, совѣтовалъ Камиллъ Демуленъ⁵⁾, го-

1) *Révolutions de France et de Brabant*, № 21.

2) *Ibidem*, № 23.

3) *Chronique de Paris*, № 103.

4) *Mandement de l'évêque d'Ypres, dénoncé à l'Assemblée nationale par les volontaires de la garde bourgeoise de Dunquerque.*

5) *Révolutions de France et de Brabant*, № 22.

воря объ отроковицахъ подъ саваномъ, но сколько рукъ держало крѣпко запертымъ этотъ чертогъ!

На помощь богатству духовенства, угрожаемому и твердо рѣшившемуся защищаться, пришло суевѣріе со своими самыми нелѣпными обрядностями. Блаженныя ассоціаціи, братства, девятины—все было пущено въ ходъ. Одна девятина, въ честь страданія Пресвятой Дѣвы, была издана «Парижской Хроникой», волтеріанской газетой, въ числѣ редакторовъ которой былъ Кондорсе: — «Цѣль: спасеніе Франціи.—Средства: раны Иисуса Христа и покровъ Пресвятой Дѣвы.—Практика: тѣсный союзъ со всѣмъ, что имѣетъ горячую душу.—Молитва: «чего ждешь, о Пресвятая Дѣва! чтобы переменить нашу несчастную участь?»¹⁾ Въ другой пѣзъ этихъ молитвъ говорилось: «О, Иисусъ Христосъ, нашъ Господь и Спаситель! Отецъ Твой разгнѣвался на насъ. Неистовство окружило насъ... Отецъ Твой мститъ за эту кучу нечестія, требующую мщенія болѣе настоятельно, чѣмъ беззаконія Содомы и Гоморры»²⁾).

Во главѣ легіоновъ раздраженной церкви шелъ аббатъ Мори. Это была гордыня, ведущая гнѣвъ на бой. Родившійся въ Вальреа, въ графствѣ Венесень, Мори прошелъ въ ранней молодости черезъ тѣ испытанія крайней бѣдности, которыя полезны только великимъ натурамъ. Его дебюты, какъ талантливаго человѣка, были запечатлѣны скромностью, и въ первое время своей пастырской дѣятельности онъ заявилъ себя поведеніемъ, не лишеннымъ благородства. Когда его похвальное слово Людовику Святому открыло ему двери академіи, онъ въ своей пріемной рѣчи благородно сознался, что молодые годы были проведены имъ въ бѣдности и что тогда великодушныя руки протянулись къ нему³⁾. Назначенный придворнымъ проповѣдникомъ и получивъ порученіе произнести похвальное слово св. Венцену де Полю, онъ имѣлъ смѣлость напомнить передъ королевой одинъ эпизодъ изъ жизни этого героя христіанскаго милосердія, сказавшаго Аннѣ Австрійской, въ дни народнаго бѣдствія: *Вы не имѣете средствъ, государыня, но вы имѣете брилліанты*. Урокъ былъ суровый, и Мори не побоялся дополнить

¹⁾ *Chronique de Paris*, № 94.

²⁾ *Ibidem*, № 97.

³⁾ *Portrait historique du cardinal Maury, par le citoyen Car... an VI, вл Bibliothèqne historique de la Révolution*, 778, 779. British museum.

его, прибавивъ, что при этомъ вопль, вырвавшимся изъ великой души Везцента де Поля, Анна Австрійская тотчасъ же вынула изъ ушей серьги и отдала ихъ для бѣдныхъ¹⁾. Кто могъ бы думать, что проповѣдникъ, такъ начавшій свою карьеру, сдѣлается впоследствии вождемъ дурныхъ пастырей? Но, по энергичному выраженію Николая, есть большой мостъ отъ ума къ сердцу. Сердце—вотъ чего не было у аббата Мори. Его познанія были обширны, а его стремленія ничтожны. Даже тѣмъ, которые говорили объ его головѣ, что *это систематическая библіотека*²⁾, душа его казалась совершенно пустой. Полный холоднаго пыла, притворный въ своихъ порывахъ, крайній скептикъ, онъ былъ неспособенъ возбуждать, потому что былъ неспособенъ возбуждаться. Прирожденный ораторъ, онъ *видѣлъ въ людяхъ только аудиторію*, какъ сказалъ про него аббатъ де Прадтъ. Притомъ, стремясь быть всеобъемлющимъ, его многословное краснорѣчіе было безсодержательно. Онъ, впрочемъ, былъ смѣльчакъ, дѣятеленъ, любилъ бурю и бравировалъ ее, отличался гордостью, которая иногда замѣняла ему достоинство, и природной отвагой, которая увеличивала его наглость. Извѣстно, что кардиналъ Рець ходилъ не иначе, какъ вооруженный кинжаломъ, который народъ прозвалъ *требникомъ палача*: такъ и аббатъ Мори имѣлъ привычку всегда носить два пистолета за поясомъ, и эти орудія смерти онъ называлъ своими *церковными сосудами*³⁾. Таковъ былъ человѣкъ: карикатура сатаны.

Въ докладѣ депутата Шассе бюджетъ духовенства, на будущее время, былъ установленъ на основаніяхъ все же весьма широкихъ; такъ, въ немъ было назначено, какъ годовое содержаніе:

Архіепископу парижскому	50,000	ливровъ
Архіепископамъ и епископамъ городовъ съ населеніемъ свыше ста тысячъ душъ	25,000	»
Архіепископамъ и епископамъ городовъ съ населеніемъ свыше пятидесяти тысячъ душъ	15,000	»
Епископамъ городовъ съ населеніемъ ниже этой цифры	10,000	»

¹⁾ *Portrait historique du cardinal Maury, par le citoyen Car...*, an VI, въ *Bibliothèque wistoaïque de la Révolution*, 778, 779. British museum.

²⁾ *Ibidem.*

³⁾ *Ibidem.*

Такъ что, считая по епископу на департаментъ, общій расходъ на архіерейское содержаніе составилъ бы отъ 1.200,000 до 1.400,000 ливровъ.

Что касается приходскихъ священниковъ, то докладъ предлагалъ назначить имъ содержанія: въ городахъ съ населеніемъ свыше двухсотъ тысячъ душъ 2.000 ливр.; въ городахъ съ населеніемъ свыше ста тысячъ душъ — 1.500, и въ менѣе значительно населенныхъ пунктахъ—1.200 ливровъ¹⁾.

Низшее духовенство, умиравшее съ голоду при старомъ режимѣ, не имѣло, слѣдовательно, причины жаловаться на революцію, да и сановники церкви не могли, не отрицая Богочеловѣка, Которому колыбелью служили ясли, объявить нечестивымъ назначенія имъ годового содержанія въ десять, пятнадцать, двадцать пять, пятьдесятъ тысячъ ливровъ. Надо еще прибавить, что, желая смягчить переходное состояніе, комитетъ о десятинахъ предлагалъ оставить пока сто тысячъ ливровъ парижскому архіепископу, а епископамъ, имѣющимъ болѣе пятнадцати тысячъ ливровъ, половину того, что превышаетъ эту сумму²⁾. Но ничто не могло смягчить гнѣвъ духовенства: это значило воровски залѣзть на небо, если оспаривать у него обладаніе землей!

Въ засѣданіи 12 апрѣля на трибунѣ появился архіепископъ Эскій (Aix) съ отпечаткомъ глубокаго унынія на лицѣ, и голосомъ, въ которомъ слышались слезы, воскликнулъ: «вотъ та бездна, куда насъ привели!» Затѣмъ, отъ имени духовенства, онъ сдѣлалъ торжественное предложеніе займа въ чetyреста милліоновъ, подъ залогъ церковныхъ имуществъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы отвратили мечъ, занесенный на церковь докладомъ комитета о десятинахъ. Туре отвѣтилъ съ неумолимой смѣсью сухости, строгой логики и презрѣнія: «Когда религія послала пресвитеровъ въ общество, развѣ она сказала имъ: *Идите, благоденствуйте, стяжайте?* Нѣтъ, она имъ сказала: *Идите проповѣдывать мою мораль и мои принципы.* Когда понадобилось обезпечить имъ средства существованія, она сказала одно только слово: *Справедливо, чтобы священнослужитель жилъ отъ алтаря.* А мы по точной версін этого слова, мы сказали: «Надо, чтобы должностное лицо жило отъ своей долж-

¹⁾ *Rapport de Chasset.*

²⁾ *Ibidem.*

ности»¹⁾. Аббатъ Монтекиу трогательно сдѣлалъ примѣненіе, къ сожалѣнію, очень неправильное, этихъ прекрасныхъ словъ: «Самые несчастные не тѣ, которые страдаютъ отъ несправедливости, а тѣ, которые ее совершаютъ».

Поднялся одинъ картезіанскій монахъ, искренній республиканецъ, котораго ошибочно считали выдвинутымъ впередъ аббатомъ Мори. Его имя, прогремѣвшее на весь Парижъ, было донъ Жерль, и едва онъ заговорилъ, какъ епископъ и дворяне вскочили со своихъ мѣстъ, въ сильномъ возбужденіи, съ воздѣтymi къ небу руками, и потребовали, чтобы предложеніе монаха было принято собраніемъ, принято единогласно. Въ чемъ же состояло это предложеніе? Въ своей наивности, картезіанецъ предложилъ декретировать, чтобы римско-католическая и апостолическая религія всегда была національною религіей. Этимъ онъ думалъ смутить тѣхъ, которые, по поводу финансоваго вопроса, обвиняли Національное Собраніе въ нечестіи. Подобное же предложеніе было уже внесено ранѣе, въ другомъ случаѣ, и вызвало тогда ту же сцену, что и теперь. Епископы шумно ухватились за предложеніе, которое должно было вызвать на ихъ судъ призракъ Вольтера и поставить тѣхъ, кого вскормила философія XVIII столѣтія своимъ молокомъ, въ необходимость выбирать одно изъ двухъ: либо преклониться предъ алтаремъ, либо вооружить противъ себя всѣхъ фанатиковъ королевства. Прощай, финансовый вопросъ, въ этомъ случаѣ! Дѣло о десятинахъ исчезало за ссорой, которую ханжи хотѣли затѣять съ свободными мыслителями! Члены лѣвой, при видѣ западни, куда увлекалъ ихъ одинъ изъ ихъ среды, казались удивленными, смущенными; Шарль Ламетъ, съ рѣдкой ловкостью, отразилъ ударъ.

Къ чему вотировать то предложеніе, которое, вмѣсто того, чтобы доставить религіознымъ чувствамъ собранія средство проявиться, казалось, подвергало ихъ сомнѣнію? Собраніе положило въ основу своихъ декретовъ ученіе Евангелія, того Евангелія, гдѣ сказано: «Послѣдніе да будутъ первыми, и первые да будутъ послѣдними». Чего же хотятъ больше? Возжечь раздоръ? разнуздать фанатизмъ? Наточить кинжалы во имя Вожіе? И Шарль Ламетъ напомнилъ, что на Страстной недѣлѣ были сдѣланы святотатственные усилія привести въ заблужде-

¹⁾ *Moniteur*, séance du 12 avril 1790.

ніе благочестивыя души; онъ напомнилъ, что на паперти церкви продавали гнусный пасквиль: *Страсти Людовика XVI*.

Эффектъ этой рѣчи былъ чрезвычайный. Оправившись отъ удивленія и рассчитывая на поддержку извнѣ, революціонеры требуютъ отсрочки. «Нѣтъ! нѣтъ! предложеніе донна Жерля!» кричатъ разъяренные епископы. Среди сумятицы, предсѣдатель, отъ котораго зависѣлъ исходъ, закрылъ засѣданіе; и послѣ послѣдняго усилія удержать за собой поле сраженія, правые удалились, воздѣвъ руки къ небу и объявивъ религію погибшей ¹⁾.

Вся ночь прошла въ хлопотахъ, въ интригахъ, въ приготовленіяхъ къ завтрашней битвѣ. Патриоты, собравшись въ клубъ якобинцевъ, журили донна Жерля за его необдуманное предложеніе и заставили дать обѣщаніе взять это предложеніе обратно ²⁾. Съ своей стороны, епископы и аристократы устроили собраніе, поощряемые, возбуждаемые, опьяняемые въ гнѣвѣ аббатомъ Мори. Хотя засѣданіе 12 апрѣля не приняло желательнаго ему оборота, онъ афектировалъ высокоумѣнную увѣренность. Разсказывали, что, выходя изъ Національнаго Собранія, онъ сказалъ, на террасѣ Тюльерійскаго дворца: *На этотъ разъ имъ не ускользнуть отъ насъ. Предложеніе донна Жерля — это фитиль, зажженный на бочкѣ пороха* ³⁾. Какъ бы то ни было, не отказываясь еще отъ побѣды и руководимые аббатомъ Мори, Казалесомъ, Монлозье, виконтомъ Мирабо, епископы и аристократы собрались въ церкви Капуциновъ, на улицѣ Сентъ-Оноре. На этомъ собраніи было рѣшено, что если предложеніе донна Жерля будетъ отвергнуто, то они въ ту же минуту покинутъ залу засѣданій и пойдутъ всѣмъ составомъ представить королю протестъ. Легко было предвидѣть, что передъ такимъ скандаломъ бѣдный Людовикъ XVI отступитъ въ ужасѣ. Мори, которому правилось это предположеніе, объявилъ, что въ такомъ случаѣ напишутъ въ провинціи, какимъ слабымъ государемъ управляется Франція ⁴⁾; и чтобы придать проектированной вы-

¹⁾ См. объ этомъ засѣданіи разсказъ *Монитера* и другихъ газетъ, а также *Mémoires de Ferrières*, t. I, liv. V.

²⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 21, и *Mémoires de Ferrières*, t. I, liv. V.

³⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 21.

⁴⁾ *Ibidem*.

ходкѣ больше важности, зловѣщей важности, рѣшили отпра-
виться на засѣданіе въ черной одеждѣ и при шпагѣ¹⁾).

Но патриоты черезъ четверыхъ изъ своей партіи, тайно вве-
денныхъ однимъ калуциномъ въ непріятельскій лагерь, были освѣдомлены обо всемъ. На слѣдующій день *Парижская Хро-
ника* ударила въ набатъ, и эта сенсаціонная новость: «*собраніе
аристократовъ*», раскрытый заговоръ быстро распространилась,
благодаря разносчикамъ, по всему городу. Кофейни Пале-Рояля
наполнились угрожающей толпой, и предмѣстья заволновались.
Дебаты Собранія не будутъ ли разстроены? Нѣкоторые изъ его
членовъ не подвергнутся ли оскорбленіямъ?.. Вотъ чего боялись
члены коммуны. Лафайетъ велѣлъ удвоить всѣ посты и окру-
жилъ залу засѣданій солдатами. Легко догадаться, какъ велико
должно было быть любопытство публики. Галереи гнулись подъ
тяжестью зрителей.

Мену первымъ попросилъ слова. Онъ предвидитъ великія
бѣдствія, онъ предвидитъ, что будетъ пролита кровь. При этихъ
словахъ, аббатъ Мори, Фуко, д'Эпремениль вскакиваютъ со сво-
ихъ мѣстъ. Появляется донъ Жерль и объявляетъ, что беретъ
назадъ свое предложеніе. Казалось и Мори оспариваютъ у
него это право. Поднимается невообразимый шумъ. Вскрабкав-
шись на трибуну, Казалось хочетъ говорить; Собраніе рѣшаетъ
не слушать его. «Въ такомъ случаѣ, запальчиво кричитъ д'Эпре-
мениль, требую поименнаго голосованія!»—Поименное голосо-
ваніе произведено и дало въ результатъ отказъ въ словѣ Каза-
лѣсу и его друзьямъ. Маркизь де-Вирье противопоставилъ пред-
ложеніе донъ Жерля, возобновленное правой стороной, другому
предложенію, въ которомъ герцогу Ларонфуко требовалъ пере-
хода къ очереднымъ дѣламъ, и простой вопросъ о первенствѣ
сдѣлался тѣсной ареной, гдѣ боролись, преобразившись въ гла-
діаторовъ, епископы и кюре, законники и воины. Съ большимъ
трудомъ, среди смѣшанныхъ криковъ, можно было разслышать
слѣдующія слова д'Эпремениля, горькій намекъ на прощическое
уваженіе революціонеровъ къ католицизму: *Когда евреи распи-
тали Христа, говорили ему: привѣтствуемъ Тебя, царю іудей-
скій*²⁾. Были угрозы, провокаціи между отдѣльными членами.
Епископъ Клермонъ-Лодевъ былъ призванъ къ порядку за то,

¹⁾ *Mémoires de Ferrières*, t. I, liv. V.

²⁾ *Ibidem*.

что требовалъ призыва Мирабо къ порядку, прибавивъ: «Иначе, я постараюсь научить его, какъ должно относиться къ членамъ этого Собранія»¹⁾. Эти бурныя сцены не могли обойтись безъ участія двухъ представителей *бурнаго аристократическаго рода* Рикетти. Въ то время, какъ, на скамьяхъ лѣвой, старшій братъ, сидѣвнпй молча и неподвижно, но, очевидно, одержимый бѣсомъ своего сердца, казалось, приготовлялся къ какой-нибудь скандальной выходкѣ, младшій, виконтъ, удивлялъ даже правую своими припадками бѣшенства; онъ разливался въ безумныхъ восклицаніяхъ, въ жестахъ отчаянія²⁾; онъ заклиналъ патеровъ, своихъ друзей, скорѣе умереть, чѣмъ позволить пройти по тѣлу Иисуса Христа. Вдругъ одинъ депутатъ, по имени д'Эстурмель, ссылаясь на конституціи городовъ и провинцій, утвержденныя клятвой короля, напоминаетъ, что, 25 января 1677 г., Людовикъ XIV далъ, передъ Камбре, клятвенное обѣщаніе поддерживать католическую религію въ этомъ городѣ. Мирабо только и ждалъ удобнаго случая... А! позволили себѣ ссылаться на исторію! Тогда и онъ, въ свою очередь, сдѣлаетъ ссылку, и ссылку ужасную! Обращаясь къ правой сторонѣ, онъ воскликнулъ своимъ громовымъ голосомъ: « Попрошу васъ не забывать, что отсюда, съ этой трибуны, съ которой я говорю вамъ, видно окно, откуда рука одного французскаго монарха, вооруженная противъ его подданныхъ гнусными крамольниками, смѣшивавшими мірскіе интересы съ святыми интересами религіи, произвела выстрѣлъ изъ пищаля, который былъ сигналомъ къ Варооломеевской ночи»³⁾. Правая отвѣтила крикомъ: «На голоса!» У аристократовъ и епископовъ оставался еще ресурсъ поправокъ. Мори дѣлалъ невѣроятныя, но тщетныя усилія овладѣть трибуной. Надо кончить съ этимъ, необходимо кончить! «Но мы не свободны», сказалъ маркизь де Фуко, надѣясь такимъ образомъ отдалить роковой моментъ; «мы окружены солдатами; пусть по крайней мѣрѣ удалятъ солдатъ!» Все было бесполезно. Значительнымъ большинствомъ, Собраніе вотировало предложеніе герцога Ларошфуко, составленное въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Національное Собраніе, принимая во вниманіе, что оно не имѣетъ и не можетъ имѣть никакой власти въ дѣ-

¹⁾ *Moniteur*, séance du 13 avril 1790.

²⁾ *Ibidem*.

³⁾ *Ibidem*.

гахъ совѣсти и религіозныхъ мнѣній; что величіе религіи и глубокое уваженіе, которое ей подобаешь, не позволяютъ дѣлать ее предметомъ обсужденія; принимая въ соображеніе, что приверженность Національнаго Собранія къ римско-католическому апостолическому культу не можетъ быть подвергаема сомнѣнію въ тотъ самый моментъ, когда единственно этотъ культъ ставится Собраніемъ на первое мѣсто въ системѣ государственныхъ расходовъ, и когда оно, единодушнымъ движеніемъ, доказало свое уваженіе единственнымъ приличествующимъ характеру Національнаго Собранія образомъ, декретировало и декретируетъ, что оно не можетъ и не должно входить въ обсужденіе внесеннаго предложенія по этому предмету, и что оно переходитъ къ очередному дѣлу о церковныхъ имуществвахъ». Вся правая воздержалась отъ подачи голоса ¹⁾.

При выходѣ изъ засѣданія, Лафайетъ и депутаты лѣвой, пробираясь между тѣсно сплоченными волнами народа, были привѣтствуемы криками горячѣй симпатіи и триумфа. Напротивъ, толпа встрѣтила ругательствами Казалеса и виконта Мирабо, который, видѣ себя, выхватилъ шпагу и ранилъ перваго, до котораго могло достать его бѣшенство. Его навѣрно убили бы на мѣстѣ, если бы одинъ молодой человѣкъ, но имени Мишо, не выказалъ величайшаго мужества, способствуя его бѣгству ²⁾. Этотъ виконтъ Мирабо, замѣчательный своей непомѣрной тучностью и хорошо извѣстный своей склонностью къ пьянству, былъ подверженъ въ такой сильной степени припадкамъ бѣшенства, что однажды, взбѣшенный какимъ-то крикомъ, раздавшимся съ трибунъ для публики въ Національномъ Собраніи, бросился брать ихъ штурмомъ при помощи лѣстницы,—актъ безумія, который совершился на глазахъ у всѣхъ, безъ вмѣшательства Казалеса. Когда Мирабо пришлось спасаться, перелѣзая черезъ стѣны Якобинскаго монастыря, сопровождавшій его офицеръ намекая на это обстоятельство, сказалъ ему: *Вотъ, виконтъ, когда бы понадобилась лѣстница* ³⁾.

Что касается аббата Мори, узнаннаго на улицѣ Сенгъ-Оноре, то его преслѣдовали крикомъ «*На фонарь!*» до улицы св. Анны,

¹⁾ *Moniteur*, засѣданіе 13 апр. 1790 г. См. также *Mémoires de Ferrières* объ этомъ засѣданіи.

²⁾ *Le Modérateur*, № 104.

³⁾ *Chronique de Paris*, № 107.

гдѣ онъ и укрылся въ домѣ № 21. Тамъ, въ то время, какъ толпа увеличивалась и угрожающіе крики усиливались, на аббата напялили солдатскій мундиръ національной гвардіи, привязали ему косу, одинъ сержантъ пришилъ ему эполеты, и Мори удалось скрыться въ этомъ воинственномъ нарядѣ¹⁾, болѣе, чѣмъ сутана, соотвѣтствовавшемъ его характеру и привычкамъ.

На слѣдующій день, 14 апрѣля, когда Мори появился въ Национальномъ Собраніи, члены правой встрѣтили его рукоплесканіями, а представители духовенства бросились обнимать защитника ихъ имѣній. Казалось пытался, но тщетно, оживить страсти, которыя послѣ столькихъ битвъ ослабѣли, не угаснувъ однако. Онъ добился только того, что былъ призванъ къ порядку за то, что, говоря о французской націи, употребилъ выраженіе *тыкогда лойяльная нація*. Истинно евангельскимъ словамъ аббата Гуттъ и священника Кюизо, славныхъ противниковъ духовенства, къ которому они сами принадлежали, аббатъ Эмаръ противопоставилъ лишь повтореніе старыхъ доводовъ. «Когда будутъ читать, сказалъ онъ, рѣчи г. Туре и архіепископа Эсскаго, найдутъ въ одной романъ собственности, а въ другой—ея исторію». Казалось сдѣлалъ послѣдній энергическій призывъ къ духу собственности. Онъ показалъ генія руинъ, требующаго докончить разъ начатое имъ дѣло разрушенія. Все было бесполезно. Рѣшили: что управленіе церковными имѣніями должно быть поручено департаментскимъ и окружнымъ собраніямъ или ихъ управамъ; что, начиная съ 1 января 1790 г., содержаніе духовнымъ лицамъ должно быть выдаваемо деньгами; что съ того же дня взиманіе десятины должно быть прекращено навсегда; что, наконецъ, въ ежегодную смѣту государственныхъ расходовъ должна быть вносима сумма, достаточная на покрытіе расходовъ культа римско-католической и апостолической религіи, на содержаніе служителей алтаря, на пособія бѣднымъ, какъ бѣлаго, такъ и чернаго духовенства обоого пола; такъ чтобы, освобожденныя отъ всякой тяготы и повинности, имѣнія, предоставленныя въ распоряженіе націи, могли быть употреблены на болѣе важныя и болѣе настоятельныя нужды государства²⁾.

Такіе удары, нанесенные съ такой высоты, съ такимъ гро-

¹⁾ *Chronique de Paris*, № 105.

²⁾ *Moniteur*, засѣданіе 14 апрѣля 1790 г.

момъ, во время столь сильныхъ грозъ, могли ли не привести въ движеніе тысячи противоположныхъ силъ или способностей, раздѣляющихъ человѣческую душу: силъ торжествующей гордости и побѣжденнаго эгоизма; силъ радости, гнѣва, ироніи? Довольно резонировали съ той и другой стороны: теперь брань сдѣлалась языкомъ побѣжденныхъ и побѣдителей. Въ своеобразномъ стилѣ, гдѣ самая мрачная ненависть скрывалась за притворной веселостью, авторы *Дьяній апостольскихъ*¹⁾ писали:

Il est trois façons d'être où chacun prend son rang:
Salarié, voleur ou mendiant.
 Mirabeau vous l'a dit; et son aréopage
 A fait des trois façons l'équitable partage:
 De *mendier* le peuple a le bonheur,
 D'un salaire au clergé l'on promet l'avantage;
 A ce senat, si décent et si sage,
 Que restera-t-il donc? le metier de *voleur*²⁾.

На эти мстительныя насмѣшки серьезный органъ, гордившійся сотрудничествомъ Кондорсе, не погнушался отвѣтить въ томъ же тонѣ: изъ словъ: *въ церкви капуциновъ* онъ сочинилъ акростихъ, гдѣ Мори, Фуко, Вирье, Казалесь, Монлозье, д'Эпремениль и виконтъ Мирабо были обречены на безпощадное презрѣніе³⁾.

Появилось множество памфлетовъ, особенно противъ Мори: одни изъ нихъ отличались горячностью, другіе—грубостью, иныя цинизмомъ, отъ котораго цѣломудріе исторіи должно отвернуться. *Великое несчастіе, приключившееся аббату Мори и причиненное громомъ.—Исторія Мори, высъщеннаго школьниками.—Предумышленное убійство, совершенное аббатомъ Мори надъ своимъ попугомъ.—Письмо аббата Мори къ графинь Генриетъ объ ассигнаціяхъ.—Бракъ и. аббата Мори съ Монмартрской аббатессой*⁴⁾, и т. д., и т. д. Тутъ находится какъ бы нагроможденное наскоро руками, не-

¹⁾ *Actes des Apôtres*, № 90.

²⁾ «Есть три рода бытія, гдѣ каждый занимаетъ свое мѣсто: *состоящій на жалованьи, воръ и нищій*. Это сказали вамъ Мирабо; и его ареопагъ сдѣлалъ справедливый раздѣлъ этихъ трехъ родовъ: счастье *нищенствовать* предоставлено народу; отъ *жалованья* общають выгоду духовенству; что же останется на долю этого сената, столь мудраго и столь благопристойнаго? Речесло *вора*».

³⁾ *Chronique de Paris*, № 110.

⁴⁾ *Bibliothèque historique de la Révolution*, 778, 779. British museum.

терпѣливо желавшими клеймить и убивать, все, что может питать ненависть, если не умъ; все, что можетъ дать матеріаль злословію или оспаривать у клеветы галантные нравы дурного священника: скандальные анекдоты, сцены закоулковъ, грязные рассказы. И зачѣмъ умалчивать объ этомъ? Зачѣмъ скрывать, что рядомъ съ высокой мудростью революціи были ея сумасбродства? Вольность мысли, преувеличеніе ея освобожденія также заслуживаютъ мѣсто въ памяти людей, потому что они требуютъ мѣста въ размышленіяхъ философа. Притомъ много правды примѣшивалось во всемъ этомъ ко лжи. Вотъ пассажъ изъ одного изъ этихъ памфлетовъ, озаглавленнаго: *Завѣщаніе аббата Мори*¹⁾:

«Сего числа я Ж. Т. Мори, іерей святой римской церкви, здравый тѣломъ и духомъ, написалъ мое завѣщаніе, состоящее изъ слѣдующихъ пунктовъ:

«Дарю и завѣщаю толстому виконту Мирабо два англійскихъ пистолета, служившихъ мнѣ съ успѣхомъ въ моихъ походе-ніяхъ, каковыя пистолеты окажутся на моемъ столѣ въ день моей кончины; сверхъ того, завѣщаю ему полсотни бутылокъ вина, надѣясь, что онъ сдѣластъ изъ нихъ надлежащее употребленіе.

«Дарю и завѣщаю г-жѣ Тевененъ, по прозванію *Пиковый тузъ*, всегдашней посѣтительницѣ Пале-Рояля, годовую сумму десятины съ моихъ восьмисотъ фермъ.

Дарю и завѣщаю г. Панкуку, изъ *Французскаго Меркурія*, двѣ стопы бумаги, съ тѣмъ, чтобы онъ продолжалъ въ своей газетѣ апологію аристократовъ, и г. Малле, его сотруднику, кровать, на которой скончался Дерю.

«Завѣщаю отдатчицѣ на прокатъ стульевъ въ церкви Сень-Рохъ 500 ливровъ, въ возвратъ за такую же сумму, потребо-ванную мною у нея, вслѣдствіе поста, который я нроповѣды-валъ въ этомъ приходѣ.

«Дарю знаменитому Калонну ключъ отъ королевской казны, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ принадлежалъ ему сообща съ домъ Лебренъ.

«Завѣщаю барону Безанвалю бомбы и ядра, находящіяся въ Парижскомъ арсеналѣ, для замѣны тѣхъ, которыя были забраны

¹⁾ *Bibliothèque historique de la Révolution*, 778, 779.—British museum.

на Марсовомъ полѣ патриотами. Онъ пойметъ, что я хочу этимъ сказать.

«Завѣщаю Анри, инспектору типографій, 2,000 ливровъ, уплачиваемыхъ заразъ, чтобы побудить его дозволить къ обращенію мои пасквили противъ Національнаго Собранія.

«Завѣщаю Жозефу Мори, моему двоюродному брату, парикмахеру въ Парижѣ, стрижку волосъ герцогини Полиньякъ и княгини Геннень, въ день выхода ихъ изъ госпиталя.

«Завѣщаю Жаку Мори, моему отцу, сапожному мастеру въ Пероннѣ, 400 фунтовъ новой кожи, для снабженія товаромъ его лавки, и т. д., и т. д.»...

Такъ побѣжденные, осмѣянные, представители духовенства не могли рѣшиться ни подписаться подъ своимъ поражениемъ, ни даже повѣрить его дѣйствительности. Многіе изъ нихъ, въ компаніи съ вожаками дворянства, снова явились въ капуцинскій монастырь, чтобы протестовать тамъ противъ декрета относительно церковныхъ имѣній; но монахи этой обители озаботились запереть двери на хоры церкви, и на требованіе открыть ихъ преподобный отецъ настоятель отвѣтилъ формальнымъ отказомъ¹⁾. Пришлось бы покориться необходимости, если бы неожиданное вмѣшательство одного капитана батальона фельянтинговъ не поставило ихъ подъ покровительство національной гвардіи²⁾),—покровительство, великодушіе котораго достигало крайнихъ предѣловъ ироніи и презрѣнія.

Новое сборище 18 апрѣля. На этотъ разъ, побуждаемые либо желаніемъ бравировать общественное мнѣніе, либо надеждой обмануть его, епископы и аристократы велѣли открыть настежь двери церкви. Но толпа устремилась въ храмъ, и они скоро были, такъ сказать, залиты волнами зрителей, которые смѣялись, пѣли, кричали. Кардиналъ Ларошфуко взмогъ на кафедру, и на минуту настало молчаніе. Но едва онъ открылъ ротъ, какъ кто-то заигралъ на флажолетѣ арію: *Aller-vous-en, gens de la nocce!* Виконтъ Мирабо, Казалесь, Вирье тщетно пытались бороться противъ этого содома. Прогнанные изъ внутренняго пространства храма разными криками, ироническими апплодисментами, шиканьемъ и свистомъ, они принуждены были удалиться на хоры, гдѣ и порѣшили впредь впускать только

¹⁾ *Chronique de Paris*, № 107.

²⁾ *Ibidem*.

по билетамъ въ ихъ собраніе. Наконецъ, униженные и обезкураженные, они ушли изъ церкви, своды которой въ этотъ моментъ огласились крикомъ «*Da здравствуетъ нація!*» причемъ отецъ настоятель, какъ бы для этого, чтобы очистить храмъ, поспѣшилъ произнести, вмѣстѣ со всѣми присутствующими, формулу гражданской присяги¹⁾.

Патерамъ оставался, по части политическихъ мѣропріятій, одинъ только выходъ: добиваться роспуска Національнаго Собранія, въ виду того, что тамъ господствовали ихъ противники. Эта мысль уже пришла имъ, и они выказали много искусства и стараній, чтобы распространить ее. Нынѣшнее Собраніе можно ли признать правильнымъ? Не состоитъ ли оно изъ членовъ, избранныхъ сословіями, которыя не существуютъ болѣе? Почему медлятъ назначеніемъ новыхъ депутатовъ? Срокъ полномочій многихъ изъ засѣдающихъ нынѣ въ Собраніи не истекъ ли уже, и можно ли продлить его, не посягая на державную власть народа? Въ засѣданіи 19 апрѣля Ле Шапелъе разоблачилъ эти неожиданные маневры и тактику людей, которые говорятъ языкомъ революціи съ цѣлью уничтожить ее. При этомъ сообщеніи оратора взоры всѣхъ естественно обратились въ ту сторону залы, гдѣ засѣдали епископы, и вверились въ аббата Мори, который, вскочивъ съ своего мѣста, вскричалъ: «Или пошлите этихъ людей въ Шатлэ, или, если вы ихъ не знаете, не говорите о нихъ»²⁾. Затѣмъ онъ поспѣшно всталъ у подножія трибуны и тотчасъ же занялъ ее послѣ Ле Шапелъе. «Насъ поражаютъ софизмами, сказалъ онъ, говорятъ о присягѣ, произнесенной 20 іюня, не подумавъ о томъ, что она не можетъ отмѣнить клятвы, данной нами нашимъ довѣрителямъ. Спрашиваю у всѣхъ, кто уважаетъ общественную вѣру: тотъ, кто поклялся своимъ довѣрителямъ вернуться по истеченіи срока его полномочій, можетъ ли оставаться здѣсь, вопреки ихъ желанію. Можетъ ли онъ быть уполномоченнымъ, когда его полномочіе не существуетъ болѣе?» Не было ни малѣйшей искренности въ этихъ словахъ, и всѣ хорошо понимали, что Мори не вѣритъ въ эту верховную власть народа, на которую онъ ссылается; но въ дѣлѣ принциповъ правда въ этотъ моментъ, была на его сторонѣ: ему отвѣчали слабыми, нерѣши-

¹⁾ *Règne de Louis XVI*, t. VI, § 23.

²⁾ *Mémoires de Ferrières*, t. II, liv. VI. p. 5. Collect. Berville et Barrière.

тельными возраженіями, и, захваченные врасплохъ, впашіе въ уныніе, революціонеры хранили молчаніе ¹⁾. Вдругъ встаетъ Мирабо, негодующій, взволнованный: «Спрашиваютъ, какъ изъ простыхъ уѣздныхъ депутатовъ мы превратились въ Національный Конвентъ? Отвѣчаю коротко и ясно: народные депутаты преобразились въ Національный Конвентъ въ тотъ день, когда, найдя мѣсто засѣданій окруженнымъ штыками, они собрались въ другомъ мѣстѣ и поклялись скорѣе умереть, чѣмъ отказаться отъ защиты интересовъ народа... Припомните поступокъ того великаго человѣка, который для того, чтобы спасти свое отечество отъ заговора, былъ вынужденъ идти противъ законовъ своей страны съ той быстротой, которую оправдываетъ законъ необходимости. У него спросили, не нарушилъ ли онъ присягу: коварный трибунъ, допрашивавшій его, думалъ поставить его въ опасную альтернативу или тягостнаго сознанія, или клятвопреступленія. Онъ отвѣтилъ: «Клянусь, что я спасъ республику!» Милостивые государи,—и Мирабо протянулъ руку по направленію къ лѣвой сторонѣ,—клянусь, что вы спасли республику!» ²⁾

На этой торжественной клятвѣ Собраніе единогласно прекратило пренія, «какъ бы увлеченное внезапнымъ вдохновеніемъ», говорить Феррьеръ ³⁾. Вопросъ не возобновлялся болѣе; Мирабо похоронилъ его и, хотя строгое право было на сторонѣ его противника, онъ могъ повторить, выходя изъ засѣданія, свое красное слово объ аббатѣ Мори: «Когда онъ правъ, мы сражаемся; но когда онъ не правъ, я уничтожаю его» ⁴⁾.

Нѣсколько дней спустя, на Королевской улицѣ, мужчины, женщины, дѣти, стояли тысячами передъ дверью *Французскаго салона*, на которой была надпись крупными буквами. *Умирающіе аристократы*. Вдругъ дверь отворяется, и одинъ изъ членовъ происходившаго тамъ секретнаго собранія выходитъ съ пистолетомъ въ рукѣ. При появленіи его толпа раздражается, летятъ камни. Д'Агу, ибо это былъ оставной и слишкомъ извѣстный маіоръ королевской гвардіи, приставилъ пистолетъ къ груди бросившагося къ нему національнаго гвардейца. «Стрѣ-

¹⁾ *Mémoires de Ferrières*, t. II, liv. VI, p. 9. Collect. Berville et Barrière.

²⁾ *Moniteur*, засѣданіе 19 апр. 1790 г.

³⁾ *Mémoires de Ferrières*, t. II, liv. VI, p. 10.

⁴⁾ *Biographie universelle*, въ словѣ *Morin*.

ляйте, сударь, сказалъ ему гвардеецъ съ достоинствомъ, я здѣсь для того, чтобы защищать васъ!»¹⁾

Потерпѣвъ неудачу во всѣхъ своихъ крамольныхъ попыткахъ, Мори, Монлозье, Казалесь, д'Эпремениль, Вирье, фанатики партіи, наконецъ, должны были ограничиться опубликованіемъ своего протеста противъ рѣшенія Національнаго Собранія отъ 13 апрѣля, касающагося католической религіи. Этотъ смѣлый протестъ былъ подписанъ 297 депутатами, между которыми насчитывали 144 представителя духовенства, 104 представителя дворянства и 49 представителей общинъ. Замѣтили, что въ списокъ подписавшихся фигурировало имя нѣкоего барона Ратзамсгаузена, ревностнаго лютеранина, который, слѣдовательно, не имѣлъ никакого интереса участвовать въ объявленіи *государственной религіи* римско-католической и апостолической религіи²⁾.

Талейранъ не пожелалъ присоединиться къ 297. Отѣнскій капитулъ написалъ ему по этому поводу въ укоризненномъ и насмѣшливомъ тонѣ. Онъ отвѣтилъ: «Не понимаю, зачѣмъ нужно представить законодательному корпусу протестъ противъ его декретовъ, и особенно представить его, какъ *славный памятникъ вашего патриотизма*; предпочитаю оставить его въ невѣдѣніи на этотъ счетъ»³⁾.

Пріемъ, оказанный въ Парижѣ манифесту 297, былъ такой, какого можно было ожидать по тогдашнему настроенію общественнаго мнѣнія. Его сжигали публично въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, подобно тому, какъ нѣкогда Лютеръ сжегъ всенародно папскую буллу; округъ Сентъ-Оноре постановилъ написать имена подписавшихся, какъ богохульниковъ закона, на доскѣ, помѣщенной въ залѣ первичныхъ собраній, и распространился обычай носить трости со скрытой внутри шпагой, т. е. подобные тѣмъ, которыми вооружились многіе прелаты и которыя поэтому прозвали *архіерейскими посохами*⁴⁾.

Дѣйствительно, фанатизмъ не имѣлъ болѣе возможнаго театра, кромѣ провинціи. Парижъ не былъ ли городомъ свободныхъ мыслителей, блестящимъ мѣстомъ собранія всѣхъ питомцевъ Вольтера? Какая польза была прелатамъ требовать, чтобы

¹⁾ *Règne de Louis XVI*, t. VI, § 23.

²⁾ *Règne de Louis XVI*, § 23.

³⁾ *Ibidem*.

⁴⁾ *Ibidem*.

ихъ величали *преосвященствомъ* или *монсеньоромъ* въ городѣ, который расхохотался, когда Камилль Демуленъ поучалъ его: «Въ первые вѣка христіанства, епископовъ (что значить *надзиратели*) титуловали *старѣйшинами*, потому что въ надзиратели выбирали почтенныхъ старцевъ; отсюда видно, что *mon seigneur* происходитъ отъ *meus senior*, *мой старшій*, и что это величаніе архіереевъ основано лишь на каламбурѣ» ¹⁾.

Итакъ фанатизмъ набросился на провинцію, гдѣ и зажегъ пожаръ. «Патеры, говоритъ Юмъ, нашли то, чего недоставало Архимеду: они создали на томъ свѣтѣ машины, чтобы ворочать этимъ свѣтомъ».

Шартрскіе каноники громко протестовали, не желая отдать *восемьсотъ тысячъ ливровъ дохода отъ своихъ приходовъ* ²⁾.

Если какой-нибудь смиренный священникъ осмѣливался слишкомъ открыто принимать сторону Національнаго Собранія, его предавали анаѣмѣ! Ибо мало было церквей, гдѣ бы не скрывалась за алтаремъ какая-нибудь змѣя. Недалеко отъ Лилля, въ Рубе, одинъ бѣдный клирикъ, сторонникъ конституціи, былъ отравленъ виномъ св. причастія ³⁾.

Въ Реннѣ, когда національные гвардейцы припили дѣлать обыскъ у одного настоятеля приходской церкви, который въ этотъ моментъ совершалъ у кого-то изъ прихожанъ обрядъ крещенія, они застали викарія за перепиской составленнаго вчера протеста, съ слѣдующими словами на поляхъ: «Вотъ замѣтки и размышленія г. Казалеса, которыя и посылаю вамъ. Необходимо, чтобы вы распространили ихъ во всѣхъ приходоухъ вашей епархіи. Пора, давно пора. Надо побѣдить или погибнуть» ⁴⁾.

Звучные удары сыпались съ высоты церковной каѣдры; но насколько опаснѣе и вѣрнѣе были удары, направляемые въ полумракѣ конфессіонала, искусными руками! Въ глубинѣ своихъ темныхъ храмовъ, въ защищенныхъ священной таинственностью закоулкахъ, что говорили трепещущей и колѣнопреклоненной передъ ними молодой женщинѣ эти служители алтаря, которые, теряя землю, оставались хозяевами ада? Они внушали ей ненавидѣть революцію, подѣ страхомъ вѣчной адской муки.

¹⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 22.

²⁾ *Ibidem.*, № 23.

³⁾ *Histoire abrégée de la Révolution*, составленная авторомъ книги *Le règne de Louis XVI*, p. 96. Paris, 1803.

⁴⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 23.

«Разсказывайте, писали архіереи священникамъ своихъ епархій, разсказывайте, въ *трибуналъ покаянія*, объ опасностяхъ, грозящихъ Франціи, религіи, коронѣ Бурбоновъ»¹⁾).

Но кто знаетъ? быть можетъ, недостаточно было этого подпольнаго внушенія? Притомъ онъ дѣйствуетъ медленно, этотъ сладкій ядъ, который съ устъ исповѣдника падаетъ капля по каплѣ на кающееся сердце: къ тайному страху легковѣрныхъ душъ нужно было прибавить заблужденія воображенія, устрашеніе глазъ. Въ Аррасѣ носили по улицамъ большую картину, изображавшую Голгоѳу. На правой сторонѣ Распятія, подлѣ добраго разбойника, фигурировали Мори, Казалесъ, Жюинье, Вирье, д'Эпрениль, роялисты; возлѣ злаго разбойника были революціонеры Національнаго Собранія; одни держали конь, другіе укусъ и вино, и кричали: *Если ты Сынъ Божій, соверши чудо и наполни дефицитъ*²⁾).

По этимъ приемамъ агитаціи, употребленнымъ съ цѣлью увлечь сѣверъ, отъ природы степенный и разсудительный, можно догадаться, что позволяли себѣ на югѣ, на томъ югѣ, гдѣ, по энергическому выраженію одного новѣйшаго писателя, невѣдомые пожары таятся подъ землей. «Это нѣчто подобное тѣмъ каменно-угольнымъ пластамъ, которые горятъ въ Авейронѣ. Огня не видно на поверхности почвы; но если вы воткнете палку въ этотъ пожелтѣвшій газонъ, она обуглится, загорится, обнаружитъ адъ, скрытый подъ вашими ногами»³⁾).

Нѣтъ, никогда, никогда не будемъ знать, сколько ненависти и убійствъ могутъ иногда заключать въ себѣ благочестивыя хожденія къ святымъ мѣстамъ, мягкія девятины, сорока-часовыя молитвы, и нарамники, и юбилеи, и тѣ реликвіи святыхъ, которыя въ одинъ прекрасный день, въ рукахъ какого-нибудь Жака Клемана, обращаются къ кинжалъ убійцы. Не знали ли этого, тѣ, кто, на другой день послѣ дебатовъ о церковныхъ имѣніяхъ, пошли на богомолье, таща за собой, вдоль улицъ Тулузы, эти печальные, стѣнящіе ряды покаянниковъ бѣлыхъ, покаянниковъ сѣрыхъ, покаянниковъ синихъ? Недалеко отъ этого города была часовня Роквильской Божіей Матери, около которой католики должны бы были бояться увидѣть

¹⁾ Пастырское посланіе архіепископа блуаскаго.

²⁾ Мишле, въ его прекрасной *Истории французской революціи*, т. II гл. VIII.

³⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 23.

блуждающіе призраки убитых альбгойцевъ; ибо эта часовня напоминала исторію рѣзни, произведенной во славу Божію. И вотъ тамъ-то, передъ бѣдными ослабѣвшими умами, передъ несчастными созданіями, изнуренными продолжительностью молитвы, монашескій фанатизмъ совершилъ торжественное посвященіе Франціи Пресвятой Дѣвѣ¹⁾. Не смѣйтесь надъ этими актами утонченной набожности, столь ребяческими повидимому: у сколькихъ матерей и женъ они исторгли слезы умиленія!

Были, однако, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ акты возмущенія, которые порадовали бы Вольтера. Такъ, въ окрестностяхъ г. Сарла, въ департаментѣ Дордони, крестьяне принудили приходскаго священника прицѣпить къ дароносицѣ кокарду, и оставить дарохранильницу стоять день и ночь открытой. «Надо, говорили они, чтобы и Господь Богъ пользовался свободой»²⁾. Въ окрестностяхъ города Труа, другіе крестьяне, возмущенные проповѣдями своихъ кюре противъ Національнаго Собранія, насильно посадили ихъ, въ числѣ восемнадцати человекъ, въ большую рабочую телѣгу и, привезя на базарную площадь, заставили принести гражданскую присягу³⁾.

Изъ всѣхъ городовъ юга наиболѣе пострадалъ отъ опустошительнаго дѣйствія религиозныхъ страстей городъ Нимъ. Онъ издавна былъ очагомъ протестантизма. Не то, чтобы протестанты были тамъ равны численностью католикамъ; напротивъ, они были вдвое малочисленнѣ послѣднихъ; но такъ какъ, до 1789 г., ихъ систематически устраняли отъ всѣхъ общественныхъ должностей то ихъ дѣятельность, обращенная на торговлю, сдѣлала ихъ обладателями большихъ богатствъ. Поэтому тамъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, фанатики римской церкви оказывались раздраженными присутствіемъ другой церкви, соперничающей и могущественной. Тѣмъ болѣе, что съ протестантами соединилось, въ политическомъ отношеніи, много католиковъ, притомъ лучшихъ, тѣхъ, вѣрованія которыхъ просвѣтились свѣтомъ философіи, тѣхъ, которыхъ коснулся духъ терпимости, тѣхъ, кого одушевляло высокое чувство равенства. Въ Нимѣ видѣли трогательное доказательство этого во время обнародованія декрета, объявившаго всѣхъ гражданъ допускаемыми къ занятію всякихъ

¹⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 22.

²⁾ *Historie abrégée de la Révolution française*, par l'auteur du *Règne de Louis XVI*, t. I, liv. III.

³⁾ *L'Observateur*, № 127.

должностей на службѣ государственной или общественной. Одинъ и тотъ же крикъ любви вознесся тогда къ небу; одинъ и тотъ же гимнъ освобожденія раздался подъ великолѣпными сводами католическихъ соборовъ и въ суровыхъ протестантскихъ храмахъ. Республиканцы обоихъ вѣроисповѣданій дружески протягивали другъ другу руки ¹⁾.

Но, притаившійся еще въ своихъ вертепахъ, фанатизмъ ждалъ своего часа. Это онъ вскорѣ началъ возбуждать ревнивые сердца увѣреніями, что въ милиціи, только что набранной, число протестантовъ превосходитъ число католиковъ; что богатство первыхъ обезпечить имъ отнынѣ постоянное преобладаніе; что въ штабѣ войскъ и теперь уже господствуютъ протестанты. Быть можетъ также, какъ въ этомъ ихъ упрекаютъ писатели клерикальной партіи ²⁾, ново-освобожденные не проявили въ пользованіи своими отвоеванными правами достаточно умѣренности и сдержанности?

Между вліятельными гражданами этого города былъ, къ несчастью, одинъ, который, благодаря своей смѣлости, дѣятельности, врожденной способности къ агитаціи, могъ сдѣлать слишкомъ много. Онъ назывался Фромонъ, и его, убѣжденіе, публично развитое впоследствии въ изданной имъ брошюрѣ ³⁾, было таково, что всякую сильную страсть можно заглушить только страстью, еще болѣе сильной, и что, слѣдовательно, религиозное рвеніе одно можетъ подавить республиканскій бредъ. Онъ сильно презиралъ философовъ своей партіи. Онъ горько упрекалъ роялистовъ за то, что они не сумѣли охранить себя отъ общей заразы и поддались, сами того не замѣчая, обольщеніямъ волтеріанства. По его мнѣнію, эта манія резонировать съ народомъ въ пользу монархіи и погубила все. Къ чему такъ много обращаться къ уму? И отчего такъ бояться, произнося слово *религія*, преступить законы вольнодумства? Возбуждать страсти невѣжественной толпы, пугать ее утратой вѣчнаго спасенія, «употреблять, наконецъ, тѣ могучія средства, которыя представляетъ религія и которыми во всѣ времена пользовались съ успѣхомъ величайшія политики ⁴⁾», — вотъ что нужно было дѣлать.

¹⁾ См., между другими сочиненіями, гдѣ этотъ фактъ утверждается, *Précis historique des massacres par les protestants sur les catholique de Nimes.* — Pamфлетъ ультра-роялистскій и ультра-католическій.

²⁾ *Ibidem.*

³⁾ *Ibidem*, p. 12.

⁴⁾ *Recueil de divers écrits relatif à la Révolution*, p. 4 et suiv.

Подъ вліяніемъ этой холодно жестокой идеи Фроманъ, въ союзѣ съ адвокатомъ Фолаше и бывшимъ пажомъ короля Декомбье ¹⁾, работалъ надъ заложениемъ мины, о страшномъ взрывѣ которой мы должны теперь рассказать.

О событіяхъ, къ изложенію которыхъ мы сейчасъ приступимъ, какъ равно и о катастрофѣ, къ которой они привели, было произведено, впоследствии, разслѣдованіе по требованію королевскаго прокурора, обращенному къ нимскому сенешалю, и вслѣдствіе его жалобъ, принесенныхъ 31-го марта, 10-го мая и 7-го іюля 1790 г.: изъ этого источника мы и будемъ черпать; нашъ рассказъ будетъ составленъ главнымъ образомъ на основаніи официальныхъ, безспорныхъ документовъ, доставленныхъ судебной процедурой, такъ какъ писатели двухъ противоположныхъ партій подняли, въ этомъ случаѣ, вокругъ истины густую пыль, сквозь которую невозможно было бы ее узнать.

Движеніе, увлекшее Нимъ къ гражданской войнѣ, началось еще въ декабрѣ мѣсяцѣ 1789 г.; оно возникло на почвѣ образованія городского общественнаго управленія. Ультра-католическая и конгръ-революціонная партія ненавидѣла протестантовъ не только какъ таковыхъ, она ненавидѣла ихъ еще какъ сторонниковъ революціи и какъ учениковъ республиканцевъ ²⁾. Она припомнила, что съ ихъ стороны это стремленіе пользоваться республиканской свободой обнаруживалось уже не разъ въ исторіи. Не основали ли они, въ 1577 г., республику въ Лангедокѣ, откуда прогнали тогда маршала Данвиля? ³⁾ Устранить протестантовъ отъ муниципальных должностей сдѣлалось, поэтому, одной изъ живѣйшихъ заботъ этой партіи, насильственными дѣйствіями которой руководили Фроманъ, Декомбье, Фолаше, Видалъ, прокуроръ коммуны, священникъ Клемансо и аббатъ Клавьеръ.

Новые союзники имѣли, въ церкви Шокаянниковъ, ночныя собранія, гдѣ были, съ высоты церковной кафедры ⁴⁾, указываемы лица, которыхъ нужно выбрать для занятія обществен-

¹⁾ *Verités historiques sur les événements arrivés à Nîmes, par le club des Amis de la Constitution, 1790.*

²⁾ *Précis historique des massacres commis par les protestants sur les catholiques de Nîmes, p. 6.*

³⁾ *Ibidem.*

⁴⁾ Показаніе аббата Рошморъ, 99-го свидѣтеля по дополнительному слѣдствію (*Information sur la plainte par addition du 7 juillet*), произведенному по приказанію Национальнаго Собранія.

ныхъ должностей; рѣшеніе систематически отвергать не-католиковъ было принято предъ престоломъ Всевышняго ¹⁾); распространяли въ большомъ количествѣ заранѣ составленные списки кандидатовъ, съ выдачей платы каждому подающему голосъ и пользуясь посредничествомъ винныхъ барышниковъ, дѣятельныхъ агентовъ фанатизма въ Нимѣ ²⁾). Это значило вступитъ на кровавые пути, и вожаки хорошо знали это; но одинъ изъ нихъ, Гравиль де-Бульяргъ, только открылъ сущность ихъ неумолимыхъ мыслей, когда воскликнулъ: *Если нужно пронзить себя кинжаломъ, нужно пронзить; десятокъ лѣтъ больше или меньше ничего не значитъ* ³⁾).

Въ то же время, и чтобы не быть захваченнымъ врасплохъ, Фроманъ приказалъ изготовить вилы, топоры и сабли съ пилой на тыльной сторонѣ ⁴⁾).

Побѣда была полная и зловѣщая; муниципальная власть всецѣло принадлежала ультра-католикамъ, и съ этого момента наглость ихъ не знала болѣе никакой узды. Капитанъ въ нисской милиціи, командиръ роты, составленной изъ его сеидовъ, Фроманъ дерзнулъ привести ее, вооруженную вилами, на Эспланаду ⁵⁾). Не-католики были оскорбляемы среди улицы каждую минуту и преслѣдуемы кличкой *черныя глотки*. Многіе подверглись побоямъ, одному были нанесены три раны ножомъ ⁶⁾).

Въ это время пришло извѣстіе объ избраніи Рабо Сентъ-Этьена въ президенты Національнаго Собранія. Можно вообразить, какой гнѣвъ возбудила эта вѣсть!... Повсюду на стѣнахъ Нима было вывѣшено слѣдующее объявленіе: «Безчестное Національное Собраніе довершило свои преступленія избраніемъ въ предсѣдатели... протестанта!» ⁷⁾ Затѣмъ, какъ будто мало было этихъ анонимныхъ бравадъ, настоятель капуцинскаго монастыря и другой монахъ, отецъ Сатурнинъ, появились, на вто-

¹⁾ Показанія 61-го, 88-го и 99-го свидѣтелей.

²⁾ Показанія различныхъ свидѣтелей по упомянутому дѣлу.

³⁾ *Ibidem.*

⁴⁾ *Ibidem.*

⁵⁾ *Ibidem.*

⁶⁾ Протоколъ освидѣтельствования пострадавшаго Пурше.

⁷⁾ *Chronique de Paris*, № 103. Эта газета прибавляетъ, что на слѣдующій день были убиты четыре протестанта: ошибка въ датѣ, въ которую впалъ также Мишле. Убіиства, или, вѣрнѣе сказать, покушенія на убійство, имѣли мѣсто до назначенія Рабо Сентъ-Этьена.

рой день Пасхи, на крыльцѣ своего монастыря, откуда принялись громить Національное Собрание ¹⁾).

Вдругъ... но, нѣтъ, подобное беззаконіе прямо невѣроятно!—нимскіе лигисты узнаютъ, что въ засѣданіи 14-го апрѣля, это собрание, торжественнымъ декретомъ, ввѣрило департаментской и окружной администраціи завѣдываніе имѣніями духовенства, перешедшими въ распоряженіе націи. Тотчасъ же было созвано общее собраніе членовъ лиги въ церкви Покаянниковъ. Священники Бульяргъ, Родильонъ, Курбсакъ всходятъ на кафедру ²⁾, воспламеняютъ аудиторію, и изъ ихъ крамольныхъ увѣщаній выходитъ знаменитая *декларациіи католическихъ гражданъ города Нима*, отъ 20-го апрѣля 1790 г. Національное Собрание представлено въ ней какъ введенное въ заблужденіе врагами общественнаго блага, и были выражены слѣдующія требованія: чтобы католическая, апостолическая и римская религія была объявлена *религіей государства* и единственной пользующейся правомъ публичнаго отправления культа; чтобы не было дѣлаемо никакой перемѣны въ церковной іерархіи и чтобы никакая реформа не могла быть введена безъ согласія національныхъ соборовъ; чтобы, наконецъ, Національное Собрание употребило весь свой авторитетъ для передачи королю высшей исполнительной власти.

Наканунѣ какой-то человекъ, одѣтый въ доминиканскую рясу, появился на городской площади, прося милостыни и говоря, что теперь приходится побираться тѣмъ, кого обобрало Національное Собрание. Ницаго пріютили и накормили, въ то время, какъ толпа, обманутая этой комедіей, кричала о несправедливости ³⁾).

Эта агитація, эти маневры не могли не привести къ катастрофѣ. 1-го мая лигionеры съ бѣлой кокардой ходили садить майское деревцо передъ подъѣздомъ барона де-Маргеритъ, нискаго мэра и члена ультра-католической партіи. На слѣдующій день у благодарнаго мэра былъ большой пиръ, на которомъ фигурировали вчерашніе лигionеры, украшенные бѣлой кокардой. По окончаніи обѣда, гости, разгоряченные виномъ, шумно вышли и разбрелись по городу, оглашая воздухъ криками; *да здравствуетъ король! да здравствуетъ крестъ!* Солдаты Гіенскаго полка всѣ

¹⁾ и ²⁾ Показанія свидѣтелей 157-го, 158-го и проч.

³⁾ *Précis historique sur les desordres commis à Nîmes.*

были патриоты: эти крики раздражаютъ ихъ; видъ бѣлой кокарды, выставленной какъ бы съ цѣлью провокаціи, приводитъ ихъ въ негодованіе. Нѣкоторые срываютъ возмутительный знакъ со шляпы лигонеровъ; завязывается драка, шпаги скрещиваются, кровь льется. Замѣтили двухъ священниковъ, науськивавшихъ дерущихся другъ на друга ¹⁾). Видѣли, какъ слуга священника Клемансо бросалъ камни, раздавалъ деньги ²⁾, а Сень-Луи, кучеръ мэра, руководилъ свалкой при крикахъ; «*Долой черные глотки!*» ³⁾

Но въ то самое время, когда слуга подстрекалъ къ мятежу, его господинъ, въ компаніи съ прокуроромъ коммуны и нѣсколькими должностными лицами муниципалитета, держалъ рѣчь къ народу, проповѣдуя миръ. Послѣдній не могъ быть и не былъ ничѣмъ инымъ, какъ только отерочкой войны. На другой день послѣ сейчасъ описанныхъ беспорядковъ Декомбье, командиръ роты солдатъ креста, явился во главѣ своихъ воиновъ на площади *Puits de la Grande Table*, и привелъ ихъ къ присягѣ на вѣрность королю и кресту ⁴⁾). Вечеромъ возобновились скопища: повсюду не-католики были угрожаемы насиліемъ. Одному изъ нихъ приставили пистолетъ къ груди; другой былъ раненъ въ руку; одинъ гренадеръ Гѣнскаго полка былъ убитъ ружейной пулей, пущенной Фроманомъ, братомъ главара нимской лиги ⁵⁾).

Обнародованіе, 4-го мая, военнаго положенія положило на минуту конецъ этимъ прелюдіямъ гражданской войны, но въ тотъ же день, чтобы сдѣлать возможнымъ избраніе Фромана и Фолаше въ депутаты отъ департамента, муниципалитетъ сдалъ имъ въ аренду пустующій участокъ городской земли.

Тѣмъ временемъ трагедія фанатизма разыгрывалась въ Монтобанѣ съ нрискорбнымъ успѣхомъ. Тамъ возбужденіе, вызванное мистическимъ праздникомъ, въ соединеніи съ наступившими жаркими днями, слишкомъ хорошо извѣстная декларация нимскихъ католиковъ, зажигательное пастырское посланіе епископа, слѣдовавшіе за этимъ посланіемъ публичные молебны, ружейный выстрѣлъ, сдѣланный изъ окна въ священника, шедшаго во главѣ проходившей процессіи,—все это экзальтировало умы, особенно между женщинами. Былъ ли это удобный моментъ идти съ большимъ шумомъ составлять инвентарь иму-

1), 2), и 3) Показанія свидѣтелей по тому же дѣлу.

4) и 5) Показанія различныхъ свидѣтелей по упомянутому дѣлу.

щества, принадлежащаго городскимъ монастырямъ? Нѣтъ, конечно, и муниципальные должностныя лица, безъ сомнѣнія, поняли бы это, если бы, къ несчастію, муниципалитетъ въ Монтобанѣ, какъ и въ Нимѣ, не былъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ клерикаловъ. 10-го мая вы увидѣли бы странное зрѣлище: тысячи женщинъ, лежащихъ передъ воротами монастырей; чтобы войти, нужно было пройти по живымъ тѣламъ! Медленнымъ и важнымъ шагомъ, съ печальными фізіономіями и какъ бы покоряясь необходимости ненавистнаго имъ долга, подходятъ къ монастырямъ муниципальные должностныя лица. Тогда женщины поднимаютъ пронзительный крикъ; магистраты, ожидавшіе этого, удаляются. Тѣмъ временемъ какіе-то люди, какъ полагали, подосланные, врываются въ церковь Кордельеровъ, ломая все попавшееся на пути. Значитъ, грабятъ церкви! Къ оружію! Смерть протестантамъ! Разбрасываются анонимныя записки, въ которыхъ заклиняютъ женщинъ встать и бѣжать скорѣе къ городской ратушѣ. Тамъ, оказалось, укрѣпились нѣсколько несчастныхъ солдатъ городской стражи. Матери увлекли за собой своихъ дѣтей, сестры—своихъ братьевъ, жены—своихъ мужей, и вскорѣ необозримая и неодолимая толпа заревѣла вокругъ коммунальнаго зданія. Постъ былъ снятъ: пятеро изъ его защитниковъ пали, сраженные пулями; другихъ раздѣли, и въ однихъ рубашкахъ, босыхъ, окровавленныхъ повели принести публично повинную и просить прощенія на площади передъ кафедральнымъ соборомъ. Лангедокскій полкъ, который муниципальное управленіе могло бы вытребовать въ самомъ началѣ безпорядковъ, прибылъ наконецъ, когда уже нечего было усмирять. Стражники, которымъ слѣдовало дать вознагражденіе, были, напротивъ, брошены въ тюрьму, гдѣ многіе изъ нихъ умерли отъ ранъ.

Одну изъ характеристическихъ чертъ этой эпохи составляетъ чувство солидарности, одушевлявшее города, чувство совершенно новое и достойное удивленія. Когда о монтобанскихъ безпорядкахъ узнали въ Бордо, національная гвардія этого города пришла въ возбужденное состояніе. Всѣ негодовали, всѣ схватились за оружіе, всѣ хотѣли идти туда. Чтобы составить армію мстителей, по необходимости ограничивая ея численность, пришлось тянуть жребій. Полторы тысячи охотниковъ, назначенныхъ случаемъ и несущихъ въ себѣ душу Бордо, выступили въ походъ. И въ то время, какъ они шли форсирован-

нымъ маршемъ къ Монтобану, имъ послали изъ ихъ города, по Гароннѣ, четыре мортиры, бомбы, боевые припасы. Судно, буксируемое двумя или тремя стами людей, употребило всего только пятьдесятъ два часа на переходъ, которой обыкновенно требуетъ отъ восьми до десяти дней.

Приближеніе бордоскаго войска успокоило Монтобанъ; главные виновники бѣжали, заключенные въ тюрьму были освобождены; и когда, два съ половиной мѣсяца спустя, муниципалитетъ, вызванный на судъ Національнаго Собранія, вздумалъ сказать, уличая своего оратора: «Эхъ, господа, кто насъ обвиняетъ?» депутатъ Лави патетически воскликнулъ: «Кто васъ обвиняетъ? Мертвые!»¹⁾

Нимъ... Здѣсь остановимся на минуту и посмотримъ, что дѣлается въ другихъ мѣстахъ. Намъ слишкомъ скоро придется ступить въ эти лужи крови!

ГЛАВА VIII.

З а г о в о р ы .

Военное соперничество въ Лиллѣ; начало гражданской войны.—Маркизь де-Ливаро.—Взятіе фортовъ въ Марсели.—Убіенство кавалера де-Боссе.—Отголоски марсельской авантюры въ Монпелье, въ Сентъ-Эспри.—Смерть г. де-Буазень, въ Валансѣ.—Исторія заговора Мильбуа.—Воннъ Саварденъ; его арестъ; его допросъ.—Сомнамбулизмъ г-жи Леклеркъ де Томассонъ.—Мистическій заговоръ.—Письмо Пресвятой Дѣвы къ Людовику XVI.—Характеръ этихъ интригъ и этихъ безразсудствъ; безсильные маневры контръ-революціи.

Мѣсяць апрѣль, въ которомъ происходили описанныя въ предыдущей главѣ волненія, былъ отмѣченъ не только неистовствами религіознаго фанатизма. Человѣкъ меча фигурируетъ тамъ рядомъ съ человѣкомъ церкви. Контръ-революція могла разсчитывать на патера: ей нуженъ былъ солдатъ.

Оттого, въ то время, какъ церковная каеэдра побуждала къ мятежу, а конфессіональ къ измѣнѣ, беспорядокъ, тайно распространяемый, охватывалъ полки. Искусные составители заговоровъ сѣяли въ арміи убійственное соперничество. Цѣлыя орды иноземныхъ нищихъ стекались изъ заграницы, руководи-

¹⁾ См. объ этомъ монтобанскомъ дѣлѣ разсказъ Лусталдъ въ *Révolution de Paris, Moniteur*, засѣданія 22 и 26 июля, и *Histoire abrégée de la Révolution*, написанную авторомъ *Règne de Louis XVI*, t. I, liv. III, p. 97—103.

несогласіями, и солдаты не показывались въ городѣ иначе, какъ держа руку на эфесѣ сабли.

Сначала были только случайныя схватки между отдѣльными нижними чинами; но вскорѣ дошло до того, что двѣ враждующія партіи стали открывать огонь другъ въ друга, повзводно, на улицахъ; случилось даже, 7 апрѣля, что одинъ пѣхотный полкъ былъ атакованъ нормандскими егерями, какъ могъ бы быть атакованъ непріятель на войнѣ¹⁾.

Вынужденный вмѣшаться въ качествѣ посредника, маркизъ Ливаро потребовалъ, чтобы, для изложенія взаимныхъ жалобъ была прислана депутація изъ двухъ солдатъ отъ каждой роты. Четыре полка изъявили согласіе, и утромъ 8 апрѣля, послѣ нѣсколькихъ ожесточенныхъ перекоровъ, миръ былъ заключенъ, или, по крайней мѣрѣ, такъ казалось, и маркизъ Ливаро отправился лично объявить солдатамъ счастливую новость.

Но въ это время распространились тревожныя слухи; разбрасывали въ разныхъ частяхъ города анонимныя записки, возвѣщавшія о какой-то темной измѣнѣ²⁾. Солдаты собираются шумной толпой. Пѣхотинцы полковъ *Royal-Vaisseau* и *la Couronne* устремляются къ плацъ-параду, гдѣ и выстраиваются въ боевомъ порядкѣ. Съ своей стороны и кавалеристы прибѣгаютъ туда же. Но, увидя пѣхоту, готовую къ страшной битвѣ, они колеблются, отступаютъ. Только нѣсколько офицеровъ изъ полка *Colonelle* отдѣляются, выступаютъ впередъ и предлагаютъ разрѣшить споръ четырьмя единоборствами, для чего каждый полкъ выбралъ бы своего бойца³⁾. Предложеніе это было отвергнуто, и общая схватка казалась неизбѣжной. Солдаты полка *Colonelle* пытаются тогда овладѣть арсеналомъ. Отброшенные, они бѣгутъ въ цитадель и укрѣпляются тамъ вмѣстѣ съ *нормандскими егерями*. Ярость ихъ достигла высшей степени; человекъ пятьдесятъ изъ ихъ среды были убиты или ранены въ разныхъ стычкахъ, и, принимая безъ провѣрки дошедшіе до нихъ слухи, они считали себя преданными. Вдругъ маркизъ Ливаро появляется въ цитадели. Онъ хочетъ говорить, но едва онъ открылъ ротъ, какъ поднимается бѣшеный крикъ. Его окружаютъ, оскорбляютъ; кто-то наноситъ ему ударъ штыкомъ въ лицо. «Повѣ-

¹⁾ C. Desmoulin, *Révolutions de France et de Brabant*, № 25.

²⁾ Bertrand de Moleville, *Annales de la Révolution française*, t. II, chap. XXII,

³⁾ *Histoire abrégée de la Révolution*, par l'auteur du Règne de Louis XVI, t. I, liv. II.

силь его! повѣситъ!» заревѣли солдаты. «Онъ предалъ насъ. Онъ далъ приказъ открыть огонь противъ насъ!» При этихъ словахъ, полный негодованія, Ливаро схватилъ одного изъ солдатъ за шиворотъ и потребовалъ, чтобы онъ поддержалъ свои слова со шпагой въ рукѣ¹⁾. Маркизь былъ старикъ, убѣленный сѣдинами. Солдаты были тронуты его мужествомъ и рѣшили, что можно довольствоваться задержаніемъ его, въ качествѣ плѣнника. Съ этого момента они не признавали болѣе никакой власти, кромѣ ими самими назначеннаго военнаго комитета, и въ городѣ воцарился страшнѣйшій безпорядокъ.

Такъ прошло нѣсколько дней. Послали депутацію въ Национальное Собраніе; пріѣхалъ Булье, главный начальникъ края. Разыскивать виновныхъ было бы опасно; предпочли замаять все это дѣло. Король, безпокоясь объ участи маркиза Ливаро, предписалъ ему явиться въ Парижъ для представленія отчета объ его поведеніи, а Булье распорядился перевести изъ Лилля всѣ четыре полка, отправивъ ихъ по разнымъ дорогамъ²⁾.

Но въ то время, какъ пожаръ погасалъ на сѣверѣ, онъ вспыхнулъ на югѣ.

Изъ городовъ Франціи, гдѣ гордость военной аристократіи всего нетерпѣливѣе переносилась, была Марсель. Жители не могли примириться съ тѣмъ фактомъ, что именемъ короля солдаты приходятъ, поселяется у нихъ, ѣсть ихъ хлѣбъ, сидить у ихъ очага. Ихъ возмущала надменность этихъ придворныхъ военныхъ, самое присутствіе которыхъ казалось оскорбительнымъ, какъ присутствіе людей, совершенно бесполезныхъ для дѣятельнаго торговаго центра. Чтò особенно раздражало ихъ, это видъ фортовъ, которые, господствуя надъ городомъ, держали его подъ гнетомъ постоянной угрозы. Тѣмъ болѣе, что самые камни въ этихъ фортахъ говорили наглýmъ языкомъ. На воротахъ цитадели св. Іоанна, на примѣръ, красовалась слѣдующая надпись: *Людовикъ XIV докончилъ сооруженіе этой крепости, предназначенной для обузданія марсельцевъ, слишкомъ любящихъ свою независимость*³⁾. Надпись эта была уже очень дав-

¹⁾ Bertrand de Moleville, *Annales de la Révolution française*, t. II, chap. XXII.

²⁾ *Histoire abrégée de la Révolution, par l'auteur du Règne de Louis XVI*, t. I, liv. II.

³⁾ Prud'homme, *Histoire générale et impartiale des erreurs, des fautes et des crimes commis pendant la Révolution française*, t. III, p. 212. Paris. 1797.

няя, и теперь революція пришла изгладить ее: овладѣть фор-
тами и разрушить ихъ сдѣлалось любимой мечтой марсельцевъ.

Въ ночь на 29 апрѣля одинъ сержантъ національной гвар-
діи, по имени Дуане, собралъ вокругъ себя полсотню смѣльча-
ковъ и повелъ ихъ къ подножію крутыхъ скалъ, на которыхъ
былъ расположенъ фортъ Богородицы. Военная служба испол-
нялась тамъ лучше, чѣмъ во времена Башомона, который въ
своёмъ *Путешествіи* рассказываетъ, что нашелъ въ замкѣ, въ
качествѣ его защитниковъ, только швейцара съ алебардой, на-
малеваннаго на дверяхъ; но наши авантюристы вѣрили въ свое
мужество да въ счастье. Пользуясь темнотою, они вскарабка-
лись на вершину скалы и выждали тамъ разсвѣта, когда былъ
спущенъ подъемный мостъ. Бросившись тогда на часового, съ
пистолетомъ въ рукѣ, они форсировали входъ, обезоружили всѣ
посты и съ триумфомъ водрузили на верхушкѣ башни знамя
округа № 21, съ вышитыми на немъ словами: *Свобода или
смерть!*¹⁾

Они сидѣли за столомъ, празднуня свою побѣду, и пили за
здравіе націи, какъ вдругъ громкіе крики вызываютъ ихъ на
террасу. Они бѣгутъ туда и видятъ толпу вооруженныхъ горо-
жанъ, собирающуюся взять силой другіе форты. Штурмъ ока-
зался бесполезнымъ: форты капитулировали²⁾.

Къ несчастью, была пролита кровь въ опьяненіи отъ этого
блестящаго успѣха. Условились, что фортъ св. Іоанна будетъ
охраняемъ совмѣстно солдатами и горожанами. Кромѣ того, со-
ставили точный инвентарь пороховыхъ и оружейныхъ магази-
новъ, ключи отъ которыхъ долженъ былъ выдать кавалеръ
де Боссе. Неизвѣстно, по какому фатальному внушенію онъ
отказалъ, когда пришелъ моментъ выдать ихъ. Тщетно убѣ-
ждаютъ его: вмѣсто всякаго отвѣта, онъ приказываетъ, чтобы
мостъ былъ поднятъ и чтобы канониры бѣжали къ своимъ
орудіямъ³⁾. Началось бы страшное побоище, если бы солдаты
согласились повиноваться; но и они также дышали раскален-
нымъ воздухомъ революціи. «Не бойтесь ничего, кричали они
добровольцамъ, выстроившимся передъ ними въ боевомъ по-

¹⁾ *Gazette de Beaucaire*, цитируемая К. Демуленомъ, *Révolutions de France et de Brabant*, № 25.

²⁾ *Ibidem*.

³⁾ *Histoire abrégée de la Révolution française*, par l'auteur du *Règne de Louis XVI*, t. I, liv. I, p. 40.

рядкѣ, мы не будемъ стрѣлять въ васъ»¹⁾). Въ это время забили тревогу; толпа вооруженныхъ горожанъ все увеличивалась. Овладѣли кавалеромъ де Боссе, и съ угрожающими криками потащили его къ коммунальному дому. Несчастный пытался спастись бѣгствомъ: это и погубило его. Когда онъ стремительно бросился въ ближайшую встрѣтившуюся на пути лавку, одинъ марселецъ сразилъ его ударомъ сабли, и голову его, тотчасъ отрѣзанную и воткнутую на пику, носили по улицамъ города²⁾).

Этотъ кавалеръ де Боссе былъ братъ бывшаго епископа фрежюсскаго. Онъ служилъ прежде во флотѣ и отличился тамъ. Онъ обладалъ умѣньемъ говорить красиво, даже краснорѣчиво, особенно когда его одушевляло присутствіе женщины,—такъ по крайней мѣрѣ рассказывали о немъ; но его вѣтренность, его опрометчивыя насмѣшки, его вызывающее щегольство, высокоуміе создали ему не мало враговъ. Фатъ даже на своемъ кораблѣ, когда онъ имъ командовалъ, онъ никогда не показывался тамъ иначе, какъ со шляпой подъ мышкой и въ башмакахъ съ красными каблуками³⁾). Онъ искупилъ эти привычки, которыя, связанные въ умѣ народа слишкомъ раздражающими воспоминаніями, становились преступленіемъ!

Овладѣвъ фортами, марсельцы принялись разрушать ихъ; и работа была уже почти доведена до конца, какъ вдругъ они получили декретъ Національнаго Собранія, приказывавшій имъ остановиться⁴⁾).

Марсельское движеніе отдалось далеко, нашло подражателей близко. Цитадель св. Духа въ Монпелье перешла во власть горожанъ. Въ Валансѣ, Вуазенѣ, опасаясь той же участи для крѣпости, которою онъ командовалъ, распорядился усилить стражу, раздать патроны, зарядить двѣ пушки. Собравшійся народъ окружилъ домъ, который комендантъ занималъ въ городѣ; прибыли члены муниципалитета. «Надо судить его! кричала толпа. Въ церковь св. Іоанна! въ церковь св. Іоанна!» Коменданта привели туда, онъ оправдывался плохо и при выходѣ

1) Prud'homme, *Histoire générale des erreurs, des fautes et des crimes commis pendant la Révolution française*, t. III, p. 213.

2) Prud'homme, *Histoire générale des erreurs etc.*, t. III, p. 213.

3) *Ibidem*.

4) *Histoire abrégée de la Révolution etc.* t. I, liv. I, p. 41.

дило въ кордегардіи. Оттуда вышли со свѣчей. Незнакомецъ, какъ бы испугавшись, отступилъ, скрылся за ближайшей лавкой, затѣмъ сталъ, крадучись, пробираться вдоль домовъ, въ то время, какъ его лакей, оставшійся въ кабриолетѣ, предъявляя потребованный паспортъ ¹⁾. «Саварденъ!» сказалъ офицеръ, и случилось, что въ тотъ самый моментъ, когда было прознесено это имя, одна женщина, наблюдавшая въ тѣни таинственнаго путешественника, высказывала свои подозрѣнія одному фузелеру, по имени Пермезель ²⁾. Тотъ сейчасъ же припоминаетъ, что онъ читалъ въ газетахъ о донесеніяхъ, адресованныхъ въ комитетъ розысковъ, о письмахъ, присланныхъ изъ Турина, о заговорѣ, смутно приписываемомъ графу Майльбуа. Онъ бѣжитъ къ заставѣ, которую незнакомецъ просилъ открыть, говоря: «Я ѣду въ Савойю; я адъютантъ г. Лафайета; мой паспортъ въ ратушѣ, вмѣстѣ съ моимъ экипажемъ». Пермезель бросается на незнакомца, который блѣднѣетъ, смущается и даетъ себя отвести въ ратушу ³⁾.

При осмотрѣ его вещей, изъ маленькаго портфеля, завернутаго въ запечатанную бумагу, извлекли различныя бумаги, относящіяся къ заговору. Кромѣ того, ковфисковали *Счетную книгу*, очень обстоятельный дневникъ, гдѣ этотъ странный конспираторъ записывалъ, фактъ за фактомъ, препровожденіе своего времени. Онъ отмѣчалъ тамъ свои поѣздки въ Туринъ, свою переписку съ графомъ Майльбуа, свои визиты къ графу д'Артуа, къ принцамъ, къ выдающимся эмигрантамъ. Въ то время, какъ осматривали его бумаги, ему удалось выкрасть одну бумагу, которую онъ частью разорвалъ: это было письмо къ Мунье ⁴⁾.

На слѣдующій день собрался генеральный совѣтъ и рѣшилъ перевести арестанта въ Ліонъ. Онъ пробылъ тамъ только нѣсколько дней, былъ отправленъ въ Парижъ и заключенъ въ тюрьму Аббатства. Но уже комитетъ розысковъ имѣлъ объ интригахъ, агентомъ которыхъ былъ этотъ человѣкъ, данныя, не оставлявшія никакого сомнѣнія.

Первоначальная мысль о заговорѣ восходила къ февралю мѣсяцу 1790 г., и душой заговора былъ графъ Майльбуа.

¹⁾ *Rapport de Jean-Philippe Garran*. Показаніе Терезы Трепа.

²⁾ *Ibidem*, показаніе Пермезеля.

³⁾ *Ibidem*, показаніе Мореля, сержанта.

⁴⁾ *Ibidem*, протоколъ осмотра вещей и бумагъ Боннъ-Савардена.

Это был тот самый граф Майльбуа, который, служа в Германіи, в кампанію 1758 г., подъ начальствомъ маршала д'Эстре, былъ заподозрѣнъ въ умышленномъ разстройствѣ, изъ зависти, плановъ своего генерала и долженъ былъ защищаться отъ обвиненія въ государственной измѣнѣ¹⁾. Протежируемый придворными вліяніями противъ обвинительнаго приговора трибунала маршаловъ Франціи, онъ бравировалъ публику и своихъ судей. Обладая недюжиннымъ умомъ, снѣдаемый честолюбіемъ, не лишенный литературнаго дарованія, какъ это доказывали его комедіи *Maître en droit* и *Cadi dupé*, изданныя имъ подъ именемъ своего секретаря, графъ Майльбуа былъ привѣтствованъ какъ хорошій полководецъ королемъ прусскимъ Фридрихомъ II и привлеченъ на службу Голландской республики. Его назначили тамъ генералиссимусомъ войскъ, которыми прежде командовалъ герцогъ Виртембергскій²⁾. Но этого было мало этому безпокойному уму. Такъ какъ его всегда искушалъ постъ военнаго министра въ собственной странѣ, то онъ былъ вооруженъ противъ революціи не столько какъ знатный баринъ, сколько какъ честолюбецъ. Когда, во время блокады Парижа, столь неблагоразумно проектированной дворомъ, выборъ Людовика XVI остановился на маршалѣ Брольи, графъ Майльбуа былъ этимъ крайне раздосадованъ. Гдѣ его соперникъ потерпѣлъ неудачу, онъ льстилъ себя надеждой достигнуть успѣха³⁾; и, сдѣлавъ его нѣкогда измѣнникомъ, зависть сдѣлала его теперь заговорщикомъ.

Вотъ въ чемъ состоялъ его планъ: постараться склонить короля сардинскаго выставить двадцать пять тысячъ войска и дать ссуду въ шесть милліоновъ; убѣдить Испанію войти въ этотъ союзъ, и надѣялись получить отъ нея такъ же, какъ и отъ императора, помощь въ томъ и другомъ видѣ.

Не сомнѣвались, что твердо рѣшившіеся защищать свои права въ Эльзасѣ, герцоги Цвейбрюкенскіе, маркграфъ Баденскій, ландграфъ Гессенскій, всѣми силами будутъ поддерживать это предпріятіе.

Разъ конфедерация образовалась бы, Мунье и Лалли Толлендаль составили бы манифестъ, имѣвшій бытъ выпущеннымъ передъ выступленіемъ въ походъ.

¹⁾ *Règne de Louis XVI*, t. VI, § 27.

²⁾ *Ibidem*.

³⁾ *Histoire de la Révolution, par deux amis de la liberté*, t. VI, chap. XIV

Тогда пошли бы прямо въ Ліонъ, который былъ бы объявленъ столицей Франціи, чѣмъ навѣрно удалось бы привлечь его на свою сторону: одинъ корпусъ двинулся бы черезъ Брантъ, другой черезъ Лотарингію; аристократы овладѣли бы особой короля и отвезли бы его въ Ліонъ; соединенныя арміи, увеличивавшіяся на каждомъ шагѣ всѣми недовольными, шли бы на Корбейль, Санли и Мо, обезоруживая по дорогѣ муниципалитеты, заставляя ихъ присягать королю и отозвать своихъ депутатовъ, предполагая, что Національное Собраніе будетъ еще имѣть свои засѣданія; наконецъ, чтобы справиться съ Парижемъ, его держали бы въ блокадѣ до тѣхъ поръ, пока жители не были бы доведены голодомъ до необходимости сдаться¹⁾.

Такова была сущность меморіи, которую, въ февралѣ 1790 г., Майльбуа передалъ, написанную собственноручно, кавалеру Боннъ-Савардену, своему агенту при принцахъ. Но такъ какъ почеркъ графа былъ очень неразборчивъ, то Боннъ прежде, чѣмъ поѣхать въ Туринъ, далъ эту докладную записку переписать Массо де Гранъ-Мезону, одному изъ секретарей Майльбуа. Тотъ боялся быть скомпрометированнымъ; онъ рѣшилъ покинуть замокъ Тюри, гдѣ тогда жилъ Майльбуа, и, чтобы не возбудить подозрѣній, написалъ своей матери, чтобы она вызвала его домой²⁾. Отвѣтъ еще не пришелъ, когда Майльбуа однажды сказалъ ему: «Предупреждаю васъ, что я жду писемъ отъ кавалера Бонна. Они будутъ адресованы на ваше имя, съ такой надписью на конвертѣ: *Господину де Гранъ-Мезонъ, 91, улица Гренель-Сенъ-Жерменъ*. Вы передадите ихъ мнѣ, не читая». Бѣдный секретарь считалъ себя погибшимъ, и что еще болѣе усилило его страхи, это то, что онъ случайно увидѣлъ въ одномъ изъ этихъ писемъ слова: *Дорогой Гранъ-Мезонъ!* безцеремонно поставленныя кавалеромъ, вмѣсто словъ: *Дорогой Майльбуа!*³⁾. Такъ что эта корреспонденція, въ случаѣ, если бы ее открыли, служила бы уликой противъ него, а не противъ его хозяина. Подчиняясь совѣтамъ благоразумія, онъ тотчасъ же тайкомъ покинулъ замокъ⁴⁾.

При этомъ извѣстіи, Майльбуа, видя себя подвергающимся

¹⁾ *Rapport fait au comité des recherches de Philippe de Garran*, p. 5 et 6.

²⁾ № 1 предыдущаго доклада; оправдательные документы; показаніе Массо де Гранъ Мезонъ.

³⁾ *Ibidem*.

⁴⁾ *Ibidem*.

опасности страшнаго разоблаченія, рѣшилъ скрыться въ Голландію. Всѣ его надежды были разрушены, и горестъ его равнялась только его страху. По свидѣтельству Ленуара Дюкло, его камердинера, въ самый день отъѣзда, будучи за туалетомъ, графъ обнаруживалъ сильнѣйшее волненіе. Голова его была въ огнѣ, и онъ съ мрачнымъ видомъ бормоталъ: «Массо поступилъ жестоко»¹⁾.

Собственно этотъ послѣдній не ходилъ донести непосредственно комитету розысковъ; только, такъ какъ онъ открылъ другимъ хранимый имъ секретъ, то, вызванный комитетомъ, которому успѣшили сообщить объ этомъ открытіи, онъ разсказалъ все.

Въ то же время, и по странному совпаденію, парижская коммуна получила изъ Турина анонимныя письма, въ которыхъ извѣщали, что существуетъ заговоръ: что во главѣ его стоитъ графъ Майльбуа; что подробный планъ былъ представленъ графу д'Артуа, но что этотъ принцъ не желаетъ гражданской войны, такъ какъ обстоятельства не кажутся ему благопріятными; что онъ доволенъ своимъ настоящимъ положеніемъ и отвѣтилъ: *Нужно посмотреть, каковъ будетъ ходъ событій*. Былъ, однако, замыселъ, который эти письма приписывали туринской эмиграціи и который состоялъ въ томъ, чтобы искусно выдвинуть графа Майльбуа на постъ военнаго министра, удалить Монморена, избавиться отъ Неккера, подготовить въ нѣкоторыхъ провинціяхъ возстаніе и довести его до вѣпшыки²⁾.

Показаніе Массо де Гранъ-Мезона, бывшаго секретаря графа Майльбуа, и секретныя сообщенія, присланныя изъ Турина или изъ Ниццы, относились къ концу марта; арестъ Боннъ-Савардена, состоявшійся вечеромъ 30-го апрѣля, далъ комитету розысковъ возможность дополнить доказательства существованія заговора. И судите объ интересѣ, который возбудило это дѣло, когда въ публикѣ разнесся слухъ, что между скомпрометированными фигурируетъ одинъ министръ, графъ де Сенъ-При.

Сообщничество министра, повидимому, явствовало изъ разговора, который онъ имѣлъ, въ декабрѣ 1789 г., съ Боннъ-Саварденомъ, разговора, о которомъ открытъ былъ разсказъ, на-

1) *Rapport de Jean-Philippe Garran*, первое показаніе Ленуара Дюкло.

2) *Ibidem*, № 2.

писанный рукой этого послѣдняго и адресованный графу Майльбуа.

Документъ этотъ, не выражающій, впрочемъ, ничего, кромѣ очень неопредѣленнаго и смутнаго желанія конспирировать, тѣмъ не менѣе любопытенъ, по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи. Графа д'Артуа называли тамъ *Эрманомъ*, графа Майльбуа—*Адрианомъ*, де Броли—*Кюланомъ*, Бальи—*Ардиманомъ*, Лафайета—*Бервилемъ*. Графъ Сень-При обозначается тамъ подъ именемъ *Фарси*.

«Когда же, спрашиваю у Фарси,—это говоритъ Боннъ,—будетъ этому конецъ?»

— Конечно, долженъ быть срокъ, и если бы эта надежда не поддерживала насъ, то намъ нужно бы было скрыться и ждать момента, когда насъ зарѣжутъ.

— Но предвидите ли вы этотъ срокъ?

— Весна, такъ какъ эту пору года король выбралъ для объѣзда провинцій.

— Не боитесь ли вы, что милиція будетъ препятствовать?

— Ну что жъ! если ей хочется сдѣлать это, пусть дѣлаетъ; но когда мы прочно утвердимся, тогда посмотримъ.

— Да, я понимаю, если бы у васъ было войско; но гдѣ вы его найдете?

Онъ ничего не отвѣтилъ.

— Какъ вы избавитесь отъ *Бервилля*. Честолюбіе его обширно, и онъ имѣетъ возможность осуществить его.

— Полноте! Бѣдняга находится въ болѣе затруднительномъ положеніи, чѣмъ мы.

— Говорятъ объ его планахъ; онъ хочетъ быть коннетаблемъ.

— А я думаю, что онъ хочетъ быть чѣмъ угодно, только до тѣхъ поръ, пока не составлена конституція, и что тогда онъ сейчасъ же оставитъ всю эту толпу.

— Но, вѣдь, онъ оставитъ ее только для того, чтобы поставить на ее мѣсто что-либо другое.

— Когда мы будемъ имѣть дѣло только съ нимъ, у насъ не будетъ недостатка въ средствахъ.

— Но вамъ будетъ недоставать генерала, если вы не привяжете къ себѣ *Адриана*. Никто во Франціи не можетъ соперничать съ нимъ въ талантахъ, въ находчивости...

— Вы хотите убѣдить меня въ томъ, въ чемъ я и безъ того

убѣжденъ. Я знаю его, но это не въ моей власти. Впрочемъ, я не говорю, чтобы это было невозможно.

— Но если, по несчастію, это не сбудется, возьмете ли вы г. Кюлана?

— Какой вздоръ! Онъ такъ велъ себя, что отбилъ охоту у самыхъ упрямыхъ»¹⁾.

Боннъ-Саварденъ предсталъ предъ комитетомъ розысковъ, былъ допрошенъ и защищался съ подавляющей для него неловкостью. Онъ не могъ объяснить ни того, почему онъ присвоилъ себѣ не принадлежавшіе ему титулы, ни того, почему онъ путешествовалъ подъ именемъ только Савардена, когда найденныя у него бумаги свидѣтельствовали, что прежде онъ всегда именовался только Бонномъ. Онъ отрицалъ факты, неопровержимо установленные протоколами, снабженными многочисленными подписями. На первомъ допросѣ онъ объявилъ, что не помнитъ, отъ кого было письмо, адресованное Мунье; а впоследствии сознался, что оно было отъ г. Лашатръ. Спрошенный о значеніи словъ въ письмѣ Майльбуа: *близкое паденіе заговора*, онъ глупо отвѣтилъ, что это была *небрежность стили*. Разговоръ 5 декабря ускользалъ отъ всякаго отрицанія съ его стороны, какъ описанный его собственной рукой: онъ утверждалъ, что не знаетъ того лица, съ которымъ разговаривалъ, по той единственной причинѣ, что, въ его критикѣ, это лицо носило условленное имя. «Но, возразили ему, вапъ дневникъ называетъ только одну особу, которую вы видѣли 5 декабря, и это былъ графъ де Сень-При.—«Да, *кажется*, это былъ онъ, отвѣтилъ Саварденъ, но не могу утверждать этого, изъ опасенія компрометировать истину»²⁾.

Мы увидимъ далѣе, какъ окончилось это дѣло, которое подало поводъ къ цѣлому ряду романическихъ инцидентовъ, отозвалось на трибунѣ, скомпрометировало совершенно неожиданно двухъ членовъ Національнаго Собранія и способствовало низверженію министерства. Пока не забудемъ рассказать о заговорѣ другого рода, который, подъ внѣшностью фанатизма, суевѣрія, обнаружилъ неустанную глухую работу иллюминизма, не того, основанія котораго заложилъ столь смѣлой рукой Вейс-

¹⁾ Разговоръ этотъ приведенъ *in extenso* въ *Histoire de la Révolution par deux amis de la liberté*, t. IV, chap. XIV.

²⁾ *Rapport de Jean-Philippe Garran*, p. 16—24.

гаунтъ, а того, который роялисть Бишофсвердеръ представлялъ при дворѣ короля прусскаго. Въ какія времена умъ человѣческій не любилъ отдыхать въ томъ ложѣ, полномъ сновидѣній суевѣрія, о которомъ гдѣ-то говоритъ Камилль Демуленъ? Сени, возвѣстивъ съ печальнымъ видомъ о какой-то вѣщей звѣздѣ, близкой къ закату, смутилъ гордый духъ Валленштейна, а Карль I, не зная, куда бы ему лучше пойти, чтобы избѣжать эшафота, поручилъ мистрисъ Уэрвудъ спросить совѣта у астролога Вильяма Лилли!

Въ Нанси, въ 1790 г., жила одна дама, по имени Леклеркъ Томассенъ, славившаяся своей наукой оккультизма. Она имѣла, говорили, могучія видѣнія, видѣла пророческіе сны. И не только въ подонкахъ невѣжества она проявляла власть своего мистицизма: она очаровала своими бреднями многихъ образованныхъ и считала въ числѣ своихъ адептовъ, между прочимъ, г-жу де-Жюмильякъ, жену генераль-лейтенанта французской арміи, и д'Аржанса, батальоннаго командира въ полку короля ¹⁾).

Въ сущности, прославленные сны г-жи Томассенъ, ея бесѣды съ Пресвятой Дѣвой, ея сношенія съ ангелами, все это было не что иное, какъ способъ контръ-революціонной пропаганды, тѣмъ болѣе опасный, что онъ представлялъ тотъ характеръ нелѣпости, который создаетъ фанатиковъ и вооружаетъ ихъ. Но управление легковѣрными умами требуетъ сильныхъ рукъ. Когда презираешь людей до того, что хочешь руководить ими, обманывая ихъ, то нужно по крайней мѣрѣ прикрывать какимъ нибудь превосходствомъ смѣлость такого покушенія. Этого-то нансіейскіе мистики не сдѣлали, и одно смѣшное приключеніе ознаменовало конецъ ихъ успѣховъ.

Однажды, во время пребыванія короля въ Сень-Клу, два незнакомца, одѣтые въ черное и при шпагахъ, проникли въ замокъ около десяти часовъ утра и усѣлись въ одной изъ послѣднихъ комнатъ, смежныхъ съ апартаментомъ Людовика XVI. Тамъ, въ недалекомъ разстояніи одинъ отъ другого, и постоянно въ молчаніи и неподвижно, они провели весь день, безъ пищи и питья. Въ ихъ позѣ было столько увѣренности, что, предполагая у нихъ разрѣшеніе короля, придворные служители не посмѣли разспрашивать ихъ. Однако, когда насталъ вечеръ, ихъ пригласили удалиться, что они и сдѣлали молча;

¹⁾ *Règne de Louis XIV*, t. VI, § 27.

но они остались прогуливаться съ важнымъ видомъ въ дворахъ замка, и пришлось выпроводить ихъ, когда пришла пора запереть ограду. Они продолжали бродить вокругъ замка, такъ что, наконецъ, были арестованы, какъ личности подозрительныя. Они объявили, что зовутъ ихъ Петромъ и Павломъ и что они должны исполнить приказъ свыше. Оставленные подъ приглядомъ до утра, они показывали величайшее спокойствіе, не произнесли ни одного слова, не сдѣлали ни одного движенія и не дотронулись до предложенной имъ пищи. На слѣдующій день, по полученіи отъ короля извѣщенія, что онъ не вызывалъ никого въ Сенъ-Клу, муниципальные чиновники отправились къ арестованнымъ и подвергли ихъ допросу.

Все, чего удалось добиться отъ нихъ, послѣ настойчивыхъ разспросовъ, это то, что одинъ изъ нихъ былъ сынъ казначея въ Корсикѣ и назывался Пти Жанъ, а другой былъ сынъ знаменитаго генеалогиста д'Озье. Ихъ обыскали. У д'Озье оказалась въ карманѣ полоса пергамента, гдѣ были написаны слѣдующія слова: *Людовикъ XVI, ты потерялъ твою корону въ Версаль, ты найдешь ее въ Сенъ-Клу.* Пти Жанъ носилъ на себѣ, вмѣстѣ съ образкомъ Божіей Матери, письмо отъ Нея, начертанное на веленовой бумагѣ и адресованное королю. Это посланіе Пресвятой Дѣвы указывало Людовику XVI, въ стилѣ, къ несчастію, слишкомъ ясно, хотя сгранномъ, путь, которымъ онъ долженъ идти. Оно было написано въ формѣ діалога: «Кто тебя сдѣлалъ королемъ?—Богъ.—Для чего ты король?—Для того, чтобы управлять *одному* моимъ королевствомъ и вести мою армію противъ тѣхъ, кто не признавалъ бы моей власти». Два иллюмината, оба очень юные, были отправлены въ Парижъ и заключены тамъ въ тюрьму Аббатства.

По произведенному слѣдствію оказалось, что посланіе Пресвятой Дѣвы къ Людовику XVI было продиктовано г-жой Томассенъ и написано д'Аржансомъ. Ихъ обоихъ арестовали, такъ же какъ и г-жу Жюмильякъ, которая подговорила д'Озье къ его сумасбродной выходкѣ.

Однако, дѣлу не было дано хода, и оно не заслуживало бы произведеннаго имъ шума, если бы не было связано съ цѣлой системой усилій того же рода, направленныхъ противъ революціи. Ибо въ это же время открыли секретные циркуляры, составленные въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Братъ и другъ, нѣсколько времени тому назадъ не знали, какъ сдѣлать приданое

невѣстѣ: теперь это приданое сдѣлано. Свадьба должна скоро состояться. Сдѣлай нужныя приготовления, чтобы присутствовать на ней въ *костюмѣ*. Костюмъ означалъ пистолеты. Съ другой стороны, узнали, что производилась тайная вербовка въ Парижѣ; что каждому завербованному выдавали пять луидоровъ и мундиръ, отличавшійся отъ мундира національной гвардіи только тѣмъ, что первый имѣлъ назади одной пуговицей меньше. Пароль заговорщиковъ былъ: *имѣете ли мужество?* На что они отвѣчали, показывая бѣлую кокарду, которую обязаны были носить скрытно подъ жилетомъ.

Такъ боролась контръ-революція: она волновала и тревожила совѣсть людей, она внушала военной гордости буйныя мысли, она старалась вводить въ заблужденіе болѣзненные воображенія, она овладѣла священникомъ, она хотѣла выдвинуть впередъ солдата, она вдохновляла мистика.

Но революція шла своимъ путемъ.

ГЛАВА IX.

Организація судебной части.

Объ исторіи мысли.—Бергасъ, противникъ Бомарше.—Прекрасная рѣчь Бергаса объ организаціи судебной части.—Главный прокуроръ Дюонъ; дѣло бордоскаго парламента.—Великія задачи, подлежавшія разрѣшенію.—Докладъ Туре о судоустройствѣ.—Будетъ ли введенъ институтъ присяжныхъ застѣдателей? Рѣчь Дюпора; суды присяжныхъ вотированъ по уголовнымъ дѣламъ.—Мнѣнія Дюпора, Барнава, Сьейса, Робеспьера, относительно института суда присяжныхъ въ гражданскомъ судопроизводствѣ.—Легисты въ Учредительномъ Собраніи.—Дебаты по вопросу о томъ, быть ли судамъ осѣдлыми или разъѣзжающими; шутки К. Демулена; вопросъ рѣшенъ въ пользу постоянного пребыванія судовъ.—Для чего нужны апелляціонные суды?—Несмѣняемость судей отвергнута.—Собраніе единогласно рѣшаетъ, что судьи должны быть избираемы народомъ.—Горячая борьба по поводу вопроса объ инвеститурѣ.—Казалесь; его портретъ; его краснорѣчивыя декламации; рѣшеніе вопроса объ инвеститурѣ.—Институтъ прокурорскаго надзора.—Кассаціонный трибуналъ.—Коммерческіе суды.—Учрежденіе мировыхъ судей.—Послѣдовательные декреты объ организаціи различныхъ отраслей юстиціи.—Общій взглядъ на систему судоустройства.—Декретъ объ учрежденіи суда присяжныхъ.—Вѣрныя замѣчанія Лустало о необходимости единогласія, въ случаѣ осужденія.—Великое дѣло реорганизаціи судебной части совершено.

Общества имѣютъ не только тѣло, но и душу, и когда душа измѣнилась, преобразовывается и тѣло. Всякая глубокая революція есть эволюція. Если невольное чувство ужаса соединяется, и теперь еще, съ воспоминаніемъ о героическихъ временахъ, въ которыя жили наши дѣды, то въ этомъ виноваты тѣ, которые,

имѣя передъ собой задачу написать умственную и внутреннюю исторію революціи, написали лишь ея внѣшнюю исторію. Тамъ, гдѣ позади пожара была иллюминація, видѣли только пожаръ. Разсказали о грозахъ, происшедшихъ отъ тайнаго волненія мыслей; съ страшнымъ искусствомъ нарисовали образъ гильотины въ движеніи; точно сосчитали, послѣ битвы, всѣхъ павшихъ и выставили ихъ окровавленные трупы на парадныхъ ложахъ, на проходѣ потомства. Но возвышенныя усилія ума, борющагося противъ неизвѣстнаго; но труды, продолжающіеся понынѣ; но столько трудно достигнутыхъ побѣдъ; но столько гениальныхъ ударовъ, нанесенныхъ въ пользу грядущихъ поколѣній,—вотъ что было либо упомянуто вскользь, либо отмѣчено какъ бы съ сожалѣніемъ, либо забыто. А между тѣмъ въ этомъ именно и была живая часть исторіи... живая, ибо это та ея часть, которая продолжалась до нашихъ дней, та, въ рамку которой вставлено наше существованіе, та, которая касается нашихъ самыхъ дорогихъ желаній, нашихъ живѣйшихъ привязанностей...

Во время своихъ знаменитыхъ ссоръ, Бомарше встрѣтилъ упорнаго и жестокаго соперника, который на его шутки отвѣчалъ грубостью, на его колкости оскорбленіями, человѣка, котораго это самое прославило, Николая Бергаса. Публицистъ, одушевляемый тогда новымъ духомъ, Бергасъ проповѣдывалъ, какъ Серванъ и Беккарія, гуманность въ уголовномъ правосудіи ¹⁾. Магнетизеръ, онъ предался иллюминизму. Экзальтированный адвокатъ, исполненный сомнѣній—до того, что воображалъ себя олицетвореніемъ морали и добродѣтели, онъ заинтересовалъ всю Францію и Европу дѣломъ, которое онъ защищалъ и проигралъ противъ Бомарше, въ процессѣ Корнманъ, громкомъ процессѣ, который, на минуту, заставилъ забыть о собраніи нотаблей, о дебатахъ Колонна и Неккера, о дефицитѣ, почти о революціи. Бергасъ, депутатъ отъ ліонскаго сенешальства, казалось, былъ естественно предудказанъ Національному Собранію для подготовки его реформъ въ области юстиціи. Въ самомъ дѣлѣ, процессъ Корнманъ, простое дѣло объ адюльтерѣ, оконченный только въ 1789 г., выдвинулъ Бергаса, какъ мстителя за принципы. Расширяя рамки преній, онъ гремѣлъ противъ

¹⁾ См. его *Discours sur l'humanité des juges dans l'administration de la justice criminelle*, написанную въ Ліонѣ, въ 1774 г., напечатанную только въ 1787 г.

произвола министровъ, соболъзноваль о попираемыхъ законахъ, обличаль порчу нравовъ и предсказываль близкій переворотъ¹⁾. Фигаро обвиняль юстицію, чтобы защищать себя; патронъ Бартоло обвиняль ее, чтобы разбить своего противника: реформа была такимъ образомъ провозглашена обоими лагерями.

Составленный Бергасомъ докладъ объ организаціи судебной части представляль замѣчательный трудъ. Собраніе выслушало его въ засѣданіи 17-го августа 1789 г. Но въ то время, какъ оно занималось изученіемъ этой обширной реформы, за стѣнами его грохоталъ всеобщій мятежь, прерывая каждый день его занятія. Приходилось преслѣдовать торжественную цѣль среди движеній быстро развивавшейся революціи. Только въ мартѣ 1790 г., послѣ многихъ предварительныхъ совѣщаній, открылись, наконецъ, пренія по этому вопросу.

Тогда припомнили возвышенные принципы и ясныя понятія, изложенные въ докладѣ Бергаса, который мало оставилъ дѣла новаторамъ.

Въ этомъ внушительномъ, очень обширномъ докладѣ, изъ котораго мы можемъ выяснитъ здѣсь лишь самыя выдающіяся черты, Бергасъ говорилъ:

«Дѣйствіе судьи постоянно и касается всѣхъ нашихъ дѣяній, такъ какъ оно имѣеть цѣлью обезпечивать то, что дозволено, и препятствовать тому, что запрещено.

«Есть два вида свободы: свобода политическая и свобода гражданская; одна есть право способствовать утверженію того, что дозволено, другая есть способность дѣлать то, что не запрещено.

«Онѣ солидарны; кто уничтожаетъ одну, задѣваетъ и другую.

«Такъ какъ назначеніе судей состоитъ въ обезпеченіи свободы, то они должны зависѣть единственно отъ воли націи.

«Никакая власть не должна быть организуема и ограничиваема съ болѣе тревожной осторожностью, чѣмъ власть судьи, такъ какъ, имѣя нашу свободу подъ своей защитой, онъ держитъ ее въ своихъ рукахъ.

«Такъ какъ изъ всѣхъ нашихъ душевныхъ движеній страхъ всего болѣе портитъ насъ, то, если судья внушаетъ только страхъ, онъ можетъ извратить національный характеръ, приви-

¹⁾ Объ этомъ онъ писалъ королевѣ, поднося ей свой мемуаръ.

вая гражданамъ подлыя повадки рабскаго народа тамъ, гдѣ конституція желаетъ смѣлой поступи свободнаго народа.

«Правосудіе будетъ дурно организовано:

«если суды многочисленны, потому что тогда они образуютъ могущественныя корпораціи, гдѣ вѣдрится аристократія;

«если власть судить составляетъ собственность судьи, потому что тогда его авторитетъ не зависитъ отъ тѣхъ, кто долженъ подчиняться ему, и, слѣдовательно, свобода ихъ будетъ въ опасности;

«если власть судить принадлежитъ судьямъ, который осуществленіе ея передаетъ другому, потому что тогда этотъ послѣдній зависитъ отъ человѣка, а не отъ закона;

«если народъ не вліяетъ на выборъ судей, потому что, исходя отъ верховной власти, назначеніе на судебныя должности было бы цѣной лести или интриги;

«если правосудіе не всѣмъ доступно, потому что недоступность его благопріятствуетъ господству сильнаго надъ слабымъ;

«если правосудіе не даровое, потому что правосудіе есть долгъ, по знаменитому выраженію Альфреда Великаго, и, слѣдовательно, нелѣпо требовать плату за уплату долга. Притомъ же оплачиваемое правосудіе недоступно бѣдному, что есть преступленіе противъ принципа равенства, и когда судья обогащается отъ своей должности, онъ рискуетъ открыть свою душу корыстолюбію. А корыстолюбивый судья есть рабъ того, кто платитъ, тиранъ того, кто не можетъ платить.

«Это не все; нужно еще,

«чтобы судопроизводство было гласное, дабы судьи были сдерживаемы неподкупной силой общественнаго мнѣнія и цензурой честныхъ людей;

«нужно, чтобы судья не имѣлъ права толковать законъ, давая ему распространительное толкованіе.

«нужно, чтобы, составляя гарантію для обвиняемаго, формы уголовной процедуры успокаивали невиннаго;

«нужно, чтобы защита была поставлена въ равныя условія съ обвиненіемъ и чтобы подсудимому было позволено противопоставить всю свою жизнь тому преступленію, въ которомъ его обвиняютъ;

«нужно, чтобы представитель магистратуры, примѣняющій законъ, былъ не тотъ самый, отъ котораго исходитъ постановленіе о преданіи суду и заключеніи подъ стражу, и чтобы такимъ

образомъ судья, сдѣлавшій подобное постановленіе по неосновательнымъ подозрѣніямъ, не былъ склоненъ, подъ вліяніемъ предубѣжденія или самолюбія, оправдать неправымъ осужденіемъ неправильно сдѣланное постановленіе;

«нужно, чтобы, подобно мечу, который не можетъ нанести ударъ иначе, какъ приведенный въ движеніе посторонней силой, судья не могъ примѣнить законъ прежде, чѣмъ инкриминируемое преступленіе будетъ удостовѣрено рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей;

«нужно, чтобы подсудимый имѣлъ право обжаловать приговоръ и чтобы такимъ образомъ онъ имѣлъ передъ собой лишь власть, которая охраняетъ, вмѣсто власти, которая угнетаетъ;

«нужно, наконецъ, чтобы судья былъ отвѣтственнымъ, и, за исключеніемъ случаевъ злоупотребленія по должности, несмѣняемымъ, чтобы не быть въ страхѣ за свое служебное положеніе».

Бергасъ не скрылъ, что эти идеи, столь новыя повидимому, были заимствованы изъ юриспруденціи англичанъ и свободной Америки. Оттуда пришелъ этотъ величественный, по его выраженію, институтъ суда присяжныхъ, который въ первый разъ примирилъ гуманность съ юстиціей, свободу съ закономъ.

Оставался еще одинъ деликатный вопросъ, именно вопросъ о полиціи.

Бергасъ имѣлъ ее противникомъ или, вѣрнѣе сказать, врагомъ въ томъ громкомъ процессѣ, гдѣ онъ обвинялъ шефа полиціи, пресловутаго Лемуара, въ снятіи произвольно *lettre de cachet*, полученнаго противъ дамы Корнманъ, съ цѣлью сдать ее ея любовникамъ: князю Нассаускому и Бомарше. Кромѣ того, Бергасъ, какъ адептъ магнетизма, былъ раздраженъ тѣмъ, что полиція преслѣдовала Месмера и разрѣшила къ представленію комедіи¹⁾, гдѣ осмѣивали этого великаго челоуѣка и его мысль. Это непріязненное чувство, воспоминаніе, еще свѣжее, о дѣлѣ, которое онъ велъ съ такой страстью и съ такимъ гнѣвомъ, вѣроятно, и продиктовали ему слѣдующія слова, впрочемъ, совершенно вѣрныя:

«Это нашей полиціи, столь необдуманно восхваляемой, ея мелочнымъ мѣрамъ предосторожности для поддержанія мира среди насъ, ея тираннической организаціи, ея дѣятельности,

¹⁾ См. дополненіе къ *Biographie universelle*, на словѣ Bergasse.

всегда проникнутой недоувѣриемъ и никогда не проявляющейся иначе, какъ для того, чтобы сѣять страхъ и подозрительность въ сердцахъ, ненавистному секрету ея наказаній и ея мщений, мы были такъ долго обязаны уничтоженіемъ нашего національнаго характера, забвеніемъ всѣхъ добродѣтелей нашихъ отцовъ, нашимъ постыднымъ терпѣніемъ въ рабствѣ, духомъ интриги, замѣнившимъ духъ общественности, и тѣмъ темнымъ своеволіемъ, которое господствуетъ вездѣ, гдѣ не царить свобода».

Относительно полицейскихъ судей Бергасъ требовалъ, чтобы послѣ извѣстнаго срока, двухъ или трехъ лѣтъ, законъ поставилъ ихъ въ зависимость отъ назначенія народомъ; онъ былъ того мнѣнія, что человѣкъ не посмѣетъ злоупотреблять властью, которая, въ послѣдствіи, будучи осуществлена другимъ, можетъ обратиться противъ него самого. «Полицейскіе судьи,—говорилъ онъ,—должны быть скорѣе, чѣмъ всякіе другіе, выбираемы народомъ, потому что ихъ власть по самому ея свойству болѣе произвольна, вслѣдствіе чего въ назначеніи ихъ мы ввѣряемся скорѣе человѣку, чѣмъ закону». Онъ прибавилъ, кончая свою рѣчь: «Я отмѣтилъ подводные камни: этимъ и указанъ путь».

Въ засѣданіи 24-го марта 1790 г., Національное Собраніе выслушало Туре, своего юрисконсульта, своего дѣльца, Сьейса—практика, какъ его вѣрно охарактеризовалъ Мишле. Усвоивъ себѣ идеи Бергаса, который тѣмъ временемъ удалился со сцены, Туре прибавилъ къ нимъ новые взгляды. Онъ возвѣстилъ, что комитетомъ конституціи, отъ имени котораго онъ говоритъ, выработанъ очень простой планъ, именно установленіе послѣдовательныхъ степеней юстиціи, отъ мирового судьи для кантоновъ до высшаго трибунала для всего королевства, проходя чрезъ суды окружные, департаментскіе и апелляціонные. Онъ говорилъ о смѣлой реорганизаціи правосудія на развалинахъ всѣхъ старыхъ трибуналовъ. Онъ не пощадилъ тѣхъ высшихъ судебныхъ учреждений, которыя были заражены подкупностью и въ которыхъ было такъ мало членовъ, чувствовавшихъ біеніе сердца гражданина подъ тогой судьи. Только что передъ этимъ Національное Собраніе призывало на свой судъ президента и главнаго прокурора бордоскаго парламента, по поводу одного реквизиторія (прокурорскаго требованія) и постановленія, въ которыхъ возобновились возмутительныя максимы парламентовъ Тулузы, Руана, Ренна. Обвиняя Національное Собраніе, которое онъ называлъ презрительной кличкой *собранія уездныхъ депута-*

товъ, главный прокуроръ Дюдонъ металъ грома противъ самой революціи, и, подъ прикрытіемъ предложенія объ укрощеніи безпорядка, онъ, такъ сказать, требовалъ, чтобы парламентъ совершилъ, въ свою очередь, оппозиціонный актъ. Этотъ реквизицій и соотвѣтствующее ему парламентское постановленіе возмутили населеніе Бордо, муниципалитетъ, милицію. Постановленіе было сожжено на площади, въ силу рѣшенія собравшейся толпы, каковое рѣшеніе было прочитано вечеромъ въ театрѣ, при аплодисментахъ всей залы. Вмѣшалась и пресса. *Ecce iterum Crispinus* (вотъ опять Криспинъ!), сказалъ *Patriote français*, и спрашивалъ съ негодованіемъ, позволительно ли оскорблять населеніе юга до такой степени, чтобы передѣлать въ жестокости, въ смертоубійства, въ разгромы, пожары нѣсколько сожженныхъ церковныхъ скамеекъ, нѣсколько снятыхъ флюгарокъ. Національное Собраніе было ознакомлено съ сущностью дѣла депутаціей бордосцевъ, между которыми выдавался одинъ изъ Бойе-Фонфредовъ; но болѣе спокойное, чѣмъ толпа, оно хотѣло дать примѣръ умѣренности въ своемъ собственномъ дѣлѣ, и согласилось выслушать защиту бордоскаго главнаго прокурора изъ устъ Дюдона-сына, находившагося тогда въ Парижѣ. Молодой человѣкъ былъ допущенъ къ барьеру и оправдывалъ своего отца, какъ могъ, послѣ чего Собраніе приказало вызвать президента и главнаго прокурора парламента для дачи ими отчета въ своемъ поведеніи, при чемъ Дюдонъ былъ освобожденъ отъ личной явки, по *причинѣ его преклонныхъ лѣтъ*¹⁾.

Эти обстоятельства, натурально, вновь оживили интересъ дебативъ о судебной реформѣ. Со всѣхъ сторонъ посыпались предложенія, законопроекты, брошюры. Делле-д'Ажье, депутатъ отъ провинціи Дофине, Дюпоръ, аббатъ Съейсъ и Туре, отъ имени комитета, представили каждый свои планы. Но такъ какъ въ этомъ скрещеніи различныхъ системъ легко было запутаться, то Бареръ предложилъ рядъ органическихъ вопросовъ, способныхъ внести порядокъ въ работу Собранія:

Будетъ ли введенъ судъ присяжныхъ?

Будетъ ли онъ введенъ по гражданскимъ дѣламъ, какъ и по уголовнымъ?

Будутъ ли суды, постоянно пребывающіе въ одномъ мѣстѣ, или суды разъѣзжающіе?

¹⁾ *Moniteur*, вечернее засѣданіе 4 марта.

Будутъ ли судьи выбираемы пожизненно или періодически?
 Будутъ ли судьи, избранные народомъ, утверждаемы ко-
 ролемъ?

Лица прокурорскаго надзора будутъ ли назначаемы ко-
 ролемъ?

Будутъ ли степени юрисдикціи?

Будутъ ли спеціальныя суды для дѣлъ, относящихся къ
 торговлѣ, къ налогамъ и т. п.?

Два первые вопроса, собственно говоря, сливались въ одинъ.
 Въ самомъ дѣлѣ, всѣ были согласны насчетъ необходимости вве-
 денія во Франціи суда присяжныхъ, или, вѣрнѣе сказать, о воз-
 становленіи его въ странѣ; ибо этотъ прекрасный институтъ су-
 ществовалъ нѣкогда въ Галліи, до завоеванія ея римлянами,
 когда, въ муниципіяхъ, граждане были засѣдателями на судѣ.
 Позднѣе онъ былъ въ полной силѣ у норманновъ, и это одному
 изъ ихъ вождей, Вильгельму Завоевателю, Англія и была обя-
 зана этимъ учрежденіемъ, которое Франція теперь, казалось,
 заимствовала у нея. Въ Англіи, однако, граждане, называвшіеся
присяжными, были въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ не болѣе,
 какъ простыми *свидѣтелями*, и только въ царствованіе Ген-
 риха VII *свидѣтели* превратились въ *судей факта*¹⁾.

Дюпоръ въ слишкомъ длинной и не отличавшейся ясностью
 рѣчи представилъ соображенія, имѣвшія, впрочемъ, рѣшающее
 значеніе.

«Всякое сужденіе,—говорилъ онъ,—есть сравненіе даннаго
 факта съ закономъ; и такъ какъ нельзя сравнивать сомнитель-
 ный фактъ съ положительнымъ закономъ, то нужно, чтобы фактъ
 былъ хорошо извѣстенъ и точно установленъ, прежде чѣмъ про-
 изнести сужденіе. Но можно ли ввѣрить однимъ и тѣмъ же ли-
 цамъ заботу констатировать фактъ и заботу примѣнить законъ?
 Нѣтъ, ибо такое смѣшеніе лицъ можетъ привести къ тому чу-
 довищному явленію, что человѣкъ будетъ осужденъ, имѣя за
 себя большинство судей. Напримѣръ, изъ девяти представите-
 лей магистратуры, призванныхъ судить данное преступленіе,
 четверо думаютъ, что преступленіе совершено и что виновный
 заслуживаетъ смертной казни; трое думаютъ, что преступленіе
 есть, но что смертная казнь непримѣнима; наконецъ, двое ду-
 маютъ, что преступленіе заслуживало бы смерти, но что оно не

¹⁾ *Political dictionary*, vol. II, p. 148. London, 1848.

было совершено. Слѣдовательно, изъ девяти судей подсудимый имѣеть за себя пятерыхъ, которые, подъ вліяніемъ своей неувѣренности разнаго рода, спасли бы ему жизнь. А между тѣмъ, благодаря необходимости, въ которую они поставлены, дать двойное сужденіе, образуются въ этомъ случаѣ два искусственныхъ большинства: первое—изъ семи голосовъ, по вопросу о преступленіи; второе, изъ шести голосовъ, по вопросу о наказаніи. Такъ что, вслѣдствіе комбинаціи, возмущающей чувство гуманности, тотъ же самый судья, который, высказывая сужденіе о фактѣ, не нашель подсудимаго виновнымъ, вынужденъ осудить его при второмъ голосованіи, высказывая свое мнѣніе относительно наказанія. Ничего, слѣдовательно, нѣтъ нелѣпнѣе, опаснѣе, какъ сужденіе о правѣ и о фактѣ, предоставленное однимъ и тѣмъ же лицамъ. Нуженъ одинъ магистратъ для оцѣнки факта преступления, это—присяжный засѣдатель; другой для примѣненія мѣры наказанія, это—судья ¹⁾. Присяжный засѣдатель говоритъ: вотъ преступное дѣяніе; судья говоритъ: вотъ законъ.

Но судъ присяжныхъ представляетъ не меньшій интересъ относительно свободы гражданъ, какъ и относительно правосудія. Дюпоръ видѣлъ эту сторону вопроса: Туре настаивалъ на ней. Онъ изобразилъ страхъ, который внушаютъ въ провинціи эти большія суды, вооруженные правомъ жизни и смерти; онъ спрашивалъ, не ужасно ли оставлять эту силу меча въ рукахъ многочисленныхъ корпорацій, которыя, поставленные въ возможность сообщая осуществлять свою власть, удовлетворяютъ свои интересы, свои страсти, могутъ выжидать многіе годы удобнаго случая, чтобы нанести ударъ гражданину, пѣлому семейству! Свобода будетъ ограждена только тогда, когда обвиняемый будетъ судимъ себѣ равными, а роль судьи будетъ сведена къ безстрастію закона.

Всѣ согласны, впрочемъ, что привычка судить преступления дѣлаеть судью черствымъ, лишаетъ его проблесковъ чувства, постепенно уничтожаетъ у него нравственныя качества которыхъ требуетъ столь деликатная функція. Посмотрите на молодого судью, начинающаго свою карьеру: онъ безпокоенъ, нерѣшителенъ, кропотливъ до скрупулезности, испытываетъ страхъ, когда прихо-

¹⁾ Планъ Сьейса, не сдѣланнаго этого капитальнаго различенія былъ отвергнутъ, по настоянію Дюпора. См. *Aperçu d'une nouvelle organisation de la justice en France*, pour M. l'abbé Sieyès, mars 1790. Paris.—*Bibliothèque historique de la Révolution*, №№ 1086, 1087.

дится произнести смертный приговоръ своему ближнему; онъ уже много разъ видѣлъ доказательство, и все еще старается увѣриться, что оно существуетъ. Посмотрите на него лѣтъ черезъ десять, особенно если онъ пріобрѣлъ репутацію *великаго криминалиста*: онъ сдѣлался беззаботнымъ и черствымъ, рѣшающимъ по первому впечатлѣнію, рѣшающимъ съ-плеча, безъ тщательнаго изслѣдованія дѣла, едва сознающимъ, что должно различать между обвиняемымъ и виновнымъ, и посылающимъ на казнь несчастныхъ, память которыхъ правосудіе скоро должно будетъ реабилитировать».

Собраніе приняло предложеніе объ установленіи суда присяжныхъ по уголовнымъ дѣламъ; но по вопросу о томъ, вводить ли его также и по гражданскимъ дѣламъ, голоса раздѣлились.

Введенія требовали многіе выдающіеся умы: таково было мнѣніе Дюпора, Сьейса, Робеспьера, Варнава. Почему отказывать въ судѣ присяжныхъ тяжущемуся, если онъ данъ обвиняемому? Въ одномъ случаѣ дѣло идетъ о свободѣ или о жизни, въ другомъ—объ имуществѣ и о чести. «А кто же изъ васъ,—говорилъ Барнавъ,—придаетъ меньше важности своей чести чѣмъ своей жизни?» Шабру, напротивъ, указалъ на тотъ фактъ, что цѣлые народы больше цѣнятъ свое имущество, чѣмъ даже свою свободу, турки, напримѣръ, у которыхъ султанъ ввергаетъ челоука въ тюрьму, но не смѣетъ касаться границъ земельныхъ имѣній¹⁾.

«Когда мое состояніе будетъ зависѣть отъ суда присяжныхъ,—прибавилъ Робеспьеръ,—меня успокоитъ мысль, что оно вернется въ общество. Почему, впрочемъ, здравый смыслъ, разумъ должны быть присвоены тѣмъ, кто носитъ извѣстное форменное платье?»²⁾.

Внѣ Собранія, это мнѣніе находило большое сочувствіе. Камилль Демуленъ поддерживалъ его въ своей газетѣ со своей обычной живостью: «При помощи присяжныхъ, должникъ, уплатившій своему заимодавцу тысячу ливровъ, не взявъ съ него росписки, или потерявъ ее, будетъ имѣть возможность доказать, что эта сумма имъ уплочена... Петръ, въ деревнѣ всѣми уважаемый патриархъ, Лаврентій—отъявленный плутъ. Присяж-

¹⁾ *Montieur*, засѣд. 7 апр. 1790 г.

²⁾ *Ibid.*

ные засѣдатели знаютъ это и дѣлаютъ отсюда надлежащіе выводы. Этотъ родъ свѣта не свѣтитъ для законниковъ, которые лучше знаютъ свои книги, чѣмъ своихъ сосѣдей»¹⁾).

Но все чистые легисты, бывшіе въ Собраніи, отвергли гражданскій судъ присяжныхъ, ибо справедливости недостаточно людямъ закона. Туре предлагалъ отложить разсмотрѣніе этого вопроса; прозорливый Робеспьеръ угадалъ, что отсрочить установленіе гражданского суда присяжныхъ значило навсегда отказаться отъ этого, такъ какъ такой благопріятный моментъ не повторится²⁾. Юрисконсультъ Тронше окончательно убѣдилъ Собраніе, сдѣлавъ перечисленіе процессовъ, гдѣ фактъ неотдѣлимъ отъ права, и въ которыхъ почти всегда, за рѣдкими исключеніями, говорилъ онъ, дѣло идетъ либо о духовномъ завѣщаніи, и тогда требуется узнать, правоспособенъ ли былъ завѣщатель завѣщать, а легатаріи принять завѣщаемое; либо о дареніи, и тогда нужно рѣшить, было ли даримое имущество въ полномъ распоряженіи дарителя, исполнено ли намѣреніе дарителя; либо о наслѣдствѣ, и тогда дѣло зависитъ отъ вопроса о степени родства или свойства; либо о контрактѣ, и тогда предметъ спора составляетъ уже не фактъ, но духъ договора, дѣеспособность договаривающихся, дѣйствительность акта. Въ заключеніе Тронше сослался на свою сорокапяти-лѣтнюю опытность³⁾. Онъ одержалъ верхъ.

Въ засѣданіи 30 апрѣля 1790 г., Національное Собраніе, перейдя къ голосованію, декретировало установленіе суда присяжныхъ въ уголовныхъ дѣлахъ весьма значительнымъ большинствомъ и при рукоплесканіяхъ зрителей. Затѣмъ оно рѣшило не вводить этого института въ гражданскомъ судопроизводствѣ.

Будутъ ли суды осѣдлыми или странствующими? Это былъ второй изъ намѣченныхъ вопросовъ.

Онъ сильно интересовалъ обитателей деревни, которые чуть не ежедневно видѣли себя вынужденными оставлять плугъ, чтобы идти въ большіе города совѣтоваться съ законниками и вести тяжбу, вмѣсто того, чтобы ожидать, когда ассизы принесутъ имъ правосудіе на порогъ ихъ хижинъ, по выраженію Альфреда Великаго.

¹⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 24.

²⁾ *Moniteur*, засѣд. 7 апр. 1790 г.

³⁾ *Ibid.*, засѣд. 29 апр. 1790 г.

Дюпоръ и Шабру энергично оппозионировали противъ постояннаго мѣстопробыванія судовъ. Они представляли этихъ осѣдлыхъ судей окруженными родней и друзьями, доступными подкупу, дѣлающимися центромъ, вокругъ котораго свободно дѣйствуютъ разные практики и развивается духъ сутяжничества и крючкотворства. При ассизныхъ судьяхъ было бы меньше законниковъ, меньше адвокатовъ, меньше прокуроровъ, и съ теченіемъ времени увидѣли бы образовавшейся эту страшную рать.

Депутатъ де Ландинъ возставалъ противъ идеи странствующихъ магистратовъ, какъ возобновляющей эпохи варварства, тѣ времена, когда судомъ былъ военный стантъ, а судьями—солдаты. Похищеніе стада, смертоубійство были тогда единственными дѣлами, приносимыми на *mallum publicum*, который держали графъ и епископъ во время своихъ объѣздовъ деревень. Судъ Божій, т. е. поединокъ, разрѣшала всякіе споры между людьми, не знавшими иной профессіи, кромѣ умѣнья владѣть оружіемъ. Различали только франковъ, свободныхъ людей, и рабовъ, дворянъ, носящихъ шпагу, и невольниковъ, поставленныхъ внѣ всякаго закона. Юстиція была бродячая, какъ и толпа подсудныхъ. При Людовикѣ Толстомъ образовались муниципалитеты, коммуны получили освободительныя хартіи, города заселились вольными гражданами, а деревни земледѣльцами-собственниками. Понадобились законы, болѣе опредѣленные, судьи, болѣе постоянные по мѣстопробыванію. Дворяне, не умѣвшіе читать, должны были взять себѣ въ помощники клерковъ, которые вскорѣ стали одни творить судъ, потому что дворяне предпочитали воевать и рубиться. Тогда-то судьи сдѣлались осѣдлыми. «Если хотите дать намъ странствующихъ судей,—воскликнулъ де Ландинъ, такъ надо сжечь наши книги и сократить наши кодексы до столь малаго числа законовъ, чтобы можно было выучить ихъ на досугѣ, прогуливаясь, и чтобы юстиція, въ каретѣ или на суднѣ, могла объѣхать восемьдесятъ три департамента и въ восемьдесятъ три дня произвести генеральный смотръ тяжущихся»¹⁾.

Дебаты были такимъ образомъ приправляемы шутками, черезъ которыя вырывалась неистощимая французская веселость. Одни, какъ, на примѣръ, Ланжюине, утверждали, что не было

¹⁾ *Moniteur*, засѣд. 1 мая 1790 г. См. также *Révolutions de France et de Brabant*, № 24.

бы никакого достоинства въ этихъ служебныхъ объѣздахъ магистратовъ, которые *творили бы судъ, сидя на конь*, на что Дюпоръ уже напередъ отвѣтилъ: «Всякое достоинство въ народѣ; это троны окружаютъ себя этой толпой»¹⁾; другіе, какъ Гара старшій, давали понять, что не приличествовало бы отцамъ семейства вести этотъ образъ жизни странствующихъ рыцарей; что общественное мнѣніе, великая уда судей, не могло бы слѣдовать за ними на почтовыхъ или сидя на крупѣ ихъ лошади, и сопровождать ихъ своимъ спасительнымъ надзоромъ; что ихъ частныя добродѣтели были бы неизвѣстны подвѣдомымъ ихъ юрисдикціи, и что, наконецъ, ихъ безпристрастіе подвергалось бы большому риску въ этихъ турне, гдѣ ихъ ожидала бы на проходѣ тысяча непредвидимыхъ соблазновъ и всевозможныхъ засадъ.

Камилль Демуленъ писалъ: «Г. Тронше поднялся и напалъ на дурныя шутки насчетъ судей-почтарей. Вскорѣ, опомнившись, онъ установилъ, что странствованіе судей не сдѣлаетъ доступъ къ правосудію болѣе легкимъ, ни менѣе разорительнымъ, такъ какъ формы процедуры останутся тѣ же. Согласенъ,—говорилъ онъ,—что нужно вырвать тяжущихся изъ алчныхъ рукъ адвокатовъ и стряпчихъ, которые упиваются кровью народовъ и составляютъ течь ес, какъ чернила. Но не въ развѣзжающихъ судахъ вы найдете средство къ исправленію этого зла. Гдѣ онъ разгромилъ г-на Шабру, это когда, перечисляя все, что судья долженъ сдѣлать, чтобы научиться, и, открывая обширную бібліотеку адвокатовъ, онъ вызвалъ тѣни Кюжа и Бартоля. Онъ спрашивалъ его, гдѣ его судьи нашли бы время, чтобы выпить это море науки, если бы эти огромные томы могли только войти въ почтовый тарантасъ, не сломавъ его. Эти декламации не помѣшали г. Туре увѣрять, что можно судить, прогуливаясь, или подъ дубомъ, какъ Людовикъ IX. Вслѣдствіе этого, онъ вотиловалъ, такъ же, какъ и г. Гупиль, за смѣшанный судъ, наполовину осѣдлый, наполовину выѣздной, и я уже вижу моментъ, когда у насъ будутъ судьи пѣшіе и конные»²⁾.

Пренія были заключены по требованію Тулонжона, который предложилъ раздѣлить вопросъ и формулировать его такъ:

¹⁾ *Moniteur*, засѣд. 30 марта 1790 г.

²⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 24.

Суды первой степени должны ли быть постоянными по мѣстопробыванію?

Собраніе высказалось утвердительно.

Этимъ установленіемъ судовъ первой инстанціи оно, слѣдовательно, предрѣшало допущеніе апелляціи. А между тѣмъ къ чему апелляція? Зачѣмъ эта аристократія магистратуры? Развѣ есть степени въ способѣ судить хорошо или судить худо? Какое довѣріе можетъ внушать судья, если законъ предполагаетъ и объявляетъ его менѣе знающимъ, нежели другіе судьи? И не дискредитируетъ ли его частая отмѣна его рѣшеній высшимъ судьей? Вотъ вопросы, поднятые апелляціей, и которые были подвергнуты Дюпоромъ обстоятельному обсужденію, послѣ чего Ларошфуко доказалъ, что тяжущійся, выигравшій процессъ въ первой инстанціи и проигравшій его во второй, можетъ имѣть за собой большинство голосовъ въ соединенномъ присутствіи обоихъ судовъ. Тщетно указывали на то, что первые судьи будутъ внимательнѣе, зная, что надъ ними есть контроль вышаго суда; что этотъ послѣдній, находясь вдали отъ сторонъ, легко избѣгнетъ заразы мѣстныхъ вліаній: Регіонъ выставилъ противъ апелляцій разительные доводы: «Апелляціи, сказалъ онъ, умножатъ расходы, будутъ благопріятны богатому, раздавятъ бѣднаго. И всѣ эти бѣды вы освятите ихъ совершенно бесполезнымъ установленіемъ»¹⁾).

Мало соблазненное этими свѣтлыми замѣчаніями, собраніе вотировало апелляцію въ гражданскихъ дѣлахъ, ничего не предрѣшая относительно уголовныхъ дѣлъ, и декретировало, что апелляціонные суды также должны имѣть постоянное мѣстопробываніе.

Такъ, день ото дня воздвигалось это обширное званіе преобразуемой юстиціи. Никогда проблема не была обсуждаема людьми, болѣе способными разрѣшить ее. Между ними были многіе выдающіеся представители магистратуры: Фрето-де-Сенъ-Жюсть, Андре, Фрондевилъ, Дюпоръ, д'Ормессонъ, Редереръ, Лепельтье де Сенъ-Фаржо, Гробуа. Сословіе адвокатовъ было тамъ представлено Барнавомъ, Туре, Тронше, Робеспьеромъ, Тарже, Петіономъ, Трельяромъ, Вареромъ, Гара старшимъ, Камюсомъ, Шабру, Мерленомъ де-Дуэ, Пизономъ дю-Галанъ, Ланжюине, Ландиномъ. И таково было въ общественномъ духѣ

¹⁾ *Moniteur*, застѣданіе 1 мая.

соревнованіе безкорыстія, что почти всѣ адвокаты, члены Собранія, возстали противъ постояннаго мѣстопробыванія судовъ, столь благопріятнаго, однако, для ихъ профессіи, противъ апелляціи, противъ сутяжничества и крючкотворства. Одинъ изъ нихъ воскликнулъ, говоря объ этой черной наукѣ: «Когда гражданинъ хочетъ затѣять процессъ, онъ ищетъ въ книгѣ, а не въ своемъ сердцѣ, отвѣта на вопросъ, справедливъ ли его искъ¹⁾».

Точно также это высшіе судебные чины, совѣтникъ эскаго парламента Андре, совѣтникъ мецкаго парламента Рёдереръ, установили мнѣніе собранія по важному вопросу о несмѣняемости судей. Уже Дюпоръ и Шабру достаточно освѣтили этотъ вопросъ. Безъ сомнѣнія, несмѣняемость судей была нѣкогда полезна, она служила преградой деспотизму; теперь она служила бы только къ уничтоженію свободы. «Это очень опасное существо этотъ несмѣняемый судья, говорилъ Шабру. Я никогда не пройду мимо него безъ того, чтобы не сказать себѣ: этотъ человѣкъ держитъ въ своихъ рукахъ мою честь и мою жизнь. Онъ можетъ отнять у меня и ту, и другую, вопреки всѣмъ правиламъ юстиціи. Какое неблагоразуміе сдѣлать судью несмѣняемымъ, словно для того, чтобы притупить въ немъ всѣ стимулы добродѣтели! Смѣняемый, онъ будетъ бояться потерять довѣріе народа и будетъ добродѣтельнымъ изъ честолюбія, если не по принципу. Предупреждая его, что онъ долженъ современемъ сойти съ своего судебного сѣдалища, вы сообщите ему любовь къ равенству, которая составляетъ самую сущность правосудія²⁾». Несмѣняемый, напротивъ, онъ всегда будетъ невѣжественнымъ и лѣнивымъ, потому что можетъ быть такимъ безнаказанно. Видя, что все мѣняется вокругъ него, тогда какъ онъ остается неизмѣннымъ, онъ возмнитъ себя человѣкомъ иной породы, чѣмъ граждане, приходящіе умолять его и которые никогда не будутъ его судьями, въ свою очередь. Исполненіе имъ долга будетъ казаться ему дарованіемъ милости, и слишкомъ скоро убѣдившись, что ему нечему болѣе учиться, онъ будетъ продолжать свою карьеру между гордостью и рутинной, до тѣхъ поръ, когда, достигнувъ возраста, требующаго ухода на покой, онъ дастъ скандальный

¹⁾ Рѣчь Дюпора въ засѣд. 29 марта 1790 г.

²⁾ Выраженіе Лустало.

примѣръ человѣка, который, утративъ силу вѣдать свои собственные дѣла, сохраняетъ еще право судить дѣла другихъ.

Въ устахъ совѣтниковъ парламента эти соображенія приобрѣтали такой авторитетъ, что повлекли за собой принятіе декрета 3 мая, установившаго, что судьи будутъ временными, но могутъ быть вторично избираемыми.

Гдѣ собраніе выказало единодушіе, это когда оно установило великій принципъ: судьи будутъ выбираемы народомъ.

Самъ Казалесъ призналъ, что противоположное мнѣніе не нашло бы отголоска ¹⁾).

Подобное признаніе было рѣшающимъ, исходя отъ Казалеса, такого яраго приверженца королевской власти. Что въ немъ вырисовалась одна изъ самыхъ выдающихся фигуръ революціи,—это не подлежитъ сомнѣнію. Иной разъ, слушая его, можно было подумать, что видишь передъ собой фанатика, какого нибудь ханжу, родившагося подъ знойнымъ небомъ юга,—съ такой страстью онъ защищалъ порядки стараго міра, особенно католическую вѣру! А между тѣмъ это былъ игрокъ, молодой человѣкъ, легко соблазняемый удовольствіями ²⁾). Сынъ совѣтника тулузскаго парламента, онъ служилъ въ драгунскомъ полку; но тогда какъ цѣлый день онъ проводилъ въ компаніи своихъ безпутныхъ товарищей, не отставая отъ нихъ въ попойкахъ или игрѣ, ночи онъ проводилъ за чтеніемъ, такъ что, несмотря на небрежное воспитаніе, скоро обнаружилъ разнообразныя и глубокія познанія, удивлявшія въ такомъ безпутномъ человѣкѣ. Дворянство выбрало его въ генеральные штаты, и никогда еще ему не случилось говорить публично, какъ вдругъ, къ общему удивленію, которое онъ и самъ раздѣлялъ, у него проявился ораторскій талантъ. Его страстность составляла основу его краснорѣчія. Онъ импровизировалъ свои рѣчи, которыя его память украшала героическими цитатами, и хотя его декламація часто походила на подготовленную гармонию, но въ дѣйствительности это была естественная музыка, съ южной дикціей. Покуда королевская власть была сильна, онъ хотѣлъ, чтобы она была умѣренной, желая видѣть ее прочной; но когда онъ увидѣлъ ее угрожаемой, клонящейся къ упадку, онъ по-

¹⁾ *Moniteur*, засѣданіе 3 мая.

²⁾ См. *Règne de Louis XVI*, t. VI, p. 241, и *Biographie universelle*, подъ словомъ *Cazalès*.

святилъ себя на служеніе ей безусловно, какъ рыцарь, какимъ онъ былъ; и чтобы спасти ее, чтобы по крайней мѣрѣ мстить за нее, онъ пользовался силой слова, какъ пользовался бы силой меча.

Когда роялисты подняли вопросъ объ инвеститурѣ, именно о томъ, будутъ ли судьи по крайней мѣрѣ назначаемы королемъ, Барнавъ въ длинной рѣчи указалъ на то, что во всѣхъ феодальныхъ странахъ, т. е. почти во всѣхъ королевствахъ Европы, монархъ былъ главой юстиціи, и что англійскій король назначалъ судей въ силу феодальнаго правила. Франція же, такъ какъ она не хочетъ болѣе абсолютной монархіи, должна возвратить всѣ власти къ ихъ источнику, народу. Притомъ, назначеніе королемъ было ли бы совершенно свободнымъ съ его стороны?—въ этомъ случаѣ оно посягало бы на свободу націи; вынужденнымъ?—оно было бы тогда призрачнымъ и противнымъ достоинству государя.

Гара старшій объявилъ *непопулярными* тѣхъ ораторовъ, которые желаютъ передать всѣ власти народу. «Думаютъ приобрести большую популярность, стараясь обогреть короля! Я же считаю себя болѣе популярнымъ, чѣмъ мои противники, утверждая, что право назначенія судей должно принадлежать королю». Обращаясь жестомъ къ трибунамъ для публики, онъ воскликнулъ: «Часть народа, слушающая меня! Я полагаю, что поддерживаю мнѣніе, наиболѣе благопріятное для вашего счастья, для вашей свободы». Трибуны отвѣтили ропотомъ, который достаточно свидѣтельствовалъ объ истинныхъ чувствахъ народа.

Но роялисты продолжали борьбу съ ожесточеніемъ. Казаlessъ и аббатъ Мори, идя прямо къ сущности преній, спрашивали, какія у собранія тайныя намѣренія, и не есть ли республика его таинственная цѣль, когда видишь, какъ оно разрушаетъ, камень по камню, твердыню монархіи и оспариваетъ у монарха безспорное право назначать судей, подобно тому, какъ онъ назначаетъ офицеровъ въ арміи. Не поклялись ли уничтожить древнюю королевскую власть? Пусть тогда имѣютъ мужество громко объявить это всему свѣту! Казаlessъ сослался на примѣръ Рима, гдѣ, несмотря на тщательное раздѣленіе властей, народъ избиралъ претора, который безъ содѣйствія народа выбиралъ своихъ замѣстителей и товарищей. А теперь отказываютъ королю Франціи въ правѣ претора! Жанъ-Жакъ Руссо не сказалъ ли: «Короли—природные

судьи народовъ; когда они не хотятъ отправлять правосудія, они ввѣряютъ его»? Послѣ этой ссылки на женевского гражданина, Казалось заклиналъ собраніе не разрушать монархію, уменьшая королевскую власть, единственную связь между всѣми судебными учрежденіями королевства. Въ голосѣ этого человѣка шпаги, отчаяннаго защитника кончающагося міра, слышалось нѣчто столь убѣжденное, его буйность смягчалась такой меланхоліей, дѣло, за которое билось его сердце, было уже до такой степени мертвое, что каждый чувствовалъ себя растроганнымъ. Онъ прибавилъ: «Это общественное мнѣніе создало вашу силу; оно было вашей исполнительной властью; но нужно бы было пожалѣть народы, если бы собраніе было обязано освящать всѣ заблужденія общественнаго мнѣнія». Въ заключеніе онъ предложилъ избраніе судей королемъ по списку изъ трехъ кандидатовъ, представляемыхъ народомъ.

Роялистамъ, испуганнымъ перспективой грядущей республики, отвѣчалъ совѣтникъ мецкаго парламента Рёдереръ. *Все пошло, когда государь самъ отправляетъ правосудіе*: это изреченіе Монтескье было темой, которую развивалъ Рёдереръ. Онъ выразилъ удивленіе, что такъ жестоко оскорбили юстицію, представляя ее какъ бы узурпаціей королевской власти. Онъ утверждалъ, что никогда суды во Франціи не зависѣли отъ короля. Онъ напомнилъ эдиктъ пленарнаго суда и слова Ламуаньона, говорившаго, что парламенты никогда не имѣли судей и что пора имъ дать ихъ. Затѣмъ, читая въ мысляхъ нѣкоторые роялистовъ, онъ воскликнулъ: «Если подразумѣваютъ, что наши суды будутъ имѣть характеръ тѣхъ комиссій, нѣкогда столь ненавистныхъ даже нашему рабству и столь ненавистныхъ нашему терпѣнію; если подразумѣваютъ, что мы будемъ жить подъ дѣйствіемъ святыхъ законовъ и произвольныхъ судовъ, подъ дѣйствіемъ законовъ народа и приговоровъ двора, то я, въ свою очередь, скажу: онъ разоблаченъ, наконецъ, этотъ страшный секретъ! Враги свободы и королевской власти хотятъ, значитъ, возстановить, даже расширить прежній деспотизмъ, при помощи самаго гнуснаго средства: развращенія юстиціи!»

Рѣчь Рёдерера была встрѣчена шумными аплодисментами¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ расширился, страсти пробудились, монархія была предъ судомъ! Замѣтили дрожащихъ отъ гнѣва

¹⁾ *Moniteur*, засѣданіе 7 мая 1790 г.

на своихъ мѣстахъ Казалеса, Мори, Мадье де Монжо. Какъ заключить такъ скоро пренія? Лѣвая тѣтено кричала: на голоса! на голоса! Гупиль де-Префельнъ вскарабкался на трибуну, бросивъ среди невѣроятнаго шума, возгласъ: *ударь, но выслушай!*¹⁾ Маркизь де Фуко сильно горячился, прерывалъ предсѣдателя, оскорбилъ его. «Хотятъ ниспровергнуть монархію, говорилъ Дюфрессъ, мы не можемъ оставаться въ этомъ собраніи». Пришло возобновить пренія, и Гупиль де Префельнъ получилъ, наконецъ, слово.

«При Людовикѣ XII, сказалъ онъ, когда Монлюкъ потерялъ свои пожитки въ сраженіи и дворъ не имѣлъ денегъ, что съ нимъ случалось и прежде, какъ и въ наши дни, дали этому генералу дюжину должностей по судебной части. Вотъ къ чему привелъ бы выборъ, предоставленный министрамъ. Пусть не предаются иллюзіямъ; тутъ дѣло идетъ не о королевской власти, а о власти визирей. Перемѣнные министры королей—это нѣчто въ родѣ того иностранца, который, когда въ отелѣ, гдѣ онъ проживалъ въ Лондонѣ, произошелъ пожаръ, отвѣтилъ слугѣ, прибѣжавшему предупредить его: «А мнѣ какое дѣло? Я завтра уѣзжаю». Вотъ исторія челоуѣка, поцаваго въ министры: онъ, такъ сказать, живетъ въ мебелированной комнатѣ».

Можно было думать, по этому вступленію, что ораторъ выскажется противъ назначенія судей министрами, королемъ. Ничуть не бывало. Гупиль де Префельнъ просто потребовалъ, чтобы канцлеръ, хранитель государственной печати, не могъ отказывать въ утвержденіи судьи, избраннаго народомъ, иначе, какъ указывая мотивы своего отказа и представляя ихъ на рѣшеніе высшаго суда.

Но, повторяю, это самое монархію потрясали эти дебаты, снова открытые, среди собранія, республиканскаго невѣдомо для самого себя. Казалось опять ринулся въ этотъ турниръ, куда его увлекала его рыцарская душа, его вѣрность богатыря. Забывъ очень скоро вопросъ о судьяхъ, онъ поднялъ и воспламенилъ пренія. Въ отвѣтъ на такъ называемыя имъ банальности о куртизанахъ и куртизанкахъ, оскорблять которыхъ послѣ сверженія ихъ власти ораторъ находилъ невеликодушнымъ, онъ нарисовалъ краснорѣчивую, но утрированную картину безпорядковъ, сокрушившихъ античныя демократіи и даже римскую

¹⁾ *Moniteur*, засѣданіе 7 мая 1790 г.

республику, нѣкогда властительницу міра: «Если бы я изобразилъ предъ вами народныя крамолы, пагубныя послѣдствія интригъ, престижи краснорѣчія; если бы я назвалъ Сократовъ, Ликурговъ, Аристидовъ, Солонувъ, закланнхъ народомъ; если бы я перечислилъ всѣхъ знаменитыхъ людей, сдѣлавшихся жертвами народныхъ насилій или заблужденій; если бы я напомнилъ вамъ, что Коріоланъ былъ изгнанъ изъ отечества, что Камиллъ былъ сосланъ, что Гракхи были принесены въ жертву у подножія трибунала; если бы я сказалъ, что собранія римскаго народа были не что иное, какъ сборища заговорщиковъ, что комиціи были полны крамольниковъ; если бы я вамъ показалъ городскую площадь, превращенную въ поле битвы; если бы я сказалъ, что не было выборовъ, не было закона, не было судьбища, которые не были бы гражданской войны... вы согласились бы, что есть неудобства въ народномъ правленіи». Водушевляемый собственными словами, Казалесъ продолжалъ свою декламацию противъ проектовъ республиканцевъ собранія,—проектовъ, секретъ которыхъ они невольно обнаружили. Онъ выразилъ свою скорбь по поводу сокрушенія духовенства, дворянства, парламентовъ. И такъ какъ, въ бѣшеномъ порывѣ, ему рукоплескали, то одинъ депутатъ, по имени Лави, выкликнулъ: «Странно, что не хотятъ слушать надгробное слово столькимъ угнетателямъ!»—«Это надгробное слово монархіи», возразилъ Казалесъ и заклиналъ патріотовъ сплотиться вокругъ трона, вокругъ *законнаго повелителя*. Этотъ смѣлый призывъ былъ встрѣченъ ропотомъ; но роялисты ждали Казалеса у подножія трибуны, чтобы облобызать его.

Перейдя къ голосованію, Національное Собраніе приняло слѣдующее рѣшеніе при аплодисментахъ трибунъ: что король не въ правѣ будетъ отказывать въ утвержденіи судьи, избраннаго народомъ; что избиратели будутъ представлять королю одного лишь кандидата; что, наконецъ, судья, выбранный народомъ, будетъ получать отъ короля дипломъ, скрѣпленный государственною печатью.

Затѣмъ перешли къ назначенію королемъ чиновъ прокурорскаго надзора, которое и было декретировано единогласно¹⁾. Но, отказавъ въ несмѣняемости судьямъ, собраніе благоразумно дало ее королевскимъ прокурорамъ. Въ видахъ обезпеченія ихъ

¹⁾ *Moniteur*, засѣданіе 8 мая 1790 г.

независимости, оно постановило, что, назначаемые пожизненно, они могут быть отрѣшаемы только по суду—за преступленіе по должности, съ объявленіемъ ихъ, при этомъ, неизбираемыми ни на какую административную или общественную должность. Оно возложило на нихъ обязанность наблюдать за примѣненіемъ въ судебныхъ рѣшеніяхъ законовъ, касающихся общаго порядка, и, согласно съ мнѣніемъ Бомеца, Лепельтье, Туре, Робеспьера, оно не захотѣло ввѣрить комиссарамъ короля роль публичнаго обвинителя¹⁾, которую оно оставило за должностными лицами, избираемыми народомъ.

Оставался еще вопросъ объ учрежденіи кассационнаго суда, высшаго блюстителя законовъ и освященныхъ ими формъ судопроизводства. Никто не имѣлъ ничего противъ установленія этого суда. Но долженъ ли онъ быть осѣдлымъ или странствующимъ? По этому пункту мнѣнія раздѣлились: главные юрисконсулты, Мерленъ и Тронше, высказались въ пользу постоянного мѣстопробыванія высшаго суда, говоря, что амбулаторное состояніе было бы пригодно лишь для очень молодыхъ судей, кассационными же судьями могутъ быть только люди, опытные въ дѣлахъ, состарѣвшіеся въ наукѣ. Опираясь на римскій принципъ, Робеспьеръ требовалъ, чтобы кассационный судъ былъ установленъ въ средѣ самого законодательнаго корпуса. Предложеніе это не было принято. Собраніе декретировало учрежденіе кассационнаго суда, съ тѣмъ, чтобы онъ имѣлъ постоянное мѣстопробываніе²⁾.

Наконецъ, исчерпывая рядъ намѣченныхъ проблемъ, собраніе допустило для дѣлъ торговыхъ юрисдикціи консулярныхъ или коммерческихъ судовъ, введеніе которыхъ восходило ко временамъ канцлера Лопиталья.

Такимъ образомъ, великіе принципы были торжественно установлены: они перешли въ практику при помощи послѣдовательныхъ декретовъ, организовавшихъ разныя отрасли судебной части.

Вскорѣ, по плану, предложенному Туре отъ имени конституціоннаго комитета, Національное Собраніе создало превосходный институтъ мировыхъ судей¹⁾. Оно дало имъ право рѣшать безапелляціонно дѣла, гдѣ сумма иска не превышала пятидесяти

¹⁾ *Moniteur*, засѣданія 30 авг. 1790 г.

²⁾ Декреты 24 и 26 мая 1790 г.

ливровъ. Каждый кантонъ имѣлъ своего мирового судью, избираемаго, по личной баллотировкѣ, активными гражданами, созванными въ первичное собраніе. Къ его компетенціи были отнесены дѣла о вредѣ, причиненномъ людьми или скотомъ полямъ, плодамъ или жатвамъ; о захватѣ земель, деревьевъ, рвовъ, плетней и другихъ оградъ, равно какъ о предпріятіяхъ на текучихъ водахъ, служащихъ для орошенію луговъ; о починкахъ, лежащихъ на обязанности наемщика; о вознагражденіи арендатора за произведенныя имъ улучшенія; объ уплатѣ жалованья работникамъ; дѣла объ оскорбленіяхъ словами или дѣйствіемъ; о дракахъ и т. п.... Это значило избавить деревни отъ истиннаго бича, устанавливая эти отеческіе суды, которые, ставя на мѣсто строгости писаныхъ законовъ кротость естественной справедливости, способны были заставить уважать юстицію, заставляя любить ее.

Послѣ мировыхъ судей, которые были разсматриваемы какъ бы внѣ судебного порядка въ тѣсномъ смыслѣ и были, такъ сказать, поставлены на порогѣ храма правосудія, слѣдовали окружные суды¹⁾. Рѣшили, что эти послѣдніе будутъ выбираемы, по личной баллотировкѣ и абсолютнымъ большинствомъ голосовъ, избирателями каждаго округа²⁾. Окружные суды должны были разбирать, по апелляціи, рѣшенія мировыхъ судей и рѣшать въ послѣдней инстанціи дѣла, гдѣ сумма иска не превышала тысячи ливровъ.

Очень мудрымъ закономъ Собраніе, сохраняя принципъ апелляціи, рѣшило, что не будетъ высшихъ судовъ для разсмотрѣнія апелляціонныхъ жалобъ, но что одни окружные суды въ отношеніи другихъ будутъ апелляціонными судами³⁾: этимъ воздавалось уваженіе къ достоинству судей, рѣшенія которыхъ, вѣсто того, чтобы быть передѣлываемыми высшими судьями, были бы такимъ образомъ пересматриваемы равными.

Въ то же время были установлены, для всѣхъ городовъ, которые будутъ о томъ ходатайствовать, консулярные или коммерческіе суды, вѣдающіе всѣ дѣла, касающіяся торговли, какъ сухопутной, такъ и морской⁴⁾.

¹⁾ Декреты 20, 23, 27 іюля 1790 г.

²⁾ Декретъ 4 августа 1790 г.

³⁾ Засѣданіе 23 іюля 1790 г.

⁴⁾ Декретъ 11 августа 1790 г.

Оставалось только увѣнчать дѣло: организовали кассационный трибуналъ, трибуналъ единственный, члены котораго, въ числѣ, равномъ половинѣ числа департаментовъ, должны были быть избираемы ими на четыре года, при чемъ жребій указывалъ тѣ департаменты, которые должны были избирать въ первую очередь.

Замѣчательная система гражданскаго правосудія, введенная Учредительнымъ Собраніемъ, сводилась, слѣдовательно, къ слѣдующимъ простымъ началамъ: судья, для того чтобы мирить гражданъ; судъ, для того, чтобы судить ихъ; способъ ревизіи или пересмотра, для того, чтобы гарантировать или изболчить ихъ; высшій судъ, для того чтобы защитить ихъ поддержаніемъ закона.

Что касается уголовной юстиціи, то позднѣйшими спеціальными декретами были опредѣлены формы судопроизводства и функции суда присяжныхъ. Но, чтобы собрать въ одну раму всѣ черты, изъ которыхъ состоитъ эта импонирующая картина, мы воспроизведемъ здѣсь, забѣгая нѣсколько впередъ, памятный декретъ 17 сентября 1790 г.:

«Процедура предъ уголовными судами допускаетъ обвинительное жюри, состоящее изъ восьми членовъ, взятыхъ по жребію изъ списка тридцати, каковый списокъ имѣеть быть составляемъ каждые три мѣсяца директоріей департамента.

«Обвиняемый является, свободный и безъ оковъ, предъ лицо судей, присяжныхъ и публики.

«Перваго числа каждаго мѣсяца, по приказанію предсѣдателя суда, изготавляется списокъ очередныхъ присяжныхъ засѣдателей, взятыхъ изъ списка двухсотъ, составляемаго каждую четверть года директоріей департамента, изъ какового списка публичный обвинитель имѣеть право исключить двадцать именъ; билетки съ остальными именами кладутся въ урну, откуда затѣмъ вынимаются наудачу, для составленія списка двѣнадцати присяжныхъ.

«Обвиняемый можетъ отвести присяжныхъ, входящихъ въ составъ этого списка.

«Если обвиняемымъ отведено уже двадцать присяжныхъ, то для дальнѣйшихъ отводовъ, которые онъ пожелаетъ представить, имъ должны быть указаны причины, основательность которыхъ будетъ обсуждена судомъ.

«Присяжные должны объявить, достовѣрно или нѣтъ дѣяніе,

составляющее предмет обвиненія; затѣмъ изобличенъ ли или нѣтъ въ совершеніи его тотъ, кто обвиняется.

«Мнѣнія трехъ присяжныхъ изъ двѣнадцати всегда достаточно въ пользу обвиняемаго.

«Каждый присяжный произноситъ свое сужденіе громогласно, и въ свидѣтельство своего мнѣнія кладетъ явно въ бѣлый или черный ящикъ шаръ соответствующаго цвѣта.

«Институтъ присяжныхъ начнетъ функционировать съ 1-го января 1792 г.».

Эта отсрочка введенія института присяжныхъ встрѣтила краснорѣчиваго противника въ Лустало; онъ настаивалъ также на томъ, чтобы никакой вердиктъ не могъ быть произносимъ иначе, какъ единогласно. «Одинъ англійскій гражданинъ былъ обвиняемъ въ убійствѣ одного изъ своихъ сосѣдей: свидѣтели, обольщенные или подкупленные, показали, что убійство совершено имъ. Преступленіе было очевидно для одиннадцати присяжныхъ; двѣнадцатый упорно поддерживалъ невинность подсудимаго, несмотря на всѣ доказательства. Отгадайте почему? Потому, что это онъ и былъ виновникъ убійства»¹⁾).

Дѣло Учредительнаго Собранія не было, значитъ, совершеннымъ? Нѣтъ, конечно; но оно было великимъ! И это среди смуты и безпорядка, при шумѣ угрозъ войной, имѣя на рукахъ цѣлую революцію, конституанта нашла досугъ, имѣла хладнокровіе разобратъ въ страшномъ хаосѣ старой судебной организаціи и возвести новое зданіе правосудія; менѣе счастливая, чѣмъ тотъ античный законодатель Рима, которому было дано обдумывать свои законы въ сторонѣ, на глазахъ божественной нимфы, единственной повѣренной его трудовъ и спокойной свидѣтельницы его мыслей!

¹⁾ Декретъ 17 ноября 1790 г.

ГЛАВА X.

Страница изъ жизни Мирабо.

Роскошь, внезапно выказанная графомъ Мирабо.—Таинственное свиданіе въ отелѣ Шаро.—Нерасположеніе королевы къ Мирабо.—Секретное письмо Людовика XVI къ де Бомону.—Отвращеніе Неккера ко всякимъ попыткамъ покупа.—Договоръ между Мирабо и дворомъ, заключенный при посредствѣ графа Ламарка; странныя и постыдныя условія; архіепископу тулузскому поручено заплатить долги Мирабо; обѣщаніе милліона этому послѣднему, если онъ будетъ хорошо служить королю; покуда ему назначено 6000 ливровъ въ мѣсяць.—Дебаты о правѣ объявлять войну и заключать миръ.—Благородныя слова священника Жалле, Петіона.—Ропоть въ Собраніи по поводу оскорбленія чувства человѣческой солидарности.—Мирабо высказывается за королевскую прерогативу.—Портретъ Барнава.—Политическая дуэль между Барнавомъ и Мирабо.—Барнава носятъ съ триумфомъ.—Народъ намѣчаетъ дерево, на которомъ будетъ повѣшенъ Мирабо.—Весь Парижъ раздражается угрозами и проклятіями вокругъ Собранія.—На улицахъ кричатъ *великая измѣна графа Мирабо!* Крайнія усилія краснорѣчія.—Вотумъ Собранія.—Маневры Мирабо.—Каждая партія приписываетъ побѣду себѣ.—Оцѣнка депутатомъ Лустало рѣшенія о правѣ войны и мира.—Общее броженіе; газеты, сжигаемыя среди улицы; охота на воровъ.—Озлобленіе общественнаго мнѣнія противъ Мирабо; К. Демулень осмѣиваетъ его, Фрерояз грозитъ ему повѣшеніемъ на фонарѣ.—Прекрасное предложеніе Мирабо по поводу смерти Франклина.—Непостижимая смѣсь низости и величія.

А что подѣлывалъ въ это время Мирабо? Онъ покинулъ скромную квартиру, которую занималъ до сихъ поръ, и поселился въ домѣ-особнякѣ; онъ обзавелся лакеями, поваромъ, кучеромъ, лошадьми¹⁾; онъ ринулся очертя голову, въ роскошь и удовольствія. Поведеніе его огорчало его друзей и приводило въ негодованіе или въ радость его враговъ.

Эта безстыдная выставка на показъ внезапно появившагося богатства возбудила тогда тысячу обидныхъ подозрѣній, которыя, часто припоминаемыя съ тѣхъ поръ и нѣкоторыми искусно опровергаемыя, обратились въ наши дни въ достовѣрность, благодаря опубликованію безспорныхъ документовъ²⁾. Исторія продажности Мирабо существуетъ нынѣ, написанная лиходателемъ и имъ самимъ.

Въ началѣ апрѣля, въ то время, какъ на улицѣ предмѣстья Сентъ-Оноре, передъ отелемъ Шаро, остановилась карета графа де-Мерси, австрійскаго посла, человѣкъ хорошо извѣстный, даже слишкомъ извѣстный въ тотъ моментъ, пришелъ пѣшкомъ че-

¹⁾ *Correspondance entre le comte de Mirabeau et le comte de La Marck*, t. I, p. 171.

²⁾ *Ibidem*.

резь Елисейскія поля, вооруженный воровскимъ ключомъ, вошелъ черезъ садъ отеля и, крадучись, пробрался въ кабинетъ хозяина, старательно избѣгая глазъ лакеевъ. Этотъ осторожный посѣтитель былъ Мирабо. Графы Ла Маркъ и Мерси ожидали его ¹⁾.

Ничего рѣшительнаго не вышло изъ этого перваго свиданія; дѣло ограничилось взаимнымъ зондированіемъ, и Мирабо имѣлъ несчастье произвести очень благопріятное впечатлѣніе на графа де Мерси, т. е. царедворца, служившаго посредникомъ въ измѣнѣ. Что касается графа Ла Марка, то онъ давно зналъ Мирабо, его мятущуюся душу, его ястребиныя страсти, его жажду жить, истощая жизнь, и его гордую низость. Что онъ готовъ былъ продаться—на этотъ счетъ не было сомнѣнія.

Но удастся ли побѣдить антипатіи королевы? Антипатіи эти были очень глубоки въ отношеніи Мирабо, и къ нимъ прихѣшалось еще, особенно съ октября, чувство ужаса.

Съ другой стороны, было естественно опасаться, что благочестивый государь не захочетъ дать въ защиту монархіи чловѣка явно безнравственнаго.

Тѣмъ не менѣе, Людовику XVI, оказывается, отнюдь не претило употребленіе средствъ подкупа. Вотъ тому доказательство, извлеченное изъ его секретной корреспонденціи. Онъ писалъ, 29 ноября 1789 г., де Бомону, агенту французскаго двора въ Лондонѣ:

«Ваше послѣднее письмо не содержитъ ничего опредѣленнаго и мало говоритъ о порученной вамъ операціи. Какая нерадивость или какое бездѣйствіе! Вы знаете, что я нуждаюсь въ суммѣ, которую вамъ поручено занять, и вы даете упредить себя. Вы не видите банкировъ акцептаторовъ, и спокойно позволяете устроиться займу герцога Орлеанскаго. А между тѣмъ моменты были такъ драгоцѣнны, деньги были такъ нужны! Знаю хорошо, что министръ внутреннихъ дѣлъ, своей контръ-полиціей, дѣлаетъ мало, а стоитъ мнѣ много. Онъ знаетъ, какъ мнѣ противно входить въ долги, и какъ мало я цѣню средства обольщенія. Онъ хочетъ подражать герцогу Орлеанскому, который разоряется на злое дѣло, и мститъ за какую-нибудь плоскую пѣсенку, или какое-нибудь оскорбительное слово, которыхъ онъ по моему мнѣнію, вполне заслужилъ. Одинъ изъ агентовъ въ

¹⁾ *Ibidem*, p. 141, 142.

Палъ-Роялѣ донесъ мнѣ не только о назначеніи занятыхъ суммъ, но и объ ихъ употребленіи. Достоверно извѣстно, что, за вычетомъ дисконта и вознагражденія посредникамъ, было роздано полтора милліона главнымъ сторонникамъ герцога Орлеанскаго. Мирабо получилъ на свою долю 80,000 ливровъ, которые были отсчитаны у Латуша и отвезены въ трехъ фіакрахъ на улицу Шоссе-д'Антенъ. Шестидесятъ тысячъ ливровъ было роздано въ предмѣстѣи Сентъ-Антуанъ и у нѣкоторыхъ партизановъ герцога. Поспѣшили уплатить недоимку нѣкоторымъ смѣлымъ людямъ, извѣстнымъ своимъ интриганствомъ и своими честолюбивыми видами. Въ этотъ списокъ занесли имя нѣкоего Марата, имя Дантона, имена нѣкоторыхъ женецевъ, удалившихся во Францію, изъ той партіи, которая въ Женевѣ называла себя патриотической; наконецъ, имена нѣсколькихъ темныхъ, но опасныхъ личностей. Вотъ сколько злыхъ людей, соединившихся противъ меня, я это чувствую. Нужно, какъ вы говорите, употреблять ихъ тактику и привязывать ко мнѣ людей предпріимчивыхъ, или, лучше сказать, вознаградить усердіе нѣкоторыхъ изъ моихъ вѣрныхъ подданныхъ. Я съ удовольствіемъ велю раздать обѣщанныя мною деньги. Онѣ не будутъ употреблены на совершеніе преступленія, но послужатъ для надзора за моими врагами и для разстройства ихъ замысловъ. Поспѣшите исполнить мои приказанія, и чтобы заемъ былъ заключенъ. Воспользуйтесь благорасположеніемъ заграницы. Людовикъ» ¹⁾).

Изъ этого видно, что способность къ подкупу, которую слегка и на основаніи доноса шпіона, имѣвшаго выгоду солгать, Людовикъ XVI предполагалъ у своихъ враговъ, онъ завидовалъ этой способности и упрекалъ своихъ агентовъ въ томъ, что они менѣ ловки въ искусствѣ создавать ему безчестныхъ приверженцевъ. Не отъ него, слѣдовательно, могло встрѣтиться препятствіе плану австрійскаго посла и графа Ла Марка; но тамъ былъ Неккеръ, присутствіе котораго и являлось помѣхой осуществленію этого плана.

Несомнѣнно, что женецъ, если не былъ Ришелье, то не былъ также и Мазариномъ; и серьезность его характера, самое его тщеславіе заставляли его слишкомъ дорожить общественнымъ уваженіемъ, чтобы онъ сталъ рисковать потерять его въ

¹⁾ *Political and confidential correspondence of Lewis the Sixteenth, with observations on each Letter, by Helen Maria Williams, vol. I, p. 246—248.*

низкой торговлѣ совѣстью. Къ тому же онъ не вѣрилъ въ дѣйствительность подобныхъ пріемовъ, когда требуется найти выходъ изъ героическаго положенія. Люди, которыхъ важно было бы тогда привлечь на свою сторону, не сосредоточиваютъ ли на себѣ столько взоровъ, что ничто, въ ихъ расчетахъ, не могло бы быть поставлено въ сравненіе съ триумфами, мысль о которыхъ ихъ опьяняетъ? Эта слава, не блистающая вдали, но сближенные лучи которой ослѣпляютъ умъ и воспаляютъ сердце, эта слава, вся въ почестяхъ и въ рукоплесканіяхъ момента,—не способна ли она отвлечь отъ выкладокъ скупости и усыпить корыстолюбіе? Такъ разсуждалъ, такъ говорилъ Некеръ¹⁾.

Нужно было, слѣдовательно, для того, чтобы установились негласныя сношенія между Мирабо и дворомъ, или чтобы Людовикъ XVI уволилъ своего министра, или чтобы онъ скрывался передъ нимъ. Это послѣднее рѣшеніе и было имъ принято.

Въ свою очередь, Марія-Антуанета поборола свое отвращеніе. Узнавъ, какое впечатлѣніе ужаса произвели на нее октябрскіе дни, и что она считала его виновникомъ происшедшаго, онъ афектировалъ передъ графомъ Ла-Маркомъ крайнее возмущеніе²⁾, о чемъ этотъ послѣдній не преминулъ сообщить королевѣ. Впрочемъ, онъ уже ранѣе рассказывалъ, что онъ и Мирабо вмѣстѣ провели часть двухъ фатальныхъ дней, и что они обѣдали вдвоемъ, когда имъ возвѣстили о прибытіи парижанъ въ Версаль¹⁾: королева удовлетворилась или притворилась удовлетворенной этимъ объясненіемъ; были опредѣлены основанія сдѣлки.

Нужно прочесть въ рассказѣ самого Ла-Марка, какъ велики были восторги Мирабо, когда онъ узналъ великую новость что его долги, цифра которыхъ простиралась до 208,000 ливровъ, будутъ заплочены; что ему назначена секретная пенсія въ 6,000 ливр. ежемѣсячно, и обѣщано, что по окончаніи сессіи Национальнаго Собранія онъ получитъ, если хорошо послужитъ королю, одинъ милліонъ, въ четырехъ билетахъ, отданныхъ на храненіе Ла-Марку³⁾. Милліонъ въ перспективѣ! Знаменитый негодяй даже не нашелъ въ себѣ силы сдерживать свои порывы

¹⁾ *Sur l'administration de M. Necker, par lui-même*, p. 230.

²⁾ Искреннее, по словамъ Ла-Марка; см. его переписку съ Мирабо, т. I, стр. 148.

³⁾ См. его переписку съ Мирабо, стр. 164.

радости; онъ не могъ возвышаться до стыда; онъ засвидѣтельствовалъ за униженіе, въ которое его окунули, восторженную признательность. «Мирабо, пишетъ Ла-Маркъ, обнаружилъ опьяненіе счастья, и его чрезмѣрный восторгъ, признаюсь, нѣсколько удивилъ меня. Однако, восторгъ этотъ объяснялся довольно естественно, во-первыхъ, радостью, что представилась возможность выйти изъ стѣсненныхъ обстоятельствъ и оставить авантюристскую жизнь, которую онъ велъ до сихъ поръ, а также справедливой гордостью, которую онъ долженъ быть испытывать при мысли, что наконецъ считаются съ нимъ»¹⁾). Считаются съ нимъ... покупая его! Никогда не видано столько гордости среди подобнаго униженія, и никогда не находили столь естественнымъ то, что было постыднымъ!

Къ позору купли прибавили оскорбленіе принятыхъ предосторожностей, обнаруженнаго недовѣрія. Ибо, какъ мы видѣли, его измѣну подвергли испытанію, прежде чѣмъ выдать ему полностью обѣщанную плату. Съ другой стороны, ему не дали на руки сумму, предназначенную на погашеніе его долговъ; назначенъ былъ опекунъ надъ его продажностью, и челоуѣкъ, согласившійся взять на себя эту странную опеку, былъ не кто иной какъ архіепископъ тулузскій де-Фонтанжъ!²⁾

Оставалось узнать, какую пользу извлекутъ изъ Мирабо. Сдѣлать его министромъ — ни Людовикъ XVI, ни королева не намѣрены были идти такъ далеко. Возложить на него апостольство контръ-революціи—выгода отъ этого не компенсировала бы скандала; да онъ и самъ не согласился бы на это, продавъ свою совѣсть, но не умъ. Поэтому ограничились тѣмъ, что потребовали отъ него секретныхъ совѣтовъ, предоставляя ему заботу служить королю въ Собраніи скрытымъ потворствомъ и осторожнымъ вѣроломствомъ.

Случай скоро представился.

14-го мая, Монморенъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, письмомъ сообщилъ Собранію, что, вслѣдствіе споровъ, происшедшихъ въ бухтѣ Нотока между англійскими и испанскими торговцами, Англія собирается сдѣлать вооруженное нападеніе на Испанію, и что для защиты, въ случаѣ надобности, этой послѣдней державы, согласно фамилному договору, король приказалъ воору-

¹⁾ *Ibidem.*

²⁾ *Ibidem*, p. 162.

жить четырнадцать линейныхъ кораблей. Въ тотъ же моментъ, съ восторженной стремительностью, поразившей подозрительные умы, было рѣшено заняться со слѣдующаго дня, отложивъ все другія дѣла, обсужденіемъ отвѣта на это сообщеніе¹⁾.

Вечеромъ было чрезвычайное собраніе у якобинцевъ. Предметомъ совѣщанія было письмо министра, и такъ какъ война казалась все́мъ—такъ велико было недовѣріе!—маневромъ, придуманнымъ для того, чтобы помѣшать дѣятельности Національнаго Собранія, сдѣлать отпоръ революціонному чувству, дискредитировать ассигнаціи, забить въ набатъ о банкротствѣ, то пришли къ вопросу, возможно ли, чтобы распоряженіе судьбой народа, зависѣло отъ одного человѣка; другими словами,—можно ли допустить, чтобы королю принадлежало право объявлять войну и заключать миръ²⁾.

Этотъ принципиальный вопросъ, порожденный тревогами момента, получилъ большую важность: Александръ Ламетъ, въ засѣданіи 15-го мая, поставилъ его съ высоты трибуны въ категорической формѣ. Онъ пошелъ дальше: онъ говорилъ, что до разрѣшенія этого вопроса невозможно принять какое-либо рѣшеніе относительно письма министра. Предложеніе Ламета было поддержано не только Барнавомъ, Ревбелемъ, Робеспьеромъ, но также герцогсмъ д'Эгилиономъ, герцогомъ де Брولي барономъ де Мену. Одинъ только Мирабо поднялся, чтобы оспаривать его. Онъ замѣтилъ, что королевское посланіе не заключаетъ въ себѣ объявленія войны; что оно есть лишь извѣщеніе о принятіи нѣкоторыхъ мѣръ предосторожности, очевидно, необходимыхъ; и что эти мѣры были бы связаны съ атрибутами королевской власти, какъ верховнаго исполнителя національной воли, даже и въ томъ случаѣ, если бы право объявлять войну и заключать миръ было отдѣлено отъ его прерогативъ. Мирабо пришелъ къ тому заключенію, что надлежитъ благодарить короля за сдѣланное имъ для безопасности королевства, съ тѣмъ, чтобы тотчасъ же былъ поставленъ на очередь слѣдующій конституціонный вопросъ: *должна ли нація вѣрять королю осуществленіе права войны и мира?*³⁾

Это и было вотировано Собраніемъ 15-го мая, а въ засѣданіи 16-го числа открылись общія пренія.

¹⁾ *Moniteur*, засѣд. 14 мая 1790 г.

²⁾ *Annales patriotiques*, № 226.

³⁾ *Moniteur*, засѣданіе 15 мая.

Они наполнили восемь бурныхъ засѣданій. Этого было слишкомъ много для нетерпѣливой публики. «Мы дивились, писалъ К. Демуленъ, читая, что въ Египтѣ боги ежегодно собирались на парадный обѣдъ, продолжавшійся двѣнадцать дней подрядъ. Намъ удивляли эти небесные желудки, переваривавшіе двѣнадцатидневные обѣды. Я не менѣе удивляюсь поведенію нашихъ депутатовъ, разговаривающихъ восемь дней по такому простому вопросу»¹⁾).

Эта медленность тѣмъ болѣе раздражала общественное мнѣніе, что дебаты не могли касаться существеннаго пункта, потому что онъ былъ жгучій. Вложить ли мечъ въ руку Людовика XVI, когда извѣстно, что удары его будутъ направлять другіе? Въ глазахъ двора, непріятель, котораго нужно побороть, назывался революціей, и требовалось рѣшить, можетъ ли король, по своему усмотрѣнію, противъ этого врага набирать войска и открывать огонь. Вотъ что кипѣло во всѣхъ мысляхъ; вотъ что съ возраставшимъ безпокойствомъ искали на устахъ каждаго оратора, и что каждый ораторъ оставлялъ на днѣ своей души. На трибунѣ разсуждали о будущемъ,—въ галереяхъ думали о завтрашнемъ днѣ, о настоящемъ часѣ, о слѣдующей минутѣ. Доказать убѣдительными доводами, что, вообще говоря, только сами націи имѣютъ право распоряжаться своей судьбой; что опасно и безразсудно завязывать ихъ существованіе такой непрочной нитью, какъ капризъ короля; что въ этомъ отношеніи исторія полна поучительныхъ примѣровъ... это было бы чудесно! Но гдѣ тамъ! О мецскомъ лагерѣ, о генералѣ Булье, о туринскихъ эмигрантахъ, о глухихъ слухахъ, возвѣщавшихъ, казалось, о великой грозѣ коалиціи, ни слова! А тогда къ чему столько рѣчей? Нужно было вотировать, вотировать для того, чтобы право дѣлать войну или миръ осталось за Национальнымъ Собраніемъ! Безъ сомнѣнія! ибо, въ данныхъ обстоятельствахъ, это значило—за революціей. К. Демуленъ не ошибался, вопросъ былъ очень простой.

Для насъ, однако, для людей поколѣнія, видѣвшаго безчисленныя войны и всеобщую бурю,—для насъ дѣло, которое такъ озабочивало нашихъ отцовъ, и происходившіе тогда дебаты сохранили глубокій интересъ: и величіе ихъ было въ томъ, что

¹⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 26.

истины, которыя остаются, вѣчными одержали верхъ надъ случайными тревогами.

Было ли когда-нибудь что либо болѣе прекрасное, чѣмъ эти слова патера Жалле: «Прежде чѣмъ разсуждать о томъ, должна ли французская нація ввѣрить право объявлять войну, слѣдовало бы разсмотрѣть вопросъ, имѣютъ ли сами націи это право? Всякая несправедливая агрессія противна естественному праву; нація имѣетъ не больше права нападать на другую, чѣмъ отдѣльный человѣкъ нападать на другого человѣка. Нація не можетъ дать королю право, котораго сама не имѣетъ»¹⁾.

Не менѣе великолѣпенъ былъ Петіонъ въ отвѣтъ, который онъ далъ безмѣрнымъ хвалителямъ той темной науки и того лживаго искусства, которое называютъ дипломатіей. Завѣщая великимъ сердцамъ основы новаго міра, онъ сказалъ: «Я не знаю солидныхъ и уважаемыхъ трактатовъ, кромѣ тѣхъ, которыя основаны на справедливости. Истинный интересъ націи состоитъ въ томъ, чтобы быть справедливой. Вся наука государственныхъ людей вздорна и бесполезна; они обманываютъ своихъ современниковъ, они приносятъ въ жертву своихъ потомковъ. Въ таинственности нуждаются только тогда, когда хотятъ быть несправедливыми»²⁾.

Припомнимъ также, къ вашей вѣчной чести,—о вы! отъ кого мы научились культу человѣческой солидарности,—припомнимъ, что когда Казалёсъ осмѣлился сказать: «Не русскихъ, не англичанъ, не нѣмцевъ я люблю,—только къ французамъ я питаю горячую любовь; кровь одного изъ моихъ согражданъ для меня болѣе драгоцѣнна, нежели кровь всѣхъ народовъ міра...»,—онъ долженъ былъ остановиться, прерванный общимъ ропотомъ, и извиниться³⁾. Ибо эти слова не были французскими.

Дебаты продолжались уже четыре дня, а человѣкъ, привыкшій освѣщать всякое преніе, Мирабо, еще не сказалъ своего слова. Наконецъ, онъ появился на трибунѣ, гдѣ его ожидало возбужденное любопытство. Мнѣніе его еще не обнаружилось, но, по страшному слову К. Демулена, «знали, какія мѣста онъ часто посѣщаетъ, и почти всѣ пари были противъ его чести»⁴⁾.

¹⁾ *Moniteur*, засѣд. 16 мая 1790 г.

²⁾ *Ibid.*, засѣд. 17 мая.

³⁾ *Ibid.*, засѣд. 21 мая.

⁴⁾ *Revolutions de France et de Brabant*, № 26.

Въ началѣ своей рѣчи онъ видимо стѣснялся, говорилъ нерѣшительно,—онъ, обыкновенно столь положительный. Поставленный въ двойную необходимость беречь свою вчерашнюю популярность и служить королю, онъ высказался противъ исключительныхъ мнѣній. Для функций, говорилъ онъ, зависящихъ одновременно отъ дѣйствія и воли, отъ дѣйствія и размышленія, развѣ нельзя сдѣлать такъ, чтобы двѣ власти, составляющія силу націи, составляющія ея мудрость,—совмѣстно шли къ одной и той же цѣли, не исключая одна другую? Конституція освятила два органа верховной власти,—есть Національное Собраніе, есть король: почему бы не присвоить имъ право совмѣстно объявлять войну и заключать миръ?

Такимъ образомъ, съ первыхъ же словъ Мирабо обнаруживалъ тайное безпокойство своей души. Человѣкъ, подкупленный дворомъ, требовалъ, чтобы предоставили королю держать мечъ Франціи; человѣкъ, которому нужно было щадить, обманывая ее, публичную площадь, не осмѣливался требовать, чтобы мужествомъ націи распоряжались помимо ея воли. Но эта манера представлять дѣло, давая каждому его долю, была не что иное, какъ уловка генія, обреченнаго на безсиліе. Доводы, приведенные Мирабо въ развитіе его мнѣнія, показали, что *de facto* королю онъ намѣренъ былъ ввѣрить полноту данной власти, которой *de jure* онъ требовалъ для него только половину. Вотъ его хитроумная аргументація:

«Почти всегда война бываетъ неожиданной; она можетъ начаться между двумя кораблями совершенно такъ же, какъ и между двумя эскадрами. Если атакуютъ одно изъ вашихъ судовъ, если угрожаютъ вашимъ солдатамъ, будутъ ли они ждать для отраженія этихъ нападений, чтобы законодательный корпусъ далъ имъ разрѣшеніе защищаться? Ну, вотъ вамъ и война. Это необходимость объявляетъ ее, и вмѣшательство Собранія можетъ выразиться лишь въ обсужденіи вопроса, нужно ли продолжать борьбу».

Софизмъ видимо состоялъ въ смѣшеніи частныхъ непріятельскихъ дѣйствій, которыя могутъ, смотря по ихъ большей или меньшей важности, привести или не привести къ войнѣ, съ самой войной; и чуть только это смѣшеніе прошло бы незамѣченнымъ, все было сказано. Ибо какъ отказать королю, на которомъ лежитъ обязанность пещись объ общественной безопасности, въ правѣ отражать въ ту же минуту то или другое не-

предвидѣнное враждебное дѣйствіе? И если допустить, что неожиданное непріятельское дѣйствіе есть война, то необходимо придешь къ тому выводу, что инициатива войны принадлежитъ одному королю!

Исходя изъ этихъ положеній, Мирабо ограничивалъ право Національнаго Собранія: санкціонированіемъ войны, разъ вспыхнувшей; неодобреніемъ ея, и, въ этомъ случаѣ, отказомъ въ субсидіяхъ; требованіемъ заключенія мира; требованіемъ, по заключеніи его, роспуска войскъ; наконецъ, привлеченіемъ министра къ отвѣтственности, если приказы такой важности не были исполнены ¹⁾.

Это значило—облечь короля силой весьма реальной, и дать Собранію гарантіи очень призрачныя. Развѣ когда нибудь пергаментъ конституціи былъ непроницаемымъ для удара штыкомъ? До Мирабо, Кромвель началъ въ этомъ отношеніи демонстрацію, которую другіе, послѣ Мирабо, должны были докончить зрѣлицами, которыя не изгладятся изъ памяти людей!

Впрочемъ, Мирабо призвалъ все свое краснорѣчіе лишь для прикрытія стыда за свое искусство. Онъ говорилъ съ увлекающей пылкостью, онъ былъ достоинъ болѣе благородной роли, когда, говоря о возможныхъ заблужденіяхъ Собранія, воскликнулъ:

«Я не скрывалъ отъ себя, милостивые государи, тѣхъ опасностей, какія могутъ произойти отъ предоставленія единичному человѣку права, или, лучше сказать, средствъ разорить государство, распорядиться жизнью гражданъ, компрометировать безопасность государства, навлечь на наши головы, какъ злой геній, всѣ бѣдствія войны. Здѣсь, какъ многіе другіе, я припомнилъ имена тѣхъ безсовѣстныхъ министровъ, которые затѣвали гнусныя войны для того, чтобы сдѣлаться необходимыми, или чтобы устранить соперника. Я видѣлъ Европу, объятую пламенемъ пожара изъ-за недостаточно скоро поднятой перчатки одной герцогини. Я возстановилъ въ памяти образъ того воинственнаго короля-завоевателя, привязывавшаго къ себѣ своихъ солдатъ посредствомъ развращенія и посредствомъ побѣды, пытавшагося снова стать деспотомъ по возвращеніи въ свои владѣнія, поддерживавшаго и возбуждавшаго одну партію внутри государства и уничтожавшаго законы той самой рукой, которую за-

¹⁾ *Moniteur*, засѣд. 20 мая 1790 г.

коны вооружили... Но я спрошу васъ самихъ: будемъ ли мы лучше обезпечены отъ несправедливыхъ войнъ, если ввѣримъ Собранію изъ семисотъ лицъ пользованіе правомъ объявлять войну? Предвидѣли ли вы, до чего страстныя движенія, до чего экзальтація мужества и ложнаго достоинства могутъ довести неблагоразуміе? Мы слышали, какъ одинъ изъ нашихъ ораторовъ предлагалъ вамъ, если Англія затѣетъ несправедливую войну съ Испаніей, тотчасъ же перейти моря, опрокинуть одну націю на другую, играть въ самомъ Лондонѣ съ этими гордыми англичанами до послѣдняго эюк и послѣдняго человѣка, и мы всѣ рукоплескали, и я самъ рукоплескалъ; ораторскаго движенія достаточно было, чтобы обмануть на мгновеніе вашу мудрость. Думаете ли вы, что подобныя движенія,—если вамъ придется когда нибудь совѣщаться здѣсь о войнѣ,—не увлекутъ васъ къ гибельнымъ войнамъ, и что вы не смѣшаете совѣтъ мужества съ совѣтомъ опытности? Въ то время, когда вы будете совѣщаться, потребуютъ войны неистовыми криками: вы увидите вокругъ себя цѣлую армію гражданъ. Вы не будете обманываемы министрами, но не обманетесь ли вы сами?»

Затѣмъ, напомнивъ слова одного матроса, который, въ 1740 г., вызвалъ войну Англіи противъ Испаніи: *когда испанцы, изуродовавъ меня, присудили къ смерти, я поручилъ мою душу Богу, а отмщеніе за меня моей странѣ*, Мирабо прибавилъ: «Это былъ человѣкъ очень краснорѣчивый, этотъ матросъ! но война, которую онъ возжегъ, не была ни справедливой, ни политической. Ни англійскій король, ни министры не хотѣли ея: возбужденіе Собранія, менѣе многочисленнаго и болѣе снисходительнаго, чѣмъ наше, къ комбинаціямъ коварной политики, рѣшило вопросъ въ пользу войны»¹⁾).

Въ этомъ указаніи на опасности отъ краснорѣчія, сдѣланномъ несравненнымъ ораторомъ, въ этомъ процессѣ, гордо объявленномъ законодательнымъ собраніемъ человѣкомъ, рожденнымъ для того, чтобы тащить ихъ въ своей свитѣ запыхавшимися и побѣжденными, въ этомъ крикѣ, гордомъ и разумномъ «остерегитесь!», испущенномъ олицетворенной смѣлостью, было нѣчто неожиданно-величественное, которое ошеломило слушателей, и, внѣ Собранія, удивило на минуту общественное мнѣніе. Продажность Мирабо—ее еще только подозрѣвали; но его геній опять, какъ всегда, явился молніеноснымъ. Особенно трогательна была его заключительная рѣчь. Онъ предложилъ въ ней свой проектъ

декрета съ необычной для него скромностью. Онъ великодушно извинялся, что позволилъ себѣ коснуться проблемы, разрѣшенія которой естественно должно было ожидать отъ несравненно болѣе глубокаго мыслителя, чѣмъ онъ, отъ героя сильныхъ медитацій, отъ аббата Сьейса. «Я умолялъ его во имя дружбы, которою онъ почтилъ меня, сказалъ Мирабо въ заключеніе, во имя любви къ отечеству, подѣлиться съ нами своими мыслями, не оставлять этого пробѣла въ конституціи: онъ отказалъ мнѣ въ этой просьбѣ; обличаю его предъ вами. Заклинаю васъ, въ свою очередь, добиться его отъзвѣта, который не долженъ быть секретомъ; исторгнуть, наконецъ, изъ унынія, упадка духа, челоуѣка, на молчаніе и бездѣйствіе котораго я смотрю, какъ на общественное бѣдствіе»¹⁾).

Кого противопоставить атлету, у котораго сила соединялась съ такой гибкостью и ловкостью?

Барнавъ былъ молодъ, смѣлъ, пылокъ, жаденъ до аплодисментовъ. Хотя изящество его вкусовъ, казалось бы, должно было удалять его отъ бурныхъ сценъ, и хотя въ его нѣжномъ и легкомъ сердцѣ было мѣсто—послѣдующее слишкомъ доказало это—для любви, начинаемой тщеславіемъ, но онъ уже рано сталъ ухаживать за молвой и искалъ славы въ популярности. Это онъ, по поводу смерти повѣшеннаго парижскимъ народомъ въ 1789 г. генеральнаго контролера финансовъ Фулона, произнесъ слово, которымъ роялисты воспользовались, чтобы приписать ему свирѣпый нравъ, котораго у него на самомъ дѣлѣ не было: *Проливаемая кровь дѣйствительно ли такъ чиста?* Быть въ этомъ случаѣ рыцаремъ Франціи было, конечно, для него заманчиво, и поощреніе братьевъ Ламетъ, поддержка Дюпора, предвидимыя похвалы журналистовъ, формально обѣщанное присоединеніе якобинцевъ, способны были породить у него галлюцинацію на счетъ того, что политическая дуэль между нимъ и Мирабо могла быть неравной. Къ тому же не былъ ли онъ природнымъ ораторомъ того тріумвирата, который Мирабо прозвалъ *тріумвиратомъ* и тѣмъ навсегда возстановилъ противъ себя? Нѣтъ сомнѣнія, что со своими двадцатью девятью годами, съ стройной фигурой, сладкозвучнымъ голосомъ, красивой фізіономіей Барнавъ соединялъ краснорѣчіе, не искрометное, но отличавшееся логичностью, точностью и ясностью. По отзвѣту тѣхъ

¹⁾ *Moniteur*, засѣд. 20 мая 1790 г.

изъ его современниковъ, которые, не симпатизируя ему, удивлялись его таланту¹⁾, онъ въ особенности обладалъ искусствомъ резюмировать рѣчь, и послѣ какого-нибудь темнаго дебата превосходно умѣлъ выяснитъ сомнѣнія, разсѣять туманъ. Онъ и былъ выбранъ своей партией для состязанія съ Мирабо.

Барнавъ началъ съ признанія, что конституція дѣйствительно освящаетъ двѣ власти; но вмѣсто того, чтобы извлечь отсюда, — какъ это сдѣлалъ Мирабо, — то слѣдствіе, что нужно произвести между ними анархическій дѣлежъ, или, точнѣе сказать, призвать ихъ совмѣстно къ сбивчивому осуществленію права войны и мира, онъ пришелъ къ тому заключенію, что атрибуціи каждой изъ этихъ властей должны быть соответствующими ея существу. Законодательный корпусъ выражаетъ общую волю; король же только исполняетъ то, что было рѣшено представителями народа. Слѣдовательно, этимъ послѣднимъ и принадлежитъ исключительно право опредѣлять войну, такъ какъ это опредѣленіе есть актъ воли²⁾.

Въ то время, когда Барнавъ говорилъ такъ, Мирабо слушалъ его съ замѣтнымъ вниманіемъ, обдумывая свою реплику. Вдругъ онъ промолвилъ вполголоса: «онъ въ моихъ рукахъ!» попросилъ карандашъ у своего сосѣда Фрошо, начертилъ полу-линію и сказалъ, вставая: «*voilà et de là* довольно того, что мы слышали, выйдемъ!» Онъ думалъ, что схватилъ слабую сторону различія, установленнаго Барнавомъ, и не сомнѣвался болѣе въ побѣдѣ. Онъ пошелъ прогуляться въ Тюльерійскомъ саду, встрѣтилъ тамъ многихъ знакомыхъ, между прочимъ г-жу Сталь, съ которою и бесѣдовалъ о разныхъ безразличныхъ предметахъ³⁾.

Барнавъ продолжалъ свою рѣчь. Коснувшись сущности софизма, изъ котораго Мирабо сумѣлъ извлечь большую пользу, онъ доказывалъ, что начало враждебныхъ дѣйствій не приводитъ необходимо къ войнѣ. Развѣ всякая частная ссора имѣетъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ общій пожаръ? Развѣ враждебныя дѣйствія не могутъ привести къ мирному удовлетворенію за нанесенное оскорбленіе, точно такъ же, какъ и къ битвѣ? На королѣ, слѣдовательно, лежитъ забота о принятіи мѣръ къ тому,

1) Dampmartin, *Événements qui se sont passés sous mes yeux pendant la Révolution française*, t. I, p. 160. Berlin.

2) *Moniteur*, засѣд. 21 мая 1790 г.

3) Монтинья сообщаетъ этотъ фактъ, какъ слышанный имъ отъ самого Фрошо. См. *Mémoires de Mirabeau*, t. VII, p. 263.

чтобы возможные неприятельскія дѣйствія не застали націю врасплохъ; но представителямъ націи, какъ органамъ ея воли, принадлежитъ право опредѣлить истинный характеръ этихъ неприятельскихъ дѣйствій, взвѣсить ихъ значеніе и соотвѣтственно тому принять рѣшеніе. «Если бы всякое частное неприятельское дѣйствіе было войной, то рѣшеніе вопроса не зависѣло бы ни отъ власти законодательной, ни отъ власти исполнительной: его рѣшалъ бы любой капитанъ корабля, любой купецъ, любой офицеръ, который сдѣлалъ бы нападеніе или оказалъ сопротивление произведенному на него нападенію»¹⁾.

Ораторъ показалъ затѣмъ, насколько призрачны были бы гарантіи, о которыхъ говорилъ Мирабо. Какъ! По своему капризу, король ввергалъ бы націю въ войну, а у представителей народа оставалось бы только право выразить неодобреніе, сопровождаемое, въ случаѣ надобности, отказомъ въ субсидіяхъ! Не время не одобрять пожаръ, когда все уже въ огнѣ! И когда неприятель былъ бы у воротъ, поздно было бы отказывать въ субсидіяхъ, необходимыхъ тогда для спасенія государства отъ опасности! Но отвѣтственность министра? «Не только, отвѣчалъ Барнавъ, отвѣтственность невозможна въ случаѣ войны, но каждый знаетъ, что предпріятіе войны есть банальное средство, чтобы избѣгнуть отвѣтственности, уже навлеченной. Дефицитъ развѣ не извѣстенъ. Вооружаются, для того, чтобы вымышленными расходами покрыть плодъ своихъ хищеній, и опытъ показалъ, что лучшее средство, какое можетъ употребить ловкій министръ, чтобы похоронить свои преступленія,—это заставить триумфами простить ихъ. Периклъ предпріялъ Пелопонесскую войну, когда увидѣлъ себя въ невозможности отдать отчетъ: вотъ отвѣтственность»²⁾.

По мѣрѣ того, какъ пылкій молодой ораторъ все сильнѣе наступалъ на своего противника, у друзей его исчезала боязнь, которой они не могли не испытывать, побуждая его помѣряться съ Мирабо. Съ своей стороны, удивленные и восхищенные, галереи рукоплескали. Имъ нравилось смотрѣть, какъ, по выраженію К. Демулена, «юный Даресъ повалилъ на землю стараго Энтеля»³⁾. Но гдѣ Барнавъ выказалъ сильное красно-

¹⁾ *Moniteur*, засѣд. 21 мая 1790 г.

²⁾ *Ibidem*, засѣд. 28 мая 1790 г.

³⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 26.

рѣчіе; это когда, повторяя мысль Петіона и вызывая импонирующую тѣнь Мабли, онъ отрицалъ въ международныхъ отношеніяхъ необходимость тайны, которая всегда была ничѣмъ инымъ какъ обманомъ, и повторилъ слова: «Политика Франціи должна заключаться не въ секретѣ, а въ справедливости»¹⁾.

Мирабо вернулся въ Собраніе. Его пренебреженіе уступило мѣсто удивленію, онъ былъ взволнованъ. Когда потребовали приступить къ голосованію, онъ энергично воспротивился этому, не желая, чтобы вотировали подъ впечатлѣніемъ слова, которое онъ, быть можетъ, сначала не считалъ столь могучимъ, и, по его настоянію, отложили рѣшеніе до слѣдующаго дня.

Народъ, ожидавшій борцовъ при выходѣ съ арены, встрѣтилъ Мирабо проклятіями, а его противниковъ радостными криками. Д'Эгильонъ прошелъ, сопровождаемый огромной толпой, подъ окнами королевы. Мену, Дюпоръ, братья Ламетъ переходили черезъ Тюльерійскій садъ среди одобрительныхъ восклицаній. Барнава несли въ триумфѣ, и народъ указывалъ дерево, на которомъ будетъ повѣшенъ Мирабо²⁾.

Интересъ, возбужденный этой борьбой, дошелъ до изступленія. Городъ оглашался угрозами и проклятіями.

Всѣ предмѣстья стоворились запереть заставы и взяться за оружіе, если право объявлять войну и заключать миръ останется за министрами³⁾. По словамъ одного свидѣтеля, участвовавшаго въ этихъ событіяхъ⁴⁾, болѣе пятидесяти тысячъ гражданъ наполняли Тюльери, сады Фельяновъ и Капуциновъ, Вандомскую площадь, улицы Сентъ-Оноре и прилегающія улицы.

На слѣдующій день Мирабо пріѣхалъ въ Національное Собраніе съ высоко поднятой головой. При входѣ его въ залу, одинъ изъ его друзей показываетъ ему памфлетъ, который выкрикивали въ этотъ день во всемъ Парижѣ. Взглянувъ на памфлетъ и прочитавъ его заглавіе: *Великая измѣна графа Мирабо!* онъ сказалъ: *Меня вынесутъ изъ Собранія въ триумфъ или въ локутъяхъ*⁴⁾. О! непостижимая и тягостная загадка! Этотъ человекъ, который очень хорошо зналъ, что на этотъ разъ подо-

¹⁾ См. *Mémoires de Ferrières*, t. II, liv. VII; *Révolutions de France et de Brabant*, № 28; *Mémoires de Mirabeau*, t. VII, liv. VI, etc.

²⁾ *L'Observateur*, № 125.

³⁾ Alexandre de Lameth, *Histoire de l'Assemblée constituante*, t. II, p. 312.

⁴⁾ *Mémoires de Ferrières*, t. II, liv. VI.

зрѣнія народа не были ошибочны, этотъ человекъ, который, быть можетъ, имѣлъ при себѣ золото, полученное отъ двора сегодня утромъ, задрапировался въ позу оклеветанной добродѣтели и говорилъ ея языкомъ. Такъ какъ появленіе его на трибунѣ привѣтствовали ревомъ, исходившимъ и отъ лѣвой, и отъ правой сторонъ, то онъ ждалъ момента молчанія спокойно, со скрещенными на груди руками, съ миной презрительнаго терпѣнія. Затѣмъ онъ такъ началъ свою рѣчь:

«Чтобы сблизить противоположныя мнѣнія, нужно прежде всего выяснитъ, на чемъ сходятся и въ чемъ расходятся. Дружелюбныя пренія лучше для взаимнаго пониманія, чѣмъ клеветническія намеки, неистовыя обвиненія, ненависть соперничества, махинаціи интриги... И меня также хотѣли нѣсколько дней назадъ носить въ триумфѣ, а теперь кричатъ на улицахъ: *«великая измѣна графа Мирабо!»* Я не нуждался въ этомъ урокъ, чтобы знать, что невелико разстояніе отъ Капитолія до Тарпейской скалы».

Что произошло въ эту минуту въ душѣ Барнава? Пришло ли ему на умъ, что это воззваніе къ античнымъ воспоминаніямъ могло быть грознымъ пророчествомъ? Явилось ли у него предчувствіе, что черезъ три года народъ,—тотъ самый народъ, который только что носилъ его на рукахъ,—поведетъ его на казнь, и что Тарпейской скалой будетъ для него, Барнава, эшафотъ?...

«Тотъ,—продолжалъ Мирабо,—кто имѣетъ сознаніе, что хорошо служилъ своей странѣ, и особенно, что еще можетъ быть ей полезнымъ; тотъ, кого не удовлетворяетъ пустая знаменитость, кто пренебрегаетъ успѣхами дня для истинной славы; кто хочетъ говорить истину; кто хочетъ работать для общаго блага, независимо отъ неустойчивыхъ движеній народнаго мнѣнія, тотъ носить въ самомъ себѣ награду за свои услуги, за свои труды, за испытанныя опасности. Онъ долженъ ждать своей судьбы, той, которая его интересуетъ,—судьбы своего имени,—только отъ времени, этого нелицепріятнаго судіи, который творитъ судь надъ всѣми»¹⁾.

Послѣ этого столь спокойно величаваго вступленія, Мирабо, приступая къ вопросу, отрицалъ то положеніе, будто законодательный корпусъ составляетъ всю законодательную власть; онъ

¹⁾ *Moniteur*, засѣд. 22 мая 1790 г.

напомнилъ, что, на основаніи конституціи, король причастенъ къ этой послѣдней власти, такъ какъ онъ вооруженъ правомъ *veto*, и законъ получаетъ силу только при условіи санкціонирования его королемъ. Нельзя, слѣдовательно, утверждать, какъ это сдѣлалъ Барнавъ, что одному только Собранію, насколько оно является органомъ національной воли, принадлежитъ право объявлять войну или заключать миръ.

Мирабо продолжалъ въ этомъ тонѣ, повидимому, единственно озабоченный желаніемъ побѣдить только логикой, но по временамъ, увлекаемый своей страстью, внутреннее кипѣніе которой проявлялось быстрыми восклицаніями, прерывистыми фразами, пламенными взглядами и словами, обращенными къ Барнаву. «Эти удары снизу вверхъ не остановятъ меня въ моей карьерѣ... На этомъ останавливаю васъ... Призываю васъ къ порядку... Вы преступили конституцію... Вы не отвѣчаете...»¹⁾.

Въ это время за стѣнами Собранія публика волновалась, беспокоилась насчетъ результата преній: «Ну, что! какія новости?» И лица, стоявшія у оконъ залы, сходили съ полосками бумаги, въ родѣ бюллетеней, на которыхъ было отмѣчено колебаніе мнѣній, и которые, тотчасъ же скопированныя, переходя изъ рукъ въ руки, возбуждали въ толпѣ надежду или опасеніе²⁾.

Въ числѣ поддерживавшихъ доктрину Мирабо были Кюстинъ, Казалесъ, Клермонъ Тоннеръ, графъ Монлозье, аббатъ Монте-скіе, кардиналъ Буажеленъ и особа важнѣе ихъ всѣхъ — Лафайетъ³⁾: Мирабо, оканчивая рѣчь, осыпалъ ихъ ловкими похвалами. «Въ нашихъ рядахъ,—сказалъ онъ,—вы увидите людей, имена которыхъ обезоруживаютъ клевету и репутаціи которыхъ не пытались чернить самые необузданные пасквилянты; людей незапятнанныхъ, безкорыстныхъ, безбоязненныхъ, которые до гроба будутъ пользоваться уваженіемъ своихъ друзей и своихъ враговъ»⁴⁾.

Многіе историки увѣряютъ, что увлеченное Собраніе согласилось съ Мирабо⁵⁾: это ошибка. Первая статья предложеннаго Мирабо проекта декрета гласила такъ:

¹⁾ *Moniteur*, Засѣданіе 22 мая 1790 г.

²⁾ *Alexandre de Lameth, o. cit.*, t. II, p. 312.

³⁾ *Mémoires de Mirabeau*, t. VII, p. 273.

⁴⁾ *Moniteur*, засѣд. 22 мая 1790 г.

⁵⁾ Ферьеръ въ своихъ *Mémoires*, t. II, liv. VI; Тьеръ, въ своей *Histoire de la Révolution*, t. I, livr. III, авторъ «*Zanuckox Mirabo*», t. VII, p. 273, и т. д.

«Право объявлять войну и заключать миръ принадлежитъ націи; осуществленіе этого права ввѣряется совмѣстно власти законодательной и власти исполнительной»³⁾).

Но это послѣднее постановленіе, составлявшее существенную часть плана Мирабо, это постановленіе, на неопредѣленность и неясность котораго указывалъ Барнавъ, какъ на скрывающую въ себѣ ловушку, было отвергнуто Собраніемъ, которое приняло, по предложенію Александра Ламета, измѣненному депутатомъ Фрето, слѣдующую статью, совершенно иную, такъ какъ изъ нея недвусмысленно вытекало: для Собранія право *рѣшать*; для короля только право *предлагать* и *санкціонировать*.

«Право войны и мира принадлежитъ націи. *Война можетъ быть рѣшена только декретомъ Національнаго Собранія*, который будетъ данъ по формальному и необходимому предложенію короля, и который будетъ одобренъ имъ»¹⁾.

Правда, что, считая себя полу-побѣжденнымъ, Мирабо имѣлъ ловкость, чтобы замаскировать свое пораженіе, присоединиться въ послѣдній моментъ къ этой системѣ, за которую, по его словамъ, онъ «ратовалъ пять дней»²⁾. Но это былъ лишь парламентскій маневръ, имѣвшій цѣлью ввести въ обманъ общественное мнѣніе, доказательствомъ чего служить тотъ фактъ, что впоследствии, отдавая въ печать свою рѣчь по адресу администраторовъ департамента, онъ измѣнилъ въ ней многія мѣста въ смыслѣ вота Собранія. Къ несчастью, рѣчь его находилась въ *Монитерѣ* въ томъ самомъ видѣ, какъ она была имъ произнесена. Можно было, слѣдовательно, сличить двѣ версіи, отмѣтить умышленныя передѣлки и разоблачить маневръ. Это и сдѣлалъ Теодоръ Ламетъ. Вооруженный письмомъ отъ редактора *Монитера* Марсильи, объявившаго категорически, что первая рѣчь и реплика Мирабо были по его рукописи *дословно* напечатаны въ официальной газетѣ, Т. Ламетъ выпустилъ въ свѣтъ брошюру, гдѣ были сопоставлены текстуральные и противорѣчивыя цитаты,—брошюру, убійственную для Мирабо³⁾.

Справедливость, однако, требуетъ сказать, что, за исключеніемъ главнаго пункта, около котораго вертѣлись почти всѣ де-

1) *Moniteur*, засѣд. 22 мая 1790 г.

2) *Ibidem*.

3) См. *Histoire parlementaire* Бюше и Ру, гдѣ эта брошюра цитирована, т. VI, стр. 149—159.

баты, планъ его прошелъ. Было рѣшено, что королю будетъ поручено пецись о внѣшней безопасности королевства, вести переговоры, выбирать для этого агентовъ, поддерживать заграницей политическія сношенія, дѣлать военныя приготовленія, со-размѣрныя съ приготовленіями сосѣднихъ государствъ, распре-дѣлать по своему усмотрѣнію сухопутныя и морскія военныя силы¹⁾.

Въ сущности, побѣда не была полной ни для той, ни другой партіи: каждая изъ нихъ чувствовала это, и тѣмъ не менѣе каждая считала себя побѣдительницей. «Вотъ онъ угвержденъ,—воскликнулъ *Journal du Diable*,—этотъ декретъ, который долженъ былъ навсегда обезпечить счастье французовъ. Не безъ труда друзья свободы одержали побѣду. Но полная ли она? Не слишкомъ ли много дано королю? Эта мысль сильно смущаетъ меня».

Съ своей стороны, серьезный и меланхолическій Лустало со-крушался по поводу народной радости. Всегда бодрствующій, когда слишкомъ большое довѣріе грозило ослѣпить народъ, всегда непоколебимый, когда дуновение улицы приводило въ волненіе все вокругъ него, онъ критиковалъ этотъ декретъ, которымъ такъ восторгались, съ большой глубиной мысли и своего рода торжественной печалью. Мало успокоенный этимъ правомъ рѣ-шать вопросъ о войнѣ,—правомъ, которое признали за предста-вителями народа, только подчинивъ его формальному предложе-нію короля, онъ спрашивалъ, увѣрены ли, что король всегда будетъ предпринимать только необходимыя войны; что онъ не будетъ сговариваться съ иностранными государями либо для того, чтобы продать наши владѣнія, либо для того, чтобы до-пустить ихъ захватъ. Что касается возможныхъ злоупотребленій предоставленнымъ монарху правомъ вести войну, то онъ привелъ разительные примѣры: «Святой царь Давидъ примѣ-тилъ одну женщину въ купальнѣ; она приглянулась ему,—это была жена одного храбраго офицера, находившагося тогда въ войскѣ; онъ похитилъ ее и написалъ военачальнику Іоаву по-ставить Урію—такъ звали офицера—въ передній рядъ бойцовъ, для того, чтобы его убили. Іоавъ, вѣрный исполнитель прика-заній царя Давида, предпринимаетъ штурмъ, который былъ от-раженъ, но во время котораго Урія погибъ, вмѣстѣ съ многими

¹⁾ *Moniteur*, засѣд. 22 мая 1790 г.

другими евреями. Иоавъ посылаетъ вѣстника доложить царю объ испытанной имъ неудачѣ; но, прибавилъ онъ, обращаясь къ посланцу, если увидишь, что царь огорченъ тѣмъ, что мы близко подошли къ стѣнамъ крѣпости, скажи ему, что *Урія убитъ*. Вотъ какъ война отдастъ жизнь и священнѣйшую собственность гражданъ во власть страстей государя»¹⁾.

Мирабо, разъ заподозрѣнный, вызвалъ противъ себя общее негодованіе, тѣмъ болѣе неумолимое, что повсюду, въ этотъ моментъ, господствовало гнѣвное настроеніе, ибо это было какъ разъ во время знаменитыхъ дебатовъ, о которыхъ мы сейчасъ рассказали, что изданіе *Actes des apôtres* сжигали на улицахъ, что патріоты ворвались въ кафе Фуа и къ книгопродавцу Гатэ, прогнали оттуда аристократовъ и, какъ выразилась газета *Observateur*, очистили ладаномъ воздухъ этихъ мѣстъ²⁾. Другая причина безпорядковъ была та, что разнесся слухъ, будто враги революціи рѣшили предать Парижъ въ руки разбойничьихъ шаяекъ, и легковѣрный народъ принялся самъ охотиться на воровъ, покровительствуемыхъ, какъ говорили, приказомъ Шатле. Двое изъ этихъ несчастныхъ были самосудомъ повѣшены на *Новомъ рынкѣ*, на столбѣ вышиной въ шесть футовъ: третій, оказавшій сопротивленіе, былъ побитъ камнями³⁾, и въ тотъ моментъ, когда его уже доканчивали, вдругъ появляется Лафайетъ, хватаясь за шиворотъ наносившаго послѣдніе смертельные удары, тащитъ его въ Шатле, возвращается оттуда въ среду разъяренныхъ, озвѣрѣлыхъ людей и кричитъ: «Вы—убійцы!» и толпа рукоплещетъ ему⁴⁾. Что могло быть общаго между всѣмъ этимъ и *великой измѣной графа Мирабо*? Однако Камилль Демулень не побоялся инсинуировать, что эти безпорядки были результатомъ подготовленнаго заговора, имѣвшаго цѣлью направить умъ народа на преслѣдованіе химеръ, «и отвлечь на Шатлетскій приказъ, на воровъ слишкомъ любопытные взоры, уставившіеся на нѣкоторыхъ членовъ Собранія»⁵⁾. Прошло то время, когда Камилль считалъ за честь пить въ Версали шампанское у великаго оратора, то время, когда онъ любилъ называть его при всѣхъ *мой дорогой Мирабо!* Теперь онъ изъ первыхъ гово-

¹⁾ *Révolutions de Paris*, № 45.

²⁾ *L'Observateur*, № 125.

³⁾ *Ibidem*.

⁴⁾ и ⁵⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 26.

ридь о золотъ Филиппа, и изъ своего легкаго колчана извлекъ, чтобы пронзить своего бывшего амфитріона, самыя острыя изъ своихъ стрѣль:

«Мирабо сказалъ, что въ Кароагенѣ, въ Римѣ—такіе граждане, какъ Аннибалъ и Цезарь, были опасны. Дать царя изъ опасенія, чтобы кто-нибудь не сѣлъ на престолъ! Это прелестное разсужденіе напоминаетъ мнѣ разсужденіе *Шампаня*:

*Champagne un beau matin reçut cent coups de gaule
Que depuis plus d'un an lui promettait La Fleur.
Dieu soit loué, dit-il, en se frottant l'épaule,
Me voilà guéri de la peur*¹⁾).

Однако, какъ ни были непочтительны выходки его пылкаго воображенія, К. Демуленъ не рѣшился поразить окончательнымъ приговоромъ такого революціонера, какъ Мирабо. «Намъ нужно бы было неопровержимое доказательство, чтобы имѣть право кричать вмѣстѣ съ этимъ измѣнчивымъ народомъ о подкупѣ; но недовѣріе есть мать безопасности»²⁾).

Почти то же самое говорили и авторы «Парижской Хроники»: «Мы не будемъ кричать о подкупѣ, но мы скажемъ г. Мирабо, что чувство свободы не можетъ существовать безъ недовѣрія и безпокойства... Вѣримъ, что въ новой битвѣ онъ возстановитъ свою славу. Ожидаемъ его на бреша... Мы еще увидимъ его выходящимъ изъ залы при восторженныхъ крикахъ того самаго народа, который проклиналъ его въ прошлую субботу»³⁾).

Фреронъ въ своемъ *листкѣ*, который тогда только что появился, не считалъ себя обязаннымъ сдерживаться: «Мирабо, Мирабо! — писалъ онъ, — поменьше талантовъ да побольше добродѣтели, иначе берегись быть вздернутымъ на фонарь!»⁴⁾).

Нѣсколько дней спустя, больной и слабый, съ тусклымъ взоромъ, съ увядшимъ лицомъ, съ видимо удрученной душой, Мирабо снова появился на трибунѣ. На этотъ разъ въ залѣ

¹⁾ *Шампаня* въ одно прекрасное утро получилъ сотню палочныхъ ударовъ, которую ему ужъ больше года обѣщала *Лафлеръ*.—«Хвала Богу, сказалъ онъ, почесывалъ спину, вотъ я и вылечень отъ страха». *Révolutions de France et de Brabant*, № 27.

²⁾ *Ibidem*, № 28.

³⁾ *Chronique de Paris*, № 173.

⁴⁾ *L'Orateur du peuple*.

воцарилось молчаніе и онъ разбитымъ голосомъ, у котораго знали столько другихъ оттѣнковъ, произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Умеръ Франклинъ!.. Вернулся въ лоно божества геній, освободившій Америку и пролившій на Европу потоки свѣта. Мудрецъ, котораго присваиваютъ два міра, человекъ, котораго оспариваютъ другъ у друга исторія наукъ и исторія царствъ, занималъ, безъ сомнѣнія, высокое мѣсто въ человѣческомъ родѣ... Довольно долго этикетъ дворовъ провозглашалъ лицемѣрные трауры: націи должны носить трауръ только по своимъ благодѣляямъ... Конгрессъ назначилъ въ четырнадцати штатахъ Союза двухмѣсячный трауръ по случаю кончины Франклина. Не будетъ ли достойнымъ насъ, милостивые государи, присоединиться къ этому религиозному акту?... Античный міръ воздвигъ бы жертвенникъ этому могучему, всеобъемлющему генію, который, на пользу смертныхъ, обнимая въ своей мысли небо и землю, сумѣлъ укротить громы и тирановъ... Предлагаю декретировать, что Національное Собраніе будетъ носить въ продолженіе трехъ дней трауръ по Веніамину Франклину» ¹⁾).

Это прекрасное предложеніе было принято, и Франція явила міру зрѣлище великаго народа, носящаго трауръ по великомъ человѣкѣ, уроженцѣ дальнихъ заморскихъ странъ. Но самъ Мирабо, внесшій это предложеніе,—кто такой онъ былъ? Дѣйствительно ли это былъ протеже графа Ла Марка, несостоятельный должникъ, долги котораго были уплочены Фонтанжемъ, ораторъ на жалованьи у двора? Нѣтъ, нѣтъ: онъ оставилъ пребываніе на землѣ и воспарилъ на мгновеніе къ небесамъ,—духъ этого непостижимаго существа, въ которомъ соединялись всѣ слабости человѣческой натуры, всѣ ея волненія страстей, всѣ ея возвышенныя чувства, и который былъ таковъ, что, если удивляешься его талантамъ, то краснѣешь отъ стыда за него, а если относишься къ нему съ презрѣніемъ, то глубоко жалѣешь его.

¹⁾ *Moniteur*, засѣд. 11 іюня 1790 г.

ГЛАВА XI.

Кальвинисты въ Нимѣ.

Драгуны-волонтеры, *красные помпы, лукопы*.—Соперничество избирательнаго собранія и муниципалитета въ Нимѣ; клубъ *Друзей конституціи*.—День 13 іюня 1790 г. въ Нимѣ; гражданская война: рѣзня; день 14 іюня.—Окрестная мѣстность охвачена пожаромъ междоусобной войны.—Католическія деревни вооружаются.—Банды протестантовъ идутъ къ Ниму.—Вспомогательная армія на эспланадѣ Нима.—Опустошеніе капуцинскаго монастыря; избіеніе монаховъ.—Общее отчаяніе.—Фроманъ, Фодаше и Декомбе въ башняхъ замка.—Мирные переговоры, начатыя и прерванныя.—Взятіе башенъ замка приступомъ: смерть Фромана, по провансію «Булянь».—Сцены ужаса.—Сцены челоѡкълюбія.—Репрессіи, производимыя католиками въ деревняхъ.—Конецъ смуть.

«Сигналомъ будутъ дворцовыя башенныя часы,—когда на нихъ будетъ бить большой колоколъ, на разсвѣтѣ». Вотъ какъ, въ царствованіе Карла IX, герцогъ Гизъ возвѣстилъ своимъ сторонникамъ *Парижскую заутреню*. Не было никого, чтобы возвѣстить съ такой страшной точностью *Нимскую заутреню*, которая, черезъ два слишкомъ столѣтія, была второй Вареоломеевской рѣзней въ обратномъ смыслѣ, но грубо спровоцированной на этотъ разъ, послѣдовавшей за битвой, и гдѣ, по западной, ужасной перемѣнѣ ролей, палачи оказались въ положеніи жертвъ.

Можно еще болѣе или менѣе спокойно готовить обширную рѣзню, накапливая оскорбленія, разжигая ненависти, вливая капли по каплѣ желчь въ души; но смотрѣть спокойнымъ взоромъ на избіеніе всего населенія, но комбинировать хладнокровно ужасы, изъ которыхъ такая драма должна будетъ слагаться, но раскачивать заранѣе, въ глубинѣ своего сердца, колоколъ, который будетъ звонить на столькихъ похоронахъ... это такая чудовищная злоба, что для чести челоѡческаго рода, не нужно слишкомъ торопиться считать людей способными къ ней. Даже Вареоломеевская рѣзня была лишь результатомъ очень короткаго предумышленія, прерываемаго, у Карла IX, альтернативами ужаса, преждевременныхъ угрызений совѣсти и ярости. Въ Нимѣ, что бы ни говорили двѣ противныя партіи, слишкомъ склонныя сваливать одна на другую преступленіе заговора, медленно назрѣвавшаго и имѣвшаго совершенно опредѣленную цѣль — избіеніе половины города,—въ Нимѣ все произошло отъ пустой

ссоры. А почему бы и не такъ? Когда мина начинена порохомя, развѣ для того, чтобы взорвать ее, не достаточно одной искры?

Нимскій легіонъ сначала набирался изъ протестантовъ и католиковъ, братски сближенныхъ и смѣшанныхъ; но, обработываемый фанатизмомъ, онъ не замедлилъ раздѣлиться на роты протестантскія и роты католическія, изъ которыхъ послѣднія назывались также *ротами Креста*. Что касается бѣлыхъ кокардъ, столь дорогихъ фанатикамъ, то онѣ исчезли со времени прокламаціи короля, строго воспрещавшей ихъ ношеніе, но исчезли только за тѣмъ, чтобы уступить мѣсто краснымъ помпонамъ¹⁾, ставшимъ, для ультра-католиковъ, условнымъ опознавательнымъ и собирательнымъ знакомъ.

Кромѣ нимскаго легіона, наружную службу по охранѣ города и окрестныхъ деревень несла рота драгунъ-волонтеровъ, состоявшая по-ровну изъ вѣротерпимыхъ католиковъ и кальвинистовъ, которыхъ соединила любовь къ революціи. Это было войско легкое, богатое и блестящее, бывшее въ большомъ фаворѣ у избирательнаго корпуса или собранія,—потому что избиратели были патріоты,—ненавистное членамъ муниципалитета, потому что они были контръ-революціонеры, и преслѣдуемое завистливой злобой красныхъ помпоновъ. Каждый день происходили ссоры, взаимныя поношенія и угрозы. Такъ какъ у нимскихъ земледѣльцевъ была привычка не ѣсть за завтракомъ ничего, кромѣ хлѣба съ лукомъ, то ихъ прозвали *лукопдами*²⁾, и это прозвище, примѣняемое протестантами къ ультра-католикамъ, раздавалось въ ушахъ этихъ послѣднихъ какъ смертельная обида. Въ свою очередь, они не щадили ничего, чтобы унижить своихъ враговъ: доказательство — рандеву, назначенное однажды *лукопдамъ*, на площади Реколлектовъ, откуда они должны были уѣхать верхомъ на ослахъ, и такимъ образомъ пародировать военныя прогулки драгунъ³⁾.

Все, слѣдовательно, способствовало раздраженію умовъ; но что всего болѣе обострило положеніе, это—участіе, которое мѣстныя власти приняли въ этихъ раздорахъ. Въ своемъ неразумномъ пристрастіи, муниципальный совѣтъ дошелъ до того, что запре-

¹⁾ Показанія 167-го и 169-го свидѣтелей по слѣдствію *Information sur la plainte par addition du 7 juillet*.

²⁾ *Compte rendu à l'Assemblée les 22 et 23 fevrier 1791, au nom de la municipalité de Nîmes*, par M. Marguerittes, IV partie, p. 133.

³⁾ *Ibid.*, p. 135.

тиль патрули драгунъ-добровольцевъ¹⁾. Избиратели, собравшіеся тогда для выбора членовъ департаментскаго совѣта, были раздражены этимъ запрещеніемъ, значеніе котораго преувеличивалось недоверіемъ, распространяемымъ со всѣхъ сторонъ. Одинъ клубъ, недавно образовавшійся, *Клубъ друзей конституціи*, сталъ въ оппозицію къ муниципалитету: наступило 13 іюня.

Въ этотъ день протестантская рота, стоявшая въ караулѣ при ратушѣ, оказалась утроенной²⁾, потому ли, что случай такъ рѣшилъ, или потому, что постоянно усиливавшееся тревожное состояніе умовъ привело къ необходимости удвоить предосторожности. Такъ какъ каждый чувствовалъ приближеніе грозы, то естественно, что городъ былъ полонъ того неопредѣленнаго страха, который обыкновенно предшествуетъ большимъ катастрофамъ.

Въ послѣ-полуденное время, по окончаніи собранія красныхъ помпоновъ, при выходѣ изъ Доминиканской церкви, ихъ любимаго сборнаго мѣста, замѣтили, что Фроманъ, по прозванію «Буянъ», держалъ въ рукахъ огромную бутылъ съ виномъ и угощалъ *люковдовъ*. Къ этой опасной щедрости онъ примѣшивалъ увѣщанія болѣе опьяняющаго свойства, чѣмъ вино. «Идите, говорилъ онъ, ходите по всему городу, и обезоруживайте драгунъ, которыхъ встрѣтите внѣ ихъ поста». Драгуны были дѣйствительно если не обезоруживаемы, то угрожаемы быть обезоруженными. Встрѣчавшимся драгунамъ кричали: «Вы не имѣете права носить саблю! Мы скоро заставимъ васъ разстаться съ ней!»³⁾.

Около шести часовъ вечера одинъ доброволецъ съ краснымъ помпономъ является къ воротамъ архіерейскаго дома и проситъ впустить его, или вызвать постъ изъ двѣнадцати драгунъ, который въ эту минуту стоялъ во дворѣ. Получивъ отказъ, онъ удаляется, но вскорѣ опять приходитъ въ сопровожденіи двухъ товарищей и вручаетъ швейцару, для передачи начальнику поста, записку слѣдующаго содержанія: «Швейцаръ архіерейскаго дома предупреждается не впускать болѣе драгунъ послѣ этого вечера, подъ страхомъ смерти». Въ мемуарѣ, опу-

¹⁾ *Verbal du corps électoral de Nîmes, séance du 11 juin.*

²⁾ *Compte rendu au nom de la municipalité, par M. Marguerittes, IV partie, p. 136.*

³⁾ Показанія 15-го, 21-го, 22-го, 24-го, 25-го и 111-го свидѣтелей по слѣдственному дѣлу *Information sur la plainte par addition.*

бликованномъ въ послѣдствіи, Фроманъ утверждаетъ, что податель роковой записки дѣйствовалъ по соглашенію съ драгунами¹⁾; но это утверженіе, столь неправдоподобное само по себѣ, было опровергнуто множествомъ свидѣтельскихъ показаній²⁾. Выходитъ начальникъ караула: завязывается перебранка; прибѣгаютъ съ сосѣднихъ постовъ люди съ краснымъ помпонами, воспылавшіе гнѣвомъ. Имѣли ли первые прибѣжавшіе огнестрѣльное оружіе въ рукахъ—относительно этого возможны сомнѣнія; но что они были при сабляхъ—въ этомъ сознался даже одинъ изъ героевъ ультра-католической партіи, баронъ Маргеритъ, мэръ города Нима³⁾. Съ другой стороны, удостовѣрено, что были бросаемы камни, что раздавался крикъ «*Ké оружие!*» Видя себя такъ тѣснимыми, драгуны произвели залпъ; прибѣжали красные помпоны, вооруженные на этотъ разъ ружьями, и отвѣтили пальбой: битва началась,—кровь потекла³⁾.

Тѣмъ временемъ Сенъ-Понъ, маіоръ нимскаго легіона, встрѣчаетъ двухъ членовъ муниципалитета и увлекаетъ ихъ къ Архіерейской площади во главѣ отряда протестантской роты № 1, стоявшей въ караулѣ при ратушѣ. Когда достигли площади, она была уже наводнена красными помпонами, сбѣжавшимися по тремъ впадающимъ улицамъ. Свалка становится общей; многіе падаютъ, пораженные на-смерть, и въ числѣ жертвъ былъ одинъ легіонеръ первой роты, убитый выстрѣломъ изъ окна приходскаго дома.

Изъ дома Фромана, стоявшаго близъ Доминиканской церкви, сообщались съ городскими валами, а также съ башнями замка. Тамъ красные помпоны и установили свою главную квартиру; тамъ Фроманъ, Фолаше и Декомбье, предупрежденные обо всемъ съ самаго начала вооруженнаго столкновенія, организовали энергично и толково оборону и наступленіе. Домъ Фромана, часть вала, къ которой онъ былъ обращенъ, ворота Кармелитовъ, прилегающія къ церкви Доминиканцевъ, и наконецъ башни замка сдѣлались военными постами, которые были заняты «красными помпонами»⁴⁾.

¹⁾ Показанія многихъ свидѣтелей въ *Information sur les affaires du mois de juin*.

²⁾ См. его *Compte rendu au nom de la municipalité*, IV partie, p. 137.

³⁾ Показанія свидѣтелей въ *Information sur les affaires du mois de juin*.

⁴⁾ Показанія разныхъ свидѣтелей въ томъ же дѣлѣ.

Но въ ожиданіи, пока пришли ихъ тамъ атаковать, въ городѣ царствовало общее уныніе, и отдѣльныя сцены ужаса служили прелюдией къ общей рѣзнѣ. Одного протестанта, по имени Жалаберъ, семидесяти-лѣтняго старика, вытащили изъ его дома, безжалостно волочили по улицѣ, изувѣчили сабельными ударами и оставили умирающаго на мостовой¹⁾. Другой старикъ, по имени Астриукъ, виновный въ томъ же преступленіи, т. е. въ томъ, что былъ кальвинистомъ, не лучше былъ защищенъ своими бѣлыми волоса: избитый ударами виль, онъ былъ доконченъ ружейнымъ выстрѣломъ²⁾. У одного зарѣзаннаго драгуна отрубили палець, чтобы снять перстень съ брилліантомъ, а трупъ его бросили въ канаву³⁾. Легальное знамя дважды было водружаемо и носимо къ башнямъ замка членомъ муниципалитета, котораго толкалъ впередъ протестантскій эскортъ: дважды красныя помпоны бросались на эскортъ, отбѣсняли его и отнимали знамя⁴⁾. Въ первую изъ этихъ двухъ неудавшихся попытокъ, аббатъ Бельмонъ, котораго принудили нести знамя, и который шель противъ воли, получилъ ударъ прикладомъ между лопатками, отъ котораго у него произошла рвота кровью⁵⁾,—такъ неумолима была ярость, увлекавшая ту и другую партію.

Солдаты гienскаго драгунскаго полка, безъ всякаго религіознаго увлеченія, единственно изъ сочувствія революціи, стали на ту сторону, гдѣ она была, т. е. на сторону не-католиковъ⁶⁾: огромная тяжесть, вдругъ упавшая на одну изъ чашекъ вѣсовъ! Затѣмъ, изъ восемнадцати ротъ, на которыя, казалось, лигисты могли рассчитывать, только три были въ дѣлѣ. Но отчаяніе придаетъ силу: католики, принимавшіе участіе въ борьбѣ, внесли въ нее дикую храбрость, отчего усилилась ярость ихъ враговъ, и въ результатъ кровь полилась ручьями по всему городу. Таваннъ, говоря о Вареоломеевской рѣзнѣ, писалъ: «Гнѣвъ и смерть носились по улицамъ въ такомъ ужасѣ, что ихъ величества, которые были ихъ виновниками, не могли не испу-

1) Показанія разныхъ свидѣтелей по тому же дѣлу.

2) *Ibidem.*

3) *Ibidem.*

4) Свидѣтельскія показанія. См. также *Précis historique*, p. 27, и *Compte rendu*, IV partie, p. 141.

5) *Compte rendu*, IV partie, p. 22.

6) *Mémoires de Froment*, p. 22, и *Précis historique*, p. 27.

гаться въ Луврѣ»¹⁾. Хотя очень храбрые, Фроманъ и Декомбье не безъ ужаса увидѣли зіяющую пропасть: они поспѣшно написали, прося о помощи, Бузолю, помощнику командующаго войсками въ Лангедокѣ; но оба посланные были задержаны въ Вего протестантами²⁾.

Наступила ночь, ночь неутѣшнаго горя для однихъ, страшнаго ожиданія для другихъ. Женщины и дѣти провели ее въ слезахъ; мужчины приготовлялись къ предстоящимъ бѣдствіямъ завтрашняго дня.

На слѣдующій день, въ самомъ дѣлѣ, пожаръ не только не погасъ, но, напротивъ, распространялся все далѣе и далѣе. Теперь уже не только городъ Нимъ пылалъ гражданской войной, но загорѣлась и окружающая его мѣстность. Въ Бульяргѣ, въ Мондюэлѣ красными помпонами былъ распространенъ слухъ, что протестанты избиваютъ католиковъ; и жители этихъ двухъ католическихъ деревень, вооружившись, отправились по бокерской дорогѣ къ Ниму; вскорѣ къ нимъ присоединились поселяне изъ Редессана и Маргерита. Ихъ увлекала жажда мщенія. Прохожихъ они останавливали вопросомъ: «вы католики?» Кто отвѣчалъ «нѣтъ», былъ убиваемъ на мѣстѣ³⁾.

Съ своей стороны, протестанты стекались съ Севенскихъ горъ, изъ Вонажа и Гардонека.

Разница была та, что послѣдніе, т. е. кальвинисты, входили въ городъ, тогда какъ первые возвращались съ полдороги во-свосяси, по голосу нѣкоторыхъ католиковъ-патріотовъ, изъ Нима, поспѣшившихъ имъ на встрѣчу и говорившихъ имъ: «Васъ обманываютъ: дѣло идетъ только о попыткѣ контръ-революціи, предпринятой духовенствомъ и парламентомъ»⁴⁾. Этого было достаточно—блестательное доказательство власти новаго духа даже надъ рекрутами фанатизма! И что еще болѣе замѣчательно, что должно быть отмѣчено, какъ знаменіе времени, что показываетъ, что религіозныя войны коснулись одной изъ своихъ послѣднихъ драмъ, это то, что къ этимъ суровымъ сынамъ Кальвина присоединилось много католиковъ. Во главѣ многихъ бандъ, шедшихъ противъ нимскихъ лигистовъ, кого видѣли? Священниковъ: Бремона, напримѣръ, приходскаго священника

¹⁾ *Mémoires de Tavannes*, chap. XXVII.

²⁾ *Mémoires de Froment*, p. 24.

³⁾ Показанія свидѣтелей 117-го и др.

⁴⁾ *Mémoires de Froment*, p. 24.

изъ Андюза; Буле, священника изъ Пюэшедрона; Шабера, священника изъ Буасьера; Солье, пріора изъ Колони¹⁾.

Въ три часа, вспомогательная армія была выстроена въ боевомъ порядкѣ на эспланадѣ. Она оставалась тамъ нѣсколько времени спокойной, неподвижной, заставляя догадываться, что она принесла—войну или миръ. Передъ каждой деревней стоялъ мэръ, украшенный своимъ шарфомъ. Вдругъ послышались выстрѣлы; двадцать пять человекъ пали подъ ударами невидимыхъ враговъ; одинъ членъ муниципалитета Сень-Комъ, сраженный пулей, лежитъ безъ движенія у ногъ своихъ единовѣрцевъ. Кѣмъ были сдѣланы эти выстрѣлы?—неизвѣстно; но они исходили изъ капуцинскаго монастыря и сдѣлалкъ сигналомъ къ ужасной бойнѣ. Въ бѣшенемъ порывѣ ярости устремляются на монастырь. Находящіеся внутри обители испускаютъ отчаянные крики, бьютъ въ набатъ; но монастырскія ворота разлетаются въ щепки, и рѣзня начинается. Многіе изъ красныхъ помпоновъ пали въ схваткѣ. Были убиты пятеро монаховъ. На одного изъ нихъ указывали, какъ на раздавателя пропитанныхъ ядомъ памфлетовъ: ненависть, которую онъ возбуждалъ противъ себя, заглушила чувство уваженія, подобающаго его восьмидесятилѣтнему возрасту, и разъяренные, озвѣрѣлые люди изрубили его, лежавшаго въ постели, сабельными ударами. Монастырская аптека была опустошена; бібліотека, часть которой досталась отъ Флешье, была разорвана въ клочки; и на слѣдующій день, въ церкви, видѣли кровь при входѣ въ ризницу, кровь передъ хорами, кровь на ступеняхъ алтаря, и даже передъ склепомъ—полосу пыли, указывавшую дорогу, которою волокли трупы. Воровство не имѣло мѣста въ этихъ страшныхъ сценахъ. Была похищена однимъ разбойникомъ изъ Сомьера, замѣшавшимся между напавшими на монастырь, изъ ризницы только дароносица; но негодяя задержали и бросили въ тюрьму²⁾.

Вскорѣ Нимъ представлялъ зрѣлище города, взятаго приступомъ. Къ крикамъ побѣдоноснаго мщенія, къ стонамъ умираю-

¹⁾ *Verités historiques sur les événements arrivés à Nîmes le 13 juin 1790 et les jours suivants*, par le club des amis de la constitution, p. 22.

²⁾ См., сопоставляя, *Compte rendu*, IV partie, p. 154; *Précis historique*, p. 32; показаніе аббата Кломансо, въ *Information faite par le presidial*, и показанія разныхъ свидѣтелей въ *Information sur les événements du mois de juin*.

щихъ, къ рыданіямъ растерявшихся женщинъ, артиллерія присоединяла свой ужасный грохотъ. Укрѣпившись на валу, въ башняхъ замка, въ доминиканскомъ монастырѣ, куда они пробрались черезъ разломанныя боковыя ворота, Фолаше, Декомбье, братья Фроманъ и ихъ дружина выказывали отчаянную рѣшимость. Многочисленные свидѣтели утверждали, что изъ этихъ различныхъ постовъ красные помпоны стрѣляли даже въ одиночныхъ и безоружныхъ гражданъ¹⁾.

Въ другихъ мѣстахъ не сражались болѣе, а просто убивали, такъ какъ побѣдители, какъ это бываетъ, были опьянены кровью. Горе краснымъ помпонамъ, которые попадались въ руки господъ улицы! Ихъ закалывали, уже не по необходимости, а просто изъ мести²⁾. Насчитывали до трехсотъ человекъ, погибшихъ такимъ образомъ, въ этотъ день, изъ нихъ 153 хорошо извѣстныхъ; а между тѣмъ, чтобы помѣшать узнать имена и число жертвъ, позаботились засыпать трупы известкой³⁾.

Вечеромъ, одинъ офицеръ Гіенскаго гренадерскаго полка приблизился къ башнямъ замка, махая бѣлымъ знаменемъ. Онъ пришелъ предложить миръ. Фроманъ тотчасъ же взялъ перо и написалъ слѣдующее письмо, которое передалъ лакею Декомбье.

*Господину командующему линейными войсками, для сообщенія
легионерамъ, столицѣ на эспланадѣ.*

«М. Г., сейчасъ намъ сказали, что вы предлагаете миръ. Мы всегда его желали и никогда его не нарушали. Если виновники ужасной смуты, царящей въ нашемъ городѣ, хотятъ положить конецъ своему преступному поведенію, то мы предлагаемъ забыть прошлое и жить по-братски. Остаемся, съ прямою и лойяльностью добрыхъ патріотовъ и истинныхъ французовъ, вашими покорнѣйшими слугами.

«Капитаны, командующіе башнями замка».

Какъ ни вызывающа была эта рѣчь, гдѣ гордость доходила до наглости, избиратели, собравшіеся для того, чтобы пещись о благоденствіи Нима, поручили тремъ комиссарамъ начать переговоры, и Фроманъ получилъ, черезъ городского трубача, приглашеніе прибыть въ улицу Коллежъ. Онъ отправился туда въ

¹⁾ Показанія свидѣтелей въ томъ же розыскѣ объ іюньскихъ событіяхъ въ Нимѣ.

²⁾ Фактъ этотъ признанъ членами «Клуба друзей конституціи», принадлежавшаго къ партіи побѣдителей. См. *Verités historiques*, p. 14.

³⁾ *Compte rendu*, par M. de Marguerittes, IV partie, p. 163.

сопровождении Декомбье, и мирныя предложенія были имъ сдѣланы президентомъ департамента, Шабо-де-Латуромъ, къ которому были присоединены, въ помощь, три избирателя, четыре члена муниципалитета, и который держалъ въ рукѣ бѣлое знамя. Фроманъ поставилъ первымъ условіемъ удаленіе иногороднихъ протестантовъ. Были кое-какіе переговоры, но въ концѣ концовъ условились, что непріятельскія дѣйствія прекратятся; что члены обѣихъ партій будутъ поставлены подъ охрану закона, избирательнаго собранія, муниципалитета, и что Гіенскій полкъ одинъ будетъ нести службу по охраненію общественной безопасности.

«Комиссары—прибавляетъ Фроманъ, изъ разсказа котораго заимствованы эти подробности—отправились въ казармы, чтобы велѣть прекратить огонь протестантамъ. Мы, съ своей стороны, тоже запретили дальнѣйшую стрѣльбу. Комиссары вернулись сказать, что все кончено. Мы съ Декомбье собирались отправиться въ избирательное собраніе, чтобы возвѣститъ тамъ миръ, и я зашелъ къ себѣ одѣться, какъ вдругъ пальба изъ пушекъ усилилась. Одинъ мальчикъ приноситъ мнѣ ядро, только что усилившееся о фасадъ моего дома. Бѣгу къ окну и вижу вооруженныхъ протестантовъ, которые кричатъ: «пали! пали! въ краснаго пуфа!»

Только тогда, по словамъ Фромана, онъ и его дружина рѣшились возобновить битву¹⁾.

Итакъ, значитъ все было, со стороны избирателей, лишь низкимъ вѣроломствомъ! Но нѣтъ: это предположеніе, впрочемъ, отвергаемое всѣми свидѣтельствами, опровергается и законами правдоподобія. Ибо, даже допуская безусловную точность реляціи Фромана, столь заинтересованнаго въ томъ, чтобы очернить поведеніе своихъ враговъ, нарушеніе договора, заключеннаго среди хаоса, развѣ не можетъ быть объяснено иначе, какъ предположеніемъ гнусной измѣны, когда объясненіе дастся самимъ хаосомъ?

Какъ бы то ни было, люди съ краснымъ помпономъ поспѣшно вернулись въ свои окопы, твердо рѣшившись держаться тамъ до смерти. Смерть пришла и облекла ихъ своимъ покровомъ. Не будучи въ состояніи устоять противъ артиллеріи, оставшіеся въ живыхъ пытаются спастись, одни черезъ валъ,

¹⁾ *Mémoires de Froment*, p. 11, 12, 13.

другіе черезъ крыши, но со всѣхъ сторонъ ихъ встрѣчаютъ острія штыковъ или ружейныя пули. Начальникамъ удалось, однако, спастись бѣгствомъ, за исключеніемъ Фромана, по прозванію «Буяна», который заплатилъ жизнью за гибельное значеніе своей роли. Нѣкоторые, укрывшись въ доминиканскомъ монастырѣ, внесли туда съ собой испугъ и разгромъ.

Эта обитель была совершенно разорена, какъ и ея коллежъ. Монахи разбѣжались: одинъ изъ нихъ, отецъ Тибо, избѣгъ ярости преслѣдовавшихъ его, только притворившись пораженнымъ на-смерть и упавъ плашмя лицомъ къ землѣ ¹⁾. Но духъ убійства царилъ не въ одномъ этомъ пунктѣ,—онъ свирѣпствовалъ повсюду. Обыскали нѣсколько домовъ, въ надеждѣ найти тамъ виновныхъ, и, за неотысканіемъ таковыхъ, самые дома разграбили ²⁾. Гасъ, маркизантъ красныхъ помпоновъ, былъ открытъ въ его убѣжищѣ и изрубленъ въ куски ³⁾. Одинъ католикъ слѣдовалъ за своимъ пріятелемъ, протестантомъ, который обѣщаль спасти его, если онъ примкнетъ къ побѣдителямъ, присоединится къ ихъ актамъ мщенія. По дорогѣ два автора этого нечестиваго договора встрѣчаютъ человѣка съ краснымъ помпономъ. «Ну, вотъ и подошелъ случай! Убей этого паписта!» кричитъ протестантъ католику. Несчастный, которому угрожали смертью, поднимаетъ глаза на своего единовѣрца и говоритъ ему: «Такъ какъ я все равно погибъ, то спаси твою жизнь и возьми мою!» Этотъ послѣдній, у котораго отъ страха помутился разумъ, спускаетъ курокъ, и жертва падаетъ. По возвращеніи домой, убійца былъ охваченъ такимъ ужаснымъ припадкомъ скорби и угрызеній совѣсти, что слегъ въ постель, чтобы болѣе не вставать ⁴⁾.

Ужасны, безъ сомнѣнія, политическія страсти; но когда онѣ соединяются съ религіозной ненавистью, кто скажетъ, къ какому истребительному рвенію онѣ способны? Кто скажетъ, какъ глубоко можно ненавидѣть своихъ ближнихъ, когда ненавидишь ихъ за счетъ Бога, будетъ ли то Богъ Игнатія Лойолы, или Богъ Кальвина?.. Ультра-католическіе писатели опредѣляютъ

¹⁾ *Compte rendu*, IV, partie, p. 164.

²⁾ *Verités historiques*, p. 14.—По свидѣтельству членовъ «Клуба друзей конституціи».

³⁾ Подробности содержатся въ «*Просьбѣ, представленной Національному Собранію вдовой Жана Гасъ и ея шестью дѣтьми*». Парижъ, 1790 г.

⁴⁾ *Précis historiques*, p. 35, 36.

число своихъ, погибшихъ въ Нимѣ въ эти три роковые дня, не менѣе, какъ въ восемьсотъ человекъ. Если эта цифра точна, то выходитъ, что, принимая во вниманіе численность населенія, здѣсь было больше пролито крови, чѣмъ во время Варроломеевской рѣзни въ Парижѣ, гдѣ было убитыхъ четыре тысячи по Брантому, три тысячи по д'Обинье и только двѣ тысячи—по Таванну. Но въ Нимѣ, по крайней мѣрѣ, не видѣли ни беременныхъ женщинъ съ распоротымъ животомъ, ни грудныхъ младенцевъ, задушенныхъ въ ихъ колыбели, ни принцевъ, собирающихъ десятину съ награбленнаго въ домахъ брильянтиковъ, ни вельможъ, прекращающихъ свои тяжбы ударомъ шпаги. Здѣсь даже къ столькимъ ужасамъ примѣшивались акты челоувѣколюбія, на воспоминаніи о которыхъ отдыхаетъ душа. Нѣкоторые католики находили у своихъ смертельныхъ враговъ великодушное гостепрѣимство¹⁾. Видаль, прокуроръ коммуны, и членъ муниципалитета Лоранъ были обязаны своей жизнью капитану Рибо, командиру одной изъ протестантскихъ ротъ. Спрятавшись въ началѣ смуты въ кабакѣ маркиганта Гаса, они потомъ перемѣнили убѣжище и, открытые, должны были быть заколоты, когда Рибо вмѣшался и спасъ ихъ²⁾.

Впрочемъ, партія, побѣжденная въ Нимѣ производила жестокія репрессіи въ окрестныхъ деревняхъ. Одинъ бѣдный садовникъ, семидесятилѣтній старикъ, былъ заколотъ, когда онъ шелъ на сѣнокосъ³⁾; молодой парень, спокойно мыившій шерсть въ одномъ лѣѣ отъ города, подвергся той же участи⁴⁾. Въ округѣ С.-Бонне старикъ Мегръ и его старшій сынъ были зарѣзаны католиками, бросившими ихъ тѣла въ рѣчку Гордонъ; это были честные протестанты, кормившіе ежедневно 200 семействъ и слывшіе благодѣтелями края⁵⁾.

Избирательное собраніе приложило всяческія старанія къ восстановленію спокойствія въ городѣ, но это удалось ему только 15-го іюня. 16 числа девятнадцать католическихъ ротъ были

¹⁾ Это было констатировано письменными показаніями, когда все было кончено, и когда не приходилось подписывать, по выраженію Фромана, «подъ ножомъ убійць».

²⁾ Объявленіе Марка Рибо, отъ 18 окт. 1790 г.

³⁾ *Verités historique*, p. 21.

⁴⁾ *Ibid.*

⁵⁾ Католическіе писатели не отвергаютъ этого. См. *Compte rendu, IV partie*, p. 172.

упразднены, провозглашенъ былъ миръ, соединенные легіоны побратались на эспланадѣ, а могильщики объѣхали городъ, чтобы подобрать валявшіеся на улицахъ трупы.

ГЛАВА XII.

Янсенисты въ Національномъ Собраніи.

Почему янсенисты и вольтеріанцы на однѣхъ и тѣхъ же скамьяхъ въ Собраніи.—Въ чемъ политика вторыхъ соприкасалась съ религіозной доктриной первыхъ.—Портретъ Камюса.—Значеніе гражданскаго строя духовенства и его предѣлы.—Пренія по вопросу о гражданскомъ строѣ духовенства.—Положеніе, занятое епископами.—Беззаботность революціонеровъ-философовъ.—Вышательство Робеспьера въ дебаты; истинный смыслъ этого вышательства.—Вліяніе «Общественнаго договора» и «Эмиля» Руссо.—Гражданское строя духовенства принять.—Проектъ отчужденія всѣхъ національныхъ имуществъ.—Грубая выходка аббата Мори.—Собраніе декретируетъ отчужденіе всѣхъ національныхъ доменъ.—Жестокое безпокойство Людовика XVI.—Его письмо къ папѣ.—Авиньонъ отдаетъ себя революціи, отдаваясь Франціи.—Жанна д'Аркъ янсенизма.—Прибытіе Сузанны Лабрусъ въ Парижъ.—Политическая ошибка, совершенная янсенистами.—Непоследовательность вольтерьянцевъ Собранія.—Каковы должны были быть послѣдствія гражданскаго строя духовнаго сословія.—Выгода, полученная патерами-ослушниками отъ преслѣдованія.—Духъ католицизма.

Въ то время, какъ поклонники кальвинскаго бога торжествовали въ Нимѣ въ крови, неожиданная побѣда, болѣе кажущаяся, впрочемъ, нежели реальная, была одержана въ Парижѣ мрачными послѣдователями Янсенія.

Предположите, что въ 1790 г. какой-нибудь иностранецъ, какой-нибудь мыслитель, стоящій внѣ вихря современныхъ страстей, вошелъ въ Національное Собраніе безъ всякой иной цѣли, кромѣ изученія игры партій,—каково было бы, по первому впечатлѣнію, его удивленіе! Почему на скамьяхъ лѣвой эти суровыя монашескія лица сидятъ рядомъ съ веселыми фізіономіями философовъ-эпикурейцевъ и придворныхъ? Какому таинственному притяженію повиновался, на примѣръ, Камюсъ, усѣвшись такъ близко отъ Мирабо, такъ близко отъ Александра Ламета и отъ Барнава? Не странно ли, почти неостижимо, было то, что Сень-Сирану и Вольтеру пришлось пріобщаться вмѣстѣ на лонѣ революціи?

Такъ было, однако. Да, умы пріятнаго или безпорядочнаго скептицизма оказались въ союзѣ съ душами, приведенными въ уныніе суровыми и нетерпимыми вѣрованіями; люди, выросшіе въ ненависти къ патерамъ, насмѣхавшіеся надъ раемъ и смо-

трѣвшіе на Бога какъ на предразсудокъ, соединились съ людьми, презрившими адомъ, и иной вольнодумецъ, восхищавшійся нечестіемъ Дидро, взялъ себѣ въ товарищи по оружію въ великой битвѣ благочестивыхъ людей, въ комъ жили неизмѣнными, традиціи Поръ-Рояля.

Стоитъ только припомнить, въ чемъ состоялъ янсенизмъ, и тогда все объяснится. Мы рассказали въ другомъ мѣстѣ, что однажды въ Поръ-Роялѣ, когда Сенъ-Сиранъ и Антуанъ Леметръ бесѣдовали о небесныхъ матеріяхъ, бесѣда ихъ была вдругъ прервана пронзительнымъ крикомъ,—крикомъ одного поселянина, звавшаго на помощь къ своей женѣ въ родахъ, ребенокъ которой только что умеръ, и что на заданный по этому поводу Леметромъ вопросъ, какая участь дѣтей, подбираемыхъ смертью на порогѣ жизни, Сенъ-Сиранъ далъ такой злобщій отвѣтъ: «Не подлежитъ сомнѣнію, что дьяволъ владѣетъ душой младенца уже во чревѣ матери» ¹⁾. Все христіанство, истолковываемое по способу Лютера и Кальвина, заключалось въ этомъ отвѣтѣ; въ немъ же заключался и весь янсенизмъ. Янсений и Сенъ-Сиранъ не утверждали ли, послѣ Лютера и Кальвина, что первородный грѣхъ извратилъ въ основаніи человѣческую природу; что злоупотребленіе свободной волей у нашего прародителя повлекло за собой, въ безчисленной толпѣ его потомковъ, искаженіе и уничтоженіе свободной воли навсегда; что никто не можетъ своими собственными заслугами достигнуть спасенія; что только тѣ избавляются изъ-подъ власти сатаны, кто былъ искупленъ кровію Христа, кто пріялъ *благодать*, безцѣнный даръ, особая милость, даруемая напередъ однимъ и напередъ же отказываемая другимъ, въ силу произвольнаго и неисповѣдимаго приговора божественнаго могущества.

Что же слѣдовало изъ этой печальной доктрины, которая, видя на землѣ только избранныхъ и отверженныхъ, предопредѣляла послѣднихъ на ужасъ вѣчнаго проклятія и держала міръ какъ бы носящимся надъ адомъ?

Что же изъ этого слѣдовало? Во-первыхъ, уничтоженіе всѣхъ условныхъ величій, дворянъ и князей. Ахъ! вы считаете себя выше меня, потому что вы начальникъ, потому что вы король, потому что вы императоръ, потому что вы папа римскій! Не важничайте, если не имѣете *благодати*! Безъ *благодати* вы не

¹⁾ См. въ первомъ томѣ этого сочиненія IV главу второй книги.

болѣе какъ падшій человекъ, какъ наслѣдникъ преступленія Адама, какъ predetermined добыча демона; а я, пріавшій *благодать*, я, бѣдный пастухъ долины, покрытый рубищами нищій, я имѣю право сказать вамъ и говорю вамъ: король, предъ которымъ всѣ преклоняются, могущественный императоръ, августѣйшій первосвященникъ,—упадите къ моимъ ногамъ!

Но этотъ самый фатализмъ, который сокрушалъ, подъ уровнемъ всеобщаго несчастія, всѣ соціальныя отличія и вырывалъ между избранными и отверженными страшную пропасть, онъ приводилъ къ необходимости покориться низшему материальному и моральному состоянію, въ которомъ прозябаютъ большинство людей. Если проклятіе, осужденіе на вѣчныя муки имѣло роковой характеръ, то какая причина не быть тому же относительно невѣжества и нищеты? Или, лучше сказать, этотъ чрезмѣрный трудъ, на который обречено стонущее стадо людей, эта густая тѣнь, покрывающая умъ бѣдняка отъ колыбели до могилы, невѣжество и его пагубная власть, голодъ и его муки, не есть ли все это не что иное, какъ трагическое оправданіе теоріи первороднаго грѣха?

Итакъ, отрицаніе законности земныхъ величій и освященіе жалкаго состоянія народа, другими словами, экзальтація чувства равенства въ отношеніи благородныхъ, въ отношеніи королей, и чувства неравенства въ отношеніи народа,—вотъ два туманныхъ и, повидимому, противорѣчивыхъ слѣдствія, которыя политически, вытекали изъ янсенизма.

Философы же XVIII вѣка такъ именно и понимали революцію, и не иначе она была понимаема и ихъ питомцами Учредительнаго Собранія, которые составляли, вмѣстѣ съ нѣсколькими рѣдкими учениками Руссо, всю лѣвую сторону. Не были ли, послѣ этого, вполне естествененъ политическій союзъ между философами-скептиками Собранія и янсенистами?

Но союзъ можетъ быть прочнымъ только при условіи, если онъ выгоденъ обѣимъ сторонамъ; такъ какъ янсенисты поддерживали философовъ въ дѣлахъ политики, то философамъ пришлось поддерживать янсенистовъ по части богословія; и вышло, что тѣ, у которыхъ источникъ вѣры давно изсякъ, присоединились съ необыкновенной горячностью къ тѣмъ, которые только и желали вновь оживить этотъ источникъ. Возродить церковь стало лозунгомъ цѣлой группы смѣлыхъ мыслителей, до того времени привыкшихъ желать ея разрушенія.

Фрето, Трельяръ, Мартино, извѣстные янсенисты, были вліятельными членами комитета по церковнымъ дѣламъ; но комитетъ особенно повиновался Камюсу, представлявшему собой полное олицетвореніе секты, которую такъ прославили Никола, Саси, великій Арно и наконецъ... Блезъ Паскаль.

Камюсъ далеко не былъ похожъ на аббата Грегуара. У послѣдняго, по крайней мѣрѣ, пріятная улыбка соединялась со строгостью чела, полнаго серьезныхъ думъ, и съ блескомъ глазъ; это, безъ сомнѣнія, все же былъ Сень-Сиранъ, но Сень-Сиранъ, другъ бѣдныхъ, другъ комедіантовъ, попираемыхъ ногами, и евреевъ, на которыхъ показывали пальцемъ, Сень-Сиранъ, покровитель рабовъ, и въ которомъ блестѣлъ какой-то чарующій, какой-то отдаленный отблескъ нѣжности Фенелона. Камюсъ, напротивъ, представлялъ собой янсенизмъ во всѣхъ его видахъ, даже наименѣе привлекательныхъ: онъ отличался сдержанной буйностью, суровостью, аскетизмомъ, едва смягчаемымъ любовью къ литературѣ, и крамольнымъ духомъ, соединеннымъ съ безупречнымъ нравомъ. Никто не былъ такъ способенъ, какъ онъ, къ исполненію обязанностей, требующихъ точности или энергіи; и Собраніе такъ хорошо знало это, что преимущественно ему поручило заботу поднять покровъ той тайны, которою окружали себя монархическія злоупотребленія и хищенія. Что у Камюса былъ тотъ запасъ суровости, который отшельники Поръ-Рояля извлекли изъ существа своей доктрины, это не подлежитъ сомнѣнію; но къ этому у него присоединялись презрительное спокойствіе, холодная неустрашимость и стоицизмъ, которые янсенисты выказали подъ желѣзной рукой Ришелье. Отъ него, болѣе, чѣмъ отъ всякаго другаго, исходила совокупность тѣхъ законодательныхъ мѣръ, которыя, подъ именемъ *гражданскаго строя духовенства*, должны были взбудоражить армію патервовъ.

Янсенисты, какъ извѣстно, не шли такъ далеко, чтобы отрицать авторитетъ папы, котораго они, однако, хотѣли поставить въ подчиненное положеніе, въ родѣ того какъ вожаки революціонной буржуазіи воздерживались отъ отрицанія королевской власти, которую они, однако, сильно желали поработить. Камюсъ и его сторонники не говорили, что они намѣреваются измѣнить католическое установленіе, посягнуть на права римскаго первосвященника. Ихъ цѣлью, какъ они ее провозглашали, было только урегулировать отношенія духовенства съ новой

конституціей, возстановить начала справедливости въ церковной администраціи, передѣлать карту епископата по тѣмъ же принципамъ, какіе были примѣнены къ передѣлкѣ карты Франціи, и дать церковной іерархіи ту же основу, какая дана іерархіи политической, то есть выборное начало.

Были епархіи, обнимавшія полторы тысячи кв. лье, и другія, обнимавшія не болѣе двадцати кв. лье; были приходы въ десять лье въ окружности, и другіе, содержавшіе всего только пятнадцать или двадцать дымовъ¹⁾: почему не по одному епископскому престолу на департаментъ? Почему не по одному приходу на общину?

Въ рукахъ короля, или, лучше сказать, въ рукахъ куртизановъ и куртизанокъ, министровъ и ихъ метресъ, злоупотребленіе правомъ раздачи духовныхъ мѣстъ сдѣлалось до того скандальнымъ, что можно было указать иного епископа, митра котораго была куплена цѣной одной ночи дебоша, или иного аббата, обязаннаго своей бенефиціей любовной протекціи какой-нибудь модной проститутки: не пора ли бы вернуться къ нравамъ первобытной церкви и возвратить народу право выбора своихъ пастырей?

Были приходы, гдѣ ничтожный доходъ въ какихъ-нибудь семьсотъ ливровъ составлялъ все вознагражденіе за тяжелые труды, и были бенефиціи, приносившія до двѣнадцати тысячъ ливровъ праздности ихъ жирныхъ обладателей²⁾: развѣ столь несправедливое распредѣленіе было догматомъ вѣры?

Става подобные вопросы, комитетъ по церковнымъ дѣламъ не посягалъ, конечно, ни на папскій авторитетъ, такъ какъ духовные сановники, *избираемые* до того королемъ, получали отъ папы только инвеституру, утвержденіе въ должности; ни на юрисдикцію церкви, такъ какъ нація не можетъ, безъ самоотреченія, отказаться отъ «права видоизмѣнять *матеріальную часть* культа, измѣнять *свѣтское* состояніе священнослужителей и вносить перемѣну во *внѣшнія* формы, по которымъ эти священнослужители должны распространять ученіе вѣры». Но гдѣ тамъ! Эта церковь, которой пала Григорій VII завѣщалъ свою безсмертную гордость, и которая въ теченіе столькихъ

¹⁾ Рѣчь Трельяра во время преній о гражданскомъ строѣ духовенства.

²⁾ Тамъ же.

вѣковъ любила тяготѣть надъ властелинами земли,—могла ли она вдругъ снизойти до того, чтобы повиноваться? Позвоительно ли было надѣяться, что она будетъ слѣдовать за прогрессирующимъ вѣкомъ, она, владычество которой Исусъ Навинъ, кажется, хотѣлъ нѣкогда характеризовать напередъ, когда онъ нечестивымъ жестомъ приказалъ солнцу остановиться и не двигаться? Развѣ не существовали іезуиты, всегда дѣятельные, непреклонные въ своей необычайной изворотливости, и съ рукой, распростертой надъ міромъ? Какъ и во времена Филиппа Красиваго, сопротивление было вполне готово; и оказалось, что этотъ разъ неукротимый геній Бонифація VIII перешелъ горы.

Сигналь къ возстанію подало высшее духовенство. Говорять о томъ, чтобы воспретить священнослужителямъ роскошь, которая портитъ человѣка и даетъ средство портить другихъ,—какое гнусное нечестіе! Хотятъ, чтобы въ дѣлѣ назначенія папстыря и вѣрующій кое-что значилъ, и осмѣлились вспомнить, что Миланъ нѣкогда обязанъ былъ народному избранію своимъ великимъ Карломъ Борромеемъ. Въ засѣданіи 29 мая архіепископъ Экскій взошелъ на трибуну и сказалъ:

«Исусъ Христосъ передалъ апостоламъ, а они передали епископамъ, своимъ преемникамъ, власть преподавать его догматы. Онъ не далъ этой власти ни судьямъ, ни королямъ, ни гражданскимъ администраторамъ. Вы всѣ подчинены авторитету Церкви, потому что мы получили этотъ авторитетъ отъ Исуса Христа». И надменный прелатъ заключилъ свою рѣчь предложеніемъ о созывѣ національнаго собора¹⁾.

Ему можно бы было возразить, что никто не думалъ касаться догматовъ; что революціонеры не имѣли ни малѣйшаго желанія дѣлить между собой, какъ это сдѣлали евреи, разодранныя ризы Христа; что единственный вопросъ былъ узнать, будетъ ли конецъ злоупотребленіямъ, унижавшимъ Церковь? А злоупотребленія эти были безчисленны, и всѣ знали, наприкладъ, что мадмуазель Гимаръ, любовница епископа Жаранта, изъза кулисъ оперы раздастъ духовныя мѣста; что существовалъ, въ улицѣ Шоссе-д'Антенъ, элегантный отель, гдѣ прелаты были принимаемы въ аудіенціи одной танцовщицей; что архіепископъ Нарбонскій устроилъ въ своемъ аббатствѣ Готь-Фонтенъ, на-

¹⁾ Засѣданіе 29 мая 1790 г.

стоящій сераль, получившій громкую извѣстность; что кардиналь Монморанси открыто жилъ въ Мецѣ съ мадамъ де-Шуазель, аббатессой; что Бретейль, епископъ Монтобанскій, что Шампюнь-де-Сисе, архіепископъ Бордовскій, были извѣстны своими любовными похождениями; и что, наконецъ, все это доказывало необходимость очистить источникъ, гдѣ получалось начало на должности сановниковъ Церкви. Одинъ роялистскій и клерикальный писатель, котораго, слѣдовательно, нельзя заподозрить въ якобинскомъ преувеличеніи¹⁾, рассказываетъ, послѣ констатированія только что приведенныхъ фактовъ, что въ Грансельвѣ, въ Жерскомъ департаментѣ, бернардинцы справляли праздникъ своего патрона оргіями, продолжавшимися двѣ недѣли. «Въ это аббатство, говоритъ онъ, пріѣзжали издалека, за пятнадцать, за двадцать лье, чтобы принять участіе въ пиршествахъ, въ увеселеніяхъ всякаго рода. Аббатство образовало цѣлый городокъ, такъ многочисленны были монастырскія постройки. Былъ отдѣльный дамскій кварталъ, и каждая дама находила въ своемъ апартаментѣ всѣ необходимыя для одѣянія и для туалета предметы. У каждаго монаха были свои лошади; устраивались охоты въ лѣсахъ, приписанныхъ къ аббатству; давались театральныя представленія; ночь проводили за игрой, за танцами; столы были накрыты и яства подавались во всякій часъ. Вообще въ этой веселой обители только одной опасности можно было подвергнуться,—опасности несваренія желудка и апоплексическаго удара въ объятіяхъ дамы. Безполезно прибавлять, что каждый монахъ имѣлъ любовницу. *Сообщаю эти факты, какъ очевидецъ*; весь Верхній Лангедокъ могъ бы удостоверить ихъ,—такъ славился и посѣщался праздникъ св. Бернара въ Грансельвѣ!»²⁾).

Впрочемъ, не было надобности ходить такъ далеко, чтобы отыскать скандальныя исторіи этого рода; ибо какъ разъ въ то время, когда самые набожныя члены Собранія заговорили о возрожденіи Церкви, вотъ что можно было прочесть не въ какихъ-нибудь темныхъ пасквиляхъ, не въ дыщащемъ ненавистью легковѣрномъ листкѣ Марата, а въ серьезныхъ и осторожныхъ журналахъ, какъ, напримѣръ, въ *Парижской Хроникѣ*: «Г-жа де М*** шла въ Сень-Сирскій монастырь. Она спрашиваетъ

¹⁾ Montgaillard, *Histoire de France*, t. II, p. 244, 245. Paris, 1827.

²⁾ *Ibidem*, p. 246.

у одной крестьянки дорогу, которую та указала ей. Но едва она переступила монастырскій порогъ, какъ увидѣла бѣгущую слѣдомъ за ней толпу крестьянъ, которые громкими криками требуютъ аббата Мори, будто бы сейчасъ вошедшаго въ монастырь переодѣтымъ женщиной. Г-жа де М*** принуждена была дать женщинамъ прибѣжавшей толпы несомнѣнный доказательство своего пола, послѣ чего вся банда удалилась. Разсказъ объ этомъ приключеніи былъ посланъ самой г-жей М*** въ комитетъ докладовъ Національнаго Собранія»¹⁾. По несчастію, нравы аббата Мори были не таковы, чтобы относительно него можно было считать подобное приключеніе совершенно неправдоподобнымъ.

Янсенисты легко могли бы, слѣдовательно, если бы захотѣли, разгромить своихъ противниковъ; но они предпочли выказать спокойствіе и умѣренность. Трельяръ, въ своей репликѣ архіепископу экскому, говорилъ языкомъ разума, не поддаваясь искушенію обвинять. Когда епископъ клермонскій рѣзкимъ тономъ повторилъ требованіе архіепископа экскаго о созывѣ національнаго собора, Камюсъ холодно подтвердилъ основательность предложеній комитета. «Мы составляемъ Національный Конвентъ», сказалъ онъ всѣмъ этимъ прелатамъ, требовавшимъ собора, и произнесъ, не столько какъ угрозу, примѣнимую къ настоящему, сколько какъ истину, сохраняющую за собой права будущаго, это грубое, но сильное слово: «Мы могли бы перемѣнить религію»²⁾.

Епископы пришли въ ярость; но страсть не давала имъ ничего, что могло бы замѣнить способность рассуждать, которой имъ не доставало; ни одного сильнаго крика не сорвалось съ ихъ устъ, сжатыхъ гнѣвомъ; ни одного краснорѣчиваго ругательства, вышедшаго изъ глубины ихъ взволнованныхъ душъ, которое вызвало бы брань со стороны ихъ враговъ. Они только отрянули безсильной рукой пыль съ нѣкоторыхъ источенныхъ червями текстовъ; они искали отзвуковъ тому, уже очень отдаленному, голосу Тридентскаго собора, котораго современный имъ вѣкъ уже не былъ въ состояніи слышать. Съ д'Эпременилемъ они указывали на готовый произойти расколъ, съ епископомъ клермонскимъ они называли еретикомъ аббата Гуттъ за то, что

¹⁾ *Chronique de Paris*, № 170.

²⁾ *Moniteur*, вѣсѣд. 1 іюня 1790 г.

онъ не употребилъ слово папа, говоря о немъ; затѣмъ, въ одинъ прекрасный день, исчерпавъ всѣ софизмы, утомившись отъ своихъ протестовъ, подавленные бесплодностью своихъ порывовъ, они вдругъ поднялись и, возобновляя сцену, слишкомъ часто повторяемую, чтобы производить какой нибудь эффектъ, вышли изъ залы засѣданій¹⁾.

Философы-скептики проводили ихъ взглядомъ, покачавъ головой, и остались спокойно сидѣть на своихъ мѣстахъ. Они, впрочемъ, мало вмѣшивались въ эти дебаты: какая тутъ могла бы быть ихъ роль? Какое имъ, въ сущности, было дѣло до того, что хотятъ ввести благопристойность въ храмъ? Храмъ? Вѣдь, Дидро училъ ихъ, что всего лучше было бы совсѣмъ обходиться безъ храма, и имъ казалось, что они еще слышатъ его восклицаніе: *Расширьте Бога!* Пусть ясенисты реформируютъ церковь, если могутъ; съ нихъ же, почитателей энциклопедіи, довольно и того, что они предоставятъ ясенистамъ дѣйствовать и будутъ показывать видъ одобряющихъ ихъ проекты.

Между тѣми изъ членовъ лѣвой, которые не были проникнуты духомъ Сенъ-Сирана, одинъ только Робеспьеръ, повидимому, интересовался преніями по данному вопросу. Въ его лицѣ вмѣшивался послѣдователь Руссо, который писалъ:

«Есть исповѣданіе вѣры чисто гражданское, правила котораго надлежитъ опредѣлить государю не какъ догматы религіи, но какъ чувства общежительности, безъ которыхъ невозможно быть добрымъ гражданиномъ, ни вѣрнопопданнымъ. Цезарь, защищая въ сенатѣ дѣло Катилины, старался установить догму смертности души; Катонъ и Цицеронъ, чтобы опровергнуть его, не стали забавляться философствованіемъ: они довольствовались указаніемъ на то, что Цезарь говорилъ какъ дурной гражданинъ и выдвинулъ доктрину, гибельную для государства. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ о чемъ долженъ былъ судить римскій сенатъ, а не о богословскомъ вопросѣ... Догмы гражданской религіи должны быть просты, немногочисленны, выражены точно, безъ объясненія, безъ комментаріевъ. Существованіе божества, могущественнаго, разумнаго, благодѣтельнаго, предусмотрительнаго и попечительнаго; будущая жизнь, блаженство праведныхъ, наказаніе

¹⁾ См. разсказъ объ этомъ засѣданіи въ *Mémoires de Ferrières*, гдѣ онъ лучше переданъ, чѣмъ въ *Монитѣрн*.

злыхъ, святость общественнаго договора и законовъ—вотъ положительныя догмы»¹⁾).

Вѣрный ученикъ Руссо, Робеспьеръ вѣрилъ, подобно ему, въ необходимость этой гражданской религіи. Многіе воображали, что поняли его, представляя его себѣ ханжей и преслѣдуемымъ тайной мыслью о будущей жизни: сужденіе ошибочное. Это просто былъ человѣкъ порядка. Лишенное той нравственной связи, которую образуетъ общность извѣстнаго числа первоначальныхъ вѣрованій, общество было, въ его глазахъ, не болѣе, какъ добыча, подобная хаосу, и только въ этомъ смыслѣ онъ былъ религіознымъ. Его религія, какъ и религія его учителя, состояла лишь изъ догматовъ, относящихся къ исполненію социальныхъ обязанностей и гражданскихъ добродѣтелей. Она не имѣла ничего мистическаго, ничего туманнаго, и если поздиѣмы встрѣчаемъ его на дорогѣ, куда революція увлекла мысль, провозглашающаго безсмертіе души и преклоняющагося предъ Верховнымъ Существомъ, то припомнимъ Катона, крикнувшаго Цезарю, оставивъ въ сторонѣ всякіе теологическіе вопросы: утверждать догму смертности души—это значитъ выдвигать доктрину, гибельную государству.

Какія же были рѣчи Робеспьера въ преніяхъ о гражданской организаціи духовенства? Оставимъ небо въ сторонѣ, чтобы заняться земными дѣлами:

«Священнослужители, сказалъ онъ, суть, въ социальномъ порядкѣ, чиновники, должностныя лица.

«Изъ этого простаго понятія вытекають три принципа, которые я примѣняю къ тремъ главамъ комитетскаго плана.

«Первый принципъ: всѣ общественныя должности суть социальнаго установленія; онѣ имѣють цѣлью порядокъ и благоденствіе общества. Передъ этимъ принципомъ исчезаютъ бенефиціи и безцѣльныя учрежденія.

«Второй принципъ: такъ какъ церковныя должности установлены для блага народа, то лица, назначаемыя къ управленію ихъ, должны быть назначаемы народомъ.

«Третій принципъ: такъ какъ духовныя должностныя лица имѣють назначеніемъ служить для блага общества, то ихъ вознагражденіе должно быть измѣряемо общей пользой».

Возражая затѣмъ противъ предложенія аббата Жакмара о

¹⁾ *Общественный договоръ*, кн. IV, гл. VIII.

томъ, чтобы архипастыри избирались пастырями, Робеспьеръ указывалъ на опасность допустить, чтобы духовенство дѣйствовало въ государствѣ какъ корпорація. Впрочемъ къ чему эта электоральная привилегія, которою предлагаютъ его облечь. «Клиръ не болѣе чистъ, чѣмъ народъ, поэтому высказываюсь за народъ»¹⁾).

Въ этихъ словахъ несомнѣнно сказался духъ *Общественнаго договора*, а что касается чувства, когорымъ были продиктованы автору «*Эмilia*» трогательныя страницы *Савойскаго викарія*, то Робеспьеръ воспроизвелъ ихъ не менѣе трогательнымъ образомъ, когда сказалъ:

«Взываю къ чувству справедливости Собранія въ пользу тѣхъ священнослужителей, которые состарѣлись на службѣ и которые въ концѣ своей долгой карьеры собрали отъ своихъ трудовъ только немощи. Они также имѣютъ за собой званіе духовныхъ особъ и нѣчто большее—бѣдность. Прошу Собраніе постановить, что оно позаботится объ обезпеченіи существованія семидесятилѣтнихъ клириковъ, не имѣющихъ ни пенсій ни бенефицій»²⁾).

Это пожеланіе не было исполнено: оно не согласовалось ни съ индифферентизмомъ вольтеріанцевъ, ни съ черствостью сердца янсенистовъ.

Послѣ дебатовъ, занявшихъ почти весь іюнь мѣсяць, гражданскій строй духовенства былъ принятъ. Декреты, положившіе основаніе этого строя, опредѣлили: что будетъ по одному епископскому престолу на департаментъ и по одному приходу на общину; что выборъ епископовъ и приходскихъ священниковъ впредь будетъ принадлежать народу; что епископскія и священническія функціи будутъ безвозмездныя, а исполняющіе ихъ будутъ получать жалованье изъ государственной казны; что окладъ содержанія епископовъ будетъ 50,000 ливровъ въ Парижѣ, 20,000 ливр. въ городахъ съ населеніемъ въ пятьдесятъ тысячъ душъ, и въ 12,000 ливр. въ менѣ важныхъ городахъ; что настоятели приходскихъ церквей будутъ получать жалованье въ Парижѣ 6,000 ливр., въ городахъ—отъ 4,000 до 2,400 ливр., въ мѣстечкахъ и деревняхъ—отъ 2,000 до 1,200 ливр.; наконецъ, что окладъ викаріевъ долженъ быть не менѣ 700 ливр.

Это составило, включая сюда пенсіи монаховъ и монахинь,

¹⁾ Засѣданіе 28 іюня.

сумму въ семьдесятъ семь милліоновъ, которую Національное Собраніе назначило на содержаніе духовенства ¹⁾).

Разъ принято было это рѣшеніе, ничто болѣе не препятствовало продажѣ національныхъ имуществъ: 25-го іюня, повторяя мысли, уже высказанныя по этому предмету за нѣсколько дней передъ тѣмъ епископомъ отѣнскимъ, герцога Ларошфуко предложилъ, отъ имени соединенныхъ комитетовъ доменъ и финансовъ, декретировать отчужденіе уже не только имуществъ духовенства на четыреста милліоновъ, но всѣхъ національныхъ доменъ, за исключеніемъ тѣхъ, пользование которыми было специально оставлено за королемъ. Озлобленіе духовенства достигло высшей степени; выразителемъ его явился аббатъ Мори и обезчестилъ его оскорбительными обращеніями, грубыми выходками и ложными утвержденіями, способными повергнуть умы въ сильное смущеніе. Продажу національныхъ имуществъ онъ назвалъ нечистымъ приемомъ ажіотажа; Талейрана, епископа отенскаго, обозвалъ сообщникомъ мытарей изъ улицы Вивьенъ; принялся защищать трибуну, словно осажденную крѣпость, отъ герцога Ларошфуко, подошедшаго, чтобы отвѣтить ему, и оттолкнулъ его съ такой силой, что тотъ чуть не свалился на полъ ²⁾; затѣмъ, соединяя съ этимъ порывомъ злобы расчеты обдуманной ненависти, вскричалъ: «Прежде чѣмъ отчуждать имущества духовенства, необходимо знать цифру государственнаго долга. Ну, такъ вотъ: я узналъ отъ одного изъ членовъ ликвидационнаго комитета, что она достигаетъ семи милліардовъ» ³⁾).

Трепетъ негодованія пробѣжалъ по скамьямъ лѣвой. На правой выразили одобреніе жестомъ; тамъ радовались при мысли объ ужасѣ, который должны были испытывать кредиторы государства ⁴⁾. Многіе депутаты шумно поднялись съ своихъ мѣстъ и, полные безпокойства, разошлись по залѣ. Люкё, Бушгъ, многіе другіе сильно волнуются и протестуютъ. Аббатъ Гутгъ, предсѣдатель ликвидационнаго комитета, протискивается къ трибунѣ, откуда бросаетъ энергичное опроверженіе. «Отъ кого исходитъ эта ложь? Назовите! назовите!» кричатъ со всѣхъ сторонъ аббату Мори, который, съ презрительной улыбкой на устахъ и

¹⁾ Montgaillard, *Histoire de France*, t. II, p. 243—244.

²⁾ См. *Mémoires de Ferrières*, t. II, livre VI, p. 60 и 61.

³⁾ *Ibidem*, p. 61.

⁴⁾ *Ibidem*.

нахальствомъ на челѣ, гордился тѣмъ, что ему удалось вызвать бурю. Депутату Дюпонъ де Немуру, упрекавшему его за то, что онъ позволилъ себѣ говорить отъ имени самого комитета, онъ отвѣтилъ: «Г. Дюпонъ прибѣгаетъ къ обману»¹⁾.

Эта прискорбная сцена продолжалась слишкомъ долго. Ансонъ объявилъ, что утвержденный долгъ составляетъ два миллиарда, послѣ чего Собраніе не хотѣло болѣе ничего слушать. Отчужденіе національныхъ имуществъ было декретировано.

Оставалось получить для гражданскаго строя духовенства королевскую санкцію. Но если бы преисподняя вдругъ разверзлась подъ его ногами, Людовикъ XVI не больше бы испугался. Непреодолимый страхъ овладѣлъ имъ при мысли, что данная имъ санкція, быть можетъ, будетъ смертнымъ грѣхомъ. Онъ попросилъ времени на размышленіе, и слѣдующее письмо, которое онъ секретно написалъ папѣ, обнаруживаетъ тогдашнее состояніе его духа:

«Папѣ Пію VI, 2-го іюля 1790 г.

«Святѣйшій отецъ,

«Я видѣлъ ученыхъ, которыхъ вы указали, и совѣтовался съ почтенными богословами. Вамъ, безъ сомнѣнія, уже представили отчетъ о совѣщаніяхъ, происходившихъ въ теченіе нѣсколькихъ дней. Есть одинъ только голосъ и одно только мнѣніе. Нельзя санкціонировать декреты, противные древнимъ обычаямъ вселенской церкви, декреты, прямо нападающіе на священные догматы, устанавлиющіе между епископами и пастырями новую іерархію и противорѣчащія дисциплинѣ галликанской церкви. Въ великомъ спорѣ, раздѣляющемъ клиръ Франціи, значительная часть французовъ высказалась за священнослужителей, подчиняющихся новымъ церковнымъ законамъ, исходящимъ изъ Учредительнаго Собранія. Но оппозиція этимъ новымъ законамъ насчитываетъ между своими апологетами и своими защитниками образованнѣйшихъ теологовъ, знаменитѣйшихъ докторовъ богословія, огромное большинство, чтобы не сказать—всѣхъ епископовъ галликанской церкви, и всѣхъ добродѣтельныхъ людей, привязанныхъ къ вѣрѣ нашихъ отцовъ и къ древнему преданію. Если я откажусь санкціонировать

¹⁾ *Mémoires de Ferrières*, t. II, liv. VI, p. 61.

гражданскій строй духовенства, поднимется жестокое преслѣдованіе; я увеличу число враговъ престола и алтаря; я доставлю предлогъ къ возмущенію; я удвою бѣдствія Франціи. Если я дамъ мою санкцію, какой скандалъ для церкви! Я предамъ нашимъ общимъ врагамъ наслѣдіе Христово; я накажу за ихъ рвеніе, за ихъ вѣрность, за ихъ привязанность служителей Господа, почитающихъ кивотъ завѣта: я устранию доброго пастыря и впущу волковъ въ овчарню. Ахъ! кто возможетъ наставить меня? Святѣйшій отецъ! На васъ одного возлагаю мою надежду. Галликанская церковь требуетъ всей вашей заботливости, и внукъ св. Людовика, покорный законному преемнику апостола Петра, просить у васъ не только совѣта, но духовныхъ приказовъ, которые онъ поспѣшитъ привести въ исполненіе. Однако, если бы человѣческія соображенія могли имѣть какой-либо вѣсъ; если бы нынѣшнее состояніе Франціи могло быть принято во вниманіе; если бы въ дѣлахъ небесныхъ можно было сообразоваться съ дѣлами земными, то не лучше ли было бы, чтобы я принялъ рѣшеніе повременить? Французскій народъ, всегда любящій новинки, скоро забываетъ то, что было предметомъ его энтузіазма; воздвигнутый имъ идолъ часто бываетъ поверженъ въ тотъ же день. Время, опытъ, совѣтъ мудрыхъ людей, само небо (которое наказываетъ Францію за наши общія ошибки, за мои собственныя прегрѣшенія, и которое можетъ смилостивиться) вернуть этотъ добрый заблудшій народъ въ лоно церкви, къ ея древнимъ обычаямъ, къ ея истиннымъ пастырямъ. Но время не терпитъ; нечистый духъ подулъ: святѣйшій отецъ, будьте истолкователемъ неба! будьте лучезарнымъ ангеломъ, разсѣивающимъ тьму! Жду съ нетерпѣніемъ вашего рѣшенія и той буллы, о которой ходатайствуетъ клиръ Франціи, которой требуютъ епископы, и о которой васъ просить старшій сынъ церкви, всегда вѣрный святому престолу¹⁾.

«Людовикъ».

Людовикъ XVI весь цѣликомъ въ этомъ письмѣ; мы видимъ тутъ и его христіанское смиреніе, и его покорность духовенству, и его нерѣшительность, и его безсиліе принять революцію и откровенно отречься отъ нея, и его слабость, близкую къ кри-

¹⁾ *Correspondence of Lewis the Sixteenth, with Observations on each letter, by Helen Maria Williams, vol. II, p. 60—63. London, 1808.*

водушію, и его склонность, наконецъ, искать во внѣ поддержки противъ новаго духа, противъ своего вѣка и противъ самого себя.

Какого рода могли быть совѣты, ожидаемые имъ отъ папы? Ему тѣмъ менѣе позволительно было имѣть какія-либо сомнѣнія на этотъ счетъ, что незадолго передъ тѣмъ однимъ только дѣйствіемъ всемогущаго притяженія революція отняла Авиньонъ у св. престола. Въ самомъ дѣлѣ, не прошло еще двадцати дней съ того числа, когда въ этомъ городѣ возставшій народъ съ большой помпой замѣнилъ гербъ римскаго первосвятителя гербомъ Франціи ¹⁾, и не прошло еще недѣли, какъ Людовикъ XVI писалъ Пію VI, что депутаты Авиньона, допущенные въ Национальное Собраніе, произнесли слѣдующія торжественныя слова:

«Посланные независимымъ и державнымъ народомъ, мы пришли поклясться въ ненарушимой вѣрности французской націи. Осмѣливаемся предсказать: придетъ время, когда всѣ народы присоединятся къ ней, дабы всѣ люди стали братьями... Франція свободна; мы можемъ сдѣлаться свободными не иначе, какъ чрезъ нее, и мы бросаемся въ ея объятія» ²⁾.

Слѣдовательно, Авиньонъ отдался революціи, отдаваясь Франціи. Для этого ему нужно было отдѣлиться отъ епископа римскаго, у котораго Людовикъ XVI просилъ высшаго совѣта! Онъ былъ таковъ, этотъ совѣтъ, какого слѣдовало ожидать отъ чловѣка, вдвойнѣ враждебнаго революціи, какъ первосвятитель и какъ свѣтскій государь. Людовикъ XVI долженъ бы былъ это предвидѣть.

Если мы теперь разберемся въ вопросѣ о томъ, какова цѣнность этого гражданскаго строя духовенства, вызвавшаго столько волненій, то должны будемъ признать, что принятіе его было необдуманной попыткой со стороны янсенистовъ Собранія; а со стороны вольтерьянцевъ, ихъ политическихъ союзниковъ,—непоследовательностью, чреватой большими опасностями.

Велико было заблужденіе первыхъ, если они воображали, что ихъ суровость очаруетъ французскій умъ, и что Франція, именно Франція XVIII столѣтія, воспламенится за ихъ благочестивыя реформы. Въ дѣйствительности никто не возгорѣлся

¹⁾ *Lettre des officiers municipaux d'Avignon à m. Camus et Bouche.*

²⁾ Засѣданіе 26 іюня 1790 г.

страстнымъ желаніемъ защищать гражданскій строй духовенства, тогда какъ противъ него разразилась цѣлая буря гнѣвныхъ голосовъ; такъ что если онъ создалъ фанатиковъ, то это только между его противниками... Я ошибаюсь: янсенизмъ могъ думать одно время, что нашелъ свою Жанну д'Аркъ. Одна молодая дѣвушка изъ Перигора, по имени Сусанна Курсель де-Лабрусь, слышала таинственные голоса, призывавшіе ее спасти церковь. И вотъ она отправляется изъ своей родной земли въ дальній путь, приходитъ босая въ Парижъ, идетъ прямо къ законоучителямъ, называетъ себя посланницей неба и удивляетъ ихъ краснорѣчіемъ своихъ горячихъ убѣжденій. Она говорила о томъ, что нужно идти въ Римъ, обращать грѣшниковъ на истинный путь, привлечь святого отца къ новымъ идеямъ. Это надѣлало шуму. Сусанна была натура нѣжная, пылкая; она рано заболѣла тѣмъ энтузіазмомъ иллюминатовъ, который скоро переходитъ въ упомоѣшательство, если не останавливается на мистицизмѣ. Про нее рассказывали удивительныя вещи. Девяти лѣтъ, уже испытавшая утомленіе жизнью и нетерпѣливая въ ожиданіи радостей неба, она пыталась отравиться¹⁾. Въ возрастѣ любви, испуганная сознаніемъ своей красоты, она прикладывала ѣдкую известь себѣ на лицо, не успѣвъ, однако, какъ ей этого хотѣлось, сдѣлаться предметомъ ужаса²⁾. Затѣмъ наступили смутныя душевныя волненія, экстазы безъ конца, откровенія. Она была рекомендована аббату Фоше; она сдѣлалась мистическимъ другомъ Понтара, который впослѣдствіи былъ конституціоннымъ епископомъ въ Дордони; она вступила въ переписку съ домъ Жерле. Но янсенисты не имѣли ни изворотливости ума, ни смѣлости и ловкости іезуитовъ, своихъ соперниковъ. Ихъ природная суровость отказывалась отъ господства энтузіазма, и вліяніе, которое Сусанна могла пріобрѣсти надъ экзальтированными воображеніями, было потеряно для нихъ.

Что касается вольтерьянцевъ, которые съ такой слѣпой угодливіостью согласились на установленіе гражданскаго строя клира, то они, такъ сказать, собственными руками соткали ту вуаль, въ которой прелаты, ихъ враги, такъ нуждались, чтобы прикрыть свой раздраженный эгоизмъ. Если бы революція ограничилась посягательствомъ на богатства высшаго духовен-

¹⁾ *Biographie universelle.*

²⁾ *Ibidem.*

ства, она поставила бы это послѣднее въ альтернативу либо покориться, либо придать своему возмущенію унижительный мотивъ потери своихъ избытковъ. Напротивъ, какъ только она показала видъ, что намѣрена коснуться ихъ дисциплины, она дала нравственный предлогъ безнравственности ихъ сопротивленія, она поощрила ихъ къ разыгрыванію роли мучениковъ. Они такъ и сдѣлали. Измѣнили только внѣшнія формы культа а они клялись, что были поколеблены самыя основы религіи; то, что, какъ они отлично знали, было лишь дѣломъ нѣсколькихъ суровыхъ вѣрующихъ, они представили какъ покушеніе торжествующаго недовѣрія, и, повидимому, стенали только отъ удара, нанесеннаго ихъ доктринѣ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ эта продажа ихъ имуществъ надрывала имъ сердце.

Чтобы смирить ихъ, революція, послѣдовательно, предписала имъ принести присягу, за отказъ отъ принесенія ея наказывала ихъ лишеніемъ содержанія, угрожала имъ ссылкой; и увы, ничто не было болѣе способно поднять ихъ силу, чѣмъ эти мѣры преслѣдованія. Какое рѣшеніе, въ самомъ дѣлѣ, оставалось принять всѣмъ этимъ несчастнымъ приходскимъ священникамъ, которые было присоединились къ революціи, не думая, тѣмъ не менѣе, отдѣляться отъ церкви? Могли ли они, по наружности заинтересованные служители новаго режима, улучшавшаго ихъ участь, покинуть своихъ начальниковъ, когда тѣ, казалось, для защиты вѣры, пренебрегали проскрипціей и нищетой? Могли ли они, когда революція еще искала свой путь, броситься, очертя голову, по ея слѣдамъ, разорвать платве Деяниры, которое католицизмъ надѣваетъ на своихъ послѣдователей, и бѣжать къ невѣдомому Богу, *idnoto Deo*. Не всѣ отличались пылкостью аббата Фоше, не всѣ обладали сосредоточенной энергіей аббата Грегуара. Моменты невыразимой тоски! Какая борьба происходила въ глубинѣ смущенной совѣсти! Большинство не устояло; а тѣ, которые предпочли живое отечество отечеству, скрытому отъ насъ мракомъ могилы, увидѣли себя третируемыми какъ схизматики, какъ клятвопреступники и вѣроотступники. Плодородныя поля, тучныя луга, обширныя лѣса, мраморныя дворцы, одежда, вышитая золотомъ и шелкомъ, столы, уставленные изысканными яствами, всѣ наслажденія жизни, все ея великолѣпіе, ревностныя къ вѣрѣ сердца требовали, чтобы все это было сохранено епископамъ, а скромную пенсію, которую бѣдный сельскій викарій согласился по

лучать изъ казны попечительнаго государства, они клеймили наравнѣ съ тридцатью сребрениками, за которые Гуда продалъ своего Учителя.

ГЛАВА XIII.

Король безъ дворянъ.

Ламентациі Лустало.—Людовикъ XVI проситъ и получаетъ *liste civile* въ двадцать пять милліоновъ и сумму въ четыре милліона, назначенную для королевы.—Монархическій энтузіазмъ Собранія; истинный характеръ этого энтузіазма.—Національная гвардія въ Сени-Клу.—Дуэль между Фералемъ и Шартономъ.—Маратъ снова появляется на сценѣ; его порывы.—Лже-Мараты.—Странная заботливость Фрерона о Людовикѣ XVI.—Политическое настроеніе буржуазіи.—Непоследовательность Собранія, которое вотируетъ отъѣзду наслѣдственнаго дворянства.—Жестокое слово аббата Мори Гуану д'Арси.—Письмо Вилетта въ «Парижской Хроникѣ».—Мрачныя размышленія Марата по поводу упраздненія дворянства.—Необыкновенные результаты этого декрета.—Герцогъ Шартрекій (будущій король Луи-Филиппъ) охотно подчиняется этому постановленію; отчаяніе дворянъ.—Матье до Монморанси и Ривароль.—Ярость Мирабо.—Страшные комментаріи Камилла Демулена; Капетъ, сынъ нотаріуса.—Замѣчанія Неккера.—Возможенъ ли король безъ дворянства?

Около этого времени горькая жалоба сорвалась съ обезкураженнаго пера Лустало:

«Симптомы рабства обнаруживаются такъ часто со времени наступленія свободы, что иногда бываешь склоненъ отчаяваться въ нашемъ возрожденіи. Видно, что мѣняются слова и обычаи; но идеи и злоупотребленія остаются тѣ же¹⁾».

Эта жалоба была исторгнута у искренняго Лустало иведеніемъ официальныхъ представителей буржуазіи въ отношеніи короля.

Они отняли у него, одну за другой, все старыя привилегіи; они почти вездѣ поставили на мѣсто его каприза народный выборъ; они не оставили ему ни свободнаго распоряженія въ назначеніи на должности, ни произвольной раздачи милостей, и, лишая его такимъ образомъ средства либо привязать къ себѣ долгомъ признательности, либо привлечь къ себѣ надеждой, они, такъ сказать, однимъ ударомъ отняли у него и прошедшее и будущее. И въ то же самое время они выказывали монархическій энтузіазмъ. Въ присутствіи трона, ихъ языкъ охотно нисходилъ до формъ рабства, едва ли превзойден-

¹⁾ *Révolutions de Paris*, № 48.

ныхъ въ царствованіе Людовика XIV. Не боготворите! безпре-
станно кричалъ имъ Лусталò, не боготворите! Но они остава-
лись глухи къ этимъ суровымъ предостереженіямъ, и полные
передъ кумиромъ, почтительнаго недоувѣрія, они обирали его,
стоя на колѣняхъ.

Впрочемъ, жаждавшіе власти короля, они не шли такъ да-
леко, чтобы оспаривать у него его содержаніе. Когда зашла рѣчь
о личныхъ нуждахъ монарха, Лебрентъ, докладчикъ комитета фи-
нансовъ, объявилъ, «что величіе націи не позволяетъ спорить объ
этихъ деталяхъ и что должно предоставить королю самому уре-
гулировать этотъ предметъ, *сообразно своимъ удобствамъ и своимъ
вкусамъ*» ¹⁾.

Людовикъ XVI уже разъ отказался сдѣлать это: упрashi-
ваемый снова, онъ не колебался болѣе, и письмомъ, которое
было прочитано въ пленарномъ засѣданіи Собранія 9-го іюня,
попросилъ для себя ежегодную сумму въ двадцать пять милліоновъ
и для королевы четыре милліона. Сознавало ли Учредительное
Собраніе лицемѣріе восторговъ, которыми оно тогда разразилось,—
въ этомъ позволительно усомниться. Во всякомъ случаѣ, оно
моментально вотировало желаемую сумму, вотировало безъ обсу-
жденія, безъ дебатовъ, *par acclamation* ²⁾.

Отсюда сѣтованія Лусталò. «Четыре милліона для королевы!
воскличалъ онъ. Вѣдь, эта сумма, равная издержкамъ на со-
держаніе ежегодныхъ легислатуръ и ревизіоннаго суда. Королева
будетъ стоить намъ такъ же дорого, какъ законодательное со-
браніе!» ³⁾ Онъ предсказывалъ, что какъ ни огромна цифра двад-
цать пять милліоновъ, она не замедлитъ быть превзойденной:
«Англичане, которые *не боготворятъ* своихъ королевъ, уже три
раза заплатили долги Георга III. А такъ какъ мы *боготворимъ*,
такъ какъ мы энтузіасты, великодушны, и такъ какъ дворъ
очень хорошо знаетъ насъ въ этомъ отношеніи, то онъ будетъ
разсчитывать на нашу вѣжливость для получения двадцати мил-
ліоновъ каждыя десять лѣтъ» ⁴⁾. Тридцать пять или тридцать
шесть милліоновъ въ годъ—вотъ какое бремя ляжетъ на страну,
предвозвѣщавъ неумолимый писатель, то есть, по его расчетамъ,
королевская власть должна была обходиться Франціи въ де-

¹⁾ *Révolutions de Paris*, № 48.

²⁾ *Ibidem*.

³⁾ *Ibidem*.

⁴⁾ *Ibidem*.

сятую часть ея доходовъ. Затѣмъ онъ принялся разбирать, на какіе столь значительные расходы имѣли въ виду снабдить средствами, давая съ такимъ восторгомъ согласіе на назначеніе просимой суммы. Онъ указывалъ, какъ на серьезнѣйшую опасность для свободы, на содержаніе лейбъ-гвардіи. Онъ хотѣлъ, чтобы не только не окружать тронъ преторіанцами, но чтобы поставить короля въ такое положеніе, чтобы онъ оказался одинокимъ въ тотъ день, когда будетъ покинутъ народомъ, такъ какъ этотъ случай, когда король будетъ оставленъ всѣми, есть «единственное средство противъ недуга королевскаго достоинства». А что касается фондовъ, предназначенныхъ на *воспитаніе королевскихъ дѣтей*, то какое безразсудство! Это націи должно принадлежать право образованія ея будущихъ руководителей. Иной король, какъ показываетъ исторія, бываетъ слишкомъ склоненъ сдѣлать своего будущаго преемника глупымъ или злымъ, для того, чтобы его самого менѣе ненавидѣли при жизни и болѣе о немъ жалѣли послѣ смерти. Французы не полюбили ли Карла VII на склонѣ его лѣтъ, испуганные не обѣщавшей ничего хорошаго молодостью Людовика XI? А Людовикъ XII не былъ ли систематическимъ развратителемъ Франциска I? Горе народамъ, для которыхъ инныя королевы воспитываютъ повелителя! Быть можетъ, не было бы Варооломеевской рѣзни, если бы душа Карла IX не была сформирована Екатериной Медичи? ¹⁾

Такъ говорилъ Лустало, и изъ словъ его можно было вывести заключеніе въ пользу республики. Но вожаки революціонной буржуазіи не простирали такъ далеко смѣлости своихъ надеждъ; не то, чтобы они не были республиканцами въ душѣ, но они боялись признаться въ этомъ самимъ себѣ. Ибо они смотрѣли на тронъ, какъ на плотину, ограждавшую ихъ отъ выступившей изъ береговъ демократіи; имъ нуженъ былъ король противъ народа; и такъ какъ, съ другой стороны, они знали свою силу, такъ какъ они чувствовали захватывающую гордость, свойственную всякому новому могуществу, то имъ нужна была монархія покорная, монархія пассивная, блескъ которой былъ бы ихъ работой и послушнымъ авторитетомъ которой они могли бы управлять по произволу.

Это настроеніе было инстинктивно присуще большинству

¹⁾ *Révolutions de Paris*, № 48.

буржуазіи: и одно непредвидѣнное обстоятельство дало ему поводъ проявиться наружу.

Король поѣхалъ провести нѣсколько дней въ Сень-Клу. Вдругъ распространился слухъ, что милиція, несущая службу въ замкѣ, была третирована съ обиднымъ недовѣріемъ; что ея начальники принуждены были ночевать въ палаткахъ; что одинъ изъ нихъ, по имени Фераль, бывшій съ караулѣ во дворцѣ принцессы Елисаветы, сестры короля, потребовалъ себѣ коня, чтобы сопровождать ее въ Сень-Клу, но получилъ унижительный отказъ, и что, не давъ ему времени снарядиться, принцесса уѣхала; что двери одного апартаменты, открытыя драгунскимъ офицерамъ, закрывались передъ гражданами въ мундирѣ; что, наконецъ, видѣли одного лакея бѣгущимъ по улицамъ и кричавшимъ: *національная гвардія измѣняетъ королю!*¹⁾

Тотчасъ Парижъ пришелъ въ ярость. Какъ! буржуазіи, вооруженной для того, чтобы бодрствовать надъ жизнью короля, нанесли оскорбленіе, держа ее въ отдаленіи! усомнились въ ея вѣрности монарху! Предполагали у нея мысли объ измѣнѣ! Броженіе приняло такіе размѣры, что робкій Бальи поблѣднѣлъ отъ страха; даже Лафайетъ считалъ благо-разумнымъ придумать средство для успокоенія общественнаго мнѣнія, и, по его внушенію, Шаргонъ, начальникъ первой дивизіи, велѣлъ подписать двумъ стамъ гвардейцевъ, находившимся въ Сень-Клу, формальное опроверженіе этихъ повсюду распространенныхъ слуховъ. Это опроверженіе задѣло за живое Фералья, негодующаго и уже популярнаго историка происшедшихъ въ Сень-Клу сценъ. Отрицанію двухсотъ онъ противопоставилъ энергическое утвержденіе, съ точнымъ изложеніемъ рассказанныхъ имъ фактовъ, выражаясь, впрочемъ, какъ человѣкъ, готовый подтвердить свое свидѣтельство принесеніемъ въ жертву своей жизни. Слѣдствіемъ этого была дуэль, въ которой онъ былъ раненъ, и это обстоятельство еще болѣе усилило смуту, сдѣлавшуюся теперь общей. Раздался грозный голосъ Марата²⁾.

Онъ снова появился въ началѣ мая³⁾ и ознаменовалъ свое вторичное выступленіе на сцену жестокимъ изобличеніемъ нѣкоторыхъ жалкихъ писаекъ, которые, во время его отсутствія,

¹⁾ Prudhomme, *Révolutions de Paris*, № 48.

²⁾ *L'Ami du peuple*, № CXLV.

³⁾ Послѣдній номеръ *Ami du peuple* носилъ дату 21 янв. 1790 г.; это былъ № CV.

прикрываясь его именемъ, гримасничали, поддѣлываясь подъ вельшки его гнѣва: «По возвращеніи изъ Лондона, гдѣ я провель нѣсколько мѣсяцевъ, я нашелъ мой журналъ захваченнымъ четырьмя газетчиками, оспаривающими другъ у друга мое званіе, мой эпитафъ, мое имя, мои качества, и каждое утро осыпающими другъ друга отвратительной бранью. Новые Сосіи, каждый изъ нихъ утверждаетъ, что онъ подлинный, и такъ велика увѣренность ихъ тона, что при чтеніи ихъ бумагомаранья я щупаю у себя пульсъ, чтобы удостовѣриться, что это не сонъ»¹⁾. Слѣдовала lamentаціи по поводу того, что контрафакторы не имѣли ни здраваго смысла, ни убѣжденій, ни слога; что они *не знали приличій*; что они *оспаривали у рыбныхъ торговцевъ ихъ жаргонъ*²⁾. «По крайней мѣрѣ, когда *Другъ Народа* въ своемъ усердіи проговаривался какими-нибудь рѣзкими словами, то они были исторгнуты у него любовью къ отечеству»³⁾.

Послѣ этого можно бы было думать, что внезапно охваченный страстью къ приличіямъ, Маратъ, подлинный Маратъ, противопоставить умѣренность своего языка тѣмъ преувеличеніямъ, въ которыхъ онъ упрекалъ своихъ контрафакторовъ: ничуть не бывало! Это жестокое искусство, составившее часть его силы, отравлять ядомъ все, онъ примѣнилъ его и здѣсь, придавая сень-клубскому дѣлу размѣры заговора. Онъ называлъ вѣроломствомъ страхи Бальи и опасенія Лафайета. Онъ взялъ Фералю подъ защиту своихъ угрозъ, и когда батальонъ св. Людовика, батальонъ Театенцевъ, округъ Кордельеровъ, поочередно, постановили выразить благодарность гражданину-мстителю за оскорбленіе, нанесенное мундиру гражданской милиціи, онъ горячо хвалилъ ихъ постановленія⁴⁾.

Казалось естественнымъ, что среди общаго ропота нападки поднимутся до короля; ничуть не бывало: его, напротивъ, жалѣли, его хвалили, показывали видъ, что дрожать за него, — такъ еще старались отличать его отъ двора! Такъ буржуазія, которой еще принадлежала власть давать тонъ общественному мнѣнію, затруднялась разстаться съ монархической идеей! Правда, въ это время мы видимъ Камилла Демулена, разсыпавшагося въ республиканскихъ насмѣшкахъ. Но какъ другіе медлили послѣдо-

¹⁾ *L'Ami du peuple*, № CVI.

²⁾ *Ibidem.*

³⁾ *Ibidem.*

⁴⁾ *Ibidem.*

вать за нимъ на этомъ пути! Если Лусталò разсуждалъ, какъ республиканецъ, то разсуждалъ, не объявляя себя таковымъ, даже выражая свое уваженіе къ королевской особѣ¹⁾; и даже Фреронъ, такъ прославившійся вполслѣдствіи своимъ пылкимъ республиканствомъ, Фреронъ, соревнователь Марата по буйности, писалъ: «Вчера я встрѣтилъ добрѣйшаго и слишкомъ довѣрчиваго Людовика XVI въ Медонскомъ лѣсу. Онъ ѣхалъ отдать визитъ своимъ теткамъ. Я содрогнулся, видя, какая малочисленная свита эскортировала его карету. Отецъ долженъ ли покидать свою семью, когда отчій домъ охваченъ внутренней смутой?»²⁾

Но этотъ титулъ отца, столь любезно даваемый Людовику XVI; это стараніе создать ему по внѣшности прекрасное положеніе; эти страстные призывы къ его довѣрію; это желаніе приблизиться къ нему; эта боязнь потерять его,—все это не было ни религіей, ни доктриной,—это было расчетомъ, и расчетомъ, о которомъ многіе изъ предававшихся ему не отдавали себѣ яснаго отчета, такъ какъ они горячо желали двухъ противорѣчащихъ одна другой вещей: сохраненія королевскаго достоинства и уничтоженія всякаго рода аристократіи; другими словами, они хотѣли, чтобы былъ тронъ и чтобы для поддержанія его не было... ничего.

Десять дней,—кто бы повѣрилъ?—всего только десять дней прошло съ того дня, когда Національное Собраніе съ энтузіазмомъ вотировало королю *liste civile* въ двадцать пять милліоновъ, и вотъ оно съ такимъ же энтузіазмомъ, по удивительной непослѣдовательности, декретируетъ отмѣну наслѣдственнаго дворянства! «Не ожидали, чтобы предметъ, столь важный для цѣлаго класса гражданъ, былъ подвергнутъ обсужденію, не бывъ показаннымъ въ списокѣ очередныхъ дѣлъ. Одна статья регламента гласила, что никакой конституціонный законъ не можетъ быть предложенъ въ вечернемъ засѣданіи; а что могло быть болѣе конституціоннымъ, чѣмъ вопросъ быть или не быть во Франціи наслѣдственному дворянству»³⁾. Нужды нѣтъ! Несмотря на порядокъ дня, не взирая на регламентъ, по совершенно непредвидѣнному предложенію одного темнаго депутата, по имени Ламбель, и съ рискомъ раскаянія, къ которому обыкновенно при-

¹⁾ См. *Révolutions de Paris*, № 48.

²⁾ *L'Orateur du peuple*, № XVII.

³⁾ *Mémoires de Ferrières*, t. II, liv. VI, p. 71. Collection Berville et Barrière.

водятъ внезапныя необдуманныя рѣшенія, это важное рѣшеніе было принято среди аплодисментовъ. И въ этомъ случаѣ, какъ въ ночь 4-го августа, хотя въ гораздо меньшемъ числѣ, это именно дворяне ускорили движеніе, направленное противъ дворянства. Началь Шарль Ламетъ.

Маркизь де Ферьеръ, свидѣтель описываемыхъ имъ событій, рассказываетъ, что Лафайетъ не присутствовалъ въ засѣданіи, когда Ламбель выступилъ со своимъ предложеніемъ; что друзья Лафайета побѣждали извѣстить его о томъ, что произошло въ Собраніи, и предупредить о грозящей ему опасности потерять, если онъ не поспѣшитъ, часть своей популярности, которую собирались похитить братья Ламетъ, его личные враги¹⁾. Какъ бы то ни было, Лафайетъ имѣлъ ловкость или счастье имѣть свою роль во второмъ актѣ великаго самоубійства дворянства во Франціи. «Предложеніе г. Ламбеля представляется до того необходимымъ, сказалъ онъ, что я не думаю, чтобы оно нуждалось въ поддержкѣ; но если оно нуждается, я присоединяюсь къ нему отъ всего сердца».

Сигналь былъ данъ: порывъ сдѣлался непреодолимымъ. Маркизу де Фуко, защищавшему законность титуловъ въ силу ихъ происхожденія, Лафайетъ возразилъ: «Вмѣсто того, чтобы говорить *возведенъ въ дворянское достоинство*, отнынѣ будутъ говорить *спасъ государство въ такомъ-то часу*». Старый Гупиль де-Префельнъ требовалъ, чтобы объявили отмѣненными навсегда титулы герцога и пэра, графа, виконта, барона, маркиза, кавалера, и чтобы титулъ *monseigneur* отнынѣ принадлежалъ только принцамъ крови. «И почему принцамъ крови?» возразилъ Лафайетъ, «вѣдь, и они люди, активные граждане». «Не будемъ признавать, вскричалъ виконтъ де-Ноайль, иныхъ отличій, кромѣ отличія добродѣтелей. Развѣ говорятъ маркизь Франклинъ, графъ Вашингтонъ, баронъ Фоксъ? Тщетно Фосиньи пытался отвратить взоры Собранія, привлекая ихъ на аристократію банка, на феодализмъ рабовладѣчества; тщетно аббатъ Мори высказалъ пророческое предостереженіе: *если не будетъ дворянства, не будетъ и монархіи*; тщетно дворяне правой стороны протестовали, требуя, чтобы по крайней мѣрѣ отложили рѣшеніе до слѣдующаго дня: ободренные криками трибунъ, дворяне лѣвой стороны довели общее увлеченіе до высшей степени возбужденія.

¹⁾ *Mémoires de Ferrières*, t. II, liv. VI, p. 71.

«Пусть на будущее время, сказалъ Лепельтье де-Сенъ-Фаржо, ни одинъ гражданинъ не носить иного имени, кромѣ фамильнаго. Съ этого момента я подписываюсь *Луи-Мишель Лепельтье*». А виконтъ Матье де-Монморанси заключилъ предложеніемъ о проскрипціи гербовъ. Въ это время Лн-Шапелье занимался редакціей декрета, который, при шумѣ рукоплесканій, былъ принятъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Национальное Собраніе декретируетъ, что наслѣдственное дворянство отмѣняется навсегда во Франціи; что, вслѣдствіе того, титулы маркиза, кавалера, экюйе, графа, виконта, мессира, князя, барона, видама, дворянина, герцога и всѣ другіе подобныя титулы не могутъ быть кѣмъ бы то ни было принимаемы, ни кому бы то ни было жалуемы; что ни одинъ гражданинъ не можетъ носить иного имени, кромѣ дѣйствительнаго имени своей фамиліи; что никто не можетъ одѣвать въ ливрею своихъ слугъ, ни имѣть гербовъ; и что ладанъ будетъ воскуриваемъ въ храмахъ только для почтенія божества»¹⁾.

Это событіе, которое было въ положеніи дѣлъ, какъ громъ въ облакахъ, казалось происшедшимъ отъ электрическаго разряда. Было ли оно подготовлено заранѣе? Ферьеръ утверждаетъ, что было подготовлено. Онъ увѣряетъ, что, оттолкнутые дворянствомъ, упрекавшимъ ихъ въ «покинутіи стези чести», дворяне лѣвой стороны были доведены въ концѣ концовъ до того, что вступили въ союзъ съ улицей, съ цѣлью погубить свое сословіе; и онъ рассказываетъ, что, когда однажды маркизъ Гуэнъ д'Арси сказалъ нѣсколькимъ дворянамъ, въ присутствіи аббата Мори: «*Намъ ничего болѣе не остается, какъ броситься въ ваши объятія*», послѣдній рѣзко возразилъ: «*Скажите—къ нашимъ ногамъ*».

Достовѣрно извѣстно, съ другой стороны, что 18-го іюня результаты засѣданія слѣдующаго дня были возвѣщены и формулированы въ слѣдующемъ письмѣ, адресованномъ Вилетомъ въ *Парижскую Хронику*:

«Мм. Гг., такъ какъ Собраніе отмѣнило феодальность, то здравымъ умамъ кажется страннымъ, что уничтожили причину и оставляютъ нетронутыми слѣдствія. Титулы, ленты, ливреи должны быть отмѣнены... Всѣмъ извѣстна этимологія титуловъ *графъ, маркизъ, кавалеръ. Comites a comitando*, графы были товарищи короля, когда онъ отправлялся на войну. *Marchiones*

¹⁾ О засѣданіи 19 іюня см. рассказъ Монитёра и Ферьера,

происходитъ отъ германскаго слова *Mark*, граница: маркизы были начальники пограничной области. *Кавалеры*, *equites ab equo*,— по крайней мѣрѣ нужно бы было требовать, чтобы наши кавалеры имѣли коня; а то есть много такихъ, что имѣютъ только шпоры!... Когда я произношу имена Веніамина Франклина, Вильяма Адамса, Джорджа Вашингтона, патрона Жоржа Лафайета, я чувствую, что эти великія имена умалились бы отъ присоединенія къ нимъ прозвищъ *графъ*, *герцогъ* или *кавалеръ*. Болѣе важно, чѣмъ думаютъ, стереть эту демаркаціонную линію, столь же оскорбительную, какъ и потѣшную»¹⁾).

Условленная заранѣе или нѣтъ, отмѣна наслѣдственнаго дворянства слишкомъ хорошо отвѣчала чувству крайнихъ партій, чтобы не быть принятой съ восторгомъ. К. Демуленъ воскликнулъ: «Декретъ 19-го іюня слѣдовало бы написать золотыми буквами на триумфальной аркѣ Марсова поля»²⁾. Съ своей стороны, Маратъ далъ засѣданію, въ которомъ этотъ декретъ былъ вотированъ, эпитетъ *славнаго*³⁾).

Только, всегда недовѣрчивый до болѣзненности, всегда склонный смотрѣть на человѣческую натуру сквозь призму подозрѣнія, Маратъ не осмѣлился предаться всецѣло радости. «Никогда, писалъ онъ, никогда не бывало декретовъ, болѣе непостижимыхъ! Какъ! этотъ многочисленный классъ тщеславныхъ людей, столь кичащихся своими титулами и столь ревниво оберегающихъ свою ложную величавость, отказались сами отъ всего этого фиглярства, которому они придавали такую важность!... Признаюсь, не могу придти въ себя отъ удивленія, и готовъ бы былъ подозрѣвать тутъ какую нибудь скрытую ловушку, если бы не видѣлъ во главѣ членовъ, потребовавшихъ этихъ жертвъ, именъ Варнавовъ и Ламетовъ». И, тотчасъ же спохватившись, возвращаясь вспять, не считая себя въ правѣ быть успокоеннымъ даже этими именами, онъ приписываетъ, «тайныя причины этого кажущагося великодушія безсилію отчаянія» и прибавляетъ: «Вынужденные выбирать изъ двухъ неминуемыхъ золъ, они старались избѣгать страшнаго удара, который имъ грозилъ и надъ привлеченіемъ котораго на ихъ головы я долго работалъ»⁴⁾).

Между дворянами на всемъ пространствѣ королевства настало

1) *Chronique de Paris*, № 170.

2) *Révolutions de France et de Brabant*, № 33.

3) *L'Ami de Peuple*, № CXLII.

4) *Ibidem*.

глубокое уныніе. Ибо большинство людей еще крѣпче держатся за погремушки власти, чѣмъ за самую власть.

Нѣкоторые охотно подчинились, какъ, на примѣръ, герцогъ Шартрскій (впослѣдствіи король Луи-Филиппъ), который, по словамъ К. Демулена, «при первомъ извѣстіи о декретѣ 19-го іюня, тотчасъ по полученіи номера газеты *Postillon de Calais*, призвалъ свой штатъ служащихъ, прочелъ имъ декретъ, далъ ему свою домашнюю санкцію, запретилъ называть его *monseigneur* или *monsieur le duc*, покинулъ свою ливрею съ бѣлымъ удовольствіемъ, чѣмъ Балли надѣлъ свою, разоблачилъ, наконецъ, съ головы до ногъ своихъ кучеровъ, лакеевъ и скороходовъ»¹⁾.

Но очень мало нашлось подражателей герцогу Шартрскому. Если дворяне и повиновались принятому рѣшенію, то повиновались съ бѣшенствомъ въ сердцѣ, съ проклятіемъ на устахъ. Особенно возбуждала ихъ негодованіе та статья, которая, заставляя ихъ отказаться отъ имени земель, владѣемыхъ ихъ родомъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, налагала на нихъ обязанность снова принять свои родовыя имена. Изъ этого слѣдовало, что *Монморанси* становился попросту *Бушаръ*; *Ришлье*—*Воньеро*; *Ларошфуко*—*Веръ*; *Сенъ-При*—*Гиньяръ*; *Лафайетъ*—*Муатъ*; *Мирабо*—*Рикотти*. «Это значило лишить Францію ея исторіи», замѣчаетъ г-жа де-Сталь²⁾, и, безъ сомнѣнія, есть доля истины въ этомъ замѣчаніи. Но это значило также лишить нѣкоторое число людей удовольствія считать себя высшими существами въ сравненіи съ остальнымъ человѣчествомъ; это значило лишить ихъ наслѣдственнаго права презирать себя подобныхъ, и вотъ это-то казалось имъ невыносимымъ. Даже между тѣми изъ нихъ, которые выказали такую готовность къ принесенію въ жертву своего тщеславія, иные не безъ сожалѣнія вспоминали о своемъ скороспѣломъ патріотизмѣ, по крайней мѣрѣ если вѣрить тому, что рассказываютъ про *Матъе де-Монморанси*, который однажды въ кафе Пале-Рояля, когда его кто-то привѣтствовалъ по фамиліи *Бушаръ*, въ присутствіи *Морриса*, посланника Соединенныхъ Штатовъ, принялся съ досадою припоминать свою родословную, говоря: «Впрочемъ, я происхожу отъ *Анны де Монморанси*, который былъ коннтеблемъ; я происхожу отъ *Матъе де Монморанси*, который былъ маршаломъ; я происхожу отъ *Анны*

¹⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 33.

²⁾ *Considérations sur la Révolution française*, II partie, chap. XIV.

де Монморанси, который женился на вдовѣ Людовика Толстаго; я происхожу...», на что Ривароль, потерявъ терпѣніе, возразилъ «Eh, mon cher, pourquoi êtes-vous donc tant descendu?»¹⁾ (отчего у васъ такая длинная родословная; или: отчего вы такъ опустились?).

Что касается Мирабо, то онъ не присутствовалъ въ засѣданіи 19-го іюня; но на слѣдующій день, когда газеты въ разсказѣ о засѣданіяхъ напечатали *Рикетти старшій*, онъ подошелъ взбѣшенный къ ложѣ журналистовъ и сказалъ имъ: «*Vous m'avez dit que vous aviez sifflé les journalistes pendant trois jours*»²⁾.

Везпощадный Камилль Демуленъ зналъ все это; онъ видѣлъ только фютляръ подъ которой «аристократія скрывала свои гербовые щиты, какъ ханжи покрываютъ въ видѣ траура ликъ святыхъ и мадоннъ на Страстной недѣлѣ»; ему нравилось вливать ядъ въ рану. Ухватившись за одну брошюру, вышедшую въ свѣтъ подъ заглавіемъ *Истинное зеркало дворянства*, онъ далъ о ней слѣдующій отзывъ:

«Нашъ ученый авторъ не забылъ ни сѣтей и боченка Вильруа при Францискѣ I; ни профессіи мясника Жоржа Веръ; ни Сентъ-Симона, продавца птицъ на набережной де ла Феррайль времянь Людовика XI; ни Бретейля, продавца сундуковъ на мосту Богоматери; ни швейцарской булавы Виллекье; ни шприца Мазарина, д'Юзесовъ, Ламуаньоновъ; ни салфетки и ливреи Ноайлевъ... Прошу прощенія у *si-devant* виконта де Ноайль, превосходнаго патріота, и котораго этотъ анекдотъ не долженъ оскорблять. Какой гражданинъ можетъ утверждать, что никто изъ его рода не стоялъ на запяткахъ прежде, чѣмъ сидѣтъ внутри кареты? И потомъ, салфетки бываютъ разныя. Развѣ Жанъ-Жакъ Руссо не носилъ салфетку у мадмуазель де Соляръ?»³⁾.

Такъ исчезли всѣ старые престижи!

Учредительное Собраніе предавалось странной иллюзіи, если думало, что со всѣхъ сторонъ ударяемый волнами равенства тронъ можетъ оставаться непоколебимымъ и не кончить тѣмъ, что прибавить лишній обломокъ къ обломкамъ всѣхъ ранговъ. Тщетно оно, уничтоживъ королевское достоинство, вотировало ему двадцать пять милліоновъ содержанія и, такимъ образомъ,

¹⁾ Montgaillard, *Histoire de France*, t. II, p. 237. Paris, 1827.

²⁾ *Considérations sur la Révolution française*, II partie, chap. XIV.

³⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 33.

дало ему чѣмъ позолотить стыдъ своей бесполезности; по крайней мѣрѣ нужно было, такъ какъ хотѣли, чтобы королевское достоинство продолжало существовать, освятить вокругъ него привычки исконнаго наслѣдственнаго уваженія. О! непослѣдовательные законодатели, требовавшіе отъ королевскаго достоинства, чтобы оно существовало, и въ то же время разрушившіе его и какъ власть и какъ символъ! Ибо съ того момента, какъ наслѣдственное дворянство перестало существовать, какая была *причина бытія* королевскаго достоинства, приведеннаго къ бездѣйствію? Могло ли оно быть представителемъ того, что болѣе не существовало? Могло ли оно быть символомъ ничтожества, быть олицетвореніемъ смерти? Если бы тѣ, кто, не идя до республики, заносилъ руку на дворянство, внимательно читали К. Демулена, онъ скоро предостерегъ бы ихъ отъ ихъ ошибки. Во всемъ этомъ онъ одинъ былъ истиннымъ революціоннымъ логикомъ. Онъ понималъ, что когда дѣло дошло до того, что припоминали швейцарскую булаву Виллекье и *салфетку* Ноайлеву, нелѣпо было останавливаться на полдорогѣ; и, откопавъ въ первомъ попавшемся подъ руку памфлетѣ, что «г. Капетъ, верховная исполнительная власть, происходитъ отъ Лорана Кабу, нотариуса въ Буржѣ», онъ воскликнулъ своимъ циническимъ тономъ:

S'il ne m'est pas permis de le dire au papier,
J'irai creuser la terre, et comme ce barbier,
Faire dire aux roseaux, plutôt que de me taire,
Capet, le roi Capet est le fils d'un notaire¹⁾.

Фатальность этихъ выводовъ не ускользнула отъ Неккера, который былъ не правъ, желая короля, но былъ правъ, желая его при условіяхъ, дѣлавшихъ его возможнымъ. Поэтому онъ предложилъ Людовику XVI отказать въ утвержденіи декрета 19-го іюня; и, не успѣвъ склонить его къ этому, потому что съ 6-го октября система короля была заставить смотрѣть на него, какъ на находящагося въ плѣненіи, министръ имѣлъ мужество опубликовать свое мнѣніе²⁾. Онъ чувствовалъ и не ошибался, что никакое свѣтило не можетъ блестѣть, когда разсѣпъ его

¹⁾ «Если мнѣ не будетъ дозволено сказать этого на бумагѣ, я пойду рыть землю, и какъ тотъ цирюльникъ, скорѣе, чѣмъ молчать, заставлю камни говорить: «Капетъ, король Капетъ—сынъ нотариуса». *Révolutions de France et de Brabant*, № 33.

²⁾ *Considérations sur la Révolution française*, II partie, chap. XIV.

лучи, и что въ тотъ день, когда Національное Собраніе отмѣнило всѣ, даже самые маловажные знаки наслѣдственной традиціи состояній, въ этотъ день оно, освящая принципъ равенства, потрясло всѣ основы монархіи.

ГЛАВА XIV.

Мирабо предъ королевой.

Мирабо, совѣтникъ двора.—Его безсиліе въ этой роли.—Онъ публично выступаетъ защитникомъ своего брата.—Усиленіе недовѣрія въ публикѣ.—Нападки «*Orateur du peuple*»; *старшинство преступленій*.—Мирабо въ оцѣнѣ Фрерона.—Мирабо старается привлечь къ себѣ Лафайета, и тайнѣ дискредитируетъ его; онъ рекомендуетъ двору маркиза де Булье.—Окончательный разрывъ между Мирабо и Лафайетомъ.—Письмо герцога Орлеанскаго къ Людовику XVI, въ которомъ онъ извѣщаетъ короля о своемъ возвращеніи изъ Лондона.—Сенсація, произведенная въ публикѣ.—Испугъ двора.—Дворъ спрашиваетъ совѣта у Мирабо; послѣдній совѣтуетъ допустить возвращеніе герцога; почему?—Буапвиль, посланный Лафайетомъ къ герцогу Орлеанскому.—Необычайное удостовѣреніе, требуемое отъ Ла Луверна, французскаго посла въ Лондонѣ.—Мирабо внезапно проникается удивленіемъ къ королевѣ.—Неожиданное сообщеніе, сдѣланное «*Orateur du peuple*» *Алестофиломъ*.—Мирабо и дю Сальянъ на дорогѣ въ Сень-Клу.—Первый воспоминаетъ о герцогѣ Гизѣ.—Мирабо въ Сень-Клу.

Утромъ того дня, въ который была вотирована отмѣна наслѣдственнаго дворянства, Мирабо составилъ для двора записку, начинавшуюся слѣдующими словами: «Нельзя скрывать отъ себя, что политическій кризисъ достигъ высшей степени и осложняется ужасающимъ образомъ. Во-первыхъ, армія даетъ орудія разбоя всякому, кто захочетъ взяться за ремесло вора en grand. Мандренъ можетъ теперь сдѣлаться королемъ одной и даже нѣсколькихъ провинцій. Извѣщаютъ, что многіе большіе города и особенно Марсель трепещутъ отъ страха, внушеннаго наплывомъ иностранцевъ, стекающихся со всѣхъ сторонъ. Затѣмъ слѣдуетъ вчерашняя сцена, отмѣченная безуміемъ, въ которомъ Лафайетъ, по глупости или по вѣроломству, былъ соучастникомъ: безуміе, на которое я смотрю какъ на факель, долженствующій возжечь гражданскую войну, вслѣдствіе тѣхъ экспесовъ и насилій всякаго рода, которые неизбѣжно породить декретъ, еще болѣе безразсудный по способу его вотированія, чѣмъ по своимъ постановленіямъ, и который, очевидно, создаетъ нѣсколько армій»¹⁾.

¹⁾ Вторая записка графа Мирабо для двора въ *Correspondance entre le comte de Mirabeau et le comte de La Marck*, t. II, p. 38—39. Paris, 1851.

Человѣкъ, слишкомъ хорошо знавшій Мирабо и владѣвшій всѣми секретами его подкупа, графъ Ла Маркъ, оставилъ намъ живую картину жизни, которую тотъ велъ въ эту эпоху: онъ рисуетъ намъ Мирабо то на трибунѣ, та въ своемъ кабинетѣ, пробѣгающимъ взглядомъ всякую вещь, прислушивающимся ко всякой молвѣ; усердно занятымъ либо диктованіемъ, либо писаніемъ; жадно подхватывающимъ искры, вылетающія отъ столкновенія противорѣчивыхъ идей; разрабатывающимъ свою собственную мысль или овладѣвающимъ мыслью другихъ; прибавляющимъ, наконецъ, къ лихорадкѣ работы смертельную усталость отъ удовольствій¹⁾.

Что же производила эта дѣятельность души, старавшейся прожигать жизнь? Читая *замѣтки Мирабо для двора*, поражаешься бесплодіемъ этого генія, столь могучаго, однако. Онъ рѣзко обрисовываетъ нѣкоторые характеры; онъ спускается на самое дно положенія дѣлъ, какъ человѣкъ, привыкшій зондировать бездны; онъ замѣчаетъ, показываетъ, съ изумительной смѣсью прозорливости и боязни, опасности, скрытыя въ тѣни событій; онъ доказываетъ тѣмъ, кто получаютъ его совѣты, что если они по несчастію побѣгутъ въ сторону контръ-революціи, то революція, надѣленная огромной скоростью, настигнетъ ихъ, опрокинетъ, пройдетъ по ихъ тѣламъ; но какого поведенія держаться въ отношеніи партій, но какъ бороться въ-открытую съ новой идеей, но какимъ средствомъ спасти монархію, не впадая въ «опасную и преступную»²⁾ реакцію,—вотъ чего Мирабо тщетно ищетъ. Хотя онъ пишетъ: «Есть еще средства, переписка г. Мирабо открываетъ ихъ ему каждый день»³⁾, но, очевидно, онъ только хвастаетъ, и надежда, которую онъ хочетъ дать,—ея нѣтъ и у него самого. А пока что онъ совѣтуетъ? упогребленіе самыхъ банальныхъ приемовъ. Онъ предлагаетъ, чтобы щедро раздавали деньги; чтобы имѣли въ своемъ распоряженіи наемныя войска въ различныхъ пунктахъ; чтобы держали въ провинціи ловкихъ агентовъ для наблюденія за духомъ населенія, и чтобы эти агенты были поставлены подъ его начало. Такого ли рода совѣтовъ ожидалъ Людовикъ XVI, когда согласился платить за нихъ такъ дорого? Бѣдный Людовикъ XVI!

1) Введеніе къ «Перепискѣ Мирабо съ Ла Маркомъ», т. I, стр. 172.

2) Гр. Мирабо къ королю, въ *Correspondance entre le comte de Mirabeau et le comte de La Marck*, т. II, р. 12.

3) Вторая замѣтка Мирабо для двора. *Ibidem*, р. 38.

Нельзя сказать, что Мирабо не исполнял точно заключенной имъ сдѣлки; но совѣсть есть свѣточъ, который часто лучше, чѣмъ умъ, освѣщаетъ намъ иные невѣдомые пути. Мирабо же погасилъ свою совѣсть и шелъ въ потемкахъ.

Притомъ же, его пылкость и гордость составляли качества, мало подходящія къ этой роли тайнаго совѣтника. Зная, что его сопровождаетъ подозрѣніе, онъ, вмѣсто того, чтобы стараться разсѣять его, проявляя особенную осторожность, казалось, находилъ удовольствіе раздражать его. Припомнимъ, какую брешь недавніе дебаты сдѣлали въ его популярности: онъ расширяетъ эту брешь, взявъ на себя въ одномъ надѣлавшемъ шуму случаѣ защиту своего брата.

Братъ этотъ былъ полковникомъ, командиромъ Туренскаго полка. Приходитъ извѣстіе, что полкъ бунтуетъ противъ офицеровъ, и полковникъ летитъ въ Перпиньянъ. Онъ нашелъ тамъ солдатъ, одушевленныхъ духомъ революціи, обвинявшихъ нѣкоторыхъ изъ своихъ начальниковъ въ аристократическихъ тенденціяхъ и крайне возбужденныхъ. Никто, навѣрно, не былъ менѣе способенъ усмирить ихъ, нежели человекъ, въ комъ дворянство имѣло своего Аякса-шута. Въ самомъ дѣлѣ, вспылчивый виконтъ заговорилъ властнымъ тономъ; онъ грозилъ, кричалъ, дошелъ до того, что выхватилъ шпагу, готовый броситься на сборище солдатъ, передъ его дверью¹⁾, и, наконецъ, наполнивъ городъ шумомъ своего безсильнаго бѣшенства, уѣхалъ, увезя съ собой знамена. Это курьезное оскорбленіе не могло не раздражить войска и населеніе: маркизъ д'Агиларъ, у котораго полковникъ останавливался, былъ схваченъ въ своемъ домѣ и отведенъ въ цитадель, гдѣ его задержали, въ качествѣ заложника, въ то время, какъ его гость, съ знаменами на груди, спѣшилъ въ Кастельнодарди. Въ этомъ городѣ его, по приказанію муниципалитета, арестовали, и онъ долженъ былъ ждать рѣшенія своей участи отъ Національнаго Собранія, котораго онъ былъ членомъ²⁾.

Можно представить себѣ общее удивленіе, когда въ засѣданіи 19 іюня 1790 г. увидѣли Мирабо старшаго всходящимъ на трибуну и обратившимся къ Собранію съ слѣдующей рѣчью: «Ни-

¹⁾ Bertrand de Molleville, *Annales de la Révolution française*, t. II, chap. XXVI.

²⁾ *Mémoires de Mirabeau*, t. VIII, p. 87. Paris, 1835.

кто изъ вашихъ членовъ не можетъ быть отданъ подъ какой бы то ни было судъ, не бывъ вами судимъ или объявленъ судимымъ: не на зарѣ свободы вы могли бы бояться, что какой-либо изъ вашихъ декретовъ будетъ непризнаваемъ. Поэтому прошу Національное Собрание сказать просто, что оно напоминаетъ муниципалитетамъ о декретѣ, провозгласившемъ неприкосновенность его членовъ, и что оно декретируетъ, чтобы г. Мирабо младшій прибылъ немедленно отдать ему отчетъ о своей миссiи». Такъ и было рѣшено; и хотя, нѣсколько дней спустя, Мирабо не могъ воспрепятствовать отдачѣ его брата подъ военный судъ, онъ, по крайней мѣрѣ, добился того, что братъ былъ допущенъ объясниться съ *трибуны*, а не у *барьера*¹⁾.

Такое поведение было вполнѣ естественнымъ и даже трогательнымъ. Но непріязненные отношенія, существовавшія, какъ предполагали, между братьями; отравленные стрѣлы, безпрестанно пускаемыя младшимъ братомъ противъ старшаго; всѣмъ извѣстное несогласіе ихъ взглядовъ; скандалъ ихъ парламентскихъ перебранокъ, — все это давало поводъ недовѣрчивымъ умамъ видѣть въ братской заботливости Мирабо лишь эффектъ подозрительнаго примиренія. Не знали, какое мѣсто этотъ необыкновенный человекъ сохранялъ въ глубинѣ своей души для семейныхъ привязанностей; не вѣдали, что на письмо своего дяди Балли онъ отвѣтилъ: «Отсутствіе семейнаго согласія причинило мнѣ довольно огорченій, чтобы я долженъ былъ чувствовать всю цѣну братскаго союза, и я почелъ бы себя очень несчастнымъ, если бы могъ предвидѣть, что когда-либо какое-либо различіе мнѣній могло уменьшить или ослабить пужную привязанность, питаемую мною ко второму племяннику моего дяди»²⁾.

Тревоги и поношенія удвоились со стороны нѣкоторыхъ листовъ, характеризовавшихся свирѣной дѣятельностью. Фреронъ напечаталъ въ своей газетѣ письмо, содержавшее слѣдующія жестокія слова: «Мирабо, чтобы снова сблизиться съ своимъ братомъ и вернуть ему свою дружбу, ждалъ, чтобы этотъ послѣдній сдѣлался достойнымъ его какимъ-нибудь новымъ покушеніемъ противъ націи. Онъ не только былъ старшимъ по возрасту, но и имѣлъ за собою *старшинство преступленій*»¹⁾.

¹⁾ *Mémoires de Mirabeau*, t. VIII, p. 88.

²⁾ Письмо, приведенное въ «Мемуарахъ Мирабо», т. VIII, стр. 86.

Эти вопли надоѣдали Мирабо, но не пугали его. Единственное, что его пугало, это было могущество Лафайета, этого генерала буржуазіи. Отъ самыхъ настойчивыхъ упрасиваній до самой ловкой лести, чего только онъ не дѣлалъ, чтобы привлечь его къ себѣ, чтобы вовлечь его въ свои проекты, чтобы сдѣлать изъ него своего наперника, своего союзника, своего сообщника.

«Между многими товарищами по оружію, — писалъ онъ ему, — вы имѣете нѣсколькихъ друзей (меньше, чѣмъ вы думаете); между большимъ числомъ состоящихъ у васъ на жалованьи вы имѣете мало преданныхъ слугъ; но я не знаю у васъ ни строгаго совѣтника, ни выдающагося агента. Каждый изъ вашихъ довѣренныхъ адъютантовъ не безъ военныхъ заслугъ; вы отлично могли бы съ ними начать новую американскую войну. Каждый изъ вашихъ друзей не безъ достоинствъ и не безъ добродѣтелей: всѣ они дѣлаютъ честь вашей репутаціи честнаго гражданина; но ни одинъ изъ нихъ не знаетъ дѣлъ и положенія вещей. Наше время, любезный маркизъ, наша революція, наши обстоятельства не походятъ на то, что было; нынѣ можно руководиться не умомъ, не памятью, не социальными качествами, а комбинаціями размышленія, внушеніемъ генія, всемогуществомъ характера. Знаете ли вы который-либо изъ вашихъ комитетовъ, представляете ли вы себѣ возможный комитетъ, который былъ бы подходящимъ къ этому режиму... что я думаю и хочу вамъ объявить, это — что я лучше, чѣмъ все это, и что кривой, быть можетъ, но кривой въ царствѣ слѣпыхъ, я вамъ болѣе нуженъ, чѣмъ всѣ ваши комитеты, взятые вмѣстѣ... Охъ! Господинъ Лафайетъ! Ришлье былъ Ришлье противъ націи въ пользу двора и хотя Ришлье сдѣлалъ много зла публичной свободѣ, но онъ сдѣлалъ массу добра монархіи. Будьте Ришлье надъ дворомъ въ пользу націи, и вы передѣлаете монархію, увеличивая и укрѣпляя общественную свободу. Но Ришлье имѣлъ наперника, капуцина Жозефа: обзаведитесь же и вы своимъ «сѣрымъ пресвященствомъ», иначе вы погубите себя, не спася насъ. Ваши великія качества нуждаются въ моей инициативѣ, мое намѣреніе нуждается въ вашихъ великихъ качествахъ; а вы вѣрите маленькимъ людямъ, которые изъ-за маленькихъ соображеній, маленькими маневрами и въ маленькихъ видахъ, хотятъ сдѣлать насъ бесполезными другъ другу, и не видите, что вамъ нужно соединиться со мною, какъ бы ни старались ваши глу-

пые приверженцы очернить и устранить меня. Ахъ! вы совершаете преступленіе противъ вашей судьбы!»¹⁾

О притворство! Въ тотъ же день²⁾ и тѣмъ же перомъ Мирабо въ одной изъ своихъ записокъ для двора начерталъ слѣдующія строки:

«Въ настоящую минуту представляется удобный случай противопоставить Лафайету опаснаго соперника. Маркизь де Булье, если бы захотѣлъ популярности, скоро сдѣлался бы болѣе популярнымъ, чѣмъ онъ. Чистый отъ всякихъ нравственныхъ пятенъ, которыми тотъ замаралъ себя; болѣе, чѣмъ онъ, уважаемый въ арміи; болѣе независимый, такъ какъ не подчиняется исключительно общественному мнѣнію одного только города,—какое вліяніе не приобрѣлъ бы де-Булье, если бы, обуздывая своеволие на всей занимаемой имъ границѣ, онъ сумѣлъ, сохраняя авторитетъ, быть лишь орудіемъ закона; если бы прокламации, искусно сочиненныя, возвѣщали въ одно и то же время твердость генерала и патриотизмъ, повиновеніе гражданина. Надо спѣшить съ исполненіемъ этой задачи. Лучшее средство достигнуть этой цѣли было бы послать инструкціи г. де-Булье и въ особенности талантливаго человѣка, который, будучи болѣе освѣдомленъ о нашемъ общественномъ духѣ, оставилъ бы ему заботу о военной тактикѣ, а самъ взялъ бы на себя заботу о тактикѣ популярности для него».

Вся замѣтка была проникнута этимъ чувствомъ непріязни къ Лафайету. Мирабо старался въ ней доказать, что дворъ не долженъ вступать ни въ какія сдѣлки съ генераломъ ни, въ особенности, принимать министровъ изъ его руки. По его мнѣнію, это значило бы отдаться на волю крамольныхъ страстей, орудіемъ которой является командующій національной гвардіей, и рабомъ которыхъ ему суждено остаться до конца; это значило бы поставить во главѣ дѣлъ революцію самое революцію и волнующійся Парижъ.

Такимъ образомъ, льстить Лафайету для того, чтобы господствовать надъ нимъ и въ то же время тайно дискредитировать

¹⁾ Письмо гр. Мирабо къ маркизу Лафайету въ *Correspondance entre le comte de Mirabeau et le comte de La Marck*, t. II, p. 20—22.

²⁾ Въ самомъ дѣлѣ, эта записка для двора носитъ въ упомянутой «Перепискѣ» ту же дату, какъ и письмо къ Лафайету. Оба эти документа датированы 1 іюня 1790 г. См. *Correspondance*, t. II, p. 25.

его передъ королемъ, для того, чтобы помѣшать ему войти помимо него въ союзъ съ дворомъ,—такова была двойная игра Мирабо.

Предполагая даже, что у Лафайета не было достаточно проницательности, чтобы догадаться объ этихъ маневрахъ, онъ имѣлъ слишкомъ много достоинства въ характерѣ, чтобы подвергать себя нечистому соприкосновенію. Не вѣря, какъ открылось впоследствии, чтобы Мирабо былъ способенъ поддерживать изъ любви къ деньгамъ мнѣніе, которое уничтожило бы свободу и обезчестило бы его умъ, Лафайетъ не уважалъ его, онъ былъ шокированъ его безнравственностью¹⁾. Поэтому онъ отвѣчалъ на авансы жетрибуна презрѣніемъ, прикрытымъ вѣжливостью.

Мирабо долженъ былъ отказаться отъ непосредственныхъ заискиваній, и ему пришла на умъ странная идея взять въ ходатаи передъ Лафайетомъ... кого?—королеву.

«Надо, чтобы королева поговорила Лафайету вмѣстѣ съ королемъ, подготовленнымъ и рѣшившимся на это, и сказала ему: «Вы, какъ и мы, убѣждены, что, помимо таланта, г. Мирабо—единственный государственный мужъ этой страны; что никто не имѣетъ ни его мужества и его характера. Нужно, чтобы онъ былъ нашъ. Для того, чтобы онъ сталъ нашъ, нужно, чтобы мы присоединились къ нему... И вотъ мы покорились необходимости и рѣшили дать ему полное довѣріе. Прошу васъ, требую, чтобы вы соединились съ Мирабо, но всецѣло, но повседневно, но явно, но во всѣхъ дѣлахъ»²⁾).

Тщетныя усилія, бесполезныя извороты! Между этими двумя людьми союзъ былъ невозможенъ. Вынужденный, наконецъ, сознаться въ этомъ, Мирабо не считалъ болѣе нужнымъ падать своего противника. Онъ возобновилъ противъ Лафайета курсъ своихъ насмѣшливыхъ рѣчей; онъ вернулся къ оскорбительнымъ эпитетамъ, отыскалъ въ горечи своего озлобленія прозвища: *Балаганный Цезарь*; *Украшенный ирамомъ на лицѣ*, которыми, до этой послѣдней попытки сближенія, онъ любилъ преслѣдовать Лафайета. Послѣдній зналъ это и сказалъ: «Г. Мирабо ведетъ себя очень дурно въ отношеніи меня. *Я побидилъ короля Анліи*

¹⁾ *Mémoires de Lafayette*, издавныя его семействомъ, т. IV, р. 148, 151—152, Брюссель, 1837 г.

²⁾ Вторая записка Мирабо для двора въ *Correspondance entre le comte de Mirabeau et le comte de La March*, т. II, pp. 41—42.

въ его могущество, короля Франціи въ его авторитетъ, народъ въ его ярости; и, конечно, не уступлю г. Мирабо»¹⁾). На что г. Мирабо, глубоко оскорбленный, отвѣчалъ въ письмѣ къ графу Ла Марку: «Это было бы забавно въ *Variétés Amusantes*; но повѣрьте мнѣ, любезный графъ, рано или поздно онъ заплатитъ за эти слова, которыя ясно обнаруживаютъ, какъ хорошо онъ знаетъ тайну своего ничтожества и вѣсь своего тщеславія»²⁾).

Тѣмъ временемъ стало извѣстно, что утомленный пребываніемъ въ Лондонѣ и считая къ тому же свою миссію оконченной, герцогъ Орлеанскій намѣренъ вернуться въ Парижъ. Онъ дѣйствительно написалъ королю 25-го іюня письмо, которое заслуживаетъ быть приведеннымъ здѣсь:

«Государь, 6-го прошлаго марта я увѣдомилъ г. де Монморена, что частный вопросъ о судьбѣ Нидерландовъ, къ которому существенно относилась миссія, возложенная на меня вашимъ величествомъ, стало невозможно трактовать отдѣльно отъ другихъ переговоровъ, къ которымъ недавно подали поводъ новые политическіе обстоятельства.

«3-го числа слѣдующаго апрѣля я вернулся къ этому предмету и развилъ въ письмѣ къ г. де Монморену мои соображенія, указавъ на то, что интересы французскаго двора въ его отношеніяхъ съ англійскимъ дворомъ далѣе не могутъ быть трактуемы иначе, какъ въ ихъ совокупности, и что, слѣдовательно, переговоры должны быть ведены однимъ и тѣмъ же лицомъ.

«Въ то же время я объяснилъ въ письмѣ къ нему относительно надежды и средствъ, которыми я рассчитывалъ достигнуть исполненія намѣреній нашего величества, если бы вамъ угодно было поручить мнѣ эти важные переговоры... Упомянутый министръ увѣдомляетъ меня письмомъ отъ 17-го числа текущаго мѣсяца, что онъ снова повергалъ на благовозрѣніе вашего величества мои письма и записки, относящіяся къ этому предмету, и что ваше величество разсудили, что положеніе дѣлъ не позволяетъ отозвать ни г. де ла Люзерна, ни г. Бартеlemi.

«Такъ какъ этимъ рѣшеніемъ миссія, которую вашему величеству угодно было возложить на меня, оказывается оконченной, то имѣю честь предупредить ваше величество, что распо-

¹⁾ Письмо Мирабо къ Ла Марку въ ихъ «Перепискѣ», т. II, р. 54.

²⁾ *Ibid.*

лагаю отправиться немедленно въ Парижъ, чтобы снова занять тамъ мое депутатское мѣсто въ Національномъ Собраніи, куда меня призываетъ мой долгъ.

«Конечно, я не безъ сожалѣнія теряю принесенную мною сюда надежду быть полезнымъ интересамъ Франціи и славѣ вашего величества; но я увожу съ собой утѣшительную мысль, что буду содѣйствовать завершенію трудовъ, которые уже удостоились одобренія вашего величества и которые навсегда обезпечатъ ваше счастье и вашу славу. Особенно буду радъ находиться дома въ тотъ памятный день¹⁾, когда Франція преподнесетъ вашему величеству дань уваженія и любви, на которыя вы имѣете столько правъ, и буду имѣть возможность присоединить изъявленіе моихъ вѣрноподданическихъ чувствъ и моихъ личныхъ пожеланій къ общимъ вѣрноподданическимъ чувствамъ и пожеланіямъ націи, глубоко признательной лучшему и величайшему изъ королей»²⁾).

Ничто до этого времени не доказывало, чтобы со стороны герцога эти чувства не были искренними; но ненависть все отравляетъ своимъ ядомъ. Едва сталъ извѣстенъ сдѣланный герцогомъ шагъ, какъ онъ сдѣлался сигналомъ къ выпуску многочисленныхъ пасквилей: *Чудовищныя преступленія Луи-Филиппа Орлеанскаго.—Орлеанизмъ или сорванная Красная Маска.—Ко мнѣ, Филиппъ, одно слово! — Питье, Орлеанскій, ты не будешь царствовать*³⁾... и т. д... и т. д... Ни одного доказательнаго факта, ничего, что бы заслуживало остановить на себѣ на минуту вниманіе серьезныхъ умовъ; но все, что большинство можетъ дать оскорбительнаго, все, что ненависть имѣетъ язвительнаго, находилось тамъ въ изобиліи: *Какъ! грустное чудовище!—Чудовище, изрыгнутое адомъ на горе людямъ*⁴⁾... и т. д., и т. д.

Напротивъ, многіе привѣтствовали возвращеніе герцога, какъ надежду. Одна вышедшая тогда брошюра начиналась слѣдующими словами: «*Счастливое возвращеніе, приводящее народу друга, а собранію мудрыхъ героя!*»⁵⁾). И многія популярныя газеты апло-

1) Намекъ на праздникъ Федерациі, о которомъ рѣчь въ слѣдующей главѣ.

2) *Correspondance de Louis-Philippe d'Orléans avec Louis XVI, la reine, Montmorin, etc. publiée par L. C. R. Paris. 1880.*

3) *Bibliothèque historique de la Révolution, — d'Orléans, — 259 — 260.*

4) *Ibidem.*

5) *Ibid.*

дировали. Дворъ трепеталъ: герцогъ представлялся ему призракoмъ, призракомъ мятежа, готовымъ переплыть Ламаншъ: обратились къ Мирабо за совѣтомъ по вопросу о томъ, долженъ ли король позволить герцогу вернуться во Францію. Мирабо отвѣтилъ:

«Герцога презирають въ провинціяхъ; тамъ знаютъ его неспособность, его легкомысліе. Парижъ знаетъ его безнравственность. Чего же бояться такого человѣка? Единственная предосторожность, которую слѣдуетъ принять, это не давать ему силъ, которыхъ у него нѣтъ. Служить ему, это значить ослаблять его; шадить его, это значить убить его, его самого и его партію»¹⁾.

Впрочемъ, что одна изъ причинъ желать возвращенія герцога Орлеанскаго была досада, которую долженъ испытать Лафайетъ, его личный врагъ, этого Мирабо не скрывалъ: «Если Лафайетъ испытаетъ лишнее затрудненіе, я не вижу въ этомъ большой бѣды»²⁾.

Оцѣнка Мирабо были вѣрна. Не менѣе, чѣмъ дворъ, испугавшись прибытія человѣка, для котораго его приверженцы громко мечтали о почестяхъ главнокомандующаго національной гвардіей, Лафайетъ поспѣшилъ отправить къ герцогу Орлеанскому одного изъ своихъ адъютантовъ, по имени Буанвиля, который долженъ былъ представить принцу, что такъ какъ его присутствіе можетъ вызвать волненія въ Парижѣ, то продленіе его пребыванія въ Лондонѣ является необходимымъ³⁾.

Когда герцогъ получилъ это посланіе, у него уже былъ назначенъ отъѣздъ на 3 іюля. Онъ удивился, что упорно приписываютъ его присутствію смуты, возникновенію которыхъ не помѣшало его отсутствіе; и недовѣріе, оспаривавшее у него отечество, не позволяя даже предвидѣть, когда оно будетъ ему возвращено, показалось ему столь же несправедливымъ, какъ и жестокимъ. Тѣмъ не менѣе онъ согласился отложить свой отъѣздъ подъ условіемъ, что Ла Люзернъ, французскій посолъ въ Лондонѣ, засвидѣтельствуетъ письменно⁴⁾ истинные мотивы его снисходительности; ибо онъ не желалъ, чтобы этотъ разъ Лафайетъ хвасталъ, что онъ испугалъ его.

1) Седьмая записка Мирабо для двора въ *Correspondance entre le comte de Mirabeau et le comte de La Marck*, t. II, p. 71.

2) *Ibidem*.

3) Записка, представленная герцогомъ Орлеанскимъ Национальному Собранію, королю и генералу Лафайету.

4) См. это свидѣтельство въ «Мемуарахъ Лафайета», т. IV, стр. 284.

Между тѣмъ Мирабо внезапно проникся уваженіемъ къ Маріи-Антуанетѣ. Какая переменна въ немъ съ того дня, когда у него сорвалось съ языка грубое восклицаніе: *Ну что жъ! Пускай живетъ. Королева униженная можетъ быть полезной; королева же зарызанная годится только какъ сюжетъ для плохой трагедіи этому бѣдному Гиберу*¹⁾. Совершенно инымъ языкомъ заговорилъ онъ теперь! Въ своей секретной перепискѣ онъ уже говоритъ о Маріи-Антуанетѣ не иначе, какъ съ энтузіазмомъ, и его рвеніе въ восхваленіи ея высказалось въ необычно живописныхъ и остроумныхъ выраженіяхъ. Послушать его, *у короля есть одинъ только мужчина, это—его жена*²⁾. Онъ хотѣлъ видѣть королеву, хотѣлъ этого страстно.

Одною изъ самыхъ характеристическихъ чертъ революціи была та удивительная легкость, съ которой общественное мнѣніе проникало всюду, угадывало все, узнавало все. Двору невозможно было сдѣлать жестъ, сказать слово безъ того, чтобы объ этомъ не были тотчасъ же увѣдомлены органы прессы. Революція имѣла у себя на службѣ во внутреннихъ апартаментахъ дворца и даже въ альковѣ королевы массу безкорыстныхъ шпионовъ-добровольцевъ, наблюденія которыхъ невозможно было избѣжать и доносы которыхъ были неумолимы. Кто-то неизвѣстный 4 іюля писалъ Фрерону:

«Прошу у васъ слова, господинъ ораторъ, чтобы донести съ вашей трибуны о подозрительномъ шагѣ, который только что сдѣлалъ г. Рикетти старшій... Вчера, въ шесть часовъ утра, г. Рикетти старшій, *сi-devant* графъ Мирабо, вышелъ изъ Парижа пѣшкомъ и отправился по дорогѣ, ведущей въ Сень-Клу. Тамъ ожидалъ его экипажъ, въ родѣ почтового тарантаса. Дабы никто изъ слугъ не зналъ объ этомъ таинственномъ путешествіи, имѣвшемъ безъ сомнѣнія, чрезвычайно важную цѣль, роль ямщика исполнялъ драгунскій капитанъ, племянникъ сказаннаго Рикетти. Наканунѣ, для того, чтобы прислуга думала, что баринъ въ деревнѣ, онъ не возвращался домой и не отсылалъ своего экипажа, рѣшивъ переночевать въ отелѣ д'Арагонъ у своей племянницы, что онъ и сдѣлалъ. По прибытіи въ Сень-Клу, онъ поднялся въ замокъ. Тамъ состоялась весьма секретная

¹⁾ *Mémoires de Lafayette*, т. IV, стр. 147.

²⁾ Вторая записка гр. Мирабо, составленная для двора, въ упомянутой «Перепискѣ», т. II, стр. 41.

конференція между одной очень высокопоставленной дамой, архіепископомъ бордоскимъ, сказаннымъ Рикетти и еще одной особой, которую пока еще не могу назвать вамъ, но имя которой вы скоро узнаете. Это совѣщаніе продолжалось съ семи часовъ утра до девяти. Только тогда показалась *исполнительная власть*, и оставалась съ Мирабо полтора часа. Этотъ послѣдній вернулся передъ обѣдомъ, но не проронилъ ни слова о мотивѣ своего путешествія; и самое молчаніе его даетъ поводъ къ самымъ зловѣщимъ догадкамъ»¹⁾.

Это сообщеніе было подписано: *Алетофилъ*, что значитъ *другъ истины*. Нѣсколько времени спустя, новое письмо, имѣвшее цѣлью исправить ошибки, вкравшіяся въ первое: во-первыхъ, нѣвѣрно, что Мирабо отослалъ свой экипажъ изъ отеля г-жи д'Арагонъ, и во-вторыхъ, на совѣщаніи присутствовалъ архіепископъ тулузскій, а не архіепископъ бордоскій. За исключеніемъ этихъ ошибокъ, *Алетофилъ* подтверждалъ вѣрность своего разсказа и прибавилъ: «Теперь жду Мирабо въ твердой позиціи»²⁾.

Такая точность и увѣренность имѣли нѣчто грозное; и, однако, фактъ былъ настолько важенъ, что самъ Фреронъ, несмотря на свою смѣлость, рѣшился огласить его лишь со всевозможными оговорками, какихъ требовала осторожность. Онъ предостерегалъ народъ быть насторожѣ противъ знаменитаго челоуѣка, прославившагося своими преступленіями прежде, чѣмъ прославиться своими талантами, краснорѣчиваго и развращеннаго, тонкаго политика, страшнаго лицомѣра, льстящаго народу, чтобы лучше поработить его, дерзко выступавшаго противъ двора, чтобы продать ему, и соединявшаго въ своемъ лицѣ Цицерона, Катилину, Кромвеля³⁾.

Въ публикѣ вообще не вѣрили въ обличаемый поступокъ, и тѣмъ не менѣе доноситель говорилъ правду.

Мирабо, тогда больной и утомленный отъ своей славы трибуна, долженъ былъ испытывать необычайное смущеніе и волненіе въ моментъ, предшествовавшій, въ такихъ обстоятельствахъ, подобному свиданію! Онъ сейчасъ увидитъ ее, эту королеву; взявъ на себя роль судьбы, онъ придетъ къ ней гордо обѣщать сохраненіе короны и будущность сына! на этомъ гор-

¹⁾ *L'Orateur du Peuple*, № XXXVII.

²⁾ *Ibidem*, № XL.

³⁾ *Ibidem*, № XXXVII.

домъ лицѣ, привыкшемъ, однако, блѣднѣть, онъ разглядитъ слѣды слезъ, которыя онъ заставлялъ проливать! Онъ будетъ такъ близко къ дочери Маріи-Терезіи, что въ состояніи почти слышать и считать біенія ея оскорбленнаго сердца! Какимъ смущеніемъ, какимъ ужасомъ будетъ она охвачена, когда предъ ней предстанетъ этотъ человѣкъ, котораго ей рисовали такимъ грознымъ, это непостижимое существо, этотъ октябрьскій ночной герой, это соединеніе свѣта и тьмы, этотъ геній зла, это чудовище... Мирабо! Прибавьте къ этому опьяняющее удовольствіе принести надежду женщинѣ, по милости его впавшей въ отчаяніе, увѣренность въ своей способности обворозить ее, и, кто знаетъ? быть можетъ, какую-нибудь смутную мысль заставить перемѣнить ненависть на любовь, и имѣть свою Марію Стюартъ, которую нужно будетъ спасти!

Разсказываютъ ¹⁾, что когда онъ отправился на это свиданіе, которое самъ испросилъ, его взяло раздумье и онъ колебался. Почему нѣтъ? Онъ зналъ исторію герцога Гиза! Оставивъ у воротъ замка свой экипажъ, которымъ онъ далъ править своему племяннику дю-Сальяну, онъ сказалъ этому послѣднему, давая ему письмо къ командиру парижской національной гвардіи: «Не знаю, хотятъ ли договариваться лойяльно со мной, или велѣтъ меня убить; и потому, если я не вернусь черезъ часъ ²⁾, скажи во весь опоръ, передай это письмо по адресу, вели ударить въ набатъ и возвести народу о вѣроломствѣ двора». Графъ д'Аллонвиль, сообщающій эти подробности, утверждаетъ, что ³⁾, по истеченіи условленнаго срока, дю-Сальянъ, очень безпокоившійся объ участи своего дяди, подождалъ еще съ четверть часа, затѣмъ пустился въ путь, но ѣхалъ медленно, постоянно оглядываясь, прислушиваясь, останавливаясь. Наконецъ, онъ слышитъ, что его зовутъ: это былъ Мирабо, который, запыхавшись, говоритъ ему: «Я очень боялся, чтобы ты не уѣхалъ!.. Я доволенъ, все пойдетъ хорошо. Храни глубочайшее молчаніе объ этой поѣздкѣ, столь важной для государства».

¹⁾ *Mémoires secrets du le comte d'Allonville*, t. II, ch. X, p. 187. Edition de Bruxelles, 1838.

²⁾ Назначеніе подобнаго срока, въ данномъ случаѣ, кажется мало правдоподобнымъ.

³⁾ «Дю-Сальянъ не могъ отрицать точности этихъ деталей, когда я говорилъ о нихъ въ присутствіи его шурина и моего друга барона де-Віель-Кастель». *Mémoires secrets du comte d'Allonville*, t. II, ch. X.

Въ самомъ дѣлѣ, онъ имѣлъ основаніе быть довольнымъ. Какъ онъ и долженъ былъ ожидать, королева, при видѣ его, не могла удержаться отъ движенія ужаса¹⁾; но скоро она была тронута прелестью его рѣчей, благородствомъ его манеръ, страдальческимъ видомъ, который смягчалъ его безобразіе, и неожиданностью услышать изъ столь фатальныхъ устъ изъявленія преданности. Онъ, съ своей стороны, счастливый тѣмъ, что восторжествовалъ надъ страхами женщины, надъ гордостью королевы, надъ озлобленіемъ матери, онъ возвращался восторженнымъ, восхищеннымъ, полнымъ новыхъ мыслей, со взоромъ, обращеннымъ въ небеса.

Но уже давно жизнь была въ немъ не болѣе, какъ угасающее, хотя и ярко вспыхивавшее, пламя; дни его были сочтены, и, въ лицѣ его, монархія заключила договоръ со смертью.

ГЛАВА XV.

Въ предвидѣніи великаго будущаго²⁾.

Всеобщее стремленіе къ единству отечества и царству братства. — Федерация на равнинѣ Этуаль, въ Монтеллимарѣ, въ Валансѣ. — Присяга бретонцевъ. — Трогательное страсбургское празднество. — Лионцы вокругъ храма *Solasia*; г-жа Роланъ. — Корсиканцы и гренобльцы. Тождество чувствъ въ равнообразіи эмблемъ. — Участіе женщинъ въ федераціонномъ движеніи; естественное королевское достоинство старика повсюду признается; примиреніе враждующихъ культовъ у колыбели дѣтей. — Рамой для этой великолѣпной картины служила природа; союзный договоръ шотландскихъ пресвитеріанъ, подписанный въ тавернѣ: насколько геній Франціи отличенъ отъ генія Англіи. — Парижъ, увлеченный въ вихрь федерацій. — Письмо Манюеля. — Лафайетъ, Сіейсъ, Талейранъ, Мирабо, Паоли, празднующіе въ Пале-Роялѣ годовщину 17 іюня; Балы, увѣнчанный дамами рынка въ клубѣ 89 года. — Существенно космополитическій геній Франціи. — Портретъ Анахарсиса Клоотца. — Его письмо къ Бѣрку. — Клоотць предъ Національнымъ Собраніемъ. — Тревоги. — Прибытіе герцога Орлеанскаго изъ Лондона; его визитъ королю; пріемъ, оказанный ему при дворѣ. — Среди общаго увлеченія мрачное настроеніе Марата. — Весь Парижъ на Марсовомъ полѣ; новая теорія *привлекательнаго труда*, реализованная въ обширномъ масштабѣ. — Конфедераты въ Парижѣ. — Конфедераты во дворцѣ. — День 14 іюля 1790 года; его историческое значеніе.

Чтобы дать вѣрное понятіе о движеніи, самымъ яркимъ выраженіемъ котораго былъ національный праздникъ, описываемый

¹⁾ *Correspondance entre le comte de Mirabeau et le comte de La Marck*, t. I, p. 190.

²⁾ Библіотека Британскаго музея доставила мнѣ для этой главы драгоценнѣйшіе матеріалы въ двухъ огромныхъ томахъ, которые, подъ №№ 296, 297, 298 и 299, составляютъ часть обширной и неоцѣнимой коллекціи документовъ, относящихся къ французской революціи, и каталогъ которыхъ былъ составленъ для меня, благодаря любезности ученаго директора г. Паници.

въ настоящей главѣ, нужно прослѣдить его съ самаго начала, которое относится къ концу предшествующаго года.

Это замѣчательное движеніе останется безпримѣрнымъ въ исторіи.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1789 г., когда еще существовали всѣ старыя дѣленія территоріи, всѣ эти различія провинцій, почти независимыхъ, всѣ эти различія законовъ и нравовъ, весь этотъ хаосъ, наконецъ, за которымъ исчезало отечество, слѣдующіе четырнадцать уѣздныхъ городовъ провинціи Франшъ-Комте заключили между собой союзный договоръ: Арбуа, Бомъ, Безансонъ, Доль, Грэ, Лонъ-ле-Сонье, Оржелъе, Орнанъ, Полинья, Понтарлье, Кенже, Сенъ-Клодъ, Саленъ и Везуль. Договоръ этотъ имѣлъ цѣлью обезпечить свободное движеніе хлѣбнаго зерна, обуздывать алчность экспортеровъ и барышниковъ и предупредить голодовки. Города, мѣстечки, деревни и поселки приглашались присоединиться къ этой федераціи; Дижонъ торжественно примкнулъ къ ней. Такова была исходная точка ¹⁾.

Но чтобы изъ конца въ конецъ Франціи, той Франціи, которая еще искала себя, было одно только желаніе, желаніе тѣснаго сплоченія, этого никогда бы не случилось въ странѣ артистовъ и воиновъ, если бы говорилъ только голосъ матеріальной выгоды: чтобы совершить подобное чудо, нужно было великодушное чувство и слово, которое бы хорошо выражало это чувство. Кто же нашелъ это вѣщее слово?

Первая истинно общественная федерація имѣла мѣсть 29 ноября 1789 г. невдалекѣ отъ Роны, на равнинѣ Этуаль. Тамъ, приведенные высокимъ вдохновеніемъ и соединившіеся вокругъ алтаря, офицеры и солдаты національной гвардіи изъ Валанса, Шатонѣфа, Сенъ-Марсея, Фоконьера, Пловьера, Лоріюля, Ливрона, Сальяна, Пузена, Бошателя, Ла-Вута....., принесли, предъ лицомъ Неба, слѣдующую присягу:

«Мы, французскіе граждане обоихъ береговъ Роны, отъ Валанса до Пузена, братски соединившіеся для пользы общаго дѣла, присягаемъ нашими сердцами и надъ этимъ оружіемъ, посвященнымъ оборонѣ государства, пребывать всегда въ союзѣ, отрекаясь отнынѣ отъ всякаго различія провинцій, предлагаая

¹⁾ *Traité fédératifs des quatorze villes bailliagères de la province de Franche-Comté* въ *Bibliothèque historique de la Révolution*.—Fédérations, 298—299. British Museum.

наши руки, наши состоянія и нашу жизнь отечеству, для поддержки законовъ, исходящихъ отъ Национальнаго Собранія; присягаемъ быть вѣрными монарху, имѣющему столько правъ на нашу любовь, клянемся оказывать взаимно другъ другу всяческое содѣйствіе, для исполненія столь священнаго долга и слѣшпть на помощь нашимъ братьямъ Парижа или другихъ городовъ Франціи, которые очутились бы въ опасности изъ-за дѣла свободы»¹⁾).

Великая трогательная новость, эта любовь къ королю, соединенная съ культомъ свободы! Но еще болѣе трогательна и болѣе глубока эта другая новость: единство отечества, требуемое во имя братства людей!

Начиная съ этого момента, знаменательнаго въ жизни народа, плодотворная идея распространилась отъ хижины до деревни, отъ деревни до мѣстечка, отъ мѣстечка до города, со дна долинъ до вершины горъ, подобно камню, брошенному въ воду сильной рукой и образуящему круги, которые являются одинъ за другимъ все увеличиваясь и расширяясь. Одно и то же дуновение, живительное и божественное, пронеслось надъ областями языка *ос* (Langue d'Oc) и языка *oil* (Langue d'Oil), надъ дикою Бретанью и веселыми холмами Турени, надъ Нормандіей, съ ея тучными пастбищами, и надъ равнинами Прованса, съ его мягкими очертаніями, вдоль Роны, вдоль Луары, отъ Сень-Мало, возвышающагося надъ водами океана, до Марсели, омывающейея водами Средиземнаго моря; отъ равнинъ, прилегающихъ къ Вогезамъ, до равнинъ, разстилающихся у подножія Пиренеевъ и Альпъ: Ахъ! Тщетно тебя, избранное королевство міра, разрѣзали таможенными и привилегіями; тщетно раздѣлили тебя на земли выборныя и земли государственныя, на области большой и малой габеллы (соляной пошлины), на провинціи національныя и провинціи *на положеніи иностранныхъ*, на *pays de Saline pays de quart bouillon*, варварскія названія разрозненныхъ клочковъ страны. Въ тотъ день, когда раздался крикъ: *Братство!* Франція почувствовала себя возвысившейся до величія матери; всѣ ея дѣти, ближнія и дальнія, протянули другъ другу руки, проливая слезы радости; тысяча двѣсти линій внутреннихъ заставъ исчезли; горы, каза-

¹⁾ *Procès-verbal du serment prêté par les officiers et soldats des gardes, nationales du Vivarais et du Dauphiné, réunis dans la plaine de l'Étoile.*—*Fédérations*, p. 298—299. British Museum.

лось, понизили свои вершины; рѣки стали какъ бы движущимися поясами, связывающими воедино населенія, слишкомъ долго раздѣленныя; отечество сознало себя и утвердилось.

За этуальской федераціей слѣдовала, черезъ двѣ недѣли, федерація монтелимарская, еще болѣе блестящая; затѣмъ, въ Понтиви, въ пустынномъ мѣстѣ, навсегда освященномъ этимъ воспоминаніемъ, происходилъ съѣздъ молодыхъ людей Бретани, дававшихъ обѣщаніе другъ другу, что они сумѣютъ *жить свободными или умереть*; Валансъ имѣлъ свой чередъ. Куда идутъ легкимъ шагомъ, съ высоко поднятой головой, эти тысячи поселенъ, покрывающіе дороги, спѣшатъ черезъ поля или спускаются группами съ высоты холмовъ? Какая таинственная сила влечетъ ихъ вдаль отъ колокола, оповѣщавшаго о рожденіи ихъ дѣтей, вдаль отъ деревяннаго креста, охраняющаго прахъ ихъ предковъ? Теперь середина зимы; надо дышать леденящимъ воздухомъ, переходить ручьи, идти по снѣгу... Но ничто не останавливаетъ этихъ неустрашимыхъ путниковъ, ибо они идутъ въ станъ федераціи, гдѣ ихъ ждетъ ихъ мать, Франція! Въ станъ, сказавъ я, и въ самомъ дѣлѣ это цѣлая армія собралась въ Валансъ 31 января 1790 г. Официальный рассказъ говоритъ, что въ тотъ моментъ, когда, съ высоты алтаря, священникъ поднялъ дароносицу, десять тысячъ воиновъ преклонились на одно колѣно, среди тридцати тысячъ гражданъ безъ оружія, которые, стоя на двухъ колѣняхъ, начали горячо молиться за отечество.

Наступилъ сезонъ цвѣтовъ, сезонъ сладостныхъ мыслей, и федераціи умножились. Сколько ихъ было въ одномъ только мѣсяцѣ маѣ! 4 числа этого мѣсяца-вдохновителя Мецъ справилъ это торжество; 9 числа—Орлеанъ; въ тотъ же день—Лиможъ; 12 числа—Страсбургъ; 30 числа—Лионъ.

Остановимся на минутку на этихъ двухъ послѣднихъ городахъ: по тому, что тамъ происходило, легко будетъ угадать то, что имѣло мѣсто во всемъ остальномъ королевствѣ.

Въ день 12 мая, чтобы и Германія съ противоположныхъ береговъ Рейна могла привѣтствовать французскую свободу, флаги съ національными цвѣтами были вывѣшены на четырехъ башенкахъ и на шпигѣ горделивой стрѣлки страсбургскаго собора, а на слѣдующей день, который былъ воскреснымъ, все населеніе вышло изъ городъ, оставивъ дома и улицы пустынными. Обширная равнина была напередъ назначена служить мѣстомъ

для этого праздника, въ одно и то же время сельскаго и военнаго, религіознаго и гражданскаго. Тамъ собралась, смѣшавшись дружелюбно съ населеніемъ Эльзаса, безчисленная толпа гражданъ, пришедшихъ изъ сосѣднихъ мѣстностей. Между конфедератами можно было видѣть жителей Пробштейма, дюжихъ пахарей изъ Иттенгейма, земледѣльцевъ Кохерсберга, въ красныхъ костюмахъ, потомковъ тѣхъ прославившихся крестьянъ, которые нѣкогда такъ храбро отбросили на другой берегъ Рейна армію Карла Лотаринскаго. Двѣсти мальчиковъ, которыхъ національная гвардія усыновила именемъ Франціи, образовали отдѣльный батальонъ, напоминавшій юношей Лакедемона. Въ тотъ моментъ, когда конфедераты строились въ боевомъ порядкѣ, на рѣкѣ Иллъ вдругъ показалась трехцвѣтная флотилія; она пристала къ берегу, и съ судовъ сошли четыреста молодыхъ дѣвушекъ, одѣтыхъ въ бѣлое. Граціозныя, меланхолическія и гордыя, онѣ пришли утвердить, рядомъ со своими женихами, клятвой договоръ, который ихъ умиленная душа связывала, безъ сомнѣнія, съ священными обѣтами любви. Затѣмъ появились садовницы, въ зеленыхъ корсетахъ, съ корзинами цвѣтовъ, первонокъ весны, которые онѣ хотѣли поднести царицѣ праздника, родинѣ. Корпорация рыбаковъ также поднесла свой даръ, доставленный Рейномъ. Затѣмъ представилась корпорация земледѣльцевъ, предшествуемая плугомъ, которымъ управлялъ мальчикъ, и который сопровождали шесть красивыхъ стариковъ, вооруженныхъ косами, клинокъ которыхъ скрывался подъ гирляндами. Послѣ вѣкарезонера, который изображала книга Гельвеціи, необыкновенно трогательно было это воскресеніе символическихъ радостей античнаго міра. И не забудемъ одну черту, которая утѣшаетъ за ту ужасную рѣзню въ Гардскимъ департаментѣ, о которой намъ пришлось рассказывать: на эльзасской федераціи крестили двухъ дѣтей, изъ которыхъ одинъ родился въ римско-католической вѣрѣ, а другой въ аугсбургскомъ исповѣданіи, при чемъ крестнымъ отцомъ былъ католикъ, а крестной матерью лютеранка. По окончаніи обряда крещенія, служители двухъ вѣроисповѣданій, при всемъ народѣ, бросились въ объятія другъ другу и поцѣловались со слезами умиленія. Ахъ! отчего они не были тамъ, свирѣпыя изуверы, которые, ровно мѣсяцъ спустя, обагрили кровью улицы Нима! Много нѣмцевъ присутствовало на страсбургской федераціи: они возвращались домой задумчивые, и одна

германская молодая дѣвушка прославила видѣнное ею зрѣлище на глубокомысленномъ языкѣ своей страны ¹⁾.

Лионская федерація имѣла не менѣе грандіозный характеръ. Въ полульѣ отъ Лиона разстилается обширная равнина, огибаемая Роной и обрамленная живописными холмами, возвышающимися на противоположномъ берегу рѣки. Тутъ былъ *федеративный лагерь*. Въ центрѣ расположили съ большимъ искусствомъ группу искусственныхъ скалъ, изборожденныхъ каскадами и покрытыхъ кустарникомъ. На четырехъ сторонахъ основанія, въ восемьдесятъ футовъ длины каждая, длинный рядъ ступеней велъ къ четыремъ портикамъ дорическаго ордена, служившимъ входомъ въ внутрь скалы. На вершинѣ помѣщалась колоссальная статуя Свободы въ фригійскомъ колпакѣ и съ копьемъ въ рукѣ ²⁾. Остроумныя или смѣлыя идеи были выражены живописью: тутъ Диогенъ, выронившій свой фонарь; тамъ Гордіевъ узелъ, который французы развязали, вмѣсто того чтобы разрубить ³⁾. Символическое зданіе, у подножія котораго должна была произноситься присяга, получило звучное имя *храма Сомазія*. И дѣйствительно, 30 мая 1790 г., въ этомъ мѣстѣ поклонялись богинѣ Мира пятьдесятъ тысячъ конфедератовъ милиціи, которые въ этотъ день имѣли одно сердце, одно чувство, одинъ крикъ... Да что я говорю—болѣе двухсотъ тысячъ было число тѣхъ, которые, съ оружіемъ или безъ оружія, смѣшали тогда свои радостныя восклицанія и свои пожеланія. Всѣ они, восторженные и сіяющіе, отправились изъ Лиона на разсвѣтѣ, катясь по набережной Роны, словно лавина. Много женщинъ, и изъ самыхъ элегантныхъ, шли съ поднятой шпагой ⁴⁾. Была въ толпѣ, одна дама, на которую было бы обращено вниманіе, если бы ее замѣтили, по ея гордой поступи и по отражавшемуся на ея лицѣ, душевному волненію; но никто еще не показывалъ на нее пальцемъ, ибо часъ ея еще не пришелъ. Дама эта была г-жа Роланъ ⁵⁾. Это былъ торжественный день. Пришли депутаты изъ дальнихъ

¹⁾ *Procès-verbal de la Fédération du Rhin*, въ *Bibliothèque historique de la Révolution*.—Fédérations, 296—297. British Museum.

²⁾ *Relation du camp fédératif sous les murs de Lyon 30 mai 1790* г. *Ibidem*.

³⁾ *Cérémonie de la Fédération, telle qu'elle a été exécutée à Lyon*. *Ibidem*.

⁴⁾ *Relation du camp fédératif sous les murs de Lyon*.—Fédérations, 296—297. British Museum.

⁵⁾ См. *Mémoires de Madame Roland*, t. I, Discours préliminaire.

городовъ, изъ Нанси, изъ Сарлуи, изъ Марсели. Корсиканцы, запоздавшіе по причинѣ бури на морѣ, прибыли только на другой день, какъ нѣкогда спартанцы на поле битвы при Марафонѣ. Но это не помѣшало имъ идти подтвердить клятвой федеративный договоръ въ мѣстѣ, освященномъ празднествомъ 30 мая. Они были торжественно сопровождаемы туда отрядами отъ каждаго округа Ліонской милиціи, и гренобльцами, которые не хотѣли возвращаться домой, не пожавъ руки французамъ Корсики предъ алтаремъ отечества¹⁾.

Исторія сграсбургской и ліонской федераціи есть исторія всѣхъ федерацій, общихъ или частныхъ, имѣвшихъ въ 1790 г. мѣсто въ королевствѣ. Повсюду это былъ тотъ же духъ, тотъ же порывъ, то же неудержимое стремленіе къ единству стремленіе, которое покажется еще болѣе поразительнымъ, если принять во вниманіе безконечное разнообразіе обычаевъ, костюмовъ, нарѣчій, мѣстныхъ эмблемъ.

Въ нѣкоторыхъ общинахъ женщины фигурируютъ съ пальмами; въ другихъ—съ гирляндами цвѣтовъ; въ иныхъ онѣ украшаютъ себя дубовымъ вѣнкомъ. Милиціонеры провинціи Виваре водрузили черно-зелено-бѣлый штандартъ, съ надписями съ одной стороны «*свобода или смерть*», съ другой—«*нѣтъ благородства, кромѣ какъ въ сердцѣ*»²⁾. Въ Орлеанѣ алтарь отечества былъ построенъ въ римскомъ стилѣ и украшенъ лавровыми вѣтвями¹⁾. На сѣверѣ радость населеній имѣла характеръ серьезной и сдержанной, на югѣ, напротивъ, она выливалась въ шумныхъ восторгахъ, въ беспорядочныхъ фарандолахъ (провансальскій танецъ), въ примѣръ чему можно привести общину Вальреа, гдѣ торжество освященія знаменъ окончилось оживленнымъ танцемъ, въ которомъ отплясывали какъ попало горожане, крестьяне, владѣтельница замковъ, солдаты и даже отецъ-настоятель монастыря кордельеровъ⁴⁾.

И какую картину въ этой общей жизни, уносившей людей словно въ какомъ-то дивномъ вихрѣ, можно себѣ представить? Чего и кого тутъ не было. Въ этомъ вихрѣ участвовалъ

¹⁾ *Relation du camp fédératif sous les murs de Lyon.*

²⁾ *Règne de Louis XVI*, t. VI, § X, Paris, 1791.

³⁾ *Procès-verbal de la Fédération faite à Orléans le 9 mai 1790, entre les provinces de l'Orléanais, de la Touraine, du Nivernais, du pays Chartrain.* Ubi supra.

⁴⁾ *Règne de Louis XVI*, t. IV, § X.

чайно любопытное зрѣлище: на главной улицѣ былъ поставленъ огромный обѣденный столъ, занявшій всю ея длину и вокругъ котораго сидѣли вперемѣжку, каждый на мѣстѣ, указанномъ ему жребіемъ, граждане всѣхъ ранговъ и состояній: солдаты, купцы, хлѣбопашцы, рабочіе, патеры съ суровымъ челомъ, щеголи-капитаны ¹⁾). Удивительная черта также, которую нельзя пройти молчаніемъ: это поступокъ солдатъ Фландрскаго полка, которые въ теченіе двухъ долгихъ мѣсяцевъ сберегали выдаваемое имъ вино и жалованье. Съ какой цѣлью? Это узнали только въ день федераціи. Послѣ церемоніи, въ то время, какъ національные гвардейцы справляли свой банкетъ, солдаты Фландрскаго полка неожиданно открыли свои казармы публикѣ и пригласили бѣдныхъ людей придти выпить за здоровье націи сбереженнаго ими вина ²⁾). Что особенно поражаетъ и восхищаетъ въ этомъ движеніи федерацій—это единодушіе. Ничего нѣтъ заранѣе обдуманнаго, никакого предварительнаго согласія, а всѣ воодушевлены; голоса разные, но тѣмъ лучше, такъ какъ они поютъ въ хорѣ. Просмотрите документы: каждая провинція, каждый городъ, чуть ли не каждая община имѣетъ свою особенную формулу присяги, которую мѣстные жители составили на свой манеръ, одни, какъ въ Бретани, въ энергическихъ, почти угрожающихъ выраженіяхъ, другіе беззаботно, какъ въ областяхъ, пользующихся мягкимъ климатомъ и согрѣваемыхъ теплымъ солнцемъ. Но что говорятъ однообразно всѣ эти формулы, столь различныя по тону? что нужно любить Національное Собраніе, потому что оно основало свободу; что нужно любить короля, потому что онъ обязался служить ей; что нужно заботиться о сохраненіи конституціи и всегда быть готовымъ умереть, въ случаѣ надобности, для ея защиты; что нужно поддерживать добрый порядокъ, обезпечивать свободу хлѣбной торговли и, главное, помогать другъ другу, искать силу въ единеніи и твердо помнить, что отнынѣ нѣтъ болѣе ни Дофине, ни Бургони, ни Артура, ни Эльзаса, ни Бретани, ни Лангедока, ни Анжу... а есть только одна Франція.

Однако, между столькими торжественными заявленіями есть нѣсколько—правда, очень мало—такихъ, которыя неприятно поражаютъ своей сухостью или натянутостью. Есть такія, въ ко-

¹⁾ *Règne de Louis XVI*, t. VI, § X.

²⁾ *Ibidem*.

торыхъ отсутствуетъ поэзія братства и которыя, провозглашая необходимость соединиться единственно съ точки зрѣнія матеріальныхъ выгодъ, составляютъ какъ бы фальшивыя ноты въ великолѣпномъ концертѣ. Такова была, на примѣръ, присяга, принесенная въ равнинѣ Катръ-Ванъ, выше Оливе, милиціей Орлеанской провинціи¹⁾. Но воздержимся отъ слишкомъ поспѣшнаго заключенія. Мѣстные умники, быть можетъ, скрытые контрреволюціонеры, худо выразили чувство населенія — вотъ и все: и доказательство этому то, что федерація города Орлеана отличалась энтузіазмомъ и гражданскимъ воодушевленіемъ. Иногда случилось, что редакція формулы одного города была принята другимъ городомъ, съ какой-нибудь небольшой переменой, всегда сдѣланной въ смыслѣ самыхъ широкихъ идей. Такъ, жители Нанси заимствовали свою формулу присяги у своихъ вогезскихъ братьевъ, введя въ нее лозунгъ, который у этихъ послѣднихъ былъ позабытъ: Союзъ и Франція!²⁾

Эта полнота чувства, эти безпредѣльныя симпатіи, эта высокая потребность, которою, въ данный моментъ исторіи, у самаго общительнаго и самаго впечатлительнаго народа въ свѣтѣ, каждый былъ охваченъ, потребность расширить поле своихъ надеждъ и раздвинуть горизонтъ своихъ мыслей не могли, очевидно, свободно развиваться иначе, какъ на обширномъ театрѣ. И что же служило рамкою этой импонирующей картинѣ федерацій? Лѣса, горы, рѣки, море. Въ Эдинбургѣ показываютъ еще на верхней улицѣ комнату, въ которой шотландскіе пресвитеріане подписали торжественный союзный договоръ (covenant). Это кабачокъ, нынѣ излюбленное мѣсто посѣтителей низшаго класса. Сохрани насъ, Боже, говорить съ презрѣніемъ объ этомъ скромномъ происхожденіи, впрочемъ, такъ гармонирующемъ съ суровымъ геніемъ англиканской вѣры! Скромные зачатки великихъ дѣлъ имѣютъ свою поэзію, — мы это знаемъ; и какъ могли бы мы забыть, что христіанство вышло изъ скромнаго убѣжища, въ Иудеѣ, гдѣ двѣнадцати бѣднымъ рыбакамъ, собравшимся для умѣренной трапезы, сынъ плотника заповѣдалъ: *Творите сіе въ мое воспоминаніе?* Англійскій историкъ Карлейль воленъ не быть столь же справедливымъ въ отношеніи нашей страны, какъ мы

¹⁾ См. *Procès-verbal de la Fédération faite à Orleans le 9 mai 1790*, въ *Bibliothèque de la Révolution*. — *Fédérations*, 296—297. British Museum.

²⁾ *Procès-verbal de la Fédération faite sur le mont Sainte Geneviève près Nancy, le 19 avril 1790*. *Ibidem*.

хотимъ быть, какъ мы всегда будемъ въ отношеніи его отечества; онъ воленъ восторгаться контрастомъ, который его національная гордость устанавливаетъ между помѣстнымъ принятіемъ французскаго федеративнаго договора и суровой простотой заключенія шотландскаго ковенанта! Что касается насъ, то мы никогда не согласимся, чтобы таверна была единственной колыбелью, достойной новой религіи, и когда эта новая религія есть человѣческое братство, людямъ, собравшимся взывать къ ней, мы не могли бы пожелать иного храма... кромѣ природы!

Грандіозной агитаціи провинцій не доставало только быть сосредоточенной и, такъ сказать, резюмированной. Это такъ хорошо чувствовали, что ни одна федерація не оканчивалась безъ того, чтобы о ней не былъ тотчасъ же сообщено Національному Собранію вѣрный рассказъ, обыкновенно сопровождаемый письмомъ къ Лафайету: этого было недостаточно; нужно было, чтобы вся Франція сосредоточилась, а гдѣ могла она лучше, если можно такъ выразиться, вступить во владѣніе собой, какъ не въ Парижѣ, этомъ фокусѣ, способномъ собрать столько лучей, сходящихся, но еще не разсѣянныхъ? Эта идея, высказанная бретонцами въ мартѣ мѣсяцѣ, быстро распространилась, она стала пожеланіемъ, надеждой, крикомъ. Вся Франція искала Парижа, который, въ свою очередь, только о томъ и думалъ, чтобы принять у себя всю Францію. Федерационный комитетъ, образованный изъ членовъ муниципалитета, рѣшилъ, чтобы округа различныхъ департаментовъ были приглашены прислать въ Парижъ депутатовъ для заключенія съ парижанами договора національной федераціи, и чтобы этотъ священный праздникъ имѣлъ мѣсто на Марсовомъ полѣ, 14-го іюля, въ годовщину взятія Бастиліи.

По сообщеніи этихъ постановленій комитета черезъ Балы Національному Собранію¹⁾ и по одобреніи ихъ послѣднимъ, былъ опубликованъ адресъ французамъ отъ имени парижанъ, заключавшій въ себѣ слѣдующія многозначительныя слова: «...Едва прошло десять мѣсяцевъ съ того памятнаго дня, когда со стѣнъ отвоеванной Бастиліи раздался радостный крикъ: *Мы свободны!* Пусть въ тотъ же самый день раздастся еще болѣе трогательный возгласъ: *Мы братья!*»²⁾.

¹⁾ *Confédération nationale*.—Récit exact de tout ce qui s'est passé à Paris: 14 juillet 1790, à la Fédération, p. 2. Paris, l'an II de la liberté.

²⁾ *Ibidem*.

Начались приготовления и были поведены съ изумительной энергіей. Коммуна заранѣе приняла мѣры къ тому, чтобы огромное стеченіе ожидаемыхъ посѣтителей прошло въ полномъ порядкѣ. Появился декретъ Собранія, установлявшій, чтобы всѣ части національной гвардіи во всемъ королевствѣ прислали по одному депутату на каждыя двѣсти человекъ, что давало цифру около пятнадцати тысячъ; чтобы расходы по посылкѣ депутацій лежали на обязанности округовъ; чтобы армія была представлена въ Парижѣ одиннадцатью тысячами старыхъ солдатъ.

Вопросъ о томъ, кто будетъ принимать гостей, не могъ возбуждать какихъ-либо сомнѣній. «Нужно,—писалъ 14-го іюня въ письмѣ, адресованномъ органамъ прессы начальникъ полиціи Манюэль,—нужно, чтобы армія, которая будетъ составлять одну семью, нашла наши дома открытыми, какъ наши сердца». И онъ объявлялъ, что запишетъ имена тѣхъ, кто допуститъ къ своему очагу столь желанныхъ гостей¹⁾. Федерационный комитетъ, потому ли, что эта идея уже приходила ему, или потому, что онъ завидовалъ ея славѣ, горько жаловался на Манюэля, упрекалъ его за письмо, котораго онъ не имѣлъ-де права писать, и вызвалъ его черезъ посредство Шарона, своего предсѣдателя, въ собраніе уполномоченныхъ шестидесяти секцій Парижа. Манюэль оправдывался тѣмъ, что то, что онъ сдѣлалъ, имѣлъ право сдѣлать каждый гражданинъ. Его отвѣтъ, преданный гласности, оканчивался угрозой, облеченной въ форму пожеланія: «Дай Богъ, чтобы новый муниципалитетъ подписалъ фамиліный договоръ! Уступая шарфъ, я попрошу у васъ только ружье»²⁾. Въ ожиданіи гостей, каждый, по выраженію Манюэля, держался въ готовности открыть свой домъ, какъ свое сердце.

Это происходило около половины іюня мѣсяца. Между тѣмъ, до славной даты 14-го іюля была еще другая дата, тоже достойная быть воспоминаемой, именно 17-е іюня, день,—когда въ 1789 г., собраніе, образовавшееся изъ соединенія трехъ сословій, приняло титутъ Национальнаго Собранія: клубъ 89 года считалъ, что такую годовщину слѣдуетъ справлять.

Этотъ клубъ, отдѣлившаяся часть клуба яacobинцевъ, принципы котораго казались слишкомъ смѣлыми нѣкоторымъ членамъ: Балли, Лафайету, Сіейсу, Ле Шапелье, Мирабо, помѣстился

¹⁾ *Confédération nationale*, p. 14—17.

²⁾ *Ibidem*, p. 22—23.

незадолго передъ тѣмъ во второмъ этажѣ Пале-Рояля, въ пышныхъ апартаментахъ. Въ день 17-го іюня тамъ былъ данъ блестящій балъ. Вокругъ стола, великолѣпно сервированнаго, размѣстились двѣсти приглашенныхъ, въ томъ числѣ корсиканецъ Паоли; пили тосты: *За пострадавшихъ за свободу своей страны!— За имѣющихъ мужество заставлять уважать законы! — За уничтоженіе нищенства!—За всякаго друга людей!* По забывчивости или умышленно не было провозглашено ни одного тоста за здоровье отдѣльныхъ лицъ. Во время десерта въ залу вошли дамы рынка съ букетами, которые они поднесли Лафайету, Сіейсу, Ле Шапелье, *нашему графу Мирабо*, Талейрану. Болѣе всѣхъ былъ почтенъ Бальи: онѣ возложили ему на голову вѣнокъ изъ цвѣтовъ¹⁾. Въ это время народъ, собравшійся въ саду, сталъ громкими криками требовать, чтобы ему спѣли нѣкоторые злые куплеты Піиса, которые безъ содержащагося въ нихъ политическаго намека, не были бы терпимы. Окна раскрылись настежь, и голоса загѣли:

Les traitres à la nation
Craignent la fédération:
C'est ce qui les désolé;
Mais aussi depuis plus d'un an,
La liberté poursuit son plan:
C'est ce qui nous console.

Il arrive souvent qu'au bois,
On va deux pour revenir trois,
Dit la chanson frivole.
Trois ordres s'étaient rassemblés,
Un sage abbé les a mêlés:
C'est ce qui nous console, etc.²⁾

Одинъ изъ гостей внесъ оригинальное предложеніе: «Французы, которые имѣютъ и осуществляютъ верховную власть, подчинены закону; они не подданные кого бы то ни было. Государь—ихъ глава, но не господинъ: *Imperat, non regit*. Пусть же Людовикъ XVI вернется съ Марсова поля съ императорскою

¹⁾ *Chronique de Paris*, № 172.

²⁾ «Измѣнники націи боятся федераціи: вотъ что ихъ огорчаетъ; но также и свобода ужъ больше года идетъ своимъ путемъ: вотъ что насъ утѣшаетъ.— Часто бываетъ, что въ дѣсь идутъ вдвоемъ, а возвращаются втроемъ, говорить фривольная пѣсня. Три сословія собрались, и одинъ мудрый аббатъ смѣшалъ ихъ: вотъ что насъ утѣшаетъ, и т. д.»

короной на челѣ, и да будетъ его августѣйшая супруга привѣтствована какъ императрица ¹⁾).

Въ монастырѣ якобинцевъ зрѣли совсѣмъ другія мысли и подготовлялись предложенія совсѣмъ другого рода.

Геній Франціи — не принадлежать себѣ. «Декларация правъ *англійскаго гражданина*», сказали бы въ Англіи; революціонная Франція благородно выставила на своемъ знамени: «Декларация правъ *человѣка*». Это значило взять на себя обязательство, огромное, быть можетъ, но героическое. То, что Лютеръ писалъ Карлу V, покидая Вормсъ, Франція сдѣлала изъ этого свой девизъ; и она также, не задавая себѣ вопроса, не придется ли для того, чтобы сдержать такое слово, давать титаническія битвы и пролить до послѣдней капли свою кровь, она также кричала внемлющимъ народамъ: «Мое дѣло, это — дѣло всего человѣчества». И ничто не будетъ напоминать на торжествѣ федераціи на Марсовомъ полѣ объ исторической миссіи Франціи! Нѣтъ, невозможно.

Такъ думалъ Анахарсисъ Клоотцъ, странный философъ, фигуру котораго, улыбающуюся и оживленную, мы опять увидимъ впоследствии выдѣляющейся на черномъ фонѣ революціи.

Люди отсталые охотно называютъ безуміемъ мудрость, которая кажется имъ не подходящей къ данному моменту: какимъ чудомъ Анахарсисъ Клоотцъ избѣжалъ бы чести быть объявленнымъ сумасшедшимъ? Онъ вѣрилъ въ наступленіе всемірной республики; во время его галлюцинацій ему явился призракъ, имѣвшій черты великаго человѣка, который былъ впоследствии Джемсомъ Уаттомъ; пробудившись, онъ видѣлъ въ мечтѣ Океанъ, усѣянный кораблями; науку, уничтожающую пространство; блестящія выставки различныхъ произведеній промышленности, замѣняющія убійственное соревнованіе полей битвы; Амфиктіоновъ судъ вмѣсто соперничающихъ и пустыхъ собраній; націи, сгруппированныя вокругъ одного и того же знамени одинъ городъ, избранный всемірной столицей. Онъ былъ, значитъ, сумасшедшій... до поры до времени. Но съ какой граціей! Никогда столько галльской тонкости не соединялось со смѣлостью нѣмецкаго ума. Неудивительно: пруссакъ по происхожденію, онъ воспитывался во Франціи ²⁾, такъ что Вольтеръ рано уви-

¹⁾ *Chronique de Paris*, № 175, и *Journal des Révolutions de l'Europe*, t. II, p. 83.

²⁾ *Biographie universelle*.

дѣлъ въ немъ аббата де Сенъ-Пьера. Оттого онъ былъ полонъ ума въ своемъ энтузіазмѣ, полонъ здраваго смысла въ своей экзальтаціи и, всегда осмѣиваемый, всегда немного насмѣшникъ; вмѣстѣ съ тѣмъ привѣтливый и добродушный, безкорыстный, великодушный, и, подобно барону Гольбаху, расточавшій свое состояніе, которое было громадно. Онъ питалъ глубокую ненависть къ патерамъ, къ ихъ Богу-деспоту, убѣжденный, что будутъ тираны на землѣ, пока человѣческій умъ будетъ предполагать тирана на небѣ. Результатомъ этого было то, что онъ считалъ себя атеистомъ; и это была одна изъ его странностей, ибо человѣкъ, такъ абсолютно проповѣдывавшій догматъ всеобщей и всемірной солидарности, могъ быть только пангеистомъ. Нѣсколько строкъ, вышедшихъ изъ-подъ его пера, докончатъ набросанный здѣсь его портретъ. Онъ писалъ Бѣрку:

«Жанъ-Батистъ Клоотцъ Эдмонду Бѣрку привѣтъ! Пользуюсь отъѣздомъ г. Жомъ, брата почтеннаго члена нашего августѣйшаго Національнаго Собранія, чтобы напомнить вамъ о радушномъ приѣмѣ, который вы мнѣ оказали въ вашемъ имѣніи Беконсфильдъ въ 1784 г. Такъ какъ философія измѣряетъ время только послѣдовательностью событій, то прошло сто лѣтъ и больше, какъ мы не видались. Вы были очень недовольны вашей верхней палатой и ужасающими успѣхами королевской власти. Нарисованная вами мрачная картина вашей конституціи и зрѣлище проистекающихъ отсюда злоупотребленій нѣсколько примирили меня съ *моей Бастиліей* и съ *моимъ Лепуаромъ*. Ваши друзья Фоксъ, Шериданъ, Пууисъ, милордъ Инчкинъ, герцогъ Сентъ-Джонъ говорили мнѣ то же самое. По этимъ даннымъ я ожидалъ найти въ г. Бѣркѣ одного изъ самыхъ горячихъ апологистовъ достойной удивленія революціи, которая ставитъ Францію выше всѣхъ націй міра... Равенство, безопасность, свобода гражданская и религіозная; нѣтъ ни сената, ни присяги *test*, ни дворянства, ни господствующей религіи... Вамъ показывали въ парижскомъ соборѣ этотъ безобразный колоссъ св. Христофора? Короли довольно похожи на эту огромную статую, которая выглядѣла пугаломъ на своемъ пьедесталѣ; но если бы этотъ колоссъ былъ подвѣшенъ къ своду, не задрожали ли бы вы? Ну, вотъ! сэръ, мы убрали колосса въ безопасное мѣсто, и всѣ статуэтки, тяготѣвшія надъ нашими головами, разбиты. Плуты, представляя вамъ эту необыкновенную географическую карту, откуда Франція исчезла, злоупотребили вашей довѣрчивостью.

Что касается меня, живущаго во Франціи, не имѣя чести быть французомъ, то я вижу совсѣмъ иначе: когда я смотрю на карту, мнѣ кажется, что всѣ другія страны исчезли, а я вижу только Францію... Вамъ неизвѣстенъ, сэръ, истинный предметъ нашего спора съ аристократами. Дѣло шло о пирамидѣ, поставленной вверхъ дномъ и которую мы имѣли ловкость и мужество опять поставить на ея широкое основаніе. Мы съ восхищеніемъ говорили въ Лондонѣ объ египетскихъ пирамидахъ: вамъ стоитъ только переплыть Па де Кале, чтобы увидѣть пирамиду, которая приведетъ васъ въ восторгъ. Пріѣзжайте, вы найдете меня достойнымъ быть вашимъ чичероне, какъ вы нашли меня достойнымъ быть вашимъ другомъ»¹⁾.

Таковъ былъ богатый прусскій баронъ, Жанъ-Батистъ Клоотцъ, прозваншій самъ себя Анахарсисомъ и которому пришла идея показать, что предстоящая федерація будетъ не исключительно французская. И вотъ онъ, приступая къ исполненію своего проекта, собираетъ въ Парижѣ нѣсколько иностранцевъ: англичанъ, испанцевъ, нѣмцевъ, голландцевъ, итальянцевъ, татаръ, персіянъ, турокъ, арабовъ, американцевъ и 19-го іюня, въ памятный день, прославленный упраздненіемъ дворянства, является въ сопровожденіи космополитическаго кортежа въ Національное собраніе. При видѣ этой пестрой, наряженной въ разноцвѣтные костюмы толпы, «посвященные, — рассказываетъ иронически Феррьеръ, наполняютъ залу шумными восклицаніями, тогда какъ трибуны, опьянѣвшія отъ восторга видѣть вселенную среди Національнаго Собранія, неистово хлопаютъ въ ладоши, стучатъ ногами»²⁾. Предсѣдательствовалъ Мену. Клоотцъ выступаетъ впередъ и говоритъ:

«Внушительный видъ всѣхъ знаменъ Французскаго государства, которыя развернутся 14-го іюля на Марсовомъ полѣ, въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ Юліанъ попралъ всѣ предрасудки, гдѣ Карлъ Великій окружилъ себя всѣми добродѣтелями, эта гражданская церемонія будетъ не только праздникомъ французовъ, но и праздникомъ человѣческаго рода. Трубный гласъ, возвѣстившій о воскресеніи великаго народа, отдался во всѣхъ концахъ міра, и радостныя пѣсни хора двадцати пяти милліоновъ свободныхъ людей разбудили народы, погруженные въ долгое раб-

¹⁾ *Bibliothèque historique de la Révolution*. — Anacharsis Clootz, 775—777. British Museum.

²⁾ *Mémoires de Ferrières*, t. II, liv. VI.

ство... Многие иноземцы изъ всѣхъ странъ міра просятъ позволить имъ выстроиться среди Марсова поля, и шапка свободы, которую они поднимуть съ восторгомъ, будетъ залогомъ скораго освобожденія ихъ несчастныхъ согражданъ. Никогда не бывало посольства, болѣе священнаго. Наши вѣрительныя грамоты не начертаны на пергаментѣ; но наша миссія запечатлѣна неизгладимыми знаками въ сердцахъ всѣхъ людей»¹⁾).

Президентъ Собранія отвѣчалъ прочувствованной краткой рѣчью, и депутація была приглашена присутствовать на засѣданіи.

Враги революціи были сильно обезпокоены тѣмъ, что предвѣщало это федераціонное движеніе; но нападать на его принципъ они не рѣшались; когда же стали, казалось, преувеличивать его примѣненіе, гнѣвъ ихъ вылился черезъ этотъ выходъ. Они старались выставить въ смѣшномъ видѣ прусскаго философа и его космополитизмъ; они распустили слухъ, что его депутація была не что иное, какъ сбродъ бродягъ, нанятыхъ для разыгрыванія роли наряженныхъ во взятые на-прокатъ костюмы. Хотя бы даже это было вѣрно, во всякомъ случаѣ тривіальность употребленнаго средства оставляла неприкосновенной цѣнность высказанной мысли; но, наконецъ, и самый фактъ, на который указывали роялистскіе писатели²⁾, Клоотцъ отрицалъ его публично, формально, спокойнымъ, исполненнымъ презрѣнія тономъ: «Утверждали, что нашъ арабъ былъ просто турокъ, взятый на прокатъ у Оперы, и что нашъ халдеецъ никогда не видалъ Евфрата. Эти ученые оріенталисты слишкомъ хорошо извѣстны въ библіотекѣ короля и въ королевскомъ коллежѣ, чтобы надобно было опровергать подобныя вздорныя инсинуаціи... Въ засѣданіи 19-го одинъ приставъ, говорящій по-английски и слывущій аристократомъ, пришелъ изъ глубины залы поговорить съ нами, воображая, что наши англичане изъ Шалью. Ему отвѣчали чистѣйшими мильтоновскими выраженіями, и онъ, сконфуженный, вернулся къ пославшимъ его членамъ правой»³⁾).

Между тѣмъ желанный день приближался. Но вотъ вдругъ какое-то смутное безпокойство овладѣваетъ умами; говорятъ о

¹⁾ *Mémoires de Ferrières*, t. II, liv. VI.

²⁾ См. *Mémoires de Ferrières*, t. II, liv. VI, и *Annales de la Révolution française*, par Bertrand de Molleville, t. II, chap. XXVI.

³⁾ *Bibliothèque historique de la Révolution*. — Anacharsis Klotz, 775—777. British Museum.

гнусныхъ заговорахъ, о неминуемыхъ страшныхъ катастрофахъ, о предательски подготовляемой рѣзнѣ; увѣряютъ, что въ моменты федераціи мины, заложенныя подъ зданіемъ Военнаго училища, будутъ взорваны и поглотятъ тысячи жертвъ; возвѣщаютъ Варѣоломеевскую рѣзню патеровъ и дворянъ. Между врагами революціи, одни вѣрили этимъ слухамъ, другіе притворялись, что вѣрятъ, и дезертированіе началось. Обрадовавшись, быть можетъ, представлявшемуся удобному случаю уклониться отъ принесенія ненавистной имъ присяги, роялистскіе депутаты стремительно потребовали увольненія въ отпускъ, какъ, напримеръ, Сень-Симонъ ¹⁾). Цѣлыя семейства уѣхали изъ столицы, какъ бы пораженныя ужасомъ, и паника достигла такой степени, что Карра, въ своихъ *Annales patriotiques*, во имя общественной безопасности, настоятельно потребовалъ объясненій отъ Лафайета.

Въ свою очередь, отвѣчая на эти опасенія противоположными страхами, нѣкоторые патріоты объявили себя въ опасности подвергнуться мщенію, исполненію котораго будетъ какъ нельзя болѣе благопріятствовать своимъ шумомъ и толкотней праздникъ, на который собрали столько неизвѣстныхъ людей. «Утверждаютъ, пишетъ Марату одинъ гражданинъ изъ округа Реколлектовъ, что въ одномъ домѣ, на улицѣ Сень-Онорэ, конфисковано огромное количество палокъ со стилетами внутри» ²⁾). Когда всѣ будутъ на Марсовомъ полѣ, что помѣшаетъ шайкѣ наемныхъ злодѣевъ нападать, убивать и поджигать?

Лустало старался опровергнуть эти тревожные слухи. «Они отвращаютъ, писалъ онъ, наше вниманіе отъ окружающихъ насъ великихъ предметовъ» ³⁾). Самъ Маратъ не осмѣлился вполне предаваться своимъ обычнымъ подозрѣніямъ; однако, и онъ говорилъ: «Лафайетъ отвѣтитъ своей головой за малѣйшую царапину, сдѣланную Варнаву, Ламетамъ, Робеспьеру, Дюпору, д'Эгильону или Мену» ⁴⁾).

Коммуна вмѣшалась, съ своей стороны, выпустивъ прокламацію, гласившую: «Пусть тѣ, кто боится, уѣзжаютъ, если хотятъ! пусть убѣгаютъ отъ праздника свободы, подъ предлогомъ химерическихъ опасностей; но друзья революціи пусть оста-

¹⁾ *Le Defenseur de la liberté*, № XIV.

²⁾ *L'Ami du Peuple*, № CLI.

³⁾ *Révolutions de Paris*, № 51.

⁴⁾ *L'Ami du Peuple*, № CLI.

нутся; пусть они подумаютъ, что вторично не увидать подобнаго дня». А на слѣдующій день на улицахъ раздавали письмо, авторъ котораго, нѣкто Гильомо, увѣдомлялъ Бальи, что подъ зданіемъ военнаго училища никакого подкупа нѣтъ ¹⁾).

При дворѣ преобладала надежда. Разъ прибыла провинція, нѣтъ болѣе Парижа; подавляемый Франціей, онъ перестанетъ извергать пламя: тамъ охотно питались этой иллюзіей. И потомъ, случай, что-либо непредвидѣнное, кто знаетъ? могущественное дѣйствіе взгляда короля, милостивой улыбки королевы на людей, менѣе, чѣмъ жители Парижа, освоившихся съ престижемъ діадемъ, все это не могло ли бы чего-нибудь прибавить къ счастливымъ шансамъ.

Одно обстоятельство испортило эту радужную мечту. Предупредивъ Національное Собраніе о своемъ возвращеніи письмомъ, которое было прочитано Ла-Тушемъ въ засѣданіи 5 іюля, герцогъ Орлеанскій прибылъ изъ Лондона. Дворъ долженъ бы былъ ожидать этого, однако онъ казался смущеннымъ. Первый визитъ герцога былъ въ Національное Собраніе, котораго онъ былъ членомъ; второй — къ королю, которому онъ всегда оказывалъ глубочайшее почтеніе. Но какія отравленныя стрѣлы вонзились тогда въ его сердце! Какъ только онъ явился ко двору, тотчасъ же со всѣхъ сторонъ его окружило оскорбленіе, дамы поворачивались къ нему спиной; мужчины смотрѣли ему въ лицо съ вызывающимъ видомъ и презрительной улыбкой; какъ будто онъ принесъ туда, зажатый въ рукѣ, тотъ родъ убійства, который не требуетъ мужества; вокругъ него бормотали: *присматривайте за блюдами!* и, когда онъ уходилъ, сверху лѣстницы ему плюнули на голову ²⁾). Людовикъ XVI, увидя его, сказалъ ему рѣзко: *Приходите, сударь, вы научитесь быть добрымъ французомъ* ³⁾).

Между тѣмъ приготовленія продолжались среди чрезвычайнаго движенія умовъ. На площади Побѣдъ были четыре статуи, представлявшія провинціи, скованныя у ногъ Людовика XVI; чтобы избавить конфедератовъ отъ подобнаго унижительнаго для нихъ зрѣлища и согласно желанію, выраженному въ засѣданіи

¹⁾ *Confédération nationale*, p. 41—42.

²⁾ Ферьеръ, не входя въ детали, сознается, что приемъ, сдѣланный герцогу, былъ въ высшей степени оскорбительный. См. его «Мемуары» т. II. кн. VII.

³⁾ *Mémoires de Weber*, t. II, ch. IV, p. 25. Collection Barville et Barrière.

19-го іюня, статуи были убраны, что вызвало со стороны крайних роялистовъ жалобы, которыя Анахарсисъ Клоотцъ остроумно обратилъ въ шутку: «Глупцы жалѣютъ эти четыре фигуры, подѣ предлогомъ красоты искусства; но они не видятъ того, что уборка этихъ статуй есть одна изъ красивѣйшихъ фигуръ ораторскаго искусства!»¹⁾

Припомнить въ подробности все, что кипучая жизнь Парижа производила въ теченіе іюня и іюля мѣсяцевъ, было бы задачей слишкомъ трудной. Образовались цѣлыя горы брошюръ; выдвигались самые разнообразныя проекты, внушенные, вообще говоря, благороднымъ чувствомъ. Такъ, одинъ требовалъ, чтобы въ день 14-го іюля каждый приготовилъ свой обѣденный столъ посреди улицы; другой предлагалъ, подѣ именемъ *клуба федерации*, учрежденіе своего рода интеллектуальнаго базара, гдѣ бы, по прибытіи въ Парижъ, фламандцы могли встрѣчаться съ провансальцами, гдѣ бы бургундцы и лангедокцы, лотарингцы и беарнцы могли вступать въ общеніе и обмѣнъ мыслей²⁾; третій, указывая на то, что дорога въ сотню льё не испугала бравыхъ бретонцевъ, выражалъ надежду, что имъ будетъ оказанъ триумфальный пріемъ: «Вся Эллада встала передъ Ѳемистокломъ, когда онъ появился на олимпійскихъ играхъ»³⁾. Характеристическая вещь! Союзъ писателей, предложенный Лусгало, одобренный Камилломъ Демуленомъ, готовъ былъ осуществиться.

Одинъ только Марать оставался безпокойнымъ, буйнымъ и мрачнымъ. Такая большая радость печаливала его. Въ этомъ влеченіи къ національному объединенію его холодный умъ видѣлъ только страсть къ шуму, только жажду новшества⁴⁾. На этотъ столъ желаемый федеральный договоръ онъ смотрѣлъ какъ на «средство порабощенія» и, раздраженный недоверіемъ, которое встрѣчали его мрачныя пророчества, безпрестанно повторялъ: «Меня ожидаетъ участь Кассандры»⁵⁾. Когда Национальное Собраніе декретировало и король санкціонировалъ слѣдующую формулу присяги: «Клянемся быть всегда вѣрными націи, закону и королю; поддерживать, по мѣрѣ силъ, конституцію; охранять, сообразно законамъ, безопасность лицъ и имущества»,

¹⁾ *Bibliothèque historique de la Révolution.*—Anacharsis Clootz, 776—777.

²⁾ *Confédération nationale*, p. 43—45.

³⁾ *Ibidem*, p. 41.

⁴⁾ *L'Ami du Peuple*, № CLXV.

⁵⁾ *Ibidem*, № CLXVI.

всякаго званія, одѣтыхъ въ самыя разнообразныя костюмы, и съ утра до вечера, въ сладкомъ опьяненіи общаго желанія, съ той гармоніей, которая родится сама собой изъ согласія душъ подъ закономъ сердечнаго равенства, при звукахъ пѣсенъ, копающихъ, катающихъ, вываливающихъ землю, съ такимъ же рвеніемъ, какое выказываютъ солдаты при рытьѣ траншеи¹⁾. Одинъ иностранецъ писалъ своему другу въ Швейцаріи: «Я сейчасъ видѣлъ запряженными въ одну телѣгу бенедиктинку, инвалида, монаха, судью, куртизанку»²⁾. Замѣтили Сіейса и Богарне, какъ они рядомъ копали землю. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ веселой группы, распѣвавшей съ чисто французской живостью не страшную пѣсню: *Ça ira* 93 года, а пѣсню 90 года: *Ça ira, ça ira; celui qui s'élève on l'abaissera*, картезіанцы работали молчаливо и сосредоточенно³⁾. Такъ какъ аббатъ Мори воздержался отъ участія въ работѣ, то угольщики нарядили одного изъ своихъ товарищей въ короткій плащъ и брыджи, связали ему руки, назвали его Мори и со смѣхомъ повели на Марсово поле, позади своего знамени⁴⁾. Не было ни одного инвалида, который бы не откликнулся на призывъ, даже изъ калѣкъ, не имѣвшихъ руки или ноги; слѣпые помогали тащить телѣжки⁵⁾. Лусталѣ рассказываетъ съ умиленіемъ, что когда появились какіе-то субъекты въ бумажныхъ колпакахъ, на которыхъ было написано *Révolutions de Paris*, все Марсово поле огласилось шумными апплодисментами⁶⁾. Что было особенно трогательно, это—святое рвеніе работника, чернорабочаго, пахаря, приходившаго послѣ долгаго дня тяжелой работы исполнить свою долю патриотическаго дѣла⁷⁾.

Нужно ли говорить, что къ работѣ примѣшивалось удовольствіе? Каждую минуту проходили солдаты, закутанные въ капюшонъ, или монахи въ каскѣ; нагрудники монахинь мелькали

¹⁾ *Révolutions de Paris*, № 52.

²⁾ *Correspondance d'un habitant de Paris avec ses amis de Suisse et d'Angleterre*, lettre X, à M. le baron d'E.... à L.... въ *Bibliothèque historique de la Révolution*.

³⁾ *Révolutions de Paris*, № 52.

⁴⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 34.

⁵⁾ *Révolutions de Paris*, № 52.

⁶⁾ *Ibidem*.

⁷⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 34.

рядомъ съ длинными фатами хананеянокъ ¹⁾; телѣга, отправлявшаяся съ грузомъ земли или песку, возвращалась украшенная вѣтками и нагруженная смѣющейся группой молодыхъ женщинъ, которыя передъ тѣмъ помогали тащить ее ²⁾). Театры также отличались, увѣряетъ одна актриса въ своихъ мемуарахъ ³⁾). Каждый кавалеръ выбиралъ даму, которой преподносилъ легкій заступъ, украшенный лентами; и, съ музыкой во главѣ, шли на всеобщее рандеву. Нужно было, понятно, изобрѣсти костюмъ, не боящійся пыли: блуза изъ сѣрой кисеи, шелковые чулки и сапоги того же цвѣта, трехцвѣтный шарфъ, широкая соломенная шляпа—такова была форма артиста ⁴⁾). Дождь шелъ—не бѣда: онъ вызывалъ только смѣхъ и шутки; элегантнѣйшія женщины, вѣроятно, въ первый разъ въ жизни, охотно жертвовали своими цвѣтами и тонкимъ полотномъ; ливень называли *слезами аристократовъ* и, къ великому удивленію иностранцевъ, свидѣтелей этихъ баснословныхъ сценъ, храбро продолжали работать подъ дождемъ ⁵⁾).

Пусть читатель-философъ не упрекаетъ презрительно исторію за то, что она любитъ подобными деталями. Никогда проблема болѣе важная и болѣе глубокая не получала рѣшенія болѣе положительнаго. Эта *теорія привлекательнаго труда*, несомнѣнный законъ будущаго и которую такъ мужественно выяснилъ реформаторскій духъ XIX столѣтія, она была примѣнена тогда почти случайно, инстинктивно, и съ какими удивительными результатами! Не только работы, которыя, казалось, должны были потребовать годы, были исполнены въ одну недѣлю, но въ теченіе всего этого времени уровень человѣчности поднялся и держался на необычайной высотѣ. Ибо, среди кажущейся сумятицы, порядокъ былъ отлично соблюдаетъ. Никакой брани, никакой ссоры. Управлялъ работами тотъ, кто считалъ себя къ этому способнымъ: другіе повиновались. Въ собранной тамъ несмѣтной разнородной толпѣ не было ни одного стража, и не замѣтили ни одного пьянаго, не было ни одного случая воровства. Хотя для работавшихъ развозили бочки съ виномъ,

¹⁾ *Correspondance d'un habitant de Paris avec ses amis de Suisse et d'Angleterre*, lettre X.

²⁾ *Révolutions de Paris*, № 52.

³⁾ *Souvenirs de Louise Fusil*, t. I, p. 167.

⁴⁾ *Ibidem*.

⁵⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 34.

но пили только тѣ, у кого истощались силы. Можно было, уходя, оставить часы на песокѣ, въ полной увѣренности, что никто ихъ не тронетъ ¹⁾. Трудъ имѣетъ, слѣдовательно, свой *poin d'honneur*, какъ и война! Исключеніе, скажете вы? А почему же бы не постараться сдѣлать исключеніе правиломъ? Въ чемъ и состоитъ прогрессъ, если не въ томъ, чтобы все болѣе и болѣе суживать зло и расширять добро? Но нѣтъ: этотъ славный родъ соревнованія, который всегда казался столь естественнымъ на полѣ сѣчи, не будетъ примѣненъ, быть можетъ еще долго, въ мастерской! Еще долго, быть можетъ, слава будетъ состоять въ томъ, чтобы убивать другъ друга при звукѣ трубъ. О людское безуміе!

Между тѣмъ фѣдераты прибывали отовсюду, съ поднятымъ оружіемъ, съ багажемъ на спинѣ, съ челомъ, покрытымъ потомъ и пылью, съ оживленнымъ взоромъ. Парижъ принималъ у себя поочередно лотарингцевъ, нормандцевъ, сыновъ энергической Бретани, горцевъ Юры, марсельцевъ, гордящихся своимъ Мирабо. Многіе старые инвалиды, согбенные подъ тяжестью военныхъ трудовъ, помолодѣли и пришли изъ глубины Франціи пѣшкомъ! Всѣмъ имъ оказали пріемъ, достойный героическихъ вѣковъ. Побѣдители Бастиліи выбѣжали привѣтствовать бретонцевъ на Сень-Сирскую дорогу ²⁾. Сотни гостей обѣдали у Мепелетье Сень-Фаржо. Бомарше былъ не менѣе щедръ; богатые и бѣдные, всѣ соперничали въ радушіи; можно было сказать, что въ Парижѣ былъ только одинъ столъ и одинъ кровъ.

Между фѣдератами многіе никогда не переступали границы своей провинціи, а иные даже никогда не выходили изъ своей деревни, и потому для нихъ былъ не малый предметъ любопытства увидѣть вблизи короля, о которомъ говорили, что онъ такой добрый, и особенно королеву, о которой говорили, что она такая красавица.

Людовикъ XVI добродушно пошелъ навстрѣчу этому желанію и очаровалъ простотой своихъ манеръ своихъ почтительныхъ посѣтителей. Онъ допустилъ до своего апартамента одного изъ бретонцевъ, и, когда тотъ упалъ передъ нимъ на колѣни, онъ поднялъ его, прижалъ къ своей груди и растроганнымъ

¹⁾ *Confédération nationale*, p. 68, и *Révolutions de France et de Brabant*, № 34.

²⁾ *Confédération nationale*, p. 80—83.

голосомъ сказалъ ему: «Снесите этотъ поцѣлуй вашимъ товарищамъ»¹⁾. Камилль Демуленъ назвалъ этотъ поступокъ полунасмѣшливымъ тономъ: «Это не было, писалъ онъ, говоря объ этомъ отеческомъ поцѣлуѣ, то *breve osculum*, короткое лобызаніемъ, которымъ Тиверій удостоилъ Германика»²⁾. Людовикъ XVI принялъ также очень привѣтливо депутацію туренскихъ федератовъ, которая преподнесла ему кольцо, подаренное нѣкогда Генрихомъ IV бенедиктинцамъ монастыря въ Мармутъе: онъ принялъ кольцо и обѣщалъ надѣть его въ день федераціи³⁾.

Что касается королевы, то она либо изъ гордости или изъ тайнаго желанія возбудить вокругъ себя жалость, не старалась скрывать передъ новопришельцами грусть, наполнявшую ея душу. Къ тому же одно недавнее рѣшеніе глубоко оскорбило ее: было опредѣлено, въ программѣ празднества, что ни она, ни ея дѣти не будутъ имѣть на Марсовомъ полѣ officialнаго мѣста, что значило третировать ее не какъ королеву, а какъ *жену короля*, по грубому выраженію, которое любилъ употреблять Камилль Демуленъ. Поэтому она среди всеобщей радости казалась страдающей меланхоліей, не смѣя, въ то же время, обнаруживать свои тайныя мысли иначе, какъ замаскированными жалобами и темными словами. Такъ, наприимѣръ, нѣсколькимъ федератамъ, кричавшимъ при проходѣ ея: «Да здравствуетъ королева!» она отвѣтила: «Да, но васъ обманываютъ»⁴⁾... Слѣдующее мѣсто одного разказа, столь же наивнаго, какъ достовѣрнаго и точнаго, позволить судить объ эффектѣ, какой могло производить подобное положеніе, смягчаемое большой граціей: «Наканунѣ конфедераціи французовъ, федераты получили приказъ собраться послѣ полудня на Елисейскихъ поляхъ, гдѣ король произведетъ имъ смотръ. Обильный дождь заставилъ измѣнить этотъ приказъ, и федераты дефилировали подъ вестибюлемъ передъ королемъ, королевой и ея семьей. Департаментъ, къ которому я принадлежу, принялъ, вмѣсто синяго мундира, голубой съ красными лацканами и отворотами, что придавало намъ какой-то иностранный видъ, который обратилъ на насъ вниманіе королевы. Я командовалъ первымъ взводомъ; потому ли, чтобы лучше осмотрѣть насъ, или потому, что очень узкій про-

¹⁾ Bertrand de Moleville, *Annales de la Révolution française*, t. II, ch. XXVII.

²⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 34.

³⁾ *Révolutions de Paris*, № 53.

⁴⁾ *L'Ami du roi*, № 57.

ходъ былъ загроможденъ любопытными, насъ остановили минуты на двѣ передъ королемъ. Королева наклонилась, тихонько дернула меня за полу мундира и спросила: «Изъ какой вы провинціи, сударь?» — «Изъ той, гдѣ царствовали предки вашего величества?» отвѣтилъ я, опуская саблю.—«Какъ! вы?»... «Ваши странные лотаринцы»; и я говорилъ правду. Она поблагодарила меня наклоненіемъ головы, сопровождаемымъ взглядомъ, который я и теперь еще вижу, такъ онъ былъ пронизателенъ; и, наклонившись къ королю, она сказала ему: «Это ваши странные лотаринцы». Король привѣтствовалъ насъ поклономъ, и такъ какъ мы продолжали дефилировать, то я ихъ болѣе не видѣлъ. Эти немногія слова, этотъ взглядъ, котораго не потерялъ ни одинъ изъ моихъ товарищей, до того растрогали насъ, что мы готовы были исполнить все, что бы эти два несчастливца ни приказали намъ въ ту минуту»¹⁾.

Мирабо былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понимать, какую силу заключалъ въ себѣ престижъ, окружавшій еще тронъ. Поэтому онъ хотѣлъ, чтобы постарались извлечь наибольшую пользу изъ этого престижа. Опасаясь, чтобы Лафайетъ не сдѣлался «героемъ провинцій, единственнымъ человѣкомъ, героемъ федераціи»²⁾, онъ настаивалъ, чтобы монархъ выступалъ на сцену какъ можно больше и чаще; чтобы онъ самъ пригласилъ иностранныхъ пословъ; чтобы онъ сдѣлалъ себѣ изъ нихъ импонирующую свиту³⁾; въ особенности, чтобы онъ приготовился произнести на Марсовомъ полѣ рѣчь, которая бы привлекла къ нему всѣ мысли. Мирабо очень желалъ, чтобы ему поручили сочинить эту рѣчь; но его гордость ожидала, чтобы ее у него попросили⁴⁾. Робость Людовика XVI рѣшила иначе. Архіепископъ Тулузскій 13-го іюля сообщилъ графу Ла Маркъ слѣдующее: «Послѣ моего письма къ вамъ, любезный графъ, королева велѣла позвать меня, когда я проходилъ мимо дворца, возвращаясь изъ Собранія. Она сказала мнѣ, что нѣтъ возможности убѣдить короля говорить завтра утромъ; что онъ думаетъ,

¹⁾ *Le château de Tuileris*, par Roussel, цитированный въ *Histoire parlementaire*, t. VI, p. 389.

²⁾ Двѣнадцатая записка Мирабо для двора въ его «Перепискѣ съ Ла Маркомъ», t. II, p. 103.

³⁾ Письмо Мирабо къ гр. Ла Маркъ, тамъ же, стр. 86.

⁴⁾ «Я хочу: 1) чтобы этого; 2) чтобы объ этомъ меня попросили». *Ibidem*, p. 97.

что то, что онъ долженъ будетъ сказать многочисленной депутаціи этимъ вечеромъ, замѣнить то, что онъ сказалъ бы завтра. Королева сказала мнѣ главные идеи его рѣчи, которая только что была окончена. Онѣ воистину очень хороши, и что меня еще болѣе удивляетъ, это то, что онъ самъ ее сочинилъ. Выраженная тамъ мысль объѣхать провинціи и мнѣ показалась очень умѣстной. Королева основательно велѣла вычеркнуть одну фразу, которая, казалось, ставила это путешествіе въ зависимость отъ хода работъ Собранія»¹⁾.

Депутація, о которой говоритъ архіепископъ Тулузскій въ этомъ письмѣ дѣйствительно была представлена въ тотъ же вечеръ королю генераломъ Лафайетомъ, рѣчь котораго, впрочемъ, довольно холодная, оканчивалась такъ: «Национальные гвардейцы Франціи присягаютъ вашему величеству въ повиновеніи, которое не будетъ имѣть границъ, кромѣ законовъ, и предѣла, кромѣ ихъ жизни».

Людовикъ XVI отвѣтилъ прочувственной рѣчью:

«Дай Богъ, чтобы торжественный день, въ который вы возобновите вашу присягу на вѣрность конституціи, уничтожилъ раздоры, возстановилъ спокойствіе, утвердилъ царство свободы и законовъ!.. Охранители общественнаго порядка! Скажите отъ моего имени вашимъ согражданамъ, что я хотѣлъ бы имѣть возможность говорить всѣмъ, какъ я говорю вамъ; скажите имъ отъ моего имени, что ихъ король—ихъ отецъ, ихъ братъ, ихъ другъ; что онъ можетъ быть счастливымъ только ихъ счастьемъ, великимъ—только ихъ славой; могущественнымъ—только, если они свободны; богатымъ только, если они благоденствуютъ; скажите имъ, что если они страдаютъ, страдаю и я вмѣстѣ съ ними. Главнѣе же всего несите мои слова или, лучше сказать, чувства моего сердца въ хижину бѣдняка, въ убѣжище несчастныхъ; скажите имъ, что, хотя мнѣ невозможно сопутствовать вамъ въ ихъ жилища, я хочу быть всегда съ ними моею любовью, пецись объ нихъ, жить и, если нужно, умереть для нихъ. Скажите также различнымъ провинціямъ моего королевства, что чѣмъ скорѣе обстоятельства позволятъ мнѣ исполнить мое желаніе посѣтить ихъ съ моею семьей, тѣмъ я буду счастливѣе»²⁾.

¹⁾ *Lettres du comte de Mirabeau à comte de La Marck*, p. 101.

²⁾ Рѣчь эта приведена цѣликомъ у Бертрана де Молевиля въ его *Annales de la Révolution française*, t. II, chap. XXVII.

Наконецъ, насталь жданный день. Сборнымъ пунктомъ федератовъ былъ назначенъ бульваръ Тампля; отсюда они выступили, выстроенные по департаментамъ, подъ восемьюдевятью тремя знаменами, большими бѣлыми квадратами, на каждомъ изъ которыхъ былъ нарисованъ дубовый вѣнокъ ¹⁾. Старики несли знамена; и, какъ знакъ будущаго упраздненія армій, депутаты департаментовъ предшествовали и слѣдовали, съ саблей наголо, за военными депутатами, которые шли, имѣя саблю въ ножнахъ ²⁾. Кorteжъ, пройдя улицы Сентъ-Мартенъ, Сентъ-Дени, Сентъ-Оноре, направился чрезъ Куръ-ла-Ренъ къ плавучему мосту, построенному черезъ Сену, идя все время среди безчисленнаго населенія, наводнявшаго улицы, покрывавшаго набережныя, толпившагося у всѣхъ оконъ. На пути непрерывно раздавались благословенія и виваты. Мужчины выбѣгали навстрѣчу федератамъ и съ восторгомъ протягивали имъ руки; женщины приходили предложить имъ вина и фруктовъ ³⁾. Въ улицѣ Фероннери, беарнцы вдругъ остановились и молча поклонились тому мѣсту, гдѣ былъ убитъ Генрихъ IV ⁴⁾. На площади Людовика XV къ corteжу присоединилось Національное Собраніе, занявъ мѣста между батальономъ стариковъ и батальономъ дѣтей, живой образъ лакедемонскихъ празднествъ, о которыхъ рассказываетъ Плутархъ ⁵⁾. Выступили въ походъ въ восемь часовъ утра, а добрались до Марсова поля только въ половинѣ четвертаго.

Тамъ являлось невиданное дотолѣ грандіозное зрѣлище, къ которому примѣшивалась какая-то умилительная прелесть. Окруженное деревьями и кустарникомъ, Марсово поле казалось утопающимъ въ океанѣ зелени. Четыреста тысячъ зрителей, мужчинъ и женщинъ, громоздились другъ надъ другомъ на ступеняхъ амфитеатра, описывавшаго наклонную дугу вдоль цирка, который, открываясь триумфальной аркой, оканчивался фасадомъ Военнаго училища. Съ этой стороны было устроено восемь обширныхъ крытыхъ и украшенныхъ галерей, середину которыхъ занималъ тронъ. Король былъ въ штатскомъ платьѣ ⁶⁾:

1) *Révolutions de Paris*, № 53.

2) *Ibid.*

3) *Règne de Louis XVI*, t. IV, § X.

4) *Ibidem.*

5) *Révolutions de France et de Brabant*, № 35.

6) *Confédération nationale*, p. 137.

ни скипетра, ни короны, ни пурпурной мантии, ни одного изъ знаковъ королевскаго достоинства. У королевы шляпа была украшена перьями національныхъ цвѣтовъ¹⁾. По срединѣ алтарь *Отечества*, и на ступеняхъ его двѣсти священниковъ въ бѣлыхъ ризахъ, преоясанныхъ трехцвѣтными шарфами²⁾... и во главѣ ихъ епископъ съ ироническимъ взглядомъ, съ фальшивой улыбкой—Талейранъ.

Въ половинѣ четвертаго началась церемонія. Послѣ мессы, которую служили при звукахъ военной музыки, епископъ отѣнскій благословилъ 83 знамени. Затѣмъ грянула пушка. Выступивъ впередъ и касаясь обнаженной саблей объ алтарь, Лафайетъ произнесъ присягу. Тогда, при грохотѣ барабановъ, при пальбѣ изъ ста орудій, раскаты которыхъ должны были донести до границъ священную новость³⁾, поднялся одинъ общій крикъ, испущенный четырьмястами тысячь голосовъ. Подъ однимъ и тѣмъ же вдохновеніемъ, однимъ и тѣмъ же движеніемъ, всѣ руки протянулись къ алтарю Отечества. Вдали зрители, толпившіеся у оконъ, присоединились къ этому порыву, и рассказываютъ, что одинъ отецъ поднялъ руку своего лежавшаго въ колыбели сына, въ знакъ его участія въ священномъ обязательствѣ⁴⁾. Король, противъ общаго ожиданія, не пошелъ къ алтарю. Съ своего мѣста, впрочемъ громкимъ голосомъ и съ довольнымъ видомъ⁵⁾, онъ сказалъ: «Я, король французовъ, клянусь употреблять данную мнѣ конституціоннымъ актомъ государства власть къ поддержанію декретированной Національнымъ Собраніемъ и санкціонированной мною конституціи». Въ этотъ моментъ, погода, бывшая до того пасмурной, разъяснилась, дождь, съ утра пагоняемый сѣвернымъ вѣтромъ, вдругъ пересталъ, и солнечный лучъ, пронизавъ облака, обдалъ яркимъ свѣтомъ Марсово поле⁶⁾. Королева показала своего сына народу: движеніе неожиданное, говоритъ Феррьеръ, которое вызвало тысячные крики: «Да здравствуетъ королева! да здравствуетъ до-

¹⁾ *Confédération nationale*, p. 137.

²⁾ *Correspondance d'un habitant de Paris avec ses amis de Suisse et d'Angleterre*, p. 7 et suiv.

³⁾ *Ibidem*.

⁴⁾ *Confédération nationale*, p. 137.

⁵⁾ *Révolutions de Paris*, № 53.

⁶⁾ *Mémoires de Ferrières*, t. II, liv. VII.

финтъ!» Но эти крики, по словамъ Лусталò, исходили только изъ галереи привилегированныхъ, изъ крытой галереи ¹⁾).

Затѣмъ слѣдовали увеселенія, оживленныя фанандолы, танцы Прованса, пляски Оверни ²⁾). День былъ дождливый, и вода текла ручьями со пляжъ, съ платьевъ и ффраковъ; но это только доставляло материалъ для проявленія веселости, и, быть можетъ, многіе думали то, что Анахарсисъ Клоотцъ писалъ г-жѣ де Богарне: «Кто знаетъ, до чего бы довело насъ провансальское идолопоклонство передъ королемъ съ солнечнымъ ударомъ на наши легко воспламеняющіяся головы. Жара задушила философа Фалеса на олимпійскихъ играхъ, но дождь никогда никого не убивалъ» ³⁾).

Вечеромъ двадцать двѣ тысячи кувертовъ ожидали федералистовъ въ садахъ Ла Мюэтъ. «Столы, рассказываетъ К. Демуленъ, были сервированы съ великолѣпіемъ и обиліемъ, достойными Антонія»; но онъ поспѣшилъ добавить: «Это съ помощью этихъ двадцати двухъ тысячъ столовъ Цезарь заставлялъ поддерживать свою диктатуру; такъ что когда потомъ Катоны и Тубероны, желая, для исполненія установившагося обычая, угостить народъ, разстилали на триkliniумѣ козьи шкуры, ихъ отстраняли отъ претуры» ⁴⁾).

Лусталò, съ своей стороны, не преминулъ къ выраженію своей патріотической радости присоединить нѣсколько критическихъ замѣчаній. Онъ находилъ дурнымъ, что король, которому на охотѣ приходилось сносить сильнѣйшіе дожди, не согласился, по причинѣ дождя, идти пѣшкомъ среди совѣщательной и вооруженной націи. Онъ недоумѣвалъ, почему возлѣ трона поставили бѣлое знамя; онъ жаловался въ особенности на сцены идолопоклонства, предметомъ котораго былъ Лафайетъ, со стороны нѣкоторыхъ федератовъ, которыхъ видѣли на Марсовомъ полѣ бросающимися обнимать его колѣни, цѣлующими его руки, его одежду, его сапоги, даже сѣдло его бѣлаго коня ⁵⁾. Несомнѣнно, что если былъ герой того дня, то это былъ Лафайетъ, и народъ рукоплескалъ ему, увидѣвъ, что онъ довѣр-

¹⁾ *Révolutions de Paris*, № 53.

²⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 35.

³⁾ *Bibliothèque historique de la Révolution*,—Anacharsis Clootz, 776. British Museum.

⁴⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 35.

⁵⁾ *Révolutions de Paris*, № 53.

чиво выпилъ стакаѣ вина, поднесенный ему какимъ-то незна-комцемъ ¹⁾).

Можно вообразить, какъ недоволенъ былъ Мирабо подобнымъ триумфомъ. Обѣдая въ тотъ вечеръ съ Сиейсомъ и Станиславомъ Жирарденомъ, онъ сказалъ имъ тономъ, полнымъ горечи: «Съ подобнымъ народомъ, если бы я былъ призванъ въ министерство, заколите меня кинжаломъ, ибо черезъ годъ вы всѣ были бы рабами» ²⁾).

Что касается Марата, то ярость его не знала границъ. «Къ чему эта необузданная радость? къ чему эти глупыя проявленія веселости? Вѣдь, революція была еще только мучительнымъ сномъ для народа» ³⁾).

Итакъ, торжество федераціи еще не кончилось, какъ уже заговорили встревоженный патриотизмъ, обманутое честолюбіе, зависть, черныя предчувствія. Нужды нѣтъ! великій актъ совершился, и исторія французской націи сосчитала однимъ хорошимъ днемъ больше.

Парижане не хотѣли такъ скоро разстаться со своими братьями изъ провинцій; они удерживали ихъ, сколько могли, празднествами. Передъ ними, вмѣстѣ съ ними, они носили съ триумфомъ, увѣнчанный гражданской короной и препоясанный шарфомъ изъ дубовыхъ листьевъ, бюстъ безсмертнаго Жанъ-Жака ⁴⁾). Три ночи подрядъ мѣсто, гдѣ находилась Бастилія, служило бальной залой. Иллюминація изображала правильный планъ крѣпости. Пересаженные туда восемьдесятъ три дерева носили почти на каждой изъ вѣтвей лампы разныхъ цвѣтовъ, образовавшія обширный сводъ свѣта. На томъ мѣстѣ, гдѣ были найдены скелеты узниковъ, былъ входъ въ пещеру, въ которой находились скованные мужчина и женщина, опи-рающіеся на глобусъ: это были фигуры, такъ долго украшавшія циферблатъ башенныхъ часовъ Бастиліи ⁵⁾). На порогѣ бывшихъ темницъ, превращенныхъ въ рощицы, виднѣлась надпись высокой простоты: *Здѣсь талочуютъ* ⁶⁾).

¹⁾ *Mémoires de Ferrières*, t. II, liv. VII.

²⁾ *Journal et souvenirs de Stanislas Girardin*, t. I, p. 95—96. 1829.

³⁾ *L'Ami du Peuple*, № CLXII.

⁴⁾ *Règne de Louis XVI*, t. IV, § X.

⁵⁾ *Ibidem*, t. IV, § 10.

⁶⁾ *Le Dîner des patriotes et la Famille patriote*, игранная въ театрѣ Пале-Рояля и др.

Между пьесами, внушенными текущими событиями, были двѣ комедіи, которыя небезинтересно припомнить, по причинѣ имени ихъ авторовъ: одна была написана Колло д'Эрбуа, другая Ронсеномъ ¹⁾).

Замѣтили на Марсовомъ полѣ триста англичанъ, носившихъ на груди ленту съ надписью: *Ubi libertas, ibi patria* ²⁾ (гдѣ свобода, тамъ и отечество. Это значило вѣрно понять духъ федерации. Въ самомъ дѣлѣ, ее праздновали не въ одномъ только Парижѣ. Въ Лондонѣ по этому случаю давались патриотическіе банкеты, между прочимъ банкетъ, на которомъ присутствовали Шериданъ, докторъ Прайсъ, а предсѣдательствовалъ лордъ Стенгопъ; тамъ пили за величіе народа, за разрушеніе Бастиліи, за революцію, за Францію ³⁾).

О, властители націй, отнимите у нихъ свободу, если онѣ будутъ имѣть глупость отдать вамъ ее; но остерегайтесь ослабить или истощить ихъ энтузіазмъ; да, пощадите по крайней мѣрѣ энтузіазмъ, этотъ божественный огонь, сохранять который у народа важнѣе, чѣмъ было сохраненіе того огня, который античныя дѣвы поддерживали на алтарѣ Весты!

Таковъ былъ этотъ праздникъ федерации, прообразъ новаго міра, истинное пророчество въ дѣйствиіи, быть можетъ самое поразительное и самое высокое видѣніе будущаго, какое когда-либо имѣлъ великій народъ. Безъ сомнѣнія, она не была сдержана, эта присяга, связанная съ надеждами,—увы!—слишкомъ скоро обманутыми; но Франція, тѣмъ не менѣе, написала туго, и написала такъ, чтобы невозможно было потомъ ее разорвать, первую страницу книги, предназначенной быть впоследствии продолжаемой. Народъ легкомысленный, говорятъ о французскомъ народѣ поверхностные умы, видя его поочередно великимъ и павшимъ, сегодня исполненнымъ энтузіазма, завтра поверженнымъ въ уныніе, то увлекающимся до своеволія, то какъ бы заснувшимъ у ногъ властелина. Хулители Франціи не догадываются, что въ этомъ случаѣ легкомысленны только они сами и что къ неосновательности ихъ оцѣнки примѣшивается преступленіе неблагонадежности. Если Франція предана на муки вѣчныхъ колебаній; если ея жизнь состоитъ изъ поперебн-

¹⁾ *Journal des Révolutions de l'Europe*, t. XII, p. 26.

²⁾ *Ibidem*, p. 20. *Annual Register*, t. XXXIII, chap. VII.

³⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 35.

ныхъ успѣховъ и неудачъ; если ей дано удивлять міръ столькими различными и неожиданными видами, то это потому, что въ ней инициатива духовнаго прогресса, потому что ея почва есть поле всякихъ экспериментовъ мысли; это потому, что она ищетъ, потому что она изслѣдуетъ; потому, что она рискуетъ; потому, что она страдаетъ и воюетъ за счетъ всего человѣческаго рода. Когда цѣной смертельнаго утомленія она сдѣлала какое-нибудь драгоцѣнное открытіе; когда она, съ разбитой грудью, одерживаетъ какую-нибудь великую побѣду; когда, плавая въ собственной крови и изнуренная, она приляжетъ на минуту на краю дороги, чтобы отдохнуть и снова набраться силъ, другія націи насмѣшливо показываютъ на нее пальцемъ и спокойно идутъ впередъ,—онѣ, которыя пользуются результатомъ, не употребивъ никакихъ усилій для достиженія его, и приписывая собственной мудрости то, чѣмъ онѣ обязаны преданности народа-предтечи и мученика. «Дай Богъ,—говорилъ намъ однажды самый глубокій мыслитель современной Англiи, Джонъ Стюартъ Милль,—дай Богъ, чтобы Франція никогда не сошла съ міровой сцены! Міръ опять погрузился бы во мракъ». Англійскій философъ говорилъ правду. Есть свѣтильникъ, при свѣтѣ котораго всѣ народы идутъ, хотя и неровными шагами, въ сторону справедливости, и такъ какъ его приходится нести черезъ бури, то нечего удивляться, если иногда, подъ дуновеніемъ свирѣпаго аквилона, онъ мерцаетъ и, кажется, готовъ погаснуть. И свѣтильникъ этотъ держитъ Франція!

КНИГА ПЯТАЯ

ГЛАВА I.

Неумолимая контръ-революція.

Почему революція, въ началѣ снисходительная стала неумолимой.—Побѣгъ Боннъ-Савардена.—Контръ-революція на границахъ.—Секретные переговоры Леопольда съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ.—Состояніе Брабанта.—Тревожные крики Фрерона.—Ловкій манифестъ Леопольда.—Партія *фонкистовъ*.—Генераль Ван-дермершъ, покинутый своими солдатами.—Тревога якобинцевъ въ Парижѣ.—Пресса, угрожаемая преслѣдованіемъ; заключеніе Фрерона въ тюрьму; К. Демунъ вынужденъ отказаться отъ своихъ словъ.—Памфлетъ: *Мы пропали!*—Странная полемика между Камилломъ и Маратомъ.—Малуэ доноситъ на того и на другого.—Безплодная война суда Шатле противъ герцога Орлеанскаго и Мирабо.—Герцогъ Орлеанскій въ подозрѣніи у Марата.—Дуэль Барнава и Казалеса; принципъ поединка осужденъ революціонной печатью; строгое сужденіе Лустало.—Аббатъ Вармонъ предъ судомъ Национальнаго Собранія.—Странныя сцены насилія.—Герцогъ Орлеанскій и Фрондвиль.—Заключеніе.

Читатели, если хотите быть справедливыми, сопоставьте только что рассказанное съ тѣмъ, что сейчасъ будетъ рассказано. Когда, дальше, вы увидите ненависть, ожесточившійся гнѣвъ достигшими высшей степени, тюрьмы наполненными, эшафотъ воздвигнутымъ, не забудьте, что революція была въ началѣ безпримѣрно великодушной и безгранично кроткой; что она оставила своимъ врагамъ, изъ уваженія къ свободѣ, всю власть проклинать ее и сформироваться противъ нея; что она лишь съ большой осторожностью и пощадой уничтожила нѣкоторыя привилегіи, однако очень ненавистныя; что если она коснулась скандальной роскоши нѣсколькихъ прелатовъ, то сдѣлала это въ пользу массы бѣдныхъ сельскихъ священниковъ, умиравшихъ съ голоду; что если она отняла у дворянъ титулы, гордость

которыхъ умаляла челоуѣческое достоинство, за то оставила имъ первыя мѣста въ политикѣ, въ администраціи, въ національной милиціи, въ арміи; что она была въ началѣ скупа на пролитіе крови, скупа до степени, неслыханной съ тѣхъ поръ, какъ начались большія потрясенія въ этомъ мірѣ; что она не переставала протягивать руку своимъ противникамъ, прося ихъ объ одной только милости быть справедливыми; что однажды, наконецъ, въ вѣчно памятный день, она призвала всѣхъ сыновъ Франціи соединиться, помириться, обняться, полюбить другъ друга, вокругъ алтаря Отечества!

Кто же виноватъ, если революція наконецъ вошла въ ярость? Того хотѣла контръ-революція: вотъ отвѣтъ.

Удивительно, прискорбно, но слишкомъ достовѣрно, что люди, вообще, проявляютъ въ защитѣ своихъ узурпацій гораздо больше энергіи, чѣмъ сколько прилагаютъ усердія въ требованіи или отстаиваніи своихъ правъ. Несправедливость долго продолжающаяся, приобрѣтаетъ мало-по-малу, по этому самому, характеръ справедливости и замѣняетъ ее. Подобно тому, какъ достоинство палача измѣряется количествомъ отрубленныхъ имъ головъ, обманчивая законность тираніи увеличивается съ увеличеніемъ числа поколѣній, которыя она угнетала; такъ что, когда пришелъ моментъ исправленія, беззаконіе, для того, чтобы удержаться, находитъ избытокъ страсти и силъ, которыхъ не находитъ право для того, чтобы выебодиться. Безспорно, невозможно было показать больше довѣрія и забвенія, чѣмъ сколько показалъ народъ 14-го іюля; и что же! контръ-революція, несмотря на это, не была на другой день ни менѣе раздраженной, ни менѣе неумолимой; казалось даже, что столь трогательный призывъ къ согласію только удвоилъ бѣшенство тѣхъ, кто считали себя ограбленными въ тотъ день, когда нація не захотѣла больше быть ихъ добычей.

Вечеромъ 13-го іюля, т. е. въ то время, когда федерація, казалось, занимала всѣ мысли, два субъекта, одѣтые въ мундиръ національной гвардіи, явились въ тюрьму Аббатства и предъявили тюремщику бумагу, содержавшую приказъ, подписанный Ударомъ, Ажье и Перрономъ, членами комитета розысковъ. Этой бумагой, на которой была приложена печать города Парижа, предписывалось тюремщику выдать подателямъ одного изъ заключенныхъ, Боннъ-Савардена. Тюремщикъ поинновался, и только на третій день замѣтили, что приказъ под-

ложный, что подписи членовъ комитета поддѣльныя, что два незнакомца были агенты заговора.

Чтобы оцѣнить эффектъ, который должна была произвести подобная новость, надо припомнить, что такое былъ этотъ Боннъ-Саварденъ, и не терять изъ виду, что въ то время происки извѣстї начинали серьезно занимать общественное мнѣніе: Въ самомъ дѣлѣ, каждое утро Фреронъ, безъ сомнѣнія, болѣе встревоженный въ этомъ отношеніи, чѣмъ другіе журналисты, билъ въ набатъ въ своемъ *Orateur du peuple*, и его напыщенные декламации, болѣе язвительныя, чѣмъ вѣрныя, обезпокоивали умы, которые, впрочемъ, имѣли достаточное основаніе безпокоиться какъ покажетъ бѣглый очеркъ того, что происходило тогда за предѣлами Франціи.

Мы оставили ¹⁾ новаго императора германскаго, Леопольда, завязавшимъ съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, королемъ прусскимъ, переговоры, цѣль которыхъ была возстановить миръ между государями, такъ чтобы соединить ихъ всѣхъ въ общемъ усилии противъ французской революціи. Переговоры приближались къ концу около времени федераціи 14-го іюля; эти секретные переговоры, о которыхъ ничего не зналъ Герцбергъ, прусскій министръ, велъ подъ рукою, въ согласіи съ барономъ Шпильманомъ, иллюминатъ роялистъ Бишофсвердеръ ²⁾. У Леопольда была господствующая идея; онъ сгоралъ нетерпѣніемъ вернуть бельгійскія провинціи, потерянные его братомъ и предшественникомъ Іосифомъ II; но для того, чтобы можно было дѣйствительно обратить свои виды въ эту сторону, ему нужно было, во-первыхъ, сблизиться съ Пруссіей, во-вторыхъ, отдѣлаться отъ стѣснявшей его обузы—войны съ Турціей. Онъ спѣшилъ, поэтому, къ установленію окончательнаго соглашенія, выгода котораго казалась ему тѣмъ менѣе сомнительной, что, терзаемый внутренними раздорами, Брабантъ быстро клонился къ возврату въ прежнее состояніе рабства. Пока требовалось только прогнать австрійцевъ, народъ, дворянство и духовенство дѣйствовали въ полномъ единодушіи; но тотчасъ же послѣ побѣды возникли недоразумѣнія. Образовавшійся въ Брюсселѣ многочисленный союзъ гражданъ, одушевляемый духомъ французскихъ якобинцевъ, опубликовалъ, подъ именемъ *Adresse patrio-*

¹⁾ См. первую главу этого тома.

²⁾ *Mémoires tirés des papiers d'un homme d'Etat*, t. I, p. 83.

тическаго собранія, энергической протестъ противъ штатовъ (сейма) Брабанта. Въ этомъ протестѣ говорилось: «Штаты Брабанта состоятъ изъ трехъ сословій, духовенства, дворянства, третьяго сословія, и судя по этому, можно бы было думать, что они представляютъ всю бельгійскую націю. На самомъ же дѣлѣ ничего подобнаго: ибо право засѣдать и вотировать въ этомъ собраніи принадлежитъ только настоятелямъ мужскихъ монастырей, тридцати семи депутатамъ отъ дворянъ, и нѣсколькимъ депутатамъ, избираемымъ корпораціями главныхъ городовъ. Что можетъ быть болѣе аристократическаго и болѣе смѣшнаго, чѣмъ составъ подобнаго собранія?»¹⁾ Нападки не ограничивались этимъ, онѣ были направлены также на поведеніе новаго правительства, на его политику, на свойство вліяній, которымъ оно подчинялось. Духовенство, чтобы защититься, пустило въ ходъ приходскихъ священниковъ, возлагая надежду на нравственную власть, которую они имѣли надъ крестьяниномъ въ странѣ, до крайности суевѣрной. Дворянство, съ своей стороны, пыталось вернуть себѣ популярность, предложивъ прибавить, для каждаго большого города, по два члена къ представительству третьяго сословія²⁾. Но такъ какъ требованія и выраженія недовѣрія возрастали съ каждымъ днемъ, то тиранія вдругъ снимаетъ маску, патрули пущены по всѣмъ улицамъ Брюсселя; тюрьмы наполняются арестуемыми по подозрѣнію, и демократическая партія, видя, что только перемѣнила господъ, ожидаетъ только благоприятнаго момента, чтобы поднять народъ.

Въ этихъ-то обстоятельствахъ генералъ Вандермершъ рѣшительно сталъ во главѣ патріотовъ. Своей храбростью, своими военными талантами и своими успѣхами онъ привлекъ себѣ симпатіи не только своей страны, но и всей Европы³⁾, и вотъ теперь онъ собирался бросить на вѣсы тяжесть арміи: бельгійскій конгрессъ рѣшилъ погубить его. Въ концѣ марта мѣсяца собраніе послало эмиссаровъ съ секретными инструкціями въ Намюръ, гдѣ находилась, подъ начальствомъ, Вандермерша, часть войскъ, дѣйствовавшихъ противъ австрійцевъ. Гералу не трудно было отгадать цѣль ихъ миссіи и, рѣшивъ нанести смѣлый ударъ, который бы спасъ его жизнь и свободу,

¹⁾ *The Annual Register*, t. XXXIII, chap. III, p. 47—48.

²⁾ *Ibidem*, p. 51.

³⁾ *Ibidem*.

народа, онъ сдѣлалъ то, что сдѣлали позднѣе, въ подобныхъ же обстоятельствахъ, но подъ вліяніемъ совѣтъ другихъ мыслей, Лафайетъ и Дюмурье: онъ приказалъ арестовать эмиссаровъ. Немного времени спустя, именно 30-го мая, появилась прокламація генерала, въ которой онъ, не называя прямо конгресса, оправдывалъ свое поведеніе тѣмъ что, лица, которыхъ онъ велѣлъ арестовать, были соумышленники прескрипціонной власти; что они пришли смущать солдатъ, отдавать ихъ отъ ихъ начальниковъ, возбуждать ихъ къ бунту и сѣять раздоръ. Онъ открыто объявлялъ, что, въ видахъ защиты гражданскихъ и религіозныхъ правъ народа, онъ принимаетъ на себя командованіе арміей. Въ свою очередь, офицеры единогласно рѣшили, что отнынѣ Вандермершъ одинъ будетъ признаваемъ главнокомандующимъ бельгійской арміей; что герцогъ д'Юрсель будетъ призванъ на постъ военнаго министра; что помощникомъ главнокомандующаго будетъ назначенъ князь Арембергъ, графъ Ламаркъ, и что всѣ провинціи должны быть приглашены къ содѣйствію арміи въ возстановленіи порядка и къ искорѣненію злоупотребленій¹⁾.

Положеніе, занятое Вандермершемъ, нѣсколько напоминало смѣлый шагъ католическаго героя Тридцатилѣтней войны, знаменитаго Валленштейна: почти такъ же фатальны были и послѣдствія. Такъ какъ конгрессъ успѣшно двинулъ къ Намюру войска, бывшія въ Брюсселѣ, то случилось, что по какому-то внезапному повороту, который остался тайной для исторіи²⁾, тѣ же самые офицеры, любовь которыхъ такъ высоко подняла Виндермерша, покинули его, и немногимъ болѣе счастливый, чѣмъ Валленштейнъ, погибшій отъ руки продажнаго убійцы, онъ былъ брошенъ въ казематъ антверпенской цитадели, гдѣ его ожидало жалкое существованіе.

Если это событіе повергло въ уныніе демократическую партію въ Брюсселѣ, то въ Парижѣ оно возбудило между якобинцами сильный гнѣвъ. Фреронъ писалъ въ свойственномъ ему декламаторскомъ стилѣ: «Вы ходите по пылающимъ вулканамъ; вы знаете, Леопольдъ и король прусскій помирились! Они сначала дѣлали видъ, будто вооружаются другъ противъ друга, чтобы лучше обмануть васъ, чтобы лучше замаскировать свои комбинированныя движенія противъ васъ. Будьте увѣрены, этотъ ударъ

¹⁾ *The Annual Register*, t. XXXIII, chap. III, p. 52.

²⁾ *Ibid.*, p. 53.

подстроены австрійской политикой тюльерійскаго комитета, гдѣ находятся истинные фигляры этихъ коронованныхъ маріонетокъ... Скоро вы увидите ихъ набрасывающимися на Брабантъ, чтобы еще разъ скрыть отъ васъ истинную цѣль, къ которой они стремятся, ибо тираны никогда не идутъ прямой дорогой... Терроръ у воротъ Брюсселя и гнусный штандартъ деспотизма развѣвается на стѣнахъ Намюра. Между ними возбуждали и поддерживали внутренніе раздоры для того, чтобы ослабить и перебить ихъ ¹⁾.

Форма была грубая, но суть вѣрная. Раздоры, возбуждаемые и поддерживаемые въ Бельгіи, неудавшаяся попытка Вандермерша, гнусныя преслѣдованія, которымъ подвергался герцогъ д'Юрсель, деспотизмъ конгресса, вдохновляемаго и управляемаго двумя его членами, равно непопулярными, Ванъ-Эйпеномъ и Вандернотомъ, все это нечувствительно привело многіе умы, если не къ сожалѣнію объ австрійскомъ господствѣ, то, по крайней мѣрѣ, къ тому, что возвратъ его не особенно пугалъ ихъ. Въ своемъ манифестѣ къ народу Нидерландовъ, опубликованномъ тотчасъ по прибытіи въ Вѣну, Леопольдъ порицалъ деспотическія мѣры Іосифа II, обѣщая бельгійскимъ провинціямъ, если онѣ вернутся подъ его власть, прежнее правительство; внутренніе раздоры, о которыхъ только что было сказано, натурально, увеличили эффектъ этого обѣщанія, которому были тѣмъ болѣе склонны повѣрить со стороны Леопольда, что, будучи эрцгерцогомъ, онъ долгое время управлялъ Тосканой, и управление его отличалось кротостью и справедливостью. Иностранная партія въ Бельгіи начала поэтому снова поднимать голову; тамъ и сямъ опять появились австрійскія кокарды ²⁾, и скоро Леопольдъ въ правѣ былъ питать надежду, что, усмиренная въ Брюсселѣ, революція можетъ быть достигнута въ самомъ Парижѣ.

«Увѣряютъ, говорить *Orateur du peuple*, почти наканунѣ 14 іюля, что г. Эстергази перевелъ въ Барбантъ большую часть солдатъ полка Диллона переодѣтыми въ крестьянъ, и что сторонники Леопольда, называемые *фонкистами*, съ согласіи съ австрійскимъ комитетомъ въ Тюльери, стараются произвести контрреволюцію въ Бельгіи. Достоверно то, что нѣкій маркизь Клермонъ-Тоннеръ предложилъ графу де-Гьенъ перейти, съ тремя

¹⁾ *L'Orateur du Peuple*, t. I, № 22.

²⁾ *The Annual Register*, vol. XXXIII, chap. III, p. 57.

стами офицеровъ, на службу къ брабантцамъ, приверженцамъ Леопольда, и сформировать отрядъ изъ французскихъ дезертировъ: графъ де-Тьень отказался ¹⁾.

Таково было положеніе вещей въ Бельгіи, т. е. у самыхъ воротъ Франціи, когда узнали въ Парижѣ о побѣгѣ того Боннъ-Савардена, который былъ арестованъ какъ агентъ эмигрантовъ-заговорщиковъ. Эта новость разбудила уснувшую было подозрительность, предписаны были строгіе розыски, и примѣты Савардена были разосланы во всѣ муниципалитеты, во всѣ бригады.

Нѣсколько дней не слышно было ничего о результатѣ поисковъ; но 27 іюля лакей аббата де Бармонъ, члена Національнаго Собранія, разговоривая съ Ришаромъ, солдатомъ-волонтеромъ второй дивизіи, рассказалъ ему, что какая-то таинственная личность уже около недѣли скрывается недалеко отъ водостока Тампля; что его тщательно прячутъ даже отъ прислуги; что онъ не обѣдаетъ за столомъ, а купанье ему носятъ въ его комнату ²⁾. Ришаръ поспѣшилъ донести о слышанномъ имъ Лафайету, который тотчасъ же приказалъ Мишелю Жульену, своему адъютанту, отправиться къ Бармону. Адъютантъ, оказалось, опоздалъ: аббатъ только что уѣхалъ, сказали ему, въ обществѣ двухъ неизвѣстныхъ, изъ которыхъ одинъ выкрасилъ себѣ волоса и посылалъ за какимъ-то красноватымъ декоктомъ, чтобы замаскировать блѣдность своего лица. Не теряя ни минуты, Жульенъ пускается въ погоню за тремя путешественниками, догоняетъ ихъ на дорогѣ, опережаетъ ихъ, пріѣзжаетъ въ Шалонъ, запрещаетъ почтмейстеру давать имъ лошадей и требуетъ отъ муниципалитета солдатъ. Аббатъ Бармонъ былъ арестованъ, такъ же какъ и два его спутника, изъ которыхъ одинъ былъ федератъ Едгсъ, а другой Боннъ-Саварденъ ³⁾.

Боннъ, на допросѣ о томъ, что съ нимъ приключилось по выходѣ изъ тюрьмы, привелъ неправдоподобный и романическій рассказъ. Онъ увѣрялъ, что совершенно не зналъ своихъ освободителей; что, принявъ его отъ тюремщика, они отвели его на какую-то набережную, гдѣ и оставили одного, среди ночи, не

¹⁾ *L'Orateur du peuple*, t. I, № XL.

²⁾ *Procès complet de MM. Perrotin, dit de Barmond, Foucault et Bonne-Savardin*, p. 59. Paris, chez Lejay-fils.

³⁾ См. протоколъ, извлеченный изъ записей канцеляріи городского управленія въ Шалонѣ-на-Марнѣ. *Ibidem.*, p. 61—62.

открывъ ему ии своихъ именъ, ни цѣли своего поступка. Затѣмъ онъ, будто бы, пошелъ по улицѣ Сенъ-Луи, сѣлъ въ фіакръ, блуждалъ по всему Парижу, съ багажомъ на спинѣ, то ночуя въ какомъ нибудь сараѣ, то проводя ночь совсѣмъ безъ сна, и, наконецъ, рѣшилъ идти просить убѣжища у аббата Бармона, котораго онъ до того никогда не видалъ, утверждалъ онъ, но о которомъ онъ слыхалъ, какъ о человѣкѣ съ чувствительной душой¹⁾.

Не забыли, что въ этомъ странномъ дѣлѣ былъ замѣшанъ министръ Сенъ-При: при дворѣ боялись, какъ бы Боннъ, испуганный или соблазненный, не сдѣлалъ признаній, способныхъ скомпрометировать инья высокопоставленныя особы; слабость, выказанная имъ на его первыхъ допросахъ, не оставляла никакой надежды—это собственныя слова Ферьера—«что онъ пожертвуетъ собой, какъ пожертвовалъ собой Фавра, за тѣхъ, кои побудили его дѣйствовать»²⁾. Дворъ и Сенъ-При не видѣли иного средства отвратить опасность, какъ противопоставить процессу процессъ и, оглашая слѣдственное производство суда Шатле объ октябрьскихъ покушеніяхъ, сдерживать революціонеровъ «взаимностью страха»³⁾. Но сначала попробовали сдѣлать, что можно, противъ прессы.

Уже Фреронъ былъ заключенъ въ тюрьму⁴⁾, и Камилль Демулень, обрушившійся на Крильона за его отступничество отъ народнаго дѣла, долженъ былъ отказаться отъ своихъ словъ, чтобы избѣгнуть чудовищнаго штрафа⁵⁾. Но эти удары, нанесенные журнализму, только раздражили его, не запугавъ, и война продолжалась, все болѣе ожесточаясь; Камилль сдѣлался отъ того еще болѣе язвительнымъ, Марать еще болѣе дикимъ, а Фреронъ изъ глубины своей темницы продолжалъ кричать народу, чтобы онъ былъ на-сторожѣ; что со всѣхъ сторонъ его окружаетъ измѣна; что необходимость поддерживать, цѣной французской крови, *Фамильный договоръ*, дѣло королей, явится при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ, произведенномъ на морѣ англичанами; что во главѣ французскаго флота, вѣроломно толкаемаго

¹⁾ *Procès complet de MM. Perrotin, etc.*, p. 57.

²⁾ *Mémoires de Ferrières*, t. II, liv. VII.

³⁾ *Ibidem*.

⁴⁾ *L'Orateur du peuple*, t. I, № 22.

⁵⁾ За подробностями отсылаемъ къ книгѣ *Camille Desmoulins et Roch Mercandier*, par. Ed. Fleury, t. I, p. 155—158, 2 édition.

къ участию въ этой ссорѣ, поставили Альбера де-Ріомъ, аристократа: что это назначеніе есть оскорбленіе, нанесенное революціи, и опасность для Франціи; что въ Брюсселѣ сторонники Вандернота удвоили свое нахальство; что домъ Рюэля, французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, подвергся грубому нападенію, самъ онъ заключенъ въ монастырь, служащій ему тюрьмой; что Леопольдъ привелъ въ движеніе свою армію; что въ Маастрихтѣ громоздятъ запасають провіантъ въ ожиданіи пруссаковъ, и что изъ Роттердама недавно послали брабантскимъ заговорщикамъ двадцать тысячъ ружей англійской фабрикаціи¹⁾.

Подъ вліяніемъ этихъ слуховъ, принимаемыхъ со всею довѣрчивостью, и которые, впрочемъ, скоро получили блестящее подтвержденіе, умы воспламенились. Удивлялись, негодовали, увидя послѣ сладкихъ часовъ 14 іюля, контръ-революцію неумолимой, и образъ войны, встающій изъ-за величественныхъ праздниковъ мира; повторяли жалобы и бѣды, старыя и новыя, извѣстныя и предвидимыя: союзъ, очень близкій, быть можетъ, уже заключенный, Австріи съ Пруссіей, съ единственной цѣлью раздавить революціонную Францію; сосредоточеніе сардинскихъ войскъ у входа въ Дофине; столько заговоровъ, покровительствуемыхъ, внутри страны, преступной снисходительностью суда Шатле; Безанваль выпущенъ на свободу; нобѣгъ Боннъ-Савардена; примиреніе Бретѣйля съ Калонномъ; поѣздка послѣдняго въ Амстердамъ, и его секретныя совѣщанія съ королемъ голландскимъ; типографія замка Копетъ, сдѣлавшаяся очагомъ мятежей, а вдоль всей границы интриги эмиграціи. Что касается Марата, то онъ торжествовалъ. Его называли мечтателемъ, когда, видя проходившую 14 іюля подъ его окнами толпу, впавшую въ опьяненіе довѣрія, онъ пожималъ плечами и горько улыбался! Что же, спрашивалъ онъ, думаютъ о немъ теперь? Не правъ ли онъ былъ, не давъ себя ослѣпить блескомъ лампіоновъ и помпой зрѣлища, сказочную прелесть котораго Парижъ такъ страстно вкушалъ? Сколько дней прошло между сновидѣніемъ и пробужденіемъ?

Среди общаго броженія, словно зажженный фитиль, брошенный на дорожку пороха, появилась брошюра, озаглавленная «Мы пропали!»—памфлетъ, идѣ къ ряду несомнѣнныхъ фактовъ

¹⁾ *L'Orateur du peuple*, t. I, № XLVI.

были присоединены страшныя заключенія и гдѣ кровь, казалось, сочилась изъ каждой фразы:

«Граждане всякаго возраста и всякаго званія! Мѣры, принятые Національнымъ Собраніемъ, не могутъ помѣшать вамъ погибнуть.

«Вы пропали навсегда, если не возьметесь за оружіе, если опять не найдете въ себѣ той героической храбрости, которая два раза, 14-го іюля и 5-го октября, спасла Францію.

«Летите въ Сень-Клу, если есть еще время. Приведите опять короля и дофина въ ваши стѣны.

«Держите ихъ подъ хорошимъ присмотромъ, и пусть они отвѣчаютъ вамъ за событія.

«Заприте австріячку и ея деверя, дабы они не могли больше устраивать заговоромъ.

«Захватите всѣхъ министровъ и ихъ помощниковъ.

«Закуйте ихъ въ оковы.

«Обезпечьте себя со стороны муниципалитета и замѣстителей мэра.

«Зорко слѣдите за главнокомандующимъ. Арестуйте штабъ.

«Овладейте артиллерійскимъ паркомъ въ улицѣ Вергъ.

«Овладейте всѣми пороховыми заводами и погребами.

«Позаботьтесь, чтобы пушки были распредѣлены между всѣми округами.

«Вѣгите! бѣгите!... Пять-шесть сотенъ срубленныхъ головъ обезпечили бы вамъ спокойствіе, свободу и счастье: ложная гуманность удержала ваши руки и остановила ваши удары; она будетъ стоить жизни милліонамъ вашихъ братьевъ. Пусть ваши враги восторжествуютъ, и кровь польется потоками; они перерѣжутъ васъ безъ жалости и пощады; они будутъ распарывать животы у вашихъ женщинъ, и, чтобы навсегда погасить между вами любовь къ свободѣ, ихъ окровавленные руки будутъ искать сердце во внутренностяхъ вашихъ дѣтей»¹⁾.

Внизу никакой подписи, — да и къ чему она? Кто не угадал бы автора?

Впечатлѣніе, произведенное брошюрой, было таково, что даже Камилль, *фонарный генераль - прокуроръ*, какъ онъ называлъ себя, и тотъ содрогнулся. Только подобно человѣку, который

¹⁾ Эта брошюра приведена *in extenso* въ *Histoire parlementaire de Buchez et Roux*, t. VI, p. 441.

проходя темной ночью глухимъ ущельемъ, громко смѣется и поетъ для приданія себѣ храбрости, онъ принялся журить Марата притворно-шутливымъ тономъ. Онъ рассказывалъ, что поѣтилъ его, и

«Господинъ Маратъ, говорю я ему, качая головой, любезнѣйшій Маратъ, вамъ придется плохо, и вы принуждены будете еще разъ поставить море между судомъ Шатле и вами. Пятьсотъ или шестьсотъ срубленныхъ головъ! Сознаться, что это немножко слишкомъ много. Вы драматургъ журналистовъ. *Данаиды Бармисиды* ничто въ сравненіи съ вашими трагедіями. Вы убиваете всѣхъ персонажей пьесы, вплоть до суфлера. Вы, значить, не знаете, что преувеличенное трагическое становится смѣшнымъ? Вы скажете мнѣ, что пятьсотъ или шестьсотъ срубленныхъ головъ ничто, когда вопросъ идетъ о спасеніи двадцати пяти миллионновъ людей, и что Дюрозуа, въ своей «Парижской Газетѣ», каждый день кричитъ бывшимъ дворянамъ: *Соединитесь, возьмите шлемы, латы, заржавленные мечи вашихъ предковъ; перерѣжьте всю націю!* что на васъ можно смотрѣть самое большое только какъ на Дюрозуа патріотовъ, и что «Парижская Газета» еще болѣе кровожадна, чѣмъ «Другъ народа». Согласенъ, и тѣмъ не менѣе не одобряю васъ. Г. Маратъ, не хотите ли вы бороться съ тѣмъ, кого вы называете Суллой, на манеръ Марія?... По крайней мѣрѣ вамъ слѣдовало бы перечислить именно этихъ пятьсотъ или шестьсотъ бездѣльниковъ, чтобы не распространять ужаса во всѣхъ семействахъ. Что касается меня, то вы знаете, я уже давно уволилъ себя отъ должности фонарнаго генераль-прокурора. Полагаю, что эта важная должность, какъ диктатура, не должна продолжаться болѣе одного дня, а иногда даже болѣе одного часа».—Г. Маратъ позволилъ мнѣ разглагольствовать, затѣмъ опровергъ мою рѣчь однимъ словомъ: «Не признаю себя авторомъ сочиненія «Мы пропали!» Тогда, не желая уступать ему въ лаконизмъ, я кончилъ свой выговоръ словами: «И хорошо сдѣлаете»¹⁾).

Маратъ отвѣтилъ тономъ пренебрежительнаго превосходства: «Несмотря на весь вашъ умъ, любезный Камилль, вы еще новичокъ въ политикѣ». Онъ упрекалъ молодого писателя въ измѣнчивости его сужденій, въ томъ, что онъ часто порицаетъ сегодня то, что одобрялъ вчера, въ томъ, что воскуриваетъ ей-

¹⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 87.

міамъ немного наобумъ, и особенно въ томъ, что хотѣлъ остановить въ его шествіи одного друга, который, какъ бѣшенный, бился за общее дѣло. Онъ предупреждалъ Камилла, что ихъ свиданіе было чистой мистификаціей; что когда оно происходило, онъ, Маратъ, находился за два льё оттуда; что одинъ шутникъ, спрятавшись за занавѣсками его кровати, представлялъ его, Марата; что если бы комната была лучше освѣщена, иллюзія бы очень скоро разсѣялась. Наконецъ, беря подъ свою защиту порицаемый памфлетъ, безъ признанія, однако, себя его авторомъ, онъ объявилъ, вѣроятно, иронически, что нашелъ въ немъ только одинъ недостатокъ—тогъ, что онъ могъ бы быть написанъ съ еще большей горячностью и энергіей¹⁾.

Памфлетъ этотъ появился 26-го іюля, а 27-го узнали, что изъ департамента Арденнъ депутатъ Дюбуа-де-Крансе получилъ письмо, извѣщающее о посланномъ недавно генераломъ Булье приказѣ комендантамъ Шарлевиля, Мезьера, Рокруа, Живè, устроить переправы на рѣкѣ Маасъ для австрійской арміи, идущей къ Брабанту. Посланіе прибавляло, что вторженіе иностраннаго войска сильно раздражило мужественное населеніе, и что весь Арденскій департаментъ вооружился²⁾. Національное Собраніе, обезпокоенное, тотчасъ же отправило къ министрамъ, за объясненіями, шесть комиссаровъ, въ томъ числѣ Дюбуа-Крансе и Фретò.

По смыслу декрета 18-го февраля, проходъ иностранныхъ войскъ могъ имѣть мѣсто не иначе, какъ съ формальнаго разрѣшенія представителей націи, и министръ иностранныхъ дѣлъ Монморенъ, обойдясь безъ этого разрѣшенія, навлекалъ на себя тяжкую отвѣтственность. Онъ защищался плохо, ссылаясь на то, что недостаточно понялъ текстъ декрета, что былъ отвлеченъ праздниками федераціи и не успѣлъ довести объ этомъ событіи до свѣдѣнія Собранія³⁾, и т. д.... Вздорныя отговорки, которыя, воспроизведенныя въ докладѣ Фретò, подали поводъ герцогу д'Эгильону, требовать, чтобы поведеніе министровъ было признано заслуживающимъ порицанія; и это предложеніе, которое, впрочемъ, не было принято Собраніемъ, произвело за стѣнами его угрожающее броженіе. Оживленныя группы обра-

¹⁾ *L'Ami du peuple*, № СХСIII.

²⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 36.

³⁾ *Ibidem*.

зуются въ Пале-Роялѣ, въ Тюльери; хотятъ немедленнаго увольненія министровъ, особенно раздражены противъ Сенъ-При и Неккера; скоро за рѣчами слѣдуютъ дѣйствія, и толпа съ гнѣвными криками бѣжитъ къ зданію генеральнаго контроля.

Въ эту бурю, Мирабо, по выраженію Камилла, ясно видѣлъ, что надо *дать веревку народу, вмѣсто того, чтобы рисковать порвать ее, долож держа натянутой*¹⁾. Чтобы увѣрить толпу, что Собраніе раздѣляетъ ея негодованіе, онъ указалъ на мятежный манифестъ, который уже нѣсколько дней раздавался подъ именемъ принца Конде, и внесъ предложение потребовать отъ принца, чтобы онъ отрекся отъ этого манифеста, или, въ противномъ случаѣ, объявить его измѣнникомъ отечеству. Но бдительный Робеспьеръ угадалъ хитрость и разстроилъ замыселъ. Этимъ все и кончилось: Собраніе побоялось высказаться, и пушки, охранявшія генеральный контроль, спасли на этотъ разъ министровъ²⁾.

Въ засѣданіи 31-го іюля Малуэ, съ трибуны, сдѣлалъ доносъ на К. Демулена и Марата: на послѣдняго за памфлетъ «Мы пропали!»!, а на Камилла за статью, гдѣ онъ сравнивалъ федеральный нраздникъ съ триумфомъ консула Павла Эмилія,— триумфомъ, въ которомъ видѣли одного царя (Персея македонскаго), тащившагося съ униженнымъ видомъ за колесницей триумфатора. Взволнованнымъ голосомъ, съ театральными жестами, Малуэ прочелъ приведенныя выше кровавыя строки и безъ труда добился отъ Собранія вотированія слѣдующаго декрета:

«Національное Собраніе, по выслушаніи доноса, сдѣланнаго однимъ изъ его членовъ, о листкѣ, озаглавленномъ «Мы пропали!» и о послѣднемъ номерѣ «Революцій Франціи и Брабанта», декретировало и декретируетъ, чтобы въ настоящемъ же засѣданіи былъ призванъ королевскій прокуроръ при судѣ Шатле и чтобы ему данъ былъ приказъ преслѣдовать, какъ виновныхъ въ оскорбленіи націи, авторовъ, типографщиковъ и разносчиковъ означенныхъ сочиненій, возбуждающихъ народъ къ возстанію противъ законовъ, къ пролитію крови и къ ниспроверженію конституціи»³⁾.

¹⁾ *Révolutions de France et de Brabant*, № 36.

²⁾ См. *L'Ami du peuple*, № CLXXVII, и *Révolutions de France et de Brabant*, № 36.

³⁾ *Moniteur*, засѣданіе 31 іюля 1790 г.

При этой новости, Маратъ, внѣ себя отъ бѣшенства, удвоилъ свои удары. Онъ назвалъ декретъ позорнымъ, предалъ его на посмѣяніе предмѣстьямъ, объявилъ, что долженъ былъ *продолжать свое дѣло, принимая мѣры предосторожности противъ тирановъ*, и, рассказавъ, какъ доносъ Малуэ былъ обдуманъ, подготовленъ, рѣшенъ наканунѣ въ городской ратушѣ, у королевскаго прокурора, въ министерскомъ клубѣ, онъ прибавилъ съ страннымъ цинизмомъ: «Эти подробности сообщила мнѣ метресса Сильвена Бальи, добрая патріотка, которая благосклонна ко мнѣ»¹⁾.

Что касается Камилла Демулена, гораздо менѣе вспыльчиваго, то онъ обратился Національному Собранію съ просьбой, написанной въ умѣренномъ тонѣ, не исключавшемъ достоинства, и въ которой онъ ходатайствовалъ не приносить его въ жертву личной злобѣ челоуѣка, на котораго онъ такъ часто нападалъ, начать по крайней мѣрѣ съ ознакомленія съ его статьей, составляющей предметъ доноса, и не провозглашать его, безъ предварительнаго изслѣдованія, виновнымъ въ преступленіи оскорбленія націи²⁾.

Вотъ какъ рассказываетъ о засѣданіи, въ которомъ читалась эта просьба, редакторъ *Orateur du peuple*, сидѣвшій въ трибунахъ рядомъ съ Камилломъ.

«Пусть Камиллъ Демуленъ осмѣлится оправдываться», вскричалъ Малуэ, торжествуя. *Да, осмѣливаюсь*, отвѣтилъ съ трибуны К. Демуленъ: ибо это былъ онъ самъ. Тутъ поднялся невообразимый шумъ. «Арестовать его!» говорилъ Мори; «Четвертовать его!» бормоталъ Мирабо-Вочка (Тонно); «Повѣсить его!» былъ общій крикъ всѣхъ черныхъ, которые уже посматривали на потолокъ, не вздернули ли его на крюкъ подлѣ государственной хоругви. Тѣмъ временемъ онъ улизнулъ, чтобы перейти въ другую трибуну. Его другъ Робеспьеръ, еще болѣшій другъ праведливости и разума, не покинулъ его въ эту критическую минуту. «Господа, сказалъ онъ, если это посторонній, требую, чтобы онъ былъ наказанъ; но если это Камиллъ Демуленъ, прошу Собраніе принять во вниманіе, что тутъ былъ крикъ оскорбленной невинности, и что, видя себя столь тяжело оскор-

¹⁾ *L'Ami du peuple*, № CLXXX.

²⁾ Вечернее засѣданіе 2 августа.

бленнымъ въ Національномъ Собраніи, обвиняемый могъ требовать, чтобы ему позволено было оправдаться»¹⁾). Это мудрое замѣчаніе заставило перейти къ порядку дня. Мы сидѣли рядомъ, онъ денонсированный, я декретированный, и мы съ нетерпѣніемъ ожидали исхода преній. Поправки перекрещивались; нѣкоторые крючкотворцы изъ черныхъ требовали предварительнаго вопроса по всему дѣлу. Предложеніе Петіона всплыло наверхъ въ этомъ океанѣ словъ. Тѣмъ временемъ приходитъ неустрашимый Камюсъ. Его лысая голова—за отсутствіемъ парика никто не узналъ его—придаетъ ему пророческій видъ. Онъ предлагаетъ поправку, которая наноситъ послѣдній, смертельный ударъ депутату Малуэ, и слѣдующій декретъ принять весьма значительнымъ большинствомъ голосовъ: «Національное Собрание декретируетъ, что не можетъ быть возбуждаемо какое бы то ни было преслѣдованіе за сочиненія, опубликованныя по сей день объ общественныхъ дѣлахъ, кромѣ какъ противъ брошюры подъ заглавіемъ: *«Мы пропали!»* И, однако, Собрание, въ справедливомъ негодованіи по поводу слишкомъ большой вольности, проявляемой писателями за послѣднее время, поручаетъ своимъ комитетамъ—конституціонному и уголовно-судебному—выработать сообща и представить ему въ недѣльный срокъ проектъ правилъ о порядкѣ исполненія декрета 31 прошлаго іюля». Вотъ Камилль Демуленъ, извергнутый на берегъ аристократическимъ китомъ! Парижане! Это ваша свобода торжествуетъ въ его дѣлѣ»²⁾).

Засѣданіе было открыто представленіемъ *плана уголовного законодательства*, сочиненнаго Маратомъ,—маневръ, направленный къ тому, чтобы подумали, что Маратъ, угрожаемый Собраніемъ, преклоняется предъ нимъ; негодующій, онъ объяснилъ въ своемъ журналѣ, что уже дней десять или двѣнадцать далъ этотъ планъ одной знакомой дамѣ для передачи его президенту:

¹⁾ Слова Робеспьера иначе переданы въ *Histoire parlementaire*, t. VI, p. 460; и эта вторая версія гораздо правдоподобнѣе той, которую даетъ «Ораторъ народа»: «Можете ли вы смѣшивать неосторожность и необдуманность съ преступленіемъ? Онъ услышалъ, что его обвиняютъ въ преступномъ оскорбленіи націи. Трудно чувствительному человѣку смолчать. Нельзя предположить, что онъ имѣлъ намѣреніе оказать неуваженіе къ законодательному корпусу. Гуманность вмѣстѣ съ справедливостью говорятъ въ его пользу. Требуя его освобожденія, и предлагаю переходъ къ очереднымъ дѣламъ».

²⁾ *L'Orateur du peuple*, № LXI.

«Сожалѣю что онъ былъ представленъ при подобныхъ обстоятельствахъ; я не умѣю дѣлать пошлости»¹⁾).

Весь этотъ походъ противъ прессы раздражалъ буйные умы, а разсудительнымъ умамъ внушалъ серьезныя опасенія. Бриссо, хотя тиранія *трехсотъ* нашла въ немъ слишкомъ ревностнаго защитника, выказалъ себя энергическимъ поборникомъ свободы прессы; онъ поставилъ такую аксіому: *Съ свободой печати всякая конституція улучшается; безъ нея наилучшая конституція разрушается*²⁾. Лустало обвинялъ Лафайета въ томъ, что онъ вошелъ въ этотъ, по его выраженію, настоящій заговоръ противъ свободы мысли, давъ приказъ разносчикамъ газетъ выкрикивать только акты, исходящіе отъ Національнаго Собранія, и это въ тотъ самый день, когда Малуэ выступилъ со своимъ доносомъ³⁾).

Какъ мы сказали, по заслуживающему довѣрія свидѣтельству Ферьера, министръ Сенъ-При, замѣшанный въ дѣлѣ Боннъ-Савардена, рассчитывалъ на потворство суда Шатле⁴⁾. Этотъ трибуналъ былъ въ послушаніи у двора, онъ ждалъ только приказа, и приказъ былъ ему данъ⁵⁾. 7-го августа Буше д'Аржи, котораго народъ обыкновенно называлъ кровавымъ именемъ *Буше де-Фавра*⁶⁾, явился въ Національное Собраніе, чтобы внести слѣдственное производство суда Шатле о событіяхъ 5 и 6 октября. Послѣ произнесеннаго театрално вступленія: «Они сейчасъ раскроются, эти секреты, полные ужаса», онъ возвѣстилъ съ выраженіемъ притворнаго сожалѣнія, что въ числѣ обвиняемыхъ находятся два члена Собранія. Мирабо тотчасъ же всталъ, глубоко раздраженный, подъ наружнымъ спокойствіемъ, ибо это его имя и имя герцога Орлеанскаго пронеслось по скамьямъ, и потребовалъ, чтобы, согласно принципу парламентской неприкосновенности, Собраніе не допускало судебныхъ преслѣдованій со стороны Шатле, если таковыя послѣдуютъ, иначе, какъ послѣ предварительнаго изслѣдованія произведеннаго его собственнымъ комитетомъ розысковъ, дабы и судьи могли быть судимы, въ свою очередь. Тогда, какъ люди, которые дрожатъ отъ злобы,

1) *L'Ami du peuple*, № CLXXXII.

2) *Le Patriote français*, № 361.

3) *Révolutions de Paris*, № 56.

4) *Mémoires de Ferrières*, t. II, liv. VII.

5) *Ibidem*.

6) *L'Orateur du peuple*, t. II, № II.

видя, что у нихъ вырываютъ ихъ добычу, Мори и Казалесъ разразились протестами. Какъ! Это, значить, патентъ на безнаказанность—этотъ священный титулъ представителя народа! Значить, отнынѣ достаточно носить его, чтобы имѣть чудовищную привилегію чваниться преступленіями, которыя другіе граждане искупаютъ наказаніемъ? А что сказала бы Франція, узнавъ, что наброшенъ покровъ на столько покушеній: убѣжище королей осквернено, ихъ защитники перебиты, самыя ступени трона покрыты кровью, и шайка гнусныхъ убійць, бѣгущая, съ пиками въ рукѣ, рычатъ вокругъ алькова дочери Маріи-Терезіи¹⁾?

Все это, къ несчастію, не помѣшало существовать декрету, въ силу котораго никакое преслѣдованіе не можетъ быть возбуждено противъ народнаго представителя безъ мотивированнаго разрѣшенія его товарищей, и члены правой тѣмъ менѣе имѣли право обходить этотъ декретъ, что недавно онъ послужилъ къ защитѣ одного изъ ихъ партіи, Лотрека, неправильно арестованнаго тулузскимъ муниципалитетомъ на основаніи оговора двухъ солдатъ, увѣрившихъ, будто Лотрекъ подстрекалъ ихъ къ бунту и для поощренія давалъ имъ деньги. Фактъ этотъ былъ указанъ Пегіономъ и безспорно установленъ депутатомъ Ле Шапелле; такъ что въ результатѣ дебатовъ, гдѣ говорила только ненависть, Собраніе приняло заключенія Мирабо, причемъ приказало слѣдственному комитету города Парижа препроводить обратно въ Шатле всѣ документы, относящіеся къ октябрьскимъ событіямъ²⁾.

Но Коммуна не желала быть влекомой, въ компаніи съ Шатле, къ позорному столбу общественнаго мнѣнія. Поэтому она выступила противъ этого суда, утверждая, что никогда не имѣла намѣренія заявлять другіе факты, кромѣ тѣхъ, которыми было опечалено утро 6 октября, и открыто объявляя достойными похвалы нѣкоторые акты, которые Шатле нашелъ достойными осужденія.

Этотъ послѣдній ударъ доканалъ судъ Шатле. Со всѣхъ сторонъ неслись ему проклятія; снова припомнили Ламбека, оставшагося ненаказаннымъ; Барантена и Безанваля, оправданныхъ по суду; Кюре, сосланнаго на галеры за неуважительныя рѣчи противъ королевы; Андре, повѣшеннаго за раздачу

¹⁾ *L'Orateur du peuple*, т. II, № II.

²⁾ *Ibidem*.

прокламацій, которыхъ онъ, по неграмотности, не могъ прочитать¹⁾; наконецъ, изъ презрѣнія, народъ прозвалъ этотъ трибуналъ, продавшійся двору, главной прачешной королевы²⁾.

Эти неудавшіяся попытки погубить герцога Орлеанскаго только увеличили его популярность, до того, что это возбудило подозрѣнія у Марата. Онъ не отказывалъ принцу ни въ *любезности*, ни въ *умѣ*; но какъ повѣрить въ цивизмъ человѣка, воспитаннаго среди ослѣпляющихъ обмановъ человѣческаго величія? «Нѣтъ, восклицалъ Маратъ, никогда не повѣрю, чтобы человѣкъ, рожденный принцемъ, могъ сдѣлаться патриотомъ»³⁾.

Тутъ произошло одно событіе, показавшее, какъ много злобы и гнѣва носили въ глубинѣ сердца всѣ, кто служилъ дѣлу контрреволюціи. Источивъ всѣ другія средства, они съ нѣкотораго времени приняли рѣшеніе справляться со своими противниками посредствомъ поединковъ. На улицахъ, на площадяхъ, въ садахъ, на самомъ порогѣ святилища законовъ, представители лѣвой были преслѣдуемы оскорбленіями, отъ которыхъ они только самой трудной изъ патриотическихъ добродѣтелей могли бы отвратить уши и мщеніе⁴⁾. Одинъ изъ нихъ, позванный въ Булонскій лѣсъ, ограничился отвѣтомъ: «Я имѣю палку для нахаловъ и пистолеты для убійць»⁴⁾. При подобномъ же вызовѣ, Мирабо объявилъ свой отказъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Напишу моимъ избирателямъ, чтобы узнать, какъ они послали меня играть моею жизнью—на пистолетахъ или на шпагахъ; если они отвѣтятъ утвердительно, тогда я попрошу ихъ дать мнѣ Сень-Жоржа или какого нибудь другого чемпиона той же силы, чтобы быть моимъ замѣстителемъ»⁶⁾. Но тѣмъ не менѣе провокаціи продолжались, становясь день ото дня назойливѣе и нестерпимѣе. 10 августа, послѣ бурнаго засѣданія, Барнавъ, проходи мимо Казалеса, услышалъ, что тотъ сказалъ, говоря о членахъ большинства: «Это разбойники, это бездѣльники». Барнавъ оборачивается: «Говорите ли вы, милостивый государь,

1) См. всѣ революціонные журналы того времени: *L'Orateur du peuple, Révolutions de Paris, Révolutions de France et de Brabant, L'Ami du peuple, etc.*

2) *Mémoires de Ferrières*, t. II, liv. VII.

3) *L'Ami du peuple*, № CLXXXVII.

4) Это собственныя выраженія Барнава, цитированныя въ *Règne de Louis XVI*, t. VI, § XXIII.

5) *Ibidem.*

6) *Ibidem.*

коллективно, или это оскорбленіе относится ко мнѣ лично?»—«И то, и другое, милостивый государь». Вмѣшались друзья, и можно было думать, что дѣло улажено; не тутъ-то было: въ тотъ же вечеръ былъ посланъ вызовъ на дуэль, и на слѣдующій день два народныхъ представителя отправились въ Булонскій лѣсъ, имѣя секундантами Александра Ламета и Сень-Симона. Жребій предоставилъ Барнаву выгоду перваго удара: онъ выстрѣлилъ, но промахнулся; его противникъ тоже далъ промахъ; но при второмъ ударѣ Барнава попалъ въ лобъ своему врагу, который упалъ, вскрикнувъ: «Я убитъ!»¹⁾

Ничуть не бывало: пуля, ослабленная шляпой, повредила лобную кость, не углубившись въ нее, и Казалесь, перенесенный къ себѣ весь въ крови, скоро поправился. Но, между тѣмъ, между его близкими была большая тревога, а друзья Барнава чувствовали себя избавившимися отъ мучительнаго безпокойства.

Замѣчательно, что послѣдствіемъ этого случая было энергическое и единогласное осужденіе всѣми революціонными журналами принципа дуэли. Краснорѣчивое «анаэема», которой Жанъ-Жакъ Руссо предалъ поединки, жила еще въ воспоминаніяхъ, да и какъ можно было забыть ее?

Кто, въ самомъ дѣлѣ, въ святилищѣ своей совѣсти, не спрашивалъ себя, не есть ли мужество дуэли очень часто напускное мужество, условный героизмъ? Кто не задавалъ себѣ этихъ страшныхъ вопросовъ: имѣю ли я право принести въ жертву увлеченію, которое завтра, быть можетъ, мой разумокъ будетъ проклинать, жизнь моего ближняго и счастье семьи, которая не наносила мнѣ никакого оскорбленія? Неужели я не могу купить иначе, какъ цѣной глубокаго горя матери, супруги или любимой женщины, какъ цѣной слезъ отца или сына, мой патентъ на званіе честнаго человѣка? Обязанности, налагаемыя на меня обществомъ, услуги, которыхъ оно ожидаетъ отъ меня, любовь тѣхъ, чье существованіе связано съ моимъ, не должны ли говорить моему сердцу болѣе повелительно, чѣмъ интересы мщенія, которое дѣлаетъ меня эгоистомъ, или внушенія тщеславія, которое сдѣлало бы меня презрѣннымъ? Развѣ справедливость такъ ничтожна въ моихъ глазахъ, что нужно отдать ее на волю перваго встрѣчнаго? Если я не правъ, по какому праву удовлетвореніе за нанесенное мною оскорбленіе я замѣню убійствомъ?

¹⁾ *Règne de Louis XVI*, t. VI, § 23.

Если я правъ, по какому праву я подвергну правоту быть обѣжденной и наказанной? Если я паду, я налагаю угрызение совѣсти на самого себя. Мнѣ не позволительно такимъ образомъ ни жить, ни умереть.

Съ другой стороны, если надо сознаться, что, съ точки зрѣнія возмездія, *репрессии*, дуэль не можетъ быть защищаема, то не приноситъ ли она пользы въ смыслѣ *предупрежденія*? Кто скажетъ, сколькимъ трусливымъ наглицамъ она закрыла ротъ, сколькихъ клеветъ она изсушила источникъ? Дуэль не всегда наказываетъ провокацію, напротивъ, случается, что она увѣнчиваетъ ее успѣхомъ: въ этомъ зло; но не останавливаетъ ли она ее иногда? Можно ли сказать съ увѣренностью, что, уничтожая безусловно дуэль, мы не освятимъ диктатуру оскорбленія и, во многихъ случаяхъ, тиранію безнаказанности? Есть частныя преступленія, самое свойство которыхъ необходимо укрываетъ ихъ отъ дѣйствія общественнаго правосудія: чловѣкъ, гнусно задѣтый въ своей чести, въ чести своей семьи, въ чести своего друга, рѣшится ли разглашеніемъ сдѣлать скандалъ изъ полученнаго оскорбленія? Привлечетъ ли онъ обидчика къ суду за тотъ родъ клеветы, который иногда выражается однимъ взглядомъ или однимъ жестомъ. Наконецъ, не позволительно ли думать, становясь на болѣе высокую точку зрѣнія, что условность, пріучающая каждаго цѣнить менѣе свою жизнь, нежели свое достоинство, должна имѣть общимъ слѣдствіемъ поднятіе уровня народа?

Несомнѣно то, что дуэль, которой суждено окончательно исчезнуть въ очень совершенномъ состояніи цивилизаціи, нуждается, даже въ наши дни, въ юриспруденціи, которая морализировала бы ея правила, уравнила бы ея шансы, осватила бы ея необходимость. Пока въ дѣлахъ этого рода общественный интересъ будетъ оставаться безъ органа, пока рѣшеніе будетъ зависѣть единственно, исключительно отъ личныхъ капризовъ или страстей, пока побѣда будетъ напередъ обезпечена болѣе сильному или болѣе ловкому, до тѣхъ поръ передъ нами будетъ проблема, требующая разрѣшенія, и проблема капитальной важности, такъ какъ она касается того, что есть самаго священнаго въ свѣтѣ,—уваженія къ человѣческой жизни.

Скажемъ также, что есть обстоятельства и положенія, которыя лишаютъ чловѣка свободнаго, произвольнаго распоряженія самимъ собой. Съ публичной жизнью связаны обязанности,

гораздо болѣе повелительныя и обширныя, чѣмъ обязанности, изъ которыхъ состоитъ частная жизнь, и челоуѣкъ, поставленный такъ, что онъ долженъ служить съ пользою народу, правдѣ, справедливости, обязанъ отчетомъ этимъ великимъ интересамъ въ употребленіи своего мужества.

Какъ бы то ни было, эти различныя соображенія не были дебатиремы по поводу дуэли Барнава. Дуэль была осуждена прямо и безусловно, безъ всякихъ оговорокъ. Особенно Лустало проявилъ въ этомъ отношеніи строгость непреклоннаго убѣжденія. Онъ, честный и дояльный, не поколебался заклеить поведеніе своего друга Барнава, какъ недостойное добраго гражданина. Онъ назвалъ бреттерствомъ *честь тѣхъ, которые таковой не имѣютъ*. Поставивъ вопросъ: что произошло бы, если бы Барнавъ былъ убитъ? онъ отвѣтилъ, что въ этомъ случаѣ патриоты не могли бы сдержатъ свое бѣщенство; что предмѣстья заволновались бы; что представители противной партіи подверглись бы жестокимъ нападеніямъ; что кровь полилась бы; что смятеніе достигло бы крайней степени. «Какое мѣсто, воскликнулъ онъ, можетъ занимать въ общественномъ мнѣніи челоуѣкъ, скомпрометировавшій революцію, конституцію, отечество, все, наконецъ, ради того только, чтобы не прослыть трусомъ?». Обращаясь затѣмъ къ людямъ новаго міра, онъ спрашивалъ у нихъ, что стало бы со свободой совѣсти, если бы каждый спустился до того, чтобы быть подсудимымъ первому встрѣчному, держащему шнагу; со свободой печати, если бы какое-нибудь невѣрное или худо понятое выраженіе стоило смерти; съ личной свободой, если бы *lettres de cachet* были замѣнены вызовами на судъ бреттера; со свободой трибуны, если бы на канунѣ какихъ-нибудь рѣшительныхъ дебатовъ избавлялись отъ стѣснительныхъ ораторовъ, убивая ихъ? ¹⁾.

Все-таки, вечеромъ того же дня, когда происходила дуэль, пришлось увлечь Барнава въ якобинскій клубъ, куда онъ самъ не осмѣливался больше показываться ²⁾. Хотя встрѣченный, при появленіи въ клубѣ, радостными восклицаніями и рукоплесканіями, онъ былъ такъ сильно разстроенъ, что едва могъ произнести нѣсколько словъ, якобинцы рѣшили, чтобы онъ самъ, послѣ публичнаго признанія въ своей винѣ, какъ они называли

¹⁾ *Révolutions de Paris*, № 57.

²⁾ *Règne de Louis XVI*, t. VI, § XXIII.

его поступокъ, возбудилъ вопросъ объ изданіи закона о дуэляхъ¹⁾.

Аббатъ Перротенъ де Бармонъ, предполагаемый пособникъ Боннъ-Савардена въ его побѣгѣ, былъ позванъ 18-го августа предстать предъ Собраніемъ, котораго онъ былъ членомъ, и дать отчетъ въ своемъ поведеніи. Приведенный къ барьеру и стерегомый четырьмя приставами палаты, онъ пробовалъ оправдаться, воскрешая воспоминаніе о тѣхъ античныхъ временахъ, когда даже въ отношеніи врага отечества гостепріимство было первой изъ добродѣтелей. «16-го іюля, продолжалъ онъ, въ шесть часовъ утра, ко мнѣ явился какой-то субъектъ, совершенно мнѣ незнакомый. Онъ назвалъ себя кавалеромъ Боннъ-Саварденъ. Я спросилъ, какое отношеніе я могъ имѣть съ нимъ?—Отношеніе, отвѣтилъ онъ, которое должно существовать между человѣкомъ несчастнымъ и человѣкомъ чувствительнымъ. Я невиненъ, вы справедливы. Ваша репутація—вотъ мотивы моего довѣрія.—Чѣмъ могу служить?—Я пришелъ просить васъ на колѣняхъ...—Мое волненіе достигло крайней степени. Боясь скомпрометировать себя, я протянулъ ему руки, не смѣя взглянуть на него.—Въ такомъ случаѣ, сказалъ онъ мнѣ, значитъ, я ошибся!—Нѣтъ, сударь, вы не будете выданы.—Онъ желалъ быть отвезеннымъ за городскую заставу: я назначилъ ему свиданіе въ половинѣ шестого на новыхъ бульварахъ, куда я обѣщалъ заѣхать за нимъ въ моемъ экипажѣ. Мы выѣхали изъ Парижа. Когда мы были среди полей, его безпокойство, увеличиваясь съ каждымъ шагомъ, дошло до того, что онъ сталъ сожалѣть о своей тюрьмѣ. Приближалась ночь. Онъ бросился мнѣ на шею, и сказалъ:—Я предпочелъ бы вернуться въ Парижъ, чѣмъ остаться здѣсь одному. Мы вернулись въ Парижъ, и я позволилъ ему провести ночь у меня... Дни шли за днями... Двадцать разъ я собирался объявить, что г. Боннъ находится у меня, чтобы спасти тѣхъ, кого обвиняли... Известно остальное, какъ онъ уѣхалъ со своимъ гостемъ, и какъ они были арестованы въ Шалонъ-на-Марнѣ²⁾.

Аббатъ Бармонъ говорилъ трогательно, и Собраніе не безъ волненія слушало такія слова, какъ: «мой домъ—храмъ несчастія. Это моя религія: а есть ли религія, которая не имѣла бы

¹⁾ *Règne de Louis XVI, t. VI, § XXIII.*

²⁾ См. обо всемъ, что касается этихъ дебатовъ, *Procès complet de M. Perrotin de Barmond, Foucault et Bonne-Savardin, 1790, Paris.*

своего фанатизма? По предложенію Барнава, было поручено комитету розысковъ составить докладъ, чтеніе котораго было назначено на 23 августа. Въ этотъ день, дѣйствительно, Вуадель представилъ докладъ о фактахъ, но безъ всякаго новаго документа, могущаго пролить свѣтъ на это таинственное дѣло. Только въ докладѣ обвинялся и Фуко въ томъ, что онъ также давалъ убѣжище заговорщику. Но Фуко не только не защищался, а даже похвалялся. Вопросъ, говорилъ онъ, былъ деликатный: какъ оттолкнуть несчастнаго, который ввѣрился вамъ и протягиваетъ къ вамъ руки? И, съ другой стороны, какая опасность для общества, если бы право убѣжища служило покровомъ всѣмъ заговорамъ! Пунктъ, гдѣ великодушіе было бы уже только лицемеріемъ сообщничества, рельефно выставилъ Робеспьеръ, съ замѣчательной смѣсью обдуманной мягкости и твердости. Мираль, высказавшись въ томъ же смыслѣ, сдѣлалъ гордый поворотъ къ своему собственному положенію. «И я также обвиняемый, или, лучше сказать, очень хотѣли бы, чтобы я былъ преданъ суду. Слѣдовательно, мнѣ позволительно быть строгимъ и взывать, для моихъ коллегъ, какъ и для меня, къ непреклонной строгости принциповъ... Заклинаю комитетъ докладовъ поспѣшить съ своей работой и огласить эти страшныя процедуры суда Шатле, обнаруженный секретъ которыхъ воздвигнетъ барьеръ, который положить конецъ такой наглости». Эти слова, гдѣ запальчивость облагороживалась презрѣніемъ, были встрѣчены продолжительными рукоплесканіями¹⁾. Фуко былъ объявленъ непричастнымъ къ дѣлу. Что же касается аббата Бармонъ, то, несмотря на софизмы, которые нагромоздилъ аббатъ Мори, чтобы защитить его, несмотря на лестный отзывъ, данный о немъ Дюпоромъ, его бывшимъ коллегой въ парламентѣ, онъ былъ признанъ подлежащимъ сужденію и подвергнутъ аресту у себя на дому, гдѣ и оставался въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ подъ надзоромъ цѣлаго отряда изъ тридцати человекъ, при чемъ три офицера всегда спали въ его комнатѣ²⁾.

Дебаты, о которыхъ только что рассказали, подали поводъ къ скандальной сценѣ, которая заслуживаетъ мѣста между столькими насильственными актами контръ-революціонеровъ. Между членами правой, покровительствовавшими аббату Бармону сво-

¹⁾ Buchez et Roux, *Histoire parlementaire*, t. VII, p. 117.

²⁾ *Règne de Louis XVI*, t. VI, § XXIII.

ими симпатіями и своимъ словомъ, никто не проявилъ такой горячности, какъ Ламберъ де Фрондвиль, бывший членъ нормандскаго парламента. Въ пылу рѣчи онъ проговорился, оборотившись лицомъ къ герцогу Орлеанскому: «Г. аббатъ де Бармонъ сдѣлалъ доброе дѣло, отнимая гражданина у тираніи. Когда уже десять мѣсяцевъ убійцы нашихъ принцевъ свободно разѣзжаютъ по нашимъ провинціямъ, когда они, быть можетъ, засѣдаютъ между нами»¹⁾... При этихъ словахъ поднимается невообразимый шумъ, крики удивленія, крики негодованія, и волненіе удваивается, когда Фольвиль дерзко прибавилъ: «Вношу предложеніе, чтобы Собраніе выразило благодарность г. де Фрондвилю за то, что онъ вставилъ въ своей фразѣ это выраженіе: *быть можетъ*»²⁾. Позванный сначала къ барьеру, затѣмъ получившій позволеніе объясниться съ трибуны, Фрондвиль сослался на гипотетическую форму, данную имъ оскорбленію, и Собраніе, вмѣсто наказанія, объявило ему выговоръ (*censure*). Но два дня спустя Гупиль де Префельнъ заявилъ Собранію, что въ галереяхъ, въ вестибюлѣ залы засѣданій продается брошюра этого самаго Фрондвила, съ эпиграфомъ:

Dat veniam corvis, vexat censura columbas.

(Даетъ позволеніе воронамъ, мучить цензурой голубей).

Въ главѣ предисловія было напечатано: «Тѣмъ, кто возьметъ на себя трудъ просмотрѣть мою рѣчь, трудно было бы догадаться, для чего я предалъ тисненію, если бы я не поспѣшилъ объяснить имъ, что она *удостоилась* осужденія Національнаго Собранія». Это значило переполнить мѣру оскорбленій. Барнавъ объявилъ, что въ отношеніи человѣка, который гордится выговоромъ Собранія, тюрьма будетъ самымъ легкимъ наказаніемъ, что...³⁾. Тогда, прерывая оратора, Фосиньи бросается на середину зала и въ припадкѣ бѣшенства кричитъ: «Это походитъ на открытую войну большинства противъ меньшинства. Одно средство покончить съ этимъ, это—напасть на этихъ нахаловъ со шпагой въ рукѣ»⁴⁾. Многие члены правой дѣлаютъ движеніе,

¹⁾ Buchez et Roux, *Histoire parlementaire*, t. VII, p. 95.

²⁾ *Règne de Louis XVI*, § XXIII.—Все это дѣло рассказано тутъ съ характеристическими подробностями, которыхъ не находимъ ни въ очень блѣдномъ и неполномъ рассказѣ Бюше и Ру, ни въ очень пристрастномъ рассказѣ Бертрана де Молевиля.

³⁾ Bertrand de Moleville, *Annales de la Révolution française*, t. III, chap. XXVIII.

⁴⁾ *Ibidem* и *Règne de Louis XVI*, t. VI, § 23.

выражающеее угрозу; вся лѣвая сторона поднялась, дрожащая отъ гнѣва. «Господинъ президентъ, вскричалъ Барнавъ, прикажите арестовать его!» Фрондвиль, встревоженный, появляется на трибунѣ. Въ умоляющей позѣ, со слезами на глазахъ, онъ говоритъ: «Да, милостивые государи, я виноватъ, очень виноватъ; но заклинаю васъ—пусть кара постигнетъ меня одного. Обвиняю себя предъ публикой, предъ Собраніемъ, я, несчастный, бывшій причиной подобной сцены. Желаю быть наказаннымъ, готовъ отправиться въ тюрьму; но на произнесенныя сейчасъ неосторожныя слова, ради Бога, смотрите только какъ на слѣдствіе пылкаго воображенія. Еще разъ умоляю васъ, пусть кара упадетъ на одного меня»¹⁾).

Эта смиренная рѣчь обезоружила чувство гнѣва. Предложенное тюремное заключеніе было замѣнено менѣе строгимъ наказаніемъ: Фрондвиль присудили къ домашнему аресту на восемь дней, и приговоръ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе. Такъ какъ Фосиньи, съ своей стороны, призналъ свою вину, то его помиловали въ виду его раскаянія²⁾.

Но такая снисходительность послужила только къ поощренію нахальства враговъ революціи; они нашли средство обратить униженіе Фрондвилья въ триумфъ. По свидѣтельству одного роялистскаго писателя, домъ осужденнаго, во все продолженіе наложенной на него кары, былъ полонъ слѣшившими выразить ему сочувствіе посѣтителями и сдѣлался мѣстомъ свиданія «хорошаго общества»³⁾.

Тотъ же писатель, страстный врагъ Филиппа, рассказываетъ, что, побуждаемый своей метрессой отмстить за свою поруганную честь, герцогъ Орлеанскій послалъ Фрондвилью, черезъ князя Аремберга, вызовъ на дуэль, отъ которой онъ потомъ изъ трусости отказался⁴⁾. Но этотъ фактъ, мало правдоподобный самъ по себѣ, авторъ выдвигаетъ безъ всякихъ доказательствъ, безъ указанія источниковъ; а кто не знаетъ, какъ легко ненависть принимаетъ то, что ей позволяетъ презрѣніе? ибо презрѣніе—это ненависть въ покоѣ.

¹⁾ *Règne de Louis XVI*, t. VI, § XXIII.

²⁾ *Ibidem*.

³⁾ Bertrand de Moleville, *Annales de la Révolution française*, t. III, chap. XVIII.

⁴⁾ *Ibidem*.

Теперь повторимъ вкратцѣ событія, картина которыхъ только что начертана:

Съ 14 іюля, этого праздника Согласія, едва прошелъ одинъ мѣсяць, и уже неукротимая контръ-революція все наполнила своими неистовствами:

Она нашла средство вырвать изъ тюрьмы агента козней, идущихъ изъ заграницы;

Она заняла позицію вдоль нашихъ границъ и приготовлялась раздавить свободную Францію;

Она явно питала надежду идти прямо въ Парижъ, проходя по тѣламъ брабантцевъ;

Она вооружилась противъ прессы, безуспѣшно, но съ употребленіемъ насилія;

Она спустила съ цѣли судъ Шатле, и, вызывая призраки октябрьскихъ событій, расшевелила страсти, изъ которыхъ рождаются междоусобныя войны;

Она разжигала у своихъ сторонниковъ систематическій ражъ дуэлей и дикій гнѣвъ;

Она чуть было не сдѣлала изъ залы засѣданій Національнаго Собранія поле сраженія!

Ахъ! если потомъ случится революція раздражиться, разгнѣваться, пусть глубоко пожалѣютъ объ этомъ, но пусть припомнятъ, что было принято рѣшеніе вывести ее изъ себя, вонзая ей тысячи острыхъ шиновъ въ бокъ.

Историческіе документы.

Этотъ томъ содержитъ изложеніе двухъ великихъ вопросовъ, изъ которыхъ одинъ относится къ финансамъ, а другой—къ организаціи судебной части. Разрѣшеніе этихъ столь важныхъ и столь трудныхъ вопросовъ было одной изъ славныхъ заслугъ революціи, и это обстоятельство налагаетъ на насъ обязанность представить читателю нѣкоторые изъ относящихся сюда официальныхъ документовъ. Для всякаго, кто захотѣлъ бы глубже проникнуть въ исторію революціи, ничего не можетъ быть болѣе любопытнаго для ознакомленія, ни болѣе интереснаго для изученія.

Меморія перваго министра финансовъ, читанная въ Національномъ Собраніи 6 марта 1790 г.

Мм. Гг. Не безъ затрудненія вижу себя въ необходимости побесѣдовать съ вами о положеніи финансовъ, а между тѣмъ, просвѣщенные вашими собственными вычисленіями, вы ожидаете этого, и я не долженъ откладывать исполненіе обязанности, налагаемой на меня моею должностію и довѣріемъ короля.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года я увѣдомилъ васъ, мм. гг., что чрезвычайнаго пособія въ 80 милліоновъ, вѣроятно, будетъ достаточно для покрытія нуждъ текущаго года: но при этомъ я замѣтилъ, что эти потребности могутъ возрасти по слѣдующимъ причинамъ: «Если начиная съ 1 января будущаго (тогда 1790 года), равновѣсіе между доходами и расходами не возстановится вполне; если замѣна уменьшившагося дохода по соляной пошлинѣ не будетъ пополнена, начиная съ того же 1 января; если въ уплатѣ пошлинъ и налоговъ по годовой смѣтѣ не произойдетъ замедленія; если антиципаціи на 1790 годъ, хотя сильно сокращенныя, невозможно будетъ вполне возобновить».

Таковы соображенія, извлеченныя дословно изъ доклада, который я имѣлъ честь сдѣлать вамъ 14 ноября минуваго года.

Это уменьшеніе дохода, къ несчастію, произошло въ дѣйствительности, и считаю долгомъ довести до вашего свѣдѣнія:

1) Что недоборъ, происшедшій вслѣдствіе только что указанныхъ мною обстоятельствъ, составитъ, за время съ 1 января по конецъ февраля, 41 милліонъ;

2) Что чрезвычайные расходы, большая часть которыхъ относится къ продовольственному дѣлу, составятъ, за тотъ же промежутокъ времени, 17 милліоновъ.

Итого по двумъ статьямъ 58 милліоновъ.

Государственная казна получила отъ учетной кассы 39 милліоновъ въ счетъ тѣхъ 80 мил., которые эта касса обязалась доставить въ видѣ пособія на этотъ годъ. Такимъ образомъ невозможно было бы исполнить недоборъ двухъ первыхъ мѣсяцевъ года, если бы казна уплатила все, что была должна; но мы продолжали пользоваться отсрочками, какія могла позволить разумная снисходительность кредиторовъ государства и другихъ заимодавцевъ.

При помощи всѣхъ этихъ средствъ мы сберегли ему 28 милл. изъ пособія, обѣщаннаго учетной кассой, и въ казнѣ еще оставалось 28 февраля около 20 мил. Такимъ образомъ всѣ тревожные слухи, распространяемые въ послѣднія двѣ недѣли, были результатомъ недоразумѣнія или злонамѣренности.

Тревоги, касающіяся остальной части года, весьма естественны и основательны: каждый знаетъ теперь причины нынѣшняго затруднительнаго положенія финансовъ; ни одна изъ нихъ не относится къ ихъ внутреннему управленію; такимъ образомъ все дѣло на виду.

Я надѣялся, 14 ноября, что, вслѣдствіе благоприятныхъ для кредита и финансовъ распоряженій, которыми вы, казалось, готовы были заняться, нужды казны уменьшатся, ея ресурсы увеличатся и, слѣдовательно, задача финансоваго управленія сдѣлается менѣ трудной.

Обстоятельства остались однако тѣ же, и многія изъ нихъ даже ухудшились. Они улучшатся, безъ сомнѣнія, благодаря вашимъ заботамъ и вашимъ будущимъ рѣшеніямъ; но время идетъ, и надо искать средства выйти сноснымъ образомъ изъ затрудненій текущаго года, затрудненій очень большихъ, какъ вы скоро въ этомъ убѣдитесь.

Истощеніе средствъ казны въ этомъ году должно произойти отъ чрезвычайныхъ расходовъ, которые остается произвести, отъ послѣдствій прежняго дефицита, еще не сбалансированнаго, и главнымъ образомъ по причинѣ невозобновленія антиципаций и уменьшенія доходовъ вслѣдствіе упадка большей части косвенныхъ налоговъ.

Будетъ также минутный недостатокъ средствъ вслѣдствіе замедленія въ составленіи податныхъ списковъ, замедленія, происходящаго по причинѣ перемѣны муниципалитетовъ и еще больше потому, что пришлось передѣлать всѣ начатыя операціи, когда вы установили, въ облегченіе податныхъ сословій, новый налогъ на привилегированные классы.

Какъ бы то ни было, вы легко поймете, Мм. Гг., что, за исключеніемъ чрезвычайныхъ расходовъ, о которыхъ можно составить себѣ вѣрное понятіе, невозможно вычислить съ точностью истощеніе средствъ, могущее произойти отъ другихъ причинъ дефицита, на которыя я указалъ. Никто не въ состояніи опредѣлить, оживится ли въ теченіе этого года кредитъ, необходимый для возобновленія антиципаций¹⁾, или онъ совсѣмъ прекратится; невозможно также предвидѣть, каковъ будетъ дальнѣйшій ходъ упадка косвенныхъ налоговъ, и скоро ли наступитъ моментъ, когда, вслѣдствіе рѣшенія, которое еще не принято вами, замѣна этихъ налоговъ другими, равнозначительными по доходности, составитъ часть ресурсовъ казны.

Наконецъ, точное время этого года, когда старый дефицитъ будетъ покрытъ, еще не можетъ быть опредѣлено, такъ какъ это зависитъ отъ момента, когда возможное сбереженіе по бюджету военнаго мини-

¹⁾ Касса эта давала, повидимому, 52 мил., но изъ этой суммы намъ достало только 39 мил., потому что ея администраторы вачли 13 милл., авансированныхъ передъ тѣмъ подѣ доходы отъ лотереи и займовъ Ланге-дока, Бретани и Артуа. Между тѣмъ, по моему мнѣнію и по молчаливому соглашенію съ нѣкоторыми изъ администраторовъ, я разсчитывалъ, что они не вычтутъ этотъ особый авансъ изъ обѣщанныхъ по 1790 г. 80 милл., и что они вернутъ его посредствомъ послѣдовательныхъ уплатъ изъ сейчасъ указанныхъ мною источниковъ.

стерства будетъ окончательно установлено, и отъ момента, когда всѣ другія сокращенія въ назначенныхъ расходахъ могутъ быть приведены въ исполненіе.

Вы видите, слѣдовательно, Мм. Гг., что насколько будущее, начиная съ 1 января 1791 г., можетъ быть опредѣлено вами съ точностью, настолько нужды этого года зависятъ отъ большаго разнообразія обстоятельствъ, неопредѣленныхъ и проблематическихъ.

Нужно, однако, составить себѣ объ нихъ понятіе, и я постараюсь сдѣлать это наиболѣе простымъ образомъ.

1. Предположимъ, что старый дефицитъ, т. е. разность, существовавшая 1 мая 1789 г. между опредѣленными по смѣтѣ доходами и опредѣленными расходами, существовалъ полностью во все продолженіе этого года; и такъ какъ этотъ дефицитъ, какъ вы можете припомнить, равнялся 56 милліонамъ, то, слѣдовательно, часть его, приходящаяся на десять мѣсяцевъ, начиная съ 1 марта, составитъ около 47 милліоновъ

2. Доходы, связанные антиципаціями, составляютъ, для десяти послѣднихъ мѣсяцевъ года, 124 мил.; такимъ образомъ, предполагая, что ни одна изъ этихъ антиципацій не могла быть возобновлена на годъ, дефицитъ, съ 1 марта по 31 декабря, увеличится на эту самую сумму 124 мил., около 124.000,000 ливр.

3. Уменьшеніе поступленія соляной пошлины, ввозныхъ пошлинъ Парижа, податей (aides), дохода по табачному откупу и по управленію государственными имуществами, прекращеніе акцизнаго сбора съ пороха, вслѣдствіе препятствій, полагаемыхъ на его обращеніе, уменьшеніе дохода, причиненное остановкой купли-продажи всякихъ должностей, отмѣна пошлины за переходъ помѣстья во владѣніе лица непривѣлигированнаго сословія и различныхъ судебныхъ пошлинъ и сборовъ, наконецъ, прекращеніе или уменьшеніе всѣхъ косвенныхъ налоговъ, кромѣ одного только почтоваго дохода, — всѣ эти различныя предметы могутъ дать за десять послѣднихъ мѣсяцевъ года недоборъ, который затрудняюсь вычислить, до того онъ гадателенъ, но который приблизительно опредѣляю въ 60 мил., съ большимъ опасеніемъ, что цифра эта въ дѣйствительности окажется выше; итакъ кладу 60.000,000 ливр.

4. Чрезвычайные расходы въ теченіе послѣднихъ десяти мѣсяцевъ года, удовлетворяя только дѣйствительно неотложные, составятъ свыше 60.000,000 ливр.

5. Чтобы быть совершенно точнымъ, нужно къ этимъ четыремъ статьямъ прибавить еще проценты по займу въ 80 милліоновъ, сдѣланному послѣ мая мѣсяца прошлаго года, и нѣкоторые другіе маловажные расходы, въ общей суммѣ около 3.000,000 ливр.

6. Замедленіе во взысканіи податей. Это замедленіе чувствительно увеличиваетъ затруденія Франціи до конца апрѣля; но оно, вѣроятно, не причинитъ большаго недобора доходовъ, если принять во вниманіе, какъ я это дѣлаю здѣсь, цѣлый годъ. Поэтому помѣщаю здѣсь эту статью только для памяти.

Эти шесть статей составляютъ въ совокупности сумму 294 милліона, и таковъ былъ бы дефицитъ этого года, если бы захотѣли удовлетворить полностью всѣ подлежащія платежи, если бы въ то же время никакая антиципація не возобновилась, и если бы другія причины дефицита не иснытали никакого облегченія.

Это, безъ сомнѣнія, дѣлая подобный расчетъ, многія лица, свѣдущія въ дѣлахъ и знакомыя съ нашимъ финансовымъ положеніемъ, распространяли мнѣніе, что нужды остальной части этого года выразятся общей цифрой въ 300 милліоновъ, и что нѣтъ иного средства выпутаться изъ затрудненія, кромѣ выпуска кредитныхъ билетовъ на соотвѣтствующую этому дефициту сумму.

¹⁾ Сборъ налоговъ въ счетъ будущаго времени.

Хорошо средство—увеличеніе въ столь обширныхъ размѣрахъ бумажныхъ денегъ! ибо послѣднія пришлось бы прибавить къ обращающейся массѣ билетовъ учетной кассы, тяжелое бремя которыхъ уже становится ощутительнымъ. Было бы, однако, несправедливо обсуждать это мнѣніе прежде, чѣмъ будутъ выяснены неудобства, сопряженныя съ другими ресурсами, такъ какъ подобныя вопросы всегда должны быть трактуемы путемъ сравненія.

Одно достовѣрно, это то, что невозможно пройти промежутокъ десяти послѣднихъ мѣсяцевъ, не прибѣгая къ мѣрамъ, тягостнымъ и для тѣхъ, кто долженъ имъ подвергнуться, и еще болѣе для тѣхъ, кто находится въ печальной необходимости предложить ихъ. Но бывали ли когда либо обстоятельства, подобныя тѣмъ, которыя мы переживаемъ въ этотъ переходный моментъ? Воображеніе тщетно пыталось бы идти дальше: деньги попрятались, налоги, даещіе ихъ, уничтожены или прекратились, доходы государства день ото дня уменьшаются, безпримѣрный и основанный на самыхъ реальныхъ причинахъ упадокъ кредита, и повсюду тревоги или безпорядки, увеличивающіе съ каждой минутой недоверіе и зловѣщія предсказанія! Будущее даетъ намъ обѣщанія, но эти обѣщанія не вліяютъ еще на мнѣніе настоящаго момента. Довѣріе, впрочемъ, вообще подчинено законамъ медленнаго и послѣдовательнаго возрожденія: оно исчезаетъ постепенно и возрождается такъ же; его нужно культивировать не сегодня для завтрашняго дня, а напередъ чтобы собирать его плоды, когда они созрѣютъ.

Полагаю поэтому, что въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находится государственная казна, и въ виду ея нужды до конца года, надо или впасть въ уныніе подъ тяжестью затрудненій, чего вы, конечно, не сдѣлаете, или принять быстро дѣйствующее и общее лекарство, каковъ неумѣренный выпускъ кредитныхъ билетовъ,—я останавлиюсь впоследствии на этомъ предложеніи,—или прибѣгнуть къ различнымъ средствамъ по плану примиренія, улаженія, смягченія, который за неимѣніемъ всякой другой чрезвычайной помощи, позволилъ бы намъ добратъся, безъ слишкомъ большихъ затрудненій, до эпохи, не очень отдаленной, совершеннаго восстановленія порядка въ финансахъ.

Планъ этого рода не можетъ быть составленъ изъ частей вполне положительныхъ, но окончательно установленныхъ; составляя его, надо заранѣе приготовить къ измѣненіямъ, которыхъ потребуютъ обстоятельства и событія. Однако необходимо составить себѣ общее понятіе о ресурсахъ, при помощи которыхъ можно достигнуть предложенной цѣли.

Принимая сумму 294 мил., которая, по строгому исчисленію и съ исключеніемъ всякой надежды, повидимому, можетъ быть разсматриваема какъ мѣра нужды текущаго года, я долженъ представить вамъ рядъ замѣчаній.

1) На 1 марта въ касѣ казначейства будетъ около 20 мил.; но буду считать, что только 10 мил. могутъ быть употреблены на удовлетвореніе потребностей остающейся части года, такъ какъ благоразуміе требуетъ, чтобы въ казнѣ всегда былъ наличный фондъ въ суммѣ около 10 милліоновъ.

2) Учетная касса должна еще доплатить намъ остальные 28 мил. по счету 80 мил., которые она обязалась дать казнѣ.

3) Прѣзняя разность между опредѣленными доходами и расходами, представляемая дефицитомъ 1 мая 1789 г., каковая разность должна бы, пропорціонально, составлять 47 мил. для послѣднихъ десяти мѣсяцевъ года, не замедлитъ сократиться. Не сомнѣваюсь, что вами будутъ безотлагательно приняты рѣшенія, необходимыя для обезпеченія сбереженій, опредѣленныхъ вашимъ комитетомъ финансовъ, и о которыхъ вы уже освѣдомлены; результатомъ этого будетъ постепенное

съ этого года уменьшеніе расходовъ, которое буду считать около 30 милліоновъ¹⁾.

4) Обложение церковныхъ имуществъ налогомъ въ двадцатую долю дохода и прекращеніе всѣхъ абонементовъ будутъ приносить, въ теченіе десяти послѣднихъ мѣсяцевъ года, нѣкоторый доходъ казнѣ, но изъ этого дохода надо будетъ дать кассѣ духовенства добавочныя деньги для уплаты процентовъ по ея долгамъ. Заносу, какъ результатъ, на приходъ 9 милліоновъ.

5) Антиципаціи даютъ, въ видѣ залога, за десять послѣднихъ мѣсяцевъ года 124 милліона доходовъ. Разсчитывая на сохраненіе пока еще существующаго небольшого кредита, можно бы надѣяться на возобновленіе половины этихъ антиципацій: такова была, въ самомъ дѣлѣ, мѣра возобновленій въ этомъ и въ предыдущемъ мѣсяцахъ; но не могу скрыть, что для того, чтобы быть увѣреннымъ въ этомъ продолженіи помощи, нужно, чтобы сужающая публика была поощряема тѣмъ довѣріемъ, которое должны внушать ей рѣшенія, имѣющія быть принятыми Національнымъ Собраніямъ относительно финансовъ; надѣюсь, что эти рѣшенія будутъ соответствовать требованіямъ обстоятельствъ. Итакъ, я имѣю основаніе считать въ 60 мил. рессурсъ возобновленія антиципацій въ теченіе десяти послѣднихъ мѣсяцевъ года 60 милліоновъ.

6. Генеральные сборщики налоговъ, казначей областей, имѣющихъ собранія представителей сословій (paus d'états), обязались внести въ казну въ теченіе этого года только около семи двѣнадцатыхъ подушной подати и двадцатинъ 1790 года. Можно бы было дать имъ возможность нѣсколько увеличить условленный взносъ, по крайней мѣрѣ для конца года, если бы департаментскія собранія съ своей стороны оказали содѣйствіе взысканію податей и тѣмъ ускорили ихъ поступленіе; считая это ускореніе только въ одну двѣнадцатую всей массы прямыхъ налоговъ 1790 года, получился бы для казны рессурсъ приблизительно въ 15 милліоновъ.

Это было бы исполнѣ разумно въ настоящихъ обстоятельствахъ, такъ какъ участіе привилегированныхъ сословій въ платежѣ налоговъ 1790 г. и полное пользованіе котизаціей этихъ привилегированныхъ, данное вами, для шести послѣднихъ мѣсяцевъ 1789 г., плательщикамъ податей, доставить имъ въ этомъ году весьма большое довольство.

7. Патриотическій сборъ дастъ намъ нѣкоторое пособіе, начиная съ будущаго мая мѣсяца, но пока еще невозможно судить объ его результатахъ²⁾.

8. Не надо отчаяваться, что въ теченіе этого года представится благоприятный моментъ для заключенія умѣреннаго займа въ какой-либо привлекательной формѣ; и рѣшенія, которыя вы примете, мм. гг., относительно финансовъ, много ускорятъ и облегчатъ созданіе этого рессурса.

9. Слѣдовало бы продолжать еще нѣкоторое время пользоваться теперешнемъ снисхожденіемъ кредиторовъ государства, не увеличивая фондовъ, предназначенныхъ къ платежу рентъ; но особая срочка платежа, которую я полагалъ бы удобной для этого года и которая, быть можетъ, была бы имъ пріятна, это если бы можно было уплатить разомъ за два полугодія, вмѣсто одного, тѣмъ, кто согласился бы получить въ уплату три четверти 5⁰/₀ бумагами и одну четверть

¹⁾ Національное Собраніе опредѣлило своимъ послѣднимъ декретомъ сокращеніе расходовъ на 60 милліоновъ, начиная съ 1 апрѣля; но это желаніе его безусловно не можетъ быть исполнено съ назначеннаго имъ срока, о чемъ я и говорилъ гг. членамъ комитета двѣнадцати.

²⁾ Объявленія по городу Парижу простираются до 30 милліон. Число объявителей около 12000. *Примч. 3-го марта.*

деньгами; и для исполненія этой мѣры можно бы употребить часть 80-ти милліоннаго займа, или займа провинціи Лангедокъ, еще не реализованнаго полностью.

10. Можно бы было сдѣлать тѣ же предложенія и предоставить ту же свободу выбора лицамъ, получающимъ жалованье или пенсію.

11. Финансовое управленіе продолжило бы до будущаго года, или уплатило бы бумагами, написанными на этотъ срокъ, всю ту часть обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ расходовъ, которая допускала бы эту отсрочку.

Многіе изъ только что указанныхъ ресурсовъ не поддаются исчисленію, такъ какъ невозможно предвидѣть, что они могутъ дать при настоящихъ обстоятельствахъ. Я довольствовался тѣмъ, что составилъ себѣ общее понятіе о томъ, на что можно разумно надѣяться въ этомъ отношеніи; и если рѣшаюсь изложить предъ вами эти весьма неопредѣленные вычисленія, то это потому, что готовъ скорѣе позволить себѣ нѣсколько смѣлыхъ предположенія, чѣмъ пренебречь чѣмъ-либо, могущимъ просвѣтить рѣшенія, которыя вамъ предстоитъ принять.

Вотъ какъ я изобразилъ бы каждую статью ресурсовъ, могущихъ быть примѣненными къ десяти послѣднимъ мѣсяцамъ этого года:

1. Кассовая наличность	10.000,000 ливр.
2. Доплата учетной кассой остальныхъ въ счетъ 80 мил.	28.000,000 >
3. Результатъ сокращенія расходовъ въ теченіе послѣднихъ 10 мѣсяцевъ года	30.000,000 >
4. Обложеніе церковныхъ имуществъ налогомъ въ двадцатую долю дохода	9.000,000 >
5. Возобновленіе антиципаций	60.000,000 >
6. Ускореніе въ взысканіи податей	15.000,000 >
7. Патриотическій сборъ, включая сюда и фонды, непосредственно переданные Націон. Собранію	30.000,000 >
8. Выручка отъ займа, заключеннаго въ теченіе года	30.000,000 >
9. Откладываемая еще увеличеніе фонда, предназна- ченнаго для рентъ, и уплачивая по согласію разомъ за два полугодья по различнымъ предметамъ, какъ указано выше	50.000,000 >
10. Отсрочка или уплата срочными бумагами раз- личныхъ расходовъ, обыкновенныхъ и чрезвычай- ныхъ	30.000,000 >
Итого	292.000.000 ливр.

Всѣ эти статьи, повторяю, допускаютъ много измѣненій: по этой причинѣ, а также потому, что градація послѣдовательныхъ эпохъ этихъ различныхъ ресурсовъ не можетъ быть та же самая, какъ и градація потребностей, считаю необходимымъ, въ видахъ обезпеченія исполненія смѣты, чтобы вы открыли финансовому управленію новый кредитъ въ 30—40 милліоновъ на учетную кассу, для болѣе или менѣе быстро употребленія этихъ средствъ, смотря по надобности.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я предложилъ бы вамъ благопріятствовать кассовымъ билетамъ, обѣщая премію въ 2% части этихъ билетовъ, которая останется еще въ обращеніи къ 15 будущаго іюня. Эта премія, улучшая цѣну обмѣна билетовъ на деньги, уравновѣсила бы или уменьшила бы убытокъ тѣхъ, кто нуждается въ звонкой монетѣ.

Чтобы вознаградить отчасти казну за сказанную премію, можно бы было стовориться съ учетной кассой, чтобы ея новый авансъ былъ безпроцентнымъ, если ея прибыль за текущее полугодіе достигнетъ безъ того 3% на капиталъ акцій.

Когда вами будутъ указаны продажи, выручка которыхъ должна служить средствомъ уплаты по срочнымъ ассигновкамъ чрезвычайныхъ государственныхъ доходовъ, полагаю, надлежало бы открыть повсемѣстно въ королевствѣ общую подписку, посредствомъ которой каждый могъ бы обязатся взять известное количество этихъ ассигновокъ подъ условіемъ, что эти обязательства будутъ дѣйствительны лишь постольку, поскольку общая подписная сумма, будетъ достаточна, чтобы поставить учетную кассу въ возможность обмѣнивать ея билеты на звонкую монету, по первому требованію. Увѣренность въ достиженіи этой столь справедливо всѣми желаемой цѣли, безъ сомнѣнія, побудитъ подписаться много лицъ, которыхъ не соблазняетъ простое помѣщеніе денегъ; и интересъ, который въ проявилъ бы къ успѣху такой подписки, былъ бы способенъ возбудить патротическое рвеніе всѣхъ добрыхъ гражданъ.

Вы не можете отказать, мм. гг., администраторамъ учетной кассы въ избраніи известнаго числа комиссаровъ для наблюденія за ихъ операціями, или въ уполномоченіи городского общественнаго управленія Парижа на назначеніе таковыхъ. Было бы не великодушно оставить на произволъ кривотолковъ и на гнетъ клеветы честныхъ гражданъ, которые безкорыстно, изъ преданности, служатъ общественному дѣлу, и которые просятъ, какъ единственнаго поощренія и единственной награды, чтобы обратили самыя внимательныя взоры на ихъ повседневное управленіе дѣлами кассы. Скажу болше: не знаю, какъ можно бы было требовать отъ частныхъ лицъ постоянства, необходимаго для борьбы съ народными предрасудками, если бы публичные дѣятели, призванные управлять общественными мнѣніемъ, сами боялись задѣть эти предрасудки, отказывая въ открытомъ покровительствѣ тѣмъ, кто сдѣлался ихъ жертвой.

Теперь пора разобрать выгоды и неудобства выпуска бумажныхъ денегъ въ количествѣ, достаточномъ для покрытія всѣхъ нуждъ и исполненія всѣхъ обязательствъ текущаго года. Такая идея, казалось бы, тѣмъ болѣе удобоисполнима въ настоящее время, что эти государственные билеты могли бы состоять въ ассигнаціяхъ на реальный предметъ, на выручку отъ продажи церковныхъ и государственныхъ имуществъ и на выручку отъ выкупа рентъ и правъ, связанныхъ съ этими имуществами. Эти ассигнаціи должны бы были приносить, до ихъ погашенія, 4% или 5% годовыхъ, уплачиваемыхъ по полугодіямъ или по четвертямъ года, по вашему выбору; и по мѣрѣ ихъ возвращенія въ кассу чрезвычайныхъ доходовъ и расходовъ, были бы сжигаемы публично, съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ формъ, какия вы нашли бы нужнымъ предписать.

Такіе билеты, текстъ которыхъ постоянно напоминалъ бы о реальности ихъ предмета и ихъ срока, имѣли бы, въ этомъ отношеніи, преимущество надъ билетами учетной кассы, обезпеченіе которыхъ тѣмъ же фондомъ чрезвычайныхъ доходовъ и расходовъ не является ни прямымъ, ни нагляднымъ; они напоминали бы также, болѣе постояннымъ и болѣе общимъ образомъ, объ интересѣ всѣхъ гражданъ въ быстрой и выгодной реализаціи билетовъ, допущенныхъ, какъ монета, въ обращеніе; и изъ очевидности такого интереса вытекали бы многія счастливыя слѣдствія. Новые государственные билеты не были бы также причастны къ тому нерасположенію публики, которое враги учетной кассы или люди, ошибочно оцѣнивающие ея затрудненія, навлекли на это учрежденіе и на его билеты. Они, правда, не пользовались бы той долей кредита, которая зависитъ отъ привычки, и влияніе которой невозможно оцѣнить въ точности. Но одно соображеніе, болѣе важное, и на которое, мнѣ кажется, не обратили вниманія, это то, что погашеніе билетовъ, асигнованныхъ на кассу чрезвычайныхъ доходовъ и расходовъ и циркулирующихъ въ качествѣ бумажныхъ денегъ, необходимо было бы болѣе медленнымъ, чѣмъ погашеніе билетовъ учетной кассы. Въ самомъ дѣлѣ, изыятіе изъ обращенія ассигнацій могло

бы быть производимо только въ эпохи дѣйствительнаго взноса въ кассу чрезвычайныхъ доходовъ и расходовъ выручки отъ продажъ или выкуповъ, тогда какъ постепенное погашеніе билетовъ учетной кассы имѣло бы мѣсто съ того момента, когда эта касса неограничивала бы срочныя ассигновки на сборщика чрезвычайныхъ доходовъ, эпоха, которая могла бы на цѣлый годъ предшествовать времени дѣйствительнаго платежа въ руки этого сборщика.

Я считалъ нужнымъ остановиться на этой параллели между билетами учетной кассы и билетами - ассигнаціями, потому что она примѣнима ко всѣмъ системамъ. Въ самомъ дѣлѣ, прибѣгнуть ли къ выпуску новыхъ билетовъ для удовлетворенія всѣхъ нуждъ государства, или не пожелаютъ увеличивать суммы циркулирующей нынѣ бумаги, или, наконецъ, захотятъ допустить для нея лишь умѣренное превышеніе, во всякомъ случаѣ всегда надо бы было соображать, предпочтительнѣе ли билеты-ассигнаціи билетамъ учетной кассы, такъ какъ можно бы было во всякое время, по желанію, конвертировать эти послѣдніе въ первыя. Такимъ образомъ, принятіе ассигновокъ на сборщика чрезвычайныхъ доходовъ, для исполненія функции бумажныхъ денегъ, не есть предложеніе, специально связанное съ системой обширнаго выпуска государственныхъ билетовъ, могущаго удовлетворить всѣ нужды казны; это предложеніе относилось бы къ нынѣ обращающемуся количеству билетовъ, или къ какому либо другому, которое признали бы нужнымъ опредѣлить.

Разсмотримъ же въ ней самой идею слишкомъ обширнаго созданія ходячихъ билетовъ, ибо какая бы форма ни была дана этимъ билетамъ, она не можетъ предохранить отъ неудобствъ, сопряженныхъ съ чрезмѣрностью ихъ количества. Есть соразмѣрность, которую можетъ указать одинъ только опытъ; и въ этого рода дѣлахъ онъ всегда даетъ наилучшіе уроки. Въ настоящую минуту находится въ обращеніи на 160 милліоновъ билетовъ учетной кассы, и резонно стремятся къ ихъ сокращенію. Новая форма, которою бы ихъ замѣнили, а еще вѣрнѣе связанный съ нею доходъ въ видѣ процентовъ, облегчила бы обращеніе билетовъ; но было бы желательно, чтобы эти поощренія послужили только къ тому, чтобы придать больше цѣны нынѣ циркулирующимъ билетамъ, не уменьшая этой выгоды увеличеніемъ ихъ числа; или, если бы потребовалось искать новой помощи этого рода, нужно бы было очень подумать, прежде чѣмъ отважиться на такое увеличеніе, какое понадобилось бы для полнаго удовлетворенія всѣхъ нуждъ текущаго года. Сумма въ 200 — 300 милліоновъ, прибавленная къ сказаннымъ 160 милліонамъ, представляетъ ужасающій итогъ. Національное Собраніе, правда, декретировало реализацію на 400 милліоновъ церковныхъ или государственныхъ имуществъ; но публика ждетъ указанія, какія именно имущества назначены въ продажу, ждетъ объявленія о времени производства продажи, ждетъ результата, когда можно будетъ судить о рвеніи и числѣ покупателей; наконецъ, довѣріе, примѣнимое къ известной суммѣ, непримѣнимо къ болѣе значительной, и во всякомъ дѣлѣ справедливая мѣра есть самое необходимое условіе.

Думаютъ устранить трудности, требуя, чтобы новые государственные билеты были допущены легально во всемъ королевствѣ, какъ билеты учетной кассы допущены въ Парижѣ. Но Національное Собраніе до сихъ поръ сильно противилось этой идеѣ; и если бы оно приняло ее неопредѣленнымъ образомъ, если бы, принимая ее, оно увеличило значительно сумму циркулирующихъ билетовъ, я не знаю, до какой степени его авторитетъ былъ бы достаточенъ для столь обширной мѣры. Мнѣ кажется, что Національное Собраніе, вѣрно оцѣнивая настоящія обстоятельства, старается примирить свои декреты съ желаніямъ общественнаго мнѣнія; и сопровитвеніе, испытываемое имъ во многихъ мѣстахъ, когда оно хочетъ требовать самыхъ разумныхъ жертвъ личнаго интереса, навѣрно сдѣлало бы его осмотритель-

нымъ, когда дѣло шло бы о законѣ, столь много объемяющемъ въ своихъ развѣтвленіяхъ какъ принудительное введеніе бумажныхъ денегъ на всемъ пространствѣ королевства. Такой законъ, быть можетъ, имѣлъ бы всю свою силу только въ отношеніи сборщиковъ налоговъ, и тогда казна оказалась бы совершенно лишенной части звонкой монеты, нужной ей для платежа жалованья войску и для разныхъ покупокъ, по которымъ не всегда можно расплачиваться бумагой. Я полагаю, что было довольно сдѣлано, если бы къ закону, дѣйствующему въ Парижѣ относительно билетовъ кассы, присоединили два или три главныхъ города, особенно Лионъ, который извлекаетъ много звонкой монеты изъ Парижа; и такъ какъ этотъ городъ имѣетъ большіе интересы въ нашихъ государственныхъ фондахъ, то, представляя ему и это соображеніе, легче было бы склонить его присоединиться къ мѣрамъ, которыхъ неизбѣжно потребуетъ затруднительное положеніе финансовъ.

Замѣтимъ также, Мм. Гг., что всегда можно въ нужное время увеличить помощь въ ходячихъ бумагахъ, тогда какъ если бы мы вздумали, руководствуясь принципомъ или теоретическими соображеніями, пользоваться такимъ ресурсомъ безъ иной мѣры, кромѣ мѣры своихъ расходовъ, мы заранѣе поставили бы себя въ очень рискованное положеніе, въ которое невозможно было бы внести измѣненія иначе, какъ несправедливыми, насильственными средствами, и послѣдствія котораго были бы неисчислимы.

Вообще, въ большихъ дѣйствіяхъ всего болѣе желаютъ измѣненія абсолютныхъ средствъ; но это желаніе есть скорѣе внушеніе чувства, чѣмъ результатъ размысленія; ибо въ большихъ дѣйствіяхъ несправедливость или строгость крайнихъ средствъ является тѣмъ болѣе тягостной и часто становится опасной. При настоящемъ положеніи финансовыхъ дѣлъ и до того времени, когда они будутъ приведены въ простой и совершенный порядокъ, благоразумнѣе, чѣмъ когда либо, идти во всемъ постепенно, постоянно сообразоваться съ общественнымъ мнѣніемъ и событіями, войти, такъ сказать, въ сдѣлку со всеміи прелятствіями и терпѣливо использовать большое разнообразіе средствъ, дабы ни одно изъ нихъ не было примѣняемо чрезмѣрно и не тяготѣло слишкомъ сильно на томъ или другомъ классѣ общества.

Нельзя требовать, чтобы кредиторы государства, чтобы люди, служащіе общественному дѣлу своимъ трудомъ и своими дарованіями, чтобы люди, получающіе вознагражденіе за свои прежнія услуги, чтобы всѣ, наконецъ, кто имѣетъ дѣйствительное право на государственный доходъ, испытывали большія задержки, подвергались слишкомъ тяжелымъ жертвамъ; и въ этомъ отношеніи, при абсолютномъ недостаткѣ другого ресурса, кратковременное введеніе билетовъ кассы должно казаться разумной мѣрой; но также не было бы справедливымъ, чтобы ради точнаго исполненія нѣкоторыхъ лежащихъ на обязанности государства платежей жители Парижа или провинцій были подвергаемы неравномѣрно и смотря по случайному ихъ положенію, неудобствамъ, весьма несходнымъ, смотря по тому, является ли данное лицо или нѣтъ должникомъ въ отношеніи другихъ; по этому-то соображенію, присоединенному къ ранѣе указаннымъ мною соображеніямъ, было бы несправедливо удовлетворить всѣ нужды созданіемъ ходячихъ билетовъ. Нужно, въ подобномъ случаѣ, раздѣлять жертвы и смягчать ихъ насколько возможно.

Чтобы исполнить частію этотъ планъ уравнишенія и облегченія, я и предлагаю вамъ прибѣгнуть къ употребленію различныхъ средствъ, чтобы выйти изъ затрудненій текущаго года. Вы видѣли, изъ указанія этихъ средствъ, что такой планъ, по необходимости смѣшанный, сдѣлаетъ еще на нѣсколько мѣсяцевъ управленіе финансами безконечно сложнымъ; что въ продолженіе такого промежутка времени невозможно опредѣлить неизмѣнный образъ дѣйствій и предписать родъ

ресурсовъ, средствъ, облегченій, видоизмѣненій всякаго рода, къ примѣненію которыхъ надобно будетъ послѣдовательно прибѣгать; наконецъ, надо будетъ предоставить финансовому управленію свободу передача которой одному лицу, быть можетъ, внушитъ вамъ безпокойство; но тотъ, кто съ августа 1788 г. борется противъ столькихъ препятствій и старается ввести въ гавань корабль, бросаемый бурей, болѣе, чѣмъ кто-либо, желаетъ облегчить свое бремя, уменьшить свою отвѣтственность, и уменьшить ее не въ отношеніи короля, который близко видитъ его усилія, не въ отношеніи вась, Мм. Гг., не въ отношеніи націи, строгаго суда которой онъ не боится, но въ отношеніи цензора, еще болѣе строгаго, въ отношеніи самого себя. Нужна, безъ сомнѣнія, большая преданность, чтобы взять на себя такую задачу; она будетъ, я это знаю, очень трудна; но это соображеніе не можетъ обезкураживать меня, такъ какъ мои взоры еще всецѣло прикованы къ общественному дѣлу. Я, впрочемъ, знаю это; управленіе финансами дѣло слишкомъ сложное, по причинѣ безконечнаго разнообразія обстоятельствъ, чтобы не навлекать, въ минуты трудныя, на того, кто его ведетъ, жалобъ и упрековъ, часто несправедливыхъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ всѣхъ администрацій примѣчаютъ только часть ихъ, и управленіе финансовъ, когда тамъ царитъ безпорядокъ, является, въ глазахъ большинства людей, хаосомъ изъ хаосовъ, а бѣдствія, которыя были избѣгнуты, жертвы, которыя были смягчаемы, смуты, которыя были предупреждаемы,—все это чаще всего вещи неизвѣстныя. Однако, увлеченный въ карьеру, исполненную преданности и жертвъ, я чувствовалъ бы въ себѣ мужество отвѣчать одному на обширность задачи и противопоставить чувство моей совѣсти всѣмъ этимъ слѣпымъ или обдуманымъ несправедливостямъ, которыя составляютъ неразлучное слѣдствіе эпохъ несчастія и безпорядка; я чувствовалъ бы въ себѣ, говорю я, это мужество, если бы, прося у вась сотоварищей, я не исполнилъ бы въ то же время проекта, польза котораго будетъ испытана во всѣ времена, проекта, который я всегда имѣлъ въ виду, о которомъ я часто говорилъ королю въ другихъ обстоятельствахъ, и который еще болѣе подходилъ бы къ установленному вами новому конституционному порядку. Проектъ этотъ состоитъ въ учрежденіи королемъ бюро или комитета для управленія государственной казной, комитета, который дѣлалъ бы то, что я теперь дѣлаю, то есть, съ одобренія и авторитета его величества, назначалъ бы всѣ ежедневные расходы, опредѣлялъ бы всѣ способы платежа, наблюдалъ бы за всѣми поступленіями, руководилъ бы, наконецъ, всѣми, безъ исключенія, дѣйствіями казны. Этотъ административный комитетъ долженъ бы былъ состоять изъ такого числа лицъ, какое король призналъ бы нужнымъ назначить, каковыя лица, подъ именемъ комиссаровъ государственнаго казначейства, исполняли бы всѣ сейчасъ указанныя мною функціи. Предсѣдатель, одинъ, или въ сопровожденіи нѣсколькихъ другихъ комиссаровъ, или всѣхъ ихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по волѣ короля, докладывалъ бы его величеству о совѣщаніяхъ комитета и принималъ бы его приказанія. Комиссары были бы, слѣдовательно, единственными министрами короля по управленію государственной казной; и когда, въ скоромъ времени, общія дѣла королевства будутъ упрощены, когда все, касающееся налоговъ и доходовъ государства, будетъ урегулировано, тогда можно будетъ присоединить къ этому комитету двухъ лицъ, свѣдущихъ въ финансахъ, чуждыхъ управленію государственной казны, и такъ какъ эти два лица раздѣлили бы между собой эту задачу, то комитетъ казначейства сталъ бы центромъ и агентомъ всего финансового управленія, и должности главнаго контролера и главнаго директора казначейства сдѣлались бы бесполезными. Такимъ образомъ, совокупность всѣхъ частей этой обширной администраціи, которая при нынѣшней системѣ должна соединяться съ грѣхомъ пополамъ въ головѣ одного человѣка, была бы ввѣрена просвѣщенному руко-

водительству комиссиі изъ нѣсколькихъ лицъ, дѣятельность которой была бы направляема председателемъ, при помощи комиссара докладчика, для повседнежнаго управленія казною. Я не намѣреваюсь, Мм. Гг. устранившись съ учрежденіемъ предлагаемаго мною комитета: не въ дни бури я покину корабль; думаю даже, что въ болѣе спокойныя времена я былъ бы еще полезенъ этому установленію, хотя бы для того, чтобы помочь ему перейти первые моменты неопытности; но мое мѣсто въ администраціи будетъ достаточно обозначено степенью довѣрія, которымъ королю угодно будетъ почтить меня. Такъ какъ по конституціи королю одному принадлежитъ опредѣленіе способа и формы различныхъ администрацій, исходящихъ изъ его авторитета, то это не для того, чтобы пригласить Національное Собраніе къ обсужденію этого проекта я испросилъ позволеніе его величества довести о немъ до вашего свѣдѣнія; но, во-первыхъ, слѣдуетъ, согласно желанію короля, поставлять Національное Собраніе въ извѣстность о всякихъ перемѣнахъ въ формѣ управленія, могущихъ имѣть значеніе для общественнаго блага, а я думаю, что нововведеніе, о которомъ идетъ рѣчь, есть одно изъ наиболее способныхъ предупредить всякое недовѣріе со стороны депутатовъ націи и въ то же время одно изъ наиболее полезныхъ для укрѣпленія государственнаго кредита. Всякій будетъ увѣренъ, что никакое злоупотребленіе не вкрадется, никакое посягательство не будетъ сдѣлано обычаемъ или распоряженіемъ агента на сохраненіе конституціонныхъ правъ, когда каждый расходъ, каждая выдача изъ кассы будутъ представляемы на утвержденіе короля только послѣ обсужденія комитетомъ, состоящимъ изъ многихъ членовъ,—лучшая гарантія противъ всякихъ тайныхъ дѣйствій. Такимъ образомъ, въ то время, какъ, посредствомъ общихъ законовъ, вы будете укрѣплять порядокъ и правила, комитетъ казначейства обезпечить націи, что ничто не будетъ разстроено дѣйствіями финансоваго управленія. Помѣстите же, Мм. Гг., въ число многихъ благодѣяній его величества, въ число ежедневныхъ результатовъ его благихъ намѣреній, и составленный имъ планъ замѣнить единоличное управленіе коллегіальнымъ учрежденіемъ, члены котораго могутъ обсуждать и дѣйствовать только всѣ вмѣстѣ, и которое сдѣлается и практической и принципальной гарантіей. Будетъ также и въ исполненіи, въ веденіи дѣла больше заботливости, больше исправности, ибо задача министра финансовъ слишкомъ велика и, трудясь безъ отдыха надъ ея исполненіемъ, дѣлая только то, чего не могутъ слѣлать другіе, всетаки каждый день испытываете тягостное чувство отъ того, что многія дѣла остались неразсмотрѣнными, а изъ разсмотрѣнныхъ многія разсмотрѣны слишкомъ поверхностно, и кончается тѣмъ, что, по прошествіи нѣкотораго времени, начинаешь чувствовать отвращеніе ко всякимъ деталямъ, если только не предназначень къ тому специально природой, и если никогда не былъ привлекаемъ никакой изъ общихъ мыслей, которыя, однако, необходимы, чтобы видѣть и направлять цѣлое.

Независимо отъ важныхъ соображеній, которыя побудили его величество поставить васъ въ извѣстность о его намѣреніи образовать комитетъ для управленія государственной казною, есть другой мотивъ, который дѣлаетъ необходимымъ ваше содѣйствіе исполненію видовъ его величества, Король считаетъ полезнымъ выбрать изъ среды Національнаго Собранія большинство членовъ этого комитета; но чтобы исполнить эту цѣль, нужно, чтобы вы сдѣлали отступленіе отъ декрета, воспреещающаго членамъ вашего Собранія принимать, во время этой сессіи, какую бы то ни было должность, даваемую правительствомъ. Мнѣ кажется, что принципъ этого декрета непримѣнимъ къ настоящему случаю: вы навѣрно имѣли въ виду, когда дебатировали его, поставить внѣ всякаго соблазна, внѣ всякаго вліянія со стороны правительства всѣхъ, входящихъ въ составъ вашего Собранія; но въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ не о какой либо малости, а, напротивъ, о трудной должности, пору-

часомой тѣмъ, кого король назначить членами постоянного комитета казначейства. Наконецъ, какъ бы ни были важны общіе принципы, бываютъ, однако, случаи, когда законодатель, руководимый любовью къ благоденствію государства, его главной цѣли, долженъ согласиться на нѣкоторыя измѣненія. Весьма важно, чтобы комитетъ казначейства былъ образованъ немедленно, и весьма полезно, чтобы всѣ его члены, или по крайней мѣрѣ большинство ихъ, были выбраны въ нашемъ Собраніи, потому что оно заключаетъ въ своей средѣ людей очень просвѣщенныхъ, и природными познаніями, и знакомствомъ съ финансовыми дѣлами, которое они уже успѣли приобрести среди васъ, наконецъ, потому что весьма существенно, въ моихъ глазахъ, чтобы существовала постоянная связь, постоянное сношеніе между вами, Мм. Гг., и финансовымъ управленіемъ, такъ чтобы въ каждый моментъ интересъ финансовъ, знаніе ихъ состоянія и ихъ затрудненій, предвидѣніе событій, могущихъ касаться ихъ, соединялись съ переменнымъ и часто неожиданнымъ ходомъ вашихъ совѣщаній; и если бы учрежденіе, о которомъ идетъ рѣчь, было открыто нѣсколько времени тому назадъ, вы, вѣроятно, избѣгли бы нѣкоторыхъ ошибокъ, относящихся къ финансамъ. Ничто не можетъ замѣнить свѣта, даваемого опытомъ и обычнымъ знаніемъ состоянія дѣлъ; ничто не можетъ замѣнить этого живого интереса къ успѣху обширной отрасли управленія. Есть и всегда будетъ огромная разница между результатомъ изслѣдованій, которыя вы поручаете разнымъ комиссіямъ, и пользой этого ежедневнаго сообщенія познаній и наблюдений тѣхъ, кто управляютъ государственной казною, и кто связываютъ съ порядкомъ и регулярностью этого управленія свой долгъ, свою честь и всѣ интересы, дѣйствующіе на людей. Нельзя исправить неудобства, происшедшія, въ теченіе вашей сессіи, отъ полного разобщенія законодательства и финансового управленія, и нарисовать вамъ ихъ картину было бы огорчить васъ безъ пользы; но такъ какъ представляется естественное средство предупредить повтореніе этихъ неудобствъ, посредствомъ образованія предлагаемаго комитета казначейства, то вы не можете противиться учрежденію этого комитета изъ смутнаго и химерическаго опасенія, что тѣ изъ васъ, кто былъ бы призванъ королемъ къ исполненію этихъ функций, могли бы набраться министерскаго духа. Они не измѣнятъ принциповъ, потому что будутъ ближе стоять къ интересамъ, которые должны существенно занимать васъ, они не измѣнятъ принциповъ, потому что будутъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ министрами, которые, конечно, такіе же добрые патріоты, какъ и вы, и даже извѣстные за таковыхъ всей націи.

Нельзя вернуть прошедшаго; но въ эту минуту чрезвычайно важно, чтобы каждый день вамъ напоминали объ интересѣ финансовъ. Не боюсь сказать, что интересъ этотъ прямо или косвенно связанъ со всеми вопросами, обсуждаемыми въ нашемъ собраніи. Не откажите же по крайней мѣрѣ, въ моментъ послѣдней опасности, въ согласіи на учрежденіе предлагаемаго комитета, большинство членовъ котораго будетъ взято въ нашемъ Собраніи. Вамъ предстоитъ принять еще много важныхъ рѣшеній, для спасенія финансовъ. Запозданіе съ тѣмъ или другимъ распоряженіемъ, оставленіе одного ресурса, воспрепятствованіе другому, невниманіе къ отношеніямъ извѣстныхъ кредитныхъ мѣръ, незнаніе, наконецъ, ежедневнаго и переменнаго состоянія существующихъ затрудненій могутъ, въ концѣ концовъ, все погубить. Что могу я одинъ и вдаль отъ васъ, среди спѣшныхъ трудовъ, которыми я обремененъ? Что могу я одинъ и вдаль отъ васъ, при помощи нѣсколькихъ меморій, предметъ и соображенія которыхъ такъ легко могутъ улетучиться изъ вашей памяти, если нѣсколько лицъ изъ вашей среды не будутъ безпрестанно занимать ваше вниманіе этими вопросами, и съ тѣми стимулирующими мотивами, которые не могутъ родиться и постоянно существовать иначе, какъ при помощи

личнаго интереса, который всё люди принимаютъ въ успѣхѣ администраціи, за который они отвѣчаютъ, такого рода интереса, который ничто не можетъ замѣнить?

Ко всёмъ только что развитымъ много важнымъ соображеніямъ прибавлю еще одно, которое вы оцените, какъ вамъ будетъ угодно. Опасное состояніе моего здоровья заставитъ меня лѣтомъ ѣхать на воды, и я не могу ручаться, что силы мои возстанутся достаточно для того, чтобы я въ состояніи былъ снова предаться трудамъ и заботамъ, причинившимъ мнѣ столько зла. Вы можете, слѣдовательно, признать удобнымъ дать мнѣ время быть полезнымъ моею опытностью и остаткомъ моихъ силъ или моего рвенія тѣмъ, кто, быть можетъ, долженъ будетъ современемъ совершенно замѣнить меня въ управленіи финансами.

До сихъ поръ я представилъ вамъ, Мм. Гг., только печальныя идеи, и картина затрудненій текущаго года не могла дать другихъ: устремимъ теперь наши взоры вдаль, чтобы перемѣнить перспективу и оживить наши надежды. Существующія трудности, хотя очень большія, тѣмъ не менѣе, по самому свойству своему, преходящи; пройдемъ же ихъ, съ соединеніемъ интереса и воли; обогнемъ смѣло загородившій намъ дорогу опасный мысъ, и мы достигнемъ желанной гавани. Въ самомъ дѣлѣ, Мм. Гг., мы испытываемъ въ настоящую минуту неудобства, связанныя съ употребленіемъ бумаги, обращающейся вмѣсто звонкой монеты; но близкій срокъ ихъ погашенія несомнѣненъ, такъ какъ вы предназначили на это выручку отъ продажи церковныхъ и государственныхъ имуществъ, выручку отъ выкупа правъ, связанныхъ съ этими имуществами, и выручку отъ сбора двухъ послѣднихъ третей патріотическаго налога. Совокупность этихъ ресурсовъ должна дать послѣдовательно, отъ сего числа въ теченіе двухъ лѣтъ, свыше 200 милліоновъ; и располагая напередъ такой суммой, посредствомъ негоціаціи срочныхъ ассигнацій, очевидно, можно скоро произвести погашеніе части билетовъ кассы, превышающей количество ихъ, необходимое для обращенія, и такимъ образомъ неудобство ихъ, хотя весьма чувствительное, не будетъ по крайней мѣрѣ продолжительнымъ.

Замѣтите, мм. гг., что если невозможно было предотвратить всё неудобства, происходящія отъ допущенія билетовъ кассы въ платежахъ, однако, финансовое управленіе озаботилось гарантировать общественные интересы отъ опасностей, могущихъ произойти вслѣдствіе этого допущенія, и есть основаніе надѣяться, что продолженіемъ своихъ работъ оно будетъ предохранять ихъ и далѣе, пока не послѣдуетъ ожидаемаго и желаемаго уменьшенія въ количествѣ и распространеніи билетовъ кассы. Нужно было обязательно платить звонкой монетой все жалованье войскамъ, и эта надобность была удовлетворяема, несмотря на замедленія въ поступленіи платежей и уменьшеніе многихъ доходовъ въ провинціяхъ, гдѣ эти войска сосредоточены въ большомъ числѣ; часто нужно было для этого выписывать серебряную монету изъ сосѣднихъ иностранныхъ государствъ и, несмотря на неблагоприятныя вексельные курсы и многія другія затрудненія, удалось выполнить эту цѣль, и принятыя предосторожности для слѣдующихъ мѣсяцевъ. Нужно было также запастись металлическими деньгами для покрытія расходовъ по содержанію благотворительныхъ мастерскихъ, такъ размножившихся нынѣ въ Парижѣ, и по значительнымъ закупкамъ хлѣба на бывающихъ два раза въ недѣлю рынкахъ въ Пуаси и Со; эта потребность была удовлетворена, и новыя предосторожности обезпечены. Учетная касса по крайней мѣрѣ снабжаетъ средствами для платежей звонкой монетой, требуемыхъ поддержаніемъ общественнаго порядка, какъ-то жалованье стражѣ Парижа, воспособленіе директорамъ главныхъ мануфактуръ, и многія другія пособія.

Наконецъ, здѣсь самое существенное то, что запасы пшеницы въ

зернѣ и мукѣ доведены до такого размѣра, что можно быть совершенно спокойнымъ за продовольствіе Париза въ теченіе многихъ мѣсяцевъ.

Мнѣ остается еще замѣтить, говоря о нашемъ теперешнемъ положеніи, что всѣ замедленія въ платежахъ, или всѣ измѣненія, къ которымъ пришлось бы прибѣгнуть для удовлетворенія ихъ, представляютъ еще затрудненія скоропреходящія; ни одно изъ нихъ не можетъ перейти за конецъ этого года, и многія были бы быстро уменьшены, если бы, въ виду спасительныхъ рѣшеній, которыя вы можете принять въ очень скоромъ времени, кредитъ оживился.

Я долженъ, прежде чѣмъ начертать эти предстоящія рѣшенія, коснуться дальнѣйшаго, по окончаніи этого года, состоянія финансовъ.

Изъ предварительныхъ смѣтъ, которыя я вамъ сообщилъ, и изъ результатовъ различныхъ сообщеній, которыя я имѣлъ съ двѣнадцатью депутатами финансоваго комитета, работы котораго соединились съ моими, выходитъ, что разность между опредѣленными доходами и расходами можетъ быть совершенно сбалансирована простыми сокращеніями или экономіями въ расходахъ; и, ссылаясь на обстоятельныя подробности, которыя будутъ доложены вамъ вашимъ комитетомъ финансовъ, я считаю, однако, долгомъ помѣтить здѣсь краткой очеркъ положенія дѣлъ.

Дефицитъ, т. е. разность между опредѣленными доходами и расходами, простирался до 56 милліоновъ, по результату отчета, который былъ представленъ вамъ при открытіи вашего Собранія. Всѣ элементы этого отчета, т. е. всѣ объясненія, относящіяся къ каждой статьѣ, были послѣ того оглашены путемъ печати, и вашъ главный комитетъ финансовъ, состоящій изъ 64 членовъ, послѣ всесторонняго разбора, не нашелъ ничего возразить противъ точности и правильности этого отчета, или по крайней мѣрѣ его замѣчанія сводились къ такимъ мелочамъ, что онъ все же изъ этого самаго отчета, въ его цѣломъ и въ отдѣльныхъ рубрикахъ, исходилъ въ своихъ выкладкахъ и во всѣхъ докладахъ, которые онъ вамъ сдѣлалъ и готовъ еще сдѣлать. Поэтому могу съ полнымъ основаніемъ указать, какъ на очевидную ошибку, на одну фразу, находящуюся въ вашемъ адресѣ къ французамъ. Вы возвѣщали имъ введеніе системы, «которая ознакомитъ всѣхъ съ употребленіемъ государственныхъ доходовъ и будетъ наглядно показывать всѣмъ французамъ истинное состояніе финансовъ; этотъ *доселѣ темный лабиринтъ*, гдѣ глазъ не могъ слѣдить за движеніемъ ресурсовъ государства».

Это общее, безъ всякихъ оговорокъ, выраженіе страдаетъ недостаткомъ точности.

Продолжаю мой расчетъ. Дефицитъ въ 56 милліоновъ увеличился.

1. Суммой процентовъ и фонда погашенія по 80-ти милліонному займу, сдѣланному въ прошломъ августѣ,—расходъ въ 10 милліоновъ въ годъ, именно: 8 милліоновъ на погашеніе и только 2 милліона на проценты, потому что половина капитала этого займа должна была быть уплачена бумагами, приносящими 5% годового дохода, отъ которыхъ государство было или будетъ освобождено, ибо этотъ заемъ еще не вполне реализованъ.

2. Государство платило учетной кассѣ 3.500,000 ливр. въ годъ, въ видѣ интереса въ 5% на капиталъ 70 милл., внесенный въ 1787 г. въ королевскую казну акціонерами. Этотъ долгъ недавно замѣненъ аннуитетомъ, такъ что казна должна уплачивать учетной кассѣ ежегодно, въ продолженіе 20 лѣтъ, по 5.600,000 ливр., посредствомъ чего погашается весь капиталъ займа. Однако эта мѣра влечетъ за собой увеличеніе ежегодныхъ расходовъ государства, въ продолженіе 20 лѣтъ, на 2.100,000 ливровъ.

Эти сейчасъ указанныя мною три статьи:

Одна въ	56.000,000	ливр.
Другая въ	10.000,000	»
Третья въ	2.100,00	»

Составляютъ итогъ въ ¹⁾ 68.000,000 ливр.,

каковая сумма представляетъ теперешнее превышеніе постоянныхъ расходовъ надъ доходами.

Этому дефициту должно противопоставить:

1) Результатъ двухъ распоряженій, уже декретованныхъ вами, именно прекращенія вознагражденія принцевъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, относительно платежа двадцатинъ и подчиненія церковныхъ имуществъ этому налогу, вычитая изъ этого послѣдняго дохода ренты на духовенство, уплата которыхъ останется на обязанности государства,—всего около 9 милліоновъ.

2) Вы уже опредѣлили сбереженіе въ 2.500,000 ливр., которые королевская казна платила ежегодно кассѣ духовенства.

3) Прекращеніе пожизненныхъ пособій въ 1789 г., вѣроятно, облегчить расходный бюджетъ государства на 1.500,000 ливровъ.

4) Экономіи или сокращенія на расходахъ, экономіи, о которыхъ вамъ уже извѣстно, составятъ, по новому расчету, около 52 милліоновъ, и я доставляю вашему финансовому комитету заботу изложить вамъ этотъ расчетъ.

Итакъ, означенныя чегыре статьи представляютъ слѣдующія цифры:

Первая статья	9.000,000	ливр.
Вторая	2.500,000	»
Третья	1.500,000	»
Четвертая	52.000,000	»

Итогъ 65.000,000 ливр.

Такимъ образомъ, разность между постоянными доходами и расходами, равняющаяся, какъ мы видѣли, 68.100,000 ливр., почти сбалансировалась бы, а между тѣмъ, въ этихъ опредѣленныхъ доходахъ заключается фондъ погашенія, именно 8.000,000, примѣняемыхъ къ послѣднему займу въ 80 милліоновъ, а также ежегодная дополнительная сумма въ 2.100,000 ливр., предназначенная къ погашенію, въ двадцать лѣтъ, ссуды въ 70 милліоновъ, полученной отъ учетной кассы въ 1787 г. ²⁾

¹⁾ Нѣкоторыя небольшія увеличенія доходовъ и расходовъ, происшедшія съ 1-го мая 1789 г., оставлены въ сторонѣ, чтобы не умножать здѣсь подробностей.

²⁾ Разница между этимъ результатомъ и результатомъ 60 милл., послужившимъ основаніемъ для декрета Національнаго Собранія, происходитъ оттого, что финансовый комитетъ сравнивалъ сумму предполагаемаго имъ сбереженія отъ сокращенія пенсій и пособій съ той, до которой онѣ простирались до сокращенія, произведеннаго въ министерство архіепископа санскаго (Sens); а такъ какъ это сокращеніе въ 4.889,000 ливр. было записано на приходъ общаго счета 1789 г., то его нельзя представлять какъ выгоду, относящуюся къ результату счета 1789 г. Фондъ, предназначенный на непредвидѣнные расходы и на внутренніе расходы администраціи, мнѣ кажется, слишкомъ строго ограниченъ. Наконецъ, не понимаю конечнаго обязательства произвести, такъ или иначе, сокращеніе въ 60 милл., ибо извѣстный расходъ можетъ быть преобразованъ не прежде, какъ въ тотъ моментъ, когда станетъ достовѣрно извѣстно, что онъ не необходимъ.

Однако, этотъ точный балансъ оставлялъ бы еще мѣсто для покояства въ будущемъ, если вы не обезпечите скоро увеличеніе доходовъ, независимое отъ замѣны мало приносящихъ налоговъ, предметъ, о которомъ я буду говорить особо. Въ самомъ дѣлѣ, всякій предвидѣть возрастаніе расходовъ, которое должно произойти вслѣдствіе отмѣны продажи должностей, вслѣдствіе всѣхъ вашихъ будущихъ рѣшеній относительно судебной части и вслѣдствіе ежегодныхъ издержекъ, которыя потребуются для Національныхъ Собраній. Нужно еще замѣтить, что между реформами, рѣшенными въ финансовомъ комитетѣ, есть много суровыхъ, и которыя необходимо вынудятъ къ назначенію пенсій; ибо было бы противно всѣмъ правиламъ правды и справедливости оставить безъ вознагражденія и безъ всякаго знака участія и покровительства людей, которые долго служили обществу на дѣлу и которые остались бы безъ средствъ въ такомъ возрастѣ, когда уже нелегко найти новый родъ занятій. Наконецъ, было бы важно для кредита, чтобы публика теперь же примѣтила существованіе избытка, могущаго быть употребленнымъ на увеличеніе погашенія или уплаты, долговъ; и вашъ финансовый комитетъ полагалъ, какъ и я, что лучшимъ средствомъ достигнуть этой цѣли было бы декретировать, что, начиная съ 1-го января 1791 г., переводится на обязанность провинцій исполненіе различныхъ расходовъ: таковы расходы на содержаніе благотворительныхъ мастерскихъ; издержки по взиманію податей, покрываемыя нынѣ изъ средствъ государственной казны; расходы, относящіеся къ уничтоженію нищенства, различныя пожертвованія, подаванія, пособія госпиталямъ и воспитательнымъ домамъ; содержаніе, ремонтъ и постройка зданій, относящихся къ общественному дѣлу; часть расходовъ, относящихся къ путямъ сообщенія; расходы по содержанію муниципальной стражи и полиціи; расходы по уголовному судопроизводству и содержанію арестантовъ; расходы, относящіеся къ провинціальнымъ собраніямъ, замѣняемымъ теперь департаментскими собраніями; наконецъ, разныя мѣстные и случайные расходы. Всѣ эти предметы вмѣстѣ, о чемъ вашъ финансовый комитетъ уже докладывалъ вамъ, составляютъ въ настоящую минуту расходъ, лежащій на обязанности государственной казны, около 30 милліоновъ; но провинціямъ они будутъ стоить гораздо меньше, потому что департаментскія собранія могутъ дѣлать сокращенія и экономіи въ управленіи этими самими расходами, и потому что для предметовъ благотворительности и милосердія имъ можно дать замѣну изъ доходовъ духовенства. Поэтому кажется, что изъ всѣхъ способовъ помочь казнѣ, тотъ, который можетъ обогатить ее въ пропорціи, много превышающей мѣру требуемыхъ жертвъ, долженъ быть признанъ наиболѣе разумнымъ. Вы легко замѣтите еще, что результатъ этихъ жертвъ, если вы примете только что указанныя рѣшенія, будетъ много ниже той выгоды, которую будутъ ежегодно пользоваться кредиторы податного сословія, вслѣдствіе участія привилегированныхъ классовъ въ платежѣ обыкновенныхъ налоговъ.

Я долженъ замѣтить еще, что отсрочки и льготы, данныя провинціямъ въ уменьшеніе ихъ налоговъ, простираются до 7 милліоновъ; вы навѣрно найдете, при обсужденіи мотивовъ этихъ льготъ, что тутъ царитъ неравенство, и что посредствомъ болѣе равномернаго распредѣленія можно бы было еще этой мѣрой способствовать общему облегченію.

Прежде чѣмъ говорить о замѣнѣ налоговъ, я долженъ на минуту остановиться на просроченномъ долгѣ; онъ состоитъ, въ департаментѣ финансовъ, почти только въ недоплатахъ пенсій, ренгъ, жалованья, и, по издавна установленному порядку, каждый былъ доволенъ, получая каждый годъ игрокъ одного года. Остатки долга, происшедшіе вслѣдствіе смерти владѣльцевъ, случайный незначительный расходъ, ликвидировались въ эту эпоху, и ихъ уплачивали подобнымъ же образомъ каждый годъ въ размѣрѣ годовой суммы; такимъ образомъ, то,

что называют просрочной или недоплатой въ этой части расхода, было нечувствительнымъ бременемъ для казны.

За исключеніемъ, слѣдовательно, долговъ, относящихся къ постройкѣ и ремонту зданій и къ ихъ меблировкѣ, въ суммѣ около 15 или 16 милліоновъ, за исключеніемъ еще уплаты, которая могутъ быть потребованы и которая составляютъ часть чрезвычайныхъ расходовъ этого или слѣдующаго года, я не припомню ни одной серьезной претензіи къ финансовому вѣдомству, кромѣ развѣ нѣсколькихъ спорныхъ претензій, относящихся къ операціямъ, произведеннымъ въ 1786 и 1787 гг., для поддержанія курса государственныхъ фондовъ. Эти претензіи, могущія быть принятыи во вниманіе, были бы болѣе, чѣмъ сбалансированы тѣми, которыя могло бы предъявить финансовое вѣдомство, и изъ которыхъ многимъ уже данъ ходъ. Если бы, однако, вашъ ликвидационный комитетъ допускалъ безъ разбора всякія просьбы и претензіи, онѣ посыпались бы со всѣхъ сторонъ, и онѣ испытывали бы то, что постоянно случается при вступленіи въ должность новаго министра финансовъ. Всѣ, кому было отказано въ ихъ домогательствахъ при прежнихъ администраціяхъ, повторяли бы свои попытки у новой, и иногда эти попытки увѣнчивались бы успѣхомъ.

Не думаю, чтобы въ военномъ министерствѣ были какой нибудь важный просроченный долгъ; ибо нельзя разсматривать съ этой точки зрѣнія тѣ отсрочки, которыя даютъ и всегда будутъ давать подрядчикамъ и поставщикамъ, и которыя постоянно возобновляются.

Въ морскомъ министерствѣ существуютъ долги другого рода, потому что долги, относящіяся къ послѣдней войнѣ, еще не вполне уплачены, и потому что уже нѣсколько лѣтъ его обыкновенные расходы превышаютъ фонды, получаемые отъ финансоваго вѣдомства. Нужно, безъ сомнѣнія, приступить къ ихъ погашенію, отличая, разумѣется, предметы ликвидированные и признанные отъ всѣхъ старыхъ претензій, отъ всѣхъ спорныхъ требованій, которыя обыкновенно замѣшиваются въ таблицы этихъ долговъ.

Какъ бы то ни было, исполняя обязанности точной справедливости относительно всѣхъ долговъ министерствъ финансовъ, военнаго, морского, иностранныхъ дѣлъ и королевскаго двора, но взявшись за это съ надлежащимъ благоразуміемъ, можно съ увѣренностью сказать, что сумма 150 — 200 милліоновъ, распределенная на нѣсколько лѣтъ, будетъ вполне достаточно, чтобы ликвидировать ту часть могущаго быть потребованнымъ долга, проценты по которой, не бывъ опредѣлены, не могли быть включены въ число ежегодныхъ расходовъ государства.

Правда, я оставилъ въ сторонѣ въ этомъ исчисленіи просрочки рентъ на городскую ратушу. Въ концѣ этого года будетъ одинъ годъ опозданія, если обстоятельства не позволятъ ускорить платежи; я думаю, что если съ 1-го января 1791 г. полное поправленіе финансовыхъ дѣлъ позволитъ, какъ это не подлежитъ сомнѣнію, уплачивать аккуратно каждыя шесть мѣсяцевъ, то продолженіе отсрочки на годъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, когда мы разбогатѣемъ, могло бы быть разсматриваемо какъ содѣйствіе рантьеровъ къ облегченію нашихъ несчастныхъ обстоятельствъ, и я сомнѣваюсь, чтобы нашлось много такихъ, которыхъ бы огорчила эта жертва.

Предположимъ же, что просроченные долги государства поднимаются только до уровня моего исчисленія,—вотъ что можно бы противопоставить имъ прежде всего: расходъ антиципацій въ общемъ счетѣ мая 1789 г., служащемъ базой всѣмъ сдѣланнымъ Национальному Собранію докладамъ, составляетъ статью въ 15,800,000 ливр.; но

этотъ расходъ надо считать уже только въ половину, такъ какъ антиципации сводятся въ настоящую минуту къ 141 миллиону ¹⁾.

Оставалась бы, слѣдовательно, отъ 7 до 8 миллионѣвъ свободнаго дохода для уплатъ по просроченному долгу; кромѣ того, будетъ 1,500,000 ежегодныхъ погашеній, представляющихъ каждый разъ 30 миллионѣвъ освобожденнаго капитала; будутъ всѣ ресурсы, которые могутъ быть доставлены продажей церковныхъ и государственныхъ имуществъ, сверхъ суммъ, предварительно необходимыхъ для погашенія циркулирующихъ билетовъ. Можно быть, слѣдовательно, вполне увѣреннымъ, что просроченный долгъ не можетъ внести никакой перемѣны въ результатъ мѣръ, которыя были вамъ предложены, для установленія совершеннаго равновѣсія между опредѣленными доходами и расходами.

Есть, однако, одинъ долгъ, который я не могъ помѣстить въ счетъ, но который вполне достоинъ сочувствія великой націи. Многіе граждане понесли значительные убытки; ихъ жилища были спалены, ихъ имѣнія были опустошены. Охранительная власть гарантировала бы ихъ отъ этихъ покушеній, если бы она не была безсильной; между тѣмъ, эта гарантія есть первая защита, на которую надѣются, первый возвратъ, котораго ожидаютъ, когда вносятъ долю своего состоянія въ государственную казну. Не найдете ли вы справедливымъ, чтобы новые департаменты привели въ извѣстность эти убытки и чтобы возмещение ихъ, не строго точное, но разумно справедливое, сдѣлалось долгомъ націи, подлежащимъ уплатѣ, если не въ настоящее время, то по крайней мѣрѣ въ болѣе счастливые дни? Это отъ имени короля я представляю эту идею на ваше благоусмотрѣніе; она достойна его великодушнаго сердца, она достойна верховнаго главы націи, которой вы являетесь представителями.

Что остается еще къ обсужденію въ разсматриваемыхъ мною вопросахъ? Замѣна соляной пошлины, поступленіе которой съ каждымъ днемъ уменьшается, замѣна нѣкоторыхъ другихъ пошлинъ, отмѣна которыхъ уже декретирована вами, замѣна тѣхъ налоговъ, которые вы, быть можетъ, также желаете отмѣнить, или по крайней мѣрѣ видоизмѣнить. Вы назначили комиссію для исполненія этой задачи, поручивъ ей изыскать такой способъ налога, который больше согласовался бы съ принципами конституціи. Это великій и новый приемъ обсуждать столь важный предметъ; однако не надо терять изъ виду, что факты и практика показываютъ, повидимому, примѣры всякихъ налоговъ, какіе только теорія можетъ открыть. Двадцатины представляютъ примѣръ налоговъ, соразмѣренныхъ съ доходами, и которые измѣняются съ ихъ возрастаніемъ или уменьшеніемъ. Подушная и личная подати, общая сумма которыхъ опредѣлена, принадлежатъ къ числу сборовъ, распределеніе которыхъ соразмѣряется съ извѣстной или по крайней мѣрѣ съ предполагаемой платежеспособностью плательщиковъ. Пошлины на потребленіе, падающія на расходы плательщиковъ, представляютъ примѣръ налоговъ, постигающихъ даже неизвѣстныхъ имущественныхъ состояній. Пошлины на предметы роскоши даютъ понятіе о налогахъ, служащихъ къ примиренію выгодъ фиска съ принципами политической морали. Наконецъ, принятая доселѣ духовенствомъ система обложенія, имѣвшая цѣлью установленіе еще болѣе замѣтной разницы между различными плательщиками,

¹⁾ Въ началѣ этой меморіи было сказано, что антиципации для десяти послѣднихъ мѣсяцевъ этого года составляли 124.000,000 ливр.

Къ этому надо прибавить возобновленія, сдѣланныя на одинъ годъ, въ теченіе двухъ первыхъ мѣсяцевъ этого года 17.000,000 >

Итого 141.000,000 ливр.

давая понятіе о такомъ распредѣленіи налога, гдѣ элементарная пропорціональность измѣняется соразмѣрно съ разницей въ состоятельности плательщиковъ.

Такъ какъ, слѣдовательно, выгоды и неудобства различныхъ системъ обложенія уже извѣстны изъ опыта, то надо надѣяться, что не будутъ тратить слишкомъ много времени на отвлеченное изученіе принциповъ, и что немедленно поставятъ васъ въ возможность установить неизбѣжныя правила по предмету, который весьма важно урегулировать какъ можно скорѣе. Въ ожиданіи доклада вашей комиссіи, кредиторы государства, вообще всѣ тѣ, чья участь и состояніе связаны такъ или иначе съ упорядоченіемъ финансовъ, мнѣ кажется, не должны испытывать никакого безпокойства, и, чтобы способствовать ихъ успокоенію, позволю себѣ представить здѣсь нѣсколько общихъ замѣчаній.

Безпокойство публики направлено главнымъ образомъ на замѣну соляной пошлины: находятъ, что даваемый ею сборъ, обращенный въ индивидуальныя налоги, каковы личная и подушная подати, былъ бы слишкомъ обременителенъ, особенно если бы эта замѣна коснулась исключительно платящихъ соляную пошлину провинцій, которыя составляютъ только три пятыхъ королевства, по численности населенія; но духъ справедливости и братства, господствующій въ Национальномъ Собраніи, служитъ порукою, что въ общемъ распредѣленіи налоговъ области взиманія соляной пошлины получатъ какое либо особое облегченіе. Раздѣленіе соляной пошлины на главный налогъ и на добавочный (*sous pour livre*) давало бы единственное средство къ этому справедливому распредѣленію; ибо если первоначальный соляной налогъ можно разсматривать какъ нѣкотораго рода балансъ большей пропорціональной подати, платимой нѣкоторыми провинціями, освобожденными отъ этого налога, то добавочный налогъ, составляющій, однако, нынѣ третью всего поступления соляной пошлины, совершенно разстроилъ первое равновѣсіе, если только таковое когда-либо существовало въ полной мѣрѣ. Этотъ добавочный соляной налогъ, хотя предназначенный на удовлетвореніе общихъ нуждъ государства, не сопровождался соответствующей надбавкой къ налогамъ, платимымъ другими провинціями; удобства фиска опредѣлили выборъ этого рода ресурсовъ, а о требованіяхъ общей справедливости тогда мало заботились. Такимъ образомъ, когда теперь все королевство было бы призвано къ перенесенію замѣны этого добавочнаго налога, это было бы только возвратъ къ тѣмъ принципамъ, отъ которыхъ администрація никогда не должна бы была отступать.

Не могу удержаться, чтобы не высказать, что убѣдительныя причины должны побуждать не откладывать отмѣны соляной пошлины: такъ какъ всѣ смотрятъ на этотъ налогъ, какъ на конченный, то его платятъ лишь съ сопротивленіемъ, и возмущеніе становится до того общимъ, что власти находятся въ необходимости вести неустанную борьбу противъ усилій контрабанды,—положеніе вещей, безусловно противное общественному порядку; ибо съ одной стороны дѣлаютъ бесполезное и даже опасное употребленіе силы, ежедневно компрометируютъ ее, съ другой же приучаютъ народъ къ неуваженію законовъ; а разъ онъ взялъ эту привычку, его уже трудно въновь поставить на путь морали и справедливости.

Пошлины, извѣстныя подъ именемъ *aides*, имѣютъ мѣстный характеръ, и потому ихъ сохраненіе, отмѣну, видоизмѣненіе нѣтъ надобности опредѣлять общимъ закономъ; измѣненія этого рода, признанныя умѣстными, могли бы быть урегулированы, въ большинствѣ случаевъ, департаментскими собраніями, которымъ можно бы было предоставить свободу замѣны, подъ авторитетомъ декретовъ Национальнаго Собранія, санкціонированныхъ королемъ. Въ этого рода случаяхъ есть много особенныхъ условій, свойственныхъ каждой провинціи и которыя необходимо принимать въ соображеніе; эти измѣ-

ненія, произведенныя по усмотрѣнію провинцій, и выгоды, которыя получились бы отъ экономіи, были бы уже значительнымъ облегченіемъ. Замѣчу однако, что соображенія, изложенныя мною относительно добавочнаго налога на соль, примѣнимы также и къ пособіямъ, такъ какъ многіе изъ этихъ сборовъ существуютъ не во всѣхъ провинціяхъ.

Для торговли и мануфактуръ важно, безъ сомнѣнія, чтобы пошлины на внутреннее обращеніе были отмѣнены; но пошлины эти не поднимаются до 8 милліоновъ, и въ планахъ, переданныхъ на разсмотрѣніе особой комиссіи Національнаго Собранія, слѣдовало бы предложить средства къ замѣнѣ ихъ другими источниками.

Регистраціонная и контрольная пошлины и т. п. подлежатъ многимъ улучшеніямъ, но такая работа требуетъ времени; вѣроятно, вы не предпримете ее послѣшно, и результатъ легко можетъ доставить ту же сумму доходовъ.

Есть нѣсколько пошлинъ, составляющихъ часть управленія государственными имуществами и уже отмѣненныхъ, какъ-то: пошлины съ перехода помѣстья во владѣніе лица не привилегированнаго сословія, около 1.600,000 ливр.; пошлины, относящіяся къ награжденію судей за окончаніе дѣла; но и многія другія отмѣны этого рода могли бы быть результатомъ вашихъ принциповъ относительно отправленія правосудія. Убыль въ доходахъ составила бы около 4 милліоновъ, въ случаѣ отмѣны всѣхъ пошлинъ, относящихся къ судопроизводству; а если бы прибавить къ этому отмѣну гербовой пошлины на бумагу и пергаментъ, употребляемые въ судопроизводствѣ, то это распоряженіе, вѣроятно, причинило бы еще пробѣлъ въ размѣрѣ около 3 милліоновъ.

Замѣняя часть этихъ различныхъ пошлинъ, отмѣны которыхъ вы желаете, легко было бы найти какой нибудь умѣренный гербовый сборъ, примѣнимый къ общимъ предметамъ, и установленіе котораго имѣло бы лишь неудобства, связаннаго со всякимъ вообще налогомъ.

При разсмотрѣніи источниковъ, которые могли бы служить къ замѣнѣ налоговъ, поступленіе которыхъ прекратилось или уменьшилось, главное вниманіе, какъ вы знаете, обращаютъ на результатъ годовыхъ доходовъ, которые будутъ слѣдствиемъ вашихъ проектовъ, относящихся къ церковнымъ имуществамъ, пошлинамъ, рентамъ и десятинамъ.

Извѣстно еще вообще, что доходъ, даваемый двадцатинами, значительно увеличился бы при болѣе правильномъ распредѣленіи этого налога.

Вы не рискуете, конечно, безъ самаго зрѣлаго размышленія, важными доходами, доставляемыми табачнымъ откупамъ, доходами, допускающими еще увеличеніе посредствомъ усовершенствованія управленія этой монополіей.

Есть еще одинъ видъ налога, неудобство котораго было бы, можетъ быть, наименѣе ощутительнымъ, потому что онъ упадаетъ на приращенія состоянія, всего чаще неожиданныя: это налогъ на наслѣдство, переходящія не по прямой линіи; въ настоящее время онъ составляетъ только 1 процентъ и упадаетъ только на реальныя недвижимости; можно бы было, увеличивъ его и распространивъ по крайней мѣрѣ на фиктивныя недвижимости, доставить казнѣ новый немаловажный доходъ.

Вы не подумаете, конечно, что, представляя столь бѣгло нѣкоторыя замѣчанія относительно финансовъ Франціи, я воображаю, что вы можете извлечь изъ этихъ замѣчаній какой либо новый свѣтъ; я имѣю въ виду въ эту минуту только успокоить тревоги кредиторовъ государства по поводу уменьшенія государственныхъ доходовъ, показывая краткимъ изложеніемъ обстоятельствъ, что эти опасенія преувеличены, и что Національному Собранію, чтобы разсѣять ихъ, не придется бороться противъ слишкомъ большихъ трудностей.

Ахъ! пусть никогда не отчаяваются въ общественномъ дѣлѣ, среди

націи богатой и великодушной, націи, которая съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе научается познавать свои истинныя пользы; но не надо затруднять ея движеній, въ особенности не надо долго оставлять ее въ этой неуверенности относительно финансоваго положенія, которая раздражаетъ личный интересъ и стремится отвлечь его отъ интереса общаго. Ускорьте же, Мм. Гг., все, что вы можете, все, что вы должны сдѣлать, чтобы возстановить порядокъ въ финансахъ; распространяйте всякими способами миръ и спокойствіе въ умахъ. Свобода не единственный предметъ вашихъ желаній; ибо не изъ одной доли состоитъ счастье людей. Подумайте еще, Мм. Гг., что послѣ возстановленія порядка въ финансахъ, послѣ замѣны исчезнувшихъ доходовъ, послѣ установленія совершеннаго равновѣсія между постоянными доходами и расходами, наконецъ, послѣ того, какъ вы освободитесь отъ грозящихъ въ ближайшемъ будущемъ затрудненій, которыми мы справедливо встревожены, пройдетъ еще нѣкоторое время, прежде чѣмъ мы увидимъ кредитъ во всей его силѣ. Какъ, слѣдовательно, дни драгоцѣнны, особенно послѣ столь долгаго ожиданія!

Я испытываю нѣкотораго рода стыдъ за то, что такъ долго повсвѣщаль всѣ націи Европы въ тайну нашихъ финансовыхъ затрудненій. Вы не можете себѣ представить, до какой степени ваши различныя совѣщанія теряютъ свою окраску на нѣкоторомъ разстояніи, доколѣ не видятъ вась энергично занятыми тѣмъ, что составляетъ силу государства, поправленіемъ кредита и возстановленіемъ порядка. Заграницей не знаютъ также о нашемъ патриотизмѣ, видя, какъ вяло идетъ во многихъ городахъ сборъ налога, основаннаго на этой добродѣтели, видя, какъ сопротивляются, какъ уклоняются во многихъ мѣстахъ отъ платежа налоговъ, необходимыхъ для удовлетворенія нуждъ государства или для уплаты долговыхъ обязательствъ; оттого внутри королевства, при видѣ столькихъ людей, оставляющихъ въ этой части общественный интересъ, каждый охладѣваетъ, каждый уединяется, и сопротивленія всякаго рода обращаютъ администрацію въ постоянную негоціацію со всѣми интересами, со всѣми желаніями, со всѣми страстями. Ахъ! сколько затрудненій! Но конецъ, уже улавливаемый нашими надеждами, недалекъ, и мы дойдемъ до него; ибо вы не преминете соединить вашу дѣятельную помощь съ усиліями финансоваго управленія. Посмотрите, Мм. Гг., по всей Франціи, на эту несмѣтную толпу гражданъ, которые усиленно просятъ вась объ этомъ; взгляните ближе къ вамъ на этихъ жителей Парижа, которые потерей, испытываемой ими на выпущенныхъ въ обращеніе билетахъ кассы, замедленіемъ оплаты ихъ рентъ и самой краткой и достойной уваженія снисходительностью къ несчастнымъ обстоятельствамъ заслуживаютъ самаго чувствительнаго вниманія съ вашей стороны. Я не сомнѣваюсь, вы сдѣлаете добро въ полной мѣрѣ; но теперь эта цѣль, по крайней мѣрѣ для финансовъ, можетъ быть достигнута только посредствомъ величайшей поспѣшности. Средства рѣшительныя, ресурсы дѣйствительныя перешли въ ваши руки; вы присоедините то, что приводитъ ихъ въ движеніе, горячую волю, выдержанное рвеніе, и скоро умы успокоятся, и прояснившійся горизонтъ займетъ мѣсто этихъ тучъ, которыя теперъ обложили наше поле зрѣнія.

Особая замѣтка.

Эта статья выдѣлена изъ предыдущей меморіи для того, чтобы болѣе привлечь къ себѣ вниманіе Національнаго Собранія.

Администраторы учетной кассы хотятъ уплатить приказами или ассигновками, полученными годъ тому назадъ изъ государственнаго казначейства, но срокъ которымъ наступитъ въ апрѣль, май и іюні,

остальную сумму въ счетъ 80-милліоннаго займа. Финансовое управленіе категорически отказывается пойти на эту сдѣлку, которая крайне затруднила бы операціи этого мѣсяца и первыхъ дней слѣдующаго. Министръ финансовъ проситъ Національное Собраніе помѣшать декретомъ, или простымъ письмомъ своего предѣдателя по уполномочію собранія, исполненію намѣренія учетной кассы произвести уплату остальной суммы по 80-милліонному займу бумагамъ, срокъ которымъ переходитъ за мѣсяць мартъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Нужды текущаго года и средства къ ихъ удовлетворенію.

Г. де-Монтескю напоминаетъ расчеты г. Неккера о нуждахъ и о ресурсахъ: сумма 294 милліона есть, повидимому, мѣра нуждъ остальной части года. Ресурсы, примѣнимые къ десяти послѣднимъ мѣсяцамъ года, простираются до 292 милліоновъ. Такъ какъ нѣкоторые изъ этихъ ресурсовъ ненадежны, то министръ считаетъ необходимымъ, для обезпеченія правильнаго хода текущихъ операцій, открыть финансовому управленію новый кредитъ въ 30—40 милліоновъ на учетную кассу, чтобы сдѣлать изъ нихъ болѣе или менѣе скорое употребленіе, смотря по надобности.

По разсмотрѣнію возвѣщенныхъ нуждъ и требованій министра, комитетъ находитъ, во-первыхъ, что предполагаемое уменьшеніе косвенныхъ налоговъ, за десять послѣднихъ мѣсяцевъ года, на 60 милліоновъ представляется преувеличеннымъ; оно не превыситъ 30 милліоновъ, что сводитъ массу нуждъ къ 264 мил.; нужно еще вычесть 28 мил., которые должны быть въ кассѣ; слѣдовательно, достаточно добыть 226 мил. Изъ предлагаемыхъ средствъ три безспорны: сокращеніе расходовъ, двадцатины духовенства и патріотическій сборъ, включая сюда фонды, переданные непосредственно Національному Собранію, что дастъ около 69 милліоновъ. Такимъ образомъ нужды необезпеченныя выражаются цифрою 157 мил. Г. Неккеръ указываетъ ускореніе на части сборовъ, исчисляемой въ одну двѣнадцатую обыкновенныхъ налоговъ, что дастъ 15 мил. Мы считаемъ это ускореніе удобоисполнимымъ. Такимъ образомъ всѣ нужды текущаго года свелись бы къ 142 мил. Министръ предлагаетъ четыре операціи, кажушіяся весьма различными и имѣющія много аналогіи:

1) Возобновленіе антиципацій; 2) заемъ въ теченіе года; 3) уплата, по соглашенію, двухъ полугодій по рентамъ бумагами, чтобы не платить деньгами 50 милліоновъ; 4) уплата расходовъ 1790 г. бумагами на срокъ 1791 г.

Эти четыре средства достигаютъ 270 мил., но даютъ казнѣ ежегодно только 170 мил. Ихъ можно бы было свести къ 142 мил., къ дѣйствительной суммѣ нуждъ. Прежде чѣмъ дѣлать новый заемъ, можно рассчитывать на добавочную сумму сентябрскаго займа, которая должна быть равна 10 милліонамъ. Поэтому будемъ имѣть въ виду только 132 милліона, какъ цифру, выражающую совокупность потребностей. Разсмотримъ теперь предлагаемыя четыре операціи. Не ждите, чтобы комитетъ рекомендовалъ вамъ антиципаціи; онъ думалъ, что онѣ уже отмѣнены нашими декретами; оказывается, что онѣ отмѣнены вашими принципами. Эта система облегчаетъ хищенія, уничтожаетъ отвѣтственность, вноситъ безпорядокъ въ управленіе финансами; это ей именно Франція и обязана тѣмъ положеніемъ, въ какомъ теперь находятся ея финансы. Далекіе отъ того, чтобы предла-

гать вамъ возобновленіе 60 мил. антиципацій, мы скорѣе представили бы вамъ декретъ о совершенномъ ихъ уничтоженіи. Антиципаціи безспорно самый дорогой и самый гибельный изъ налоговъ.

Второе средство—умѣренный заемъ въ теченіе этого года, въ благопріятный моментъ и въ какой либо привлекательной формѣ. Нѣтъ большей привлекательности, какъ значительная выгода: сентябрьскій заемъ предлагалъ 6¹/₂%, и однако не реализованъ полностью.

Третье средство, относящееся къ рентамъ, представляется болѣе легкимъ и болѣе удобнымъ; надо рассмотреть его результатъ. Казна, правда, сохранитъ 50 мил.; но въ будущемъ году придется платить проценты по бумагамъ на 150 мил., и дефицитъ увеличится на 7.500,000 ливр.; операція эта была бы, впрочемъ, полезна только богатымъ рантьерамъ, потому что только они могли бы согласиться получить три четверти своихъ рентъ въ бумагахъ.

Четвертая операція состоятъ въ уплатѣ бумагами на срокъ будущаго года разныхъ расходовъ этого года; это, конечно, наименѣе дорогая изъ антиципацій, но это всетаки антиципація, и комитетъ отступилъ бы отъ вашихъ и отъ своихъ принциповъ, если бы принялъ это средство, наименѣе неудобное изъ четырехъ предложенныхъ.

Справедливо предоставить требуемый кредитъ и положиться въ этомъ отношеніи на мудрость министра.

Итакъ, для пополненія ресурсовъ этого года требуется 132 милліона. Между вашими отвѣтами есть одинъ весьма драгоцѣнный, весьма важный, и который сводится къ неоспоримому пункту.—Какъ! вы потерпѣли бы, чтобы Европа узнала, что четверть дохода королевства и что усилія патриотизма почти безплодны? Нѣтъ, вы этого не потерпите; позвольте, чтобы мы представили вамъ расчетъ умѣренный, установленный на достовѣрныхъ базахъ. Четверть дохода, уплачиваемая въ тридцать мѣсяцевъ, равноцѣнна двумъ десятымъ съ половиной, что составляетъ одну десятую въ годъ. Вы знаете, что даетъ ежегодно одна десятая. Она будетъ еще увеличена податью съ привилегированныхъ, податью съ рантьеровъ, капиталистовъ, сборами съ торговли, промышленности, и вы увидите удвоившейся сумму, возвѣщенную г. Неккеромъ. Мы предлагаемъ послать департаментамъ инструкцію о средствахъ къ устраненію неисправности въ уплатѣ этихъ налоговъ, чтобы предупредить небрежность, столь же предосудительную въ своихъ принципахъ, какъ и пагубную въ своихъ слѣдствіяхъ. Успѣхъ этого распоряженія уменьшилъ бы еще нужды этого года и свелъ бы ихъ къ суммѣ крайне умѣренной.

ГЛАВА II.

О государственныхъ бумагахъ.

Можно ли употреблять государственные билеты? Будутъ ли они свободны отъ неудобства бумажныхъ денегъ, благодаря специальному залогу, который будетъ имъ данъ на часть церковныхъ и государственныхъ имуществъ, и присвоенному имъ проценту? Министръ спрашиваетъ ихъ съ билетами кассы и полагаетъ, что ихъ также легко пустить въ обращеніе. Но не опасно ли увеличивать количество этихъ билетовъ? спрашиваетъ г. Неккеръ; онъ исходитъ изъ предположенія о выпускѣ 300 милліоновъ. Если намъ удастся уменьшить эту сумму, то вопросъ представитъ въ болѣе благопріятномъ видѣ. Намъ нужно найти только 132 мил.; и если учетная касса имѣетъ не болѣе 160 милліоновъ въ обращеніи, то общая сумма оказалась бы равной 292 мил., такъ что г. Неккеръ не имѣлъ бы причины пугаться слишкомъ значительнаго выпуска. Въ прошломъ ноябрѣ этотъ министръ

предлагалъ увеличить выпускъ билетовъ кассы до 240 мил. и однако не могъ дать имъ ни процента, ни обезпеченія. То, что онъ намѣревался сдѣлать въ ноябрѣ, при обстоятельствахъ, менѣе благоприятныхъ, не могли ли бы мы попытаться съ успѣхомъ сдѣлать въ настоящую минуту? Этимъ и разрѣшается вопросъ.

Новые государственные билеты будутъ, безъ сомнѣнія, пользоваться предпочтеніемъ; и такъ какъ эта операція неизбежна, то приобретаемъ увѣренность въ удовлетвореніи нашихъ нуждъ и въ возможности избавиться отъ того гнетущаго безпокойства, которое каждые два мѣсяца прибавляетъ новыя затрудненія къ столькимъ уже существующимъ.

Вашъ комитетъ, взвѣсивъ эти различныя соображенія, пришелъ къ тому заключенію, что можно принять рѣшеніе, которое освободило бы въ одно и то же время и кассу, и государственную казну. Ассигнаціи показались ему способными оказать эту услугу; мнѣніе его опиралось на мнѣніе г. Неккера; онъ могъ бы сослаться еще на желаніе коммуны Парижа, которая, безъ сомнѣнія, будетъ имѣть подражателей и облегчитъ операцію освобожденія государства. Поэтому комитетъ предлагаетъ: 1) уплатить учетной кассѣ 260 мил. ассигнаціями, приносящими 5% дохода; 2) присвоить этимъ ассигнаціямъ способность замѣнять собой, въ обращеніи, билеты учетной кассы и быть принимаемыми, наравнѣ съ послѣдними, во всѣхъ кассахъ; 3) распорядиться о доставленіи казнѣ изъ кассы чрезвычайныхъ доходовъ 132 мил., также ассигнаціями, для исполненія бюджета 1790 г. Ассигнаціи могутъ оказать большія услуги; но комитетъ не скрываетъ отъ себя, что необходимо, чтобы имущества, служація имъ обезпеченіемъ, были совершенно свободны отъ всякаго залога. Когда будетъ доказано, что нація имѣетъ въ рукахъ средства удовлетворять выдачу жалованья клирикамъ, потребности культа, пособия для бѣдныхъ и расходы по долгамъ духовенства, не трогая обезпеченій ассигнацій, эти послѣднія будутъ имѣть значеніе не бумаги, а настоящей монеты. Должно, слѣдовательно, сдѣлать нѣкоторыя предварительныя, весьма важныя и необходимыя, операціи. Этими идеями комитетъ и руководствовался въ своемъ заключеніи.

ГЛАВА III.

О комитетѣ государственнаго казначейства.

Первый министръ финансовъ почувствовалъ представляющіяся трудности всякаго рода; онъ видитъ, что управленіе финансами 1790 года соединяетъ неудобства прошлаго и неудобства будущаго; онъ пораженъ препятствіями, воздвигающимися между реформами, которыя нужно осуществить, и остатками стараго режима, которые нужно уничтожить. Эти соображенія породили у г. Неккера мысль, одобренную королемъ, объ учрежденіи комитета казначейства, который приобщилъ бы нѣсколькихъ членовъ Національнаго Собранія къ этимъ великимъ операціямъ.

Въ финансахъ есть сторона, неразрывно связанная съ законодательнымъ корпусомъ: этотъ корпусъ долженъ устанавливать налоги, опредѣлять расходы и т. д. Законодательство, въ области финансовъ, не отличается отъ управленія государственной казной. Вы знаете, какую пользу приноситъ въ Англіи присутствіе въ парламентѣ министра казначейства: онъ отвѣчаетъ на запросы, онъ излагаетъ принципы и детали, предуказываетъ слѣдствія предлагаемыхъ операцій. Но г. Неккеръ былъ пораженъ важною связывающею васъ декрета; онъ старался опровергнуть его мотивы. Этотъ декретъ, отъ котораго

вамъ предлагаютъ отступить, не есть плодъ одного момента: вы уже по тѣмъ же принципамъ удалили министровъ изъ Національнаго Собранія. Вы хотѣли, чтобы стѣны вашей ограды были непреходимымъ барьеромъ между центромъ власти и святилищемъ закона. Здѣсь наша конституція еще не довершена; Англія имѣетъ нравы свободнаго народа; вы имѣете еще только ихъ принципы, и вы создаете о нихъ законы. Выборы, сдѣланные дворомъ, были бы результатомъ интриги; отвѣтственность перестала бы быть полной для министровъ, если бы она была раздѣляема нѣкоторыми членами этого Собранія. Люди, причисленные къ министерству, скоро постарались бы оказывать министерское вліяніе. Нужно преградить честолюбію доступъ на эти мѣста. Это то честолюбіе, которое вы хотѣли изгнать, это то честолюбіе, которое можно разсматривать какъ патріотическій даръ добродѣтелей и талантовъ. Національное Собраніе показало бы себя неспособовательнымъ установленнымъ имъ самимъ принципамъ, если бы приняло предложеніе г. Неккера. Комитетъ думаетъ, что собраніе должно въ этомъ отношеніи твердо держаться своихъ постановленій 7 ноября и 6 февраля.

ГЛАВА IV.

О платежѣ соляной пошлыны.

Докладъ, сдѣланный вамъ вчера финансовымъ комитетомъ, вполне согласуется съ намѣреніями министра, дорогого націй, дорогого Національному Собранію; его пошатнувшееся здоровье дѣлаетъ его тѣмъ болѣе интереснымъ, что мы не можемъ не признать, что это еще одна изъ его жервъ общественному дѣлу.

Г. де-Монтескю читаетъ проектъ декрета: 1) начиная съ сего дня никакія антиципации, ассигновки, приказы на государственное казначейство не могутъ быть возобновляемы на 1791 г.; 2) имѣетъ быть немедленно образована и освобождена отъ публичной службы масса имуществъ церковныхъ и государственныхъ, цѣнностью въ 400 милліоновъ; 3) выручка отъ продажи этихъ имуществъ должна быть вносима въ кассу чрезвычайныхъ доходовъ и расходовъ; 4) сборщикъ этой кассы долженъ, тотчасъ послѣ отдачи подлежащихъ продажъ имуществъ, доставлять казнѣ ассигнаціи, приносящія 5% и платимыя каждыя шесть мѣсяцевъ; 5) что касается употребленія этихъ ассигнацій, то Національное Собраніе оставляетъ за собой право рѣшить этотъ вопросъ по разсмотрѣніи записки, представленной парижской коммунѣ; 6) суммы, выручаемыя отъ продажъ, назначаются единственно на оплату ассигнацій; 7) 160 милліоновъ, должныя учетной кассѣ, будутъ уплачены ей ассигнаціями, которыя она уполномочивается выдавать для извлеченія билетовъ, выпущенныхъ ею въ обращеніе; 8) ассигнаціи на сумму 132 милл. будутъ переданы въ государственное казначейство, для надобностей этого года; 9) финансовый комитетъ долженъ безотлагательно представить планъ режима кассы чрезвычайныхъ расходовъ, для исполненія настоящаго декрета.

Прежде чѣмъ г. де-Монтескю сдѣлалъ свой докладъ, г. председатель объявилъ о полученіи новой меморіи г. Неккера объ учрежденіи комитета казначейства. Министръ представляетъ новыя соображенія и опровергаетъ нѣкоторыя возраженія.

Мы, Людовикъ, Божіей милостію, и по основному закону государства, король французовъ: всѣмъ, кто увидитъ настоящую грамоту, привѣтъ. Национальное Собраніе объявило 16 и 17 числахъ этого мѣсяца, и мы хотимъ и повелѣваемъ, что слѣдуетъ:

I. Считаая съ настоящаго года долги духовенства должны быть признаваемы національными: на государственную казну возлагается уплата по нимъ процентовъ и капитальной суммы.

Нація объявляетъ, что она признаетъ кредиторами государства всѣхъ лицъ, которыя докажутъ, что ими были заключены законнымъ порядкомъ договоры съ духовенствомъ, и которыя предъявятъ контракты объ уплатѣ назначенныхъ имъ рентъ. Вслѣдствіе сего она обезпечиваетъ этихъ лицъ всѣмъ своимъ достояніемъ, надобно тому, какъ она дѣлаетъ это въ отношеніи всѣхъ другихъ долговъ.

II. Церковныя имущества, которыя будутъ проданы и отчуждены, въ силу декретовъ 19 декабря 1789 г. и 19 марта сего года, освобождаются отъ всякаго залога легальнаго долга духовенства, которымъ они до того были обременены, и никакое возраженіе противъ продажи этихъ имуществъ не можетъ быть предоставляемо со стороны сказанныхъ кредиторовъ.

III. Ассигнаціи, созданныя декретами 19 и 21 декабря 1789 г., нами санкціонированными, будутъ имѣть хожденіе, какъ деньги, между всѣми лицами на всемъ пространствѣ королевства, и будутъ принимаемы наравнѣ съ звонкой монетою во всѣхъ кассахъ публичныхъ и частныхъ.

IV. вмѣсто присвоенныхъ имъ доселѣ 5 процентовъ годовыхъ, имъ назначается только 3 процента, считая съ 15 апрѣля текушаго года, и выкупы, вмѣсто того, чтобы быть откладываемыми до сроковъ, указанныхъ въ означенныхъ декретахъ, будутъ производимы послѣдовательно посредствомъ тиража, какъ только накопится сумма въ одинъ миллионъ, реализованная въ деньгахъ по обязательствамъ, даннымъ муниципалитетами за имущества, которыя будутъ ими приобрѣтены, и въ соразмѣрности съ поступленіемъ патриотическаго сбора 1791 и 1792 годовъ. Если платежи будутъ сдѣланы ассигнаціями, то эти ассигнаціи должны быть сжигаемы, какъ о томъ будетъ сказано ниже, и только номера ихъ должны быть вносимы въ реестръ.

V. Ассигнаціи будутъ разныхъ достоинствъ, отъ тысячи до двухсотъ ливровъ. Проценты будутъ считаться поденно, ассигнація въ тысячу ливровъ дастъ 1 су 8 денье въ день; ассигнація въ триста ливровъ 6 денье; ассигнація въ двѣсти ливровъ 4 денье.

VI. Ассигнація будетъ имѣть каждый день цѣнность, равную ея капиталу вмѣстѣ съ наросшими процентами, и будетъ принимаема за эту сумму. Послѣдній держатель получитъ въ концѣ года полную сумму процентовъ, которая будетъ уплачиваема въ назначенный день кассой чрезвычайныхъ расходовъ какъ въ Парижѣ, такъ и въ другихъ городахъ королевства.

VII. Во избѣжаніе всякихъ споровъ при платежахъ, дебиторъ обязанъ всегда дѣлать добавку деньгами и, слѣдовательно, запасисты количествомъ звонкой монеты, необходимымъ для точнаго салдирования должной имъ суммы.

VIII. Ассигнаціи должны быть занумерованы; на полѣ должна быть означена величина ежедневнаго процента, и форма ихъ должна быть наиболѣе удобная для обращенія, какъ будетъ определено.

IX. Въ ожиданіи, когда продажа назначенныхъ къ тому национальныхъ имуществъ будетъ совершена, ихъ доходы должны быть безотлагательно вносимы въ кассу чрезвычайныхъ расходовъ, для того чтобы быть употребленными, за вычетомъ расходовъ по продажѣ, на уплату процентовъ по ассигнаціямъ; туда же должны быть вносимы облигаціи муниципалитетовъ за приобрѣтенныя имущества, и по мѣрѣ поступленія денегъ, выручаемыхъ посредствомъ продажи муниципалитетами этихъ имуществъ, деньги эти должны быть не-

медленно вносимы въ сказанную кассу, такъ какъ выручка отъ продажъ и отъ займовъ, которые муниципалитеты должны будутъ сдѣлать, на основаніи принятыхъ ими на себя обязательствъ, не могутъ быть употребляемы ни подъ какимъ предлогомъ ни на какія другія цѣли, кромѣ уплаты процентовъ по ассигнаціямъ и ихъ выкупа.

X. Ассигнаціи уносятъ съ собой залогъ, привилегію и специальную делегацию (переводъ долга), какъ на доходъ, такъ и на цѣну сказанныхъ имуществъ, такъ что пріобрѣтатель, купившій отъ муниципалитетовъ, будетъ имѣть право требовать, чтобы ему было легально доказано, что его платежъ служитъ къ уменьшенію муниципальных облигацій и къ погашенію равной суммы ассигнацій: для этой цѣли платежи должны быть вносимы въ кассу чрезвычайныхъ расходовъ, которая будетъ выдавать росписку въ зачетъ облигаціи такого-то муниципалитета.

XI. Четыреста милліоновъ ассигнацій будутъ употреблены, во-первыхъ, на обмѣнъ билетовъ учетной кассы до общей суммы, которую ей должна нація за стоимость билетовъ, переданныхъ ею въ казну, въ силу декретовъ Національнаго Собранія.

Что затѣмъ останется отъ означенныхъ 400 мил. будетъ послѣдовательно вносимо въ государственное казначейство, какъ для погашенія антиципацій по наступленіи ихъ сроковъ, такъ и для сближенія на одно полугодье просроченныхъ процентовъ по государственному долгу.

XII. Всѣ держатели билетовъ учетной кассы обмѣняютъ эти билеты на ассигнаціи той же суммы въ кассѣ чрезвычайныхъ расходовъ, до 15 числа будущаго іюня, и въ какое бы время они ни явились въ этотъ промежутокъ, ассигнація, которую они получаютъ, всегда будетъ носить процентъ въ ихъ пользу, считая съ 15 апрѣля; но если они явятся послѣ 15 іюня, то изъ слѣдующихъ по ассигнаціи процентовъ будетъ сдѣланъ вычетъ за время съ 15 апрѣля до дня, въ который они явятся.

XIII. Теченіе процентовъ, присвоенныхъ учетной кассѣ на всю сумму ассигнацій, которая должны быть вручены ей, прекратится съ 15 апрѣля, и государство рассчитается съ ней простымъ послѣдовательнымъ возвращеніемъ ея билетовъ до суммы, доставленной въ этихъ билетахъ.

XIV. Пятипроцентныя ассигнаціи, относительно которыхъ учетная касса докажетъ, что онѣ были неогорожены ею до даты настоящаго указа, не будутъ имѣть хожденія въ качествѣ денегъ, но будутъ выкуплены точно въ срокъ, если только владѣльцы ихъ не предпочтутъ обмѣнить ихъ на ассигнаціи—деньги. Что касается тѣхъ ассигнацій, которыя окажутся въ рукахъ администраторовъ учетной кассы, то таковыя должны быть переданы въ кассу чрезвычайныхъ расходовъ, для сожженія ихъ въ присутствіи комиссаровъ, которые будутъ назначены Національнымъ Собраніемъ и которые составятъ объ этомъ протоколъ.

XV. Возобновленіе антиципацій на обыкновенные доходы совершенно прекращается, считая со дня вослѣдованія настоящаго повелѣнія, и владѣльцамъ антиципацій въ уплату по наступленіи имъ срока будутъ выданы ассигнаціи или промессы ассигнацій.

XVI. Въ ожиданіи изготовленія ассигнацій, сборщикъ кассы чрезвычайныхъ доходовъ и расходовъ уполномочивается, впредь до выдачи ассигнацій, индоссировать, подъ наблюденіемъ двухъ комиссаровъ Національнаго Собранія, билеты учетной кассы, предназначенные только къ отправкѣ въ провинціи, надписывая на нихъ слова: *обязательство доставить ассигнацію*; и такіе билеты, называемые промессами ассигнацій, будутъ имѣть хожденіе, какъ ассигнаціи, съ тѣмъ, чтобы они были снова индоссированы тѣми лицами, которыя передадутъ ихъ въ провинцію и которыя пустятъ ихъ тамъ въ обращеніе.

Всѣ сказанные промессы будутъ извлечены изъ обращенія тотчасъ же по изготовленіи ассигнацій.

XVII. Финансовымъ комитетомъ долженъ быть немедленно представленъ Национальному Собранію планъ управления кассой чрезвычайныхъ расходовъ, для ускоренія исполненія настоящаго указа.

Повелѣваемъ и приказываемъ всѣмъ судебнымъ установленіямъ, административнымъ учрежденіямъ и муниципалитетамъ настоящій указъ записать въ своихъ регистрахъ, прочитать, опубликовать въ своихъ вѣдомствахъ и департаментахъ и исполнять какъ законъ королевства. Въ удостовѣреніе чего Мы подписали и велѣли контра-сигнировать этотъ указъ и приложить къ нему государственную печать. Данъ въ Парижѣ, въ 22 день апрѣля мѣсяца, въ лѣто отъ Рождества Христова 1790-е, царствованія же Нашего шестнадцатое.

Подписано: *Людовикъ.*

(И ниже): по повелѣнію короля, *дэ-Сенъ-При.* Объявлено въ Со-вѣтѣ, *Ламбергъ;* и приложена государственная печать.

Рѣчь г. Туре въ Национальномъ Собраніи,

произнесенная 24 марта 1790 г. при открытіи преній о новой организаціи судебной власти; напечатанная по распоряженію Национальнаго Собранія.

Предметъ, обсужденіе котораго вы только что открыли, представляетъ большой интересъ для вашихъ совѣщаній. Судебная власть есть та изъ государственныхъ властей, осуществленіе которой будетъ имѣть наибольшее вліяніе на счастье частныхъ лицъ, на прогрессъ общественнаго духа, на сохраненіе политическаго порядка и на устойчивость конституціи. Послѣ того, что сдѣлано вами, вашъ долгъ сталъ болѣе повелительнымъ относительно того, что вамъ еще остается сдѣлать: когда дойдешь до середины длиннаго и труднаго поприща, мужество и дѣятельность должны оживиться, чтобы достигнуть цѣли. Желаніе Франціи высказалось; реформа юстиціи и судебныхъ установленій есть одно изъ первыхъ ея нуждъ, и общественная вѣра въ успѣхъ возрожденія будетъ возрастать или ослабѣвать, смотря по тому, будетъ ли судебная власть хорошо или худо организована.

Эта матерія, представляющая, на первый взглядъ, столь обширное поле, сводится, однако, посредствомъ анализа, къ нѣсколькимъ главнымъ пунктамъ, разрѣшеніе которыхъ много сократило бы работу.

Комитетъ предложилъ вамъ, въ первомъ отдѣлѣ своего проекта, декретировать конституціонные принципы, по которымъ судебная власть должна быть опредѣлена, организована и осуществляется. Мотивъ, которымъ онъ руководился, есть тотъ же самый, который побудилъ васъ помѣстить въ главѣ конституціи отдѣлъ *о правахъ человека и гражданина.* Осуществленіе судебной власти было такъ странно искажено во Франціи, что стало необходимымъ не только отыскивать ея истинные принципы, но постоянно держать ихъ присущими всѣмъ умамъ, и предохранять въ общемъ судей, администраторовъ и самое націю отъ ложныхъ понятій, которыхъ она была доселѣ жертвой. Декретировавъ съ самаго начала конституціонныя правила, вы исполнили эту великую цѣль общественной пользы и приобрѣтете для самихъ себя вѣрное средство отличать, въ послѣдующей работѣ, предложенія, которыя вы должны или которыя вы можете обсудить, отъ тѣхъ, которыя не заслуживаютъ даже вашего вниманія.

Самое странное и самое вредное изъ всѣхъ злоупотребленій, извращавшихъ осуществленіе судебной власти, заключалось въ томъ, что корпораціи и отдѣльныя лица обладали патримоніально, какъ говорили, правомъ творить судъ своимъ именемъ; что другія частныя лица могли приобретать, по наслѣдству или посредствомъ купли, право судить своихъ согражданъ, и что судящіеся были обязаны платить

судьямъ, чтобы получить актъ правосудія. Комитетъ предлагаетъ вамъ, пятью первыми статьями перваго отдѣла своего проекта, освятить, какъ неизбѣжные правила, положенія, что правосудіе можетъ быть отправляемо только именемъ короля, что судьи должны быть избираемы подчиненными ихъ юрисдикціи и утверждаемы въ должности королемъ, что никакая судебная должность не можетъ быть продажной, и что судъ будетъ творимъ безвозмездно.

Второе злоупотребленіе, исказившее судебную власть во Франціи, было смѣшеніе въ рукахъ носителей этой власти функций, ей свойственныхъ, съ несомнѣстными функциями другихъ публичныхъ властей. Соревновательница законодательной власти, она пересматривала, измѣняла или отмѣняла законы; соперница административной власти, она мѣшала ея дѣйствіямъ, задерживала ея движеніе, смущала ея агентовъ. Не будемъ разбирать, какія были, при зарожденіи этого политическаго безпорядка, обстоятельства, которыя заставили терпѣть его введеніе, ни того, было ли разумно не давать правамъ націи другой охраны противъ произвола правительства, кромѣ аристократическаго авторитета судейскихъ корпорацій, интересъ которыхъ долженъ былъ состоять въ томъ, чтобы попеременно то подниматься, во имя народа, надъ правительствомъ, то соединяться съ правительствомъ противъ свободы народа; не будемъ стараться выяснить, посредствомъ взвѣшиванія пользы и вреда, произведенныхъ этимъ ложнымъ возрѣніемъ, выкупалось ли нарушеніе истинныхъ принциповъ достаточной компенсацій дѣйствительныхъ выгодъ. Скажемъ, что такой безпорядокъ нетерпимъ въ доброй конституціи, и что наша конституція устранить для будущаго времени мотивы, которые могли заставить переносить этотъ безпорядокъ въ прошедшемъ; скажемъ, что нація, осуществляющая законодательную власть чрезъ Постоянное Собраніе представителей, не можетъ предоставить судамъ, исполнителямъ его законовъ и подчиненнымъ его авторитету, право пересматривать эти законы; скажемъ, наконецъ, что когда эта нація избираетъ своихъ администраторовъ, служители воздаятельнаго правосудія не должны вмѣшиваться въ дѣла администраціи, забота о которой имъ не вѣрена. Комитетъ изложилъ эти принципы въ статьяхъ перваго отдѣла своего проекта; онъ устанавливаетъ полное подчиненіе судебныхъ учреждений законодательной власти и опредѣленно отдѣляютъ судебную власть отъ административной.

Третье злоупотребленіе, позорившее правосудіе во Франціи, составляли привилегіи, проникшія даже въ ея святилище. Были привилегированные трибуналы и привилегированныя формы судопроизводства для извѣстныхъ классовъ привилегированныхъ тяжущихся. Различали, въ уголовномъ судопроизводствѣ, преступленія или проступки привилегированные и обыкновенные. Привилегированные защитники чужихъ дѣлъ обладали исключительнымъ правомъ тягаться даже за тѣхъ, кто могъ бы обойтись безъ ихъ помощи; ибо замѣчательно, что никакой законъ во Франціи не освятилъ естественнаго права каждаго гражданина защищаться самому въ гражданскомъ дѣлѣ, когда уголовный законъ лишалъ его защитника для защиты его жизни. Наконецъ, равное право всѣхъ судящихся быть судимыми въ свою очередь безъ личныхъ предпочтеній было нарушаемо самымъ жестокимъ образомъ: предсѣдатель, котораго нельзя было заставить назначить дѣло къ слушанію, докладчикъ, котораго нельзя было принудить докладывать, были властны сдѣлать, чтобы вы не были судимы, или чтобы вы были судимы тогда, когда интересъ получить рѣшеніе суда уже пропалъ, благодаря слишкомъ продолжительной медленности.

Разумная организація судебной власти должна сдѣлать невозможными на будущее время всѣ эти несправедливости, уничтожающія равенство гражданъ въ той области управленія, гдѣ это равенство должно быть наиболѣе неприкосновеннымъ. Тутъ дѣло идетъ не о

простыхъ реформахъ въ законодательствѣ, но объ истинно конституціонныхъ вопросахъ. Комитетъ соединилъ въ первой главѣ своего проекта постановленія, которыя ему казались необходимыми для уничтоженія привилегій въ области юрисдикціи, раздѣлъ вѣдомства, стѣсненія свободы личной защиты и всякихъ произвольныхъ предпочтеній въ раздачѣ правосудія.

Всѣ общія положенія, содержащіяся въ этой первой главѣ проекта, составляютъ необходимыя основы разумной организаціи судебной власти; они казались намъ абсолютной истиной, независимой отъ того рѣшенія, которое вы примете впоследствии относительно числа, состава и распредѣленія судебныхъ установленій. Форма орудій, посредствомъ которыхъ судебная власть можетъ быть осуществляема, измѣнчива до нѣкоторой степени; но принципы, опредѣляющіе ея природу, чтобы сдѣлать ее пригодной для тѣхъ цѣлей, которыя она должна исполнять въ общественной организаціи, принципы эти вѣчны и неизблѣмы. Полагаю, Мм. Гг., что вы должны начать съ провозглашенія этихъ спасительныхъ принциповъ, которые будутъ руководить вами въ дальнѣйшемъ ходѣ вашей работы, которые просвѣтятъ судящихся относительно ихъ правъ, судей относительно ихъ обязанностей, и которые сдѣлаютъ чувствительными всей націи малѣйшія уклоненія, которыя грозили бы испортить чистоту конституціи.

Когда эта первая задача будетъ исполнена, вы уже сдѣлаете большой шагъ впередъ, и естественный порядокъ работы призветъ васъ къ опредѣленію общей системы организаціи судовъ, что касается въ особенности ихъ классификаціи и градаціи ихъ власти. Комитетъ представилъ вамъ, во II отдѣлѣ своего проекта, планъ, о которомъ вы можете высказаться только рѣшая все, что можетъ быть разсматриваемо какъ дѣйствительно составляющее основу и сущность судебного порядка. Можно раздѣлить его на три главныя части, способныя быть трактуемыми отдѣльно, занимаясь сначала организаціей судовъ первой инстанціи, переходя затѣмъ къ организаціи высшихъ или апелляціонныхъ судовъ и кончая различными отраслями судебной службы, которыя могутъ потребовать особенныхъ формъ процедуры и особыхъ судей.

То, что предложилъ вамъ Комитетъ, влечетъ за собой необходимость упраздненія всѣхъ существующихъ судовъ, для замѣны ихъ новыми судебными установленіями. Тутъ представляется слѣдующій вопросъ: надо ли преобразовать радикально судебный порядокъ? нельзя ли оставить въ новомъ зданіи нѣкоторыя части стараго?

Необходимость полного преобразованія безспорна. Не только конституція будетъ неполна, если не охватитъ всѣхъ частей, которыя должны существенно составлять ее, но она будетъ неудовлетворительна, несвязна, непрочно, если всѣ эти части не будутъ согласованы между собой. Принципы же нынѣ дѣйствующей конституціи всего менѣе согласуются съ тѣми, на которыхъ установился старый судебный порядокъ.

Вы держитесь того принципа, что всякая общественная власть, которая не необходима, тѣмъ самымъ опасна и злоупредна. Суды, хранители одной изъ наиболѣе вліятельныхъ публичныхъ властей, размножились, благодаря установленію исключительныхъ и привилегированныхъ юрисдикцій, до степени, которая не имѣла и не имѣетъ примѣра ни у какой другой націи. Злоупотребленія, неразлучныя съ этимъ чрезмѣрнымъ размноженіемъ судовъ, давно уже вызываютъ жалобы всей Франціи. Вы не можете, слѣдовательно, сохранить исключительные суды, еще менѣе суды привилегированные.

Другое основное положеніе конституціи, это то, что всякая публичная власть установлена для пользы тѣхъ, кому необходимо ея осуществленіе, откуда слѣдуетъ, что суды должны быть организованы и распредѣлены наиболѣе благоприятнымъ образомъ для интересовъ судящихся. Послѣ упраздненія вотчинныхъ судовъ, уже декретиро-

ваннаго, и упраздненія исключительныхъ юрисдикцій, которое необходимо декретировать, большинство обыкновенныхъ судовъ не организованы и не распределены соотвѣтственно требованіямъ ихъ службы и удобствамъ судящихся, и не способны приладиться къ новому политическому порядку, часть котораго они должны составлять. Они не могутъ, слѣдовательно, быть сохранены въ ихъ теперешнемъ состояніи. Что касается высшихъ судовъ, то ихъ организація, рассчитанная скорѣе на блескъ, чѣмъ на дѣйствительную пользу ихъ службы; скорѣе на подчиненіе ихъ авторитету обширныхъ территорій, чѣмъ на доступность осуществленія этого авторитета тѣмъ, кто въ этомъ нуждается; скорѣе для того, чтобы возбуждать интересъ, предразсудки и сословный духъ, чѣмъ для того, чтобы напоминая судамъ о мѣстѣ, которое они занимаютъ въ порядкѣ публичныхъ властей, и изъ котораго они не могутъ выйти безъ того, чтобы не разстроить политическую гармонию, эта организація, говоря, невѣрная въ своихъ принципахъ, притѣнительная въ своихъ слѣдствіяхъ, и которая была терпима только въ одномъ отношеніи, которое болѣе не повторится, позорила и компрометировала бы существующую конституцію, если бы могла захватить тамъ мѣсто.

Если мы станемъ перебирать другіе принципы, положенные въ основу нашей конституціи, то будемъ все болѣе и болѣе убѣждаться, что всѣ они требуютъ полнаго обновленія нашихъ судовъ.

Всѣ власти, сказали мы въ деклараціи правъ, исходятъ существенно отъ націи и ею ввѣряются. Нѣтъ власти, которая бы дѣйствовала болѣе непосредственно, болѣе обычно на гражданъ, чѣмъ власть судебная. Слѣдовательно, нація имѣетъ величайшій интересъ вліять на выборъ хранителей этой власти. А между тѣмъ ни въ одномъ изъ нынѣшнихъ судовъ нѣтъ ни одного судьи въ производствѣ котораго она принимала бы какое либо участіе. Всѣ, кто насъ судятъ, приобрѣли по наслѣдству или куплей эту страшную власть судить насъ. Кромѣ того, что это неправильное вступленіе въ судейскую должность нарушило неотъемлемое право націи, кто намъ поручится, что въ числѣ тѣхъ, кто трактовалъ судебную власть какъ товаръ, не найдется такихъ, которые будутъ продолжать смотрѣть, какъ на собственность, на эту общественную должность, которая устанавливаетъ между ними и нами только отношеніе долга, который связываетъ ихъ и посвящаетъ на службу націи? И если эта роковая ошибка, отъ которой общественное благо столько разъ страдало, и жертвой которой сдѣлалось столько гражданъ, не будетъ уничтожена въ самомъ ея источникѣ, кто насъ гарантируетъ отъ несчастія видѣть увѣковѣченіе ея обычныхъ слѣдствій? Статьи деклараціи правъ—это маяки, воздвигнутые вами, чтобы освѣщать путь, которымъ вы должны слѣдовать. Вы не могли бы, слѣдовательно, не навлекая на себя упрека въ непослѣдовательности, сохранить судей, которымъ шансы наслѣдственности и торговли должностями помѣстили въ суды по самому неконституціонному изъ правъ на судейское званіе, пока эти права не будутъ очищены свободнымъ избраніемъ гражданъ. Не будемъ бояться, что народная баллотировка лишитъ общественное дѣло службы тѣхъ достойныхъ дѣятелей, способность которыхъ, ранѣе испытанная въ нынѣшнихъ судахъ, не была померчена въ это послѣднее время двусмысленнымъ поведеніемъ или открытымъ исповѣданіемъ антипатріотическихъ чувствъ. Много примѣровъ доказали, что народъ не такъ легко обмануть насчетъ его истинныхъ интересовъ, какъ въ этомъ иногда стараются увѣрить насъ; и хотя вѣрно, что выборы не всегда даютъ лучшихъ избранниковъ, но не менѣе вѣрно и то, что нація не можетъ сдѣлать себѣ столько зла, пользуясь своимъ правомъ избранія, сколько было ей сдѣлано въ теченіе того времени, когда она была лишена этого права, и особенно въ послѣднія лѣтъ пятнадцать, благодаря злоупотребительной легкости *admittatur* (признанія достойнымъ под-

вергаемаго испытанію) товарищество и пагубной безпечности главнаго управления юстиціи.

Всѣ граждане, сказали мы въ деклараціи правъ, одинаково допустимы ко всѣмъ общественнымъ достоинствамъ, мѣстамъ и должностямъ, по ихъ способности, и безъ иного отличія, кромѣ отличія ихъ добродѣтелей и талантовъ. Съ какой силой этотъ основной принципъ всякой хорошей конституціи возстаетъ противъ тѣхъ изъ этихъ судовъ, которые нынѣ состоятъ только изъ писцовъ и дворянъ, потому что эти суды, уже имѣя нѣкоторое число мѣстъ, присвоенныхъ духовнымъ особамъ, простерли забвеніе принциповъ до того, что, посредствомъ секретныхъ, но признаваемыхъ и исполняемыхъ постановленій, сдѣлали себѣ законъ допускать въ свою среду, для отправленія должностей, дающихъ дворянство по большей части лишь во второй степені, только дворянъ или лицъ, уже возведенныхъ въ дворянское достоинство. Такимъ образомъ эти суды, отдающіе предпочтеніе дворянскому званію передъ способностью для исполненія общественной функціи, гдѣ способность главное условіе, а дворянское званіе вещь довольно безразличная, принесли право своихъ согражданъ, справедливость, должную истинному достоинству, а чрезъ то и дѣйствительную пользу службы, въ жертву неизвинительному сословному тщеславію. Можетъ ли конституція сохранить эти суды, уже напередъ осужденные на проскрипцію тѣми принципами, на которыхъ она установлена? Не нарушаютъ ли они своимъ составомъ непреложнаго догмата гражданскаго равенства? Не представляютъ ли они собой корпораціи бывшихъ привилегированныхъ лицъ? Огромное большинство гражданъ находятъ ли тамъ кого-либо изъ своихъ ровней? Сохраните эти конфедераціи индивидуумовъ двухъ классовъ, которые хотѣли здѣсь образовать сословія,—онѣ не перестанутъ свидѣтельствовать на дѣлѣ противъ уничиженія сословіи и провозгласить ихъ воскресеніе.

Прибавимъ, что безопасность конституціи зависить отъ того, чтобы не существовало болѣе никакаго живучаго отпрыска неконституціоннаго трона, который она низвергла и замѣнила собой. Примемъ во вниманіе, что общественный духъ, который долженъ родиться изъ возрожденія; для обезпеченія его успѣха, не имѣетъ болѣе опаснаго врага, чѣмъ сословный духъ, и что нѣтъ сословія, духъ и смѣлость котораго были бы болѣе опасны, какъ эти судейскія корпораціи, которыя возвели въ принципы всѣ системы, благопріятныя ихъ господству, которыя не простятъ самой націи того, что она снова забрала надъ ними авторитетъ, которымъ онѣ пользовались, и которыя никогда не потеряютъ ни воспоминанія о томъ, чѣмъ онѣ были, ни желанія вернуть то, что у нихъ отнято. Скажемъ, наконецъ, безъ боязни,—такъ какъ этого требуютъ истина и интересы отечества,—что если нація должна гордиться добродѣтельно нѣкоторыхъ дѣятелей магистратуры, добрыхъ патріотовъ, то множество фактовъ, къ сожалѣнію, неопровержимыхъ, доказываютъ, что огромное большинство противятся еще показать себя гражданами, и что большія судейскія корпораціи проникнуты духомъ, враждебнымъ возрожденію. То, что произошло въ Руанѣ, Мецѣ, Дижонѣ, Тулузѣ, Бордо и особенно въ Реннѣ, даетъ неоспоримое доказательство этого факта, избавляющее отъ указанія другихъ примѣровъ.

Заключимъ, что необходимо преобразовать всѣ наши суды, нынѣшнее состояніе которыхъ несогласимо съ духомъ и принципами нашей возрожденной конституціи.

Но на какихъ основаніяхъ организуете вы новый судебный порядокъ? Вотъ второй пунктъ представляющагося вашему обсужденію вопроса.

Хорошее управление юстиціей, повидимому, связано главнымъ образомъ съ слѣдующими тремя условіями: 1) чтобы судовъ было не больше, чѣмъ сколько требуетъ дѣйствительная необходимость службы; 2) чтобы они, однако, находились довольно близко отъ судящихся, для того, чтобы издержки и неудобства поѣздокъ въ отдаленное мѣсто-

нахожденіе суда не лишали ни одного гражданина права требовать себя правосудія; 3) чтобы, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда право апелляціи, по незначительности суммы иска, составляетъ скорѣе отягощеніе, чѣмъ ресурсъ, всегда было двѣ степени юрисдикціи, но никогда больше двухъ.

Разсмотримъ сначала организацію первой степени, наименѣе трудную. Комитетъ предлагаетъ вамъ установить одного мирового судью на кантонъ и одинъ королевскій судъ на округъ.

Введеніе института мировыхъ судей составляетъ общее желаніе; его требуютъ большинство нашихъ наказовъ; это одно изъ величайшихъ благъ, какое можетъ быть сдѣлано сельскому населенію. Компетенція этихъ судей должна быть ограничена дѣлами объ очень простыхъ и малоцѣнныхъ договорахъ и дѣлами о захватѣ, которыя можетъ хорошо разсудить только человѣкъ полей, который провѣрять на самомъ мѣстѣ предметъ тяжбы, и который находитъ, въ своей опытности, правила рѣшенія, болѣе вѣрныя, чѣмъ какія знаніе законовъ и формъ процедуры можетъ дать общимъ судамъ по этимъ спорамъ.

Комитетъ предлагаетъ, чтобы мировые судьи могли рѣшать безапелляціонно иски на сумму до 50 ливровъ, потому что тяжущійся въ дѣйствительности ничего не выигрываетъ, даже выигравъ дѣло, при переносѣ столь малоцѣннаго иска во вторую инстанцію, если разсчитаетъ, сколько стоить ему этотъ переносъ въ видѣ потери времени, расходовъ по повѣздкѣ и судебныхъ издержекъ. Знаю, что 50 ливровъ могутъ составлять для многихъ гражданъ порядочную сумму; но именно этихъ гражданъ и нужно оберегать отъ искушенія играть въ лотерею, которая совершенно разоряетъ ихъ, если они проиграютъ, и ничего не даетъ имъ, если они не проиграютъ. Чтобы здраво рѣшить, должна ли быть дозволена апелляція или нѣтъ, принимайте въ соображеніе, не то, сколько можетъ стоить предметъ процесса по отношенію къ тяжущемуся, а то, какую онъ имѣетъ цѣнность самъ по себѣ, и можетъ ли онъ выдержать неизбѣжные расходы по апелляціи.

Нужно устранить изъ функций мирового судьи затрудненія формъ и вмѣшательство адвокатовъ, потому что главная цѣль этого института не будетъ достигнута, если онъ не дастъ суда простого, скорого, бесплатнаго, и который долженъ руководится скорѣе естественной справедливостію, чѣмъ строгими правилами искусства судить. Надо, чтобы въ каждомъ кантонѣ всякій добропорядочный человѣкъ, другъ правды и порядка, знакомый съ правами, обычаями и характеромъ жителей, имѣлъ вслѣдствіе этого всѣ знанія, достаточныя, чтобы сдѣлаться въ свою очередь мировымъ судьей.

Комитетъ предлагаетъ, чтобы мировые судьи вѣдали всѣ личныя дѣла до цѣнности въ 100 ливровъ, съ предоставленіемъ права апелляціи; при этомъ онъ опредѣлилъ многіе случаи, въ которыхъ, по его мнѣнію, эти судьи могли бы быть компетентными при всякой цѣвѣ иска. Это тѣ случаи, которые всего чаще даютъ поводъ къ тяжбамъ между жителями деревень, тѣ, самое вѣрное средство рѣшенія которыхъ состоитъ въ осмотрѣ спорнаго предмета, тѣ, наконецъ въ которыхъ и общіе суды рѣшаютъ лишь на основаніи заключенія экспертовъ. При томъ же эта компетенція, соответствующая духу института мировыхъ судей, не представляетъ какихъ либо неудобствъ, потому что немногіе изъ этихъ процессовъ будутъ превышать цѣнность 100 ливр., потому что сельскіе жители всегда лучшіе судьи въ этихъ дѣлахъ, чѣмъ юристы, и потому что, въ случаѣ явной несправедливости, рѣшеніе можетъ быть пересмотрѣно.

Наконецъ, такъ какъ апелляція на рѣшенія мировыхъ судей приносится и разбирается суммарно въ окружной судъ, то комитету казалось, что все исполнено для того, чтобы эта категорія мелочныхъ тяжбъ, составляющихъ бичъ деревень, была отнынѣ разбираема съ

той простотой и мягкостью, какія приписываютъ народу разсудительному и правительству популярному и благодарътельному.

Компетенція королевскаго окружнаго суда начинается тамъ, гдѣ кончается компетенція мировыхъ судей; она дополняетъ систему первой степени юрисдикціи въ обыкновенномъ порядкѣ.

Планъ комитета представляетъ лишь три существенныхъ пункта вашему вниманію: число окружныхъ судовъ, число членовъ въ каждомъ судѣ и объемъ компетенціи до суммы иска, равной 250 ливрамъ.

Вопросъ объ опредѣленіи числа судовъ первой инстанціи требуетъ особенно внимательнаго обсужденія. Ихъ должно быть столько, сколько строго необходимо, при чемъ, однако, не слѣдуетъ низводить потребность тягаться до уровня первыхъ необходимостей жизни; ибо если бы вы захотѣли удовлетворить ее съ той легкостью и удобствомъ, которыя возбуждаютъ вкусъ и искушеніе, вы устали бы королевство окружными судами: каждый кантонъ, каждый городъ, даже каждое мѣстечко имѣли бы свой судъ; но тогда не было ли бы очевидно, что духъ вашей конституціи, вмѣсто того, чтобы обуздывать страсть къ сутяжничеству, какъ одному изъ самыхъ разрушительныхъ бичей семейнаго благосостоянія, стремится, напротивъ, къ ея поощренію? Одного суда должно быть достаточно на округъ, примемъ ли мы въ соображеніе обычную мѣру территории, на которой должны были быть распределены округа, или обычную цифру населенія, которую они должны заключать въ себѣ; и если общій принципъ составленія округовъ былъ пренебреженъ въ дѣленіи департаментовъ, такъ что нѣкоторыя на много превышаютъ обыкновенную пропорцію, тогда представлялось бы благоразумнымъ обезпечить достаточное отправленіе правосудія скорѣе увеличеніемъ числа членовъ въ окружномъ судѣ, нежели умноженіемъ числа судовъ въ томъ же округѣ.

Что касается числа членовъ въ каждомъ судѣ, то тѣмъ болѣе важно строго опредѣлить его, что излишнее число ничего не прибавляетъ къ исправности службы, и что, въ виду большого количества окружныхъ судовъ, малѣйшія сокращенія въ расходахъ ни ихъ содержаніе представляютъ весьма значительный предметъ экономіи.

Принимая во вниманіе, насколько подраздѣленіе департаментовъ на округи было сдѣлано неравномѣрно, такъ какъ число округовъ колеблется между тремя и девятью, хотя департаменты почти равны по пространству, кажется труднымъ сохранить равное число пяти членовъ въ каждомъ судѣ. Это численное равенство было установлено въ предположеніи, что округи, приблизительно равны по территории и населенности. Вы посмотрите, Мн. Г., не лучше ли было бы установить теперь, что окружные суды будутъ состоять изъ пяти членовъ и прокурора только въ тѣхъ департаментахъ, гдѣ округовъ больше опредѣленнаго числа, и что въ департаментахъ съ шестью и меньше округами будетъ только три члена и прокуроръ въ каждомъ судѣ. Это число, кажется, будетъ достаточно для надобностей службы, съ тѣмъ, чтобы эти суды имѣли столько засѣданій въ недѣлю, сколько потребуетъ разборъ дѣлъ, и приглашали въ помощь ассесоровъ изъ юристовъ, въ случаѣ болѣзни или законнаго отсутствія одного изъ судей. Это распоряженіе, лучше соразмѣряющее силу судовъ съ пространствомъ круга ихъ вѣдомства, обезпечивало бы также лучшій составъ этихъ судовъ, давая тамъ мѣсто только достойнѣйшимъ; оно производило бы, кромѣ того, значительную экономію въ годовыхъ расходахъ по вѣдомству юстиціи.

Относительно компетенціи, которая должна быть присвоена окружнымъ судомъ, не можетъ быть серьезныхъ затрудненій, кромѣ какъ для разрѣшенія вопроса, не слѣдуетъ ли увеличить объемъ этой компетенціи до суммы иска, превышающей 250 ливр. Соображенія, изложенныя выше для мотивированія компетенціи мировыхъ судей до 50 ливр., получаютъ здѣсь новое примѣненіе, при чемъ нужно еще замѣтить, что въ окружные суды, представляющіе первую степень пра-

вильной юстиціи, переносятся самыя мелочныя тяжбы между гражданами, наименѣе состоятельными; что эти суды, обязанные строго придерживаться установленныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства, будутъ доступны лишь подъ руководствомъ состоящихъ при нихъ министерскихъ чиновниковъ, и что апелляціи на ихъ рѣшенія будутъ приносимы въ высшіе суды, болѣе отдаленные, съ менѣе скорымъ производствомъ, и веденіе дѣла въ которыхъ потребуетъ новыхъ расходовъ. Проверьте положеніе тяжущагося, который перенесъ, по апелляціи, въ высшій судъ, или даже въ уѣздный судъ (présidial), тяжбу о собственности, дающей 10 ливр. дохода или стоющей 250 ливр.: если онъ проигралъ дѣло, посмотрите, не потерялъ ли онъ двойную или тройную цѣнность предмета своихъ преслѣдованій; а если онъ выигралъ процессъ, посмотрите еще, дѣйствительно ли онъ выигралъ стоимость присужденнаго ему имущества. Слѣдовательно, вы защитите частные интересы, откадывая въ апелляціи во всѣхъ случаяхъ, гдѣ, по малочисленности предмета тяжёбнаго дѣла, выгоды ея призрачны, когда она не разорительна; и чѣмъ больше вы расширите эту основу новой судебной организаціи, тѣмъ легче вамъ будетъ упростить ея общую систему.

На этомъ останавливаюсь, Мм. Гг., потому что дальнѣйшія замѣчанія, какъ относящіяся къ организаціи апелляціоннаго суда, принадлежатъ къ новой отрасли дискуссіи; они завели бы меня слишкомъ далеко въ эту минуту и притомъ были бы преждевременны. Открывая дискуссію, я предложилъ себѣ представить вамъ лишь первыя краткія замѣтки, во-первыхъ, о порядкѣ, котораго, по моему мнѣнію, слѣдуетъ придерживаться въ обсужденіи этого вопроса, затѣмъ о видахъ, которые опредѣлили первыя части представленнаго вамъ проекта, и которые должны быть также первыми приняты въ соображеніе.

Думаю, что полезно начать съ декретированія основныхъ началъ судебной власти: я указалъ причины этого; и если вы найдете ихъ основательными, то каждая изъ статей перваго отдѣла проекта должна быть подвергнута обсужденію и составить предметъ отдѣльнаго декрета.

Вслѣдъ затѣмъ вы можете перейти къ организаціи судовъ, которые составятъ первую степень юрисдикціи; вы разсмотрите каждое изъ проектируемыхъ комитетомъ постановленій, главные мотивы которыхъ я только что изложилъ, объ установленіи мировыхъ судей и окружныхъ судовъ.

Организація высшей степени юрисдикціи для сужденія апелляцій и организація другихъ частей, необходимыхъ для дополненія судебной системы, войдутъ послѣдовательно въ порядокъ этой работы. Каждая изъ этихъ частей представить особыя соображенія, которыя было бы бесполезно, даже вредно для основательности и ускоренія вашихъ совѣщаній, хотѣть объять въ разомъ. Прошу, со всевозможной скромностью, снисхожденія Собранія, чтобы представить ему новыя объясненія, когда ходъ преній можетъ сдѣлать ихъ полезными.

572414



Историческая библіотека.

До послѣдняго времени множество иностранныхъ сочиненій, какъ старыхъ, такъ и новыхъ, полныхъ научныхъ достоинствъ, появлявшихся въ Западной Европѣ въ разное время, были совершенно недоступны для русской интеллигенціи. Наиболѣ замѣчательные ученые труды иностранныхъ историковъ, пользующихся повсюду извѣстностью, даже въ оригиналѣ, на иностранныхъ языкахъ, допускались въ Россіи только для немногихъ привилегированныхъ лицъ. Нынѣ, для пополненія этого важнаго пробѣла въ исторической литературѣ, будутъ издаваться историческія сочиненія извѣстныхъ авторовъ, какъ старыхъ, такъ и новыхъ, въ полномъ ихъ объемѣ и безъ пропусковъ. Нынѣ печатается соч. Луи Блана—Исторія французской революціи 1789 года.

Первые четыре тома этого сочиненія уже вышли и разосланы подписчикамъ; послѣдующіе томы будутъ выходить по мѣрѣ ихъ отпечатанія, и все это капитальное изданіе окончится не позже середины будущаго года.

Донынѣ вышли первые три тома, содержаніе которыхъ слѣдующее:

Томъ I. Янъ Гусъ.—Лютеръ.—Индивидуализмъ.—Монтанъ.—Буржуазія.—Общины.—Генеральные Штаты.—Рипелье.—Фронда.—Янсенизмъ.—Людовикъ XIV.—Регентство.—Вольтеръ.—Монтескьё.—Тюрго.—Крестьянская война.

Томъ II. Картина французскаго двора.—Революціонеры-мистики.—Процессъ объ ожерельѣ.—Дефицитъ.—Выборное движеніе.—Национальное Собраніе.—Призывъ къ силѣ.—Возстаніе въ Парижѣ.—Взятіе Бастиліи.—Разрушеніе феодализма.

Томъ III. Собственность предъ лицомъ революціи.—Учредительное Собраніе.—Двѣ недѣли заговоровъ.—Женщины въ Версали.—Короля приводятъ въ Парижъ.—Нападки на духовенство.—Мирабо.—Заговоры Люксембургскаго дворца.

Цѣна тома 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Для удобства подписчиковъ редація предлагаетъ желающимъ не высылать денегъ впередъ, а выписывать каждый томъ съ наложеннымъ платежемъ, при чемъ подписчики будутъ получать томы тотчасъ же по мѣрѣ выхода ихъ изъ печати.

Цѣна съ пересылкою и наложеннымъ платежемъ 3 р. 60 к.

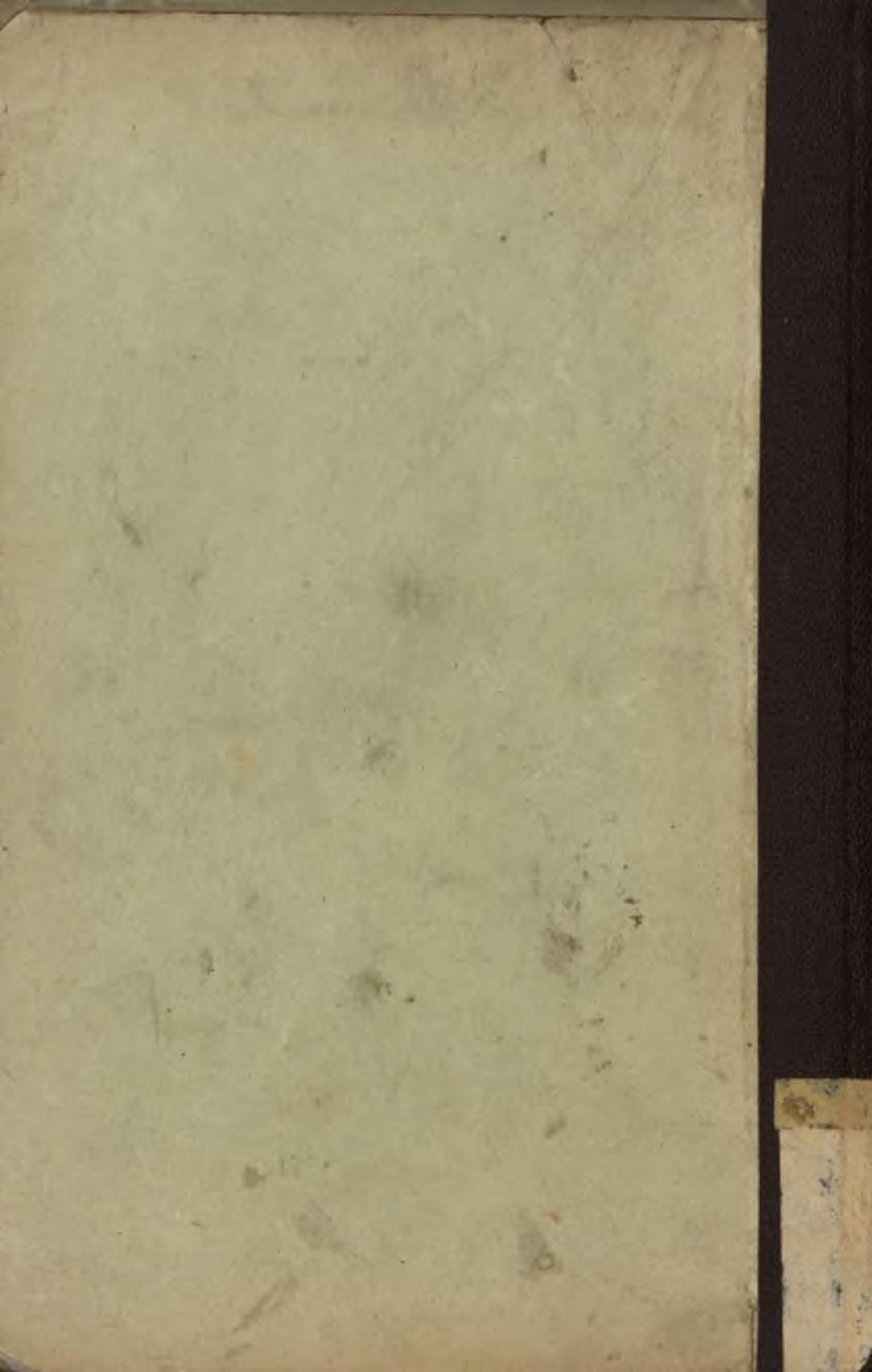
Съ требованіями обращаться: 1) Въ главный складъ—Петербурзь, Фонтанка 145, кв. 3; и 2) Контора историческаго журнала «Русская Старина», Фонтанка 18, кв. 4.

ЦУНБ

им. Н. А. Некрасова



2 000001 626795



свои услуги къ напечатанію ея безвозмездно.—Скандалный характер пенсій и пособій.—Пенсія луны.—Пенсії, платимыя покойникамъ.—Камюсъ настоятельно требуетъ выдачи *Красной книги*; сопротивление Неккера; выдача, потребованная декретомъ.—Опубликованіе *Красной книги*, ея описаніе и содержаніе.—Комментаріи къ ней Камилла Демулена.—Протестъ маршала Сегюра; подавляющій отвѣтъ комитета.—Нападки Лустало и Камилла.—Имя Ламетовъ скомпрометировано.—Ассигновки.—*Книга ррешеній*; Національное Собраніе не имѣетъ смѣлости огласить ее; пререканія между Камюсомъ и Неккеромъ.—Объясненія Неккера относительно *Красной книги*; жестокая насмѣшка К. Демулена.—Эффектъ, произведенный на общественное мнѣніе.—Списокъ пенсій и пособій, напечатанный красными буквами.—Слово Лустало

65

ГЛАВА VI.

Картина финансовъ.—Ассигнаціи.

Состояніе финансовъ въ началѣ 1790 года.—Прожнія злоупотребленія; ихъ послѣдствія.—Финансовое положеніе въ цифрахъ.—Громадныя препятствія, которыя предстояло преодолѣть.—Исторія учетной кассы; ея происхожденіе, развитіе, важное значеніе; ея услуги, ея ошибки.—Злоупотребленія постановленіями о приостановкѣ платежей.—Какое употребленіе сдѣлалъ Неккеръ изъ учетной кассы.—Проектъ преобразованія этой кассы въ національный банкъ.—Что имѣлъ смѣшного этотъ планъ въ концепціи Неккера.—Борьба по этому поводу между Дюпонъ де Немуромъ и Мирабо.—Планъ Неккера отвергнуть.—Проектъ, представленный Делабордъ де Меревилемъ.—Довладъ Лекульте де Кантеле, отъ имени комитета финансовъ.—Предложенныя обширныя финансовыя мѣры.—Декретирована продажа государственныхъ имуществъ на четыреста милліоновъ ливровъ.—Всѣ умы бросились на поиски какого-нибудь героическаго средства.—Территориальный банкъ Ферьера.—Впечатлѣніе, произведенное мыслью Ферьера.—Всѣ округа приглашены округомъ Гевриха IV присоединиться къ этому плану; Петіонъ принимаетъ его.—Созданіе городскихъ облигацій, предложенное парижской коммуной; для какой цѣли.—Ассигнаціи.—Огромное значеніе ихъ установленія.—Что обѣщало примѣненіе этого средства и въ чемъ заключалась его опасность.—Дебаты по вопросу объ ассигнаціяхъ; онѣ декретированы.—Истинная теорія бумажноденежнаго обращенія

78

ГЛАВА VII.

Негодованіе священниковъ.

Докладъ Шассе объ управленіи имѣніями духовенства.—Картина клерикальныхъ сопротивленій; отказъ въ исповѣди, насиліе надъ

война; рѣзня; день 14 июня.—Окрестная мѣстность охвачена пожаромъ междоусобной войны.—Католическія деревни вооружаются.—Банды протестантовъ идутъ къ Ниму.—Вспомогательная армія на эспланадѣ Нима.—Опустошеніе капуцинскаго монастыря; избиеніе монаховъ.—Общее отчаяніе.—Фроманъ, Фодаше и Дембье въ башняхъ замка.—Мирные переговоры, начаты и прерванные.—Взятіе башенъ замка приступомъ; смерть Фромана, по прозванію «Буянь».—Сцены ужаса.—Сцены челоуѣколюбія.—Репрессіи, производимыя католиками въ деревняхъ.—Конецъ смуть

203

ГЛАВА XII.

Янсенисты въ Національномъ Собраніи.

Почему янсенисты и вольтеріанцы на однѣхъ и тѣхъ же скамьяхъ въ Собраніи.—Въ чемъ политика вторыхъ соприкасалась съ религиозной доктриной первыхъ.—Портретъ Камюса.—Значеніе гражданскаго строя духовенства и его предѣлы.—Пренія по вопросу о гражданскомъ строѣ духовенства.—Положеніе, занятое епископами.—Беззаботность революціонеровъ-философовъ.—Вмѣшательство Робеспьера въ дебаты; истинный смыслъ этого вмѣшательства.—Вліяніе «Общественнаго договора» и «Эмиля» Руссо.—Гражданскій строй духовенства принятъ.—Проектъ отчужденія всѣхъ національныхъ имуществъ.—Грубый выходки аббата Мори.—Собраніе декретируетъ отчужденіе всѣхъ національныхъ доменъ.—Жестокое безпокойство Людовика XVI.—Его письмо къ папѣ.—Авиньонъ отдаетъ себя революціи, отдаваясь Франціи.—Жанна д'Аркъ янсенизма.—Прибытіе Сузанны Лабрусь въ Парижъ.—Политическая ошибка, совершенная янсенистами.—Непоследовательность вольтерьянцевъ Собранія.—Какъ должны были быть послѣдствія гражданскаго строя духовнаго сословія.—Выгода, полученная патерами-ослушниками отъ преслѣдованія.—Духъ католицизма

214

ГЛАВА XIII.

Нороль безъ дворянъ.

Ламентациа Лустало.—Людовикъ XVI проситъ и получаетъ *liste civile* въ двадцать пять миллионъ и сумму въ четыре милліона, назначенную для королевы.—Монархическій энтузіазмъ Собранія; истинный характеръ этого энтузіазма.—Національная гвардія въ Сень-Клу.—Дуэль между Фералемъ и Шартономъ.—Марать снова появляется на сценѣ; его порывы.—Лже-Мараты.—Странная заботливость Фрерона о Людовикѣ XVI.—Политическое настроеніе буржуазіи.—Непоследовательность Собранія, которое вотируетъ отміну наслѣдственнаго дворянства.—Жестокое слово аббата Мори Гуэну д'Арси.—Письмо Вилетта въ «Парижской Хроникѣ».—Мрачныя размышленія Марата по поводу упраздненія дворян-

его запасъ звонкой монеты сократился до ничтожной суммы 138.000 ливровъ, и онъ увидѣлъ себя въ невозможности продолжать платежи при первой явкѣ. Какъ же онъ поступилъ? Онъ получилъ или принялъ разрѣшеніе министра финансовъ приостановить ихъ, другими словами, онъ воспользовался постановленіемъ объ отсрочкѣ платежей (*arrêt de surséance*)¹⁾, злополучный ресурсъ, который бумагу, основанную на довѣриіи, превращалъ въ бумажныя деньги. Это вызвало большое неудовольствіе въ публикѣ. Но оно продолжалось недолго, благодаря веселости французскаго характера, и испарилось въ эпитаграммахъ. Женщины стали носить шляпки учетной кассы, *chapeaux à la caisse d'escompte*²⁾: это были шляпки безъ дна (игра словъ: *sans fonds*, безъ дна и безъ фондовъ). И этимъ все было сказано.

Впрочемъ, тогда было доказано инвентаремъ и доведено до свѣдѣнія публики, что активъ кассы значительно превышалъ, почти вдвое, ея пассивъ³⁾. Съ другой стороны, шесть милліоновъ, ссуженныхъ правительству, были ей уплочены; фонды, представляемые въ ея портфельъ торговыми векселями, мало-помалу вернулись къ ней; наконецъ, тысяча новосозданныхъ акцій и предложеніе акціонерамъ о взносѣ пяти сотъ ливровъ по старымъ поставило ее въ возможность возобновить платежи по первой явкѣ, даже до истеченія срока, опредѣленнаго постановленіемъ объ отсрочкѣ⁴⁾.

Съ этого момента, который былъ ознаменованъ принятіемъ новаго, болѣе разумнаго устава, учетная касса стала преуспѣвать, и она была на верху колеса фортуны, когда, въ февралѣ 1787 г., Калоннѣ, тогдашній министръ финансовъ, вдругъ обратился къ ней съ предложеніемъ дать правительству семьдесятъ милліоновъ. Деспотическому министру мало было просить о добровольной ссудѣ: онъ требовалъ, грозилъ, показывалъ въ перспективѣ учетной кассѣ созданіе двухъ соперничающихъ компаній, и только отъ него-де зависитъ вдохнуть въ нихъ жизнь. Дрожа за свои дивиденды, касса поспѣшила чеканить монету, выпустивъ двадцать тысячъ новыхъ акцій, по четыре

¹⁾ *Rapport sur la caisse d'escompte etc.*, p. 4.

²⁾ *Règne de Louis XVI*, t. V, p. 267.

³⁾ Рѣчь депутата Дюпона, въ *Bibliothèque historique de la Révolution.—Finances*, t. 191, 192, 193. British museum.

⁴⁾ *Rapport sur la caisse d'escompte etc.*, p. 5.

города до границъ обширнаго королевства. Во-вторыхъ, въ королевствѣ не можетъ быть, какъ въ городѣ, общей мѣняльной лавки, гдѣ могли бы встрѣчаться и сговариваться всѣ, у кого есть долги, могущіе быть компенсированными посредствомъ долговъ, которые они имѣютъ на другихъ.

Нужно было, слѣдовательно, прежде всего выбрать за базу что-либо болѣе устойчивое и постоянное болѣе способное возбуждать и поддерживать довѣріе, чѣмъ товары, которые изнашиваются, портятся, бываютъ перемѣщаемы, похищаемы и, кромѣ того, нужно было найти форму договора, которая избавляла бы отъ мѣняльной лавки и не требовала бы со стороны договаривающихся точнаго знанія ресурсовъ другъ друга.

Этой двоякой цѣли Ферьеръ полагалъ достигнуть: 1) замѣняя, какъ основу вирементовъ, товары фермами, полями, домами; 2) создавая билеты, обеспеченные этими домами, полями, фермами, т. е. носящіе въ самихъ себѣ свою цѣнность, такъ что цессіонеръ не имѣлъ бы надобности знать положеніе дѣлъ цедента, и чтобы простая ихъ передача, по согласію, изъ рукъ послѣдняго въ руки нерваго и т. д. служила къ компенсированію *кредита* одного и *дебета* другого.

Но такъ какъ всѣ дебаты не могутъ быть точно компенсированы всѣми кредитами, то какъ сальдировать оказывающіяся разности, и какъ уплачивать звонкой монетой добавочныя суммы? Тутъ естественно выступала идея банковъ.

Вотъ изъ какого сцѣпленія наблюденій и выводовъ родился въ головѣ ліонскаго негоціанта финансовый планъ, который мы сейчасть изложимъ въ главныхъ чертахъ¹⁾.

Нужно было бы учредить въ числѣ, соотвѣтствующемъ числу административныхъ дѣленій королевства, *территориальныя кассы*, образованныя изъ всѣхъ валовыхъ доходовъ государства, подвѣдомственныя центральной кассѣ и долженствующія опла-

¹⁾ Различныя сочиненія той эпохи, гдѣ этотъ планъ изложенъ и рекомендуется, всѣ составлены очень худо и крайне сбивчиво. Мы старались резюмировать ихъ, введя въ изложеніе порядокъ и ясность. См. въ *Bibliothèque historique de la Révolution.—Finances*, t. 185, 186, 191, 192, 193, *Démonstration géométrique de la base sur laquelle reposent les principes de la banque territoriale de M. Ferrières*, par M. B***, député à l'Assemblée nationale, а также *Précis et succinct aperçu d'un nouveau plan de finances*, par Jacques-Annibal Ferrières.

мыя таинственными главарями, и дороги кишѣли бродягами неаполитанскими, сардинскими и пьемонтскими, которыхъ какія-то невидимыя руки устремляли на Парижъ¹⁾. Изъ пограничныхъ крѣпостей выводили часть войскъ, возмущали гарнизоны. Въ Мецѣ, въ Сомюрѣ, въ Витри-ле-Франсѣ начинались военные бунты²⁾, а городу Лиллю суждено было увидѣть въ своихъ стѣнахъ повтореніе того, что Тацитъ рассказываетъ о большомъ возмущеніи римскихъ легионовъ въ Панноніи.

Въ Лиллѣ въ то время стояли четыре полка: два конныхъ: *Normandiekie egera* и *la Colonelle général*, и два пѣхотныхъ: *Royal-Vaisseau* и *la Couronne*. Первые слыли роялистами; во вторыхъ, напротивъ, господствовалъ якобинскій духъ. Въ этомъ уже заключался зародышъ междоусобной войны: съ которой стороны пришли мятежныя возбужденія?

Когда враждебныя страсти встрѣтятся лицомъ къ лицу, ихъ стремленію столкнуться помогаютъ столько неувимыхъ причинъ, что бываетъ очень трудно, послѣ того какъ столкновеніе произошло, узнать въ точности, какому именно частному обстоятельству должно его приписать. Если вѣрить Бертрану де-Молевилью, то прибытіе въ Лилль мулата Сень-Жоржа вызвало смуты³⁾; иное говорятъ большинство писателей или журналистовъ того времени⁴⁾: они утверждаютъ, что виной всему въ этомъ случаѣ былъ роялизмъ; и въ своемъ листкѣ Камилль Демуленъ формально обвинялъ г-жу де Клермонъ Тоннеръ, одного дезертира Національнаго Собранія, по имени Нуаель, и наконецъ маркиза де-Ливаро, командовавшаго во Фландріяхъ въ отсутствіе князя де-Робекъ.

Какъ бы то ни было, когда одинъ солдатъ полка *Короны* былъ убитъ на дуэли однимъ *нормандскимъ егеремъ*, ссора, подготовленная обмѣномъ ругательствъ, распространилась и грозила Лиллю страшнымъ пожаромъ. Полкъ *Royale-Vaisseau* принялъ сторону полка *Короны*; полкъ *la Colonelle générale* присталъ къ *нормандскимъ егерямъ*; здѣсь кавалеристы, тамъ пѣхотинцы. Это было взаимное озлобленіе, питаемое политическими

¹⁾ *Histoire de la Révolution, par deux amis de la liberté*, t. IV, chap. XIV.

²⁾ *Ibidem*.

³⁾ *Annales de la Révolution française*, t. II, chap. XXII.

⁴⁾ См. *Les Révolutions de France et de Brabant*, № 25; *Histoire de la Révolution, par deux amis de la liberté*, t. IV, ch. XIV; *Histoire abrégée de la Révolution, par l'auteur du Règne de Louis XVI*, t. I, liv. II, и пр.

изъ церкви былъ пораженъ ружейной пулей, которая уложила его на мѣстѣ¹⁾.

Многіе другіе бунты почти того же рода имѣли мѣсто въ разныхъ городахъ, между прочимъ въ Бастіа, гдѣ графъ де Рюлли поплатился жизнью за свое наглое поведеніе и свои дерзкія угрозы²⁾. Когда Бастіа услышала поднявшіеся въ его стѣнахъ мятежные крики, которые были лишь отголоскомъ подобныхъ же криковъ, раздававшихся тогда почти во всѣхъ городахъ Франціи, прошло всего талько пять мѣсяцевъ со времени полнаго и окончательнаго присоединенія Корсики къ Французской территоріи. Она не была завоевана, она сама отдалась. — Корсика была та точка, едва примѣтная на безпредѣльной поверхности моря, о которой Руссо въ одинъ изъ тѣхъ возвышенныхъ моментовъ, когда геніальный человѣкъ становится пророкомъ, сказалъ: «У меня есть предчувствіе, что современемъ этотъ маленькій островъ удивитъ Европу»³⁾.

Съ нѣкотораго времени много говорили въ публичныхъ листкахъ о военныхъ заговорахъ, готовыхъ къ приведенію въ исполненіе, и этимъ именно объяснялась та подозрительность, результатъ которой мы только что видѣли въ Марсели, въ Валансѣ, въ Бастіа: одно непредвидѣнное событіе показало, насколько была основательна эта подозрительность.

30-го апрѣля, въ десять часовъ вечера, на ліонской дорогѣ, какой-то кабриолетъ остановился у воротъ, ближайшихъ къ Понъ-де-Бовуазену, городку, наполовину французскому, наполовину савойскому. Неизвѣстный господинъ, сопровождаемый лакеемъ, высунулъ голову, потребовалъ лошадей, взялъ почтаря и продолжалъ свой путь. Но когда доѣхали до предмѣстья, хозяинъ кабриолета слѣзъ и пошелъ слѣдомъ за экипажемъ⁴⁾. Шелъ онъ тихо, часто останавливался и, казалось, все внимательно наблюдалъ. Онъ дошелъ таѣимъ образомъ до ратуши и помѣстился по срединѣ улицы, высматривая, что происхо-

¹⁾ *Histoire abrégée de la Révolution*, par l'auteur du Règne de Louis XVI, t. I, liv. I, p. 32 et suiv.

²⁾ *Journal patriotique de Corse*, цитированный въ *Histoire parlementaire de Buchez et Roux*, t. VI, p. 181.

³⁾ *Contrat social*, liv. II, chap. X.

⁴⁾ *Rapport fait au comité des recherches de la municipalité de Paris, par Jean-Philippe Garran, un de ses membres*. Paris, 1790. Показаніе Антуана Реѣ, пачтаря.

и глубокой старецъ и женщина, супруга и любовникъ. А усыновленіе новорожденнаго общиной отъ имени Франціи; а отреченіе отъ религіозной ненависти у подножія креста, на которомъ умеръ Христосъ ради спасенія всѣхъ людей, даже самарянина, даже язычника, — вотъ черты, которыя встрѣчаешь въ протоколахъ и въ письмахъ въ Національное Собраніе почти на каждой страницѣ, выраженные то съ захватывающей глубиной чувства, то съ исполненной прелести простотой сердца.

Сколько деталей удивительныхъ, драгоценныхъ!... Но чтобы передать ихъ всѣ—для этого потребовалась бы цѣлая книга. Вотъ, напримѣръ, одна *grande dame*, г-жа де Муленъ, которая пишетъ жителямъ Мормана, близъ Нанжи: «Такъ какъ мой племянникъ, аристократъ, отказался отъ чести быть вашимъ полковникомъ, то я предлагаю себя въ командиры вашей національной гвардіи». Гвардія съ радостью приняла это предложеніе, и дама, гордясь такимъ почетомъ, велѣла накрыть въ аллеѣ своего замка столъ на пятьсотъ кувертовъ, за которымъ она сидѣла, украшенная трехцвѣтной кокардой¹⁾. Свѣтъ, конечно, очень измѣнился со временъ друидессы Велледы, но блескъ стали не пересталъ плѣнять дочерей Галліи.

Безполезно говорить, что самое радушное гостепріимство ожидало федератовъ повсюду, гдѣ они проходили. Въ городѣ Долѣ (*Dôle*) евреи просили какъ милости позволить имъ принять у себя полтораста земледѣльцевъ, и послѣдніе рассказывали потомъ объ ихъ щедрости²⁾. Въ Бонѣ (*Beaune*), когда шарольская милиція проходила черезъ этотъ городъ, направляясь въ Дижонъ, мэръ, выбѣжавъ на встрѣчу федератамъ, обратился къ нимъ съ такой рѣчью: «Господа, припомните, что когда Людовикъ XIV, проѣзжая здѣсь, похвалилъ вино, которымъ мы его угостили, мы отвѣтили, что у насъ есть вино гораздо лучше этихъ. — Вы, вѣрно, бережете ихъ для болѣе важнаго случая», возразилъ надменный деспотъ. Онъ былъ правъ; этотъ болѣе важный случай былъ для насъ, защитниковъ свободы, для нашихъ братьевъ и равныхъ намъ, для васъ, милостивые государи»³⁾. 13 іюня 1790 г. городъ Гавръ представлялъ чрезвы-

1) *Règne de Louis XVI*, t. IV, § X.

2) *Procès-verbal de ce qui s'est passé à l'assemblée générale des gardes nationales confédérées de Franche-Comté, d'Alsace et de Champagne tenue dans la ville de Dôle, le 21 fevrier 1790. Ubi supra.*

3) *Règne de Louis XVI*, t. IV, § X.

свободу хлѣбной торговли и взиманіе податей и налоговъ; быть соединенными со всѣми французами нерасторжимыми узами братства» ¹⁾),—Марать воскликнулъ: «Какъ! мы будемъ клятвенно обѣщать поддерживать безразлично всѣ ваши декреты? декретъ о *veto*? декретъ о *военномъ положеніи*? декретъ о *серебряной маркѣ*?» и, обращаясь къ предмѣстямъ, прибавилъ: «Чтобы заковывать васъ въ цѣпи, они забавляютъ васъ дѣтскими играми. Они вѣнчаютъ жертвы цвѣтами» ²⁾)... Эхъ! зачѣмъ завидовать этому народу, которому суждено такъ много страдать, что онъ будетъ имѣть нѣсколько минутъ, полныхъ героической прелести? Развѣ такъ часты въ исторіи націи дни, когда тысячи людей чувствуютъ себя добрыми и счастливыми? Ахъ! если все это должно быть только сновидѣніемъ, не потревожьте его! Придутъ, и очень скоро, часы гнѣва!

Какъ мы видѣли, служить театромъ для предстоящаго празднества было назначено Марсово поле. Для этого требовалось произвести тамъ значительныя работы на пространствѣ не менѣе трехсотъ тысячъ кв. футовъ. Нужно было съ каждой стороны этой обширной арены поднять землю въ видѣ откосовъ, могущихъ выдержать массы зрителей; нужно было рыть почву до большой глубины и переворачивать ее нѣсколько разъ; нужно было, согласно принятому плану, воздвигнуть между амфитеатромъ и рѣкой триумфальную арку, равную по размѣрамъ аркѣ у воротъ Сенъ-Дени; нужно было, наконецъ, построить, посреди Марсова поля, *алтарь Отечества*. Число рабочихъ, занятыхъ въ этомъ дѣлѣ, достигало пятнадцати тысячъ; но работа двигалась такъ медленно, что 7-го іюля было признано невозможнымъ окончить ее къ сроку, если не совершится какого-нибудь чуда,—и чудо совершилось. По простому письму, адресованному «Парижской Хроникѣ» однимъ національнымъ гвардейцемъ батальона Троицы, по имени Картери, который предлагалъ всѣмъ парижанамъ преобразиться въ рабочихъ ³⁾), весь городъ: мужчины, женщины, дѣти, старики, устремились къ Марсову полю, увлекаемые однимъ изъ тѣхъ непреодолимыхъ порывовъ, на которые способна только Франція. Вообразите себѣ триста тысячъ добровольныхъ работниковъ всякаго возраста,

¹⁾ *Confédération nationale*, p. 47—48.

²⁾ *L'Ami du Peuple*, № CLXVI.

³⁾ *Confédération nationale*, 43—45.